КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКЕ ТОВАРИСТВО

У ТРЬОХ ТОМАХ

НАУКОВА ДУМКА

КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКЕ ТОВАРИСТВО

ТОМ 3

УПОРЯДНИКИ
О. О. ФРАНКО (головний упорядник),
М. І. БУТИЧ, І. І. ГЛИЗЬ

НАУКОВІ РЕДАКТОРИ ТОМУ
Л. З. ГІСЦОВА, Г. Я. СЕРГІЄНКО

Примірник кафедри
історії України

КИЇВ 1990

АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНСЬКОЇ РСР

АРХЕОГРАФІЧНА КОМІСІЯ

ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ

ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ
ІСТОРИЧНИЙ АРХІВ у м. КИЄВІ

ДЖЕРЕЛА З ІСТОРІЇ
СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНОГО РУХУ
НА УКРАЇНІ
XIX — ПОЧАТКУ XX СТ.

ББК 63.3(2)47
К43

Третій том містить слідчі справи І. Я. Посяди, М. І. Савича, О. В. Марковича, М. О. Рігельмана, О. Д. Тулуба та інших, звинувачених у причетності до товариства, провокатора О. М. Петрова, документи про «слов'янофільство» і «українофільство» та журнал слідства.

Для істориків, філологів, літераторів, викладачів вищих та середніх навчальних закладів, широкої читацької аудиторії.

Третий том содержит следственные дела И. Я. Посяды, Н. И. Савича, А. В. Марковича, Н. А. Ригельмана, А. Д. Тулуба и других, обвиняемых в причастности к обществу, провокатора А. М. Петрова, документы о «славянофильстве» и «украинофильстве» и журнал следствия.

Для историков, филологов, литераторов, преподавателей высших и средних учебных заведений, широкой читательской аудитории.

Затверджено до друку вченою радою
Інституту історії АН УРСР

Редакція історичної літератури

Редактор *В. С. Трубенко*

К $\frac{0503020200-448}{М221(04)-90}$ 48-90

ISBN 5-12-001223-X
ISBN 5-12-001222-1 (Т.3)

ВІД УПОРЯДНИКІВ

У третьому томі видання «Кирило-Мефодіївське товариство» вміщено справи І. Я. Посяди (Пасяди), М. І. Савича, О. В. Марковича, М. О. Рігельмана, О. Д. Тулуба та інших звинувачених у причетності до таємного товариства, а також провокатора О. М. Петрова, документи про «слов'янофільство» й «українофільство» та журнал слідства, в якому подаються всі події в хронологічному порядку. Журнал регулярно подавався для ознайомлення цареві.

Слідчі документи в справі Кирило-Мефодіївського товариства зберігаються в Центральному державному архіві Жовтневої революції, вищих органів державної влади і органів державного управління СРСР у Москві (ф. 109, III відділення власної його імператорської величності канцелярії за 1847 р., I експедиція, справа 81, частини 1—19.

Справа «Об Украйно-Славянском обществе»). Частини I—IV ввійшли до першого тому видання, частини V—VIII до другого тому, частини IX—XIX до третього. Переважну більшість документальних публікацій становлять протоколи допитів, доповідні записки, офіційне листування, а також листв кирило-мефодіївців та інші документи, виявлені в них під час арештів.

Програмні положення кирило-мефодіївців викладені в «Книзі буття українського народу» та в «Статуті Слов'янського товариства св. Кирила і Мефодія» (т. I, ч. 2) та інших документах, в яких закликалось до повалення самодержавства, скасування панщини, об'єднання слов'янських народів у федерацію на республіканських засадах.

У документах третього тому про «слов'янофільство» та «українофільство» прослідковується відмінність ідей московських слов'янофілів від ідей кирило-мефодіївців. Московські слов'янофіли бажали об'єднати всі слов'янські землі під царським скіпетром, тоді як «братчики» ставили своїм завданням повалення самодержавства та встановлення демократичної республіки.

Документи та матеріали дають відомості про кожного члена товариства від дня його арешту (а листування братчиків ще й за більш ранній період) аж до зняття таємного нагляду.

В кожній частині документи публікуються в тому самому порядку, як вони сформувались в III відділенні.

Другорядні документи, що не стосуються Кирило-Мефодіївського товариства, переклади III відділення листів на російську мову, варіанти чорновиків листів, що майже тотожні, деякі документи, що опубліковані раніше і при тому не мають важливого значення, частина справи про нагляд в 50—60-і роки за Ф. В. Чижовим, який не належав до товариства, не публікуються в збірнику.

Всі документи друкуються мовою оригіналу і відтворюються за новою орфографією, однак фонетичні особливості зберігаються. Тексти іноземними мовами супроводжуються перекладами українською. Резолюції та помітки про одержання наводяться після основного тексту перед леген-

дою. За сучасним правописом подається пунктуація. Авторська пунктуація зберігається лише в поетичних творах.

Редакційні заголовки надані всім документам за винятком художніх творів.

Всі документи взяті з однієї жандармської справи, тому в легендах вказується тільки номер частини, аркуша, оригінальність чи копійність документа. На опубліковані документи вказана назва видання. Всі примітки винесені в кінець тому та розміщені за частинами. Нумерація приміток кожної частини окрема.

В томі вміщено іменний і географічний покажчики, хронологічний та перелік всіх заголовків документів та список скорочень.

ЧАСТИНА ДЕВ'ЯТА

СПРАВА

І. Я. ПОСЯДИ

№ 1

1847 р. квітня 12 — СУПРОВІДНА ЗАПИСКА Д. Г. БІБІКОВА[1]
ДО ПРОТОКОЛУ ДОПИТУ І. Я. ПАСЯДИ,
НАДІСЛАНОГО О. Ф. ОРЛОВУ

Весьма секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову[2]

12 апреля 1847 г., № 1233, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Поспешаю представить к вашему сиятельству полученные мною от киевского государственного губернатора подлинные вопросные пункты и показания[3] по оным студентов Тулуба[4] и Посяденко[5], а также некоторые более замечательные бумаги, отысканные у Посяденко.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и неограниченной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 12 апреля 1847 г.

Ч. IX, арк. 1. Оригінал.

№ 2

1847 р. березня 31 — ПРОТОКОЛ ДОПИТУ
І. Я. ПАСЯДИ У КИЄВІ

Вопросные пункты, данные студенту
университета св. Владимира Ивану Посяде.

Марта 31 дня 1847 г.

1. Знакомы ли Вы с чиновником Николаем Гулаком[6]*, учителем Пантелеймоном Кулишом*[7]*, помещиком Полтавской губ. Гадячского уезда Николаем Савичем*[8] *и бывшим студентом Навроцким*[9] *и с какого времени с каждым из них?*

Я знаком с чиновником Николаем Гулаком с прошлого года перед вакациями или после вакаций — этого хорошо не помню, с Навроцким — с гимназии, 5 или 6 лет назад тому, с учителем Пант[елеймоном] Кулишом и помещиком Савичем я не знаком.

Студ[ент] Пасяда

2. Где именно Вы познакомились с Гулаком?

Навроцкий жил с Гулаком на одной квартире, и я через него несколько познакомился с Гулаком.

Ив. Пасяда

3. С кем из них Вы были в особенно близких сношениях?

В особенных сношениях я не был ни с тем, ни другим; когда они жили на улице Кадетской я, может был, в месяц раз, а иногда и в течение двух месяцев ни разу не был.

Ив. Пасяда

4. Не случалось ли Вам встречаться с ними где-либо в знакомых домах, а если случалось, то у кого именно?

В продолжение 4 лет я ни в одном доме в Киеве и сам не был и тем более их не встречал.

Ив. Пасида

5. Когда Вы бывали у Гулака и Навроцкого, не встречались ли у них с кем-либо?

Так как я уже скоро два полугодия в больнице, а именно в течение последних чисел августа, сентябрь и октябрь я находился в больнице казеннокоштных студент[ов]; после, когда увидел, что мало мне помогает сидение в ней, то я, по совету доктора, на месяц вышел, принимая лекарства, и редко выходил с университета, наконец я почти с [первых] чисел декабря начал приступать к лечению по системе Присница и тоже редко выходил, как по причине ужаснейшей боли в глазах, голове и других членах организма, и потому я очень давно с ним виделся, и если прежде когда и виделся, то, сколько помнится, никого у них не встречал.

Ив. Пасяда

6. Объясните подробно, о каких преимущественно предметах бывали у Вас с ними или при Вас у них между собою разговоры и суждения? И в каком духе и направлении?

Когда я бывал у Гулака, то разговор наш особенного характера не имел; Навроцкий в то время занимался преимущественно немецк[им] языком, и я заставал его над переводами с Гете, от Гете разговор переходил к Толлеру [10] и иногда к русским поэтам: Державину и Пушкину, по большей же части разговор был с Навроцким об экзаменах. Гулак занимался в то время чешским или сербским языком (читал мне что-то с этого языка) и упрекал меня в том, что я не занимаюсь славянскими языками.

Ив. Пасяда

7. Не были ли Вы с кем из них или не состоите ли теперь в переписке?

Нет.

Ив. Пасяда

8. Некоторые из взятых у Вас бумаг обращают на себя внимание по имеющимся в них выражениях, потому объясните: что означает написанное в № 1? [11]

В № 1 я несколько написал заметок на счет крестьянского быта, когда проезжал некоторые уезды Полтавской губ. В этом я обратился, естественно, к государю.

Ив. Пасяда

9. Какая же была к тому у Вас побудительная причина?

Причина та, что, проезжая, я видел бедное их положение и угнетение помещиками и местным управлением.

Ив. Пасяда

10. К чему относится и какой смысл заключает в себе бумага № 2? [12]

В № 2 заключается отрывок о том времени, когда в летописях говорится о соединении Литвы и южной Руси с Польшею [13]. Я имел мысль написать об этом несчастном времени маленькую повесть (или рассказ).

Ив. Пасяда

11. Чьи стихотворения заключаются в тетради № 3, Вам посвященные?

Стихотворения Андрузского, здешнего студента.

Ив. Пасяда

12. К кому и с какой целию написано письмо № 4? [14]

№ 4 есть начерно письмо, когда-то предполагал адресовать на имя какого-нибудь министра.

Ив. Пасяда

13. К кому было писано письмо № 5? [15]. *О каком обществе в нем говорится и кто именно те 15 человек, которые вошли в состав его?*

№ 5 было письмо к Боровиковскому, учителю Полтавской гимназии о том, как бы приступить к напечатанию малороссийского словаря и грамматики и как печатание затруднительно, то я сообщил ему предположение, как бы это лучше сделать. Что же касается до 15 человек, то по-видимому желающих внести деньги, то это было написано без всякого основания, как часто бывает в письмах, тем более, это предполож[ение], что я просил совета у него об этом, а не говорю, что оно есть, а только могло быть.

Ив. Пасяда

14. В настоящее время что же последовало с Вашим предположением? Отвечал ли Вам что-нибудь Боровиковский? И кому Вами об этом было сообщено в Киеве; ибо не может быть, чтобы Вы никому здесь о том не говорили.

Как это предположение принято, т. е. в самом ли деле оно существует, я наверно этого не знаю; Боровиковский мне на это письмо ничего не отвечал; что же касается до того, чье это предположение, то на это трудно дать прямой ответ, ибо всякий видел невозможность печатать что-нибудь самому.

Ив. Пасяда

15. Вы уклонились от вопроса Вам данного. Отвечайте на следующее: кому Вы сообщали в Киеве о предположении вышеупомянутом?

Об этом говорили многие, кажется, что в первый раз об этом рассуждал с Гулаком, после что из этого вышло, я ничего не знаю.

Ив. Пасяда

16. Что сделано Вами по поручению бывшего студента Василия Чарныша, в письме его к Вам (№ 6), где он просит Вас передать его просьбу Навроцкому о доставлении ему стихов Шевченко[16]*: «К землякам»*[17]*, «Сон» и «Кавказ»?*[18]

На просьбу бывшего студента Чарныша я ему отвечал, что не был тогда у Навроцкого и поэтому не имел случая вспоминать о том, чего Чарныш просит у него.

Ив. Пасяда

17. Известны ли Вам эти стихи Шевченко?

О стихах Шевченки я могу сказать то, что они мне только теперь стали известны по слуху, но я их сам не видел и не только не читал этих, но и печатных.

Ив. Пасяда

18. Что значит слово теперь? Объяснитесь определительнее.

О том именно, какого дня я слыхал об них, этого я сказать не могу, но, сколько помнится, я слыхал о них после нового года (1847), а в особенности в марте, когда везде стали говорить об этом.

Ив. Пасяда

19. Вы говорите: когда везде стали говорить об этом. Где же именно и от кого Вы слышали о том?

Я слыхал об них в Университете от студента Тулуба, который говорил, что эти стихи преследует полиция, скоро их будет разыскивать, помнится, на страстной неделе.

Ив. Пасяда

Допрашивали:

Гражданский губернатор Фундуклей
За попечителя киевского учебного округа М. Юзефович
Полковник Белоусов

Ч. IX, арк. 2, 3 Автограф.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка (1814—1914).— К., 1915.— С. 119—122.

№ 3

1846 [?].— ЗАПИСКА І. Я. ПАСЯДИ
ПРО ТЯЖКЕ СТАНОВИЩЕ УКРАЇНИ

Дополнение № 2

Треба людей питати, прохати [19] — мабуть, мені не минеться до Польщі пристати. О коли б нам іще гірше не було, коли б ми іще глибше [20] не загрузли — що тоді будемо робити.

Но на одного бога надія — що він хоче, те і нехай робе із нами — як будемо ми до його, то і він[21] не забуде, а як же одвернемся од його, тоді всі пропали.

То діти теє зачували — до неньки[22] щирими словами промовляли:

— Ненько наша, ненько, що буде, то буде, а (вона) пристанемо до тітки, будем і її поваж[ати] і за неї, як і за тебе, козацьку кров проливати — аби нам оцих недовірків спровадити, а там — як вона до тебе, так і ми до неї. Ітак прист[анем], соед[инимся] і спокойств[ие] пот[ом] снова бор[отися] [...][23]

Ч. X, арк. 4. Автограф [24].

№ 4

1846 р. [?].— ЛИСТ І. Я. ПАСЯДИ, АДРЕСОВАНИЙ ЦАРЕВІ,
З ВИКРИТТЯМ КРІПАЦТВА І ВИЗИСКУ СЕЛЯН ПОМІЩИКАМИ

d'UKRAINE [25].

1. Пишу я не для того, чтобы раздражать твое сердце, но для того, чтобы успокоить его; ибо кто скажет, что в твоем царстве живут[26] только те, кои толь[ко] подрыв[ают] его в сам[ом][27] корне, кто скажет, что[28] в земле рус[ской] одни убийцы, одни грабители, кто осмел[ится] выразить, что нет в нем людей плам[енно] люб[ящих] свое отечество[29], людей с уж[асом] отвер[гающих] к[30] [...] ка[тов] земли русской.

2. Не странно ли, что народ, живя на такой благод[атной] земле, какова[31] Украйна, не наслажд[ается] почти никакими ее благами, почти не знает их? Знач[ит] ли это пользов[аться] дар[ами], кои дост[авляет] ему сама природа, когда[32] все[33] выр[ывается] из рук кр[естьянина] наглыми помещиками даже в то самое вр[емя], когда тот с жадн[остью] хот[ел] вкус[ить] их; зна[чит] ли — когда бедн[ый] посел[янин][34] в 10 р[аз] отплатит мним[ые] обиды, лишь бы избеж[ать] вздоров окружного знач[ит] ли, когда вся[кая] жизнь здеш[него] доброго жителя[35], кроме жида или другого, отравл[ена] ядом[36] мучительным, продолж[ительным].

3. Здесь в царстве тьмы нужен слиш[ком] ярк[ий] свет[ильник], чтобы скол[ько]-ниб[удь] б[ыло] видно в нем, иначе он сам сов[ершенно] потухнет.

Послушн[ый] царя небесного, не есть осл[ушник] царя земного, ибо земн[ое] сооб[разуется] с небесным. Вронч[енко] палата Т Мучевств[37].

Ч. IX, арк. 4. д. Автограф.

№ 5

1846 р. [?].— ПЕРШИЙ ВАРІАНТ ЛИСТА І. Я. ПАСЯДИ ДО НЕВІДОМОЇ ОСОБИ (МОЖЛИВО, МІНІСТРА ФІНАНСІВ Ф. П. ВРОНЧЕНКА) ПРО ТЯЖКЕ ЖИТТЯ УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ

[38] Довольно странно, может быть, покажется Вам, в[аше] прев[осходительство], получить письмо от того, кого Вы и знать не знаете и ведать не ведаете и притом письмо[39] простое, убогое, как сам автор, письмо, не заключающее в себе ничего важного, тем б[олее] еще для Вас. Да и какая цель[40] моя писать и беспокоить тех[41], кои призваны свыше быть[42], устроять[43] благос[остояние][44] народа, что за желание[45] отнимать время у тех, коим одна минута м[ожет] дороже нашей целой жизни? На то автор прямо отве[тить] не может[46], он скажет только, что личной цели[47] вовсе не имеет, а невольно изливает пред Вами то, что у него лежит прямо на сердце, что наполн[яет] теперь его душу и что, если только можно так выраз[иться], разлито вм[есте] с кр[овью] по в[сем] суст[авам] его орган[из]ма. Вы[48], ваше превосходит[ельство], слыхали когда-н[ибудь] такую песню: «Летів орел понад морем та й став голосити, ой як тяжко, ой як важко, тай на сім світі жити». Орел, летающ[ий] понад морем, и что это за море, и чего именно он лет[ает] понад морем, объяснить, мне каж[ется], нетрудно. Орел — народный гений, море[49] — клокоч[ущая] св[ободная] безгр[аничная] высь, его подн[явшая], ибо он не может[50], ему не вольно [излить] своих чувств внутри, ему нужно подн[яться] выше, и там уже он вольно м[ожет][51] [излить их]. Ибо куда ни пойдешь, куда ни посмотришь, везде плач, везде[52] тяжкий, как бы предсмертный вздох, везде вид[ятся] опас[ности] жизни, слышишь, да и сам скажешь: душа невольно скажет, душа только скажет[53]: «Ой як тяжко, ой як важко, та й на сім світі жити». Мысль эта есть единственное утешение или, лучше сказать, — безутешность, ибо пок[азывает], что и прежде было не слишком «жити на світі», а как буд[ущее] вытек[ает] частью из прошедшего, частью из настоящего — то и надежды даже нет на лучшее[54]. О, пусть этого не буд[ет]![55] Две ужасные крайности теперь в Украйне: малодушие и отчаяние[56]. Переносил казак все великодушно, когда[57] его еще[58] живила надежда, когда и это послед[нее][59] облегчение в скорбях наших на каждом шагу изм[еняет] ему, тогда поколеб[ался] самый сильн[ый] или, теряясь весь, впад[ал] в отчаяние или малодушие, или другую ужасную крайность, в душе[60], еще хуже в отч[изне][61], а они уж челов[ека][62] заметно [ведут] к погибели.

Не в состоянии[63] вынести того, что прев[ращает] силы, или он идет прямо к Отч[изне] или Мал[оросии], а они уже сопров[ождают] к явн[ой] гибели. Плачь, Украйно, плачь, и твои слезы да бут[ут] твоим утешением, когда же ты утрешь свои слезы, когда ты уймешь свои вздохи?[64] то «бог святий знає, що він думає, гадає[65], а що в[ін] дум[ає] г[адає], того із нас ніхто не знає». Из веры нам нетруд[но] впасть в безверие, необх[одимость] зас[тавляет] удост[овериться]. [Если бы] вера упр[авляла] теми, кои нами уп[равляют], то они не делали бы так.

Да, ваше превосходительство, одна вера во всем[огущего], глубоко проникнув в сердце малоросса, всегда удерживала[66] малор[осса] от всякого ропота: она все[ляет] пред[анность] свою в волю божию и в себе самом наход[ит] причину своих страданий и бедствий: «То все за грехи наши[67], гр[еши]ли наши предки». Но может ли все это так продолжаться?[68] В состоянии ли мы согласить это с иде[е]ю благости и промысла[69] [Кто скажет], что всемогущий сам хочет гибели своего творения и не одного, а тысяч, миллионов тогда, когда ты им[еешь] право его уничто[жить][70]. Не ты ли к ч[еловечест]ву,

к нему показал свою любовь [к] человечеств[у] в лице св[оего] сына[71], не ты ли в лице его завещ[ал] всем[72] последо[вателям] мир и спокойствие, не ты ли возвест[ил] [и] по мере[73] любви узнавал[74] истинно верующих в тебя. Не ты ли предсказал оскуд[ение] ее в человечестве, а след[ствием] ее оскуд[ения][75] страшные войны, убийства, но ты один всевед[ущий][76], у тебя судьбы царств и народов особое отношение к другим. Неуж[ели] мы жив[ем] у те[б]я для того, чтобы б[ыть] огр[абленным] [из-за] произвола людей низк[их], недост[ойных], ужели мы сам[и] отверж[ены] тобою, ужели ты нас предал в руки Пилату и Каиафы, о, это б[ыло] счастье для нас — если бы Пилаты р[...] причина наших бедств[ий], то отчего же нам сам[им] и не отр[азить] их. Настанет время[77], когда сознаем, что многие бедств[ия] происх[ходят] от произв[ола][78] человеческого, низме[нного] користолю[бия] и этот то б[удет], в[озможно], нар[одный] порядок нравст[венным] м[...]р[...] тесн[ят] нас, они мучат нашу душу, но, с др[угой] стор[оны], так[ого] рода бедст[вия], если вер[ить], мы же в сост[оянии] откл[онить] такого рода бедствия, ибо[79] каждому дано, не только народ[ам], [право] для напад[ения], сколько для защищения. Старшие и младшие братья одни д[олж]ны неп[ременно] доб[иваться] друг[ого] и сил[ой] возв[ысятся], когда сознают все это низм[енное] ни·степень тую, в к[ото]рой они[80] тогда увид[ят], где главная причина наш[их] бедств[ий], где тот ад, к[оторый] разверз[ли][81] для того, что напол[нить] их толпами[82], отд[анных] в его[83] покровительство [под] предлог[ом][84] помощи. Узнав сие, мы снова скаж[ем] мысль общечеловеческую, что зло не [должно] выход[ить][85] за пределы нашей планеты, оно д[олжно] кончит[ься] там, где соверше[но], ибо зла в небе нет[86], там, где оно совершилось, должен знать человек[87]. Но что ты хоч[ешь] этим[88] сказать, душа моя, чего ты[89] треб[уешь] от меня, куда несешься ты слабой мыслью своею? Буд[ущее][90], где ты можешь ожид[ать] отр[ады], скрыт[о], удал[ено] от тебя, оно[91] недосягаемо твоим[92] сердцем.

Оставь это буду[щее] в волю всевышн[его][93]. Всматрив[аясь] поглуб[же] [в] настоящ[ее][94] и всмотревшись, скажите, что это[95], зачем[96]. Ты г[овори]шь, что в стране твоей везде малодушие и отчаяние? Ибо вы сами знаете, что вскоре м[ожет] б[ыть] переко[нают] малоросса — иногда одно доброе слово заст[авляет] его заб[ыть] все убийства, ибо[97] этот народ публично не объяв[ил] своего горя, оно глубоко запад[ает] в его душу — и часть своего в могилу, а м[ожет] б[ыть], редко зн[ает], какая стрела смерть поразила; народ сей забывает свои обиды, особ[енно], когда даже самый убийца скаже[т] ему ласковое слово и, зная его х[арактер], нетрудно объя[с]нить причину[98] того крика, о коем все крич[ат], но они кричат только, но в крик[ах] их совер[шенно][99] нет толку[100]. Этот кат — на[си]льство[101]. Хот[ят] т[акой] народ[102] сд[елать] какою-то часто меха[ническою], совер[шенно] бессмысл[енною] машиною, хотят, чтобы он отказ[ался] от всего лучшего.

Бед[ность] ужасная в стране нашей, хотя по-видимому нет этого. Все теперь прикрыто, все под маскою — но как ошибаются, когда думают, что не видно того, что скрывается под нею[103]. Теперь везде[104] звучат слова обр[азованных], просв[ещенных] — благод[аря] праву[105] гуманизм[а], но все это существует только на словах — на деле[106] ничего не видно, кроме од[ного] — нищеты. И если где-то это так заметно, что[107] среди нас все это так явно[108], стоит только втереть глаза, обр[атить] сам[им] недал[еко] взоры, и вам, как удив[ленье], представятся ужасн[ые] невынос[имые] картины: тут[109] мать лишается[110] последнего сына, един[ственную] надежду и подпору ее старости, сына, бог знает по какому праву, взятого в солдаты; тут 65[летний] стар[ик] (какого, впрочем, мало теперь достигают)[111], вместо отдыха от дел и тяжких трудов, дожив[ает] посл[едних] дней в какой-то черной[112], терп[я] ужасн[ое] [113] бесст[ыдное] поругание, а иногда и оплеухи обр[азованного] окружного, если только стар[ик] осмелится[114] выр[азить]

слово[115]; тот, кто им[еет] 8, 9 детей, сбывает послед[нюю] худобу, чтобы заплатить[116] непо[мерную] подать[117].

Выезжайте в селение, и Вы ув[идите] (чего прежде не бывало)[118] десятки, сотни нищих, или, лучше сказать[119], селян, кроме, мож[ет] б[ыть], сотого из них.

Они[120] целое сел[ение], колисая их, прод[авали], и надежда на лучшее давно уже оставила[121], они [простирают] к Вам свои жадные руки, в глазах их прошение, они им[еют] душу изможденную, убитую. Спа[саясь], просят от Вас милостыню[122]. В глазах, когда вы вспросите их, услышите общий голос: «Що ми будем робити, колись було не так, який тепер світ настав». Кто у нас есть наш защитник? Где он?

Бедная страна! Что хот[ят] сделать с тобою, скажи, кто друг у тебя, живет ли у тебя солдат, он полный [...][123] Но не ушел.

Что же касается до крестьянства, то и г[ово]р[ить] нечего, и идеал его составл[яет] им[ение] Голицина (или Катеринова в Пирятине) Полтав[ской] губ. в Пер[еяславском] уезде (в сел[ении] Тамань). Тут полож[ение][124] людей превышает всякое вероятие. Тут не видно ничего ч[еловечес]кого. Но у тебя есть окруж[ные], управ[ляющие][125]. Да, м[ожет] они есть у меня окр[ужные] и упр[авляющие], но они те же уб[ийцы] и разб[ойники], те же грабители, те же предатели, они-то лиш[ают] тебя посл[еднего] куска хлеба[126].

Проезжая с тов[арищами] во время н[аших] в [сентябре] каникул, я увидел (было воскр[есенье]) неск[олько] привид[ений][127], на лице их исчезли все признаки жизни[128]. Попросив своих товар[ищей] останов[иться], я невольно вспросил, зачем они собрались, ибо дов[ольно] странно пок[азалось] вид[еть] их в таком расстройстве[129]. Товар[ищ] уве[рял] меня, что они пьяны, но нисколько хмель не видно б[ыло] в сих глубоких душах.

Первый вопр[ос] мой не произв[ел][130] на них ни м[алейшего] действия. Когда же я сказал: «Хмельны, дядьки»[131], — они подня[л]и свои казацкие головы, в глазах их[132] за[сверкали], как[133] талад, искры жизни, блед[ные] истощ[енные] лица, выр[ажающие] какое-то[134] глубокое страдание и вместе минутное довольство. После долгих распросов, один из них[135] средних лет, у к[оторо]го кровь[136] еще не совсем остыла[137], поблагодарил меня за приятное слово, потом показал мне свои жилища[138], жилища сии не похожи на жилища людей[139], ибо не было ни одной хаты, к[ото]рая бы б[ыла] б[ы] покр[ыта], не развалена — не г[ово]р[ю] уже, что ни одна из них не[140] им[ела] ни двора, ни кола, б[ыл] т[олько] дым из ок[он][141] и только редко, редко я видел, может, коп 5 или 6 ржаного хлеба[142]. На дал[ьнейшее] воп[росы] он сказал мне, что[143] рассказыв[ать] все Вам, знач[ит] увел[ичивать] свое горе. «Где же пан Ваш?» — «Бог его знає, либонь в Петерхбурсі, под им[енем] Све[нского]», а упр[авитель] поляк[144]. Тому Катериново... Бог с ними.

Бедная страна[145], тебя[146] оставили все твои[147] сыны и питомцы, сколько-нибудь тебе изменили почти все люди порядочные, могущие[148] облег[чить] твою[149] участь. Одни потому, что счит[ают] себя бессильными отвр[атить] от тебя те мучения, к[ото]рые в виде ужасного, грозного облака носятся над тобою; друг[ие], испив горькую чашу[150], сами[151] далеко уход[ят] от тебя, неся в душе ужасную мысль, никогда не вид[еть] тебя; третьи по своему малодушию совершенно тебе изменили[152], переменившись в о[бществе], как когда-то в[153]; другие, где сила воли еще не упала, не знают, что делать — куда пристать. Но кто скажет, чтобы не было и тех, кои всегда готовы помочь тебе, люб[имая] страна моя. Есть[154] и такие, кои готовы положить за тебя самую жизнь свою, ибо они знают, что жизнь наша не прекр[ащается] здесь, а только начин[ается]. Есть и те, кои с высоты св[оего] вел[ичия] взир[ают] на тебя, с вел[ичием] сост[радают] и при кажд[ом] уд[обном] случае рады[155] док[азать] свое расположение. Вот каково состояние старш[их]

братьев. Что же дел[ают] меньш[ие] братья? Они остав[лены] старшими, преданы на жертву самим себе; о, что м[ожет] б[ыть] муч[ительнее] сего состояния[!][156] Лишившись всякого света, они, как овцы без пастырей, расход[ятся] во все стороны и никак не попадают, да и попасть не могут на такую паству, на какую привел бы добр[ый] и опытный пастух.

И как рассеянные овцы редко сход[ятся] в одно место, так и люди, не им[ея] никакого руков[одства][157], не приход[ят], да и прийти не могут в согласие, единодушие: один дел[ается] другому врагом, один тес[нит] и дав[ит] другого, полаг[ая] в нем прич[ину] св[оих] бедствий, и только редко, редко как козы среди степи вдруг встреч[аются]. Вы же только согласитесь, куда не прон[икает] еще сильно тьма господ управляющ[их], и как путеш[ественнику] приятно отдох[нуть] и освеж[иться] водою среди степей без[п]лод[ных], так приятно остановить внимание иному пут[нику] на сих духовн[ых] оазисах, где можете освежить и подкр[епить] вашу душу. Эти места станов[ятся] какими-то идеал[ьными] в жизни. О, если бы[158] позвол[ено] было выск[азать] хотя в кратких словах, в част[ности], из того, что беспр[ерывно] встр[ечаешь] в нашей губернив да едва ли луч[ше] и в другой, зная положение ч[ело]в[ечеств]а[159], то слова мои превз[ойдут] всякое вероятие, но[160] до сего челов[ек] [с]низойти не может, до сего низ[кого][161] увл[екают] иногда приверж[енцы] и разные другие вы[соко]по[ставленные], что он не сов[етует] убив[ать] друг[ого] изменившего не л[учше] уходить [к] другим. Сюда прие[зжают] все так назыв[аемые] окруж[ные] и управ[ляющие]. Мысль ост[ановится] при имени этих людей. И Арандаренко[162] со свими окруж[ными], окруживших, предст[авят], если[163] уже таких вести на суд, Арандар[енко] с быв[шим] окр[ужным] Лубенс[ким] Лосьев[ым]. Долго б[удут] пред[ания][164], воспом[инания] народа, ибо немало козац[ких] голов насильно ушли на той світ[165], ибо никогда наша страна при всех суд[ах] обр[....] не дох[одила] до таких нравств[енных] переж[иваний], в к[ото]рый прив[ели] ее, ее слух, ее души. Кажет[ся], в России не дел[ается] того, что дел[ает] Лисьев... в Луб[енском] уезде[166].

О мати моя, де ж твої рідні діти, де[167] Налив[айки], Хм[ельницькі], де Полуботки[168] подівались — де твої защитники? Но не дум[ай][169] чув[ствовать] себе с кристально чистою на св[іті] сов[істю] — ты не теряй надежды[170], молись сильнее, и [с]вед[и] руки св[ятые] к небу, и оно даст тебе помощь и защиту. Оно внуш[ит] тебе мысль, как изб[авиться] от[171] твоих врагов[172], врагов бесчисл[енных], высас[ывающих] из [тебя][173] посл[едние] соки жизни[174]. Тебе посылано нового просв[етителя], нового Сковороду, и [он] наст[ановит], приготовит тебя к лучшей и спокойной жизни[175].

Вашего высо[ко]прев[осходительства] все[по]кор[ный] слуга студент

П[ася]да

Ч. IX, арк. 4, 4и 4и зв., 4к, 4к. зв. Чернетка.

№ 6

1846 [?].— ДРУГИЙ ВАРІАНТ
ЛИСТА І. Я. ПАСЯДИ ДО НЕВІДОМОЇ ОСОБИ
(МОЖЛИВО, МІНІСТРА ФІНАНСІВ Ф. П. ВРОНЧЕНКА)
ПРО ТЯЖКЕ ЖИТТЯ УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ

Довольно[176] странно, может быть, покажется Вам, получив письмо[177] от того, кого[178] и знать не знаете, и притом письмо простое, убогое, не заключающее в себе ничего важного, особенно еще для Вас. Да и какая цель была сам[ого] автора писать и беспокоить[179] того, у коих одна минута м[ожет] и дороже нашей жизни, которые призваны свыше быть руководителями миллион[ов] и устроять благосостояние целого государства? На это авт[ор]

прямо отв[ечать] не будет, а только скажет[180], ибо личной цели автор вовсе не имеет, а невольно изливает пред Вами то, что у него лежит прямо на сердце, что, так сказать[181], что наполняет теперь его душу[182] и что разлито вместе с кровью по всем составам его организма. Слыхали ли Вы, в[аше] прев[осходительство], когда-нибудь, в[аше] превосход[ительство], такую песню[183]: Il faut regarder quel [était][184] [...][Д185]. Если слова эти может иногда частный человек приложит к своей жизни, то всегда и вполне можно отнести их к общему быту наших соотечественников, я разумею здесь ближайших, яснее — малороссов: ибо куда ни пойдешь, куда ни посмотришь, везде плач, везде[186] смерт[ельный] вздох. Невольно скажешь: «Ой як тяжко, ой як важко на сім світі жити». Мысль эта — единственное утешение или лучше — безутешность, ибо показывает, что прежде было[187] «нелегко жити на світі», и как будущее вытекает часто [из] прошед[шего], а часто из настоящего, то и надежды даже нет[188] на лучшее. О, пусть этого не будет! Две ужасные крайности теперь в Украйне[189]: малодушие и отчаяние. Малодушие есть у нас следствие великодушия: переносил казак все великодушно, когда ему еще светила надежда на лучше[е], но когда[190] и это последнее утешение в скорбях наших[191] на к[аждом] шагу измен[яет] ему, тогда самый сильный [впадал] в отчаяние или малодушие[192]. Плачь, Украйно, плачь, твои слезы да будут твоим утешением, когда же[193] ты [у]трешь свои слезы, когда ты уймешь вздохи?

«Бог святий знає, що він думає, гадає, и сего ніхто із нас грішних не знає».

Невозм[ожно], чтобы бог допустил столько [слез]. Одна вера в всемогущего, глубоко проникнув в сердце малоросса,— всегда удерживала от всякого ропота, он все предав[ал] в волю божию, а в себе самом находил причину[194] своих страданий и бедствий, «то все за гріхи наші»,— казали. Но может ли все так продолж[аться]? Можем ли согл[аситься] мы с сим все это в идею благости и при мысли, кто скажет, чтобы[195]...

Влас[титель] сам хот[ел][196] гибели миллионов его прекрасного[197] народа. Неужели мы[198] отвергнуты им?[199]

Если мысль отозвется в душах многих[200], тогда будет что-нибудь другое[201]. Будет время, когда узнаем[202] то, что непосред[ственно] от Пром[ысла] и что от нас сам[их], особ[енно][203] от[204] произвола ч[елове]ка, от его своб[одной] воли, особ[енно] если видим здесь отн[ошение] наше с другими, что зло совер[шается] людьми, оно же д[олж]но ими же и очиститься.

Бедствия ужасные в стране нашей[205]. Но что прич[иняет] особ[енно], напр[имер][206], одного воор[уженного] против безоружного для того, чтобы сд[елать] нас рабами. Мать лишается единств[енного] сына[207], всю надежду и подпору своей старости, сына нагло[208], бог знать по к[акому] праву отдают в солдаты. Здесь вы увидите[209] селянина, к[ото]рый уже сбывает послед[нюю] свою худобу, чтобы как[им]-л[ибо] обр[азом] сдать подать[210].

Если случ[ится] пройти мимо какой-нибудь деревни, вы увид[ите] сотни нищих[211], к[ото]рых надежда на лучшее давно уже оставила, к[ото]рые[212] стыдились руки при виде прохожего, но жаждут доброго слова вашего: «Що ж ми буд[ем] робити; колись було не так; який тепер світ настав». Вот и были от[веты] на ваши вопросы.

Бедная страна! Тебя оставили все люди порядочные, могущие утеш[ить] тебя[213], потому что счит[ают] себя безсил[ьными] отвр[атить] от тебя твои мучения, другие по своему малодушию уже совер[шенно] тебя изменили, они успели день переверн[уть] на ад, подобно как когда-то [...] нискчй. Это ужасн[ые] твои притеснители и грабит[ели][214], третьи, где сила воли еще крепка и[...][215] в душе иных не погиб[ла] еще любовь[216] [к] тебе[217], буд[ут] захв[атывать] прав[ление] в св[ои] руки, сами не зн[ая], что делать. Но кто скажет здесь, что нет и тех, кои пролив[али] слезы и прол[ивали] века, прив[ивают] всему све[ту] мир, они [же] всегда готовы положить за тебя жизнь

свою и[218], ибо они знают, что жизнь эта не прекр[ащается] здесь, а только еще начинается[219]. Вот собственно каково сост[ояние] стар[ших] братьев. Что же дел[ают] меньшие братья? Тех, о [коих][220] сам сп[а]с[итель] на смерть теми, к[ото]р[ые] м[огут] под[нять][221], [обратите] еще взоры и вы увид[ите] 65-стол[етних] стар[иков], как[их], воз[можно], уже мало, сид[ят] в тем[ной] коморе или терп[ят] оплеухи преумного обр[азованного] ч[еловека] окружного[222]. Не идите далее, душе вашей и грустно, и больно, и тяжело — вы ничего доброго не увид[ите], кроме повсем[естного] насилов[ания] [и] ограбл[ения]. Казна — граб[ит], солдат — граб[ит], пан — граб[ит], управ[ляющий] — граб[ит], окружн[ой] с сво[ими] храб[рецами].

Кто же даст тебе, мой нар[од] любезный, кто прот[янет] к тебе щедрую руку помощи и защиты, на кого ты надеешься? Да, есть у ч[елове]ка один защ[итник]. Только он простир[ает] тебе св[ою] десницу, он нау[чи]т[223], внуш[ит] тебе мысль, как осв[ободиться] от этих уж[асных] врагов твоих, врагов без[на]казанных. В сем един[ственно] сост[оит] их д[олжнос]ть — это то есть звание, на к[ото]рое они призваны, кто так наз[начает] благосост[ояние][224] твое — народ. Все жив[ут] на твой счет, все граб[ят], но кто же даст тебе.

Когда идет солдат-граб[итель], несут бедн[ые], жалов[аться] не мож[но]; царь граб[ит], управ[ляющий] граб[ит][225], окружной с своими помощн[иками] граб[ят] крестьян, где же бедному мужику[226] взять[...][227] неизв[естно] столько — у него уже ничего нет.

«О солдаты — (настоят до[228]) (пор[ы]), пока[229] не сознают самих себя и не отл[ичат] себя хорош[о] от друг[их]».

[230]Что кас[ается] до крестьянства, то об них, исключая немногих, издавна слав[ившихся] своим благор[одством], но так наз[ываемый] Катеринков[231] и им подобные сами живут в дер[евне], и те, где наместо пом[ещиков] жив[ут] управ[ляющие] — немцы или поляки,— прощай ч[еловечест]во, я не вижу тебя! Мне жаль тебя, я вместо людей вижу какие-то[232] страшные привидения, нося[щие] на сво[ем] теле тряпки и кото[рые] не только[233], разница име[ется] та, что прив[идения] яв[ляются] и пуг[ают] вас ночью, а они днем. Увидев их, вы не встрет[итесь] — они не поймут вас, они не отв[етят] вам — особливо, если зам[етят], что вы как-ниб[удь] одеты на манер военный или какой-ниб[удь] панский[234]. Но м[ожет] быть никогда ч[еловечество] не доход[ило] до такого униж[ения], в каком оно в им[перии]. Коль я только вам покажу, что это мертв[ый][235], вырв[авшийся] из [вра]жской неволи Голицына т[ак] наз[ываемом] поселении Великий Тамань Переясл[авского] уезда, там ув[идите], что[236] нет ни одной хаты крест[янской], в коей бы мог жить ч[ел]о[ве]к — они напоминают нам берлоги.

Отчего пьянство, что же это знач[ит], зачем казак последнюю копейку несет в тр[а]кт[ир]?

Неужели все они род[ились] так[ими] пьяниц[ами в] пасх[альный] м[есяц], мож[ет] втрое по слав[янски] пьяный народ грабится. Когда видит стар[ик], что у него уже нет ничего, прият[ного] в жизни, когда видит, что у него был один сын, к[отор]ый мог б[ы] его при[смотреть] в старости, что и сей послед[ний] идет в солдаты; когда видит молодой казак, что его лиш[ают] всего, что он род[ился] на свет, чтобы быть вечно [бритым], а не жить дома, смотр[еть] за дом[ом], когда ви[дит], что его нас[ильно] бог знает для какой цели отд[елили] от стар[ого] отца, что весь его[237] бог знает для чего, что он иногда д[олжен] делать — ищет сред[ств], к[ото]рые б[ы] выв[ели] его из сего состояния, сд[елали] бы его бесчув[ственным] ко всему — идет отд[ает] все, что было, рад бы умер[еть], но смерть его не принимает, [не] встречается[238].

Вашего высоко[превосходительства] все[по]корный слуга студент П[а с я] д а

Ч. IX, арк. 4, 4и, 4и зв., 4к зв. Чернетка.

№ 7

1846 р. листопад [239].— ЛИСТ І. Я. ПАСЯДИ ДО ВЧИТЕЛЯ ПОЛТАВСЬКОЇ ГІМНАЗІЇ Л. І. БОРОВИКОВСЬКОГО З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО СТВОРЕННЯ В КИЄВІ ТОВАРИСТВА ДЛЯ ВИДАННЯ УКРАЇНСЬКОГО СЛОВНИКА, ГРАМАТИКИ ТА ІНШИХ КНИГ

[...]б[240] долгое молчание мое на письмо Ваше без сомнения в для меня [...][241] винит [мен]я[242] в глазах; я это сам довольно[243] понимаю, но позв[ольте] сказать мне откровенно[244], что по первой почте[245] написа[л] бы вам, если бы только было возможно при тогд[ашних] услов[иях] и обстоятельствах[246]. В сам[ом] деле, письмо Ваше застало меня в больнице, и вот только 3 недели, как я ее оставил[247]; а глаза мои[248] взбунтовались, и как страна, где происх[одит] революция, терпит велик[ую] опасн[ость], так и я немного не мог не призадум[аться], и вообще ч[елове]ка беда и горе как-то ближе приводя[т] к самому себе[248]. Притом мне хотелось прежде увидеть в Киеве обещанное Вами, и потом уже писать Вам о том, как принято оно было.

Но по неизв[естным][250] причинам[251] до сих пор ни лексикона, ни песен, ни (письма его). На счет[252] этого могу сообщить Вам следующее, что если вы пришлете песни, то они[253] будут напечатаны и даже очень скоро. Костомаров[254] хочет издать[552] все ненапечат[анное] еще на свой счет[256], ибо, как он сам говорит, у него деньги есть и более чем у всех нас вместе. С этою целью он писал к Бодянскому[257] в Москву и в Петерб[ург] к Кулишу, которого мы дожидаем в Киев к Новому году, чтобы они прислали ему все те песни, какие у них есть теперь. Касательно же лекс[икона] и друг[их] произв[едений], какие только будут выходить на малорос[сийском], сооб[щу] Вам след[ующее]: в Киеве[258] будет основаиие обществу, к[ото]рое, без сом[нения], м[ожет] распр[остранится] быстро, каж[дый] ч[лен] котор[ого] на первый раз[259] внесет известную сумму, след[овательно], общество будет им[еть] свои деньги; на эти деньги будут печататься наши произведения, [инач]е печатать у нас — значит разориться ч[еловеку]. Члены общества[260] при гра[м]мат[ике] напеча[та]ть словарь, без сом[нения], надлеж[ит] здесь. Мы сли[ть][260] [д]олж[ны] всеми мерами забот[ится] о том, чтобы составить (хотя на первый раз довольно краткую, смотря по возможности)[260] историю[261] на своем языке[260], для этого будет служить недавно (1846) вышедшая Кулиша [«Повесть][261] об украинском народе»[262] (на русском языке); через Метелицкого вып[росить][262] у Иннокентия[263] священную историю на малоросс[ийском] и напеча[та]ть и при[сту]пить к составл[ению] всеобщей истории на малоросс[ийском]. Общество, приступив к печатан[ию] состав[ленного] и пер[епечатанного] им сочин[ения], д[олж]но распро[странять] по возможности круг читат[елей] книг и сам[их] членов и, след[овательно], сам[о] образов[аться] в духе[264] этом[265]. Что кас[ается] до друг[их] полож[ений], то они уже выт[екают] из этих слов. Кажд[ый] член, рук[оводясь] любовью к милой Отчизне, все стар[ания] б[удет] прил[агать] тому, чтобы разд[елить] это горе [со] св[оими] ближними. На первый раз им[ели] в виду только 15 ч[еловек] жив[ущих][266]. Без сомн[ения], мы на Полт[аву] больше еще надеемся, чем на Киев; Харьков с своей стороны не откаж[ется] б[ыть] братом, он еще выше пойдет в деле этом. Самая Москва[267] изъ[я]в[ит] нам свое внимание, как уже видно из того, что Бодянский так горячо принялся за это, да и всякий малоро[сс], если только он не уб[ил] в себе того благор[одства], нрав[ственности], народ[ности], никогда не отк[ажется] помогать в деле[268] общем. Вот вам в немн[огих] словах о забот[ах] наших[269].

Да будет бог наш[им] помощником. Ваш покорный слуга студ[ент]

Ив[ан] Яковл[евич] Пасяда

На днях мы ожидаем нам «Лексикона» от[рывки] произв[едений] Ваших. Покор[нейше] Вас прошу засвид[етельствовать] от меня почтен[ие] и поклон Ивану Ивановичу. Если увидитесь с Белозерским, то поклонитесь ему и сообщите ему об этом, вернемся, соберусь и ему показать на днях. Если будете писать к Костомарову, то за это общество ему ничего не упоминайте, причину этого я сообщу Вам [...][270], что кас[ается] нас всех, то м[ногие] [обид.] [в]...

Ч. IX, арк. 4б, 4б зв. Чернетка. Автограф.

№ 8

1846. Листопад[271]. ВАРІАНТ ЛИСТА І. Я. ПАСЯДИ ДО Л. І. БОРОВИКОВСЬКОГО ПРО ЗАСНУВАННЯ ТОВАРИСТВА З МЕТОЮ ПОШИРЕННЯ ОСВІТИ ТА ДРУКУВАННЯ КНИГ УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ

Ч. IX, арк. 4а, 4а зв. Чернетка.

№ 9

1846 [?].— ЗАМІТКИ І. Я. ПАСЯДИ З ВИСЛОВЛЮВАННЯМИ ЙОГО ПОГЛЯДІВ НА НАУКУ

Два вида науки отл[ичаются] полож[ения]ми теории, отл[ичаются] сужд[ениями] и умозаключ[ениями]. Пос[редством] спр[авки], нач[иная] с описания, ибо здесь положена мат[ематика] — общее здесь — прирожд[енное] нам[272] вок[руг] и во...

Теор[ия] — здесь? Общее нужно нам составить анализом — здесь прежде част[ное] обрабатыв[ается] и свод[ится] к общему; а когда сост[авляется] наука — то из общего уже вывод[ится] частное.

Набл[юдением] — мы нах[одим] содер[жание], но если его разв[ивали], уразумев и 3 дает форму, на 3 д. вх[одит] одно в другое нераз[...] соединив. Сущ[ествуют] необ[ходимые] 2 рода: 1) в отн[ошении] к нам самим (это практи[ка]); 2) objektus — когда оно рассматрив[ается], напр[имер], рассм[отрим] наше раст[ение] полезным, то здесь существ[ительное] по отнош[ению] к его задаче, но в сих случ[аях] сущ[ествительное] subject, но наука в соб[ственном] смысле обра[щает] вним[ание] на существ[енное] в сем предмете, свой характер вод[...] хорд[...] истинно существ[ует] общая сила — а инд[ивидум] — только прояв[ление], только ее.

Ч. IX, арк. 4е. Автограф.

№ 10

1847 р. квітня 30.— ЗІЗНАННЯ І. Я. ПАСЯДИ НА ДОПИТІ В III ВІДДІЛЕННІ[273].

На след[ующие] 9 вопр[осов][274] я считаю долгом отв[етить] разом, ибо не им[ею] ник[аких] данных отв[ечать] на каждый порознь. Именно я слых[ал] [от] Костом[арова], Гул[ака] и Навр[оцкого] разговор о состав[лении] общ[ества] Славянского и что, состав[ив] то, дать ему особ[ое] имя[275], и Кост[омаров] мне чит[ал] какой-то[276] словник. Действ[ительно] ли эти предп[оложения] опре[деленны][277], не им[ею] ни одного данного судить об этом; что же кас[ается] до Малор[усского] [и] иного там соот[ветственно] либ[о] нашей неволи, то на бред и болтовню[278] Андр[узского][279], мне так же отв[ечать] стыдно о[т] шляхты, то е[280] слышать эти вопр[осы] мне совестно, ибо

они имели вот это то, что не им[еет] само[лю]б[ия] или еще смешнее. Серьезно подумать, поляков сд[елать] малор[оссами]. Лица (15 вопр[ос]) не все изв[естны] по имени, но что дел[али] они-то, кто быв[ал] часто, знал, кто с ними,— пускай скажет (после пасхи или же перед пасхою), но какое это Общ[ество], ни одного слова не м[огу] сказать.

Так как это б[ыло] нап[исано] еще до знак[омства] с ост[альными], то и нет нужды слагать, а для мен[я] доказ[ательство], сам[ое] малейшее доказ[ательство][281] это писано именно к тому вр[емени], когда Южная Русь в XIV в. соед[инилась] с Лит[вою] и Пол[ьшею] — «коли б ми іще гірше не загруз[ли]» — так действительно и было.

Если бы действ[ительно] сущ[ествовало] Общ[ество] слав[ян], сост[авители] коего б[ыли] б[удто] без сом[нения] люди ума нездравого, то и тогда мож[ет] бумаги мои не им[ели] б[олее] никакой силы — тем б[олее], что они (кроме на высоч[айшее] имя) б[ыли] года три назад тому.

11. Я не знаю, по к[акой] прич[ине] я сочув[ствовал] тому, что сам импер[атор] скорб[ит] об участии крестьян и я[282], когда я проезж[ал], на меня тако сд[елало] впечатл[ение], но я никому и ник[огда] не выск[азывал] своих впечатл[ений][283] и никто не скаж[ет], чтобы я ему серьезно чт[о]-л[ибо] о чем-либо, а е[сли] г[ово]р[и]л что, то с друг[ой] целью. Я не имею ник[акого] отношения к помещ[икам], и тем менее зн[аю] наст[оящее] полож[ение] крестьян. Все мои бумаги черн[овые], а кто м[ожет] отв[ечать], за все нап[исанное] начисто, не тол[ько] начерно, тем б[олее], стр[емление]-то злое, это в против[оречии]. Кто же Отчизны не любит, но разве необ[ходимо] треб[овать] возражения. Эти бумаги набросаны бог весть когда н[284] м[ожно] предпол[ожить] напис[ал] [бы] подроб[ную] статью и напеч[атал]. Притом впеч[атление] несет убежд[ение] — впеч[атлений] в один день бог зн[ает] ск[олько] изменится.

Хотя в моем чернов[ом] письме[285] г[ово]р[ит]ся об обществе, но набело этого нет, ибо я так боялся, вд[руг] нет общества — что нап[исал] просьбу, как бы напечат[ать] нек[оторые] книги малорос[сийские] именно[286], иду щ[ие] к обр[азованию] языка, ибо он г[ово]р[и]л мне, что нельзя самому печатать. Бодянского знаю по имени.

Вооб[ще], что отв[етить] мне на предл[оженные] вопр[осы] и больно[287], и досадно — странная ч[еловечес]кая жизнь, сколько в ней есть так[их] пунктов, где призад[умаешься], запл[ачешь], прекл[оня] колени[288], и сам не зн[аешь], откуда, как занесло в это[289]. Ч[елове]к дум[ает] то, а его обвин[яют] в[290] совер[шенно] противоположном — ибо вы знакомы [с] ин[с]тин[ктами], кои м[ожет] б[ыть] не заст[авят] обвиняемого, но о коих он почти ничего не знает. Боже, твоя воля!

Не имея данных отв[етить] на[291] след[ующие] вопросы, я едва могу неск[олько] слов сказать[292], неск[олько] из тех неск[ольких] слов[293]; я слыхал только о предпол[ожении] (прошлый год пред кон[цом]) основ[ать] какое-ниб[удь] общество, но не чувств[овал] в себе необ[ходимости][294] участи в их разгов[орах]; если же кто из них, Костам[аров] или Навр[оцкий], и г[ово]р[и]л мне что-либо о слав[янах] — то я[295], коль меня это вовсе не занимало, или подтакив[ал], или же ничего не г[ово]ри[л][296]; Костом[аров] чит[ал] мне[297] какие-то предпол[ожения] о слав[янах], но я в душе моей ни одной йоты, что там и как там[298] я и не стар[ался] узнав[ать], есть ли действ[ительно] такое общество[299] — нет. И что они зад[умали] дел[ать] и как? Я реш[ительно] не знаю. Ни от кого не слых[ал], чтобы приз[ывать] нар[од] к восст[анию] как[им]-ниб[удь] образом.

19 вопрос — бред, горячки Андрузского[300], а что я был болен и с кем вижусь, и, как свид[етельствует] док[тор] и свид[етельства] всех студ[ентов], потом, что я днем ходил с дому на голове с полотенце[м], лечась по методе Присница, и дум[ал] было ехать для ок[ончательного] лечения. Что

же касается до двор[ян], то если я г[ово]р[ил] что-либо, то, не скорбя об участи народа, не зн[ал] ненав[истных] дворян, я всех дв[орян] наших знаю, мовлю б[ольше], чем предп[олагает] кто-л[ибо], даже буд[то] х[отеlть не могу ненав[идеть] Тяп[киных], Чичиков[ых], Ноздр[евых] и Собак[евичей][301].

Ч. IX, арк. 4в, 4 в. зв., 4г зв. Чернетка.

№ 11

1847 р. квітня 13.— ВИСНОВКИ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО СВІДЧЕННЯ, ДАНІ В КИЄВІ І. Я. ПАСЯДОЮ, І ЗМІСТ ПАПЕРІВ, ВІДІБРАНИХ ПІД ЧАС ЙОГО АРЕШТУ

О бумагах и показании студента Посяденко

От генерал-адьютанта Бибикова получены бумаги, отобранные у студента Университета св. Владимира Посяденко, и показание, снятое с него в Киеве.

Из бумаг его замечательны следующие:

1. Записка на малороссийском наречии такого смысла: «Надобно бы подумать, не лучше ли нам (малороссиянам) пристать к Польше, только как бы еще хуже не было и чтобы нам вовсе не погибнуть; но будем надеяться на бога, помышлять о нашей матери Малороссии и за нее прольем нашу казацкую кровь[302].

2. Черновая просьба на имя государя императора, в двух пунктах[303]:

а) «Кто скажет, что в твоем царстве живут только те, кои подрывают его в самом корне; кто скажет, что в земле русской одни убийцы, одни грабители, кто осмелится выразить, что нет в нем людей, пламенно любящих свое отечество».

в) «Не странно ли, что народ, живя на такой благодатной земле, какова Украйна, не наслаждается почти никакими ее благами, почти не знает их? Значит ли это пользоваться дарами, кои доставляет ему сама природа, когда все вырвано из рук крестьян наглыми помещиками даже в то самое время, когда тот с жадностию хотел вкусить их».

3. Две черновых бумаги, на которых написана просьба к его высокопревосходительству, без означения кому именно[304]. В этой просьбе Посяденко описывает мнимые бедствия Малороссии и плачь ее жителей.

Вот некоторые места: «Куда не пойдешь, куда ни посмотришь (в Малороссии) — везде плачь, везде вздохи, невольно скажешь: «Ой як тяжко, ой як важко на сім світі жити!» Мысль — это единственное утешение или, лучше,— безутешность; она показывает, что и прежде было нелегко жить на свете; и как будущее вытекает из настоящего, то и надежды даже нет на лучшее. Две ужасные крайности теперь в Украине: малодушие и отчаяние. Малодушие есть следствие великосердия: переносил казак все великодушно, когда ему еще светила надежда, но когда и это последнее утешение в скорбях наших скрылось, тогда самый сильный впал в отчаяние или малодушие. Плачь, Украина, плачь, твои слезы да будут твоим утешением... Бедная страна, тебя оставили все твои сыны, тебе изменили все люди, могущие облегчить твои страдания... Но кто скажет чтобы не было и тех, кои всегда готовы помочь тебе, любезная страна моя? Есть и такие, кои готовы положить за тебя самую жизнь свою».

4. Черновое письмо к учителю Полтавской гимназии Боровиковскому[305]:

«В Киеве будет основание общества, которое без сомнения, может распространиться быстро, которое на первый раз внесет известную сумму; следовательно, общество будет иметь свои деньги; на эти деньги будут пе-

чататься наши произведения, иначе печатать у нас — значит разоряться человеку. Члены общества должны всеми мерами заботиться о том, чтобы составить (хоть на первый раз) довольно краткую, смотря по возможности, «Историю» на своем языке; для этого будет служить недавно (1846 г.) вышедшая Кулишева «[Повесть] об украинском народе» (на русском), через Метелицкого выпросить у Иннокентия «Священную историю» на малороссийском, напечатать и приступить к составлению всеобщей истории на малороссийском языке.

Общество, приступив к напечатанию составленного и переведенного им сочинения, должно распространять, по возможности, круг читателей и, следовательно, самое образование в духе этом. Каждый член руководствуется любовью к отчизне; все старание будет приложено к тому, чтобы разделять это горе и святое служение. На первый раз мы ввиду имеем 15 человек. Без сомнения, мы на Полтаву больше еще надеемся, чем на Киев; Чернигов со своей стороны не откажется быть братом; он еще выше пойдет в деле этом. Самая Москва изъявит нам свое внимание, как уже видно из того, что Бодянский так горячо принялся за это, да и всякий малороссиянин, если только он не убил в себе того благородства, нравственности и народности, никогда не откажется помогать в деле общем. Вот вам в немногих словах о заботах наших».

Другой листок, принадлежащий к тому же письму, написан весьма неразборчиво, но видно, что и здесь говорится об упомянутом же обществе, о том, что для восстановления народности и распространения просвещения в Малороссии признается удобным средством положить возможную сумму денег и составить общий капитал.

В показании своем Посяденко все вышеупомянутые бумаги объясняет в благовидном смысле. По его словам, первая записка о предположении малороссиян пристать к Польше есть отрывок из рассказа, который он предполагал написать, и относится до того времени, когда в летописях говорится о соединении Литвы и Южной Русси с Польщею; в черновой просьбе к государю императору он поместил заметки свои, сделанные им в проезд через Полтавскую губ., на счет крестьянского быта; письмо к его высокопревосходительству об угнетениях и плаче малороссиян он желал когда-то подать одному из министров; письмо к учителю Боровиковскому относится только до трудов по составлению малороссийского словаря и грамматики; о 15 же человеках, желающих внести деньги, упоминал без всякого основания, как часто бывает в письмах, и притом не говорил, что это есть, а только, что могло быть.

Наконец, Посяденко отзывается совершенным незнанием о Славянском обществе, утверждая, что если он и был знаком с Гулаком и Навроцким, то имел с ними разговоры об одних науках или о предметах обыкновенных.

Сам Посяденко не доставлен в С.-Петербург; вероятно, в Киеве основались на его показании и недовольно вникли в вышеобъясненные бумаги его.

13 апреля 1847 г.

Ч. IX, арк. 5—10. Оригінал.

№ 12

1847 р. квітня 14.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ ДО ПЕТЕРБУРГА

Весьма секретно и нужное

Его высокопре[восходительст]ву Д. Г. Бибикову

14 апреля 1847, № 585

М[илостивому] г[осударю] Дмитрию Гавриловичу!

Вследствие отношения вашего высокопревосходительства от 12 апреля № 1233[306] по высочайшему повелению имею честь покорнейше просить Вас, милостивейший государь, не изволите ли сделать распоряжение, дабы студент Университета св. Владимира Посяденко был немедленно прислан в С.-Петербург в III отделение С. е. в. канцелярии в сопровождении благонадежного и верного чиновника под строжайшим надзором.

Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. IX, арк. 11. Відпуск.

№ 13

1847 р. квітня 15.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ ДО ПЕТЕРБУРГА

Весьма секретно

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

15 апреля 1847, № 1269, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие высочайшего повеления, объявленного в почтеннейшем отношении вашего сиятельства от 14 апреля № 585[307], я немедленно по эстафете распорядился о доставлении в III отделение С. е. и. в. канцелярии студента Посяденка.

Уведомляя о сем ваше сиятельство, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 16 апреля 1847 г.

Ч. IX, арк. 12. Оригінал.

№ 14

1847 р. квітня 6.— ПОВІДОМЛЕННЯ ЦИВІЛЬНОГО ГУБЕРНАТОРА І. І. ФУНДУКЛЕЯ Д. Г. БІБІКОВУ ПРО АРЕШТ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Секретно

Его высокопревосходительству господину киевскому военному, подольскому и волынскому генерал-губернатору

6 апреля 1847, № 661, г. Киев

Вчерашнего числа при въезде в Киев возвращавшегося из Черниговской губ. художника С.-Петербургской Академии Тараса Шевченка он был

задержан и доставлен прямо ко мне. Между его бумагами оказалась рукописная книга с малороссийскими собственного его сочинения стихами, из коих многие возмутительного и преступного содержания. Почему как эти, так все прочие оказавшиеся у Шевченка стихи, равно с частною его перепискою вместе с самим Шевченком, я немедленно отправил в III отделение С. е. в. канцелярии с сим же нарочным.

После донесения моего вашему высокопревосходительству от 2 апреля за № 647, при котором я представил отобранное от студентов Тулуба и Посяды ответы, последний из них объявил желание представить некоторое пояснение и чрез г-на помощника попечителя Киевского учебного округа подал отзыв, в котором написал, что в прошлом году, после светлого праздника, слышал от преподавателя Костомарова о предположении составить какое-нибудь общество в славянском духе и что о предположении этом было уже что-то напечатано в «Отечественных записках»[308] или в каком-то другом журнале; что после у Костомарова рассуждали о том Гулак и Навроцкий; хотели назвать упомянутое общество «Кириллом и Мефодием» и придумать какой-нибудь символ и потом сказали Посяде, что и его сделают членом общества.

Однако все, слышанное о сем Посядою, только случайно, отрывочно и, так сказать, мимоходом, было столь неопределенно и неясно, что Посяда не мог узнать, в чем собственно долженствовало состоять то общество и полагал разговор о сем одною шуткою[309].

Настоящий отзыв Посяды я почел обязанностию представить при сем в подлиннике вашему высокопревосходительству, испрашивая дальнейшего в отношении сего студента приказания и присовокупляя, что Посяда по болезни находится в больнице, с учреждением, впрочем, над ним ближайшего присмотра.

Перед отправлением Шевченка в С.-Петербург я получил отзыв черниговского гражданского губернатора, присланный с нарочным чиновником, и последовавшее от г-на шефа жандармов к черниговскому, полтавскому и харьковскому генерал-губернатору отношение по высочайшему повелению об арестовании Шевченка и доставлении его со всеми бумагами в III отделение. Почему я уведомил черниговского губернатора, что распоряжение о сем с моей стороны уже сделано.

Гражданский губернатор Фундуклей

Відносно І. Я. Пасяди помітка Л. В. Дубельта: Он уже потребован в Петербург.

Помітка про одержання: 17 апреля [1847 г.]

Ч. IX, арк. 13—14. Автограф.

№ 15

1847 р. квітня 5.— ДОДАТКОВІ ЗІЗНАННЯ І. Я. ПАСЯДИ, ДАНІ НИМ У КИЄВІ

Кажется, после светлого празд[ника] прошлого года (это было недавно, после знакомства моего с Костомаровым) я как-то был у него; он, прочитавши мне несколько песен русских, малорусс[ких] и на подобные мотивы с чешского или сербского, говорил, что не худо было бы, если б составилось какое-нибудь общество.

Я спросил его какое именно? Да, хоть бы какое-нибудь в духе славянском; читал мне при сем несколько пунктов, вроде проекта, чего я, впрочем, нисколько не помню, знаю только, что они особенного характера не имели, и потому я мало внимания обратил на это, и помню то, что он советовал

мне прочесть об сем предположении в «Отечественных записках» или же в каком-нибудь другом журнале (сего не помню). Тут приходит кто-то посторонний, и я оставил их. Спустя несколько дней (перед экзаменом или во время оного, не помню) я встретил у него Гулака и Навроцкого и из оканчива[ющего]ся их разговора (слов не помню) несколько заметно было, что они говорили о предложении основать какое-нибудь общество, и, не знаю, теперь или же после где-то слыхал я, что они хотят назвать его «Кириллом и Мефодием»[310] и придумать какой-нибудь символ. После окончания экзаменов я уехал к отцу[311] (около 20 мая), не видевшись, кажется, ни с Гулаком, ни с Костомаровым и в продолжении целых вакаций не слыхал и одного слова об этом. Приехавши в Киев около 20 августа, я, на другой или на третий день приезда, виделся с Костомаровым в его квартире где, кажется, был и Гулак. На вопрос Костомар[ова], что делается у нас за Днепром, я отвечал ему, какая пошлая жизнь в Полтавской губ., что, кроме картежников, пьяниц и нищих, я ничего почти не встречал и предложил ему предаться уединению, к чему я с самого детства уже приготовился[312]. После болтовни, не имеющей почти никакого смысла, Костомаров или Гулак (наверно не помню) сказал мне, что мы и вас делаем (или сделали, не помню) членом предположенного нами общества. Я, не знавши наверно о его существовании и не думая, чтобы они могли составить что-либо серьезное, счел это за шутку и благодарил за такой комплимент; и, сказав притом, что я еще студент, след[овательно], мне нужно сидеть еще за партою, а не думать о каких-нибудь обществах. Я принял указанное им за шутку и потому, что с своей стороны не видел у них необходимости составлять общество, да и если бы составилось это где-либо, то едва ли кто, зная сколько-нибудь меня, сделал бы мне предложение серьезное на участие в оном. Послед[них] чисел августа я получил воспаление в глазах, что и удалило меня от этих людей до половины (если не ошибаюсь) ноября. С самого времени отправления в больницу до сих пор я ничего положительного не знаю об этом (т. е. действительно существует между ними общество или же оно есть вздор, одна болтовня, к чему люди немало способны). Может быть, я знал бы об этом и более, если бы усилившаяся болезнь не отдалила меня совершенно не только от них, но и от чего-нибудь поважнее для меня (так, что я должен был подать прошение об отпуске меня в местечко Коростышев для излечения своей болезни).

Ив. Пасяда

Помітка М. В. Юзефовича[313] *про одержання свідчень у І. Я. Пасяди:* Пол[учено] 5 апр[еля].

Ч. IX, арк. 15. Атограф.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка (1814—1914).— К., 1915.— С. 122, 123.

№ 16

1847 р. квітня 17.— ВИСНОВКИ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ДОДАТКОВЕ СВІДЧЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ

О показании Посяденко

Генерал-адъютант Бибиков доставил дополнительное показание, поданное в Киеве студентом Посяденко[314].

Посяденко объясняет, что Костомаров после пасхи 1846 г. говорил ему, что было бы не худо составить какое-либо общество, в духе славянском и читал при этом несколько пунктов вроде проекта; что спустя несколько дней он, Посяденко, у Костомарова встретил Гулака и Нав-

роцкого, из разговоров которых заметно было, что предполагалось основать какое-либо общество, назвать его обществом св. Кирилла и Мефодия и придумать какой-нибудь символ; что в августе того же года Костомаров или Гулак (не помнит, который именно) сказал ему, что и его, Посяденку, сделают членом предположенного общества; что, впрочем, ему неизвестно, составилось ли это общество и имели ли означенные разговоры какие-либо последствия.

17 апреля 1847 г.

Ч. IX, арк. 16. Оригінал.

№ 17

1847 р. квітня 21.— ВІДНОШЕННЯ І. І. ФУНДУКЛЕЯ ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ ДО ПЕТЕРБУРГА

В III отделение С. е. и. в. канцелярии

21 апреля 1847 г., № 876

В исполнение высочайшего повеления, объявленного в предложении г-на киевского военного губернатора от 15 сего апреля[315], имею честь представить при сем студента Университета св. Владимира Посяду при полицейском чиновнике и жандарме.

Действительный статский советник Фундуклей

Помітка про одержання: 29 апреля 1847 г.

Ч. IX, арк. 17. Оригінал.

№ 18

1847 р. квітня 29.— КВИТАНЦІЯ III ВІДДІЛЕННЯ, ВИДАНА КОЛЕЗЬКОМУ РЕЄСТРАТОРУ СЕВРУКУ, ПРО ДОСТАВЛЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ ДО ПЕТЕРБУРГА

Квитанция № 688

Дана сия квартальному надзирателю киевской полиции коллежскому регистратору Севруку в том, что доставленный им, в сопровождении одного жандарма, из Киева студент Иван Посяда с его вещами принят в исправности в III отделение С. е. в. канцелярии.

Апрель, 29 дня 1847 г.

Подписал старший чиновник Попов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. IX, арк. 18. Відпуск.

№ 19

1847 р. квітня 30.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ І. Я. ПАСЯДИ В III ВІДДІЛЕННІ

Вопросы, предложенные студенту Посяде (он же Посяденко), и ответы его

Апреля 30 дня 1847 г.

1. *Из какого состояния вы происходите, сколько вам от роду лет и где воспитывались?*

Я из мещан, имею теперь 22 или 23 года и воспитывался в Полтавской гимназии.

2. Против вас имеются показания, что вы участвовали в замыслах Славянского общества св. Кирилла и Мефодия, принадлежа к малороссийской партии. Объясните подробно: когда и кем было учреждено это общество?

Я, как свободное лицо, не участвовал в замыслах Славянского общества и, хотя малороссиянин, однако серьезно о самостоятельности Малороссии никогда не думал. Не знал наверно существует ли общество или нет, хотя часто слыхал, что Костомаров им бредил. Не стараясь узнать, что это за общество, я тем менее могу сказать, когда и кем оно учреждено.

3. Кем сочинены и в чем именно состояли — устав и правила Славянского общества; не было ли у вас и у кого еще находились экземпляры этого устава?

Кем сочинены и в чем состояли уставы и правила также решительно об этом ничего не знаю и не видел никогда ни одного экземпляра.

4. Не было ли у вас тетради, называемой: «Закон божий»[316] *с возмутительными воззваниями в конце, и кто распространял экземпляры оной?*

Не было вовсе и тем более не знаю, кто распространял их.

5. Не имели ли знаков общества: кольца или образа во имя св. Кирилла и Мефодия и кто другие имели у себя подобные знаки?

Не считая себя членом никакого тайного общества, я не старался иметь никакого знака оного и не помнится, чтобы у кого-либо другого видел это.

6. В чем состояли подробности предположений славянистов, каким образом надеялись они соединить славянские племена, восстановить самобытность каждого племени и особенно Малороссии. Правда ли, что ваша собственная задушевная мысль и молитва была — восстановить Малороссию?

Никогда не думая о соединении славян и не принадлежа к числу славянистов, я не могу ни одного слова сказать, как именно они думали об этом; никогда не распрашивал у них о славянах; не читал решительно ничего о том, в каком положении они и т. п. А если я и говорил что-либо о Малороссии, то это не шло нисколько к ее самобытности; скорее я у других мог слышать об этом, чем от меня другие: ибо я так Малороссию знаю, что о самобытности ее и думать не был в состоянии.

7. Какие замыслы были против настоящего образа правления в России и какое правление предполагалось ввести в Малороссии и вообще в славянских землях?

Так как в душе моей никогда не зарождалось мысли о политике и как я никогда еще не задавал себе вопроса о правлении, то и не могу ничего сказать об этом.

8. Каким образом славянисты предполагали распространять образование между крестьянами и тем приготовлять народ к восстанию?

Нет ни одного данного у меня на счет этого.

9. Правда ли, что вы предполагали сначала учредить народных учителей для шляхты и обращать последних в православие, вызываясь быть исполнителем по этому предмету, что вы для приведения этого вопроса в ясность, отправляясь в с. Коростышев, намеревались объехать Киевскую и Подольскую губ.?

Для меня вопрос этот странен, и если бы действительно он был в настоящем виде, то мне лестно было бы отвечать на него, но я ничего о том, что мог думать, никому не говорил, и если бы было что-либо серьезное, то и не сказал бы, а в таком виде, как он написан, он не имеет никакого достоинства, можно пошутить и посмеяться, о чем и сам Андрузский скажет после. А что я просился в Коростышев для лечения по методу

Присница, то об этом есть формальная бумага, состоявшаяся по свидетельству доктора с разрешения г-на попечителя.

10. Действительно ли, что вы, желая во что бы то ни стало облегчить быт простого народа, ненавидели дворян, почитая нас виновниками всего худого, ненавидели и монархизм, как бы потворствующий дворянам?

Видя местное угнетение, я не мог, как христианин, не скорбеть об их участи, но далек от того, чтобы подумать со своей стороны о каких-нибудь непозволительных мерах. Не имею никакого повода ненавидеть дворян и могу указать много примеров, совершенно противоречащих этому. Что же касается до монархизма, который по моему никогда никому не потворствовал, то тот, кто человек религиозный в душе (а не по форме), никогда иначе не мыслит правления, как только монархическое: ибо идея единства, а не множества положена в основании не только человеческой природы, но и всей вселенной.

11. Кто и в каком духе хотел сочинять для простого народа книги; кто собирал деньги для этих целей и не предназначались ли деньги для каких-либо других преступных целей?

Об этом ничего не ведаю.

12. Не было ли предположений действовать оружием и если было, то когда и каким образом намерены были употребить это средство?

Пока малороссияне будут християне, т. е. пока они не забудут бога (а этого никогда между сим народом быть не может), до тех пор о таком варварстве они и подумать не в состоянии.

13. Правда ли, что вы спрашивали Андрузского: «Пошел ли бы он теперь на русских?» и когда Андрузский отвечал: «В их землю на них не пошел бы, а на родине — не ручаюсь», то вы тихо улыбнулись и заговорили о Хмельницком. В чем состоял тогда разговор ваш и с какою целью вы сделали означенный вопрос?

Об этом разговоре обстоятельно не помню, а если бы и действительно я говорил ему так, как показано в вопросе, то мысль о Хмельницком, которого я понимал иначе, чем другие, показывает мой образ мыслей, который еще нигде почти серьезно не проявлялся. Хмельницкий, по-моему, понимал хорошо этот народ и потому братски соединил его с Россиею. Хмельницкий заслуживает в моем сердце величайшую благодарность, ибо он своим соединением сохранил, а не погубил народ украинский.

14. Кто из приверженцев славянства наиболее действовал, склонял и возбуждал к преступным замыслам, и не было ли одного, который всем руководил?

Далек от такой преступной мысли и едва ли можно подумать, чтобы кто серьезно в настоящее время сказал об этом одно слово.

15. Опишите подробно все действия Гулака, Костомарова, Белозерского[317]*, Навроцкого, Марковича*[318]*, Шевченко, Кулиша, Андрузского, помещика Савича, бывшего профессора Чижова*[319] *и других вам известных лиц, каждого особенно и о каждом все, что знаете, в отношении к замыслам славянистов? Точно ли Костомаров, Гулак и Навроцкий после пасхи 1846 г. говорили о составлении Славянского общества и обещали вас принять в члены?*

Подробно описать этих людей я не в состоянии, даже по имени не все они мне известны; более других знаю я Андрузского, который если и писал иногда стихи или что-либо другое, то и сам не понимал зачем это.

Что касается до последнего пункта, то я слыхал у них о предположении основать какое-нибудь общество — сколько помнится, после пасхи, а может быть, еще и прежде, ибо мысль об обществе так была мне чужда, что я едва мог теперь только припомнить себе их разговор.

16. С какою целью составлена находившаяся в ваших бумагах записка на малороссийском языке, в которой сказано, что надобно подумать, не

пристать ли к Польше, и в которой далее говорится: «за Малороссию прольем нашу кровь»[320]. *Не было ли каких предположений ваших или Славянского общества, вследствии коих это было написано?*

Об этой записке мне лестно поговорить здесь: ибо она делом подтверждает мой образ мыслей. Она есть продолжение написанной на своем языке повести о народе южнорусском, начиная с княжеств до самого соединения Малороссии с Великою Русью. Впрочем, как вижу, что этот вопрос не прямой и составлен не из самой записки и не знаю, по какому поводу: ибо в записке после того, как дума шла о соединении с Польшею, описывается соединение с Россиею: «Ненько наша, ненько, що буде, то буде, а вже пристанемо до тітки (России), будем її (тітку — это ясно) поважать і за неї, як і за тебе, козацьку кров проливати».

17. Для чего составлена вами черновая просьба на высочайшее имя[321]*, в которой вы между прочим писали: «Значит ли пользоваться дарами, кои доставляет сама природа, когда все вырвано из рук крестьян наглыми помещиками» и проч[ее]. Отчего вы получили такую ненависть к помещикам и такое превратное понятие о положении крестьян?*

Я не объясню (ибо не все объяснить можно, что глубоко таится в сердце человека и что приходит как бы с иного мира, даже часто против воли нашей), почему душа моя возносилась к душе государя императора и ему хотела бы открыть, что иногда бывает в его государстве. Мне жаль, что потерялось целое письмо, из нескольких пунктов составленное и адресованное на высочайшее имя. Болезнь задушила во мне желание отослать его. Что же касается до того, что там говорится: «Значит ли и т. д.»,— то это есть действительно впечатление резкое, но оно только впечатление, а впечатления быстро могут изменяться. Впрочем, и то правда, что такие помещики, как Чичиков, Собакевич, Ноздрев и другие герои Гоголя, суть чисто малороссийские, и от них немного пользы для государства, но я и их не имею причины ненавидеть.

18. К кому вы намеревались представить просьбы, написанные вами вчерне[322]*, в которых описываете, будто-бы в Малороссии, «везде плачь, вздохи», а потом говорите: «Плачь Украина, плачь, твои слезы да будут твоим утешением.. Но кто скажет, чтоб не было и тех, кои всегда готовы помочь тебе? Есть и такие, кои готовы положить за тебя самую жизнь свою». Какими путями дошли вы до столь ложных понятий о Малороссии, для чего в таком ужасном виде описываете ее? Поименуйте тех, которые готовы положить за нее жизнь свою и не составляли ли вы подобные описания для того, чтобы, возбуждая в простом народе неудовольствие к правительству, приготовлять восстание?*

Просьба, написанная вчерне мною, есть когда-то бывшее желание адресовать на имя какого-нибудь министра или же другим каким-нибудь путем официально объявить, что делает иногда Арандаренко (управляющий Полтавскою палатою государственных имуществ) в Полтавской губ. Я сам не крестьянин и не состою и отец мой не состоит в его ведомстве, но мне было тяжело видеть и слышать о его действиях. Притом, это также начерно, а набело это было бы все обсуждено, разработано. Чего иногда про себя не скажет человек, но что говорит сегодня, то завтра может получить вид другой, опыт может доставить ему бездну новых материалов и навести на мысль, часто совершенно противоположную. Что же касается до того, что там говорится о помощи, то горю другого можно помогать, разделяя душевно его со своими ближними и еще более — что долг требует сказать об этом высшему. На другие пункты сего вопроса я не считаю долгом говорить что-либо, ибо все это в высшей степени чуждо души моей.

19. О каком обществе писали вы к учителю Боровиковскому[323]*, какие книги и с какою целью предполагалось издавать? Для одних ли книг собирались*

деньги и не было ли тут других политических намерений; не описывали ли вы Боровиковскому действия Славянского общества? Не участвовал ли в этом обществе сам Боровиковский и профессор Бодянский, если участвовали, то подробно опишите их действия, а также вообще объясните все содержание писем ваших к Боровиковскому.

Проездом я виделся с Боровиковским, который говорил мне, что от г-на министра народного просвещения есть повеление собирать областные слова и отсылать их в Академию; вот посему-то я занимаюсь, говорит, составлением краткого словаря малороссийского. Я об этом сказал Костомарову и адъюнкт-профессору Костырю, который просил меня написать к нему, чтобы он выслал хотя несколько тетрадей; я ему писал, но он отвечал, что пошлет в С.-Петербург и что он напечатал бы, но денег не имеет. Посему-то я просил товарищей, чтобы сложиться и помочь ему и предполагал назвать это обществом; но на другой день я видел, что на бумаге написал вздор, что предложение мое бог весть какой вид получило, и я начисто написал иначе, именно: что как-нибудь соберем складку и можно будет тогда напечатать не только лексикон, но и другие книги, нужные к образованию языка, и в письме просил его совета, как он думает об этом? И как знал, что немного денег собрать можно, то и говорил ему, что в Киеве печатать нельзя, ибо дорого слишком обходится. О Бодянском я знал только по слуху.

20. В письмах к Гулаку[324] *вы говорили о какой-то мысли Гулака, подобной той, какая была у Навроцкого и, упоминая о неудовольствии против Тулуба, присовокупили: «Для избежания подобных сцен я удаляюсь, на время, от вашего вполне христианского общества... Но дух мой никогда не удалится от него, ибо в самой глубине души моей положена мысль, никому еще неведомая. Вот почему прежде, чем увидел я Костомарова, душа моя принадлежала уже обществу, коего никто из вас не знает». Объясните смысл этого письма, о каком обществе вы говорите и к какому вы принадлежали?*

Смысл письма моего таков, что я, хотя считал их людьми добрыми, однако по своей природе не мог быть в близком сношении с ними, да и не только с ними, но и ни с кем я не способен был заводить близкое знакомство, и потому-то пишу, что удаляюсь от вашего общества. В то время, кажется, они предполагали или по крайней мере говорили о том, что не худо бы составить им какое-нибудь общество славянское и я, опасаясь, чтобы и меня не причислили к нему, говорил им, что прежде чем увидел Костомарова, о коем они часто говорили, я принадлежал к такому обществу, о коем они и не предполагали, обществу, где два или три во имя Христово, ибо я всегда настроен был к уединению. Все прочее не имеет смысла, да и все письмо в словах иногда противоречит. Да и за каждое слово ответить не в состоянии, ибо часто вырвется такое, по которому, если делать заключение, то оно будет противоречить общей мысли.

21. Правда ли, что Андрузский читал вам свои возмутительные стихи и проекты о введении в России или ограниченного монархического, или республиканского правления[325]*, если правда, то почему вы не донесли об этом начальству?*

Возмутительных стихов мне Андрузский не читал, и не думаю, чтобы он мог составить с известною целью какой-нибудь проект. Если же он и написал что-либо, то это было одно детство, одна шалость, тем менее можно было доносить на дитя, которое само не знает, что и как делает.

22. Не известно ли вам, сверх предложенного в предыдущих вопросах, еще что-либо о славянистах, их тайном обществе и замыслах?

Кроме сказанного мною, могу еще и считаю нужным сказать следующее: совесть свидетельствует и богу известно, что в душе моей никогда

серьезно не таилось что-либо противное правительству, о коем я имел свое понятие, никому не открываемое: ибо сфера моей до сих пор жизни сосредоточивалась то горем и скорбию внутри — в душе, то болезнью в теле, болезнью, которая давно уже копает мне могилу. И странно для человека отвечать на то, что было благородно в его душе, но в мире внешнем оно давало какое-то подозрение; для меня это и слишком странно, но я не скорблю, ибо человек был всегда человеком, и я никого не обвиняю, ибо думаю, что это нужно, что все, что делается, имеет не подозреваемую нами цель, ведет к лучшему. Если я сказал что-либо или же написал мысль странную, то это было или без всякой цели, или же с особенною целью, ибо задача моей жизни — знать сколько можно человека, а политика не имела места в голове моей. Об этих людях также не могу ничего худого сказать, ибо не имел возможности узнать их, если же что-либо и слыхал, то считал это шуткою или же болтовнею людей светских. Впрочем, если кто хочет меня обвинять в чем-либо и обвинять серьезно, то я готов слушать такие обвинения и попрошу у него объяснения.

Студент Иван Пасяда

Ч. IX, арк 19—29. Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 219—225.

№ 20

1847 р. травня 15.— ЗАПИС ОЧНОЇ СТАВКИ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО І І. Я. ПАСЯДИ В III ВІДДІЛЕННІ

Очная ставка Посяды с Андрузским

15 мая 1847 г.

Андрузский говорил

Посяда принадлежал к малороссийской партии Славянского общества, которая имела целью восстановить в Малороссии гетманщину, если возможно, отдельно, а если нельзя, то в Славянщине; происходя из крестьян, он задумал, во чтобы то ни стало, облегчить быт этого класса; ненавидел дворян, почитал их виновниками всего худого; ненавидел и монархизм, будто бы потворствующий помещикам, но в спорах уступал и соглашался действовать к облегчению положения крестьян с помощью правительства; с этой целью он сочинил на высочайшее имя государя императора и на имя министра финансов просьбы, предполагая еще высказать печатно все злоупотребления местных начальств, хотя задушевная мысль и молитва его была восстановить Малороссию, но он более изъявлял желание только облагородить жизнь простого народа; думал обратить шляхту в православие, ибо там предполагалось учреждение первых училищ для народа; но предварительно хотел объехать Киевскую и Подольскую губ., чтобы привести дело в ясность и потом объявить правительству; читал проекты его, Андрузского, о преобразовании государственного правления в России, при одном разговоре спрашивал: «Пошел ли бы он на русских?» и когда Андрузский отвечал: «В их землю на них не пойду, а в родине не ручаюсь», то Посяда улыбнулся и заговорил о Хмельницком. При личном объяснении Андрузский присовокупил, что он мог иные предметы преувеличить в своем показании; что о принадлежности Посяды к Славянскому обществу он показывал потому только, что Посяда любит Малороссию; был знаком с славянистами; что он, Андрузский, один раз рассказывал, что в ведомостях часто объявляют об увольнении чиновников от должностей; Посяда же отвечал, что чиновники без сомнения заслуживают этого и защищал распоряжение правительства.

Георгий Андрузский

Посяда отвечал

Посяда совершенно отверг показание о принадлежности его к Славянскому обществу. Далее объяснил, что Андрузский читал ему какие-то свои проекты, во время тяжкой болезни его, Посяды, и потому он не вслушался, в чем состояли эти проекты.

Иван Пасяда

Ч. IX, арк. 30—31. Оригінал.

№ 21

1847 р. травня 17.— ДОДАТКОВІ ЗІЗНАННЯ І. Я. ПАСЯДИ В III ВІДДІЛЕННІ

Дополнительное объяснение студента Посяды

Припоминая себе несколько лучше свое отношение и знакомство с Костомаровым, Гулаком и Навроцким, я еще в Киеве говорил и здесь повторяю, что показание мое на счет этих лиц содержит только одну истину, а именно: Костомаров говорил мне о каком-то обществе, все же сказанное относительно Гулака и Навроцкого есть довольно странное предположение, основанное фантазией, а не рассудком на самых неверных и неточных данных. Притом еще в такое время, когда с одной стороны постоянная боль, с другой такое внезапное стечение обстоятельств, усиливающих ее, сильно тревожили душу. А в таком положении чего не может наговорить человек, особливо когда он чувствует себя обиженным? Разгоряченная фантазия его приищет такие образы, сделает такое сочетание слов и понятий, что после, когда опомнишься, то сам ужаснешься. Я это довольно чувствовал и потому дней через пять или шесть сам просил, чтобы отправили меня в С.-Петербург, о коем я имел свое понятие в этом отношении, понятие далеко выше тех, кои бог весть по каким данным составляются в провинции.

Я хочу теперь с искренним раскаянием стереть то пятно, какое я мог им сделать без всякого умысла. И Гулак, и Навроцкий правы, с ожесточением отвечая на мои нелепые показания: «Не знаю», ибо в самом деле ни тот, ни другой не говорили мне ничего о Славянском обществе, но были знакомы с Костомаровым, который, как сам заметил при очных ставках, многим говорил об нем, и, быть может, Костомаров действительно говорил о том обществе, которое, по его мнению, предполагалось с разрешения начальства при университете.

Иван Пасяда

17 мая 1847 г.

Ч. IX, арк. 32—33. Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 251—252.

№ 22

1847 р. травня, не раніше 30.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВІДСУТНІСТЬ ДОКАЗІВ ЩОДО ПРИНАЛЕЖНОСТІ І. Я. ПАСЯДИ ДО КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА І ВИРОК МИКОЛИ І ПРО ПЕРЕВЕДЕННЯ ЙОГО ДО КАЗАНСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Посяда

Студент университета св. Владимира Иван Посяда (он же Посяденко). Подозрение на него пало потому, что в письме к Гулаку и в найденных при нем, Посяде, бумагах упоминалось как бы об обществе и выражались-

мысли на счет образования простого народа; сверх того, сам Посяда в показании, данном им в Киеве, объяснял, что он слышал от Гулака, Костомарова и Навроцкого о составлявшемся между ними обществе, но после очных ставок объявил, что он ничего не слышал об обществе, а прежде говорил об этом потому, что писал свое показание в смущении и болезненном положении.

Равно и все обстоятельства дела показывают, что Посяда не принадлежал к Украйно-славянскому обществу.

Если можно считать Посяду виновным, то в том, что он в черновых записках своих, которые, впрочем, никому не показывал, выражал плач о бедственном будто бы положении Малороссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами.

По высочайше утвержденному решению определено[326]: Посяду, писавшего в преувеличенном виде о бедствиях малороссийских крестьян, вменив ему в наказание содержание под арестом, отправить в Казанский университет для окончания курса наук, а потом определить на службу в великороссийские губернии. При этом выдано ему на обмундирование и первоначальное обзаведение 200 руб. сер[ебром].

Посяда отправлен в Казань 30 мая 1847 г.

Ч. IX. арк. 34—3 . Оригінал.

№ 23

1847 р. травня 30.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА ПОРУЧИКУ С.-ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ЖАНДАРМСЬКОГО ДИВІЗІОНУ СЄДАКУ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ ДО КАЗАНІ

Поручику С.-Петербургского жандармского дивизиона Седаку

30 мая 1847, № 883

По высочайшему повелению предписываю вашему благородию, приняв из III отделения С. е. и. в. канцелярии студента Ивана Посяду, отвезти его, под строгим присмотром и сколь возможно сохраняя тайну, в Казань; там представить как его, так и вручаемый Вам пакет г-ну исправляющему должность попечителя Казанского учебного округа дейст[вительному] ст[атскому] с[оветнику] Лобачевскому[327] и, возвратившись в С.-Петербург, донести мне об исполнении.

Под[писал] генерал-адъютант гр. Орлов
Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. IX. арк. 36. Відпуск.

№ 24

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО М. І. ЛОБАЧЕВСЬКОГО З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ ДО КАЗАНІ

Секретно

Его пре[восходительст]ву Н. И. Лобачевскому

30 мая 1847 г., № 885

М[илостивый] г[осударь] Николай Иванович!

Поручик С.-Петербургского жандармского дивизиона Седак представит к вашему прев[осходительст]ву вместе с сим пакетом студента Посяду,

о котором известно Вам из отношения моего за № 880[а], в котором изложено высочайшее повеление, последовавшее на счет этого студента.

Покорнейше прося ваше прев[осходительст]во удостоить меня уведомлением о принятии упомянутого студента, имею честь удостоверить Вас, м[илостивый] г[осударь], в истинном моем почт[ении].

Подп[исал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. IX, арк. 37. Відпуск.

№ 25

1847 р. травня 30.— ПЕРЕЛІК ДОКУМЕНТІВ ПРО І. Я. ПАСЯДУ ТА ЇХ МІСЦЕЗНАХОДЖЕННЯ В СПРАВАХ

Отпуск с отношения к его превосходительству Н. И. Лобачевскому от 30 мая 1847 г. № 880, в котором изложено высочайшее решение на счет Посяды, находится в деле об Андрузском[329].

Отпуски с предписаний начальнику 7-го округа корпуса жандармов от 30 и 31 мая 1847 г. № 887 и 914 об учреждении за Посядою строгого наблюдения и представления через каждые шесть месяцев донесений о его поведении, находятся в деле о Навроцком[330].

Отношение действ[ительного] статского советника Лобачевского от 9 июня 1847 г. № 18 о доставлении в Казань студента Ивана Посяды вместе с вещами и деньгами его, находится в деле студента Андрузского[331].

Ч. IX, арк. 38–39. Відпуск.

№ 26

1847 р. червня 18.— РАПОРТ ПОРУЧИКА СЄДАКА ШЕФУ ЖАНДАРМІВ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ ДО КАЗАНІ

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, господину генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

С.-Петербургского жандармского дивизиона поручика Седака

Рапорт

Во исполнение предписания вашего сиятельства от 30 минувшего мая № 883[в] имею честь почтительнейше донести, что принятый мною из III отделения С. е. в. канцелярии студент Иван Посяда в г. Казань доставлен мною 8 июня благополучно, где и сдан г-ну исправляющему должность попечителя Казанского учебного округа действительному статскому советнику Лобачевскому с пакетом. В принятии от меня его Посяду и пакета имею честь представить при сем Вашему сиятельству полученную мною квитанцию за № 379[332].

18 июня 1847, № 1. С.-Петербург.

Поручик Седак

Помітка про одержання: 18 июня 1847 г.

Ч. IX, арк. 40. Оригінал.

№ 27

1847 р. травня, не пізніше 30 — 8 червня.— РЕЄСТР РЕЧЕЙ, СКЛАДЕНИЙ III ВІДДІЛЕННЯМ ПРИ ЗАСЛАННІ І. Я. ПАСЯДИ, І РОЗПИСКА М. І. ЛОБАЧЕВСЬКОГО ПРО ПРИЙНЯТТЯ ЙОГО ДО КАЗАНСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Реестр, препровождаемый пакету, вещам и деньгам

Секретный пакет на имя его превосходительства Николая Ивановича Лобачевского за № 885[333]. При сем следует студент Посяда.

Разные вещи и деньги 18 руб. $28^1/_2$ коп. сер[ебром], принадлежащие студенту Посяде.

Расписка в принятии

1847 г. июня 8 дня студент Посяда прибыл в Казань и помещен в университет, в чем свидетельствую управляющий Казанским учебным округом Лобачевский.

Генерал-лейтенант Дубельт

Ч. IX. арк. 41. Оригінал.

№ 28

1847 р. червня 9.— КВИТАНЦІЯ ПОМІЧНИКА В. О. ІНСПЕКТОРА СТУДЕНТІВ КАЗАНСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ А. ЗАММЕРА, ВИДАНА ПОРУЧИКУ СЄДАКУ, ПРО ПРИЙНЯТТЯ І. Я. ПАСЯДИ

Квитанция № 379

Дана сия С.-Петербургского жандармского дивизиона поручику Седаку в том, что доставленный им из С.-Петербурга в Казанский императорский университет студент Киевского университета Иван Посяда мною 8 июня сего 1847 г., в 6 часов пополудни принят, и претензии студентом Посядою на поручика Седака никакой не объявлено, в чем подписом с приложением казенной печати удостоверяю.

Казань, июня 9 дня 1847 г.

Исправляющий должность инспектора студентов императорского Казанского университета, помощник

Александр Заммер

Ч. IX. арк. 42. Оригінал.

№ 29

1847 р. червня 8.— РЕЄСТР ОСОБИСТИХ РЕЧЕЙ І. Я. ПАСЯДИ, З ЯКИМ ВІН ПРИБУВ ДО КАЗАНІ

Реєстр вещам студента Киевского университета Ивана Посяды, прибывшего в Казанский университет июня 8 дня 1847 г.

1. Сюртук форменный и двое брюк темнозеленого сукна	1
2. Фуражка форменная — одна	1
3. Шинель форменная темносерого сукна — одна	1
4. Рубах холщевых — три	3

5. Подштанников холщевых — три 3
6. Полотенцев утиральных — два 2
7. Получулок нитяных — три пары 3
8. Сапогов — две пары 2

Кроме того денег: 18 руб. 28 $^1/_2$ коп. серебром.

За инспектора студентов помощник Александр Заммер

Ч. IX, арк. 43. Оригінал.

№ 30

1848 р. травня 17.— ВІДНОШЕННЯ С. С. УВАРОВА О. Ф. ОРЛОВУ З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПОВЕДІНКУ І. Я. ПАСЯДИ ПІД ЧАС НАВЧАННЯ В КАЗАНСЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТІ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

17 мая 1848, № 638

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Попечитель Казанского учебного округа уведомил меня, что студент Иван Посяда, который переведен был, по высочайшему повелению, из университета св. Владимира в Казанский университет, до сего времени вел себя хорошо.

О сем нужным считая сообщить вашему сиятельству для сведения, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, принять при сем случае уверение в совершенном почтении и преданности.

Гр. Уваров

Помітка про одержання: 18 мая 1848 г.

Ч. IX, арк. 44. Оригінал.

№ 31

1849 р. лютого 10.— ВІДНОШЕННЯ ПОПЕЧИТЕЛЯ КАЗАНСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ В. П. МОЛОСТВОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЗАКІНЧЕННЯ І. Я. ПАСЯДОЮ КАЗАНСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

10 февраля 1849 г., № 567, в Казани

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Присланный при отношении вашего сиятельства 30 мая 1847 г. № 885[334] во вверенный мне университет для окончания курса наук, вследствие особого высочайшего повеления, бывший студент университета св. Владимира Иван Посяда окончил курс наук в I отделении философского факультета по разряду общей словесности со званием кандидата [335].

Как Посяде означенным высочайшим повелением предоставлено по окончании курса наук поступить на службу в одну из великороссийских губерний, то я сделал распоряжение об объявлении Посяде, дабы он имел для себя место по гражданской службе.

Имев честь получить от вашего сиятельства во время пребывания моего в С.-Петербурге на счет сего молодого человека личное Ваше наставление, я обращал на него, во время пребывания его в университете, особенное вни-

мание и теперь долгом почитаю засвидетельствовать вашему сиятельству, что Посяда, во время пребывания своего в университете, не только не подвергался ни одному предосудительному для него замечанию, но благонамеренностью, преданностью к престолу и христианским благочестием вполне заслужил мое одобрение.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

Владимир Молоствов

Резолюція О. Ф. Орлова: М[инистру] в[нутренних] д[ел]. В великороссийские губ. и надзор.

Помітка про одержання: 21 февраля 1849 г.

Ч. IX, арк. 45. Оригінал.

№ 32

1849 р. лютого 23.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ПРИЗНАЧЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ НА СЛУЖБУ ПІД НАГЛЯДОМ В ОДНУ З ВЕЛИКОРОСІЙСЬКИХ ГУБЕРНІЙ

Его высокопревосход[ительст]ву Л. А. Перовскому

23 февраля 1849 г., № 315

М[илостивый] г[осударь] Лев Алексеевич!

От 30 мая 1847 г. № 896 [336] я имел честь уведомить Ваше высокопревосходительство, что при решении дела об Украино-славянском обществе высочайше повелено: бывшему студенту университета св. Владимира Ивану Посяде вменить в наказание содержание под арестом и отправить его в Казанский университет для окончания курса наук, а потом определить на службу в одну из великороссийских губерний.

Ныне попечитель Казанского университета уведомил меня, что Посяда окончил курс наук в 1 отделении философского факультета, по разряду общей словесности, с званием кандидата, и что он не только не подвергался ни одному предосудительному для него замечанию, но благонамеренностью, преданностью к престолу и христианским благочестием вполне заслужил одобрение начальства.

Сообщая о сем вашему высокопревосходительству, имею честь покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], приказать сделать распоряжение к определению кандидата Посяды на службу в одну из великороссийских губерний, с учреждением за поведением его надзора, о том же, куда именно он будет определен, удостоить меня уведомлением.

Примите уверение в совершенном моем к Вам уваж[ении] и пред[анности].

Подписа[л] гр. Орлов

Ч. IX, арк. 46. Відпуск.

№ 33

1849 р. лютого 12.— ПОВІДОМЛЕННЯ НАЧАЛЬНИКА 7-ГО ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ П. Ф. ЛЬВОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПРОХАННЯ І. Я. ПАСЯДИ ДОЗВОЛИТИ ВІДВІДАТИ БАТЬКА В ПОЛТАВСЬКІЙ ГУБЕРНІЇ

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

Февраля 12 1849, в Казани

Бывший студентом Киевского университета и окончивший курс наук в Казанском университете Иван Посяда, о котором в числе прочих объявлена мне вашим сиятельством высочайшая воля государя императора от 30 мая 1847 г. за № 887[337], обратился ко мне с просьбою об исходатайствовании ему дозволения посетить престарелого отца, живущего в Полтавской губ., в Зенковском уезде.

Почтительнейше представляя у сего[338] в списке письмо ко мне Посяды и предавая просьбу его на благоуважение вашего сиятельства, долгом поставляю донести, что Посяда во время нахождения своего в Казани, как по наблюдениям чинов корпуса жандармов, так и по личному удостоверению попечителя Казанского учебного округа г-на генерал-майора Молоствова, вел себя скромно и в духе истинной покорности пред правительством.

Генерал-майор Львов

Секретарь коллежский советник[339]

Резолюція О. Ф. Орлова: Нельзя.

Помітка про одержання: 23 февраля 1849 г.

Ч. IX. арк. 47. Оригінал.

№ 34

1849 р. лютого 8.— ЛИСТ І. Я. ПАСЯДИ ДО П. Ф. ЛЬВОВА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ ВІДВІДАТИ БАТЬКА

Ваше превосходительство милостивый государь!

По высочайшей государя императора воле я прислан в 1847 г. из Киевского университета в Казанский с тем, чтобы окончить здесь свой курс наук и по окончании оного поступить в службу по части гражданской (на три года) в великороссийских губерниях.

С чувством благоговения и верноподданической любви исполнил я это священное веление государя императора: курс наук своих я окончил в прошедшем году и утвержден в степени кандидата философских наук.

Ныне предстоит мне забота о поступлении на службу, без которой, по бедности своего состояния, и существовать не могу. Но прежде того я желал бы увидеть, конечно, в последний раз своего престарелого и слабого родителя, живущего Полтавской губ., в Зеньковском уезде, и получить от него благословение.

Приемлю смелость всепокорнейше просить ваше превосходительство исходатайствовать для меня это дозволение на четыре месяца, а по истечении оных я желаю бесприкословно, согласно высочайшей воле моего монарха, поступить на службу, куда угодно будет начальству.

С глубоким высокопочтением и совершенной преданностью имею честь пребыть милостивый государь вашего превосходительства всепокорнейшим слугою

Ив. Пасяда

Верно: генерал-майор Львов

1849 года февраля 8, Казань.

Ч. IX, арк. 48. Копія.

№ 35

1849 р. лютого 25.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА П. Ф. ЛЬВОВУ ПРО ВІДМОВУ І. Я. ПАСЯДІ У ДОЗВОЛІ ВІДВІДАТИ БАТЬКА

Его превосх[одительст]ву П. Ф. Львову

25 февраля 1849 года, № 333

Милостивый государь Петр Федорович!

Вследствие записки вашего превосходительства от 12 февраля № 23340 на счет просьбы кандидата Посяды о дозволении ему посетить престарелого отца его в Полтавской губ. уведомляю Вас, что означенная просьба не может быть исполнена.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Помітка: Рукою гр. Орлова написано: «Разве до некоторого времени».

Ч. IX, арк. 49. Відпуск.

№ 36

1848 р. лютого 27.— ПОВІДОМЛЕННЯ С. С. УВАРОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ЗАКІНЧЕННЯ І. Я. ПАСЯДОЮ КАЗАНСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ І ЙОГО ПОВЕДІНКУ ПІД ЧАС НАВЧАННЯ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

27 февраля 1849, № 267

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Присланный, по высочайшему повелению, в Казанский университет для окончания курса наук бывший студент университета св. Владимира Иван Посяда в прошлом году окончил курс учения с званием кандидата.

Представляя мне о сем, г-н попечитель Казанского учебного округа присовокупил, что Посяда во время пребывания в университете не только не подвергался ни одному предосудительному для него замечанию, но отличным своим поведением заслужил особенное к нему внимание.

Считая обязанностию уведомить о сем ваше сиятельство, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, принять при сем случае уверение в совершенном почтении и преданности.

Гр. Уваров

Резолюції О. Ф. Орлова: Доложить.

Помітка: Доклад.

Помітка про одержання: 28 февраля 1849 г.

Ч. IX, арк. 50. Оригінал.

№ 37

1849 р. лютого, не раніше 27[341].— ДОВІДКИ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО І. Я. ПАСЯДУ

Справки

1. Бывший студент университета св. Владимира Иван Посяда не принадлежал к Украйно-славянскому обществу, но оказался виновным в том, что в бумагах его найдены черновые записки, в которых он выражал плачь о бедственном будто бы положении Малороссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами. За это Посяда в исходе мая 1847 г., по высочайшему повелению, отправлен в Казанский университет с тем, чтобы потом был определен на службу в великороссийские губернии[342]. О воспрещении увольнять Посяду в Малороссию не было сказано в решении.

2. Попечитель Казанского учебного округа уведомлял, что Посяда по окончании курса удостоен звания кандидата (коллежский секретарь) и во все время пребывания его в Казанском университете ие только не подвергался ни одному предосудительному для него замечанию, но благонамеренностию, преданностию к престолу и христианским благочестием вполне заслужил одобрения[343]. Ваше сиятельство 23 февраля изволили отнестись к министру внутренних дел об определении Посяды в одну из великороссийских губерний с учреждением за ним надзора[344].

3. Генерал-майор Львов по просьбе кандидата Посяды ходатайствовал о дозволении ему перед вступлением в службу отправиться на четыре месяца в Полтавскую губ., для свидания с престарелым отцом его, чтобы получить от него, быть может в последний раз, благословение[345]. Ваше сиятельство 25 февраля изволили отозваться, что просьба эта не может быть исполнена[346].

Ч. IX, арк. 51—52. Оригінал.

№ 38

1849 р. березня 2.— ДОПОВІДІ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО СПРАВУ І. Я. ПАСЯДИ І ЙОГО ПРОХАННЯ ДОЗВОЛИТИ ВІДВІДАТИ БАТЬКА

Об увольнении в отпуск кандидата Посяду

Министр народного просвещения сообщил мне, что присланный в 1847 г. по высочайшему повелению в Казанский университет для продолжения курса наук бывший студент университета св. Владимира Иван Посяда окончил курс учения с званием кандидата и что во время пребывания его в университете он не только не подвергался ни одному предосудительному замечанию, но, напротив того, отличным поведением заслужил особенное внимание начальства[347]. В то же время начальник 7-го округа корпуса жандармов генерал-майор Львов, к просьбе Посяды, ходатайствует о дозволении ему пред вступлением в службу отправиться на четыре месяца в Полтавскую губ. для свидания с престарелым отцом его, дабы получить от него благословение и увидеться с ним, быть может, в последний раз [348].

По сделанной справке[349] оказалось, что Посяда, при производстве дела об Украйно-славянском обществе, оказался не участвовавшим в оном, но в бумагах его найдены были черновые записки, в которых он выражал плачь о бедственном будто-бы положении Малороссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами; за это он,

в исходе мая 1847 г. по высочайшему повелению, отправлен в Казанский университет с тем, чтобы потом был определен на службу в великороссийские губернии; о воспрещении же увольнять его в Малороссию не было сказано в решении.

Всеподданнейше докладывая о сем вашему императорскому величеству и принимая во внимание, с одной стороны, что Посяда собственно в Украйно-славянском обществе не участвовал, а с другой, что об нем всегда доходили до меня одобрительные сведения и ныне окончил курс наук в университете с отличием, я полагал бы возможным дозволить ему отправиться на 4 м[еся]ца в Полтавскую губ., и на сие осмеливаюсь испрашивать высочайшего вашего величества соизволения.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно: генерал-лейтенант Дубельт

2 марта 1849 г.

Помітки: 1. На подлинном рукою гр. Орлова написано карандашом: «Высочайше соизволил».

Верно: ген[ерал]-лейт[енант] Дубельт

2. 2 марта 1849 г.

Ч. IX, арк. 53—55. Копія.

№ 39

1849 р. березня 4.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА П. Ф. ЛЬВОВУ ПОВІДОМИТИ І. Я. ПАСЯДУ ПРО ДОЗВІЛ ВІДВІДАТИ БАТЬКА

Его пр[евосходительст]ву П. Ф. Львову

4 марта 1849, № 373

Милос[тивый] государь Петр Федорович!

После предписания моего вашему пре[восходительст]ву от 25 февраля № 333[350] я нашел случай войти со всеподданнейшим докладом государю императору по просьбе кандидата Посяды, и его величество высочайше соизволил разрешить ему, перед вступлением на службу, отправиться в Полтавскую губ. сроком на четыре месяца для свидания с престарелым отцом его.

Известив о таковой монаршей воле г-на министра внутренних дел с тем, чтобы Посяда снабжен был на упомянутую поездку надлежащим паспортом, и присовокупляя, что об определении Посяды на службу в одну из великороссийских губерний я еще пред сим сообщил ему же, г-ну министру внутренних дел, предлагаю вашему пре[восходительст]ву объявить о сем Посяде.

Примите увер[ение] и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Ч. IX, арк. 56—57. Відпуск.

№ 40

1849 р. березня 4.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА І. Я. ПАСЯДОЮ ПІД ЧАС ЙОГО ПЕРЕБУВАННЯ В ПОЛТАВСЬКІЙ ГУБЕРНІЇ

Его высокопр[евосходительст]ву Л. В. Перовскому

4 марта 1849, № 374

Милос[тивый] государь Лев Алексеевич!

От 23 февраля № 315 [351] я имел честь относиться к вашему высокопре[восходительст]ву о сделании распоряжения к определению окончившего курс наук в Казаиском университете кандидата Посяды на службу в одну из великороссийских губерний с учреждением за ним надзора.

Ныне государь император по всеподданнейшему докладу моему [352] высочайше соизволил разрешить Посяде согласно его желанию перед вступлением на службу отправиться в Полтавскую губ., сроком на 4 м[еся]ца, для свидания с престарелым отцом его.

О таковой монаршей воле уведомляя ваше высокопревосходительство, долгом считаю покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], приказать снабдить кандидата Посяду надлежащим паспортом, сделать распоряжение, дабы над ним имелся секретный надзор и во время пребывания его в Полтавской губ.

Примите уверение и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Ч. IX, арк. 58—59. Відпуск.

№ 41

1849 р. березня 4.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКУ 5-ГО ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ О. А. ШНЕЛЮ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА І. Я. ПАСЯДОЮ В ПОЛТАВСЬКІЙ ГУБЕРНІЇ

Секретно

Его превосходит[ельст]ву А. А. Шнелю

4 марта 1849 г., № 375

М[илостивый] г[осударь] Александр Андреевич!

В 1847 г. при производстве дела об Украйно-славянском обществе оказалось, что студент университета св. Владимира Иван Посяда не участвовал в означенном обществе, но в бумагах его найдены были черновые записки, в которых он выражал плачь о бедственном будто-бы положении Малороссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами. За это Посяда по высочайшему повелению отправлен для окончания курса наук в Казанский университет с тем, чтобы потом был определен на службу в великороссийские губернии.

Ныне Посяда с отличием окончил курс наук в Казанском университете, удостоен степени кандидата, и государь император, по всеподданнейшему докладу моему, согласно просьбе Посяды, высочайше соизволил разрешить ему перед определением на службу отправиться в Полтавскую губ. сроком на четыре месяца для свидания с престарелым отцом.

Сделав, к исполнению таковой монаршей воли, надлежащее распоряжение, предлагаю вашему превосходительству предписать, дабы за Посядою

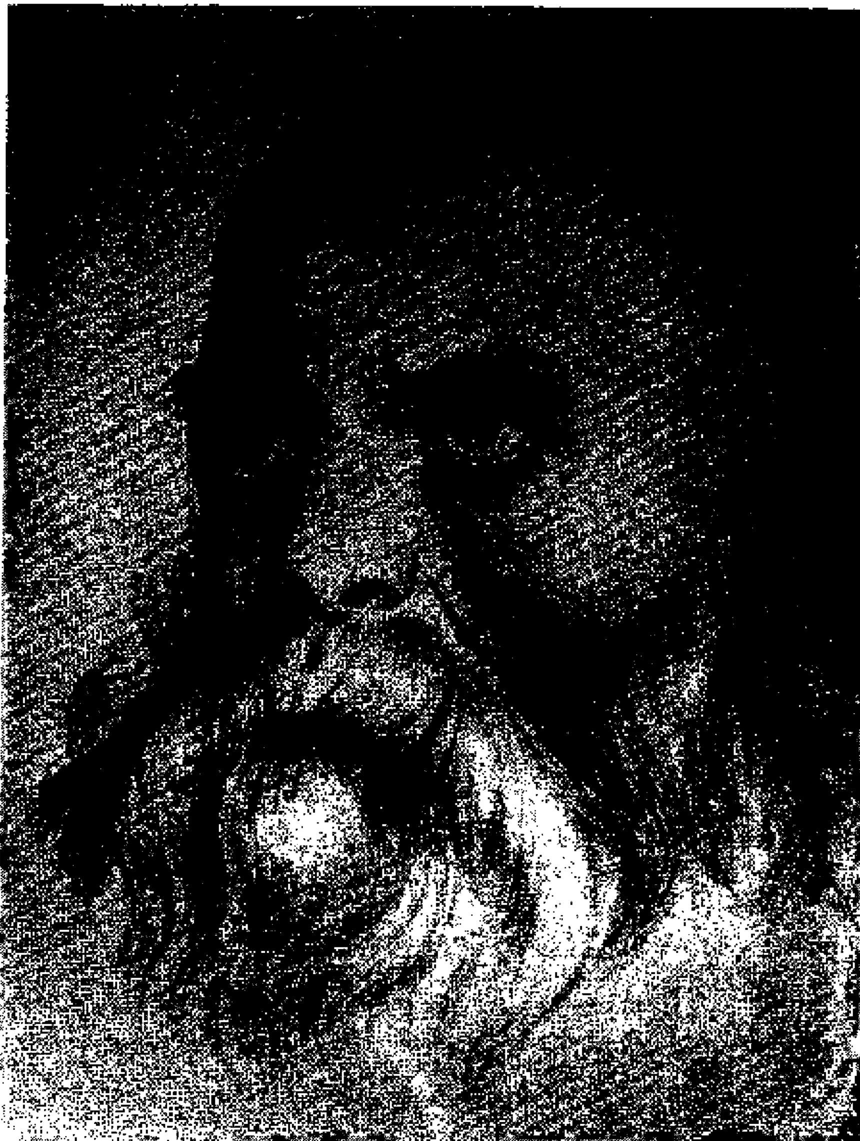

Фото з малюнку І. Я. Пасяди, 1890—1894 рр.

во время пребывания его в Полтавской губ. имелось с Вашей стороны секретное наблюдение.

Примите увер[ение] и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Ч. IX, арк. 60—61. Відпуск.

№ 42

1849 р. березня 1.— ВІДНОШЕННЯ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПРИЗНАЧЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ НА СЛУЖБУ В РЯЗАНСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 23 февраля за № 315[353] имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что для служения кандидата Ивана Посяды я избрал Рязанскую губ. и об отправлении его туда предписал начальнику Казанской губ. и дал знать рязанскому гражданскому губернатору[354] для зависящего распоряжения об определении Посяды на службу в Рязани с учреждением за поведением его надзора.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Л. Перовский

1 марта 1849, № 1048.

Помітка О. Ф. Орлова: Надзор.

Помітка про одержання: 4 марта 1849 г.

Ч. IX, арк. 62. Оригінал.

№ 43

1849 р. березня 7.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА П. Ф. ЛЬВОВУ ПОВІДОМИТИ І. Я. ПАСЯДІ ПРО ПРИЗНАЧЕННЯ ЙОГО НА СЛУЖБУ В РЯЗАНСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Его превос[ходительст]ву П. Ф. Львову

7 марта 1849 г., № 385

М[илостивый] г[осударь] Петр Федорович!

Г-н министр внутренних дел уведомил меня, что для служения кандидата Ивана Посяды избрана Рязанская губ. и что о сделании по предмету сему надлежащих распоряжений им, г-ном мин[ист]ром, уже сообщено казанскому воен[ному] и рязанскому гражд[анскому] губернаторам.

Сообщая о сем вашему превосходительству в дополнение предписания моего от 4 марта № 373[355] и предлагая Вам о вышеизложенном объявить Посяде, долгом считаю удостоверить Вас в истинном моем почтении и преданности.

Подп[исал] гр. Орлов

Ч. IX, арк. 63. Відпуск.

№ 44

1849 р. березня 7.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКУ 2-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА І. Я. ПАСЯДОЮ В РЯЗАНСЬКІЙ ГУБЕРНІЇ

Его превос[ходительст]ву С. В. Перфильеву

7 марта 1849 г., № 386

М[илостивый] г[осударь] Степан Васильевич!

В 1847 г. студент университета св. Владимира Иван Посяда при производстве дела об Украйно-славянском обществе оказался виновным в том, что в бумагах его найдены черновые записки, в которых он выражал плач о бедственном будто-бы положении Малороссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами. За это, по высочайшему повелению, он отправлен был в Казанский университет, с тем чтобы потом определить его на службу в великороссийские губернии. Ныне Посяда кончил курс учения в означенном университете и удостоился степени кандидата.

Получив ныне от г-на министра внутренних дел уведомление, что для служения Посяды избрана Рязанская губ.[356], и присовокупляя, что, по всеподдан[нейшему] докладу моему, высочайше дозволено Посяде пред вступлением его на службу отправиться в Полтавскую губ. сроком на четыре месяца для свидания с престарелым отцом его, предлагаю вашему превос[ходительст]ву по прибытии Посяды из отпуска в Рязань учредить за ним секретное с Вашей стороны наблюдение.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подп[исал] гр. Орлов

Ч. IX, арк. 64—65. Відпуск.

№ 45

1849 р. травня 12.— ПОВІДОМЛЕННЯ С. С. УВАРОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ВІДПРАВКУ І. Я. ПАСЯДИ НА СЛУЖБУ В РЯЗАНСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

12 мая 1849 г., № 625

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

О кандидате Посяде

В дополнении к отношению моему от 27 прошедшего февраля за № 267[357] имею честь уведомить ваше сиятельство, что окончивший в прошлом году курс наук в Казанском университете Иван Посяда с степенью кандидата, по распоряжению г-на министра внутренних дел отправлен на службу в Рязанскую губ.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Гр. Уваров

Помітка про одержання: 13 мая 1849 г.

Ч. IX, арк. 66. Оригінал.

№ 46

1849 р. червня 28.— ВІДНОШЕННЯ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ПРИЗНАЧЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ ЧИНОВНИКОМ РЯЗАНСЬКОЇ ГУБЕРНСЬКОЇ КАНЦЕЛЯРІЇ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Получив донесение рязанского гражданского губернатора, что он распорядился об определении в штат чиновников его канцелярии высланного по высочайшему повелению на службу в г. Рязань кандидата Казанского университета Посяду, я считаю долгом уведомить о сем ваше сиятельство в дополнение к отношению моему от 1 марта сего года за № 1048 [358], покорнейше прося Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. Л. Перовский

28 июня 1849 г., № 345.

Помітка про одержання: 1 июля 1849 г.

Ч. IX. арк. 67. Оригінал.

№ 47

1850 р. листопад.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ДОЗВІЛ І. Я. ПАСЯДІ ЗА ВЛАСНИМ БАЖАННЯМ ОБИРАТИ МІСЦЕ СЛУЖБИ І ПРОДОВЖЕННЯ НАГЛЯДУ

Ивану Посяде в 25-летие парствования государя императора высочайше дозволено служить, где пожелает, но под надзором.

См. 8-ю часть дела 1850 г. под № 185, о милостях к 25-летию.

Ч. IX, арк. 68. Оригінал.

№ 48

1851 р. листопада 20.— ЛИСТ І. Я. ПАСЯДИ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ ЙОМУ СЛУЖИТИ В ПЕТЕРБУРЗІ

Ваше сиятельство милостивый государь!

В 1847 г., окончив курс наук в университете св. Владимира, я не получил ученой степени по случаю отъезда своего в апреле того года в III отделение. Из III отделения был я отправлен в г. Казань для довершений всех условий к получению ученой степени в тамошнем университете, где в следующем 1848 г. был удостоен степени кандидата.

После сего мне разрешено было, по милостивому ходатайству вашего сиятельства, отправиться на четыре месяца в Полтавскую губ. для свидания с престарелым моим родителем, чем доставлено было 70-летнему старцу величайшее утешение, и в то же время, по распоряжению его сиятельства г-на министра внутренних дел, я назначен был на службу в г. Рязань, где состою и ныне в канцелярии г-на начальника губернии.

Вот весь формуляр мой, ваше сиятельство, к которому прибавить можно разве еще то, что я нахожусь под опекою полиции, что, впрочем, нисколько не тяготит меня.

Граф! Прошло более 4 лет, как я имел счастье видеть особу Вашу в III отделении; но редко проходит день, в который бы душа моя, вспоминая прошедшее, не возносилась к Вам с чувством глубокой признательности за Ваше благосклонное внимание к моей участи, что самое дает мне смелость утруждать ваше сиятельство всепокорнейшею просьбою.

Будучи решительно без всякого состояния и получая по службе своей весьма ограниченное содержание, я не только не могу оказать почти никакого вспомоществования своему престарелому отцу, но и сам лишен способов к дальнейшему своему образованию. Но чувствуя себя при всем этом еще в силах трудиться на поприще службы, я от всей души моей прошу ваше сиятельство доставить мне счастие быть на службе в столице под Вашим покровительством. Ваше милостивое снисхождение к просьбе моей оживит во мне стесняемый обстоятельствами дух и возбудит во мне бодрость к трудам на поприще служения.

Сиятельнейший граф! Убеждаясь многочисленными примерами добродушия и сострадания Вашего к лицам, имеющим нужду в помощи, я питаю себя отрадною надеждою, что ваше сиятельство не откажете и мне в Вашем милостивом внимании и покровительстве.

С отличным почтением и преданностию имею честь быть вашего сиятельства милостивейшего государя всепокорнейшим слугою.

Титулярный советник Пасяда

Рязань, 20 ноября 1851 г.

Резолюція О. Ф. Орлова: Доложить.

Помітки: 1. Л. В. Дубельта: Справку.

2. О. Ф. Орлова: По случаю 25-летия ему в ноябре 1850 г. дозволено служить, где пожелает, но под надзором.

3. Про одержання: 28 ноября 1851 г.

Ч. IX, арк. 69—70. Автограф.

№ 49

1851 р. листопада 30.— ПОВІДОМЛЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА І. Я. ПАСЯДІ ПРО ВІДМОВУ ПРИЙНЯТИ ЙОГО НА СЛУЖБУ

Его благородию Посяде

30 ноября 1851 года, № 2171

Милостивый государь!

Г-н генерал-адъютант гр. Орлов, получив письмо Ваше, в котором Вы, милостивый государь, просите его сиятельство доставить Вам возможность служить в С.-Петербурге под покровительством гр. Алексея Федоровича, поручил мне уведомить Вас, что так как в ноябре месяце 1850 г. высочайше уже разрешено Вам служить, где пожелаете, то Вы можете просить установленным порядком об определении Вас на службу в С.-Петербург. Что же касается помещения Вас в управление генерал-адъютанта гр. Орлова, то по неимению вакансий в сем управлении его сиятельство не может удовлетворить изъясненного желания Вашего.

Исполняя сим поручение гр. Алексея Федоровича, прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал Л. Дубельт

Ч. IX, арк. 71. Відпуск.

№ 50

1851 р. грудня 28.— ЛИСТ І. Я. ПАСЯДИ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОПОМОГТИ ЙОМУ ВЛАШТУВАТИСЬ НА СЛУЖБУ

Ваше превосходительство милостивый государь!

Позвольте мне от чистого сердца благодарить Вас за ту милость, которую ваше превосходительство изволили оказать мне, уведомив меня на мою просьбу к его сиятельству гр. Алексею Федоровичу.

Я знаю, что не имел и не имею никакого права утруждать ни его сиятельство, ни ваше превосходительство, но делал это потому, что в III отделении я видел более хорошего, чем где-либо, и всегда ставил снисхождение графа и вашего превосходительства несравненно выше своей слепой преданности.

В уведомлении вашего превосходительства, между прочим, изъяснено, что мне высочайше даровано было в прошлом году в ноябре месяце право служить, где хочу я, но, говоря по совести, кто без протекции примет меня на службу, да и кто захочет связываться со мною, будь я и с хорошими дарованиями, когда я состою под надзором полиции. С отрубленными крыльями птица не летает, да и куда лететь ей, если бы она и крылья имела, когда нет в виду никакой надежды и в запасе у нее не много зерен. Поэтому-то просьба моя к его сиятельству основана была на чистой необходимости, не говоря уже о любви и преданности, в которой никто нужды не имеет, и, с другой стороны, как вижу, на незнании весьма многих обстоятельств.

Одного всепокорнейше прошу у вашего превосходительства — позвольте мне любить Вас и теперь так же, как и прежде, и я всегда был тех мыслей, что ваше превосходительство ни по своей богатой опытности в жизни, ни по тем трудам, которые Вы несете по службе, не захотите сделать для меня, бедняка, что-либо худое.

Начальник губернии говорил, что он даст мне приличное место, но бог весть, что будет, а в 28 лет для такого богача, каков я, через четыре года по окончании курса в Киеве не иметь места и стыдно, и совестно, и в особенности в Рязани, где, можно сказать без стыда, редко встретите в каком-либо присутственном месте с светлыми понятиями человека.

Впрочем, сама судьба наказывает меня; по получении ученой степени в Казани в 1848 г. попечитель Казанского университета, благороднейший из людей, каких я встречал доселе, г-н Молоствов, у коего я был принят в доме, и за внимание его превосходительства я навсегда останусь ему благодарен, предлагал мне на первый раз место старшего учителя гимназии, в какой хочу я губернии Казанского округа, но я по глупости своей отказался, думая, что я буду полезнее в гражданской службе, за что поделом и наказан.

За сим поручая себя Вашему благосклонному вниманию и покровительству, с отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего превосходительства, милостивый государь, всепокорнейшим слугою титулярный советник

Пасяда

Рязань, 28 декабря 1851 г.

Позвольте мне, ваше превосходительство, поздравить Вас с наступающим Новым годом и пожелать Вам всего лучшего в жизни.

Помітка про одержання: 7 января 1851 г.

Ч. IX, арк. 72—73. Автограф.

№ 51

1852 р. лютого 13.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА РЯЗАНСЬКОГО ЦИВІЛЬНОГО ГУБЕРНАТОРА П. П. НОВОСИЛЬЦЕВА III ВІДДІЛЕННЮ З ПРОХАННЯМ ЗВІЛЬНИТИ І. Я. ПАСЯДУ ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Его сиятельству г-ну шефу корпуса жандармов,
генерал-адъютанту, генералу от кавалерии
гр. Алексею Федоровичу Орлову

Докладная записка

Предписанием г-на министра внутренних дел, последовавшим к бывшему рязанскому гражданскому губернатору от 23 февраля 1849 г., переведенный по высочайшему повелению при решении дела об Украйно-славянском тайном обществе из университета св. Владимира в императорский Казанский университет студент Посяда по получении ученой степени кандидата назначен на службу в г. Рязань, с учреждением за поведением его надзора.

Имея в виду из того же предписания, что студент Посяда во время пребывания своего в г. Казани не только не подвергался ни одному предосудительному для него замечанию, но благонамеренностью, преданностью престолу и христианским благочестием вполне заслужил одобрение начальства, и что по приезде в Рязаиь был определен на службу в канцелярию губернатора, ведет себя отлично хорошо и служит с усердием и ревностию, за что в ноябре месяце 1850 г. ему высочайше даровано было право избрать службу, где пожелает; в сентябре же месяце 1851 г. за отличие по службе награжден по высочайшему повелению чином титулярного советника. Рязанский гражданский губернатор Новосильцов долгом считает ходатайствовать об освобождении г-на Посяды от полицейского надзора.

Рязанский гражданский губернатор Новосильцов

Резолюція А. Ф. Орлова: Можно.

Помітка про одержання: 13 февраля 1852 г.

Ч. IX, арк. 74. Оригінал.

№ 52

1852 р. лютого 16.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І З КЛОПОТАННЯМ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

О титулярном советнике Посяде

Рязанский гражданский губернатор ходатайствует об освобождении от полицейского надзора служащего в его канцелярии титулярного советника Посяды, свидетельствуя при том, что чиновник сей ведет себя отлично хорошо и служит с усердием [359].

Посяда — студент университета св. Владимира, был прикосновен к делу об Украйно-славянском обществе и хотя оказался не участвовавшим в оном, но как в бумагах его найдены были черновые записки, в коих он выражал плач о положении Малороссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами, то ваше императорское величество изволили высочайше повелеть отправить его в Казанский университет с тем, чтобы он потом был определен на службу в великороссийские губернии. Удостоенный по окончании курса наук степени кандидата, он в

1849 г. назначен был на службу в г. Рязань, с учреждением за ним строгого надзора. В 1850 г., по всеподданнейшему моему о нем докладу, ваше императорское величество изволили даровать ему право продолжать службу, где пожелает, а в сентябре 1851 г. Посяда за отличную службу награжден чином титулярного советника.

Принимая в уважение как засвидетельствование о похвальном поведении его в настоящее время, так и отзыв начальства Казанского университета, что Посяда, не только не подвергался ни одному замечанию, но преданностью к престолу, христианским благочестием и благонамеренностию своею всегда заслуживал одобрения, я полагал бы возможным освободить его от имеющегося над ним полицейского надзора и осмеливаюсь всеподданнейше испрашивать на сие высочайшего вашего императорского величества соизволения.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно: генерал-лейтенант Дубельт

16 февраля 1852 г.

Ч. IX, арк. 75—76. Копія.

№ 53

1852 р. березня 18.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО П. П. НОВОСИЛЬЦЕВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Его пре[восходительст]ву П. П. Новосильцову

18 февраля 1852 г., № 326

Милостивый государь Петр Петрович!

По всеподданнейшему моему докладу, ходатайства вашего превосходительства о служащем в Вашей канцелярии титулярном советнике Посяде государь император, во всемилостивейшем внимании к засвидетельствованию об отличном поведении и усердной службе сего чиновника, высочайше повелеть соизволил освободить его от учрежденного над ним надзора.

Сообщив о такой воле его императорского величества для надлежащего распоряжения г-ну министру внутренних дел, я имею честь уведомить о том ваше превосходительство.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном уважении и преданности.

Подписал гр. Орлов
Верно: коллежский асессор Д. Ребезов

Ч. IX, арк. 77. Відпуск.

№ 54

1852 р. березня 18.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Его сият[ельст]ву гр. Л. А. Перовскому

18 февраля 1852 г., № 327, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Лев Алексеевич!

Рязанский гражданский губернатор, свидетельствуя об отличном поведении и усердной службе состоящего в его канцелярии титулярного со-

ветника Посяды, над которым, по высочайшему повелению, известному вашему сиятельству из отношения моего от 23 февраля 1849 г. № 315 [360], учрежден полицейский надзор, ходатайствовал об освобождении его от сего надзора.

По всеподданнейшему моему докладу [361], как означенного засвидетельствования о похвальном поведении титулярного советника Посяды в настоящее время, так и одобрительного отзыва, которым удостоило его начальство Казанского университета, государь император высочайше повелеть соизволил освободить сего чиновника от учрежденного над ним надзора.

Сообщая вашему сиятельству о таковой высочайшей воле для зависящего распоряжения, имею честь удостоверить Вас, милостивый государь, в истинном уважении и совершенной преданности.

Подписал гр. Орлов
Верно: коллежский асессор Д. Ребезов

Ч. IX, арк. 78. Відпуск.

№ 55

1852 р. березня 18.— ЛИСТ І. Я. ПАСЯДИ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОПОМОГТИ ВЛАШТУВАТИСЯ НА СЛУЖБУ В ПЕТЕРБУРЗІ

Ваше превосходительство милостивый государь!

Начальник губернии Рязанской, возвратившись 8 марта из столицы, привез с собою бумагу за подписью его сиятельства гр. Алексея Федоровича об исключении меня из-под надзора [362].

Приписывая успех ходатайства начальника губернии Вашему ко мне вниманию и снисхождению, я считаю приятным для себя долгом за такое живое участие в судьбе моей принести его сиятельству гр. Алексею Федоровичу и вашему превосходительству, что только осталось еще лучшего в душе моей — искреннейшую благодарность.

При всем этом я утешаю себя кроткою надеждою, что ваше превосходительство, несмотря на многотрудные и беспрерывные занятия Ваши, не оставите меня и дальнейшим покровительством Вашим и навсегда останетесь внимательны к участи того, кто действительно предан душою его сиятельству и вашему превосходительству и никогда не забудет оказываемой к нему милости.

В настоящее время, с Вашего позволения, осмеливаюсь всепокорнейше просить ваше превосходительство, если только не будет Вам это в тягость, помочь мне определиться на службу в столицу, чтобы оттуда я мог получить себе приличное место в провинции. Небезизвестно мне, что успеть в этом теперь нелегко, но вполне уверен, что рекомендация Ваша может много сделать для меня и в сем случае.

За сим, вручая себя в полное распоряжение вашего превосходительства, с совершенным почтением и истинною преданностию имею честь быть вашего превосходительства, милостивого государя, всепокорнейшим слугою.

Титулярный советник Пасяда

Рязань, 18 марта 1852 г.

Позвольте мне поздравить Вас с наступающим праздником и пожелать вашему превосходительству доброго здоровья.

Резолюція Л. В. Дубельта: Оставить без ответа.

Помітка про одержання: 29 марта 1852 г.

Ч. IX, арк. 79—80. Автограф.

ЧАСТИНА ДЕСЯТА

СПРАВА
М. І. САВИЧА

№ 56

1847 р. березня 20.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТУ ПОЛІЦІЇ ВИКОНАВЧОЇ МВС В. В. ОРЖЕВСЬКОГО З ПРОХАННЯМ ПОВІДОМИТИ ДАТУ ВИДАЧІ ЗАКОРДОННОГО ПАСПОРТА М. І. САВИЧУ ТА МАРШРУТ ЙОГО ПОДОРОЖІ

Его превосход[ительст]ву В. В. Оржевскому

20 марта 1847 г., № 437

Милостивый государь Василий Владимирович!

По встретившейся надобности имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите ли почтить меня в поспешнейшем времени уведомлением, когда выдав заграничный паспорт помещику Полтавской губ. Николаю Савичу и в какие именно места он отправился.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности

Под[писал] Л. Дубельт

Верно: надворный советник Нордстрем

Помітка: На подлин[ном] написано рукою генерала «по приказанию г-на генерал-адъютанта гр. Орлова».

Ч. X, арк. 1. Відпуск.

№ 57

1847 р. березня 20.— ВІДНОШЕННЯ В. В. ОРЖЕВСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ДАТИ ВИДАЧІ ЗАКОРДОННОГО ПАСПОРТА М. І. САВИЧУ НА ПРОЇЗД У НІМЕЧЧИНУ, ІТАЛІЮ, ШВЕЙЦАРІЮ ТА БЕЛЬГІЮ

Его пр[евосходительст]ву Л. В. Дубельту

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Вследствие отношения вашего превосходительства от 20 сего марта за № 437[1] имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что, согласно полученному г-ном министром внутренних дел отношению г-на черниговского, полтавского и харьковского генерал-губернатора, 22 октября минувшего года препровожден к нему заграничный паспорт от того же числа за № 896 для выдачи оного на законном основании помещику Полтавской губ., Гадячского уезда, поручику Николаю Савичу на проезд в Германию, Италию, Швейцарию и Бельгию для излечения болезни, а также для хозяйственных и коммерческих надобностей.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности

Василий Оржевский

20 марта 1847 г., № 553.

Ч. X, арк. 2. Автограф.

№ 58

1847 р. березня 21.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО НАКАЗ ЗААРЕШТУВАТИ М. І. САВИЧА І ДОСТАВИТИ ЙОГО В III ВІДДІЛЕННЯ

Весьма секретно и нужное

Его высокопревосход[ительству] Л. А. Перовскому

21 марта 1847 г., № 440

Милостивый государь Лев Алексеевич!

Помещик Полтавской губ., Гадячского уезда, Николай Иванович Савич в исходе 1846[2] г. отправился за границу и ныне, по встретившейся чрезвычайной надобности, государь император повелеть соизволил при возвращении Савича в Россию задержать его на самой границе, опечатать, не рассматривая на месте, все его бумаги и вещи и тотчас вместе с оными отправить в С.-Петербург в III отделение С. е. и. в. канцелярии в сопровождении самого благонадежного и верного чиновника под строжайшим надзором.

О таковой монаршей воле уведомляя ваше высокопревосходительство, и покорнейше прося Вас, милостивый государь, не изволите ли приказать немедленно сделать распоряжение к исполнению оной по всей западной и южной границам России, долгом считаю присовокупить, что о сделании подобного распоряжения по таможенному ведомству я с сим вместе отнесся к г-ну министру финансов.

Примите уверение в соверш[енном] почт[ении] и пред[анности].

Подп[исал] гр. Орлов[3]

Ч. X, арк. 3, 4. Відпуск.

№ 59

1847 р. квітня 21.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА ЗАКОРДОННИХ СПРАВ К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ ПРО НЕОБХІДНІСТЬ НЕГАЙНОГО ПОВЕРНЕННЯ М. І. САВИЧА З-ЗА КОРДОНУ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. К. В. Нессельроде

21 апреля 1847 г., № 630

М[илостивый] г[осударь] гр. Карл Васильевич!

За границею находится помещик Гадячского уезда, Полтавской губ., поручик Николай Савич, которому выдан в 1846 г. паспорт на проезд в Германию, Италию, Швейцарию и Бельгию.

По высочайшему повелению имею честь покорнейше просить ваше сиятельство, не изволите ли предписать, кому надлежит, объявить помещику Савичу, дабы он немедленно возвратился в Россию, и чтобы посольства наши сообщили предварительно как о времени обратного выезда его, так и о пограничном пункте, чрез который он возвратится в империю.

Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. X, арк. 5. Відпуск.

№ 60

1847 р. травня 6.— ВІДНОШЕННЯ К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО РОЗПОРЯДЖЕННЯ РОСІЙСЬКИМ МІСІЯМ У НІМЕЧЧИНІ, ІТАЛІЇ, ШВЕЙЦАРІЇ ТА В м. ГААЗІ З ПРИВОДУ ПОВЕРНЕННЯ М. І. САВИЧА В РОСІЮ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения Вашего сиятельства от 21 апреля под № 630[4] предписано миссиям и консульствам нашим в Германии, Италии и Швейцарии, также миссии в Гааге, за несуществованием таковой в Бельгии, объявить поручику Савичу, чтобы он возвратился немедленно в Россию, и доставить предварительно сведение, как о времени его обратного выезда, так и о пограничном пункте, чрез который он возвратится в империю.

Извещая о сем Вас, милостивый государь, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. Нессельроде

Мая 6 дня 1847 г., № 1309.

Помітка про одержання: 7 мая 1847 г.

Ч. X. арк. 6. Оригінал.

№ 61

1847 р. квітня, не раніше 21.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПОЛІТИЧНІ ПОГЛЯДИ М. І. САВИЧА ТА СУМНІВНІСТЬ ПРИЧЕТНОСТІ ЙОГО ДО ТОВАРИСТВА

Савич

Помещик Полтавской губ. отставной поручик Николай Савич. Студент Петров[5] объявляет, что Савич в декабре 1846 г., в собраниях у Гулака при Костомарове и Навроцком, ревностно доказывал необходимость уничтожить в России монархическое правление и ввести народное в представительной форме; говорил, что этот переворот легко произвести при настоящих, по его мнению, неблагоразумных распоряжениях правительства; что наше правительство, подавляя дух народный, желает ввести в России китаизм[6], но народный дух необходимо должен высвободиться от тяготеющего на нем деспотизма и что возводимая в Киеве крепость будет удобнейшим местом для собрания заговорщиков; в другой же раз, у Гулака при Навроцком, Савич утверждал, что в их деле могут быть важными помощниками и воспитанники военно-учебных заведений, если между ними распространять идею свободы.

Костомаров и Навроцкий показали, что они были едва знакомы с Савичем. Прочие прикосновенные лица отозвались, что они вовсе не знают Савича, который был только несколько дней в Киеве, проездом за границу.

21 марта сделано распоряжение о задержании Савича на границе [7] при возвращении его в Россию, а 21 апреля сообщено государственному канцлеру высочайшее повеление об объявлении Савичу, дабы он немедленно возвратился в отечество [8].

Ч. X. арк. 7, 8. Копія.

№ 62

1847 р. червня 27.— ВІДНОШЕННЯ К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО НАДІСЛАННЯ КОПІЇ ДЕПЕШІ РОСІЙСЬКОГО ПОСЛАННИКА В НІМЕЧЧИНІ П. Я. УБРІ З ПРИВОДУ ПЕРЕДАЧІ М. І. САВИЧУ РОЗПОРЯДЖЕННЯ ПОВЕРНУТИСЯ В РОСІЮ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

В дополнение к отношению моему от 6 мая под № 1309[9] имею честь препроводить при сем к вашему сиятельству копию с депеши посланника нашего при Германском Союзе[10] о сделанном им поручику Савичу объявлении, чтобы он немедленно возвратился в Россию, и об отзыве сего последнего.

Из означенной депеши видно, между прочим, что этот офицер намерен отправиться через Пруссию из Штеттина в Кронштадт.

Прилагая у сего и упоминаемую в депеше подписку г-на Савича[11], возобновляю Вам, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. Нессельроде

Июня 27 дня 1847 г., № 5245.

Помітка про одержання: 28 июня 1847 г.

Ч. X, арк. 9. Оригінал.

№ 63

1847 р. червня 14(26).— ДЕПЕША П. Я. УБРІ В МІНІСТЕРСТВО ЗАКОРДОННИХ СПРАВ ПРО ПОВЕРНЕННЯ М. І. САВИЧА В РОСІЮ

Копия с депеши г-на посланника нашего при Германском Союзе к г-ну государственному канцлеру от 14 (26) июня 1847 г. под № 70.

В дополнение моего отношения от 29 мая за № 69 имею честь донести вашему сиятельству, что 10 (22) июня поручик Николай Савич представил в вверенную мне миссию свой паспорт с просьбою прописать его на проезд в австрийские владения.

Объявив ему высочайшее повеление, сообщенное мне отношением вашего сиятельства от 6 мая за № 1309[12] поручик Савич дал мне прилагаемую при сем расписку[13] и намеревался отправиться через Пруссию в Россию, а именно воспользоваться пароходом из Штеттина в Кронштадт. Паспорт же его прописан через Пруссию в Россию.

Верно: старший столоначальник[14]

Ч. X. арк 10. Копія.

№ 64

1847 р. червня 10(22).— РОЗПИСКА М. І. САВИЧА РОСІЙСЬКІЙ МІСІЇ В НІМЕЧЧИНІ ПРО ПОВЕРНЕННЯ В РОСІЮ

Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что императорскою российскою миссиею при Германском Союзе мне сообщено высочайшее повеление о возвращении моем в Россию. Со стороны моей я не предвижу никакого препятствия для моего возвращения.

Поручик Николай Савич

10 (22) июня 1847 г.

Ч. X, арк. 11. Автограф.

№ 65

1847 р. червня 30.— ВІДНОШЕННЯ К. В НЕССЕЛЬРОДЕ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НЕМОЖЛИВІСТЬ НЕГАЙНО ДОСТАВИТИ М. І. САВИЧА З НІМЕЧЧИНИ В III ВІДДІЛЕННЯ В ЗВ'ЯЗКУ З ПОРАНЕННЯМ ЙОГО ПІД ЧАС СПРОБИ САМОГУБСТВА

[Его] сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь Алексей Федорович!

После отправления к вашему сиятельству отношения моего от 27 июня под № 5245 [15] я получил депешу посланника нашего при Германском Союзе, с которой копию поставляю долгом препроводить при сем.

Из депеши г-на Убри Вы изволите, милостивый государь, усмотреть, что поручик Савич покусился на самоубийство, но не успел довершить оного. Сие обстоятельство заставило посланника приостановить отъезд Савича в Россию до тех пор, пока он не оправится от нанесенных себе ран. Между тем г-н Убри просил курфпршеского гессенского министра иностранных дел барона Дернберга отправить тогда этого офицера с проводником до Любека и предварил о том находящегося в сем последнем городе нашего генерального консула, которому я не оставил дать и с своей стороны надлежащее по сему предмету предписание [16].

Прилагая к сему бумаги, упоминаемые в депеше г-на Убри [17], покорнейше прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. Нессельроде

Июня 30 дня 1847 г., № 5324.

Резолюція О. Ф. Орлова: Переговорить.

Помітки: 1. Л. В. Дубельта: Доклад и степень вины.

2. Про одержання: 1 июля 1847 г.

Ч. X. арк. 12. Оригінал.

№ 66

1847 р. червня 19 (1 липня).— ДЕПЕША П. Я. УБРІ В МІНІСТЕРСТВО ЗАКОРДОННИХ СПРАВ РОСІЇ З ВИКЛАДОМ ПОДРОБИЦЬ СПРОБИ М. І. САВИЧА ПОКІНЧИТИ ЖИТТЯ САМОГУБСТВОМ

Копия с депеши посланника нашего при Германском Союзе к г-ну государственному канцлеру от 19 июня 1847 г. под № 71

Моим отношением от 14 (26) июня за № 70 я имел честь донести вашему сиятельству, что, сообщив поручику Николаю Савичу высочайшее повеление, по которому ему велено возвратиться немедленно в Россию, он мне дал расписку о сем объявлении[18], которую я представил вашему сиятельству, и без возражений согласился исполнить приказание правительства. Ныне я получил от гессен-кассельского министра иностранных дел барона Дернберга приложенное при сем отношение [19], в котором он меня уведомляет, что поручик Савич прибыл 12 (24) июня в Кассель и что на другой день, находясь в бане, попытался себя зарезать, что ему однако ж не удалось. Подробности сего покушения на самоубийство изложены в рапорте кассельской полиции [20] и в свидетельстве городового доктора [21] [22], приложенные при отношении барона Дернберга, и которые я честь имею представить при сем вашему сиятельству. Из сих приложений Вы изволите увидеть, милостивый государь, что поручик Савич, страдая ипохондриею, объясняет свое поку-

шение на самоубийство тем, что, получив повеление возвратиться в Россию, он этим известием сильно поражен и хотя чувствует себя невинным, но опасается осуждения [23].

При сих обстоятельствах невозможно было позволить Савичу продолжать свое путешествие без надзора и также нужно было дать ему время поправиться от нанесенных себе ран. Посему я написал к барону Дернбергу приложенное при сем отношение [24], прося его взять на себя труд иметь попечение о нем и в случае возможности отправить его с проводником, по крайней мере, до Любека, куда я не преминул отнестись прямо к нашему генеральному консулу с просьбою наблюдать за Савичем при отправлении его на пароходе и в течение дальнейшего его путешествия до России.

Хотя у Савича оказалось несколько денег, а именно: 48 Napoléons и 13 frédérics d'or,— я известил г-на гессен-кассельского министра иностранных дел, что если эта сумма будет недостаточна, я заплачу нужные деньги на путешествие и на время пребывания Савича в Касселе, но вместе с тем честь имею донести о том вашему сиятельству, дабы у родных его в России взяты были нужные меры к возврату в свое время этих денег, также дабы ваше сиятельство могли по существу сего дела снабдить нашего генерального консула в Любеке наставлением, каким образом он имеет поступить относительно поручика Савича.

В ожидании дальнейших предписаний вашего сиятельства имею честь быть с совершенным... и проч[ее].

Верно: старший столоначальник [25].

Ч. X, арк. 13, 14. Копія.

№ 67

1847 р. червня 27.— ЛИСТ ГЕССЕН-КАССЕЛЬСЬКОГО МІНІСТРА ЗАКОРДОННИХ СПРАВ БАРОНА ДЕРНБЕРГА ДО П. Я. УБРІ З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО СПРОБУ САМОГУБСТВА М. І. САВИЧА І З ЗАПИТАННЯМ, ЯК З НИМ ПОВОДИТИСЬ

Monsieur le Baron!

Aujourd'hui soir le Ministère de l'intérieur me communique un rapport lui fait par la direction de police à Cassel, d'après lequel Mr. Sawitsch, Lieutenant au service Impérial Russe séjournant actuellement ici et souffrant de mélancolie, a essayé son suicide. Je m'empresse d'avoir l'honneur de transmettre ci — joint ce rapport [26] avec le passeport de Mr. Sawitsch et l'avis du médecin qui le traite [27], en priant Votre Excellence de vouloir bien aussitôt que possible me faire connaitre, de quelle manière la continuation du voyage du dit officier —— pourvû du reste avec assez d'argent — — pourrait se faire et me retourner les trois pièces précitées.

Veuillez en attendant, Mr. le Baron, agréer ...

Cassel le 27 Juin 1847 .

[Signé] Dörnberg

à S. Exc. Mr. le Baron d'Oubril.

Ч. X, арк. 15. Копія.

Переклад

Пане барон!

Сьогодні ввечері міністерство внутрішніх справ передало мені рапорт від дирекції поліції Касселя, з якого виходить, що п[ан] Савич, поручик російської імператорської служби, перебуваючи зараз тут і страждаючи від меланхолії, спробував покінчити самогубством. Маю честь якнайш-

видше переслати доданий до цього рапорт разом з паспортом п[ана] Савича і довідкою лікаря, який його лікує, і прошу ваше превосходительство якнайшвидше повідомити мене, яким способом може продовжуватись подорожування вказаного офіцера, забезпеченого до того ж достатньою кількістю грошей, а також повернути мені три вищезазначені документи.

Прийміть запевнення, п[ане] барон, у повазі.

Кассель, 27 червня 1847 р.

[Підпис] Дернберг

[Його] пр[евосходительству] п[ану] барону Д'Убри.

№ 68

1847 р. червня 18.— ЛИСТ П. Я. УБРІ ДО БАРОНА ДЕРНБЕРГА З ПРОХАННЯМ ВСТАНОВИТИ ЗА М. І. САВИЧЕМ ПИЛЬНИЙ ДОГЛЯД ДО ЙОГО ВИДУЖАННЯ

Копия с отношения г-на действительного тайного советника Убри к г-ну гессен-кассельскому министру иностранных дел барону Дернбергу

От 18 (30) июня 1847 г.

Je viens de recevoir la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'adresser au sujet de M-r le Lieutenant Sawitsch, et je Vous restitue, M-r le Baron, les annexes selon Votre désir avec mes remerciements pour cette communication et pour les soins qui ont été donnés au malade.

Effectivement il a été informé ici que le Gouvernement Impérial réclamait son retour en Russie sans que la raison m'en fut connue, et il n'a pas balancé un instant à obtemperer à cette volonté ce qui, quelle que fut la cause de son rappel en Russie était sans aucun doute le meilleur parti qu'il eut à prendre et qui a constamment tourné à l'avantage de ceux auxquels j'ai été jusqu'ici dans le cas d'annoncer des dispositions de la même nature à leur égard.

M-r Sawitsch qui a l'air maladif et assez hypocondre, aura probablement ruminé et pris l'avis de personnes qui ne connaissent la Russie que par les diatribes de la Presse et la tête lui aura complètement tourné. C'est un malheur, mais malade il acquiert des droits à une assistance pleine d'humanité.

J'engage donc V. E. à lui laisser ignorer que Vous Vous en êtes referé à moi. Veuillez disposer qu'il soit établi près de lui une surveillance bienveillante jusqu'à sa guérison des blessures qu'il s'est faites et s'il voulait continuer son voyage, qu'il n'y soit pas mis obstacle, mais qu'il soit accompagné jusqu'à Lubeck sous un pretexte plausible quelconque par quelqu'un qui veille pendant le voyage à ce qu'il ne se laisse pas aller de nouveau aux effets de sa mélancolie. J'aurai soin de prévenir notre Consul à Lubeck, M-r de Schloezzer, de la position et de l'état du malade afin qu'il puisse le faire surveiller à son arrivée, et pendant la traversée: et comme je rends compte immédiatement au Gouverne — ment Impérial de la communication que Vous m'avez faite il est possible que M-r de Schloezzer reçoive directement de S. Pétersbourg das instructions concernant M-r Sawitsch.

Je trace ces idées, M-r le Baron, dans la supposition que M-r Sawitsch n'a eu qu'une aberration mentale momentanée, mais s'il avait l'esprit décidément dérangé il n'y aurait d'autres soins à lui donner que ceux qui sont habituels dans des cas semblables.

En adressant à Votre Excellence une prière relative à des soins d'une nature différente et que je desirerais que M-r Sawitsch put attribuer uniquement à la bienveillance des autorités locales, il s'entend que je serai prêt à rembourser les dépenses auxquelles mes demandes auraient donné lieu.

Veuillez recevoir d'avance, M-r le Baron, mes remerciements pour la suite que Vous voudrez bien donner au contenu de cette lettre et les assurances de mes sentiments de haute considération.

Ч. X, арк. 16, 17. Копія.

Переклад

Лист, якого ваша екселенція мала честь мені направити і який стосується пана поручика Савича, я щойно одержав; повертаю Вам, пан барон, за Вашим бажанням, документи, які Ви мені надіслали, дякуючи Вам водночас за Ваше повідомлення і за турботи про хворого.

Справді, йому було повідомлено про те, що імператорський уряд вимагає його повернення в Росію, хоча причина цього мені невідома; він підкорився цій волі без хитань, що є, яка б не була причина його відкликання, найкращим з рішень, яке він міг прийняти і що завжди йшло тільки на користь тим, кому подібні рішення мені доводилось об'являти.

Пан Савич, з вигляду досить хворобливий і іпохондрик, певно, почне займатись філософствуванням і схилятися до думок тих людей, які знають Росію тільки з памфлетів преси, і голова йому пішла обертом.

Це — нещастя, але стан його здоров'я дає йому право на людське милосердя.

Тому прошу ваше превосходительство приховати від нього, що Ви звертались до мене з приводу цієї справи. Розпорядіться, будь ласка, встановити за ним до кінця його видужання від ран, які він собі заподіяв, достатньо дбайливий догляд, і якщо він захоче продовжувати свою подорож, не треба робити йому перешкод, але треба послать когось, під якимсь правдоподібним приводом, його супроводжувати до Любека і простежити в дорозі за тим, щоб він не потрапив знову під вплив своєї меланхолії.

Я подбаю про те, щоб попередити нашого консула в Любеку пана Шлецера про становище і здоров'я хворого, щоб він міг забезпечити догляд за ним після його прибуття і під час переїзду морем, а оскільки я зразу ж сповіщу імператорський уряд про повідомлення, яке Ви мені передали, можливо, що пан Шлецер одержить прямо з Петербурга інструкції відносно Савича.

Я викладаю ці міркування, пане барон, припускаючи, що пан Савич мав тільки тимчасове розумове збочення; але якщо його розум зазнав більш сталого розладнання, то йому належить та опіка, яка робиться в подібних випадках. Звертаючись до вашого превосходительства з проханням, зв'язаним з різними турботами, і зважаючи на моє бажання, щоб пана Савича було залишено повністю на піклування місцевих властей, я готовий безперечно відшкодувати збитки, які моє прохання може викликати.

Прийміть наперед, пане барон, подяку за те, що Ви зробили згідно з цим листом, і запевнення в моїй глибокій повазі.

№ 69

1847 р. червня 27.— ВІДНОШЕННЯ ГЕССЕН-КАССЕЛЬСЬКОЇ РЕЗИДЕНЦІЇ ПОЛІЦІЇ КУРФЮРСТСЬКОГО МІНІСТЕРСТВА ДО МІНІСТЕРСТВА ВНУТРІШНІХ СПРАВ З ПРОХАННЯМ ПОРОЗУМІТИСЬ З РОСІЙСЬКИМ КОНСУЛЬСТВОМ У ФРАНКФУРТІ ПРО М. І. САВИЧА

Kurfürstliches Ministerium des Innern.
Die Residenz — Polizei — Direction berichtet in Betreff von dem Russischen Lieutenant Sawitsch versuchten Selbstentleibung.

Am 24ten d: ist der, durch anliegenden Paß legitimierte, Russische Lieutenant Sawitsch im Gasthofe zum Ritter dahier eingekehrt, und hat gestern in einer hiesigen Badeanstalt versucht, sich durch Schnitte mit einem Rasiermesser an beiden Armen und dem Halse zu entleiben, welches jedoch durch zeitig hiezugekommene Hülfe verhinfert worden ist. Der Vulnerat ist außer aller Lebensgefahr, es sind jedoch, wie auch aus der beiliegenden Äußerung des Stadtphysikus hervorgeht, Spuren von Geisteskrankheit, wiewohl nicht in erheblichem Grade, an ihm wahrzunehmen.

Als Grund der versuchten Selbstentleibung gibt er an, daß er von der Kaiserlich Russischen Gesandtschaft zu Frankfurt angewiesen worden sei, in Folge eines Befehls des Kaisers sofort nach Rußland zurückzukehren, weßhalb er befürchten müsse, daß in Rußland irgend eine Anschuldigung gegen ihn vorliege, wobei er, wenn auch unschuldig, werde unterliegen müssen.

Da es unter diesen Umständen, welche besorgen lassen, daß er nochmals Hand an sich legen werde, sehr bedenklich erscheint, ihn ohne Beaufsichtigung weiter reisen zu lassen, so gebe ich gehorsamst anheim: mit der Kaiserlich Russischen Gesandtschaft zu Frankfurt darüber hochgeneigtest in Communication zu treten, auf welche Weise die Weiterreise des g. Sawitsch, welcher übrigens im Bezitze von 48 Napoleons d'or und 13 Friedrichs d'or ist — zu bewerkstelligen sein dürfte.

Cassel am 27 Juny 1847.

[Gez] Morchutt

Ч. X, арк. 18, 19. Копія.

Переклад

Курфюрстське міністерство внутрішніх справ
Резиденція дирекції поліції повідомляє
про спробу самовбивства російського поручика Савича

24-го числа ц. м. у готелі «Цум Ріттер» зупинився російський поручик Савич, законне перебування якого підтверджується пред'явленим паспортом, а вчора в одній з тутешніх бань, порізавши собі обидві руки і шию, вчинив спробу самогубства, чому однак перешкодила вчасно прибула допомога, хоча ніякої небезпеки для життя пораненого немає, все ж, як видно з доданого висновку міського лікаря, вбачаються симптоми психічного розладу, хоч і в незначній мірі.

Причиною спроби самогубства він вважає те, що імператорське російське консульство в Франкфурті звеліло йому, внаслідок наказу царя, негайно повернутись в Росію, тому він побоюється, що в Росії зведено на нього якесь звинувачення і він, хоча невинний, підлягатиме слідству.

Оскільки за таких обставин є побоювання, що він ще раз накладе на себе руки, здається ризикованим залишити його подорожувати далі без нагляду, тому найпокірніше подаю на Ваше рішення таку пропозицію: будьте ласкаві, порозумітись з імператорським російським консульством в

Франкфурті, як здійснювати дальшу подорож згаданого Савича, який, між іншим, має ще при собі 48 наполеондорів і 13 фрідріхсдорів.

Кассель 27 червня 1847 р.

Під[пис] Моршут

№ 70

1847 р. червня 27.— ПОВІДОМЛЕННЯ ЛІКАРЯ ФІДЕРА ДО КУРФЮРСТСЬКОЇ РЕЗИДЕНЦІЇ ДИРЕКЦІЇ ПОЛІЦІЇ ПРО СТАН ЗДОРОВ'Я М. І. САВИЧА

Kurfürstl. Residenz — Polizei — Direction

Dem hochverehrlichen mündlichen Ersuchen entsprechend habe ich heute den im Gasthause zum Ritter logierenden Lieutenant Nicolaus Sawitsch untersucht und beehre mich ergebenst mitzutheilen, daβ derselbe seinem Benehmen und Leiden nach von Melancholie, deren ursächlichen Momente insbesondere neben der athletischen, glatorischen Körperconstitution in vorausgegangenen Krankheiten aus depremirenden Gemüthseindrücken begründet sind, leidet.

Cassel 27.6.47

(Gez) Dr. Fieder

Ч. X, арк. 20. Копія.

Переклад

Курфюрстська резиденція дирекції поліції

Згідно з Вашим вельмишановним усним проханням я оглянув сьогодні у готелі «Цум Ріттер» поручика Миколу Савича і маю честь найпокірніше повідомити, що він, як це видно з його поведінки і страждань, хворіє на меланхолію, причинні фактори якої, особливо з його атлетичною гладіаторською будовою тіла при перенесених болях, пояснюються гнітючими душевними переживаннями.

(Підп[ис]) Др. Фідер

Кассель 27.6 1847 р.

№ 71

1847 р. червня 15(27).— ВИПИСКИ З РАПОРТУ НАЧАЛЬНИКА КАССЕЛЬСЬКОЇ ПОЛІЦІЇ В МІНІСТЕРСТВО ВНУТРІШНІХ СПРАВ ГЕССЕН-КАССЕЛЬСЬКОГО КЮРФЮРСТВА ПРО ПОРАНЕННЯ М. І. САВИЧА ПІД ЧАС СПРОБИ САМОГУБСТВА І СВІДЧЕННЯ ЛІКАРЯ

Выписка из рапорта Кассельской полиции Министерству внутренних дел от 27 июня 1847 г.

Поручик Савич 24 июня прибыл в г. Кассель, а 25 ч[исла] пошел в баню, и там бритвою нанес себе раны на обеих руках и шее. Скорою помощию он был остановлен от решительного самоубийства. Причина такового посягательства, как объяснил Савич, состояла в том, что ему, по высочайшему повелению, объявлено от посольства нашего во Франкфурте приказание возвратиться в Россию, и он, при всей невинности своей, боялся быть осужденным.

В настоящем положении Савич требует наблюдения за ним, дабы вновь не покусился на жизнь свою, и без надзора не может быть отправлен в Россию [28].

Выписка из медицинского свидетельства кассельского доктора Фидера от 27 июня.

Доктор Фидер свидетельствует, что Савич страдает ипохондриею [29].

Ч. X, арк. 21. Копія.

№ 72

1847 р. липня 4.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I ПРО СПРОБУ САМОГУБСТВА М. І. САВИЧА

Копия

Об отставном поручике Савиче

В апреле месяце, по высочайшему повелению, сообщено мною государственному канцлеру об объявлении находящемуся за границею помещику Полтавской губ. отставному поручику Савичу, прикосновенному к делу об Украйно-славянском обществе, дабы он немедленно возвратился в Россию.

Вследствие сего государственный канцлер сообщил мне [30], что Савич, находившийся во Франкфурте-на-Майне, выслушав от посольства нашего означенное объявление, дал подписку [31], что он немедленно исполнит монаршую волю и воспользуется первым пароходом для отправления через Штеттин и Кронштадт в С.-Петербург, а вслед за тем прибыл в Кассель; он покушался в бане лишить себя жизни и нанес себе раны бритвою на шее и руках, но от решительного самоубийства был удержан.

Из доставленных государственным канцлером бумаг видно, что Савич, по отзыву свидетельствовавшего его медика, подвержен ипохондрии, сам же Савич при распросах о причине посягательства на жизнь объяснил, что когда ему было объявлено высочайшее повеление возвратиться в Россию, то он, хотя чувствует себя невинным, опасался быть осужденным [32].

Как при сих обстоятельствах нужно было дать Савичу время поправиться в здоровье и принять меры осторожности, то посольствами нашими сделано распоряжение, по которому означенному дворянину будет сопутствовать проводник до прибытия его в Россию.

Всеподданнейше докладывая о сем вашему императорскому величеству, обязанностью считаю приложить при сем записку о обвинениях, представляющихся против Савича [33].

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

4 июля 1847 г.

Помітка: Подлинный его величество изволил читать.

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Ч. X. арк. 22, 23. Відпуск.

№ 73

1847 р. липня 4 [34].— ЗАПИСКА ПРО ОБВИНУВАЧЕННЯ М. І. САВИЧА, СКЛАДЕНА III ВІДДІЛЕННЯМ

Копия

Обвинения, представляющиеся против Савича

Помещик Полтавской губ. отставной поручик Николай Савич. Студент Петров объявляет, что Савич в декабре 1846 г. в собраниях у Гулака, при Костомарове и Навроцком, ревностно доказывал необходимость уничто-

жить в России монархическое правление и ввести народное, в представительной форме; говорил, что этот переворот легко произвести при настоящих, по его мнению, неблагоразумных распоряжениях правительства, что наше правительство, подавляя дух народный, желает ввести в России китаизм, но народный дух необходимо должен высвободиться от тяготеющего на нем деспотизма, и что взводимая в Киеве крепость будет удобнейшим местом для собрания заговорщиков; в другой же раз, у Гулака при Навроцком, Савич утверждал, что в их деле могут быть важными помощниками и воспитанники военно-учебных заведений, если между ними распространять идею свободы.

Костомаров и Навроцкий показали, что они были едва знакомы с Савичем. Прочие прикосновенные лица отозвались, что они вовсе не знают Савича, который был только несколько дней в Киеве, проездом за границу.

Подписал генерал-лейтенант Дубельт
Верно: старший чиновник Попов

Ч. X, арк. 24. Відпуск.

№ 74

1847 р. липня 18.— СУПРОВІДНА ЗАПИСКА К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ О. Ф. ОРЛОВУ ДО ДОНЕСЕННЯ РОСІЙСЬКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА В. м. ЛЮБЕКУ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ М. І. САВИЧА В РОСІЮ ЧЕРЕЗ КРОНШТАДТ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь Алексей Федорович!

В дополнение к отношению моему от 30 июня под № 5324[35] имею честь препроводить при сем к вашему сиятельству копию с донесения генерального консула нашего в Любеке о прибытии поручика Савича в тот город и о сделанных генеральным консулом распоряжениях для отправления сего офицера в Кронштадт[36].

Прилагая у сего и упоминаемый в донесении список вещей г-на Савича[37], возобновляю Вам, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. Нессельроде

Июля 18 дня 1847 г., № 5889.

Помітка про одержання: 19 июля 1847 г.

Ч. X, арк. 25. Оригінал.

№ 75

1847 р. червень 12(24).— РАПОРТ РОСІЙСЬКОГО КОНСУЛЬСТВА У ЛЮБЕКУ ДЕПАРТАМЕНТУ ЗОВНІШНІХ ЗНОСИН ПРО СТАН ЗДОРОВ'Я М. І. САВИЧА ТА ПОВЕРНЕННЯ ЙОГО В РОСІЮ

Copie d''un rapport adressé au Département des Relations Intérieures par le Consulat Général de Russie à Lubeck en date du 12/24

Juillet 1847 № 41

L'office № 3610 du 6 Mai prescrit au Lieutenant Sawitsch de retourner dans sa patrie.

S. Ex. Mr. d'Oubril aura informé le Département du triste sort que Sawitsch a eu à Cassel, d'où il arriva ici Samedi passé le 5/17 Juillet, quelques

heures après le départ du pyroscaphe Naslednik, accompagné de deux employés de police, sous le titre de deux médecins. Après l'essai fait à Cassel pour se suicider, Sawitsch a maintenant l'esprit entièrement égaré et se trouve dans un état très malheureux.

Comme il est absolument impossible de le laisser partir seul et ne pouvant pas m'exposer à la responsabilité d'un second essai de se tuer, j'ai cru de mon devoir d'engager l'employé de la police ici, nommé Guthery, homme sûr et que je connais depuis longtemps, pour l'accompagner aussi sous le titre de médecin à St. Pétersbourg. Guthery et un second aide n'ont pas laissé seul Sawitsch, depuis Samedi passé jusqu'à aujourd'hui à Travemunde, où il a pris des bains et s'est promené suivant le conseil de mon médecin.

Après son retour à Lubeck Guthery sera payé par moi et je ne manquerai pas de rendre compte plus tard de tous les déboursés que j'ai eu pour Sawitsch en observant que Guthery remettra à la police à Cronstadt les effets de Sawitsch et la somme entière dont il était muni à son arrivée ici, d'après une spécification que j'ai l'honneur de joindre en duplicata.

[Signe] Le Consul Schlözer

P. S. Je viens d'apprendre de Travemunde que hier Sawitsch a essayé deux fois de se tuer. Il ne prononce que les paroles: «Je veux mourir».

Ч. X, арк. 26. Копія.

Переклад

Копія рапорта у департамент зовнішніх зносин від російського консульства у Любеку від 12(24) червня 1847 р., № 41

Відношення № 3610 від 6 травня наказує поручику Савичу повернутися на батьківщину.

Його превосходительство пан Убрі поінформував департамент про нещастя, яке спіткало Савича у Касселі, звідки він прибув сюди минулої суботи 5 (17) липня через кілька годин після відплиття пароплава «Спадкоємець», в супроводі двох службовців поліції під виглядом лікарів. Після спроби самогубства в Касселі Савич зараз в досить нещасному стані і розум його зовсім потьмарився.

Оскільки зовсім неможливо було його відправити одного і, не бажаючи брати на себе відповідальність за нову спробу покінчити з собою, я вважав своїм обов'язком відрядити тутешнього співробітника поліції, Гютері, людину певну і яку я знаю давно, його супроводжувати також під виглядом лікаря до Петербурга.

Гютері і його помічник не лишали Савича наодинці з минулої суботи до сьогодні в Травемюнді, де він прийняв ванну і зробив прогулянку, згідно з порадою мого лікаря.

Я розрахуюся з Гютері після його повернення в Любек і дам звіт пізніше про всі витрати, зв'язані з Савичем, маючи на увазі, що Гютері віддасть поліції Кронштадта речі Савича і всі гроші, які він мав, прибувши сюди, згідно з описом, дублікат якого я маю честь додати.

[Підписано] Консул Шлецер

Постскриптум.

Я тільки що довідався з Травемюнде, що вчора Савич намагався двічі покінчити з собою. Він повторяв: «Я хочу вмерти».

№ 76

1847 р. липня, не раніше 18.— ОПИС РЕЧЕЙ
М. І. САВИЧА

1 schwarzer Frack
1 d. Beinkleid
1 blau und weiß Karierte wollen Hose
1 graun Casimirhose
1 blau und grün karierte wollen Weste
2 Paar wef blau wollen Socken
5 weiße Taschentücher
1 braun und blaugestreiftes Halstuch
7 leinen Hemden
1 Paar lackirte Lederschuhe
1 «schwarze Zeugstiefen
2 weiße Kissenüberzüge
5 Paar weiß baumwollen Socken
1 französ: italienisch: Dictionair
1 d. Wörterbuch
1 engl: französ: Dictionair
1 russà deutsch: Taschenwörterbuch
1 Anweisung zur englisch: Sprache
1 Rhein—Panorama von Schafhausen bis Rotterdam
1 chemische Experimente
1 General-Karte von Europa
1 Mappe enthält weißes und beschriebenes Papier
1 Document in russ. Sprache
1 französische literarische Ankündigung
1 Kleiderbürste
1 Hutbürste
1 Haarbürste
1 Nägelbürste
2 Kämmen
1 Schachtel mit weißem Pulver
1 Paquet Visitenkarten
1 hölzernes Tintenfaß
1 Paar weiß lederen Handschuhe
1 grauen leinen Beutel

ämmtliches in 1 ledernen Koffer. Ausserdem ist Sawitsch bekleidet:

1 Paar lederne Schuhe
1 « weißbaumwollen Socken
1 graues Sommerbeinkleid
1 leines Hemd
1 Paar gurten Hosenträgern
1 seidenes Halstuch, braun, blau und weiß
. weiße Piquet Weste
1 dunkle Weste
. schwarzer Oberrock
« Sackrock
schwarz seidener Hut
igt eine goldene Cilinderuhr
1 seidenen Regenschirm
48 Stück Napoleons d'or
1 Kronenthaler
3 Preuß: Thaler
1 d. Achtgroschenstück
2 d. Viergroschenstük
1 frankfurter 6 Kreuzer
2 Stück hannöv: Gutegroschen
1 Schweizer Batzen
1 Vierpfennigstück
2 Kleine unbedeutende mir unbekannte Münzen
1 Kupfermünze

avemünde d. 6 (18) Jiuly 1847

Robert Guthery
für die Richtigkeit der Abschrift Schlözer.

эмітка: *Весьма нужное*

X, арк. 27, 33. Засвідчена копія.

Переклад

чорний фрак
—«— панталони
клітчаті голубо-білі вовняні штани
сірі кашемірові штани
клітчастий голубо-зелений жилет
пари біло-голубих вовняних шкарпеток
білих хусточок
1 коричнево-голубий смугастий шарф
7 льняних сорочок
1 пара лакованих шкіряних черевиків
1 пара чорних матерчатих черевиків
2 білі пошивки
5 пар білих бавовняних шкарпеток

1 французько-італійський словник
1 французький словник
1 англо-французький словник
1 російсько-німецький кишеньковий словник
1 посібник англійської мови
1 Панорама Рейну, від Шафгаузена до Роттердаму
1 хімічні експерименти (книжка)
1 загальна карта Європи
1 тека з чистим і списаним папером
1 документ на російській мові
1 французьке літературне повідомлення
1 щітка для одягу
1 щітка для капелюха
1 щітка для волосся
1 щітка для нігтів
2 гребінці
1 коробка з білою пудрою
1 пакет візитних карток
1 дерев'яна чорнильниця
1 пара білих шкіряних рукавичок
1 сіра парусинова сумка

Все це знаходиться в одному шкіряному чемодані. Крім цього, Савич одягнений:

1 пара шкіряних черевиків
1 пара білих бавовняних шкарпеток
1 сірі літні панталони
1 льняна сорочка
1 пара поясних підтяжок
1 шовковий галстук жовто-біло-голубий
1 білий пікейний жилет
1 темний жилет
1 чорний сюртук
1 чорне сак-пальто
1 чорний шовковий капелюх типу «циліндр»
носить золотий годинник
1 шовкова парасолька для дощу
48 (штук) наполеондорів (монет)
1 кроненталер
3 пруських талери
1 пруська 8-грошова монета
2 пруські 4-грошові монети
1 франкфуртська монета в 6 крейцарів
2 штуки гановерських добрих грошей
1 швейцарський батцен (монета)
1 монета в 4ри пфенінги
2 малі незначні незнайомі мені монети
1 мідна монета

Травемюнде, дня 6 (18) липня 1847

Роберт Гютері

За достовірність копії (Печатка) Шлецер.

№ 77

1847 р. липня 18.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА ФІНАНСІВ Ф. П. ВРОНЧЕНКА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ЗАТРИМАННЯ М. І. САВИЧА В КРОНШТАДТСЬКІЙ ТАМОЖНІ І ВІДПРАВКУ ЙОГО ДО ПОЛІЦМЕЙСТЕРА

Весьма секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 21 марта с. г. за № 441 [38] об учинении по таможенному ведомству распоряжения к задержанию, по высочайшему повелению, помещика Полтавской губ., Гадячского уезда, Николая Ивановича Савича при возвращении его из-за границы и об отправлении его, со всеми находящимися при нем бумагами и вещами, в С.-Петербург, в III отделение С. е. и. в. канцелярии, имею честь уведомить Вас, милостивый государь, о полученном ныне донесении управляющего Кронштадтскою таможнею, что прибывший 16 сего июля из Любека на пароходе «Николай I» поручик Николай Иванович Савич свезен на берег, по распоряжению командира внутренней военной брандвахты в сопровождении

офицера с оной и младшего корабельного смотрителя Кронштадтской таможни Захарова для доставления к кронштадтскому полицмейстеру, на основании сделанного о том распоряжения со стороны г-на кронштадтского военного губернатора. Принадлежащий г-ну Савичу багаж, заключающийся в одном чемодане, без вскрытия оного, запломбирован казенным штемпелем на свинце и препровожден вместе с г-ном Савичем и заграничным паспортом его к кронштадтскому полицмейстеру.

Покорнейше прошу ваше сиятельство принять уверение в моем отличном почтении и совершенной преданности

Ф. Врonченко

18 июля 1847, № 11468

Помітка про одержання: 19 июля 1847 г.

Ч. X, арк. 28, 29. Оригінал.

№ 78

1847 р. липня 16.— РАПОРТ КРОНШТАДТСЬКОГО ПОЛІЦМЕЙСТЕРА ТАУБЕ Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ М. І. САВИЧА ПІД ВАРТОЮ В III ВІДДІЛЕННЯ

Секретно

Его превосходительству управляющему III отделением С. е. и. в. канцелярии г-ну генерал-лейтенанту и кавалеру Леонтию Васильевичу Дубельту

I коллежского советника Таубе

Рапорт

Имею честь донести вашему превосходительству, что прибывший на пароходе «Николай» отставной поручик Николай Савич задержан здесь для представления под присмотром в С.-Петербург

Коллежский советник Таубе

16 июля 1847 г., № 85. Кронштадт.

Резолюція О. Ф. Орлова: В III отделении содержать под бдительным присмотром, не надо забывать, что он зарезался ножом, и успокоить его сколь возможно.

Помітка Л. В. Дубельта: Приготовить вопросные пункты.

Помітка про одержання: 16 июля 1847 г.

Ч. X, арк. 30. Автограф.

№ 79

1847 р. липня 18.— ДОНЕСЕННЯ КРОНШТАДТСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА Ф. Ф. БЕЛЛІНСГАУЗЕНА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ЗАТРИМАННЯ М. І. САВИЧА В КРОНШТАДТІ І ВІДПРАВКУ ЙОГО В III ВІДДІЛЕННЯ

Весьма секретно

В III отделение С. е. и. в. канцелярии

Июля 16 1847 г., № 69

На пришедшем сего числа к Кронштадтскому порту из Любека на российском пароходе «Николай I» под управлением шхипера Шюта прибыл в числе прочих пассажиров помещик Полтавской губ., Гадячского уезда, Ни-

колай Иванович Савич, которого, согласно отношения ко мне бывшего с.-петербургского военного генерал-губернатора от 24 марта с. г. за № 223, по снятии с парохода я имею честь препроводить в III отделение С. е. и. в. канцелярии, с нарочно командированным приставом полиции Шевыревым, вместе с конвертами на высочайшее имя от российского генерального консула в Любеке и распечатанным на имя полиции паспортом Савича за № 896, чемоданом с его вещами и зонтиком, запломбированными таможнею.

Покорнейше прошу о доставлении Савича и о получении бумаг и вещей не оставить меня уведомлением; причем имею честь присовокупить, что Савич прибыл сюда в сопровождении доктора Гарвей, который паспорт не имеет, а состоит по экипажному списку означенного парохода и намерен на этом же пароходе возвратиться за границу [39].

Кронштадтский военный губернатор адмирал Беллинсгаузен [40]

Помітка про одержання: 16 июля 1847 г.

Ч. X, арк. 31. Оригінал.

№ 80

1847 р. липня 12(24).— ВІДНОШЕННЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА РОСІЇ У м. ЛЮБЕКУ ШЛЕЦЕРА ДО КРОНШТАДТСЬКОЇ ДИРЕКЦІЇ ПОЛІЦІЇ ПРО ВІД'ЇЗД В РОСІЮ М. І. САВИЧА У СУПРОВОДІ ПОЛІЦЕЙСЬКОГО ЧИНОВНИКА

Kaiserlich Russisches General-Consulat

Lübek, d. 12/24 Juli 1847, № 39

An die Kaiserliche Polizei Direktion in Kronstadt.

Ich habe die Ehre derselben anzuzeigen, das der gomüthskranke Lieutenant Sawitsch unter Begleitung des hiesigen Polizey Beamten Guthery, jenom als Arzt bezeichnet, mit dem Dampfschiffe Nicolay I heute nach dort abgeht. G uthery hat nach dem anliegenden Verzeich nis se die dem Sawitsch zugehörigen Gelder und Baarschaften abzuliefern, und kehrt nächstdem mit dem «Nicolay I» zurück.

General Consul von Schlözer.

Ч. X, арк. 32. Оригінал.

Переклад

Імператорське російське генеральне консульство

Любек, д[ня] 12 (24) липня 1847, № 39

Імператорській дирекції поліції у м. Кронштадті

Маю честь цим повідомити, що сьогодні на пароплаві «Микола І» від'їжджає до вас психічно хворий поручик Савич у супроводі тутешнього чиновника поліції Гютері, який значиться лікарем.

Гютері повинен доставити належні Савичу гроші готівкою, згідно з доданим списком, і після того повернутися назад [пароплавом] «Микола І».

Генеральний консул фон Шлецер

№ 81

1847 р. липня, не раніше 12 [41].— КОРОТКИЙ ЗМІСТ
ВІДНОШЕННЯ РОСІЙСЬКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА В ЛЮБЕКУ
ДО КРОНШТАДТСЬКОЇ ПОЛІЦІЇ ПРО СУПРОВОДЖЕННЯ М. І. САВИЧА
ПОЛІЦЕЙСЬКИМ ЧИНОВНИКОМ ГЮТЕРІ ПІД ЧАС ЙОГО ПОВЕРНЕННЯ
З-ЗА КОРДОНУ В РОСІЮ

Отношение генерального консула в Любеке в кронштадтскую полицию о том, что при оном препровождается на пароходе «Николай I» в сопровождении тамошнего полицейского чиновника Гутери поручик Савич и что Гутери, по прибытии в Кронштадт, обязан принадлежащие Савичу вещи и деньги передать, кому будет приказано, и затем возвратиться в Любек на означенном же пароходе [42].

Ч. X, арк. 34[43]. Копія.

№ 82

1847 р. липня 16.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА III ВІДДІЛЕННЯМ
ПРИСТАВУ КРОНШТАДТСЬКОЇ ПОЛІЦІЇ ШЕВИРЬОВУ,
ПРО ПРИЙНЯТТЯ ВІД НЬОГО М. І. САВИЧА,
А ТАКОЖ ЙОГО ДОКУМЕНТІВ ТА РЕЧЕЙ

Квитанция № 606

Дана сия частному приставу кронштадтской полиции Шевыреву в том, что доставленный им, в сопровождении двух жандармов из Кронштадта помещик Савич с его бумагами, вещами и деньгами принят в исправности в III отделение С. е. и. в. канцелярии.

Июля 16 дня 1847 г.

Подписал старший чиновник Попов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. X, арк. 35. Відпуск.

№ 83

1847 р. липня 18.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА
ДО Ф. Ф. БЕЛЛІНСГАУЗЕНА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ДОСТАВКУ
В III ВІДДІЛЕННЯ М. І. САВИЧА

Секретно

Его прев[осходительству] Ф. Ф. Беллинсгаузену

18 июля 1847, № 1216

М[илостивый] г[осударь] Фаддей Фаддеевич!

Препровожденные при отношении вашего высокопревосходительства от 16 июля № 69 [44] отставной поручик Савич и находившиеся при нем бумаги и вещи доставлены в III отделение С. е. и. в. канцелярии.

Уведомляя о сем ваше высокопревосходительство, имею честь удостоверить Вас, м[илостивый] г[осударь], в истинном почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. X, арк. 36. Відпуск.

№ 84

[*1847 р.*]— ЗАПИСКА М. І. САВИЧА ПРО ЕМАНСИПАЦІЮ ЖІНОК, А ТАКОЖ ЗЛИТТЯ ФІЛОСОФІЙ ТА РЕЛІГІЙ

Освобождение женщины

Если женщины хотят возвыситься до положения и прав мужчин, они должны также возвыситься до той же степени чувствований и идей.

Красота же иначе не может возвеличить своей власти, как через союз свой с мыслию.

Но эта будущность судеб женщин не может быть отделена от состояния морального мира. Это задача новейшей философии. Без разрешения ее нет и не будет ни политики, ни религии, ни искусства.

Я думаю, что мужчина еще слишком слаб для освобождения женщины. В нашем теперешнем положении женщина освобожденная или все равно ставшая на одну высоту с мужчиной будет ему не по силам. Где равенство, там совершенство, а до сих пор у нас его нет. Может быть, это одна из главных причин упрямства в принятии новых идей Запада, и перепоны [?] у всех на уме, хотя про них никто не говорит [45].

Треугольник и четырехугольник Единство и множество Бог и бог в правлении Человек и человечество	=	Математическая формула жизни настоящей религии

Настоящей религии не будет до тех пор, пока не будет общей образованности на всех точках земного шара. Мы все более или менее приближаемся в понятиях о религии к истине, но самая истина вытечет из соединения и уравнения всех возможных религий и философий, вместе слитых, не в формах своих, но в духе.

Я предвижу два фаза, какие пройдет человечество на пути к истине: это соединение идей Востока и Запада. Мы вступаем уже в этот фаз.

Ч. X, арк. 37. Автограф.

№ 85

1847 р. липня, не раніше 16.— ПЕРЕЛІК КНИГ І ДОКУМЕНТІВ, ВИЛУЧЕНИХ У М. І. САВИЧА ПІД ЧАС ЙОГО АРЕШТУ

Опись бумаг и книг отставного поручика Савича

1. Учебные книги: «Химия», «Курс изучения английского языка», лексиконы английского, италиянского и немецкого языков.

2. Краткие заметки о химии на нескольких листах из лекций, которые Савич слушал в Париже.

3. Отчеты расходам при пользовании Савича в Касселе.

4. Лист, на котором рукою Савича, между прочим, написано следующее: «настоящей реглигии не будет до тех пор, пока не будет общей образованности на всех точках земного шара. Мы все более или менее приближаемся в понятиях о религии к истине, но самая истина вытечет из соединения и уравнения всех возможных религий и философий, вместе слитых, не в формах своих, но в духе. Я предвижу два фаза, какие пройдет человечество на пути к истине: это соединение идей Востока и Запада; мы вступаем уже в этот фаз» [46].

5. Аттестат Савича, в котором значится, что он из дворян Полтавской губ., от роду 37 лет, исповедания православного, имеет в означенной губер-

нии 130 душ крестьян, в службу вступил из действительных студентов в 1829 г. в Каргопольский драгунский полк, в 1830 г. произведен в прапорщики, участвовал в компании против турок [47] и в 1832 г. по домашним обстоятельствам уволен от службы с чином поручика. В штрафах и под судом не был.

Более нет никаких замечательных ни бумаг, ни вещей.

Генерал-лейтенант Дубельт

Ч. X. арк. 38, 39. Оригінал.

№ 86

1847 р. липня 18.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО ДОСТАВКУ М. І. САВИЧА В III ВІДДІЛЕННЯ ТА ПРО ЙОГО ПОЛІТИЧНІ ПОГЛЯДИ

Копия

О поручике Савиче

Отставной поручик Савич, прикосновенный к Украйно-славянскому делу, возвратился из-за границы, и кронштадтский военный губернатор, препровождая его со всеми бумагами в III отделение С. е. и. в. канцелярии, с тем вместе доставил запечатанный пакет на высочайшее имя от нашего генерального консула в г. Любеке Шлецера.

При объяснениях с Савичем замечено, что он весьма тихого и робкого характера и показывает чрезвычайную неповоротливость ума. На предложенные ему словесные вопросы он отвечал, что никогда не дозволял себе тех революционных разговоров, которые ему приписывают, кроме того только, что действительно говорил о китаизме в России, но без всякого дурного намерения; что он вовсе не знал об Украйно-славянском обществе; был знаком с Гулаком, Костомаровым и Навроцким непродолжительное время и видался с ними не более двух раз; что в Касселе он покушался на самоубийство (пустив из обеих рук кровь в ванне), потому что со времени объявления ему высочайшего повеления возвратиться в Россию он находился в ужасе и как бы [в] беспамятстве. После этого Савичу предложенные письменные вопросы, на которые он изъявил готовность отвечать с совершенной искренностию. В бумагах Савича не было ничего особенно важного.

Всеподданейше докладывая о сем Вашему императорскому величеству, обязываюсь представить при сем запечатанный пакет генерального консула Шлецера.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

18 июля 1847 г.

Помітка: На подлинном рукою г-на генерал-адъютанта гр. Орлова написано карандашом: «По письму ты увидишь, что характер не опасный, государь сказал с улыбкой, но очень милостиво: «Представить обыкновенным докладом по снятии допроса».

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Ч. X. арк. 40, 41. Відпуск.

ЧАСТИНА ОДИНАДЦЯТА

СПРАВА О. В. МАРКОВИЧА

№ 87

1847 р. квітня 17.— СУПРОВІДНА ЗАПИСКА Д. Г. БІБІКОВА ДО ДОНЕСЕНЬ І. І. ФУНДУКЛЕЯ ПРО СВІДЧЕННЯ І. Я. ПАСЯДИ І О. В. МАРКОВИЧА У КИЄВІ, НАДІСЛАНІ О. Ф. ОРЛОВУ

Весьма секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

17 апреля 1847 г., № 1318, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Поспешаю представить к вашему сиятельству в подлиннике полученные мною сейчас два донесения киевского гражданского губернатора от 6 апреля за № 661 [1] и 662 [2] с упоминаемыми в них показаниями студента Посяды и Марковича и бумагами сего последнего.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и неограниченной преданности

Дмитрий Бибиков

Помітка: Бумага о Посяде находится [в деле] о нем.

Помітка про одержання: 18 апреля 1847 г.

Ч. XI, арк. 1. Оригінал.

№ 88

1847 р. квітня 6.— ПОВІДОМЛЕННЯ І. І. ФУНДУКЛЕЯ Д. Г. БІБІКОВУ ПРО АРЕШТ О. В. МАРКОВИЧА

Секретно

Господину киевскому военному, подольскому и волынскому генерал-губернатору

6 апреля 1847 г., № 662, г. Киев

Бывший студент университета св. Владимира Афанасий Маркович, вследствие сделанного распоряжения, был доставлен ко мне из Полтавской губ. нарочно посланным за ним чиновником вместе с бумагами, ему принадлежащими.

В бумагах этих ничего замечательного не найдено, почему Маркович был опрошен о том, какого рода знакомство у него было с Гулаком, Кулишом, Савичем, Навроцким и прочими, а также о содержании некоторых из писем, которые были найдены в квартире Марковича в Киеве, как я имел честь донести вашему высокопревосходительству 30 марта за № 639 [3].

Показание о сем Марковича честь имею представить на усмотрение вашего превосходительства вместе со всеми его бумагами, докладывая, что до дальнейшего Вашего приказания Маркович оставлен под присмотром в Киеве.

Гражданский губернатор Фундуклей

Помітка про одержання: 17 апреля [1847 г].

Ч. XI, арк. 2. Оригінал.

№ 89

1847 р. квітня 3.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ О. В. МАРКОВИЧА В КИЄВІ, ПРОВЕДЕНОГО І. І. ФУНДУКЛЕЄМ У ПРИСУТНОСТІ О. С. ТРАСКІНА [4] І ПОЛКОВНИКА БІЛОУСОВА [5]

Вопросные пункты, данные бывшему студенту университета св. Владимира Афанасию Марковичу

Апреля 3 дня 1847 г.

1. Были ли вы знакомы с чиновником Николаем Гулаком, учителем Пантелеймоном Кулишом, помещиком Полтавской губ., Гадячского уезда, Николаем Савичем и бывшим студентом Навроцким и ежели были знакомы, то с какого времени с каждым из них?

С чиновником Николаем Гулаком я познакомился на своей квартире, когда он, приехавши в Киев, в первый раз пришел к своему родственнику студенту Навроцкому, жившему со мной на одной квартире, в конце 1845 г. или 44. С учителем Кулишом я знаком с 1845 г., с светлого праздника, кажется, когда я ему сделал визит. Студент Навроцкий поступил вместе со мной в университет, на один и тот же факультет философский I отделения в генваре 1843 г.; с тех пор я с ним знаком, и он жил со мной в продолжении университетского курса два раза на одной квартире. С помещиком Полтавской губ., Гадячского уезда, Николаем Савичем я вовсе не знаком.

2. С кем из них вы были в особенно близких и частных сношениях?

С Навроцким я жил на одной квартире, с Кулишом я близок был по специальности предмета наших занятий, по общей дружбе с товарищем моим еще с гимназии и по неоднократным денежным займам.

С Гулаком я был хорошо знаком через родственника его студента Навроцкого и знаком по причине уроков в немецком языке, которыми я от него пользовался безденежно вместе с его родственником Навроцким. Был обласкан родными их при свиданиях.

3. Объясните подробнее: с кем из вышепоименованных лиц вы были ближе, нежели с прочими, и поясните сверх того, в чем состоял именно специальный предмет ваших занятий с Кулишом?

Я больше других привязан был к Кулишу, а общий предмет занятий его с моими была народная южнорусская поэзия и южнорусский язык.

4. С кем встречались вы, бывая у этих лиц, и в каких домах и обществах бывали вместе с вами?

У Кулиша встречал я штатного смотрителя Подольского уездного училища Осипа Дмитриевича Иванишева, учителя II гимназии Ивана Даниловича Красковского [6], учителя I гимназии Николая Ивановича Костомарова, студента Василия Михайловича Белозерского, у Гулака я встречал студента Навроцкого, студента Белозерского, учителя Костомарова, студента Ивана Посяду, вольнослушателя в здешнем университете Иноземцева; Навроцкого посещали при мне Иноземцев, товарищ по гимназии Псёл, студент Белозерский, студент Иван Посяда, студент Александр Бадров, студент Иван Дзвоник, чиновник Шевченко [7].

С Гулаком я вместе встречался у помещика Семена Григорьевича Иваненка, у профессора Николая Трофимовича Костыря, у иеромонаха Братского монастыря отца Феофана, у профессора Н. И. Костомарова, у родных.

С Кулишом я встречался у отца Феофана, у Костомарова. Сверх того, встречались у вышепоименованных лиц и другие, которых не припоминаю.

4[8]. *Когда вы бывали вместе с этими лицами, о каких преимущественно предметах беседовали вы с ними или они при вас между собою и в каком духе и направлении были эти беседы?*

Разговор, наиболее общий между поменованными лицами, относился к предмету поэзии и преимущественно народной, редко возвышался до философии и религии, часто обращался к истории и никогда не касался при мне политики; за исключением отношения крестьян к помещикам сперва в Западной Европе, потом в нашем отечестве вообще и южнорусском крае в частности.

Дух и направление этих разговоров были вообще различны, не было бы ни одной продолжительной беседы, если бы лица беседовавшие и их участие в беседе были одного духа и направления.

Одно единство этих разговоров — это ученость, которою я, быв в Университете, не мог сильно не интересоваться. Часто выражался дух любви к России, к ее славному прошедшему, а также к поэтической жизни Украины.

5. В чем именно состояли упомянутые вами суждения об отношениях крестьян к помещикам?

В неудовлетворительности быта крестьянского, в исчислении анекдотов о забавном или суровом обращении помещиков с крестьянами, о большом невежестве крестьян и средствах к образованию этого многочисленнейшего класса в государстве; об издании для народа чтений и учебников, к чему приготовлялись или предначертывались сочинения и даже сделан был недавно денежный небольшой сбор на издание чего-нибудь [9]. Рассуждали также о необходимости эмансипации крестьян.

6. Ежели вы были с кем из этих лиц в переписке, то объясните, с кем именно?

С Кулишом был в постоянной, более или менее, переписке, Гулак также мне писал письма с три. Навроцкий писал несколько писем.

7. Когда вы виделись в последний раз с каждым из них?

С Кулишом при проезде его за границу в феврале;

С Гулаком накануне выезда его в Петербург, в генваре;

С Навроцким в последних числах марта.

8. Объясните, от кого получены и к кому писаны вами предъявленные при сем письма за № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9?

Письма под № 1 и 7 получены мною от Дмитрия Павловича Пильчикова, учителя в Полтавском кадетском корпусе. Письма под № 2, 4, 5 и 9 — от учителя в Полтавском кадетском корпусе Василия Белозерского [10]. Письмо под № 3 — от брата Василия, исправляющего должность переяславского лесничего. Письмо под № 6, должно быть, писано к Навроцкому и, кажется, Белозерскому [11]. Письмо под № 8 — от чиновника Полтавской уголовной палаты Затыркевича [12].

Афанасий Маркович

Допрашивали: гражданский губернатор Фундуклей

Попечитель Киевского учебного округа свиты его величества генерал-майор Траскин

Полковник Белоусов

Ч. XI. арк. 3—5. Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка (1814—1914).— С. 123—126.

№ 90

1846 р. лютого 5.— ЛИСТ М. І. ГУЛАКА ДО О. В. МАРКОВИЧА ПРО ЗВ'ЯЗКИ З М. І. КОСТОМАРОВИМ, В. М. БІЛОЗЕРСЬКИМ, В. П. ТАРНОВСЬКИМ ТА МІРКУВАННЯ ПРО МАЙБУТНЄ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ І ЛІТЕРАТУРИ

Киев, 5 февраля [18]46

Любезнейший Афанасий Васильевич!

В надежде, что письмо мое застанет Вас в веселом, снисходительном расположении духа, в минуту такого душевного настроения, когда мы готовы простить и злейшему врагу, пишу вам эти строки. Повинной головы не бьют, говорит, кажется, пословица. Я сильно напираю на этот авторитет, вы с такою любовью занимались этим предметом, что я не хочу искать лучшего заступника. С тех пор как вы оставили Киев, многое успело перемениться и измениться, на другой день после вашего выезда приехал Никол[ай] Ив[анович] Костомаров, но в самом бедственном положении, несколько дней он мучился сильным воспалением в горле, не имея квартиры и не будучи в состоянии приискать себе более удобной, Ник[олай] Ив[анович] переселился на время в дом Грушецкой, и мы стали соседями в продолжении почти целого месяца, вы можете себе вообразить, как я благословлял судьбу свою, может быть, радость моя в этом случае была даже слишком эгоистическая, как бы то ни было я опять один, чувство одиночества овладело мною. Праздники прошли для меня незаметно, не оставив после себя никаких особенных воспоминаний, зато 46 год, несмотря на то, что сильный ревматизм две недели сряду продержал меня в комнате, доставил мне уже много прекрасных впечатлений: папенька приехал во время контрактов и прожил у меня целую неделю, 12 янв[аря] возвратился и Василий Михайлович, много вечеров провели мы вместе, не стану даже и не в состоянии передать Вам все прекрасное, что душа уносила из его светлых бесед, чем глубже я проникаю в тайники этой дивной души, тем беспредельнее мое благоговение. У Вас[илия] Мих[айловича] застал я опять Тарновского[13] и опять имел счастие слушать превосходную его статью о крестьянстве в Малороссии, постепенный переход из вольного состояния в безусловное рабство, прежние патриархальные отношения помещиков и подданных и ужасающие картины современного изуверства — все это изображено с такою верностью, согрето таким теплым чувством, перемешано с взглядами столь светлыми, что и строгий критик останется в восхищении от этого очерка [14]. В разговорах Тарновский не мог не коснуться и нашей литературы, где, между прочим, утверждал, что наша литература уже перешла период эпического развития, если нет у нас Гомера, то наши думы и песни исторические — истинно гомерические рапсодии; естественное, постепенное развитие языка требует теперь, чтобы поэзия перешла в прозу, дума — в исторический рассказ, мы имели Гомеридов, теперь пусть явится у нас Геродот. Ник[олай] Ив[анович] [15] совершенно согласился с этими мыслями, он даже обещался непременно написать историю на малороссийском наречии, языком не простонародным, но самым изящным и притом простым, а поэтому и народным, словом, это должно быть сочинение, которым будет гордиться не только наша литература, но займет почетное место между лучшими произведениями человеческого ума самых образованных народов. Тогда-то откроется широкое поприще для нашей словесности, язык выработается до такой степени, что не только отечественная и всемирная история, но даже и точные науки будут излагаться на этом языке, разумеется, это последний, крайний период развития, когда он настанет — не знаем, но стремясь постоянно к этой цели дружными усилиями, невозможное станет возможным. По этой теории драма явилася у нас

поздно, и вот, может быть, почему сделаны доселе попытки, чтобы создать малороссийскую драму, не увенчались должным успехом. Не знаю, будете ли вы вполне согласны с этим воззрением, я вам передал только главную идею, сущность, что касается до меня, то я не могу не признать совершенную справедливость этой теории. Прошлая неделя оставила во мне не менее светлые воспоминания: совершенно неожиданным образом познакомился я с братом Вашим Василием Васильевичем, брат Ваш так спешил, что мы не более трех часов провели вместе, мы искали фортепиано, но, к сожалению, безуспешно, я осведомлялся впоследствии у того же мастера, но он не соглашался сбавить что-нибудь с прежней цены, а знатоки музыки, к которым я обращался, находили и 600 руб. слишком дорогой ценой, поэтому я не могу советовать Василию Васильевичу купить этот инструмент, но если брат Ваш желает непременно обзавестись фортепианом, пусть он снабдит Вас достаточным уполномочием, и мы вдвоем непременно отыщем в Киеве хороший инструмент.

Как бы ни было коротко время, проведенное нами вместе, но личность брата Вашего отпечатлелась во мне резкими чертами, нельзя не заметить разительного фамильного сходства между Вами и Василием Васильевичем: то же благородство, прямодушие характера, та же открытость, веселость и, наконец, неподражаемый юмор, может быть, Вы более идеальны, не так богаты опытом и знанием людей, но простите мне, если я вдался в этот, может быть неуместный, анализ Ваших характеров. Я так мало знаю людей, а стремление к приобретению опытности и познанию человеческого сердца так сильно во мне, что каждый новый характер, который я усвою себе или разгáдаю, истинная находка для меня. Рассказы Вашего брата оставили во мне глубокое впечатление, прошу засвидетельствовать Василию Васильевичу чувства глубоко[го] уважения, с которыми образ его неразрывно связан в душе моей.

Простите, любезнейший Афан[асий] Васильевич, многое, многое не успел я Вам передать. Крепите здоровье Ваше и не приезжайте, если не чувствуете себя в силах перенесть дороги, этого вправе от Вас требовать родные Ваши, друзья, да и родина, которая полагает на Вас столько надежд.

Н. Гулак

Ч. XI, арк. 7—8. Автограф.
Опубл.: Киевская старина.— 1906.— № 2.— С. 141—143; За сто літ.— Кн. 1.— К., 1927.— С. 36—38.

№ 91

1846 р. січня 17.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО О. В. МАРКОВИЧА ПРО ЗАКІНЧЕННЯ РОМАНУ «ЧОРНА РАДА»[16] ТА ЛИСТУВАННЯ З В. М. БІЛОЗЕРСЬКИМ І ЗУСТРІЧІ З П. О. ПЛЕТНЬОВИМ

С.-Петербург, 1846 г. генв[аря] 17

Милый мой Афанасий Васильевич!

Вы не пишете, получили ли Вы мое письмо в Переяславе. Ваше же послание оттуда или из Пирятина, града равно любезного душе моей, я получил. Все, что только возможно будет, я употреблю для освобождения Вашего брата от тягостных его обстоятельств, и как только дело сколько-нибудь будет подвинуто вперед, немедленно Вас уведомлю.

Вася [Белозерский] поверг меня в невыразимую горесть: с 7 декабря он ко мне ни слова. Если он не существует, то это ужасно! Но, если он жив, если даже болен так, что не может ходить, то ничто не может извинить его молчания, и он этим сильно уронил себя в моем мнении. Я получаю письма через П[летне]ва, у которого обыкновенно бываю два раза в неделю на вече-

рах. Иногда я и не поехал бы, но еду только для того, чтобы получить письмо от Васи. Приезжаю: «Есть?» — «Нет!» и всегда одно «Нет!» Когда же он молчит, нужно Вам знать? Тогда, когда я просил его немедленно по приезде домой писать ко мне, когда мне нужны некоторые книги и бумаги, которых от него ожидаю, и когда к нему в деревню посланы подробнейшие письма на двух и трех листках! Я не пишу к нему уже больше недели, жду, какая же развязка будет этой загадке! Верно, самая пошлая. Он заболтался и закружился дома так, что я совсем потерял для него свое значение!

Вам доставят Красковские записочку от меня. Не полагаясь на верность почты, еще раз прошу Вас взять из банка немедленно 600 руб. сер[ебром] и вручить им без всякой расписки. Проценты Вы от меня будете получать, как нельзя исправнее. Пожалуйста ж, не неисполните. Я имею важные причины так настоятельно просить Вас об этом.

Роман мой кончен. Все идет хорошо. Спешу на лекцию.

Ваш П. Кулиш

Никитенко [17] берется устроить продажу моего романа [18]. Кажется, получу руб. 1000 сер[ебром]. Желал бы очень, чтоб обеспечить Красковского, который все беспокоится о том, как он выстроит дом и, кажется, не доверяет, что Вы меня послушаетесь и дадите ему денег. Я сам Вам дам вексель, но от него брать не буду, чтоб он был совершенно спокоен.

Совершаются мною в тишине дела, чреватые важными следствиями. Вы узнаете это со временем [19].

Ч. XI, арк. 9—10. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— Кн. II.— К., 1928.— С. 46.

№ 92

1846 р. січня 25.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО О. В. МАРКОВИЧА З ВИСЛОВЛЮВАННЯМИ ПОЧУТТІВ ДРУЖБИ ДО В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО, ПРО ЗНАЙОМСТВО З КРАСКОВСЬКИМ ТА ОБІЦЯНКУ І. І. СРЕЗНЄВСЬКОГО ПЕРЕДАТИ В ЙОГО РОЗПОРЯДЖЕННЯ ЗІБРАНІ НИМ НАРОДНІ ПІСНІ

С.-Петербург, 1846 генв[аря] 25

Добрый мой Афанасий Васильевич!

Благодарю Вас за письма. Они имеют для меня теперь двойную цену, потому что от Васи [Белозерского] нет ни слова с 4 декабря! Меня немного успокоили слова Ваши: «напишу и о Васе». Значит, он существует еще на свете и даже, может быть, писал к Вам; но почему ко мне не пишет, этого я постигнуть не могу. Что бы там ни произошло (а я всегда готов ожидать повторения и над другою сестрою той же пошлой и пакостной истории, какая произошла с Надею)[20], в какие бы заботы, в какие бы неприятности ни был он повержен, мне кажется, тем более он должен писать ко мне. Или это только я так сделал бы в отношении к нему, а он ко мне совсем иначе расположен. Ну, так и быть! Верно, мне придется наконец убедиться, что моя душа одарена способностью любить преимущественно пред всеми моими ближними. Жаль мне Васи во всяком случае. Я представлял его себе всегда выше маменькина сынка, а теперь вижу, что он не более как легкодушный ребенок! Жаль! Грустно! Менее всего я мог ожидать такого события. Моя душа одинока в мире! Она со многими связана самыми нежными чувствами дружбы, но бывают минуты, когда она, мужественная и расширяющаяся до предела обыкновенной жизни, ищет души тоже мужественной и угрюмо стремящейся к своему великому. Вася был для меня всегда в таких случаях избранным сосудом, в который я полагал самые дорогие и тайные свои чуства[21]. Те-

перь он для меня потерян, а другого существа, ему подобного, я не имею. Вот почему я придаю такую важность его глупому, хуторскому молчанию и той покорности, с какою он поддался матроновского духу, никого, кроме своих, не терпящему, эгоистическому в высшей степени духу. Но довольно об этом.

У меня в университете есть особенный кабинет, в котором я иногда пишу и читаю. Это комната ректора, который мне ее предоставил в распоряжение. О Васе писал было перед лекциею в университете, а теперь продолжаю дома.

Напрасно Вы думаете, что я не пойму того удовольствия, какое Ваш брат внушает в доброй семье и пр.

Я не люблю собраний шумных,
Холодных знати вечеров,
Ни юношей пиров безумных,
Ни сходки буйных игроков;
Но я люблю в семье радушной
Провесть веселый вечерок,
Куда спесь знатности бездушной
Не переходит чрез порог.
Семейный круг, семья простая,
Отец и мать, и в той семье
Их радость — дочка молодая,
Вот что пленяет сердце мне!

Доказательством этому может служить дружба моя с Красковским, людьми без претензий на высший тон и пр. Кстати, о них. Я очень рад, что Вы столь торжественно обещаете дать им все, что я ни потребую. Если моя дружба дает мне право от Вас чего-нибудь требовать, то Вы меня истинно обяжете, дав им еще рублей 600 сер[ебром]. Они изъявили было сомнение, что меня очень огорчило, и я в письме к ним приложил на Ваше имя записку о доставлении им 600 руб. сер[ебром]. Теперь Вы сделайте иначе. Если Вася жив, то немедленно пошлите его к ним. Пусть спросит, желают ли они вдруг получить всю эту сумму или сперва только часть оной, и какую часть они пожелают получить от Вас, такую и доставьте через Васю. Если же он умер (что я со страхом иногда думаю), то сами к ним отправляйтесь. Пункт о процентах Вам известен. По доставлении им денег прошу меня уведомить.

Странны мне Ваши извинения вроде следующего: «Мне совестно, что я отрываю Вас от занятий и пр.». Вы мне своими письмами доставляете столько удовольствия и извиняетесь! Кажется, я Вам не тем кажусь, что в самом деле есть. Благодарю Вас за песни. Срезневский пишет, что он все свои песни, равно как и Метлинский, предоставляет в мое распоряжение, рассыпается в самых приязненных и почитательных ко мне выражениях, одним словом, так, как будто мой благодетельный дух восселился в его душе и управляет ею для моей радости. Слава богу! Все идет удивительно хорошо! Что я ни задумаю, все исполняется во благих, а многое творится ранее, о чем не успел я еще и подумать. Со временем узнаете.

Ч. XI, арк. 11—12. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 2.— С. 46—48.

№ 93

1846 р. березня 14.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО О. В. МАРКОВИЧА З ВІДОМОСТЯМИ ПРО ЗАНЯТТЯ УКРАЇНСЬКОЮ ІСТОРІЄЮ І ЛІТЕРАТУРОЮ ТА ВИСЛОВЛЮВАННЯМИ НЕОБХІДНОСТІ ВИВЧАТИ ТВОРЧІСТЬ О. С. ПУШКІНА І В. А. ЖУКОВСЬКОГО

С.-Петербург. 1846 марта 14

Добрый мой Афанасий Васильевич,
драгоценное чадо моей дружбы!

Очень рад, что Вы, наконец, в Киеве. Теперь только объявлю Вам, что я испугался, узнав о Вашей болезни. Вы смотрите героем, а между тем расположены к недугам: это меня очень беспокоило и, если правду сказать, живое мое воображение не поскупилось угостить меня картиною вроде, кого бы-то сказать? Ну, кого бы-то ни было, недоговоренные фразы в Вашем же ведь вкусе. Я говорю, впрочем, о прошедшем, а теперь Вы, может быть, совершенно преобразились, тем более, что совершили не один юридический подвиг, причем нельзя быть небрежным в выражениях. Итак, благодарю бога, Вы в Киеве!

Касательно моих друзей Красковских Вы совершенно удовлетворили меня, тем более, что получить все деньги вдруг для них тягостно: не пользуясь еще всеми деньгами, они должны бы были платить проценты с 1 марта или по Вашему с 29 февраля, которого не существует. Сия бо есть дата Вашего письма. Некоторые выражения Вашего письма меня удивляют, напр[имер], заткнуть скважину в сердце, может быть, для меня не столь полном уже любовью. Чтоб написать это, нужно предположить во мне недоверчивость, ибо только при этом условии я сердился бы на Вас за невыполнение моей просьбы касательно Красковских.

Я же, напротив, так Вас знаю и так в Вас верю, что если бы вы написали, что не можете дать им ни рубля, то и тогда я остался б к Вам одинаков: мое сожаление о горе моих друзей ни мало вам не повредило бы.

О себе скажу Вам, что я обретаюсь хорошо. Дела мои идут как следует. Мало только у меня времени для задушевных своих занятий. Теперь читаю только что вышедшую летопись Нестора [22]. Она мне тем интереснее, что я, как Вам, может быть, известно от Васи, слушаю домашние лекции ее издателя, академика Бередникова [23], глубоко постигнувшего тайну летописных хартий. Для него читать грамоту XIII века едва ли не так же легко, как для Вас это письмо; для него все сокровенное в ветхих словоизвитиях отверсто, яко день очесам нашим.

Купил я себе «Айвенго» [24]. Перевод, кажется, хорош, но слог не изящен. Правда, теперь его у нас почти и нет в литературе. Пушкин и Жуковский величайшие художники языка и слога. Мы по-надлежащему должны бы знать их наизусть, если хотим стоять у них на плечах. А то ведь мы по большей части тащимся, уцепившись за их полы. И то еще хорошо: нередко мы блуждаем бог знает по каким дорожкам и воображаем, что удивительно как далеко ушли вперед; а в самом то деле мы далеко от них отстали в развитии вкуса и идеи изящного.

Занялся я переплетом своих книг украинских. Отдал по книге к двум переплетчикам: кто лучше сделает, тому и все отдам.

Украина и украинский язык сделались теперь моею истинною святынею [25]. Если кто-нибудь из наших земляков здесь не отучился говорить нэ, то это уже имеет для меня приятность. Що ж би, коли б заспівав так, як та пані, що живе між св. Софією і Варварою! Може б здурів од радості! А те ж було колись зо мною, що як заспівав Чуйкевич[26] «Гомін-гомін», сидячи в

карцері, а була тоді непогодь, на душі було якось смутно, так би, здається, або плакав, абощо, і от як заспівав він сю пісню, то таки справді я думав, що я вже спантеличився. От то-то був правдивий, як-то кажуть, extase!

Добре робите, що заводите біржу.

Се Вам господь на розум таку думку послав. Як уже справите, що слід, то й мене не забудьте оповістить, щоб я знав, як Вам ведеться.

Ваш П. Куліш

Намерение мое принялось и пустило корни [27]. Сегодня ожидаю Вас в обещанный час на пораду. Великий Християнин, о котором Вы пишете, как будто предвидел эту поездку: с месяц назад прислал мне «Новороссийский календарь» [28], в котором я обрел теперь все нужные для нашей поездки сведения.

П. Кулиш

За хустку дякую.

Ч. XI, арк. 13—15. Автограф.
Опубл. За сто літ.— Кн 2.— С. 45, 49—50.

№ 94

1846 р. травня 28.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО О. В. МАРКОВИЧА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НАМІР ПРИЇХАТИ ДО КИЄВА

Мая 28, 1846

Добрый мой Аф[анасий] Вас[ильевич]!

Я теперь ничего Вам не пишу о себе. Узнайте от Белозерского. Я отвечал на каждое Ваше письмо и вкладывал в письма Белозерского, он Вам не адресовал потому, что не надеялся, чтоб Вы получили. Денег не посылаю потому, что теперь мне нужно все счеты в Петербурге окончить, а в Киеве посчитаемся. Предложите Н[иколаю] И[ванови]чу обождать меня в Киеве.

Нам нужно поговорить о делах, только ему да мне известных; также и к прочим я имею надобность. Желал бы я, чтоб перед отъездом моим за границу вы были все вместе, чтоб поговорить и проститься хорошенько [29].

Вообше меня приводят в недоумение жалобы Ваши, что я к Вам редко пишу, тогда как никогда не проходило, может быть недели, чтоб я не написал о себе или к Белоз[ерскому], или к Красковскому, или к Н[иколаю] И[вановичу], или к Вам.

У меня все письма записаны в особой книжке, и к одному Белозерскому послано их с 4 генв[аря] до 13 апреля — 15, тогда как он со времени моего выезда из Киева до 13 апр[еля] прислал мне только 10.

Ч. XI, арк. 16—17. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 2.— С. 53

№ 95

1846 р. грудень.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО О. В. МАРКОВИЧА ПРО ЛІТЕРАТУРНІ ВЕЧОРИ В ПОЛТАВІ, НА ЯКИХ ЧИТАЛИСЬ ТВОРИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, П. О. КУЛІША, М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, А. МІЦКЕВИЧА, ТА ПРО ЗНАЙОМСТВО З І. І. БОРОВИКОВСЬКИМ

В Полтаве блеснул для меня луч радости и надежды. У Скалона — человека благоразумнейшего и чувствительнейшего, который женат на дочери поэта Капниста (цену которого я недавно только узнал), женщины весьма умной (об них скажет тебе Ал[ександр] Ал[ександрович] Навроцкий, я, впрочем, нашел в них большую противоположность тому, что он говорил

мне), устраиваются [30] литературные вечера. Было два, я был на втором; на первом был Чужбинский, т. е. Афанасьев [31], который теперь находится здесь, и читал некоторые произведения Тар[аса] Гр[игорьевича Шевченко] и свои записки на Кавказе. На втором читал «Орисю»[33]; присутствовали четыре девушки и др. особы; меж ними была м[адмуазе]ль Капнист, девушка с умом, любящая, как кажется, искренно Украину. Слушали с большим вниманием: сим и остались весьма довольны, серьезно, умно довольны. После чтения я обратился к м[адмуазе]ль Капн[ист], действительно ли нравится ей прочитанная пьеса? Она стала доказывать с жаром, почему ей должна понравиться Орися — и сказала умные вещи. Я не думал однако ж, чтобы этим важным девушкам могла она понравиться: такой противопоказанный быт, жизнь! Один из слушателей говорил, что литер[атурные] упр[ажнения] есть последнее усилие. Я, разумеется, ему попротиворечил, и опровергал его мысли. М[адмуазель] К[апнист] меня поддерживала, и чудно мне было, когда я упомянул о славянск[их] стремлениях и литературе, в чем полагал ручательство в существовании Укр[аины], а она подтвердила мои слова. Чудно, если ей (девушке), панночке светской, известно славянское воодушевление. Потом читал уч[итель] р[усской] сл[овесности] Корженевский [33] — весьма замеч[ательный] поэт, талант[ливый], умн[ый], после для противуположности песнь про царя Ивана Гр[озного] Лерм[онтова] [34], потом другие произведения Лерм[онтова], наконец, сонеты Мицкевича [35] на его родном языке! Здесь были три сестры, дочери генер[ала] Яновича, кот[орые] жили в Варшаве и знают хорошо произв[едения] М[ицкевича]. Потом меня просили принести в др[угой] раз еще что-нибудь по-чешски с сербским. Да! Сегодня опять вечер: буду читать отрывки «Черной Рады», «Укр[аины]», чешск[ие] п[есни] и из «Slawy Dcera»[36], и по-сербски. Я постараюсь, чтобы эти вечера исполнены были серьезной важности; буду выбирать произведения, исполненные начал христианских и народных. Я начертил себе план действий, который расширится сильно и принесет плоды [37]. Я много еще не пишу, потому, что нет времени, но буду писать к Н. И. и Ал. Ал. [38], которым мой глубокий поклон и просьба — они знают о чем.

Не знаю, отчего мне кажется, что Марцинковские[39] не будут ко мне писать. Я скоро нагряну к ним подробнейшим письмом о многом, многом. Я был уже на двух балах и познакомился со всеми сильными полт[авской] земли [40]. Всем, кого сам выберешь, а будешь выбирать так, как бы я сам то сделал, мой искренний поклон. К Н[иколаю] Трофи[имовичу][41] письмо неконченное лежит, и я теперь никак не могу послать.

Поклонись ему и поздравь с днем ангела. Скажи ему, что я желаю ему всего прекрасного, заслуженного его благородною душею. Через неделю он получит от меня письмо. Напиши ко мне подробно (вижу на лице знак неудовольствия) — не ты, пусть другие пишут обо всем, что меня должно интересовать. О Марцинковских и Красковских напиши сам.

Я недавно прочел твое письмо из Одессы к Дм[итрию] Павл[овичу] [Пильчикову] [42]. Превосходное, нигде, кажется, так не выразился твой ум и сердце! Так искренно! Прочел с наслаждением.

С Боровиковс[ким] познакомился, но ближайшее оставляю на праздники. До свидания! Поздно.

Твой Василяй

Почитай или передай мое письмо Н[иколаю] И[вановичу] К[остомарову] и Г[улаку]. Пусть пишут ко мне. Я им буду писать. Благодарю Н[иколая] И[вановича] за книги и буду отвечать, но теперь, ей богу, ужасно занят.

Ч. XI, арк. 18—19. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 2.— С. 67—68.

№ 96

1846 р. грудня 7.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО О. В. МАРКОВИЧА З ПРОХАННЯМ ПРИЇХАТИ В ПОЛТАВУ І НАДІСЛАТИ ПОЧАТОК «ІСТОРІЇ СЛОВ'ЯНСЬКОГО НАРОДУ»

Братіки! Приїдьте котрий до мене! Мені ніяк не можна буде, здається, виїхать у Харків, бо на моїх руках — небож маленький! Прошу Н[иколая] Ив[ановича] К[остомарова] прислать мені начало Іст[орії] сл[ов'янського] н[ароду] [43] на укр[аїнськ]ій мові.

Василий

Прости, что не посылаю. Узнаешь после.

1846 г. декабря 7, Полтава.

Ч. XI, арк. 19. Оригінал.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 2.— С. 68.

№ 97

1846 р. жовтня 4.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО О. В. МАРКОВИЧА З ХАРАКТЕРИСТИКОЮ СВОГО ОТОЧЕННЯ В ПОЛТАВІ

Тщанием не ленивы, духом горяще,
Господеви работающе, упованием
радующеся, скорби терпяще,
в молитве пребывающе.

Сердешний мій друже, коханий Афанасій!

Під покровом св[ятого] слова починаю с тобою давно желанную розмову. Не стану доказивать тобі силогізмами, чом я так довго не писав до тебе, одначе, щоб тебе заспокоїть, скажу перше: було й таке, що ні у кого з нас не найшов би ти й копієчки од того, що ледве 5 числа видають нам жалования за прошлий місяць; друге: хотілось мені порадувать тебе звісткою, що маєш не тілько небожа, а й брата (чудно тобі), третє, найважніше, хотілось писать до тебе тогді, коли забажає розмови само серце, а не розум. Не виводь одначе з посліднього слова, якоби я часом не хотів би сердешно говорить з тобою; борони боже тобі так і подумать. Повір моєму щирому слову, що не думаю, чи знайдеться у тебе три таких, як я, серцем одданих тобі душею. Ясно кажучи, я хотів дать тобі конечний одвіт на твій серцебольний лист до Дм[итра] П[авловича] [Пильчикова], а для сего потрібно було й часу, щоб лучче [44] до усіх придивиться і спокійно об усім роздумать. Вільного же часу я маю мало, так мало, що не можна гаразд і подумать.

Желал бы я знать, отчего письмо мое произвело на тебя тяжелое впечатление. Быть может, это произошло оттого, что я недоконченно выразил то, что хотелось тебе высказать.

Верю, что тебе трудно догадаться, доволен ли я или не доволен Полтавой, и ты не ошибаешься, если представляешь меня в каком-то недоумении, как будто мне говорят в два уха две противуположные мысли.

Я чувствую пока свое пребывание в Полтаве, и чувства мои смешанные, хоть я не могу ни на что жаловаться, но нет ничего такого, чему бы я мог порадоваться. А в Киеве я жил, и если хотел, то жизнь моя там была радостной. Здесь нет у меня никого, с кем бы я мог говорить сердечно о том, что занимает теперь всю мою душу. Меня весьма ласкают, но я мало уже верю в ласки, ласки вообще скоропреходящи и несовершенны. Они не суть выражение глубины душевной. Близкие мне люди — одни славянского племени — они тебе известны, другие — немцы [45]. Последние занимают только

опытную мою наблюдательность, которая с летами, с жизнею более и более во мне усиливается. Впечатление, произведенное ими на первых порах, было для меня весьма удовлетворительно, но когда я ближе пригляделся, то увидел вместо чистого благородного металла — мишуру. Всякий человек есть ложь, это правда, но в наших соплеменниках она или выкажется ясно потому, что не скрывается и не может скрыться по племенному темпераменту теми, от кого происходит; в тевтонах, которые, правда, не делают зла, эта неправедность, ложность имеет вид законности, неукоризненности. Будучи на самом деле замкнутыми в себе эгоистами безо всякого горячего чувства, они считают себя истинными людьми, а в них так мало смирения, участия и сердечной любви к человеку вообще, что нашему брату стыдно за них; тяжело, несносно в их присутствии. Думаешь-думаешь об них и ничего не добудешь из размышления утешительного для души. Русский тевтон, живущий со мной, высказал кратко, но ясно справедливую мысль: «Их узнать трудно, они хороши, когда говорят и рассуждают, но пусть дойдет до дела...» — у них является тысяча причин и доказательств, которые уничтожают их преумные рассуждения, им ничего не стоящие. Будучи самыми честными людьми (О! к ним чрезвычайно пристало название, кот[орое] они сами себе дают: я благородны — чесны — немес! Вникни-ка в тайный смысл каждого слова!), они способны так поступать, то говорить, думать, делать, за что de jure — закон, писанный людьми, их не осудит, но от чего сердце наше содрогнется и что найдет себе вечное осуждение в законе, начертанном в сердце божьим перстом. Они говорят — видим! И грех на них остается.

Милый друг мой! Я глубоко сочувствую твоей сердечной скорби; мне понятны твои вопросы: «Неужели я забыт, как простой знакомый, как бальный знакомый, как на почтовой станции раз в жизни встретившийся человек с голым именем в шнуровой книжке и засаленною подорожной?» Не так, но для твоего искреннего, горячего, молодого сердца это должно казаться так. Помнят — но бог их знает, как они помнят?! Их память такого рода, что их не стоит помнить больше, т. е. так, как способно помнить твое нежное и, главное, бескорыстно искреннее сердце; они его не имеют, не потому, впрочем, чтоб они не могли иметь таких чувств, а потому — что не имеют теперь и уже никогда не могут иметь. То, что сказал и, может быть, еще скажу, показалось бы, без сомнения, многим низкою клеветою; даже я думаю, что ты не поверишь моим словам. Но во избежание всего, я прошу тебя сжечь все это письмо [46], а для памяти оставить только первые 8 строк; остальное ты будешь помнить. Я беру с тебя честное слово это исполнить: иначе я никогда не напишу к тебе ничего подобного.

Буду говорить тебе отчасти по опыту и потому, что много о тебе и обо всех думал и присматриваюсь. Сердечное увлечение молодого человека имеет свойство все прикрасить и вознести до идеала, но это обман чувственный; это происходит оттого, что он в душе своей носит идеал, которым облекает все, что приятно подействует на его чувства. Это испытал я, это испытал и испытываешь ты. Но милый друг! Будь осторожен, пока есть время и пока ты без большого себе насилия и без отвращающего разочарования можешь расстаться с тем, что удачно и приятно подействовало на твое воображение и чувства. Ты счастливее меня в том, что еще не увидел дна чаши, на котором вместо священной амброзии нашел ложку приятного супа. Я же и того не нашел в награду; я стараюсь для собственного успокоения забыть конец и наслаждаться воспоминанием начала. Но я счастливее тебя в том, что я встретился с такою душою, которая и потому что молода, и потому что принадлежит племени, живущему больше сердцем, и семейству не аристократическому, способна была мне живо сочувствовать, обижать тоже, но прямо, и в которой сердце вместо того, чтобы, совершенствуясь, перейти прямо к разуму (Боже! я видел в ней начатие такого совершенствования!), перешло

в рассудок, не способный ценить невинных чувств сердца, а по большей части смеющийся над ними. А ты, мое коханое сердце, нашел такую душу, которая была по своему существу нечто среднее между сердцем и разумом, нечто высшее рассудка и низшее сердца. Такие создания бывают хороши, и человеку в увлечении, когда все у него возвышено в квадратную степень, могут показаться соединяющими в себе и сердце, и разум. Но ты, как и все мы, ошибся по своей сущности, такая душа не удовлетворит никогда потому, что ей почти невозможно возвыситься до сердца (что ты испытал на первых же порах потому, что им мешает рассудительность и род, которому принадлежат), ни до разума, потому что до него восходит только полное сердце. И вот то, что она имеет, развивается с летами, жизнею, положением в свете — и выходит то, что, клянусь тебе, не в состоянии согласоваться и удовлетворить ни твоей, ни моей души. Но при всем том сами по себе они прекрасные люди, которых я весьма [уважаю].

Я обедал дня два назад у Ол[ивы] Ант[уанетты] Фр[анцевны], болеет зубами.

Я скоро опять думаю писать к тебе и надеюсь (сделай милость, братику), что ты мне немедленно будешь отвечать на это письмо. Понуждай и других. Я недавно читал «Воскр[есное] чтение» [47], и некоторыми вещами был глубоко тронут. Я тружусь так сильно.

Поклонись от меня Ник[олаю] Троф[имовичу] [48], которого я так люблю и уважаю. В следующем письме пришлю выписку из евангелия.

Видишься ли ты с отцом? [49] Боже! Когда я услышу его?

Ч. XI, арк. 20—21. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 2.— С. 62—65.

№ 98

1846 р. серпня 30.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО О. В. МАРКОВИЧА ПРО СВОЮ ПЕДАГОГІЧНУ РОБОТУ ТА ДРУЖНІ ЗВ'ЯЗКИ З Д. П. ПИЛЬЧИКОВИМ, О. О. ЗАТИРКЕВИЧЕМ ТА ІН.

Року божого 1846 серпня 30 дня. Полтава

Коханий і сердешний мій друже Опанасе, щирий! Тільки що прибрався писати до тебе і одвіт подати на ваші дорогії листи, як пан Ріккер ізнов порадовав мене твоїм новим письмом. Дякую вам, милиї братчики, сердешне дякую, що за мене не забули. Часто я споминаю вас; інколи і в молитві, інколи — яко чоловік ходяй во гресех, хоть рад би душою молиться об вас і за вас щогодини. Тоска мені за вами! З молодим, жіночим серцем я, як верба, скоро привикаю до нового місця, шукаючи добра і людськості, нахожу і до́бро і людськость — і як між людьми й не найти і того і другого?.. А як здумаю про вас, да про ваші бесіди живиї! то боже! Наче про щастя ненастижіме спом'янеш... Даром, що мене тут жалують (да чи жаліють?); даром, що мене і чують, як гукнеш до якої душі, да чи слухають?

Правду кажучи, нам не можна ні на що жаліться; слава богу, усе же лучче, ніж ми сподівались. Що найдражайше для мене, так я, або по правді господь, склонив до мене любов моїх учеників. Ви знаете, що я люблю дітей, а тепер, слава богу, маю таких, що мене розуміють, чують вони, як поривається до їх моє серце. Я читаю їм лекції і промовляю до їх, як до мужей, і моє слово не падає даром. На тім залежать мої зусилля, щоб розвить їх удольності і дорогою добра довести до самопознання. Того ж держиться і Дмитрій П[авлович Пильчиков][50].

Не багато маю вільного часу, щоб часто уділять його для твоїх коханих. Був у їх тричі. І вже як засяду, то наче у своїх близьких. Я їх барзо поважаю, бо люде сердешні. Всі, слава богу, живі й здорові, тільки засмутила

їх смерть матері Пінкорнелів. Вона днів шість як скончалась; і хоч не побачив її, а чуючи про її добрість, од серця жалію, особливо, як повидав її труну і її безрукого і набожного сина, і сльози її сиріт. У Олив ми часто тебе споминаєм; вони тебе вельми люблять за добрее серце. Пані Марк[ович] інколи буває не зовсім здорова, натуральна річ. Цимм[ерман?] часто до їх навідується; і він і його люблять. Я позавчора побував у його разом з Затиркевичем. Довго де о чім розмовляли. Цимм[ерман] мені говорив, що Міцк[евич] ізнов у Парижі і у його збираються усі слов'яни, щоб слухать його чудні річи. Німці кажуть, що він уже сам не знає, чого хоче. Тямлють вони? Олива старий, здається, полюбив мене і недавно говорив зо мною, або лучче мені, і о своїм горі посеред пустині; о тім, як треба хранить свою душу і сознаніє; як учиться і думать і як преподавать науку. Я слухав його з великою увагою і повагою, і слово його не навело мене на ті думки, з якими вийшов од його Дм[итрий] П[авлович Пильчиков]. З старою і молодими паньми ми багато і откровенно говорили до 11 часов. Б., як бджілка, похожає і скрашає і звеселяє господу.

Як порадовала мене вість о лекції Костомарова, которого я так люблю і поважаю, которому так дякую за те, що був він добрим і ласкавим, що одкрив мені очі на великі правди. Досадно мені, що ти нічого не пишеш про Николая Івановича Г[улака]. Найчастіше я його споминаю і хотів би пригорнуть до свого серця. І сам не знаю, чому так мені його жалостно! Я скоро буду писать до обоїх і до сердешного Александра Ал[ександровича Навроцького], а тепер нехай вибачають, не управлюсь. Пиши, мій миленький (де тількі того часу взять?), або всіх, чому їм не писать до мене? Чом ти не пишеш о Марц[инковських]. Думаю, що Альфонса немає в Києві, пани у Одесі, і тим не пишу ні до кого. Що Красковські? Чи йде їх дом угору? Чи мають вони гроші? Напиши, да зараз, коли мене любиш.

Поклонись Ник[олаю] Тр[охимовичу] низенько і скажи, що я добре пам'ятую на його розмову. Управлюсь трохи і приймусь за діло.

Попроси Костомарова передать О. Федотова і одослать Ханенку[51] бумаги, а куди? Пошукайте, чи не написано на бумагах. Я тут читаю із газет «Сев[ерную]» пч[елу]» [52] и «Инвалид» [53] и сліжу Запад. Буду з часом заглядувать в «Allgemeine Zeitung» [54] и J[ournal] des Débats» [55]. Попроси пошукать в унів[ерситетській] бібл[іотеці] в «Revue de deux monde»[56] за 1840—1843 статтю «Le Monde Graeco-Slave [57] и прислать, коли можно. Пришліть мені, будьте ласкави, «Українську історію». Візьміть од Шевч[енка] «Чорную» мою «раду» [58], пришліть і поклоніться йому у пояс.

Я сьогодні уперве побачивсь на улиці з Софроновичем. Я зближусь з ним. Багато є чого писать, да ніколи.

Ріккер дав Івану следуемые 7 крб.

Ріккер казав, що твій Іван [59] дорогий чоловік. Так він уміє берегти коней.

Посилаю тобі полуімперіала. Послав би більше, та нам іще не давали жалования. Хотілось вам прислать полтавських кавунів, динь або груш, да Ріккер каже, що не довезуть.

Ми маємо з добрейшим Ріккером квартиру около самого корпуса в домі архітектора Рибина 4 комнати з топливом за 450 р[уб.] асс[игнациями] и стол от Филип'євих. Її нема ще. Пишіть, переносьте мою думку в Київ.

Целую тебя крепко, крепко. Истинно тебя любящ[ий]

Василий Б[ілозерський]

Ч. XI, арк. 22. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 2.— С. 55—56.

№ 99

1846 р. жовтня 2.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО О. О. НАВРОЦЬКОГО З ВРАЖЕННЯМИ ПРО СВОЄ ОТОЧЕННЯ В ПОЛТАВІ

Коханий і щирий мій пане, пане Олександре!

Чує душа моя, що я заслужив на те, щоб Ви мене забули. Уже більш місяця уплило, а я і досі не обізвався на Ваш приязний голос. Не виніть мене за се дуже, не знівечіть в моїм серці тієї віри, що Ви не до кінця мене забули і що зумієте простить вину мою. О! трудно, мій милий пане, жить так на світі, як би бажалось: куди не повернись, усюди будеш винен. Оце ізнов прочитав я Ваше сердешне письмо і стидно, і совісно мені стало, що я так довго хитрував, поки зібрався одвітить на Ваш лист безхитросний.

Хотів би я дуже знать, об кім ви думали, як писали, що «в Полтаві багацько знайдеться таких, між котрими можна посіять святую любов до родіни, котрим тільки треба показать дорогу, по якій повинні йти». Може од того, що я мало де кого знаю, а я не найшов таких людей. Дай боже, щоб Ваше слово справдилось.

Мені здається, що тії, котрі живуть посеред України, так приглядились до неї, що я не знаю, яку треба іміти силу, щоб заохотить їх до того, що єсть у їх найближчого [60].

Ні з Бодянським, ні з Боровиковським я ще не забрав знакомості, бо маю так мало часу, що у мене не стає його на візити да на прийоми гостей, од котрих часом аж тошно буває. Одначе, як управлюсь з лекціями да з дисертацією [61], то надіюсь приняться пильно за труди для коханої України. А тепер даже і мій перевод святого письма у сповиті.

Прошу Вас найпокорніше порыться у бібліотеці, чи не знайдете чого касательно Сербівщини, то й пришліть мені. Подякував би Вам дуже, дуже.

Горе мені, коли «Психологія» не оддана Іноземцева, у мене зовсім із пам'яті, де я подів тую «Психологію». Що до Малишкевича, то я скажу Вам іще дивнішу річ: я й не знаю Малишкевича, чудно мені, коли моя пам'ять така невірна, що забуває тих знакомих, у котрих я брав записки. З Затиркевичем часто бачусь і живу приязно; з Дядіком [!] бачивсь давно. Він просив, щоб Ви до його написали.

З Сафроновичем ми сошлись, як кажуть люде. Скажіть коханому дорогому Афанасію, щоб він не дуже лякався його грози: «перемелеться — мука буде». Поцілуйте за мене милого Афанасія: попросіть його, нехай не дуже воює на мене, що так довго не пишу. Скоро я напишу і к йому, і він пізнає, що я не стілько виноват, як здається. Його коханиї здоровиї, тільки пані Васильова не зовсім. Скоро господь пошле їй радість. Василь В[асильович Маркович] у неділю (29 о[ктября]) виїхав у Переяслав, не дождавшись. Скажіть Афанасію, що я на все, о чім питав він і мене і П[ильчикова], дам обильний одвіт. Прошу только терпения.

Не забувайте мене, коханії браття! Пишіть до мене обо всіх і обо всім. Нехай до мене напише Іван Яковлевич [62], котрому передайте од мене щирий уклін: може я пригожусь для його брата, де він живе — не знаю. Вашому маленькому товаришу — з обширним серцем, розумною головою і ясними очима — поклоніться также од мене. Пану Шевченкові — глибокий!

Кланяйтесь од мене всім, кому слідує поклониться. Пишіть до мене частіше. Тількн візьміться за перо, а діло само буде під перо бігти. О, Київ, Київ! Як пориваеться до його моя душа!

Ваш Василій Біл[озерський]

Да поможет вам господь на экзамене! Надейтесь и спокойтесь. Рукопись я давно отослал Кулишу. Отослано ли Ханенку?

Р[оку] б[ожого] 1846, м[еся]ца октября у второй день, в Полтаве.

Ч. XI, арк. 23—24. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 2.— С. 61, 62.

№ 100

1846 р. грудня 15.— ЛИСТ К. І. КЕРСТЕН ДО О. В. МАРКОВИЧА З ОЦІНКОЮ «ПОВЕСТИ ОБ УКРАИНСКОМ НАРОДЕ» П. О. КУЛІША І ДУМКАМИ ПРО ПАТРІОТИЗМ

1846 15 октября, Гайвороищина

Прежде всего, позволь поздравить тебя, Афанасий, з благополучным окончанием одной половины твоего экзамена и пожелать, чтоб ты выдержал его до конца как нельзя лучше.

У нас никто не читал истории Кулиша, исключая меня. Если ты хочешь знать мое мнение, то я скажу, что заметила в ней присутствие демократического духа, просвечивающего на многих страницах. Слово esclave, кажется, очень неприятно отзывается в ушах автора. Впрочем, я не смею утверждать это; может быть, мне только так показалось.

Откладываю спор о патрнотизме до другого времени, во-первых, потому, что пришлось бы слишком много писать, повторяя мнение, несколько раз уже высказанное, что было бы для тебя довольно скучно читать, особенно теперь, при недостатке свободного времени; во-вторых, потому что, по словам Венедикта, ты собираешься на праздник к ним; следовательно, можно будет много кой-чего рассказать.

Скажи, пожалуйста, к чему ты, в последнем твоем письме, в подтверждение каждого своего убеждения выставляешь папу? Уж не думаешь ли ты заслоняться от моих возражений его авторитетом? Полно, это отзывается бессилием. Притом же призывание на помощь этого авторитета совершенно бесполезно. Родители имеют право на покорность своих детей во всех отношениях, кроме свободы мысли и вольности убеждений. В наш просвещенный век никто не в силах наложить эмбарго на мысль.

Папа вовсе не такой отчаянный патриот, каким ты его воображаешь, но если бы он и разделял вполне твои мнения, если б он и сказал мне вместе с тобою: «Мы называем патриотизмом не любовь к одной губернии, а любовь к целому краю, некогда свободному, к целому народу, некогда самостоятельному и славному»,— то я и тогда, не запинаясь, отвечала бы: «Разве можно скзать, что горсть людей, управляющихся некоторое время олигархиею, была самостоятельным народом?»[63].

Я люблю Украину, потому что выросла в ней и связана с ней святыми воспоминаниями; люблю ее быт потому, что в нем есть много поэзии; люблю ея наречие, jargon du peuple[64], к которому из детства прислушивалось мое ухо; люблю ея грустные, глубоко музыкальные песни, от которых веет чем-то обаятельно родным моему сердцу; но эта любовь к Малороссии не ослепляет меня до такой степени, чтоб я могла назвать ея прошлую случайную, ефемерную жизнь жизнью самостоятельною.

Венедикт у нас и, кажется, проживет довольно долго.

Какая странная манера у тебя просить, присоединяя к просьбе угрозу. Мне небольшого труда стоило дать прочесть книгу Ефиму, но если бы ты попросил меня сделать что-нибудь поважнее, то я исполнила бы с удовольствием просьбу во имя дружбы, во имя же угрозы — никогда!

Папа и дети здоровы и тебе кланяются.
До свидания!

Е. фон Кирхьштейн

P. S. Венедикт просит тебя прислать ему сюда его флейту.

Ч. XI, арк. 25—26. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 1.— С. 44—45.

№ 101

1846 р. листопада 25.— ЛИСТ К. І. КЕРСТЕН ДО О. В. МАРКОВИЧА З ОЦІНКОЮ ДІЯЛЬНОСТІ І ТВОРЧОСТІ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ТА ВИСЛОВЛЕННЯМ НЕГАТИВНОГО СТАВЛЕННЯ ДО УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

1846 25 ноября, Гайворонщина

Не знаю, верно ли переведена статья Коллара [65] на русский язык; мне известно очень хорошо только то, что я нисколько не изменила и не переиначила ее в своем письме, а сделала из нее две выписки слово в слово, о чем неверующие могут справиться в первой книжке «Отеч[ественных] зап[исок]» 1840 г.

«Чтобы назвать голову Шевченка мечтательною, значит признаться, что не знаем и не понимаем слов: вдохновение и патриотизм».

Во-первых, я понимаю слова: вдохновение и патриотизм, только, может быть, несколько по-своему. Например: под патриотизмом я разумею любовь к целому народу и государству, а не к одной какой-нибудь губернии. Под словом же вдохновение я думаю, что подразумеваю то же самое, что и все.

Во-вторых, я не называла Шевченку мечтателем, а почтила этим эпитетом (вовсе не оскорбительным для всех, исключая моих милых братцев, Марковичей) тех особ, которые хотят из малороссийского поднаречия, не имеющего даже и не могущего иметь грамматику, сделать язык, и которые, бросая русский, уже образованный язык, начинают писать по-малороссийски. Если малороссийское наречие и составляет середину между восточными и западными славянскими наречиями, то из этого еще не следует, что на нем можно писать все, начиная от простого письма до ученой диссертации. Все, сказанное мною об этом в моем прошлом письме, не могло относиться к Шевченке. Он пишет на малороссийском наречии по необходимости, потому что не силен в русском. Мои же слова относились к тем лицам, которые знают прекрасно русский язык, принадлежат к такому сословию, где принят русский язык, и которые выражали всегда свои идеи по-русски, но, вдруг, от какого-то патриотизма признали русский язык для себя негодным и начали писать по-малороссийски. Ты говоришь, что я не понимаю и не в состоянии никогда понять тех, кого называю мечтателями. Мои слова относились к одному тебе. Значит, я не в силах понимать тебя, а!.. Это дело возможное, и мне нечего тут обижаться! Отступаю перед твоею громадною личностью и чувствую, что моему тупоумию никогда не понять твою гениальность и глубокомыслие! [66]

Я не имела никакого предчувствия, когда просила тебя не показывать никому моих писем, и ты очень ошибаешься, думая, что насмешки твоих товарищей могут раздосадовать меня. Можно быть еще не совсем глупым и принадлежать к разным партиям. Всякий имеет свой образ мыслей, и досадовать на то, что другие думают не так, как мы, было бы величайшей нелепостью. Я не причастна ей. Но довольно.

Полемика не должна и не может, как мне кажется, поссорить нас, и потому я скажу тебе теперь несколько слов о всех нас. Вчера был день моего

ангела и я провела его очень скучно. Этот день ознаменовался только тем, что я поутру получила вместо поздравления твое милое письмецо. Папа и дети здоровы.

Кланяйся от меня Маше и ее маме и скажи ей, что я ожидаю их к рождеству.

Прощай, славянофил![67] Будь немножко похладнокровнее.

Е[катерина] К[ерстен]

Ч. XI, арк. 27—28. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 1.— С. 43—44.

№ 102

1846 р. жовтня 22, 31.— ЛИСТ К. І. КЕРСТЕН ДО О. В. МАРКОВИЧА З ВИСЛОВЛЕННЯМ СВОГО СТАВЛЕННЯ ДО СТАТТІ Я. КОЛЛАРА «ПРО ЛІТЕРАТУРНУ ВЗАЄМНІСТЬ МІЖ СЛОВ'ЯНСЬКИМИ ПЛЕМЕНАМИ І НАРІЧЧЯМИ» ТА ПОДЯКОЮ ЗА НАДІСЛАННЯ «ПОВЕСТИ ОБ УКРАИНСКОМ НАРОДЕ» П. О. КУЛІША

1846 22 октября, Гайворонщина

Что за предубеждение у тебя, Афанасий, против меня! Почему ты всегда больше расположен предполагать во мне дурное, а не хорошее? Я написала, что думаю оставить чтение и музыку для того, чтоб посвящать больше времени детям, а ты сейчас заключил из этого, что я хочу погасить в себе последнюю искру ума и теплоты душевной и приняться за исполнение своего долга с видом угнетенной жертвы, без любви, с отвращением, единственно для того, чтоб свет сказал: «Какое примерное великодушие! Какое благородное самопожертвование!» Нечего сказать, прекрасное исполнение долга! Так вот какие низкие чувства способен ты предполагать во мне! Спасибо тебе! Истинно по-братски!

Но ты очень ошибаешься, думая так черно обо мне. Нет! Не лицемерно сбиралась я исполнять свой долг, а хотела отдаться с любовью, всем моим существом — детям.

Однако ж, благодаря отчасти собственным размышлениям, отчасти твоим советам, в которых было много и правды, много такого, что далеко запало мне в душу, я решилась не оставлять моих прежних занятий. Я теперь почти уверилась, что они не помешают моим обязанностям в отношении к детям; что же касается до моих хозяйственных обязанностей, то совесть не станет упрекать меня, если я не выполню их с подобающею исправностию; а кажется, что из меня не выйдет порядочной хозяйки, сколько ни бейсь.

Еще одно несправедливое предположение: ты пишешь, что я хотела с смешным самоотвержением закрыть или очерствить свою душу. Неправда, никогда не хотела. Оставя чтение, я перестала бы образовываться, поглупела бы, может быть, не могла бы следить за литературой, поотстала бы в своих суждениях, но искра святой поэзии, которая дается нам или многим из нас при рождении, искра, под которою я разумею способность находить поэзию вокруг себя и упиваться ее благоуханием, эта искра не покинула бы меня! Оставя музыку, я потеряла бы небольшую беглость, приобретенную мною терпеливыми трудами, отстала бы в механике, но понимать и чувствовать искусство я не могла бы перестать, а любила бы его больше, чем теперь.

Тогда, быть может, в продолжении нескольких месяцев я не слышала б ни одного музыкального тона; но зато с каким наслаждением прослушивала бы каждую пьесу, удачно исполненную. Какие сладкие, очистительные, освежающие душу слезы полились бы из глаз при первом долетевшем до слуха звуке!

Я прочла статью о литературной взаимности между племенами и наре:иями славянскими [68] и вполне согласна с нею. С такою дельною и основа·ельною статьей нельзя не согласиться. Я не нашла в ней ни одного места, против которого могла бы поспорить. Как жаль, что горячность некоторых нтузиастов мешает им хладнокровным обсуждением постигнуть ее настоя:ий смысл! Коллар в одном месте говорит, что всякий невысоко ученый лавянин должен знать четыре нынешние образованнейшие наречия, на коорых пишутся и печатаются, как[-то] русское, польское, иллирийское и че:ословацкое, а славянин ученый, филолог и историк по званию должен нать все славянские наречия без исключения, живые и умершие, и подна·ечия, как-то: малороссийское — в русском, кроатское, виндское, болгаркое — в иллирийском, лузацкое — в польском. Очень понятно, что фило:огу и историку необходимо знать поднаречия, но не понятно то, что некоорые мечтатели хотят из поднаречия сделать язык, силятся выражать на одиаречии все отвлеченные идеи и мысли, не замечая, что их усилие смешо и не ведет ни к чему дельному!

В другом месте Коллар говорит, что взаимность не состоит в политиеском соединении всех славян; в каких-либо демагогических происках или еволюционных возмущениях против правительств и государей, откуда роистекает только замешательство и несчастие, и проповедует любовь к наему народу и языку, но вместе и верность, покорность к государям, хотя они были и из другого народа. Некоторые пр[оисходя] из грубой, непровещенной черни [и, вни]мая Коллару, воображают, что действуют истино в духе славянизма, сравнивая в своих стихах императрицу с стрекозою и юбуются в пошлом самодовольствии своими остротами. Впрочем, это не дивительно, но удивительно то, что люди образованные и притом не лиенные от природы эстетического чувства восхищаются этими безвкусными, родливыми, антиизящными произведениями!

Есть много мест в статье Коллара, которые понравились мне, но исчисение их заняло бы слишком много времени, места, следовательно, невозожно.

У нас носится слух, что в Киевском университете был какой-то бунт и го три или четыре студента посажены в крепость. Какого рода этот бунт — еизвестно. Напиши, до какой степени этот слух справедлив. Говорят, что Шевченко также сидит за что-то в крепости.

октября.

Merci, grand merci за «Повесть об украинском народе» Эта книжечка удет дорога мне и по внутреннему своему достоинству и потому, что она — зой подарок.

Я много предубеждена в пользу истории Кулиша и наперед уверена, го прочту ее с большим удовольствием. Ты говоришь, что, прочитавши эту :торию, я лучше пойму стремления и интересы образованных малороссов. чень хотелось бы узнать и понять, в чем именно состоят эти стремления и атересы. Не знаю, достанет ли у меня толку, чтоб понять.

С величайшим вниманием буду прислушиваться к суждениям и впечатлениям, какие произведет история на гайворонскую публику, и постараюсь эредать их с точностью тебе.

Ты очень дурно делаешь, что развлекаешься. Надеяться на бога хорошо, но только надо помнить при том пословицу: «Береженого и бог бережет».

Записки бедной Ольги потеряны навсегда. Она их увезла с собой.

Ты просишь меня записывать слова и прислать тебе. Да разве я могу это делать?

Я не имею никаких сношений с черным классом, кроме прислуги, корая говорит по-русски. Когда было еще тепло, я, часто гуляя, пыталась

заводить разговор с нашими крестьянками, да и то не добилась ничего. Теперь же, не выходя никуда из комнат, я совершенно удалена от простолюдинов и не имею никакой возможности делать заметки, при всем моем желании прислужиться тебе. Однако ж я посылаю тебе четыре загадки и несколько слов, записанных мною летом. Может быть, они тебе известны.

Ты, верно, считаешь меня очень тщеславною, рассыпаясь в похвалах моему письму, о котором я давно уже забыла. Впрочем, меня не удивляет то, что ты предполагаешь во мне ненасытимую жажду лести. Ты мне приписываешь ведь всевозможные дурные качества. Это происходит от врожденной симпатии ко мне. Но мне гораздо приятнее было бы, если б ты, вместо преувеличенных и незаслуженных похвал, указал бы мне ошибки, находящиеся в моем письме. За это я была бы тебе благодарна.

Твое последнее письмо ужасно отрывочно и бестолково. Я извиняю тебя, потому что ты теперь очень занят. Но когда экзамен кончится, я сделаюсь взыскательнее и буду просить тебя писать яснее. Я скажу тогда твои собственные слова: неужели я не стою труда?

О чем попросить от тебя Ефима? Ты не дописал.

Читал ли ты в «Отеч[ественных] зап[исках]» за сентябрь месяц повесть Жоржа-Занда «Проклятое болото» [69]. Если не читал, то прочти. Не многие поймут всю прелесть и всю поэзию этой идилии!

У нас есть теперь гувернантка, которую папа договорил для Фроси; она будет также учить по-французски Лизу; по-русски же я просила папеньку позволить заниматься ею мне. Я хочу передать своей сестре сама свои немногие познания.

Не показывай, пожалуйста, мои письма своим товарищам. На что это похоже!

Прощай!

Е[катерина] К[ерстен]

Ч. XI, арк. 29—32. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 1.— С. 41—43.

№ 103

1846 р. травня 11.— ЛИСТ ЧИНОВНИКА ПОЛТАВСЬКОЇ КРИМІНАЛЬНОЇ ПАЛАТИ Є. О. ЗАТИРКЕВИЧА ДО О. В. МАРКОВИЧА ПРО СВОЄ СТАВЛЕННЯ ДО ЗБИРАННЯ УКРАЇНСЬКИХ ПІСЕНЬ ТА ПРО МАЙБУТНЄ УКРАЇНИ

11 мая

От чин[овника] Затыркевича [70]

Вчера получил письмо твое и все равно, что не получил, не потому, что оно было для меня неприятно (я ожидал с нетерпением и получил с удовольствием), но потому, что содержание его совершенно предвидел. Я понимаю, что поступил неловко, заговоривши в конце письма о предмете, тебя интересующем, и не объяснивши так, как следует того, что я хотел сказать. Теперь я именно должен начать тем, чем тогда кончил. Если я успею хоть немного оправдаться перед тобою, то будет благо. Я нимало не думал назвать собирание малор[оссийских] песен занятием совершенно бесплодным и советовать тебе бросить его, как лишнее, а хотел сказать, что подобный труд для немногих может быть источником истинного высокого наслаждения, что время для этого еще не ушло, потому что песни эти живы в устах народа и что настоящее так печально, что мне кажется, должно отвлечь внимание от прошедшего. Прошедшее Малороссии никогда не воротится и не может воротиться в прежнем виде, но была же в нем какая-нибудь идея, и эта идея не

принадлежит исключительно ни прошедшему, ни настоящему, ни будущему, а всему человечеству. Для того чтобы эта уснувшая в настоящее время идея уяснилась и снова явилась двигателем народной жизни, основою должно быть собрание памятников народности. Но, мне кажется, что прежде чем элементы национальные, очистившись от всех случайных частностей, могут возвыситься до вечного общечеловеческого значения, вечные и общечеловеческие идеи, выработанные другими народами, должны проникнуть в жизнь народа и, обогатив ее собою, в свою очередь обогатиться новыми элементами и в этом увеличенном объеме перейти в наследство другим поколениям. По крайней мере после греков, не имевших предшественников на поприще всемирно-исторической деятельности, я не знаю народа, который бы начал свое развитие сам из себя; нет никакого основания ожидать исключения для Малороссии (т. е. для России, потому что это название сделалось общим; под ним следует разуметь все народы славянского происхождения, из которых самая большая часть русских). Остаюсь и, кажется, всегда останусь при прежнем убеждении своем, что малороссияне не нация, а племя, что язык их не язык, а наречие; соединясь с другими племенами в одну нацию, они принесут с собой некоторые богатые элементы деятельности духовной, но не имеют достаточных условий для самостоятельного развития. Прежде всего, по моему мнению, надобно привести частные интересы Малороссии в соприкосновение с общими интересами человечества, ни мало ни опасаясь за народность, от которой до времени надобно отказаться, так сказать, уничтожить ее в общечеловеческой идее, для того чтобы после пользоваться ею с несравненно большею славою, чем теперь. Все недостатки настоящего состояния Малороссии, общего ей с другими народами, происходят от отсутствия сознания человеческого достоинства, различиям гражданских политических состояний до такой степени приписывается столько важности, что равенство всех людей в идее человека, пред которым все политические различия исчезают, как величины бесконечно малые, равные нулю, не признается; звание дворянина или чин (хотя бы коллеж[ского] регистратора) ставится выше человеческого достоинства; отсюда весьма естественно происходят и самовластие людей высшего класса и рабство низшего. Очевидно, что в этом отношении религия может дать все, чего не достает теперь. Признавая необходимость временных различий в состоянии людей, она не дает им исключительного господства; учит человека уважать и себя, и других, что одно без другого невозможно, и так[им] обр[азом] не допускает ни тирании, ни рабства. Для того чтобы уничтожить в народе все препятствия самостоятельного развития, прежде всего следует пробудить в нем сознание человеческого достоинства; тогда они соединятся между собою, как братья, для стремления к общей цели. Тебе известно, какие несовершенные понятия имеет наш народ о религии, и на этот пункт, кажется мне, следует направить деятельность [71]. Теперь не могу удержаться, чтобы не сделать тебе (или вам, потому что это относится и к Дмитрию П[ильчикову]) некоторых замечаний на счет образа писания вами писем. Юриспруденция родила во мне страсть к пунктуальности, и я, как юрист, позволяю себе сделать вам, словесникам, выговор, а за что, тому следуют пункты:

1. В письмах ваших не означается месяца и числа написания оных, чрез что определение с должною точностию скорости получения их делается невозможным.

2. Оные адресуются на имя Циммермана, отчего получаются мною позже, чем в таком случае, если бы адресованы были на мое имя.

3. О политическом состоянии Киева и в особенности университета никаких сведений не приобщается.

Для удобности исправления помянутых недостатков у сего прилагается адрес: на Новоселовке, в доме Кондратенка, против дома Салимовской.

Дмитрия Павловича [Пильчикова] благодарю и за письмо, и за лаконизм, и за дурную бумагу. Давно уже узнал я, что он будет в Полтаве. Письмо твое к Циммерману обмануло меня: прочитавши в самом начале: пред Вами исторический и т. д., я уже думал, что время, которое пройдет до приезда Дмитрия П[авловича] надобно считать не днями, а часами. Это ожидание заставило меня провести несколько дней не совсем спокойно; надобно заметить, что до крайности нетерпелив в ожидании всего интересного для меня.

Видишь, какие следствия происходят от недостатка в письмах твоих юридического элемента — определенности. Желание Д[митрия] П[авловича] вести в Полтаве затворническую жизнь я одобряю; кроме того, что в Полтаве она больше имеет смысла, чем, наприм[ер], в Киеве, кажется мне, не пришло еще время полного соединения жизни с наукою, хотя оно может быть и близко. Не выгодно променять Киев на Полтаву; но да не сокрушается об этом Д[митрий] П[авлович]. Я изведал на опыте, что внешние обстоятельства жизни располагаются так, что человек может извлечь из них великую пользу для себя, так что постигающие его несчастья от его воли зависит обратить в благодеяния. В этом видно участие провидения в судьбе человека.

Дядык служит теперь в Полтаве в Уголовной палате; я с ним познакомился, потому что живу в одном дворе, и доволен этим. Он присылает тебе песню.

Дмитрию П[авловичу] присовокуплю следующее наставление: подъехав к Полтаве, велеть повернуть к жандармским конюшням (направо), от конюшен ехать по той улице, которая ведет от них мимо Богоугодного заведения к институту; не в далеком расстоянии от конюшен Д[митрий] П[авлович] найдет переулок (идущий от улицы вправо), совмещающий и Салимовскую, и Кондратенка, куда прямо может и должен ехать и где квартира готова к услугам на какое угодно время.

Адрес мой для присылки ко мне писем может иметь произвольную форму. Напиши хоть просто: «Евст[игнею] Александровичу»,— и то найдут. Если же необходимо прибавление то, кроме фамилии, довольно написать: «В доме Кондратенка».

Ч. XI, арк. 33—34[72]. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— Кн. I.— С. 34—36.

№ 104

1847 р. квітня, не пізніше 19.— ДОПОВІДЬ III ВІДДІЛЕННЯ МИКОЛІ I ПРО ЗМІСТ СВІДЧЕНЬ І ПАПЕРІВ О. В. МАРКОВИЧА

О показаниях и бумагах Марковича

От генерал-адъютанта Бибикова доставлены показание, снятое в Киеве с бывшего студента Марковича [73], и найденные при нем бумаги.

В показании Маркович объясняет, что он был знаком с Гулаком, Кулишом, Навроцким, а у них встречал Костомарова, Белозерского, Посяденко и других; что разговоры их относились только до наук и обыкновенных предметов жизни, кроме того, что иногда рассуждали об отношениях крестьян к помещикам в России и особенно в Южном крае, о неудовлетворительности быта крестьян, о забавном или суровом обращении с ними помещиков, о необходимости эмансипации крестьян, о невежестве их и средствах к их образованию, об издании для народа чтений и учебников и что для последнего сделан был в недавнем времени небольшой денежный сбор.

Из бумаг Марковича замечательнейшие следующие:

1. Письмо Гулака [74]. «12 января возвратился и Василий Михайлович (Белозерский); много вечеров провели мы вместе, не стану, да я и не в со-

стоянии передать Вам все прекрасное, что душа уносила из его светлых бесед, чем глубже я проникаю в тайники этой дивной души, тем беспредельнее мое благоговение. У Василия Михайловича застал я опять Тарновского и опять имел счастье слушать его статью о крестьянстве в Малороссии, постепенный переход из вольного состояния в безусловное рабство, прежние патриархальные отношения помещиков и подданых и унижающие картины современного изуверства, все это изображено с такою верностию, согрето таким теплым чувством, перемешано с взглядами столь светлыми, что и строгий критик останется в восхищении от этого очерка».

2. Пять писем Кулиша [75]; первое он оканчивает словами: «Совершаются мною в тишине дела, чреватые важными следствиями. Вы узнаете это со временем». Во втором говорит: «Вася (Белозерский) был для меня всегда в таких случаях избранным сосудом, в который я полагал самые дорогие и тайные свои чувства». В третьем: «Украина и украинский язык сделались теперь моею истинною святынею». В четвертом: «Намерение мое принялось и пустило корни». В пятом: «Предложите Н[иколаю] И[ванови]чу (Костомарову) обождать меня в Киеве. Нам нужно поговорить о делах, только ему да мне известных; также и к прочим я имею надобность. Желал бы я, чтоб перед отъездом моим за границу вы были все вместе, чтоб поговорить и проститься хорошенько».

3. Четыре письма Белозерского [76]; в первом он пишет: «Я постараюсь чтобы эти вечера исполнены были серьезной важности; буду выбирать произведения, исполненные начал христианства и народных. Я начертил себе плав действий, который расширится сильно н принесет плоды». Во втором: «Ближние мне люди — одни славянского племени — они тебе известны, другие — немцы». «Во избежание всего, я прошу тебя сжечь все это письмо». В третьем, на малороссийском наречии: «Ви знаєте, що я люблю детей, а тепер, слава богу, маю таких, що мене разуміють, чують вони, як поривається до їх моє серце. Я читаю їм лекції і промовляю до їх, як до мужей,— і моє слово не падає даром. На том залежать мої зусилля, щоб розвить їх удальності і дорогою добра довести до самопознанія. Того ж держиться і Дмитрий П[авлович]». В четвертом: «В Полтаве много найдется таких, в которых можно посеять святую любовь к родине, которым стоит только показать дорогу, чтоб пошли по ней... Мне кажется, живущие в Украине так пригляделись к ней, что надобно иметь особенную силу, дабы заохотить их к тому, что так близко к ним... Надеюсь пылко приняться за труды для любезной Украйны».

4. Три письма сестры Марковича [77] по мужу фон Кирхштейн; в этих письмах, называя брата своего славянофилом, она весьма умно доказывает грубость и непристойность стихов Шевченко, ничтожность языка малороссийского, говорит, что гораздо лучше писать на языке русском, как более образованном, и что патриотизм она разумеет в любви не к одной какой-либо губернии, а к целому государству; рассуждая об истории Кулиша, она продолжает: «Я заметила в ней присутствие демократического духа, просвечивающего на многих страницах, слово esclave, кажется, очень неприятно отзывается в ушах автора». Далее она пишет: «Я называла мечтателями тех особ, которые хотят из малороссийского поднаречия, не имеющего даже и не могущего иметь грамматику, сделать язык, и которые, бросая русский, уже образованный язык, начинают писать по-малороссийски. Если малороссийское наречие и составляет середину между восточными и западными славянскими наречиями, то из этого еще не следует, что на нем можно написать все, начиная от простого письма до ученой диссертации. Все, сказанное мною об этом в моем прошлом письме, не могло относиться к Шевченко. Он пишет на малороссийском наречии по необходимости, потому что не силен в русском. Мои же слова относились к тем лицам, которые знают прекрасно

русский язык, принадлежат к такому сословию, где принят русский язык, и которые выражали всегда свои идеи по-русски, но, вдруг, от какого-то патриотизма признали русский язык для себя негодным и начали писать по-малороссийски. Ты говоришь, что я не понимаю и не в состоянии никогда понять тех, кого называю мечтателями. Мои слова относились к одному тебе. Значит, я не в силах понимать тебя! А!.. Это дело возможное, и мне нечего тут обижаться. Отступаю перед твоею громадною личностью и чувствую, что моему тупоумию никогда не понять твои гениальность и глубокомыслие. ...Скажи, пожалуйста, к чему ты, в последнем твоем письме, в подтверждение каждого своего убеждения выставляешь папу? Уж не думаешь ли ты заслоняться от моих возражений его авторитетом? Полно, это отзывается бессилием. Притом же призывание на помощь этого авторитета совершенно бесполезно. Родители имеют право на покорность своих детей во всех отношениях, кроме свободы мыслей и вольности убеждений. В наш просвещенный век никто не в силах положить эмбарго на мысль. ...Папа вовсе не такой отчаянный патриот, каким ты его воображаешь, но если бы он и разделял вполне твои мнения, если б он и сказал мне вместе с тобою: «мы называем патриотизмом не любовь к одной губернии, а любовь к целому краю, некогда свободному, к целому народу, некогда самостоятельному и славному»,— то я и тогда, не запинаясь, отвечала бы: «Разве можно сказать, что горсть людей, управлявшихся некоторое время олигархией, была самостоятельным народом?

...Я люблю Украйну, потому что выросла в ней и связана с нею святыми воспоминаниями; люблю ее быт, потому что в нем есть много поэзии; люблю ее наречие, jargon de peuple, к которому из детства прислушалось мое ухо; люблю ее грустные, глубоко музыкальные песни, от которых веет чем-то обаятельно родным моему сердцу, но эта любовь к Малороссии не ослепляет меня до такой степени, чтоб я могла назвать ее прошлую случайную, эфемерную жизнь — жизнь самостоятельною».

Письма г-жи фон Кирхьштейн весьма замечательны по уму ея, правильности суждений и истинному русскому патриотизму.

5. Письмо служащего в Полтавской уголовной палате чиновника Затыркевича [78]: «Прежде всего, по моему мнению, надобно привести частные интересы Малороссии в соприкосновение с общими интересами человечества, нимало не опасаясь за народность, от которой до времени надобно отказаться, так сказать, уничтожить ее в общечеловеческой идее, для того чтобы после пользоваться ею с несравненно большею славою, чем теперь. Все недостатки настоящего состояния Малороссии, общего ей с другими народами, происходят от отсутствия сознания человеческого достоинства, различиям гражданских (политических) состояний до такой степени приписывается столько важности, что равенство всех людей в идее человека, перед которым все политические различия исчезают, как величины бесконечно малые, равные нулю, не признается; звание дворянина или чин (хотя бы коллежского регистратора) ставится выше человеческого достоинства, отсюда весьма естественно происходят и самовластие людей высшего класса и рабство низшего. Очевидно, что в этом отношении религия может дать все, чего не достает теперь. Признавая необходимость временных различий в состоянии людей, она не дает им исключительного господства; учит человека уважать и себя, и других, что одно без другого невозможно, и таким образом не допускает ни тирании, ни рабства. Для того, чтобы уничтожить в народе все препятствия самостоятельного развития, прежде всего следует пробудить в нем сознание человеческого достоинства, тогда они соединятся между собою, как братья, для стремления к общей цели. Тебе известно, какие несовершенные понятия имеет наш народ о религии, и на этом пункте, кажется мне, следует направить деятельность».

6. Тетрадка стихотворений на малороссийском языке, начинающихся словами: «І смеркає, і світає, день божий минає» [79], и пр. те же самые, которые найдены у Белозерского и других, самого вольного и возмутительного содержания.

Из доставленного генерал-адъютантом Бибиковым подлинного донесения киевского гражданского губернатора Фундуклея [80] видно, что Маркович оставлен в Киеве впредь до дальнейшего приказания, под присмотром.

Помітка Миколи І щодо К. І. Керстен: «Узнать, кто она, где она, где воспитывалась и кто ее муж».

Помітка Л. В. Дубельта: Собственно его величества рукою написано карандашом: «Узнать, кто она, где она, где воспитывалась и кто ее муж».

Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

19 апреля 1847 г.

Ч. XI, арк. 39—47. Оригінал.

№ 105

1847 р. травня 8.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО ВІДПРАВКУ О. В. МАРКОВИЧА ДО ПЕТЕРБУРГА

Его высокопр[евосходительст]ву Бибикову

8 мая 1847, № 741

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Известное вашему высокопревосходительству дело о Славянском обществе остается неконченным, собственно, за неприбытием в С.-Петербург бывшего студента университета св. Владимира Марковича.

Посему имею честь покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли приказать немедленно отправить Марковича в III отделение С. е. в. канцелярии, в сопровождении благонадежнейшего чиновника н под самим строгим надзором.

Примите увер[ения] и про[чее]

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XI, арк. 48. Відпуск.

№ 106

1847 р. травня 20.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ХВОРОБУ СТУДЕНТА О. В. МАРКОВИЧА, УВ'ЯЗНЕНОГО В КИЇВСЬКІЙ ФОРТЕЦІ

Весьма секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

20 мая 1847 г., № 32, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Получив почтеннейшее отношение вашего сиятельства от 8 мая № 741 [81] о доставлении в III отделение С. е. в. канцелярии бывшего студента Марковича, долгом поставляю донести, что по возвращении моем в Киев Маркович тотчас был арестован, посажен в крепость и не был послан в С.-Петербург только по болезни, а между тем я приказал снять с него показания, так как он изъявлял готовность быть совершенно откровенным.

Показание это имею честь почтеннейше представить к вашему сиятельству и доложить, что коль скоро Маркович получит облегчение, то немедленно будет послан в С.-Петербург.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 28 мая 1847 г.

Ч. XI, арк. 49. Оригінал.

№ 107

1847 р. травня, не пізніше 20.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ О. В. МАРКОВИЧА У КИЇВСЬКІЙ ФОРТЕЦІ

Вопросы, предложенные бывшему студенту Афанасию Марковичу, и ответы его.

1. Как ваше имя, отчество и фамилия и сколько вам от роду лет?

Афанасий Васильев сын Маркович, 25 лет от роду.

Афанасий Маркович

2. Какого вы вероисповедания и бывали ли на исповеди и у св. причастия?

Православного, на исповеди всегда бывал и св. тайны принимал, кроме последнего поста, потому что, окончив последний свой университетский экзамен на масляной, я выезжал в пост к родным и снова возвращался в Киев писать диссертацию и не успел отговеться, почитая себя не готовым, а отложил на Петров пост.

Афанасий Маркович

3. Откуда вы уроженец и есть ли у вас или родителей Ваших имение, где именно и какое?

Уроженец пирятинского уезда, Полтавской губ., родителей у меня нет в живых и имения нет.

Афанасий Маркович

4. Где и в каких заведениях вы воспитывались?

Я воспитывался во 2-й киевской губернской гимназии и потом в императорском университете св. Владимира, где и окончил курс.

Афанасий Маркович

5. Когда были в гимназии, то с кем особенно были в дружбе?

В гимназии я не имел особенных приятелей.

Афанасий Маркович

6. Кто были ваши близкие знакомые и приятели в университете?

Во время пребывания моего в университете я был в приязни со всеми моими товарищами, но в особенной дружбе ни с кем не находился.

Афанасий Маркович

7. В показании, данном в минувшем апреле, Вы говорили, что рассуждали о средствах к образованию крестьян и об издании для народа чтений и учебников, для чего сделан был в недавнем времени небольшой денежный сбор. Почему имеете объяснить:

а) кем именно и по какому поводу предложен был этот денежный сбор?

Денежный сбор был предложен чиновником Гулаком, когда студент Посяда, зайдя ко мне в конце декабря, пригласил меня вместе с ним пойти к Гулаку: там, для издания чтений, не для одного простого народа, но и вооб-

ще для публики, мы говорили, и как никто из нас не имел средств печатать на свой счет, то пока правительство не приняло бы этого издания под своё особое покровительство, как это сделано с чтениями, издаваемыми кн. Одоевским, мы решились сделать между собою небольшой сбор; кто же именно предложил этот сбор, я припомнить не могу — Посяда или Гулак.

Афанасий Маркович

b) кто его собирал и каким образом?

Деньги эти, кажется, должен был собирать Костомаров, посредством добровольных пожертвований.

Афанасий Марковнч

c) кто вносил деньги и сколько?

Кто именно вносил деньги, я не знаю; предположено было собирать по 10 руб. сер[ебром], каковое количество денег я отдал Костомарову в генваре или феврале нынешнего года.

Афаиасий Маркович

d) сколько именно всех денег было собрано и у кого они хранятся?

Сколько мне известно, деньги должны были храниться у Костомарова, но сколько их было собрано, я не знаю.

Афанасий Маркович

e) по какому праву и убеждению Вы рассуждали об образовании крестьян и для чего именно оно казалось Вам нужным и, наконец.

Родившись в Малороссии и воспитываясь первоначально в деревне, а потом часто бывая в Малороссии у родных, я бывал неоднократно свидетелем того развращения и нравственного упадка простого народа, которые производятся в нем пьянством, сопровождаемым самым отвратительным безобразием, мне, как молодому человеку, казалось ужасным такое всеобщее в народе развращение, ибо не только поражены им мужчины в зрелых летах, но несьма часто мне случалось видеть опьянелыми до безумия женщин и детей. Сердцу моему, не привыкшему ни к каким подобным порочным явлениям, и душе, освященной истинными правилами православной веры, невыносимо было смотреть на это унижение и уничтожение целого народонаселения. Невольно после этих грустных, тягостных впечатлений являлась в душе мысль, каким бы образом избавить этот добрый народ от бедствий, в которые ввергают его непомерное употребление водки, ибо, кроме физического расслабления и безобразия, от сего порока происходящих, уничтожалось в народе всякое чувство веры, долга, совести н, наконец, совершенно расстраивался их семейный быт, союз супругов, союз родства, все поражалось этою порочною страстию и представляло людей более в образе бессмысленных тварей или подобных тем несчастливцам, которые уничтожают свою жизнь употреблением опиума. Когда однажды подобная мысль упадет в неиспорченное сердце молодого человека, то, я полагаю, она не может его оставить без того, чтобы не произвести в нем пламенного желания пособить этому, так сказать, уже сроднившемуся с простым народом бедствию. Мы знали по слухам, что само благодетельное правительство удостоило на предмет сей обратить свое внимание, ибо случалось слышать во всей Малороссии, что генерал-губернатор Бибиков представлял о сем всемилостивейшему государю императору. Сколько по этому, столько же и по собственному убеждению, что ничто так не может прекратить в простом народе пьянство, как наставительное христианское чтение, я полагал, что изданием подобного чтения можно помочь самому правительству, в исполнении святых его намерений, другой цели я никакой не имел и иметь не мог, что доказывается тем даже, что мы хотели переводить, именно для народа, на понятный для него простонародный язык, «Сельское чтение» князя Одоевского [82].

Если оно издается для великороссиян, то тем более нужно для малороссиян, ибо у первых, по существованию откупов, пьянство не доходит до такого огромного размера, в котором оно является в Малороссии.

Афанасий Маркович

е) какое чтение для народа и учебники Вы хотели издавать?

Такое точно, какое издал князь Одоевский, с некоторым приспособлением к местности, как все сие можно видеть, из сделанных мною некоторых переводов означениого чтения.

Афанасий Маркович

8. В бумагах Ваших оказалось письмо Гулака, в котором он, между прочим, пишет о возвращении 12 января Василия Михайловича (Белозерского), о проведенных у него вместе многих вечерах, что у него застал опять Тарновского и опять имел счастие слушать превосходную его статью о крестьянстве в Малороссии, посредственный переход их из вольного состояния в рабство, патриархальные отношения помещиков и подданных и проч[ее], объясните:

а) какие именно Гулак имел частые и, как видно, короткие сношения с Белозерским и кто таков этот Тарновский?

Об сношениях Гулака и Белозерского я знал, что они находятся в дружбе и между собой переписываются. Тарновский есть помещик Полтавской губ., жительствующий в губ. Киевской.

Афанасий Маркович

b) какая это статья Тарновского о крестьянах и с какой целью она написана?

Тарновский, сколько по слухам мне известно, написал прекрасное сочинение, или, лучше сказать, статистику о крестьянах в Малороссии, но сам я ее никогда не слыхал и не читал.

Афанасий Маркович

в) по какому случаю и для чего Гулак обо всем этом писал к Вам?

Гулак писал ко мне об этом, вероятно, потому, что знал, сколько всегда поражало меня вышеписанное нравственное уничижение крестьян, что, может быть, он видел и в сочинении Тарновского.

Афанасий Маркович

9. В бумагах Ваших найдено еще пять писем Кулиша, в коих он, между прочим, пишет, что совершаются ныне в тишине дела, чреватые важными следствиями, что намерение его принялось и пустило корни, что Белозерский был для него всегда избранным сосудом и что он желал бы, чтоб перед отъездом за границу Вы были все вместе, чтоб поговорить и проститься хорошенько. Объясните в подробности:

а) какие совершаются в тишине дела, о коих Кулиш пишет?

Под сими выражениями я ничего более не понимал, как его литературные труды, в том смысле, что они, как он начал, могут со временем направить наших писателей к разработке материалов прежней жизни народа и русской истории в виде романов, как это сделал Вальтер Скотт.

Афанасий Маркович

в) какое намерение его принялось и пустило корни и какие?

О намерении его, пустившем корни, я разумел так, что он успел распространить вкус к изысканиям исторических материалов и представлении их в виде романов.

Афанасий Маркович

с) почему называет Белозерского избранным сосудом?

Белозерский, будучи в университете, отличался всегда такою чистою, неукоризненною нравственностью, такою кротостию характера и такою

христианскою любовью, что составлял удивление всех своих товарищей, и поэтому в этих выражениях письма Кулиша я видел только оценку этих редких в настоящий век нравственных достоинств.

Афанасий Маркович

d) были ли вы и кто еще у него на прощании перед отъездом за границу и что тогда происходило?

На прощании у него много было лиц, из живущих в Киеве, разговор был общий и более всего касался удовольствия путешествия за границу. Я же подробности всего тогдашнего разговора припомнить не могу, потому что все время был с дамами, которых также было у него много.

Афанасий Маркович

10. Оказалось еще в бумагах ваших четыре письма Белозерского, из коих в одном он пишет, чтобы эти вечера исполнены были серьезной важности и что он начертал себе план действий, который расширится сильно и принесет плоды; в другом, что ближние ему люди одни — славянского племени, вам известные, а другие — немцы, во избежание же всего, он просит сжечь все это письмо; в третьем, что он имеет детей, которые его разумеют, читает им лекции, говорит им, как мужам, и слова не падают даром, его держится и Дмитрий П[ильчиков]; в четвертом, что в Полтаве много найдется таких, в которых можно посеять святую любовь к родине и что он надеется пылко приняться за труды для любезной Украйны.

Объясните, что означает содержание этих писем:

a) какие были вечера у Белозерского?

Я не знаю подробностей потому, что это письмо я получил с Полтавы. Говорил же он при свидании, припоминаю, писал, что они были литературные.

Афанасий Маркович

b) какой составил он план действий?

План действий его, как я всегда разумел и разумею, заключался в распространении литературной деятельности.

Афанасий Маркович

c) какие ближние ему люди славянского племени вам известны?

В этом письме Белозерский писал мне о моих родных в Полтаве и как они состоят из малороссиян и иностранцев, последних фамилия Д'Олива, то, вероятно, в шутку, так я по крайней мере понимал, он первых назвал славянами, а других немцами, так как в старину в России всякого иностранца не иначе называли, как немцами.

Афанасий Маркович

d) для чего он просил сжечь письмо?

Для того, что в нем заключался один фамильный секрет и относится к тому, что некоторое время мне нравилась очень сестра жены моего брата Елизавета д'Олива, но письма этого я не сжег, и справедливость моего показания можно видеть из него.

Афанасий Маркович

e) каких он имеет детей, которые его разумеют и в чем и какие он читает им лекции?

Он был преподавателем в Полтавском Петровском кадетском корпусе и, без сомнения, разумеет кадетов, как я понимаю, которым он преподавал историю.

Афанасий Маркович

ж) кто такой Дмитрий П.?

Учитель Полтавского корпуса Дмитрий Павлович Пильчиков.

Афанасий Маркович

з) за какие труды он надеется пылко приняться для Украйны?

За собрание исторических материалов и исправление истории Малороссии, как я понимал, или же, может быть, как он имел мысль, для уничтожения нравственного разврата в народе, стараться об его образовании в христианском духе — учреждением школы, с позволения правительства.

Афанасий Маркович

11. В письме чиновника Затыркевича, между прочим, говорится, что Вам известно, какие несовершенные понятия имеет наш народ о религии, и на этом пункте, кажется ему, следует направить деятельность.

Объясните, какие связи и сношения имеет с Вами этот Затыркевич, кто он такой, по какому поводу и для чего писал он помянутое письмо и какую деятельность следует направить на основании религии для простого народа?

Затыркевич во время своего пребывания в здешнем университете жил со мною на квартире; он вышел прежде меня и служит теперь в Полтаве в Уголовной палате. Он любил заниматься философиею и смотрел с неодобрением на занятия мои литературою. Пред братом моим смеялся надо мной, что я собираю песни. Я в неудовольствии на него писал к нему об этом и доказывал, что если кто вырос среди народа и его поэтому любит, то понятно, что желает его изучать и не может иметь другого средства соболезновать о нравственном его упадке и невежестве, как представить свету, что и эти люди также имеют добрые чувства и достоинство человеческое; тем я оправдывал пред ним свои занятия народною малороссийскою поэзией и тем же упрекал его в холодности. В том письме я говорил, что языки суть живые цветы в цветнике божьем и что если народ какой говорит своим языком, то, изучая язык, можно изучить народ, который говорит им. Ответом и возражением его было письмо темное и невразумительное, в котором он советовал стараться просвещать народ религией, ибо о ней он имеет самое несовершенное понятие.

Афанасий Маркович

12. Вы писали к Белозерскому, чтобы он написал письменное обязательство побрести к Вам в известный день, к известному часу и что все написанное серьезно, хотя и Вами, как физиогномия Тюлли, как термометр на морозе, как поведение Нейкирха [83], как монархическая власть, как подлость души Брамбеуса [84], как г-н Фавят, как журнал М[инистерства] Н[ародного] п[росвещения] [85], должность профессора и проч[ее].

Объясните: на какой час и для чего приглашали вы к себе Белозерского и что означают помянутые выражения в Вашей записке?

Однажды Белозерский читал мне свой разбор сочинений Гоголя, но не мог кончить и обещался прийти в другой раз; так как меня это очень занимало, то я писал к нему в шутку, чтоб он дал письменное обязательство на то, что он ко мне придет и при этом прибавлял также в шутку, что все написанное — серьезно, хотя и мною писано, ибо он меня не почитал человеком серьезным, а преданным удовольствиям и рассеянным. Для убеждения его, я требую от него прихода настоятельно, я употребил, также в шутку, несколько выражений о серьезности физиогномии Тюлли, неукоризненности Нейкирха и проч[ее].

Афанасий Маркович

13. В бумагах Ваших оказалась тетрадка стихотворений на малороссийском языке, самого вольного и возмутительного содержания.

Объясните: кто писал эти стихи, откуда они Вам достались и для чего Вы их у себя хранили?

Стихи эти сочинял Шевченко, получил я их, сколько припоминаю, от кого-то из моих товарищей и, кажется, от Навроцкого, что он и сам может сказать, если о том его спросят, а имел их у себя по любопытству, столько

обыкновенному в молодых людях, в чем сердечно и раскаиваюсь и прошу великодушного прощения. Списывать никому их не давал.

Афанасий Маркович

14. Вы говорили студенту Петрову, что в скором времени желаете написать географию на малороссийском языке, кроме сего, по показанию Петрова, у вас было переложение на малороссийский язык истории Греческой республики.

Объясните: писали ли Вы помянутую географию и какая история Греческой республики переложена на малороссийский язык, кто сделал это переложение и для чего?

Действительно, я говорил Петрову, что намереваюсь писать географию, а история греческая, о которой он говорит, есть не что иное, как мой перевод Геродота. Но откровенно говорю, мысли твердой и решительной писать географию у меня не было и не было на то никакой цели, но об этом я говорил Петрову и, может быть, кому-нибудь и другому в разговоре, без всякого намерения. Геродота же переводил для изучения греческого языка, что почитается необходимым для студентов I отделения философического факультета.

Афанасий Маркович

15. Объясните со всею откровенностью, что Вам известно о составленном Обществе славянистов?

Докладываю со всею откровенностью и свидетельствуюсь богом, что мне решительно не было ничего известно о составленном Обществе славянистов.

Афанасий Маркович

16. Откуда могло явиться подобное направление между Вашими знакомыми и у Вас самих?

Я сам никакого славянского направления в мыслях моих не имел и об нем совершенно ничего не знаю, почему же подобное направление обнаружилось между моими знакомыми и товарищами, мне также неизвестно.

Афанасий Маркович

17. Кто именно были членами это общества?

Совершенно не знаю.

Афанасий Маркович

18. Кто Вас самих в оное принял и когда именно?

Меня никто не принимал, ибо я не принадлежал.

Афанасий Маркович

19. Когда самое общество составилось, с какою целью и по каким побуждениям?

Не знаю.

Афанасий Маркович

20. Какие, до времени арестования членов этого общества, были его действия?

Не знаю.

Афанасий Маркович

В заключении сих моих ответов, сделанных по чистой совести и с полною откровенностию, поставляю долгом верноподданного и честного человека, дабы на совести моей и на душе не оставалось никакой тайны, которую бы я не высказал, объяснить следующее: только в настоящее время, когда я арестован, страдаю морально и физически в каземате, удручен болезнию, когда делаемые мне допросы заставили меня глубже обратиться в собственное мое сердце и изыскивать в памяти все случаи и происшествия со мною бывшие, по отношению к моим знакомым также арестованным, как мне объ-

яснялось при допросе, я вспоминаю, что однажды Костомаров среди обыкновениого разговора об ученых предметах и занятиях литературных упомянул, что хорошо бы мне принадлежать к обществу, которое для сего уже составилось. При сем он мне показал, что знак этого общества было кольцо, которое было у него на руке. Понимая, что для составления ученого и литературного общества не нужно никаких подобных знаков и, что, может быть, в этом обществе есть что-либо и такое, что может быть противно правительству, потому что Костомаров иногда выражал мысли об общем соединении славян всех поколений в будущем неопределенном времени, я решительно отказался от всякой принадлежности к какому бы то ни было обществу. И когда, чрез несколько времени, припомнив об этом разговоре, спросил Костомарова о его обществе, то он мне отвечал, что оно расстроилось и уже не существует и отвечал со смехом. Поэтому я не придал ни первому, ни последнему о сем разговору в мышлении моем никакой важности и об этом совершенно позабыл. Теперь же поставляю священным долгом объяснить об этом.

Вот моя полная искренняя исповеды! Повторяю, что как к этому, так и к никакому другому обществу я не принадлежал и принадлежать не буду. Кольца для себя не делал, и если вииоват в хранении непозволительных стихов и иногда разговорах не приличных ни моему званию, ии положению, то умоляю о всемилостивейшем прощении; твердо надеюсь на милосердие великого государя и богу и ему поверяю мою участь.

Студент Афанасий Марковкч

Допрашивал действительный статский советник Н. Писарев [86]

Ч. XI, арк. 50—62. Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка (1814—1914).— С. 225—233

№ 108

1847 р. травня 30.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I ПРО О. В. МАРКОВИЧА

О бывшем студенте Марковиче

К делу об Украйно-славянском обществе прикосновен бывший студент Киевского университета Афанасий Маркович, который потребован в С.-Петербург, но еще не прислан из Киева.

Ныне генерал-адъютант Бибиков доставил подробное показание [87], снятое с Марковича, присовокупляя, что студент этот содержался под арестом в Киевской крепости, доселе не высылается за болезнию и будет по выздоровлении немедленно отправлен в С.-Петербург.

В показании своем Маркович объясняет, что он никогда не принадлежал к Славянскому обществу и ие занимался никакими предположениями о соединении славян, что только Костомаров, при одном разговоре об ученых предметах, сказал ему, что было бы не худо принадлежать ему, Марковичу, к обществу, которое уже составилось, и при этом показал на руке своей кольцо как знак общества, но он, Маркович, понимая, что для ученых обществ не нужно никаких знаков, отказался от этого; через несколько же времени Костомаров, при возобновлении подобного разговора, сказал со смехом, что общество уже расстроилось и более не существует, что поэтому он, Маркович, не придавал означенным словам Костомарова особенной важности и впоследствии забыл о них.

На другие вопросы Маркович отвечал, что он с Костомаровым, Гулаком и Посядой совещался еще об издании чтений для простого народа и о сборе для этого денег, но при этом не имелось в виду ничего, кроме образоваиия

крестьян; к мысли же улучшить быт простого народа он приведен был тем, что часто был очевидным свидетелем пьянства и безнравственной жизни крестьян в Малороссии.

Относительно писем Белозерского, Гулака и Кулиша, найденных у Марковича, последний объясняет, что хотя в иих встречаются выражения, кажущиеся сомнительными, например, в письме Кулиша: «совершаются ныне в тишине дела, чреватые важными следствиями»; в письме Белозерского: «я начертал себе план действий, который расширится сильно и принесет плоды, в Полтаве много найдется таких, в которых можно посеять святую любовь к родине» и проч[ее], но все эти выражения относятся или до ученых трудов, или до дел обыкновенной жизни, не заключая в себе никакого преступного смысла.

О найденных у Марковича возмутительных стихах он показал, что стихи эти сочинения Шевченки, что он, Маркович, получил их от Навроцкого, оставил у себя из одного любопытства, свойственного молодым людям, раскаивается в этом и просит великодушного прощения.

Таким образом, показание Марковича обнимает почти все предметы представляющихся против него обвинений; остается необъясненным только донесение студента Петрова, который, находясь уже в С.-Петербурге, объявил, будто Маркович был приверженцем Украйно-славянского общества и весьма ревностно действовал к достижению своей цели.

Донесение Петрова едва ли не преувеличено, тем более, что никто из прочих показателей не называет Марковича участником Украйно-славянского общества, которое, как уже известно, состояло только из трех лиц: Гулака, Костомарова и Белозерского. Но нет также сомнения, что Маркович принадлежит к пламенным украинофилам. Это доказывается и его бумагами; он, например, писал к Гулаку, что если б не имел в виду купить землю в Малороссии, то не ручался бы за свои чувства, и что в деле для родины на него можно положиться, «як на передні воли»; и письмами сестры его Е. фон Кирхьштейн, которая укоряла его в излишней привязанности к Малороссии, доказывая, что лучше заниматься изучением русского языка, нежели малороссийского, и что патриотизмом она считает любовь не к одной какой-либо губернии, а к отечеству.

Всеподданейше докладывая о сем вашему величеству, я полагал бы вменить Марковичу в наказание содержание под арестом в крепости и выслать его на службу в одну из великороссийских губерний с воспрещением увольнять его в Малороссию, доколе не докажет безвредность своего образа мыслей усердною службой и степенным поведением, и таковое мнение мое осмеливаюсь представить на высочайшее воззрение вашего императорского величества.

Подлинный подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно: генерал-лейтенант Дубельт

30 мая 1847 г.

Помітка Л. В. Дубельта: На подлинном рукою генерал-адъютанта Орлова написано карандашом: «Высочайше разрешил по моему мнению. Губернию для службы назначим Орловскую».

Верно: генерал-лейтенант Дубельт

Ч. XI. арк. 63—67. Копія.

№ 109

1847 р. травня 31.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ЗАСЛАННЯ О. В. МАРКОВИЧА В ОРЛОВСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Секретно

Его высокопрев[осходительству] Л. А. Перовскому

31 мая 1847, № 909

М[илостивый] г[осударь] Лев Алексеевич!

К делу, известному вашему высокопревосходительству из отношения моего от 30 мая № 896, об Украйно-славянском обществе прикосновен был содержащийся под арестом в Киевской крепости бывший студент Киевского университета Афанасий Маркович, который, как оказалось по произведенной о нем переписке, хотя не принадлежал к упомянутому обществу, но был приглашаем вступить в оное и не донес об этом; заботился с другими украйно-славянистами об издании книг для образования простого народа, хранил у себя возмутительные стихи и питает такую привязанность к родине своей, Малороссии, какую должен питать к отечеству, России.

Государь император высочайше повелеть соизволил: вменить Марковичу в наказание содержание под арестом в крепости и выслать его на службу в Орловскую губ. с воспрещением уволнять его в Малороссию, доколе не докажет безвредность своего образа мыслей усердною службою и степенным поведением.

Сообщая вашему высокопревосходительству о таковой монаршей воле для зависящего от Вас расположения, имею честь присовокупить, что о сем извещен мною г-н киевский военный губернатор с тем, чтобы Маркович был оставлен в Киеве под арестом; впредь до получения предписания вашего высокопревосходительства о распоряжении же Вашем по сему предмету, не благоугодно ли Вам будет удостоить меня уведомлением.

Примите уверен. и проч. [88]

Под[писал] гр. Орлов

Ч. XI, арк. 68, 69. Відпуск.

№ 110

1847 р. травня 31.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО УТРИМАННЯ О. В. МАРКОВИЧА В КИЇВСЬКІЙ В'ЯЗНИЦІ ДО ЗАСЛАННЯ ЙОГО В ОРЛОВСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Секретно

Его высокопр[евосходительст]ву Д. Г. Бибикову

31 мая 1847, № 907

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

По содержанию отношения вашего высокопр[евосходительст]ва от 20 мая № 32 [89] на счет прикосновенного к делу об Украйно-славянском обществе бывшего студента Киевского университета Афанасия Марковича я всеподданнейше докладывал государю императору и его величество высочайше повелеть соизволил: вменить Марковичу в наказание содержание под арестом в Киевской крепости и выслать его на службу в Орловскую губ., с воспрещением увольнять его в Малороссию, доколе не докажет безвредность своего образа мыслей усердною службою и степенным поведением.

Уведомляя ваше высокопревосходительство о таковой монаршей воле, :ообщенной мною г-ну министру внутренних дел для зависящего распоря- кения, имею честь покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], не ізволите ли приказать, дабы Маркович не был уже доставляем в С.-Петер- ̆ург, а остался бы под присмотром в Киеве впредь до получения об нем пред- ıисания от г-на дейс[твительного] тайного советника Перовского.

Примите уверение и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

ι. XI, арк. 70. Відпуск.

№ 111

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ЩОДО НАДІСЛАННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ ДОВІДКИ ПРО СЕСТРУ О. В. МАРКОВИЧА К. І. КЕРСТЕН

Секретно

Его высокопрев[осходительству] Д. Г. Бибикову

0 мая 1847 г., № 903

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Бывший студент Киевского университета Афанасий Маркович получал ιз Гайворонщины от сестры своей Е. Фон Кирхъштейн письма весьма заме- ательные по уму, правильности суждений и истинному русскому патрио- 'изму.

По высочайшему повелению, имею честь покорнейше просить ваше вы- окопревосходительство, не изволите ли приказать, спросив Марковича, и достоить меня уведомлением для всеподданнейшего доклада, кто такая упо- ιянутая сестра его, где жительствует, где воспитывалась и кто муж ее?

Примите уверение и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

ιрк. 71. Відпуск.

№ 112

1847 р. травня 24.— ЗАПИСКА Д. Г. БІБІКОВА, НАДІСЛАНА В III ВІДДІЛЕННЯ ПРИ ВІДПРАВЛЕННІ О. В. МАРКОВИЧА ДО ПЕТЕРБУРГА

Имею честь препроводить при сем в III отделение С. е. в. канцелярии ывшего студента Афанасия Марковича, прикосновенного к делу о Сла- янском обществе.

Генерал-губернатор Бибиков

омітка про одержання: 3 июня 1847 г.

XI, арк. 72. Оригінал.

№ 113

1847 р., травня 24.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ О. В. МАРКОВИЧА В III ВІДДІЛЕННЯ

Весьма секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

24 мая 1847 г., № 39, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

По получении ныне облегчения от болезни бывшим студентом Афанасием Марковичем, я вместе с сим распорядился отправить его в III отделение С. е. и. в. канцелярии.

Доводя о сем до сведения вашего сиятельства, в последствие отношения моего от 20 мая [90], покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и особенной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка О. Ф. Орлова: Исполнить высочайшее повеление.
Помітка про одержання: 3 июня 1847 г.

Ч. XI, арк. 73. Оригінал.

№ 114

1847 р. 3 червня.— СВІДЧЕННЯ О. В. МАРКОВИЧА ПРО ЙОГО СЕСТРУ К. І. КЕРСТЕН

Вопрос, предложенный бывшему студенту Марковичу, и ответ его.

Кто такая сестра ваша Екатерина фон Кирхьштейн, где она жительствует, где воспитывалась и кто ее муж?

Имею честь доложить, что настоящая фамилия сестрицы моей есть Керстен, а Кирхштейн она подписалась, помнится, в нескольких письмах, вероятно, желая придать своей фамилии филологический смысл от слова Kirchn и Stein. Она мне внучатная сестра, ее отец и мой были родные братья по матери, урожденной Снурчевских. Она еще не замужем [91] и жила с родителями своими до нынешнего года, в собственном доме и имении Гайворонщине, Золотоношского уезда, Полтавской губ.; в нынешнем же году, после пожара, они переехали в деревню Павловщину того ж уезда и живут там в чужом доме. Семейство моего дяди сверх означенной дочери Екатерины, драгоценные письма которой хранились в моих бумагах, состоит еще из четырех малюток уже от второй жены, недавно умершей. Этих то сироток сестрица называет в письмах ко мне детьми своими. Дядя мой Иван Иванович Керстен, при расстроенном имении, лишившись собственного крова, пользуется теперь христианским великодушием соседа и, несмотря на преклонный возраст и истощенное горестями здоровье, продолжает теперь коронную службу в уездном суде, будучи давно майором в отставке. Что касается воспитания моей сестры, то оно было домашнее; всем ее воспитанием были благие нравы семьи и образованная мать.

Осмеливаюсь добавить, для оправдания своего, несколько слов по поводу писем моей разумной сестры и умоляю принять их как сердечное сознание моей безвинности в дурных, недостойных верноподданного и честного человека чувствах. Я никогда не имел таковых дурных чувств, клянусь богом, и идеи моей благородной сестры были не чужды моей душе, а родствен-

ны ей, иначе она не почтила бы меня ни своим дружеством, ни своею драгоценною корреспонденциею. Я желал бы хранить эти неоценимые письма до самой смерти, как залог любви моей и верности до гроба тем чувствам, какие освещают сердца истинно верноподданых отечества и монарха.

Действительный студент Афанасий Маркович

Ч. XI, арк. 74—76. Оригінал.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 1.— С. 31—32.

№ 115

1847 р. червня, не пізніше 4 [92].— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО СТАВЛЕННЯ О. В. МАРКОВИЧА ДО РІШЕННЯ ВІДПРАВИТИ ЙОГО НА СЛУЖБУ В ОРЛОВСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Бывший студент Маркович, при объявлении ему решения об отправлении его на службу в Орловскую губ., выражал неограниченную благодарность за оказанное ему монаршее снисхождение, плакал, целовал руки, воссылал мольбы, говоря, что он вечно будет молиться о государе императоре и детях его и что он употребит все старание сделаться усердною службою достойным монаршей милости [93].

[4] июня 1847 г.

Ч. XI, арк. 77. Оригінал.

№ 116

1847 р. червня, не пізніше 4 [94].— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВІДМОВУ НАДАТИ ГРОШОВУ ДОПОМОГУ (200 крб.) О. В. МАРКОВИЧУ

Не будет ли назначено Марковичу 200 руб. сер[ебром] по примеру других, на первоначальное обзаведение в Орле?

Резолюція О. Ф. Орлова: Нет.

Ч. XI, арк. 78. Оригінал.

№ 117

1847 р. червня 4.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА ШТАБС-КАПІТАНУ С.-ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ЖАНДАРМСЬКОГО ДИВІЗІОНУ РАЩКЕВИЧУ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ О. В. МАРКОВИЧА ДО м. ОРЛА В РОЗПОРЯДЖЕННЯ ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА П. І. ТРУБЕЦЬКОГО

Секретно

4 июня 1847 г., № 943

По высочайшему повелению предписываю вашему благородию, приняв из III отделения С.е.и.в. канцелярии бывшего студента Афанасия Марковича, отвезти его под строгим присмотром в г. Орел; там представить, как его, так и вручаемый Вам пакет, г-ну орловскому военному губернатору кн. Трубецкому и, возвратившись в С.-Петербург, донести мне об исполнении.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. XI, арк. 79. Відпуск.

№ 118

1847 р. червня 4.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО П. І. ТРУБЕЦЬКОГО З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЗАСЛАННЯ О. В. МАРКОВИЧА В ОРЛОВСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Секретно

Г-ну орловскому воен[ному] губернатору
кн. П. И. Трубецкому

4 июня 1847, № 942

М[илостивый] г[осударь] кн. Петр. Иванович!

При производстве дела об Украйно-славянском обществе, составлявшемся в Киеве, оказалось, что бывший студент университета св. Владимира Афанасий Маркович, хотя не принадлежал к упомянутому обществу, но был приглашаем вступить в оное и не донес об этом, совещался с другими украино-славянистами об издании книг для образования простого народа; хранил у себя стихи возмутительного содержания и питает такую привязанность к родине своей, Малороссии, какую должен питать к отечеству, России.

Государь император высочайше повелеть соизволил: вменить Марковичу в наказание содержание под арестом в Киевской крепости и выслать его на службу в Орловскую губ. с воспрещением увольнять его в Малороссию, доколе не докажет безвредность своего образа мыслей усердною службою и степенным поведением.

О таковой монаршей воле сообщая вашему сия[тельст]ву для надлежащего распоряжения и присовокупляя, что Маркович, вместе с сим отношением, будет представлен к Вам штабс-капитаном С.-Петербургского дивизиона Рашкевичем, которому поручено отвезти его в г. Орел, имею честь покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], приказать, по определении Марковича в службу, учредить над ним секретное, но бдительное наблюдение, о доставлении его к Вам не оставить меня уведомлением.

Обязываюсь присовокупить, что о вышеизъясненном высочайшем повелении сообщено мною и г-ну министру внутренних дел.

Примите увер[ение] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов
Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. XI, арк. 80 Відпуск.

№ 119

1847 р. червня 4.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ О. В. МАРКОВИЧА В м. ОРЕЛ

Его высокопре[восходительст]ву Л. А. Перовскому

М[илостивый] г[осударь] Лев Алексеевич!

После отношения моего от 31 мая № 909 [95] из Киева доставлен в С.-Петербург бывший студент Афанасий Маркович, и я с сим вместе сделал распоряжение об отправлении его в сопровождении жандармского офицера в г. Орел к г-ну орловскому гражданскому [96] губернатору, которому сообщено мною об исполнении высочайшего повеления, изложенного в упомянутом моем отношении за № 909, а равно извещен об этом и г-н киевский военный губернатор [97].

Долгом считая уведомить о сем ваше высокопревосходительство, имею честь удостоверить и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. XI, арк. 81. Відпуск.

№ 120

1847 р. червня 4.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ О. В. МАРКОВИЧА В м. ОРЕЛ

Секретно

Его высокопре[восходительст]ву Д. Г. Бибикову

4 июня 1847 г., № 940

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Доставленный при отношении вашего высокопревосходительства от 24 мая № 39[98] бывший студент Афанасий Маркович отправлен из III отделения С. е. и. в. канцелярии, в сопровождении жандармского офицера, в г. Орел к г-ну орловскому гражданскому губернатору, которому сообщено мною об исполнении высочайшего повеления, известном Вам из отношения моего от 31 мая № 907 [99].

Уведомляя о сем ваше высокопревосходительство и присовокупляя, что от Марковича уже отобрано сведение на счет сестры его Е. фон Кирхьштейн.

Имею честь удостоверить и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. XI, арк. 82. Відпуск.

№ 121

1847 р. червня 2.— ВІДНОШЕННЯ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО РОЗПОРЯДЖЕННЯ, ДАНЕ НИМ ОРЛОВСЬКОМУ ГУБЕРНАТОРУ ЩОДО О. В. МАРКОВИЧА

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения Вашего сиятельства от 31 минувшего мая № 909 [100] имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что я отнесся вместе с сим к генерал-губернатору Бибикову об отправлении бывшего студента Киевского университета Афанасия Марковича к начальнику Орловской губ., коему дал также предписание о точном исполнении последовавшей о Марковиче высочайшей воли.

Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Л. Перовский

2 июня 1847 г., № 350

Помітка про одержання: 4 июня 1847 г.

Ч. XI, арк. 83. Оригінал.

№ 122

1847 р. червня 10.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВИКОНАННЯ РОЗПОРЯДЖЕНЬ ВІДНОСНО О. В. МАРКОВИЧА

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

10 июня 1847, № 58

Секретно

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

На почтеннейшее отношение вашего сиятельства от 31 мая № 907[10], с изложением высочайшего повеления о бывшем студенте Марковиче, имею честь доложить, что за отправлением Марковича в С.-Петербург я не делал к исполнению помянутой высочайшей воли никакого распоряжения, о чем и уведомил г-на министра внутренних дел на полученное от него отношение.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 17 июня 1847 г.

Ч. XI, арк. 84. Оригінал

№ 123

1847 р. червня 10.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО СЕСТРУ О. В. МАРКОВИЧА К. І. КЕРСТЕН

Секретно

Его сия[тельству] гр. А. Ф. Орлову

10 июня 1847 г., № 59, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

На почтеннейшее отношение вашего сиятельства от 30 минувшего мая № 903 [102] честь имею ответствовать, что по сведениям, которые я имею, двоюродная сестра Марковича не Кирхьштейн, а Екатерина Ивановна Керстен, есть девица лет 20, дочь отставного майора Ивана Керстен, жила в Полтавской губ., Золотоношского уезда, в деревне Павловщине [103], но недавно у них сгорел дом и отец с пятью детьми должен был переселиться к своему родственнику Неверовскому. Состояние их вообще недостаточное и весьма расстроенное, где же воспитывалась, мне неизвестно.

Докладывая о сем вашему сиятельству, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 17 июня 1847 г.

Ч. XI, арк. 85. Оригінал

№ 124

1847 р. червня 4.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО К. І. КЕРСТЕН

О девице Керстен

При рассмотрении бумаг прикосновенного к делу об Украйно-славянском обществе бывшего студента Марковича обращено было внимание на письма сестры его, подписывающейся Е. фон Кирхьштейн, весьма замечательные по уму, правильности суждений и истинному русскому патриотизму.

В означенных письмах, между прочим, заключается следующее: «Я называла мечтателями тех особ, которые хотят из малороссийского поднаречия, не имеющего, даже и не могущего иметь грамматику, сделать язык, и которые, бросая русский, уже образованный язык, начинают писать по-малороссийски. Если малороссийское наречие и составляет середину между восточными и западными славянскими наречиями, то из этого еще не следует, что на нем можно писать все, начиная от простого письма до ученой диссертации. Всё, сказанное мною об этом в моем прошлом письме, не могло относиться к Шевченко. Он пишет на малороссийском наречии по необходимости, потому что не силен в русском. Мои же слова относились к тем лицам, которые знают прекрасно русский язык, принадлежат к такому сословию, где принят русский язык, и которые выражали всегда свои идеи по-русски, но, вдруг, от какого-то патриотизма признали русский язык для себя негодным и начали писать по-малороссийски. Ты говоришь, что я не понимаю и не в состоянии никогда понять тех, кого называют мечтателями. Мои слова относились к одному тебе. Значит, я не в силах понимать тебя! А! Это дело возможное, и мне нечего тут обижаться! Отступаю перед твоею громадною личностию и чувствую, что моему тупоумию никогда не понять твои гениальность и глубокомыслие».

«Скажи, пожалуйста, к чему ты, в последнем письме, в подтверждение каждого своего убеждения выставляешь папу? Уж не думаешь ли ты заслоняться от моих возражений его авторитетом? Полно, это отзывается бессилием. Притом же призывание на помощь этого авторитета совершенно бесполезно. Родители имеют право на покорность своих детей во всех отношениях, кроме свободы мыслей и вольности убеждений. В наш просвещенный век никто не в силах положить эмбарго на мысль».

«Папа вовсе не такой отчаянный патриот, каким ты его воображаешь, но если бы он и разделял вполне твои мнения, если бы он и сказал мне вместе с тобой: «Мы называем патриотизмом не любовь к одной губернии, а любовь к целому краю, некогда свободному, к целому народу, некогда самостоятельному и славному»,— то я и тогда, не запинаясь, отвечала бы: «Разве можно сказать, что горсть людей, управлявшихся некоторое время олигархиею, была самостоятельным народом».

«Я люблю Украину потому, что выросла в ней и связана с нею святыми воспоминаниями, люблю ее быт потому, что в нем есть много поэзии, люблю ея наречие, jargon du people [104], к которому из детства прислушивалось мое ухо; люблю ее грустные, глубоко музыкальные песни, от которых веет чем-то обаятельно родным моему сердцу; но эта любовь к Малороссии не ослепляет меня до такой степени, чтоб я могла назвать ее прошлую случайную, эфемерную жизнь жизнью самостоятельной».

Ваше императорское величество против этой выписки собственноручно написать соизволили: «Узнать кто она, где она, где воспитывалась и кто муж?»

Как из писем Е. фон Кирхштейн невозможно было безошибочно определить, в какой губернии она жительствует, то исполнение вышеизложенной монаршей воли было приостановлено до прибытия в С.-Петербург Марковича.

Ныне Маркович доставлен из Киева. На счет означенной сестры своей он объяснил следующее:

Сестра его Екатерина, имеет фамилию Керстен, а Кирхштейн она подписалась на нескольких из своих писем потому, вероятно, что желала придать своей фамилии филологический смысл Kirche stein [105].

Она Марковичу внучатная сестра, имеет около 20 лет от роду и находится еще в девицах. Жительствует она у своего родителя, майора Керстена, который доселе служит судьею в Золотоношском уездном суде, Полтавской губ. Екатерина Керстен получила домашнее воспитание. «Воспитанием ее,—

говорит Маркович,— были благие нравы семьи и образованная мать». В письмах детьми своими она называет сирот, четырех малолетних братьев и сестер своих, от второго брака ее родителя, мать которых скончалась. Майор Керстен, недостаточного состояния, в недавнем времени потерпел от пожара и ныне с семейством своим, в том числе и с старшей дочерью своею Екатериною, живет в чужом доме, пользуясь христианским великодушием одного соседа.

Маркович, присовокупляя в свое оправдание, что и он не может иметь дурных чувств, если столь добродетельная родственница находилась с ним в переписке, просит возвратить ему драгоценные для него ее письма.

Обязанностью считаю всеподданнейше доложить о сем вашему императорскому величеству.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Помітка Л. В. Дубельта: На подлинном собственною его величества рукою написано карандашом: «Переговорим».

6 июня 1847 г.

Рукою генерал-адъютанта гр. Орлова написано карандашом: «Государю императору угодно сделать пособие от пожара или денежное награждение столь отлично мыслящей молодой девушке».

Верно: генерал-лейтенант Дубельт

Ч. XI, арк. 86—89. Копія.

№ 125

1847 р. червня 11.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I ПРО К. I. КЕРСТЕН

О пособии девице Керстен

Вашему императорскому величеству я всеподданнейше докладывал о высоких чувствованиях девицы Керстен, которая заблуждавшемуся родственнику ее, бывшему студенту Марковичу, прикосновенному к делу Украйно-славянского общества, давала благие советы, исполненные истинно русского патриотизма, и ваше величество удостоили изъявить высочайшее соизволение на выдачу ей пособия.

Приступая к исполнению таковой монаршей воли, я полагал бы истребовать от министра финансов на известное вашему величеству употребление 1000 руб. серебром и отправить к ней сии деньги при письме моем, под тем предлогом, что пособие всемилостивейше пожаловано ей как в уважение высоких чувств ее, так и в том внимании, что родитель ее в недавнем времени потерпел разорение от пожара и что она при этом случае, вероятно, также понесла потери.

Имею счастие испрашивать на сие высочайшего соизволения.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

11 июня 1847 г.

Помітка: На подлинном рукою генерал-адъютанта гр. Орлова написано карандашом:

«Согласен высочайше дать ей награждение, мною предполагаемое, но вместе с тем иметь ее в виду, как отличную девицу по ее правилам и сообщить об оном подробно С. С. Гофману, дабы он снесся с главною надзира-

ельницею Полтавского женского благородного заведения, не пожелает ли на иметь ее у себя на будущее время как классную даму, но теперь по леам, имея только 20 лет, слишком молода».

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

. XI, арк. 90. Копія.

№ 126

1847 р. червня 14.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Ф. П. ВРОНЧЕНКА ПРО ВИДАЧУ ГРОШЕЙ III ВІДДІЛЕННЮ ДЛЯ ВИНАГОРОДИ К. І. КЕРСТЕН

Его высокопр[евосходительст]ву Ф. П. Вронченко

! июня 1847, № 1017

М[илостивый] г[осударь] Федор Павлович!

По высочайшему повелению имею честь покорнейше просить ваше выэкопре[восходительст]во, не изволите ли приказать отпустить мне, на изэстное государю императору употребление, тысячу руб. серебром, под расиску экзекутора и казначея III отделения С. е. в. канцелярии кол[лежского] ассесора Клица, и о последующем почтить меня уведомлением.

Примите уверение и про[чее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надв[орный] советник Нордстрем

XI, арк. 91. Відпуск.

№ 127

1847 р. червня 16.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ЗАВІДУЮЧОГО БЛАГОДІЙНИМИ УСТАНОВАМИ ІМПЕРАТРИЦІ МАРІЇ ФЕДОРІВНИ М. М. ЛОНГИНОВА ПРО ГРОШОВУ ВИНАГОРОДУ ЦАРЕМ К. І. КЕРСТЕН

Его высокопрев[осходительст]ву Н. М. Лонгинову

i июня 1847, № 1023

М[илостивый] г[осударь] Николай Михайлович!

Дочь служащего судьею в Золотоношском уездном суде, Полтавской уб., майора Керстена девица Екатерина Керстен, имея около 20 лет от роу, отличается образованностью, умом и истинно русским патриотизмом. оследнее она доказала тем, что в письмах своих излагала превосходные соэты одному заблуждавшемуся ее родственнику. Между тем родитель ее не иеет никакого состояния и еще более пришел в расстройство от постигшего эм его пожара.

Государь император, во внимание к благородным чувствованиям девиы Керстен, и имея в виду, что она, при означенном пожаре, вероятно, такс понесла потерю, удостоил пожаловать ей 1000 руб. сер[ебром] (к исполнению этого уже сделано распоряжение [106]) и сверх того высочайше повелеть изволил иметь Екатерину Керстен, как отличную девицу по ее правилам, виду, сообщив вашему высокопревосходительству, чтобы Вы снеслись с ачальницею Полтавского института благородных девиц, не пожелает ли она омянутую девицу, когда последняя достигнет более зрелого возраста, поэстить в институт классною дамою, ежели она сама на то изъявит согласие.

О таковой монаршей воле сообщая вашему высокопревосходительству покорнейше прося удостоить меня уведомлением о том, что сделано будет

по сношению Вашему с начальницей Полтавского института, имею честь удостоверить Вас, м[илостивый] г[осударь], в истинном моем почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XI, арк. 92—93. Відпуск.

№ 128

1847 р. червня 17.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА К. І. КЕРСТЕН ПРО ГРОШОВУ ВИНАГОРОДУ II МИКОЛОЮ І

Ее высокобл[агородию] Е. И. Керстен

17 июня 1847, № 1037

М[илостивая] г[осударыня] Екатерина Ивановна!

Дошло до сведения государя императора, что Вы предлагали заблуждавшемуся родственнику Вашему, бывшему студенту Афанасию Марковичу, благие советы, исполненные ума, правильности суждений и истинного русского патриотизма, и что родитель Ваш в недавнем времени потерпел от пожара, случившегося в его доме.

Его и. в. полагая, что при этом несчастии и Вы также понесли потери, а с тем вместе, желая изъявить Вам благоволение свое за Ваши высокие чувствования, всемилостивейше соизволил пожаловать Вам 1000 руб. серебром.

С живейшим удовольствием поспешая известить Вас о таковой монаршей милости и присовокупляя, что пожалованные Вам деньги будут доставлены к Вам в непродолжительном времени, пользуюсь случаем удостоверить Вас в чувствах истинного моего к Вам уважения и предаиности.

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XI, арк. 94—95. Відпуск.

№ 129

1847 р. червня 11.— ВІДНОШЕННЯ П. І. ТРУБЕЦЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ПРИБУТТЯ ДО м. ОРЛА О. В. МАРКОВИЧА

Секретно

Господину шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою

11 июня 1847 г., № 392, г. Орел

Отправленный при предписании вашего сиятельства от 4 прошлого июня за № 942 [107] с штабс-капитаном С.-Петербургского жандармского дивизиона Рашкевичем бывший студент университета св. Владимира Афанасий Маркович, назначенный по высочайшему повелению на службу в Орловскую губ., ко мне ныне представлен.

О чем донося вашему сиятельству, имею честь присовокупить, что так как Маркович изъявил желание поступить на службу в мою канцелярию, то к определению его в оную будет сделано мною распоряжение безотлагательно [108].

Генерал-лейтенант кн. Трубецкой

Помітка про одержання: 18 июня 1847 г.

Ч. XI, арк. 96. Оригінал.

№ 130

1847 р. червня.— РАПОРТ ШТАБС-КАПІТАНА РАШКЕВИЧА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ДОСТАВКУ О. В. МАРКОВИЧА ОРЛОВСЬКОМУ ВІЙСЬКОВОМУ ГУБЕРНАТОРУ

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, господину генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
С.-Петербургского жандармского дивизиона штабс-капитана Рашкевича

Рапорт

Вследствие предписания от 4 сего июня за № 943[109] почтительнейше честь имею донести вашему сиятельству, что принятый мною из III отделения С. е. и. в. канцелярии бывший студент Афанасий Маркович по приезде в г. Орел сдан мною вместе с пакетом тамошнему г-ну военному губернатору кн. Трубецкому; полученный же мною от него пакет за № 392[110] и III реестр с распискою в приеме Марковича конверта за № 942[111], денег и вещей при сем имею счастие представить вашему сиятельству.

Штабс-капитан Рашкевич

18 июня 1847 г., С.-Петербург

Помітка про одержання: 18 июня 1847 г.

Ч. XI, арк. 97. Оригінал.

№ 131

1847 р. червня 10.— РЕЄСТР РЕЧЕЙ І ГРОШЕЙ, ВІДПРАВЛЕНИХ РАЗОМ З О. В. МАРКОВИЧЕМ ДО м. ОРЛА

Реестр препровождаемым пакету, вещам и деньгам

Секретный пакет на имя его сиятельства кн. Петра Ивановича Трубецкого, за № 942. При сем следует бывший студент Маркович.

Разные вещи и деньги 85 руб. серебром, принадлежащие Марковичу.

Расписка в принятии

Как самый бывший студент г-н Маркович, так и конверт по секрету за № 942, а равно вещи и деньги 85 руб. серебр[ом] мною получены.

Генерал-лейтенант кн. Трубецкой

Орел, июня 10 дня 1847.

Генерал-лейтенант Дубельт

Ч. XI, арк. 98. Оригінал.

№ 132

1847 р. червня 20.— ВІДНОШЕННЯ Ф. П. ВРОНЧЕНКА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО АСИГНУВАННЯ ГРОШЕЙ НА ВИТРАТИ III ВІДДІЛЕННЯ

Ч. XI, арк. 99. Оригінал.

№ 133

1847 р. червня 28.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ГОЛОВНОГО КАЗНАЧЕЙСТВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ОДЕРЖАННЯ III ВІДДІЛЕННЯМ ГРОШЕЙ

Ч. XI, арк. 100. Відпуск.

№ 134

1847 р. червня 26.— ВІДНОШЕННЯ ГОЛОВНОГО КАЗНАЧЕЙСТВА ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВИДАЧУ ГРОШЕЙ

Ч. XI, арк. 101. Оригінал.

№ 135

1847 р. червня 28.— ПОВІДОМЛЕННЯ III ВІДДІЛЕННЯ К. І. КЕРСТЕН ПРО ВІДПРАВКУ ЇЙ 1000 КРБ., ПОДАРОВАНИХ МИКОЛОЮ І

Ее высокоблагор[одию] Е. И. Керстен

28 июня 1847, № 1113

М[илостивая] г[осударыня] Екатерина Ивановна!

В дополнение письма г-на генерал-адъютанта гр. Орлова от 17 июня № 1037[112], препровождая при сем всемилостивейше пожалованные Вам 1000 руб. серебром, имею честь покорнейше просить Вас, милостивая государыня, о получении сих денег почтить меня уведомлением.

Примите уверение в отличном моем к Вам уважении и совершенной преданности.

Под[писал] Л. Дубельт
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XI, арк. 102. Відпуск.

№ 136

1847 р. липня 12.— ЛИСТ К. І. КЕРСТЕН ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПРИЙНЯТИ ЇЇ БРАТІВ ДО ВІЙСЬКОВО-УЧБОВОГО ЗАКЛАДУ У ПЕТЕРБУРЗІ

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

С чувством благоговения принимая монаршую милость и лестное внимание, которые для меня дороже и выше всяких наград, я вместе с тем благодарю случай, доставивший мне возможность писать к Вам, граф, и решаюсь на поступок, на который не отважилась бы при других обстоятельствах. Я осмеливаюсь просить Вашего покровительства и ходатайства о помещении двух моих малолетних братьев в одно из казенных учебных заведений в С.-Петербурге.

Отец мой просил о принятии их в морской кадетский корпус, но получил отказ, потому что он записан в третью часть дворянской родословной книги. О причине этого обстоятельства имею честь представить Вам докладную записку и при том следуемые приложения на помещение братьев моих в учебное заведение.

Простите, граф, мою смелость, и верьте чувству глубокого уважения и преданности, с какими имею честь быть, милостивый государь,— ваша покорная слуга

Е. Керстинова

Июля 12 дня 1847 г., Золотоноша

Помітка О. Ф. Орлова: Государь император высочайше соизволил приказать принять обоих в учебные заведения.

Ч. XI, арк. 103. Автограф.

№ 137

1847 р. липня 10.— ЗАПИСКА К. І. КЕРСТЕН ПРО ДВОРЯНСЬКИЙ РІД КЕРСТЕНОВИХ

Записка о дворянстве рода Керстиновых

Прадед мой Александр Керстин по выходе своем из заграницы поступил на службу в Сербский гусарский полк, в котором в семилетнюю войну з Пруссии был убит.

Дети его Александр и Иван остались в самом нежном возрасте. Потом лервый из них, служа уже ротмистром, умер от чумы; а последний, быв в отставке прапорщиком, по обнародовании высочайше пожалованной в 1785 г. российскому дворянству грамоты представил подлинную грамоту, в роде Керстиновых хранившуюся, на пожалованные господарем молдавским Богданом Воеводою предку Керстеновых 1251 г. февраля 15 дня, как дворянину, недвижимые имения. По которой Екатеринославским дворянским депутатским собранием внесен был в IV часть дворянской родословной книги, и мая 1 дня 1791 г. выдана ему грамота. После чего он вторично поступил в военную службу и получил поручика, а в 1800 г. по болезни от службы уволен.

В 1819 г. Херсонское депутатское собрание уведомило его, что герольдия по рассмотрении вышепрописанного нашла эти доказательства недостаточными потому, что не видно из оных, к какой степени родства принадлежит прописанный дед мой в роде Керстиновых, получивших грамоту от молдавского господаря, и требовало представления свидетельства о том от молдавского дивана [113].

Дед мой, находясь уже в преклонных летах и болезненных припадках, а сын его и мой отец в военной службе, не мог удовлетворить требований правительства. Просил внести его в родословную дворянскую книгу по чину его поручика,-- на что представил патент, а сына его в чине майора, до будущей возможности представить требуемое свидетельство. Почему в 1825 г. внесен был он во II, а отец мой — в III часть родословной книги, но в 1845 г. объявлено отцу моему, что герольдия не признала покойного деда моего дворянином, по непредставлению послужного о службе его списка, а отец мой оставлен в III части.

Из сего, ваше сиятельство, заметить изволите: обратное действие закона ни в каком случае недопускаемое, тем более, что в 1791 г. признан уже дед мой дворянином и внесен по подлинному документу в IV часть дворянской родословной книги, а через 28 лет действие это уничтожено, потом еще через 20, и последнее распоряжение изменено, имея в виду патент на чин поручика, который дед мой фальшиво из военной коллегии получить не мог.

Июля 10 дня 1847 г.

[.] XI, арк. 104—105. Копія.

№ 138

1847 р. липня 26.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА ІМПЕРАТОРСЬКОГО ДВОРУ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА ПРО ЗАРАХУВАННЯ ЗА НАКАЗОМ ЦАРЯ ДО ВІЙСЬКОВО-УЧБОВОГО ЗАКЛАДУ ДВОХ БРАТІВ К. І. КЕРСТЕН

Его сия[тельст]ву гр. В. Ф. Адлербергу

6 июля 1847, № 1266, в Стрельне

Милостивый государь гр. Владимир Федорович!

Дочь служащего судьею в Золотоношском (Полтавской губ.) уездном суде майора Керстена девица Екатерина Керстен просила о помещении двух

братьев ее, Ипполита, четырех лет, Александра, трех лет, в военно-учебные заведения, находящиеся в С.-Петербурге.

Как девице, Керстен по одному делу, производившемуся во вверенном мне управлении, обратила на себя особенное всемилостивейшее внимание государя императора своею образованностью, умом и истинно русским патриотизмом, то его величество высочайше повелеть соизволил: зачислить обоих упомянутых братьев ее в военно-учебное заведение в С.-Петербурге и немедленно принять их в оные, по достижении ими узаконенного возраста.

О таковой монаршей воле уведомляя ваше сиятельство, для зависящего распоряжения, и препровождая копии с дворянских свидетельств, также метрические и медицинские свидетельства об Ипполите и Александре Керстен, имею честь удостоверить Вас, милостивый государь, в истинном моем почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XI, арк. 106. Відпуск.

№ 139

1847 р. серпня 17.— ЛИСТ К. І. КЕРСТЕН ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ОДЕРЖАННЯ ГРОШЕЙ, ПОДАРОВАНИХ ЇЙ ЦАРЕМ

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Деньги, высочайше пожалованные мне, я получила, о чем, по желанию вашего превосходительства, спешу уведомить Вас.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорная слуга

Екатерина Керстинова

17 августа 1847, Золотоноша

Помітка про одержання: 1 сентября 1847 г.

Ч. XI, арк. 107. Оригінал.

№ 140

1847 р. вересня 17.— ВІДНОШЕННЯ ІНСПЕКТОРА ВІЙСЬКОВИХ УЧБОВИХ ЗАКЛАДІВ П. К. ПРИТВИЦА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОВІДОМЛЕННЯ МОЖЛИВИХ УМОВ ЗАРАХУВАННЯ БРАТІВ К. І. КЕРСТЕН ДО ВІЙСЬКОВО-УЧБОВОГО ЗАКЛАДУ

Его прев[осходительст]ву Л. В. Дубельту

17 сентября 1847 г., № 10661

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Изложенное в отношении генерал-адъютанта гр. Орлова, от 26 июля сего года № 1266[114], высочайшее повеление о зачислении в военно-учебное заведение в С.-Петербурге двух братьев дочери служащего судьею в Золотоношском уездном суде, Полтавской губ., майора Керстена: Ипполита 4 и Александра трех лет и о немедленном принятии их в оныя по достижении ими указанного возраста сообщено было его императорскому высочеству, главному начальнику военно-учебных заведений.

Ныне его высочество, сообщая, что, на основании существующих постановлений, в 1-й, 2-й и Павловский кадетский корпуса, находящиеся в С.-Пе-

тербурге, определяются малолетние, не числящиеся кандидатами, от 9 1/2 до 11 1/2 лет, в Александровский кадетский корпус, находящийся в Царском Селе, от 6 до 8 лет, а в запасное отделение сего корпуса от 4 лет, просит уведомления: следует ли принять малолетних Керстен в запасное отделение Александровского корпуса: Ипполита ныне же, а Александра — в феврале будущего 1848 г. или ожидать, когда им обоим исполнится по 9 1/2 лет для определения в один из С.-Петербургских кадетских корпусов [115].

Предварительно всеподданнейшего доклада о сем, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство приказать истребовать от кого следует сведение, о желании поместить малолетних Ипполита и Александра Керстен в запасное отделение Александровского кадетского корпуса первого ныне же, а последнего — в феврале будущего 1848 г., или один из С.-Петербургских кадетских корпусов, по достижении ими 9 1/2 лет [116] и о последующем почтить меня уведомлением.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Барон Павел Притвиц

Помітка про одержання: 18 сентября 1847 г.

Ч. XI, арк. 108—109. Оригінал.

№ 141

1847 р. вересня 19.— ПОВІДОМЛЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА К. І. КЕРСТЕН ПРО ЗГОДУ ПРИЙНЯТИ ЇЇ БРАТІВ ДО ВІЙСЬКОВО-УЧБОВОГО ЗАКЛАДУ

Ее высокоблаг[оро]дию Е. И. Керстен

19 сентября 1847 г., № 1580

Милостивая государыня Екатерина Ивановна!

Г-н генерал-адъютант гр. Орлов, получив письмо Ваше от 12 июля, имел счастие докладывать оное государю императору, и его императорское величество высочайше повелеть соизволил зачислить двух братьев Ваших: Ипполита четырех и Александра трех лет в военно-учебные заведения в С.-Петербурге и немедленно принять их в оные, по достижении ими узаконенного возраста.

Такова монаршая воля сообщена была, кому следует. Ныне получен отзыв, что на основании существующих постановлений в находящиеся в С.-Петербурге 1-й, 2-й и Павловский кадетские корпуса определяются малолетние от 9 1/2 до 11 1/2 лет, в Александровский кадетский корпус, находящийся в Царском селе, от шести до восьми лет, а в запасное отделение этого корпуса от четырех лет, и что по сему представляется нужным иметь сведения, желаете ли Вы поместить в запасное отделение Александровского кадетского корпуса братьев Ваших Ипполита и Александра, первого ныне же, а последнего в феврале 1848 г., или в один из С.-Петербургских кадетских корпусов, по достижении ими 9 1/2 лет.

За отсутствием г-на генерал-адъютанта гр. Орлова, извещая о сем Вас, милостивая государыня, и покорнейше прося почтить меня уведомлением о том, в которые из корпусов Вы желаете поместить Ваших братьев, в Александровский ныне же или в один из находящихся в С.-Петербурге по достижении ими 9 1/2-летнего возраста, пользуюсь случаем удостоверить Вас в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Под[писал] Л. Дубельт

Ч. XI, арк. 110—111. Відпуск.

№ 142

1847 р. жовтня 12.— ЛИСТ К. І. КЕРСТЕН Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ЇЇ ЗГОДУ ВІДДАТИ БРАТІВ ДО ЗАПАСНОГО ВІДДІЛЕННЯ ОЛЕКСАНДРІВСЬКОГО КАДЕТСЬКОГО КОРПУСУ

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Не знаю, как благодарить Вас за извещение о монаршей милости, состоящей в принятии моих братьев в одно из военно-учебных заведений в С.-Петербурге. Посоветовавшись с моим отцом, я решилась просить Вас зачислить их в малолетнее отделение Александровского корпуса, не стесняя нас назначением срока их доставки. Само собою разумеется, что мы привезем их раньше, чем исполнится старшему восемь лет. Теперь же доставить их мы не можем потому, что старик-отец мой, лишившись еще очень недавно своей жены и нашей матери, находит единственное утешение в детях, в я не могу лишить его этой отрады прежде, чем его скорбь несколько уменьшится. Прошу Вас почтить меня уведомлением, возможно ли исполнить мою просьбу и верить в чувства отличного уважения и совершенной преданности, с каким прибуду навсегда, милостивый государь, Ваша покорная слуга

Екатерина Керстинова

12 октября 1847, Золотоноша

Помітка про одержання: 30 октября 1847 г.

Ч. XI, арк. 112. Автограф.

№ 143

1847 р. жовтня 31.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ГЕНЕРАЛ-ІНСПЕКТОРА М. І. КОРФА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРОХАННЯ К. І. КЕРСТЕН ПРИЙНЯТИ ЇЇ БРАТІВ ДО ОЛЕКСАНДРІВСЬКОГО КАДЕТСЬКОГО КОРПУСУ

Его превосх[одительст]ву барону Н. И. Корфу

31 октября 1847 г., № 1811

Милостивый государь барон Николай Иванович!

По содержанию отношения исполнявшего должность директора департамента военных поселений от 17 сентября № 10661[117] об истребовании сведений о том, желают ли родственники малолетних Ипполита и Александра Керстен поместить в запасное отделение Александровского кадетского корпуса, первого ныне же, а последнего в феврале будущего 1848 г., или в один из кадетских корпусов, по достижении ими 9 $^1/_2$ лет, сделано было сношение с дочерью, проживающею в Полтавской губ., майора Керстена девицей Екатериною Керстен, которая ныне, уведомляя о болезненном положении ее родителя, лишившегося в недавнем времени супруги своей, а ее матери, просит о зачислении упомянутых ее братьев в запасное отделение Александровского корпуса, не стесняя по вышеизложенной причине назначением срока для их доставки, хотя она употребит старание доставить братьев своих в столицу ранее исполнения старшему из них 8 лет.

Сообщая о сем вашему превосходительству и покорнейше прося Вас, милостивый государь, не изволите ли удостоить меня уведомлением о распоряжении, какое сделано будет по означенной просьбе девицы Керстен, имею честь удостоверить Вас в истинном почтении и преданности.

Подписал Л. Дубельт

Ч. XI, арк. 113. Відпуск.

№ 144

1847 р. жовтня 12.— ЛИСТ К. І. КЕРСТЕН ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОДЯКОЮ ЗА ПРИЙНЯТТЯ ЇЇ БРАТІВ ДО ВІЙСЬКОВО-УЧБОВОГО ЗАКЛАДУ ПЕТЕРБУРГА

Его сият[ельств]у гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Леонтий Васильевич Дубельт почтил меня извещением от 19 сентября [118] о том, что по ходатайству вашего сиятельства государь император соизволил повелеть зачислить братьев моих в военно-учебные заведения С.-Петербурге.

Не имея достаточно слов на изъявление полноты моих чувств к необъятным милостям его величества, вменяю себя в священную обязанность благодарить Вас за отеческое содействие в благе моего семейства. Одно, что доступно моим силам, это молить бога о сохранении и продолжении драгоценных дней всемилостивейшего государя нашего и его августейшей фамилии быть всегда с высоким уважением и совершенною преданностию вашего сиятельства, милостивый государь, покорнейшею слугою

Екатерина Керстинова

! октября 1847 г., Золотоноша

XI, арк. 114. Автограф.

№ 145

1847 р. грудня 24.— ВІДНОШЕННЯ ВІЙСЬКОВОГО МІНІСТРА О. І. ЧЕРНИШОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПРИЙНЯТТЯ БРАТІВ К. І. КЕРСТЕН ДО ЗАПАСНОГО ВІДДІЛЕННЯ ОЛЕКСАНДРІВСЬКОГО КАДЕТСЬКОГО КОРПУСУ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

декабря 1847 г., № 14252

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Государь император, по всеподданнейшему докладу изъясненной в отношении вашего сиятельства № 1811 [119] просьбы дочери майора Керстена катерины Керстен высочайше повелеть соизволил: братьев ее Ипполита 4 Александра 3 лет зачислить в запасное отделение Александровского катского корпуса, не стесняя назначением срока их доставки.

О таковом монаршем соизволении, сообщенном его императорскому высочеству, главному начальнику военно-учебных заведений, к зависящему споряжению, имею честь уведомить ваше сиятельство для объявления деще Керстен.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. А. Чернышев

мітка про одержання: 27 декабря 1847 г.

XI, арк. 115. Оригінал.

№ 146

1847 р. грудня 29.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА К. І. КЕРСТЕН ПРО ЗАРАХУВАННЯ ЇЇ БРАТІВ ДО ЗАПАСНОГО ВІДДІЛЕННЯ ОЛЕКСАНДРІВСЬКОГО КАДЕТСЬКОГО КОРПУСУ

Ее высокоб[лагороди]ю Е. И. Керстен

29 декабря 1847, № 2161

Милостивая государыня Екатерина Ивановна!

Г-н военный министр уведомил меня, что государь император, по всеподданнейшему докладу просьбы Вашей, изъясненной в письме от 12 июля [120], высочайше повелеть соизволил: братьев Ваших, Ипполита 4 и Александра 3 лет, зачислить в запасное отделение Александровского кадетского корпуса, не стесняя Вас назначением срока для их доставки.

О таковой монаршей милости сообщаю Вам, милостивейшая государыня, имею честь удостоверить в совер[шенном] моем почт[ении] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. XI, арк. 116. Відпуск.

№ 147

1848 р. червня 6.— ЛИСТ К. І. КЕРСТЕН ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ ЇЇ БРАТУ О. В. МАРКОВИЧУ ПЕРЕЇХАТИ З м. ОРЛА В м. ОДЕСУ В ЗВ'ЯЗКУ З ХВОРОБОЮ

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Брат мой, Афанасий Маркович, пишет мне, что Вы, отсылая его из С.-Петербурга на службу в Орел, сказали ему, что через год он может просить о позволении возвратиться на родину. Но теперь брат не хочет этого, желая усердною службою загладить свой проступок и этим доказать свою преданность отечеству и престолу. Однако ж крайне расстроенное здоровье не позволяет ему оставаться на севере, тем более, что по советам докторов ему необходима морская вода для лечения. Поэтому я, основываясь на словах, сказанных Вами моему брату при его отъезде, приняла на себя смелость утруждать его сиятельство гр. Орлова письмом, которое посылаю Вам с покорнейшею просьбою не отказаться быть нашим ходатаем у графа. Вы этим окажете величайшее одолжение всему нашему семейству.

Желание брата служить на юге в каком-нибудь приморском городе — не прихоть. В этом я ручаюсь, потому что он долго не соглашался оставлять Орел. Он уже привык к роду своей службы, к своему начальству и успел снискать его благосклонность. Вообще, он много теряет на этом, и только естественное желание восстановить свое здоровье могло заставить его решиться на перевод в Одессу [121].

Позвольте же надеяться, что Вы не откажетесь содействовать разрешению моей просьбы, и верьте чувствам истинного уважения и совершенной преданности, милостивый государь, вашей покорнейшей слуги Екатерины Керстиновой.

6 июня, 1848 г. Золотоноша

На арк. 118 адреса: Его сиятельству милостивому государю гр. Алексею Федоровичу Орлову в С.-Петербург.

Ч. XI, арк. 117. Автограф.

№ 148

1848 р. червня 6.— ЛИСТ К. І. КЕРСТЕН ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПЕРЕВЕСТИ ЇЇ БРАТА О. В. МАРКОВИЧА З м. ОРЛА В м. ОДЕСУ ЗА СТАНОМ ЗДОРОВ'Я

Милостивейший государь гр. Алексей Федорович!

Простите великодушно, что я еще раз осмеливаюсь писать к Вам. Вы сделали так много для моего семейства, что с моей стороны не следовало бы, может быть, утруждать Вас новыми просьбами. Но я вынуждена к этому необходимостью и решаюсь просить еще раз Вашего снисходительного внимания. Простите меня за это, граф!

Давно уже слыхала я стороною о расстроившемся здоровьи моего брата Афанасия Марковича. Наконец, вчера я получила бисьмо от него самого, в котором он пишет мне о своем желании посвятить всю жизнь на службу царю и отечеству и о своем горьком раскаянии в соделанном проступке, раскаянии, быть может, слишком позднем, потому что ослабевающие физические силы не позволяют ему выполнять свой долг так, как бы ему того хотелось. Вам будет понятно, граф, какое впечатление сделало на меня это письмо!

Между прочим, брат прибавляет, что по советам докторов и по собственному опыту он надеется, что ему помогла бы морская вода, если б он имел возможность служить в каком-нибудь приморском городе, на юге. Я и сама знаю, что морская вода имела уже раз благодетельное влияние на его организм, когда он, бывши в университете, ездил лечиться в Одессу. Вот почему я, не долго думая, решилась обратиться к Вам, граф, и умолять Вас не отказать нам в Вашем высоком покровительстве.

Я всенижайше прошу, граф, Вашего ходатайства о переводе моего брата на службу в г. Одессу и о позволении ему проездом прожить у меня несколько недель. Может быть, моя просьба безрассудна и неисполнима, в таком случае простите, граф, что я осмелилась беспокоить Вас. Но если возможно ее исполнить, то не откажитесь сделать еще одно благодеяние уже и без того облагодетельствованному Вами семейству. Поручаю Вашему милостивому вниманию заблуждавшегося, но глубоко и горько раскаявшегося моего брата, и прошу Вас, граф, верить в чувства благодарности и глубочайшего уважения навсегда преданной Вам

Екатерины Керстиновой

6 июня 1848 г. Золотоноша

Ч. XI, арк. 119—120. Автограф.

№ 149

1848 р. червня 21.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО О. В. МАРКОВИЧА

Справка

Жительствующая в Полтавской губ. дочь майора девица Керстен ходатайствует о разрешении служащему в г. Орле двоюродному брату ее, бывшему студенту университета св. Владимира Марковичу переехать на юг, в какой-либо приморский город, и там продолжать службу по уважению того, что здоровье его совершенно расстроено и не дозволяет ему более оставаться на севере.

1. Маркович был прикосновен к Украйно-славянскому обществу тем, что находился в сношении с участниками этого общества и сам в письмах

своих выражал неумеренную любовь к Малороссии. За это, по высочайшему повелению, в июне 1847 г. он выслан на службу в Орел, с воспрещением увольнять его в Малороссию, доколе не докажет безвредность образа мыслей своих усердною службою и степенным поведением.

2. В то же время девица Керстен обратила на себя внимание потому, что в бумагах Марковича найдены были письма ее, доказывающие ее ум и истинно русский патриотизм. Ей всемилостивейше пожаловано было 1000 руб. серебром, а два малолетних брата ее зачислены в кадетские корпуса.

21 июня 1848 г.

Помітка: Спросить.

Ч. XI, арк. 121. Оригінал.

№ 150

1848 р. червня 23.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО П. І. ТРУБЕЦЬКОГО ПРО НАДІСЛАННЯ ВІДОМОСТЕЙ ПРО ПОВЕДІНКУ І СЛУЖБУ О. В. МАРКОВИЧА

Его сият[ельст]ву кн. П. И. Трубецкому

23 июня 1848, № 1236

М[илостивый] г[осударь] кн. Петр Иванович!

По высочайшему повелению, сообщенному мною вашему сиятельству от 4 июня 1847 г., № 942 [122], действительный студент Афанасий Маркович выслан на службу в г. Орел.

Получив ныне ходатайство о разрешении Марковичу переехать на юг, в какой-нибудь приморский город, и там продолжать службу, по тому уважению, что здоровье его совершенно расстроилось и не дозволяет ему долее оставаться на севере, имею честь покорнейше просить ваше сиятельство уведомить меня как об образе мыслей, поведении и усердии к службе Марковича, так и о том, заслуживает ли он, по Вашему мнению, исходатайствования для него означенной милости.

Примите увер[ение] и проч[ее]

Подписал гр. Орлов

Ч. XI, арк. 122. Відпуск.

№ 151

1848 р. червня 23.— ЛИСТ О. В. МАРКОВИЧА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ ЙОМУ ПЕРЕЇХАТИ В м. ОДЕСУ ЗА СТАНОМ ЗДОРОВ'Я

Ваше превосходительство многоува[жа]емейший Леонтий Васильевич!

Во второй раз я осмеливаюсь утруждать ваше превосходительство письмом, пользуясь милостивым позволением Вашим.

Почувствовав еще с зимы, что припадки моей болезни наследственной геморроя увеличились и даже препятствуют иногда усиленным занятиям службою, я начал пользоваться у одного из медиков здешних, который мне советует для совершенного восстановления моего здоровья отправиться в какой-нибудь приморский город для купания в море. Почему я и сам имел случай испытать живительность морской воды на мой организм еще в 1845 г. в бытность мою в г. Одессе; представил его сиятельству начальнику губернии

медицинское свидетельство о состоянии своего здоровья, покорнейше прося его ходатайства о дозволении мне переместиться на службу в г. Одессу, где я мог бы пользоваться морскими ваннами, не прерывая своей службы. Его сиятельство соизволил принять участие в моем положении и вошел с представлением к г-ну министру внутренних дел об испрошении всемилостивейшего разрешения на перевод мой.

Испытав уже раз на себе расположение вашего превосходительства благодетельствовать людей, я ныне вновь прибегаю к покровительству Вашему, ибо ходатайством обо мне в настоящем случае, давая мне положительную возможность навсегда определить себя для прочной деятельности служебной, ваше превосходительство, Вы сделаете благодеяние человеку на всю жизнь.

С чувством глубочайшего уважения и искреннейшей преданности имею честь пребыть вашего превосходительства всепокорнейшим слугою

Афанасий Маркович

23 июня 1848 г., г. Орел

Помітка Л. В. Дубельта: Ожидать министра в[нутренних] д[ел].
Помітка про одержання: 5 июля 1848 г.

Ч. XI, арк. 123—124. Автограф.

№ 152

1848 р. липня 8.— ВІДНОШЕННЯ П. І. ТРУБЕЦЬКОГО ДО III ВІДДІЛЕННЯ З ПОВІДОМЛЕННЯМ СВОЄІ ЗГОДИ НА ПЕРЕЇЗД О. В. МАРКОВИЧА В м. ОДЕСУ

Господину шефу жандармов, командующему
императорского главною квартирою

8 июня 1848 г., № 10426

На предписание вашего сиятельства от 23 минувшего июня за № 1236 [123] имею честь донести, что присланный на службу в г. Орел действительный студент Афанасий Маркович, поступив в канцелярию мою 13 июня 1847 г. и с 1 ноября того же года исправляя должность младшего помощника правителя канцелярии, в продолжении годичного нахождения его под моим начальством отличным усердием к службе, неукоризненным образом мыслей и примерным поведением постоянно обращал на себя особенное внимание и по мнению моему в полной мере заслуживает милостивого снисхождения к нему начальства [124].

Причем обязанностью считаю доложить вашему сиятельству, что г-н Маркович в прошлом июне месяце вошел ко мне с прошением, в котором, объяснив, что, издавна страдая припадками геморроидальной болезни, он в бытность свою в 1845 г. в г. Одессе получил облегчение от купанья в море и что ныне помянутая болезнь его требует такового же лечения, как удостоверяет в том представленное им медицинское свидетельство, просил об исходатайствовании ему всемилостивейшего разрешения на перевод его на службу в г. Одессу, где мог бы он, не прерывая своей службы, благовременно озаботиться сохранением сил к продолжению оной. По прошению сему я, не находя со своей стороны никаких препятствий [125] на перемещение Марковича в Одессу, взошел с представлением по сему предмету к г-ну министру внутренних дел 21 прошлого июня месяца за № 9456.

Генерал-лейтенант кн. Трубецкой

Помітка про одержання: 16 июля 1848 г.

Ч. XI, арк. 125—126. Оригінал.

№ 153

1848 р. вересня 1.— ВІДНОШЕННЯ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО КЛОПОТАННЯ О. В. МАРКОВИЧА ДОЗВОЛИТИ ПЕРЕЇХАТИ ДО М. ОДЕСИ НА СЛУЖБУ ТА ДЛЯ ЛІКУВАННЯ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Военный губернатор г. Орла и орловский гражданский губернатор представил мне просьбу высланного по высочайшему повелению на службу в Орловскую губ. коллежского секретаря Марковича об исходатайствовании всемилостивейшего соизволения перевести его на службу в г. Одессу, где бы он мог пользоваться от болезни морскими купаниями. Причем генерал-лейтенант кн. Трубецкой удостоверяет [126] о хорошем поведении Марковича и усердие его в службе.

Имея в виду, что высочайшее повеление о высылке Марковича на службу в Орловскую губ. за прикосновенность к тайному обществу сообщено было вашим сиятельством в отношении ко мне от 31 мая 1847 г. № 909 [127], я считаю долгом препроводить при сем в списке на Ваше, милостивый государь, усмотрение помянутое представление генерал-лейтенанта кн. Трубецкого за № 9456 [128], с доставленным при оном медицинским свидетельством о болезни Марковича, покорнейше прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности

Л. Перовский

1 сентября 1848, № 4406

Резолюція Л. В. Дубельта: [ответить], что еще он пусть представит графу. Прошу общее представление.

Помітка про одержання: 4 сентября 1848 г.

Ч. XI, арк. 127. Оригінал.

№ 154

1848 р. 21 червня.— ДОНЕСЕННЯ П. І. ТРУБЕЦЬКОГО Л. О. ПЕРОВСЬКОМУ ПРО БАЖАННЯ О. В. МАРКОВИЧА ПЕРЕЇХАТИ ДО М. ОДЕСИ

Список с донесения г-ну министру внутренних дел военного губернатора г. Орла и орловского гражданского губернатора за № 9456

Бывший студент императорского университета св. Владимира Афанасий Маркович, впоследствии получивший диплом на степень кандидата и переименованный в чин коллежского секретаря, согласно высочайшей воле, изъясненной в предписании вашего высокопревосходительства от 2 июня минувшего года за № 348, за недонесение об одном тайном обществе и хранение у себя стихов возмутительного содержания назначен был на службу в Орловскую губ., с воспрещением увольнять его в Малороссию, доколе не докажет безвредность своего образа мыслей усердною службою и степенным поведением.

По прибытии своем в г. Орел он был определен 12 июня того года в канцелярию мою; с 1 ноября исправляет должность младшего помощника правителя канцелярии.

Ныне коллежский секретарь Маркович в поданном ко мне прошении объясняет, что, издавна страдая припадками геморроидальной болезни, он в бытность свою в 1845 г. в г. Одессе получил облегчение от купания в море и что ныне помянутая болезнь его требует такового же лечения, как удостоверяет в том представленное им медицинское свидетельство; почему и просит об исходатайствовании ему всемилостивейшего разрешения на перевод его на службу в г. Одессу, где он мог бы, не прерывая своей службы, благовременно озаботиться сохранением сил к продолжению оной [129].

Так как г-н Маркович примерным усердием его к службе и неукоризненным во всех отношениях поведением постоянно обращал на себя особенное мое внимание в продолжении годичного нахождения его под моим начальством, то я, представляя при сем упомянутое медицинское свидетельство, приемлю честь испрашивать у вашего высокопревосходительства благосклонного внимания к изъясненной просьбе его и ходатайства о дозволении ему переместиться на службу в г. Одессу.

Верно: за начальника отделения Страхов [?]

Читал коллежский секретарь Белохрыский

Ч. XI, арк. 128—129. Копія.

№ 155

1848 р. червня 1.— СВІДОЦТВО ПРО СТАН ЗДОРОВ'Я О. В. МАРКОВИЧА, ВИДАНЕ ЛІКАРЕМ П. І. МОЛЧАНОВИМ

Свидетельство

1848 г. июня 1 дня я, нижеподписавшийся, даю сие свидетельство исправлявшему должность младшего помощника правителя канцелярии его сиятельства военного губернатора г. Орла и орловского гражданского губернатора коллежскому секретарю Афанасию Васильеву сыну Марковичу, по его желанию, в том, что, пользуя его несколько времени от болезни геморроя (Haemorrhois), выражающейся постоянною болью головы, нередко потемнением зрения, болью груди и поясницы, упорным действием желудка и зудящею болью в геморроидальных местах, причем он нерeдко чувствует большую слабость сил, нахожу, что при его холерическом темпераменте и наследственном расположении к геморроидальной болезни для радикального лечения оной и прямого восстановления здоровья ему, г-ну Марковичу, необходимо отправиться в какой-нибудь приморский город, где бы он с удобностию мог пользоваться морским купаньем, тем более, что, по словам его, он испытал уже на себе целебное действие морского купания в подобных припадках еще в 1845 г. В чем и удостоверяю моим подписом и приложением моей именной печати Орловской уездной конторы медик титулярный советник

Павел Иванов сын Молчанова

Ч. XI, арк. 130. Автограф.

№ 156

1848 р. вересня 8.— ПОВІДОМЛЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА К. І. КЕРСТЕН ПРО ПЕРЕДЧАСНІСТЬ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД МИКОЛОЮ І ЩОДО ПЕРЕМІЩЕННЯ О. В. МАРКОВИЧА НА СЛУЖБУ В ОДНЕ З ПІВДЕННИХ ПРИМОРСЬКИХ МІСТ

Ее высокобл[агоро]дию Е. И. Керстен

8 сентября 1848 г., № 1687

М[илостивая] г[осударыня] Екатерина Ивановна!

По письму Вашему от 6 июня, в коем Вы ходатайствовали о дозволении брату Вашему, коллежскому секретарю Марковичу, переместиться на службу в один из южных приморских городов, была сделана справка и получены весьма одобрительные отзывы о его поведении и усердии по службе. При все том г-н генерал-адъютант гр. Орлов ныне не решился входить к государю императору со всеподданнейшим докладом, находя таковое ходатайство еще рановременным, присовокупив, однако же, что впоследствии его сиятельство воспользуется первым удобным случаем и исходатайствует облегчение участи Вашему брату.

О таковом отзыве его сиятельства уведомляя Вас, милостивая государыня, вменяю себе в приятнейший долг удостоверить Вас в истинном моем почтении и проч[ее].

Подписал Л. Дубельт

Ч. XI. арк. 131. Відпуск

№ 157

1848 р. жовтня [?].— ЛИСТ К. І. КЕРСТЕН ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ВДЯЧНІСТЮ ЗА ПОВІДОМЛЕННЯ

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Спешу принесть Вам мою чувствительную благодарность за извещение, в котором я увидела, если не совершенное исполнение моего желания, то зато утешительную надежду, а вместе с тем осмеливаюсь еще раз уверить Вас в моем глубоком уважении и вечной преданности, с которыми имею честь быть, милостивый государь, Вашею покорною слугою

Екатерина Керстенова

[Початок] октября 1848. Золотоноша.

Ч. XI. арк. 132. Автограф.

№ 158

1849 р. січня 7.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА П. І. ТРУБЕЦЬКОГО III ВІДДІЛЕННЮ ПРО КЛОПОТАННЯ О. В. МАРКОВИЧА ПЕРЕЇХАТИ ДО М. ОДЕСИ

Докладная записка военного губернатора г. Орла и орловского гражданского губернатора

О коллежском секретаре Марковиче

Присланный по высочайшему повелению на службу в г. Орел кандидат императорского университета св. Владимира Афанасий Маркович, переименованный впоследствии в коллежские секретари, находясь в канцелярии моей в исправлении должности младшего помощника правителя канцелярии,

изъявил желание переместиться на службу в г. Одессу, где мог бы пользоваться морскими ваннами для исправления расстроенного своего здоровья. По этому предмету я входил с представлением к г-ну министру внутренних дел, о чем и имел честь донести вашему сиятельству от 8 минувшего июля за № 10426 [130].

Убеждаясь отлично усердною службою и примерным поведением г-на Марковича, осмеливаюсь возобновить сим свое о нем ходатайство.

Генерал-лейтенант кн. Трубецкой

Января 7 дня 1849 г.

Помітка Л. В. Дубельта: Иметь в виду.

Помітка про одержання: 8 января 1849 г.

Ч. XI, арк. 133. Оригінал.

№ 159

1850 р. січня 22.— ЛИСТ К. І. КЕРСТЕН ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПЕРЕВЕСТИ О. В. МАРКОВИЧА ДО м. ОДЕСИ ЗА СТАНОМ ЗДОРОВ'Я

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Получивши в сентябре 1848 г. ответ от генерала Дубельта на мое письмо к Вам, в котором я просила Вас о переводе моего брата, Афанасия Марковича, на службу в Одессу и видя из этого ответа, что Вы находите представление об этом переводе слишком рановременным, я не осмеливалась больше утруждать Вас моими просьбами. Но теперь, слыша беспрестанно о расстраивающемся здоровье брата и получая от него самого безотрадные письма, в которых видно, между прочим, глубокое раскаяние в соделанном проступке, я снова решаюсь умолять Вас о ходатайстве за раскаявшегося преступника. Я не смею уже просить о переводе, но только об отпуске, хоть кратковременном, для поправления его здоровья. Брат пишет, что доктора находят необходимым для его выздоровления временное отдохновение от занятий и пребывание в теплом климате. Потрудитесь, граф, проверить справедливость слов моего брата через военного губернатора, и если они окажутся истинными, то не откажите в Вашем высоком покровительстве человеку, который был много виноват, но зато много и выстрадал от угрызений совести. Эти угрызения и унижения в собственных своих глазах и были настоящею причиною расстройства его здоровья. Вы одни, граф, можете еще спасти его. Спасите же его, спасите! Я на коленях умоляю Вас об этом. Чувствую, что не имею никаких прав на Ваше снисходительное внимание, но к кому же обратиться мне, как не к Вам, моему благодетелю. Увлеченная состраданием к несчастному брату, я сделалась, может быть, слишком дерзкою; но Вы так добры, что не можете не простить мне моих докучливых просьб.

Позвольте же, граф, еще раз поручить Вашему милостивому вниманию моего брата и просить Вас верить в чувства глубокого уважения и бесконечной преданности, с которыми имею честь быть навсегда вашего сиятельства, милостивый государь покорною слугою

Екатерина Керстинова

22 генваря 1850, Золотоноша.

Помітка О. Ф. Орлова: Записку.

Резолюція О. Ф. Орлова: Спросить Муханова, и ежели отзыв будет удовлетворителен, то сделать доклад.

Помітка про одержання: 16 февраля 1850 г.

Ч. XI, арк. 134—135. Оригінал.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 2.— С. 32—33.

№ 160

1850 р. лютого 19.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО О. В. МАРКОВИЧА

Жительствующая в Полтавской губ. дочь майора, девица Керстен, в письме к вашему сиятельству объясняет, что служащий в г. Орле двоюродный брат ее бывший студент университета св. Владимира Маркович находится в расстроенном здоровьи и что медики для поправления его здоровья советуют ему временный отдых от служебных занятий и находят необходимым, чтобы он провел некоторое время в теплом климате, почему девица Керстен, свидетельствуя, что брат ее, поняв вину свою и искренне в ней раскаивается, убедительно просит ваше сиятельство, в случае невозможности исходатайствовать Марковичу перевода на службу в южные губернии, уволить его в отпуск для поправления здоровья в г. Одессу.

Справка

1. Маркович найден был виновным в прикосновенности к Украйно-славянскому обществу тем, что находился в сношениях с участниками сего общества и сам в письмах своих выражал неумеренную любовь к Малороссии. За это по высочайшему повелению в июне 1847 г. он выслан на службу в г. Орел с воспрещением увольнять его в Малороссию, доколе не докажет безвредность образа мыслей своих усердною службою и степенным поведением.

2. При рассмотрении дела об означенном обществе девица Керстен обратила на себя внимание потому, что в бумагах Марковича найдены были ее письма, доказывающие ум и истинно русский патриотизм. Ей всемилостивейше пожаловано было 1000 руб. серебром, а два малолетних брата ее зачислены в кадетские корпуса.

3. В июне месяце 1848 г. девица Керстен, по совершенно расстроенному здоровью Марковича, ходатайствовала о переводе его на службу в южные губернии.

Вследствие сего требовались от начальника Орловской губ. сведения о Марковиче. Кн. Трубецкой, свидетельствуя тогда об отличном усердии к службе его, об неукоризненном образе мыслей и примерном его поведении, уведомлял ваше сиятельство, что он по просьбе Марковича входил с представлением к министру внутренних дел о перемещении его на службу в Одессу, где он в бытность в 1845 г. уже получил от морских купаний облегчение своей болезни.

Таковое ходатайство кн. Трубецкого гр. Перовский передавал на благоусмотрение вашего сиятельства, но ваше сиятельство не соизволили решиться входить к государю императору со всеподданнейшим о сем докладом находя тогда таковое ходатайство еще равновременным, однако ваше сиятельство изволили обещать впоследствии при первом удобном случае принять на себя ходатайство об облегчении участи ее брата.

О чем по приказанию вашего сиятельства просительница была извещена.

19 февраля 1850 г.

Ч. XI, арк. 136—138. Оригінал.

№ 161

1850 р. лютого 22.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ОРЛОВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА С. М. МУХАНОВА ПРО НАДІСЛАННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ НА О. В. МАРКОВИЧА

Его пр[евосходительст]ву С. Н. Муханову

22 фев[раля] [18] 50 г., № 386

М[илостивый] г[осударь] Сергей Николаевич:

Жительствующая в Полтавской губ. девица Керстинова, объявляя о болезненном состояние брата Марковича, высланного по высоч[айшему] пов[елению], сообщенному мною предместнику вашего пре[восходительст]ва от 4 июня 1847 г. за № 942 [131], на службу в г. Орел, просит о дозволении ему отправиться на некоторое время в отпуск для поправления здоровья в г. Одессу.

Сообщая об этом вашему превос[ходительст]ву, имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], уведомить меня как об образе мыслей, поведении и усердии к службе Марковича, как и о том, действительно ли он находится в столь трудном болезненном положении, что ему необходимо пользование в теплом климате.

Пр[имите]...

Под[писал] гр. Орлов

Ч. XI, арк. 139. Відпуск.

№ 162

1850 р. серпня 31.— ВІДНОШЕННЯ С. М. МУХАНОВА ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПОВЕДІНКУ О. В. МАРКОВИЧА ТА ПОГАНИЙ СТАН ЙОГО ЗДОРОВ'Я

Господину шефу корпуса жандармов,
командующему императорскою главною квартирою

На почтительнейшее отношение вашего сиятельства от 22 февраля сего года № 386 [132] честь имею уведомить, что старший помощник правителя канцелярии моей титулярный советник Маркович, при постоянном усердии к службе, не замечен ни в чем предосудительном в образе его мыслей, но здоровье его до того расстроено, что ему, я полагаю, кратковременный отпуск полезен быть не может, а для совершенного поправления его здоровья ему нужно совсем оставить службу и жить в своем семействе, потому что, как я мог заметить, главная его болезнь не есть телесная, а он упал духом, находясь в разлуке с семейством, терпя при малом жаловании недостаток, и, сверх того, климат орловский на него действует неблагоприятно.

Генерал-майор Муханов

Правитель канцелярии Дороханов

Резолюція О. Ф. Орлова: Доклад. В усмот[рение] под ее поруку.

Ч. XI, арк. 140. Оригінал.

№ 163

1850 р. квітня, не пізніше 17.— ПОВІДОМЛЕННЯ ЖАНДАРМСЬКОГО ОФІЦЕРА І. СЛЬОЗКИНА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО НАГЛЯД ЗА О. В. МАРКОВИЧЕМ І СТАН ЙОГО ЗДОРОВ'Я

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Начальник Орловской губ. доносит по требованию его сиятельства гр. Алексея Федоровича о находящемся здесь под надзором титулярном советнике Марковиче, что г-н Маркович, при постоянном усердии к службе, не замечен ни в чем предосудительном в образе его мыслей, но что здоровье его так расстроено, что кратковременный отпуск ему не может быть полезен, а для восстановления его здоровья ему нужно совсем оставить службу и жить в своем семействе, потому что, как мог заметить генерал Муханов, болезнь его не есть телесная, а он упал духом, находясь в разлуке с семейством, терпя при малом жалованье недостаток, и, сверх того, климат Орловской губ. на него действует неблагоприятно.

Имея в виду г-на Марковича со дня прибытия моего на службу в Орловскую губ., я постоянно следил его, сблизился с ним в такой степени, что после двухгодичного моего пребывания здесь, испытав его во всех отношениях, в настоящее время могу смело ручаться вашему превосходительству в том, что если г-н Маркович и был на замечании, как человек вредный правительству, то в эти три года жизни в Орловской губ. он примерным усердием к службе, кротким поведением и похвальным образом мыслей заслуживает ходатайства о нем начальника губернии.

При сем я долгом считаю почтительнейше присовокупить вашему превосходительству, что отпуск для г-на Марковича необходим по той причине, что он с давнего времени одержим болезнью (Lethiasis Renum), которая от дурного ли лечения или недостатка его лечить ее получила сильное развитие и выражается в изнурительных припадках, так что изменение климата, улучшение средств и домашний присмотр могут только восстановить его здоровье.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга

И. Слезкин

[...] апреля 1850 г., г. Орел.

Помітка про одержання: 17 апреля 1850 г.

Ч. XI, арк. 141—142. Оригінал.

№ 164

1850 р. квітня 18.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО О. В. МАРКОВИЧА

О титулярном советнике Марковиче [1]

К делу об Украйно-славянском обществе прикосновен был кандидат университета св. Владимира Афанасий Маркович, оказавшийся виновным в сношениях с участниками сего общества и обнаруживший, как видно было из рассмотренных писем его, чрезмерную любовь к Малороссии.

По всеподданнейшему моему о сем докладу ваше императорское величество в мае месяце 1847 г. высочайше повелеть соизволили вменить Марковичу в наказание содержание под арестом в крепости, выслав его на службу в Орловскую губ., с воспрещением увольняться в Малороссию, доколе не до-

кажет безвредность своего образа мыслей усердною службой и степенным поведением.

При рассмотрении дела об означенном обществе найдены были письма двоюродной сестры Марковича, дочери майора девицы Керстен, доказывавшие ум и истинно русский патриотизм ее. Во внимание к этим достоинствам ваше императорское величество всемилостивейше изволили пожаловать ей в пособие 1000 руб. серебром, повелев в то же время двух малолетних братьев ее зачислить в кадетские корпуса.

Ныне девица Керстен, удостоверяя меня, что помянутый брат ее, поняв вину свою, искренно в ней раскаивается, и объясняя при том, что крайне расстроенное его здоровье требует, по мнению медиков, отдыха от служебных занятий с переездом его в теплый климат, просит меня об исходатайствовании разрешения на перевод Марковича в одну из южных губерний.

Хотя я в 1848 г. имел удостоверение бывшего орловского военного губернатора как о болезненном состоянии Марковича, так и о примерном усердии к службе и отличном поведении его, не менее того, я счел нужным истребовать сведения и о настоящем образе его мыслей. Генерал-майор Муханов, подтверждая прежний отзыв об этом чиновнике генерал-лейтенанта кн. Трубецкого, присовокупляет, что здоровье Марковича до того расстроено, что кратковременный отпуск полезен ему быть не может и что для совершенного поправления его здоровья ему необходимо совсем оставить службу и жить в своем семействе, потому что главная его болезнь состоит в упадке духа от разлуки с семейством и от недостатка, который он терпит в средствах жизни, получая малое жалованье по занимаемой им должности старшего помощника правителя канцелярии начальника Орловской губ., при том же и местный климат действует на него неблагоприятно.

Принимая во внимание изъясненные отзывы о Марковиче, равно и по уважению благонадежного образа мыслей помянутой сестры его, я полагал бы возможным разрешить ему, под рукою девицы Керстен, свободное жительство в местах, которые признаны будут полезными для его здоровья, не исключая и Малороссии, и с дозволением продолжать службу, где пожелает, с продолжением однако учрежденного за ним секретного полицейского надзора, и таковое мнение мое осмеливаюсь представить на всемилостивейшее усмотрение вашего императорского величества.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно: генерал-лейтенант Дубельт

18 апреля 1850 г.

Помітка: На подлинном рукою генерал-лейтенанта гр. Орлова написано карандашом: «Высочайше соизволил, с тем, что он отдается под личный надзор своей сестры».

Верно: ген[ерал]-лейт[енант] Дубельт

Ч. XI, арк. 143—146. Копія.

№ 165

1850 р. квітня 19.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА К. І. КЕРСТЕН ПРО ДОЗВІЛ О. В. МАРКОВИЧУ ЗАЛИШИТИ МІСЦЕ ЗАСЛАННЯ І ВСТУПИТИ НА СЛУЖБУ ЗА ЙОГО БАЖАННЯМ

Его высокоб[лагоро]дию Е. И. Керстен

19 апреля 1850 года, № 787

Милостивая государыня Екатерина Ивановна!

Государь император по всеподданнейшему докладу моему просьбы Вашей от 22 января [133] высочайше повелеть соизволил: разрешить под личною Вашею порукою находящемуся на службе в г. Орле брату Вашему титулярному советнику Афанасию Марковичу иметь свободное жительство в местах, которые признаны будут полезными для его здоровья, не исключая и Малороссии, и с дозволением продолжать службу, где пожелает.

Сообщив г-ну министру внутренних дел о таковой монаршей воле, для зависящего распоряжения и уведомляя об этом Вас, милостивая государыня, имею честь удостоверить Вас в истинном моем почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. XI, арк. 147. Відпуск.

№ 166

1850 р. квітня 19.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ДОЗВІЛ О. В. МАРКОВИЧУ ЗА ПОРУКОЮ СЕСТРИ К. І. КЕРСТЕН ЗАЛИШИТИ М. ОРЕЛ І ОБРАТИ СОБІ МІСЦЕ ПРОЖИВАННЯ І СЛУЖБУ

Его сиятельству гр. Л. А. Перовскому

19 апреля 1850 года, № 788

Милостивый государь гр. Лев Алексеевич!

По всеподданнейшему докладу моему просьба жительствующей в Золотоноше, Полтавской губ., дочери майора девицы Екатерины Керстен, которая, объясняя болезненное состояние двоюродного брата своего, помощника правителя канцелярии орловского военного губернатора титулярного советника Афанасия Марковича, известного Вашему сиятельству из отношения моего от 4 июня 1847 г. № 941 [134], просила о переводе его в одну из южных губерний.

Государь император во внимание как к означенной просьбе, так и к засвидетельствованию местного начальства об отличном усердии сего чиновника к службе и примерном его поведении, высочайше повелеть соизволил разрешить ему, Марковичу, под личною порукою упомянутой сестры его, девицы Керстен, иметь свободное жительство в местах, которые признаны будут полезными для его здоровья, не исключая и Малороссию, с дозволением продолжать службу, где пожелает, но с продолжением однако же учрежденного за ним секретного полицейского надзора.

Сообщая вашему сиятельству о таковой монаршей воле, для дальнейшего распоряжения имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, не изволите ли приказать по вытребовании от девицы Керстен надлежащей по сему предмету подписки препроводить оную ко мне, почтив ме-

ня притом уведомлением о будущем месте жительства титулярного советника Марковича.

Примите уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. XI, арк. 148—149. Відпуск.

№ 167

1850 р. липня 25.— ЛИСТ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ В 4-МІСЯЧНУ ВІДПУСТКУ О. В. МАРКОВИЧА В ЧЕРНІГІВСЬКУ І ПОЛТАВСЬКУ ГУБЕРНІЇ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Содержание отношения вашего сиятельства от 19 апреля за № 788 [135] о дозволении, согласно высочайшему повелению, титулярному советнику Маркович иметь свободное жительство в местах, которые признаны будут полезными для его здоровья, не исключая и Малороссии, под личною порукою сестры его, девицы Керстен, сообщено было мною начальнику Орловской губ. и черниговскому, полтавскому и харьковскому генерал-губернатору, из коих первый донес, что Маркович, согласно просьбе его, уволен в 4-месячный отпуск в Черниговскую и Полтавскую губернии, а генерал-адъютант Кокошкин сообщил мне подписку, взятую от девицы Керстен в объявлении ей означенного высочайшего повеления.

Считая долгом уведомить о сем ваше сиятельство и препровождая подписку девицы Керстен, я покорнейше прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. Л. Перовский

25 июля 1850 г., № 3074.

Помітка про одержання: 29 июля 1850 г.

Ч. XI, арк. 150. Оригінал.

№ 168

1850 р. травня 31.— РОЗПИСКА К. І. КЕРСТЕН, ВИДАНА ПОЛТАВСЬКОМУ ГУБЕРНАТОРУ В ТОМУ, ЩО ВОНА БЕРЕ О. В. МАРКОВИЧА НА ПОРУКИ

Секретно

1850 г. мая месяца 31 дня предписание г-на полтавского гражданского губернатора от 26 мая № 154 на счет высочайшего разрешения брату моему двоюродному титулярному советнику Афанасию Марковичу свободного жительства в местах, которые признаны будут полезными для его здоровья, не исключая и Малороссии, с дозволением продолжать службу, где пожелает, под личною моею порукою, мне в Золотоношской градской полиции объявлено, в чем и подписуюсь.

Дочь майора девица Екатерина Керстинова

Ч. XI, арк. 151. Оригінал.

№ 169

1850 р. серпня 10.— ЛИСТ К. І. КЕРСТЕН ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОДЯКОЮ ЗА ДОЗВІЛ ЇЇ БРАТУ О. В. МАРКОВИЧУ САМОМУ ОБРАТИ МІСЦЕ СЛУЖБИ

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Наконец, болезнь, лишавшая меня душевной потребности благодарить Вас, граф, позволяет мне выразить мою беспредельную признательность за Ваше высокое покровительство и за все благодеяния, которыми осыпает меня наш великий монарх и которые я ничем не заслужила. И теперь, по Вашему милостивому ходатайству, государь сделал для меня больше, чем я просила: моему брату разрешен не только временный отпуск, но дозволено продолжать службу, где он пожелает. Я уверена, что брат поймет всю необъятную великость царской милости и постарается загладить свой проступок верною и усердною службою царю и отечеству. Что же касается до меня, то мне не остается ничего больше, как только молиться целую жизнь о моем государе и о Вас, граф, как о благодетелях моего семейства.

Примите, граф, уверение в том глубоком уважении и беспредельной преданности, с какими остается навсегда вашего сиятельства, милостивый государь, покорная слуга

Екатерина Керстинова

10 августа 1850, Золотоноша

Резолюція О. Ф. Орлова: Кажется, пишет сестра Белозерского, но я не помню, разрешено ли ему служить, где пожелает, объясниться со мною о сем предмете.

Помітка про одержання: 22 августа 1850 г.

Ч. XI. арк. 152—153. Автограф

№ 170

1850 р. серпня 22.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ДОЗВІЛ НА ВІЛЬНЕ ПРОЖИВАННЯ О. В. МАРКОВИЧА

Брат г-жи Керстен, прикосновенный к делу об Украйно-славянском обществе, титулярный советник Маркович выслан был в 1857 г. на жительство в г. Орел.

По всеподданнейшему докладу о нем вашего сиятельства в апреле месяце сего года всемилостивейше разрешено ему иметь свободное жительство и служить, где пожелает, с продолжением, однако, учрежденного над ним надзора.

22 августа 1850 г.

Ч. XI, арк. 154. Оригінал.

ЧАСТИНА ДВАНАДЦЯТА

СПРАВА
М. А. РІГЕЛЬМАНА

№ 171

1847 р. квітня 18.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО ВИЯВЛЕННЯ ВІДОМОСТЕЙ ЩОДО МОЖЛИВОЇ УЧАСТІ М. А. РІГЕЛЬМАНА В КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОМУ ТОВАРИСТВІ

Весьма секретно

Его высокопре[восходительст]ву Д. Г. Бибикову

18 апреля 1847 г., № 611

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Между бумагами учителя Кулиша оказалось два письма, данные ему служащим в канцелярии вашего высокопревосходительства чиновником Николаем Ригельманом в Прагу [1] к профессору Ганке [2] и в Пресбург [3] к Штуру [4]. В этих письмах, рекомендуя Кулиша означенным лицом, Ригельман поместил мысли, наводящие сомнение, что и он должен принадлежать к Славянскому обществу св. Кирилла и Мефодия.

Сообщая о сем вашему высокопревосходительству и прилагая в копиях письма г-на Ригельмана, на ваше благоусмотрение, имею честь покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], удостоить меня уведомлением, какое распоряжение Вам угодно будет сделать и что откроется по упомянутому предмету.

Примите увер[ения] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XII, арк. 1. Відпуск.

№ 172

1847 р. травня 20.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ НАСЛІДКІВ ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ, ОБШУКУ ТА ДОПИТУ М. А. РІГЕЛЬМАНА

Весьма секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

20 мая 1847 г., № 33, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

При почтеннейшем отношении от 18 апреля № 611 [5] ваше сиятельство изволили препроводить на мое усмотрение копии с двух писем чиновника Ригельмана, которые он писал за границу к Ганке и Штуру и которые были найдены между бумагами Кулиша.

Возвратясь в Киев, я распорядился немедленно подвергнуть Ригельмана самому строгому секретному надзору и, как уведомил ваше сиятельство от 7 мая № 20, приказал доставлять ко мне с почты все письма, которые будут к нему присылаемы.

В течение 3 недель по надзору замечено, что Ригельман находится в совершенно спокойном положении, бывает в киевском обществе по обыкновению, занимается по своей должности и готовится участвовать в благородном спектакле, который намеревается дать графиня Мелина, попечительница Киевского приюта, в пользу оного. Полученные же к нему письма были от матери и дяди, из Малороссии с деньгами и из Москвы от книгопродавца, с изданием «Императорского московского общества русской истории и древностей» [6]. Во всех этих письмах ничего подозрительного не заключалось. Кро-

ме сего, по собранным сведениям дознано, что Ригельман всегда бывал в высшем киевском обществе, в котором лица, прикосновенные к делу о славянстве, не бывали и с ними он не был близко знаком, а некоторых вовсе не знал, вел жизнь довольно рассеянную, в Малороссии никогда не жил. В разговорах его ничего не проявлялось подозрительного, характера вообще скромного, хорошо образован, путешествовал за границей, по выходе из Московского университета жил в Москве и там служил.

Хотя все эти сведения ничего не обнаруживали подозрительного, но я решился обыскать его и поручил сие исполнить д[ействительному] с[татскому] советнику Писареву и жандармскому штаб полковнику Белоусову, которые с возможным тщанием обыскали его квартиру, рассмотрели все его книги и бумаги, но в них решительно ничего подозрительного не оказалось, почему они ему возвращены, с обязанием-подпискою никому не говорить о сделанном у него обыске. Вместе с сим я приказал допросить его как о письмах, которые он посылал за границу с Кулишом, так о сношениях и связях, какие он мог иметь с лицами, кои замешаны по делу о славянстве. Подлинное показание его при сем честь имею представить, докладывая при том, что секретное наблюдение за Ригельманом еще продолжается, и если что окажется подозрительным в поведении его и образе мыслей или в его переписке, то я не премину подробно донести о сем вашему сиятельству.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 28 мая 1847 г.

Ч. XII, арк. 2, 3. Оригінал.

№ 173

1847 травня, не пізніше 20[7].— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ М. А. РІГЕЛЬМАНА

Вопросные пункты титулярному советнику Николаю Ригельману и ответы его.

1. В каком университете Вы воспитывались и с кем наиболее были в нем знакомы и состояли в близких сношениях?

1. Воспитывался в Московском университете. Знаком был с большею частью студентов одного со мною факультета и курса, но в близких отношениях не находился ни с кем, потому что жил в своем семействе, под строгим надзором.

2. Когда, чрез кого и каким образом познакомились Вы за границей с Ганкою и Штуром?

2. Отправившись в 1843 г. за границу, для излечения болезни, проездом на Згерские минеральные воды я был в Праге, где, осматривая достопримечательности города, посетил публичную библиотеку и там познакомился с библиотекарем Ганкою, который, будучи взыскан особенными милостями государя императора н получивши орден св. Владимира, особенно приветлив с русскими.

Он же просил меня познакомиться с бывшим проф. Штуром, если я буду в Пресбурге, как человеком, так же, как и он, занимающимся русскою словесностью, что я и исполнил по приезде в Пресбург, кажется, через год после того.

3. Какое у Вас было с ними знакомство и сношения, с которого времени и в чем именно они заключались?

3. Знакомство мое с Ганкою и Штуром, сделавшееся упомянутым образом, ничего не заключало в себе особенного. Мы много говорили о нашей

литературе, в которой они имели самое посредственное понятие, как иностранцы; они просили меня писать к ним и особенно присылать русские книги, в получении которых, не имея постоянного сношения с Россией, встречали крайнее затруднение.

4. В письме Вашем к Ганке от 25 февраля сего года, которым Вы рекомендовали ему Кулиша, Вы, между прочим, писали, что следите за успехами народности и славянского развития на Западе и с жадностью ловите о них известия.

Объясните в подробности, что обозначает это выражение, какое Вы принимаете участие в этом развитии славянской народности?

4. Когда Кулиш приехал в Киев, проездом за границу, в феврале месяце сего года, я с ним познакомился случайно, ибо прежде не имел о нем никакого понятия. Он пробыл здесь два или три дня и уехал. Увидев из инструкции, данной ему от академии (которую он мне показал), что он послан на казенный счет за границу по предмету изучения славянских языков, я вздумал облегчить ему знакомство с теми людьми, у которых он должен был учиться, а между тем воспользоваться случаем, чтобы послать Ганке недавно перед тем вышедшую книгу «История христианства в России до Владимира», равно и Штуру — стихотворения Кольцова и «Описание Московской оружейной палаты». Книги я послал им, чтобы поставить в виду просвещенных иностранцев, понимающих наш язык, русскую ученую деятельность, и, наконец, показать им по описанию Оружейной палаты, что один только отдел нашего императорского собрания редкостей, без сомнения, превосходит многие из прославляемых за границей музеев.

Посылка этих книг, по моему понятию, служила мне еще извинением в том, что со времени возвращения моего в отечество я не исполнил обещания посылать им иногда произведения русской словесности, и притом к Ганке не писал ни разу, к Штуру же, хотя и писал один раз, но не получил ответа. Упоминаемое выражение в 1-м вопросе было написано с целью польстить самолюбию этих людей и расположить их тем более к ученику из России, который к ним должен был представиться.

5. Далее в этом же письме говорите, что в особенности отрадно видеть в умственном движении славян теплоту сердца, души, христианскую любовь к простому классу, которая внушает им столько разных средств к его образованию и возвышению нравственному.

Объясните, какое Вы принимаете участие в этом направлении к образованию простого народа и по какому случаю?

5 и 6. Означенные в обеих сих пунктах выражения моего письма припомнил я из собственных их слов и выражений; ибо они как профессоры и ученые весьма тешатся тем, когда знают, что некоторые выражения их разговора остаются у других в памяти; и потом как они, так и все славяне всегда величают русских братьями, отказываться от чего им прямо, так сказать, в глаза было бы неучтиво.

Выражение «духовное равенство» с первых слов разговора с русским и особенно с человеком достаточным всякий славянин непременно употребит, по самолюбию и по желанию поставить себя наравне с нами.

6. Вы еще писали в том же письме, что поистине велика будет заслуга славянства, если оно внесет в жизнь чувство нашего общего братства и духовного равенства, в чем западные славяне опередили нас восточных, но что и над нами восстает заря славянского света и народной любви.

Объясните, что означает выражение: нашего общего братства и духовного равенства и что над нами восстает заря славянского света и народной любви, о каком это братстве и равенстве говорится, какая заря славянского света и народной любви восстанет над нами и для чего Вы все это писали за границу?

Выражение «заря славянского света и народной любви» есть не что иное, как преувеличенный комплимент ученому профессору, который думает, что он не только сам всему миру известен, но что его сочинения всеми читаются и везде должны оказывать то влияние, которое предполагает в них его самолюбие. Почему же я все это писал за границу, то я объяснил выше. Но я сам никогда никакого участия в направлении к образованию народа не принимал и принимать не мог.

7. Вы также писали в том же письме, что г-н Кулиш, известный своими трудами в нашей литературе, сообщит подробнее отрадные явления нашего литературного и умственного кругозора.

Объясните, какие отрадные явления нашей литературы Кулиш должен был сообщить Ганке и для чего?

7. Не полагаясь, чтобы я мог высказать жадному к известиям о русской словесности Ганке все то, что он знать о ней желал, я с намерением обратил его на Кулиша, указав ему на издаваемое в Москве «Чтение императорского общества истории и древностей российских» [9], и на предположение Чижова издавать в Москве «Русский Вестник» [10]. Тут же я упомянул о смерти профессоров Прейса [11], Линовского [12] и Языкова.

8. Объясните еще, с какою целью и с каким направлением г-н Чижов предполагал издавать в Москве с будущего года самостоятельный русско-славянский журнал, кто именно долженствовали быть участниками и сотрудниками его в этом деле, почему журнал Вы именуете русско-славянским?

8. Бывший проф. Чижов, по его собственным словам, намеревался издавать в Москве «Русский Вестник», который, кажется, купил у покойного Сергея Глинки [13].

Кто именно должествовали быть его сотрудниками, определительно не знаю; да в то время, когда я его видел, он и сам вряд ли мог знать об этом; ибо это еще было в начале 1846 г. в Москве. Журнал я назвал русско-славянским потому, что Чижов предполагал помещать там известия о западных славянах и их современной словесности, как помещалось и прежде в некоторых наших журналах.

9. В другом письме к Штуру, от 24 февраля с. г., Вы, между прочим, жалуясь на затруднительные сношения с Венгрией, писали: «Доколе будет существовать между нами китайская стена, доколе все наши усилия к умственному размену будут сокрушаться о недостойные преграды, поставляемые людьми недостойными! Пора бы серьезно приняться за уничтожение их». Далее говорите: «Не удивительно ли, что подобное явление оказывается именно в Вашей земле, называющей себя свободною, между тем как мы можем иметь сообщее с людьми, живущими в деспотической Австрии.

Объясните, к чему клонятся все эти жалобы, какие усилия Ваши к умственному размену сокрушаются о недостойные преграды, какими недостойными людьми эти преграды поставляются и в чем оные заключаются, почему Вы называете Венгрию свободною, а Австрию деспотическою?

9. Начало письма моего к Штуру совершенно однозначительно с письмом к Ганке. Все выражения, в вопросе означенные, изъясняют не что иное, как собственный образ мыслей Штура: будучи венгром, он всегда называл Австрию деспотическою, а Венгрию свободною по отношению их государственного устройства. Между тем сам нередко жаловался, что тогда, как в Австрии можно получать русские книги и письма, в Венгрии почти невозможно по ненависти, существующей между словаками и мадьярами. И этих-то последних называл я в угождение образу мыслей Штура недостойными людьми и недостойными преградами.

10. Далее в этом же письме Вы говорите, что с истинною отрадою видите, как они преуспевают на благом поприще, как заботятся о нравственном воспитании народа, в том убеждении, что в наше время образование есть

истинная сила народа, которая рано или поздно, непременно возвысит его над другими.

Объясните, какие и в чем видите Вы преуспояния[14] *к образованию народа, в чем это образование должно заключаться и для чего и с какой целью вы следите за этим и пишете о том?*

10. Все замеченные в сем вопросе выражеиия моего письма к Штуру ни к чему более не клонятся, как похвалить ему же его собственное направление, которое он мне объяснил во время моего с ним свидания и которое мне казалось довольно основательным, ибо он был во главе тех людей, которые с таким жаром и увлечением защищались против требований мадьяров, чтобы делопроизводство и богослужение производилось на мадьярском языке, который совершенно чужд и непонятен для этого населения. Я как русский, не мог не разделить мнений Штура в этом случае уже и потому, что у нас в России каждому дому предоставлено молиться на его родном языке.

11. С кем еще за границей Вы имели связи и знакомства и какие именно?

11. Кроме беглых знакомств, обыкновенных во время путешествий, сделанных по случайной встрече в гостиницах, на гульбищах, в картинных галереях и тому подобных местах, я не имел никаких особенных знакомств. Такого рода было мое знакомство с семействами Дубровиных, Высоцких, князя Волконского в Риме, нескольких художников там же, как-то: Орлова [15], Серебрякова [16], Логановского [17] и других, которых имен не упомню. Из писателей славянских я видел еще Коллара, Шафарика [18], пастора Кузьмани [19]. Я видел их по нескольку часов, как обыкновенно бывает в путешествии.

12. В каких сношениях находитесь Вы с Кулишом, Костомаровым, Гулаком и Чижовым и с которого времени и какими Вы их знаете и почитаете?

12. С Костомаровым я познакомился в конце прошлого 1846 г., в заседании Комиссии для разбора древних актов, состоявшей при его высок[опревосходительст]ве г-не киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе, куда он был призван, как занимающийся историей, для рассмотрения одной старой летописи. Так как я занимался также разбором старых актов, по поручению Комиссии, то [для] разрешения встречавшихся недоумений был раза четыре у Костомарова. И в один раз, в прошлом феврале месяце, застал у него незнакомого господина — это был Кулиш, отправлявшийся за границу, как я выше объяснил об этом. Знакомство мое с Костомаровым, вызванное моими служебными занятиями, никогда не переходило за черту этих занятий и общих разговоров об истории и отечественной словесности. С Чижовым виделся я в первый раз в Москве, не могу определительно сказать у кого, потому что этому прошло уже несколько лет. Знаю о нем, что он преподавал математику в Петербургском университете, потом, отправившись за границу и полюбив искусство, долго жил в Риме и занимался историей художеств и Италии. Потом, в его бытность в Москве, в начале 1846 г., ему пришла мысль сделаться редактором журнала, видя, что такой город, как Москва, не имеет порядочного периодического издания. Но после я узнал, что он снова отправился в Италию, для того чтобы на месте написать несколько статей о живописи, ваянии, архитектуре. Мне всегда в нем нравился, как и всем его знавшим, его ученый взгляд на искусство, любопытный разговор о его путешествиях заграничных и встречах с тамошними знаменитостями, что все он умеет облекать в интересный рассказ. С Гулаком я никогда не виделся и не знал даже о его существовании.

13. Не известно ли Вам чего о существовании Славянского общества в России, о его действиях, цели и направлении и не принадлежите ли Вы к нему сами?

13. О существовании Славянского общества мне иичего не известно, и об этом узнаю я в первый раз из настоящего вопроса. Сам же я никогда ни к какому обществу не принадлежал и принадлежать не буду.

14. Знакомы ли Вы с студентами: с Андрузкским, Посядою и бывшими Киевском университете Навроцким, Белозерским, Марковичем, а равно эмещиком Савичем и что Вы о них знаете?

14. Андрузского, Посяды, Навроцкого и Савича никогда не видел, не іаю и ничего о них не слышал. Белозерского видел вместе с Кулишом один зз в Киеве, в прошедшем феврале месяце, при проезде за границу.

Марковича видел раза три или четыре и знаю его как человека, который ного трудился и переводил на малороссийский язык «Сельское чтение Одоского».

Титулярный советник Николай Аркадьев сын Ригельман

Допрашивал действительный статский советник Писарев

XII, арк. 4—11. Оригінал.

№ 174

1847 р. травня 30.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО ЗВ'ЯЗКИ М. А. РІГЕЛЬМАНА З ЧЛЕНАМИ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Копія

О титулярном советнике Ригельмане

Киевский военный губернатор доставил показание служащего в его анцелярии титулярного советника Николая Ригельмана, который прикосовен к делу об Украйно-славянском обществе потому, что в бумагах Кулиа найдены письма его, Ригельмана, к заграничным славянофилам Ганке и Штуру, с сомнительными выражениями о славянском развитии, о возвышении простого народа, о чувстве общего братства и равенства, о том, что эра приняться за уничтожение недостойных преград, поставленных людьи недостойными.

Ригельман в показании своем объясняет, что он, быв за границей в 843 г., познакомился с Ганкой и Штуром, как с учеными людьми, а потом, знав от Кулиша, что он отправляется в заграничные славянские земли, прол его отвезти к Ганке и Штуру письма; что в этих письмах он говорил о удах славянофилов, о братстве и равенстве, с которыми встречают нас, усских, иностранные славяне. Под недостойными преградами разумел те, оторые в Венгрии поставляются развитию просвещения, и вообще содерание писем его относится до предметов чисто ученых; что он только слуйно встретился с Костомаровым, а с Гулаком и прочими их товарищами все не был знаком и не имел ни малейшего сведения об Украйно-славяном обществе.

Генерал-адъютант Бибиков присовокупил, что в бумагах Ригельмана, осмотру их, не оказалось ничего сомнительного, что в переписке его, подргнутой перлюстрации, также ничего не скрывается; что чиновник этот ращается в высшем кругу, в котором участники Украйно-славянского обства не бывали, а потому он не мог быть в связях с ними, и что Ригельн хорошо образован, характера скромного и ни в чем предосудительном замечен.

При производстве следствия об Украйно-славянском обществе никто не казывал против Ригельмана; только надворный советник Чижов в своем ьяснении упомянул о Ригельмане, как о славянофиле киевском, называя э неповоротливым и незамечательным человеком.

Всеподданейше докладывая о сем вашему величеству, я полагал бы учдить строгий надзор над Ригельманом и оставить его в настоящем положеи, если генерал-адъютант Бибиков примет на свою ответственность, что Ригельмана не произойдет никаких вредных последствий, а в противном

случае перевести его на службу, не лишая приобретенных им преимуществ, в одну из великороссийских губерний под строгий надзор, и таковое мнение мое осмеливаюсь подвергнуть на высочайшее воззрение вашего императорского величества.

Подлинный подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил управляющий отделением генерал-лейтенант Дубельт
Верно: генерал-лейтенант Дубельт

30 мая 1847 г.

Помітка: На подлинном рукою генерал-адъютанта гр. Орлова написано карандашом: «Высочайше согласен с моим мнением».

Верно: генерал-лейтенант Дубельт

Ч. XII. арк. 12—14. Відпуск.

№ 175

1847 р. травня 31.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ СУВОРОГО ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА М. А. РІГЕЛЬМАНОМ

Секретно

Его высокопре[восходительст]ву Д. Г. Бибикову

31 мая 1847 г. № *916*

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Государь император, по всеподданнейшему докладу моему отношение вашего высокопре[восходительст]ва от 20 мая № 33 [20] на счет прикосновенного к делу об Украйно-славянском обществе, служащего в Вашей канцелярии тит[улярного] сов[етника] Николая Ригельмана, высочайше повелеть соизволил учредить строгий надзор над ним и оставить его в настоящем положении, если Вы примете на свою ответственность, что от Ригельмана не произойдет никаких вредных последствий, а в противном случае перевести его на службу, не лишая приобретенных им преимуществ, в одну из великороссийских губерний под строгий надзор.

Сообщая вашему высокопр[евосходительст]ву о такой монаршей воле и покорнейше прося Вас, м[илостивый] г[осударь], удостоить меня уведомлением, которая из двух упомянутых мер будет принята относительно Ригельмана, имею честь удостоверить и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов
Верно: колл[ежский] сов[етник] Константинов

Ч. XII. арк. 15. Відпуск.

№ 176

1847 р. червень.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ЗА М. А. РІГЕЛЬМАНОМ СУВОРОГО ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ І ЗАЛИШЕННЯ ЙОГО НА ПОПЕРЕДНЬОМУ МІСЦІ СЛУЖБИ

Секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

17 июня 1847, № *56,* Киев

Милостивый государь г. Алексей Федорович!

Вследствие объявленного в почтеннейшем отношении вашего сиятельства от 31 мая № 916 высочайшего повеления о служащем в канцелярии моей

титулярном советнике Ригельмане имею честь уведомить, что во время служения своего при мне Ригельман не был замечен ни в чем предосудительном ни по образу мыслей, ни по образу жизни, почему я полагаю, что могу ручаться на все время, пока Ригельман будет при мне находиться, что от него не произойдет никаких вредных последствий и потому оставил его в Киеве, при прежних занятиях, но под строгим надзором [21].

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Резолюція О. Ф. Орлова: Оставить.

Помітка про одержання: 17 июня 1847 г.

Ч. XII, арк. 16. Оригінал.

№ 177

1851 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ П. О. ШИРИНСЬКОГО-ШИХМАТОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ М. А. РІГЕЛЬМАНУ ВИЇХАТИ ДО НІМЕЧЧИНИ І ФРАНЦІЇ ДЛЯ ЛІКУВАННЯ

Его превосх[одительст]ву Л. В. Дубельту

30 мая 1851 г., № 5577

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Г-н киевский военный, подольский и волынский генерал-губернатор, управляющий киевским учебным округом, ходатайствует об увольнении директора училищ Киевской губ. коллежского асессора Ригельмана в отпуск для лечения к минеральным водам в Германию и Францию на четыре месяца.

Предварительно ходатайства о высочайшем на сие соизволении я долгом считаю обратиться к вашему превосходительству с покорнейшею просьбою об уведомлении, не встречаете ли Вы с своей стороны препятствия к увольнению Ригельмана в Германию и Францию.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

кн. Ширинский-Шихматов

Помітка про одержання: 2 июня 1851 г.

Ч. XII, арк. 17. Оригінал.

№ 178

1851 р. червня 5.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО М. А. РІГЕЛЬМАНА

Г-н министр народного просвещения, вследствие предоставления киевского военного губернатора об увольнении в отпуск в Германию и Францию директора училищ Киевской губ. Ригельмана, спрашивает: «Не встречается ли каких препятствий к удовлетворению означенного ходатайства?».

Справка. По справке оказывается, что означенный Ригельман есть тот самый, который предварительно настоящей должности состоял на службе в канцелярии Киевского военного губернатора и за которым в 1847 г. по прикосновенности его к делу об Украйно-славянском обществе учрежден был строгий надзор. Надзор этот при дарованных милостях по случаю

25-летия царствования государя императора отменен, но с тем, чтобы до времени не увольнять Ригельмана за границу.

5 июня 1851 г.

Резолюція О. Ф. Орлова: Нет.

Ч. XII, арк. 18. Оригінал.

№ 179

1851 р. червня 7.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО П. О. ШИРИНСЬКОГО-ШИХМАТОВА ПРО ЗАБОРОНУ М. А. РІГЕЛЬМАНА ВИЇХАТИ ЗА КОРДОН

Г-ну министру народного просвещения

7 июня 1851, № 954

М[илостивый] г[осударь] Платон Александрович!

Вследствие отношения вашего сия[тельст]ва от 30 мая № 5577[22] имею честь уведомить Вас, м[илостивый] г[осударь], просьба-ходатайство директора училищ Киевской губ. коллежского асессора Ригельмана об увольнении его за границу удовлетворена быть не может.

Пр[имите], в[аше] с[иятельст]во, увер[ения] и пр[очее].

Ч. XII, арк. 19. Відпуск.

№ 180

1850 р.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ М. А. РІГЕЛЬМАНА ВІД ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ

Ригельмана, в 25-летие царствования государя императора, высочайше разрешено освободить от надзора, но до времени не увольнять за границу.

См. 8 часть дела 1850 г. под № 185, о милостях к 25-летию.

Ч. XII, а к. 20. Копія.

ЧАСТИНА ТРИНАДЦЯТА

СПРАВА ХМЕЛЬНИЦЬКОГО та П. Я. СЕРДЮКОВА

№ 181

1847 р. травня, не пізніше 8.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ХМЕЛЬНИЦЬКОГО, У ЯКОГО М. І. КОСТОМАРОВ НАЧЕБТО СПИСАВ ТЕКСТ «ЗАКОНУ БОЖОГО»

Хмельницкий.

Адъюнкт Костомаров в показании своем 7 мая [1] объяснил, что рукопись «Закон божий» он списал еще давно, сколько может припомнить, от Хмельницкого, который служил в Кавказском корпусе, случайно квартировал с ним, Костомаровым, в Харькове и потом уехал, кажется, в Петербург.

К сему, после Костомаров добавил словесно, что Хмельницкий находился в Харькове в 1836 или 1837 г., он имел еще другую прибавочную фамилию среднего роста, с смуглым лицом и темно-русыми усами, лет около 25; он служил в Отдельном Кавказском корпусе и участвовал в азиатск[ую] компанию против турок[2], намеревался вступить в службу по Коммисаритскому ведомству и потом, кажется, отправился в С.-Петербург.

Ч. XIII, арк. 1. Оригінал.

№ 182

1847 р. травня 8.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО С. М. МУХАНОВА ПРО РОЗШУКИ ПРАПОРЩИКА ХМЕЛЬНИЦЬКОГО, НА ЯКОГО ПОСИЛАЄТЬСЯ М. І. КОСТОМАРОВ

Весьма секретное и нужное.

Его превосход[ительст]ву С. Н. Муханову

8 мая 1847, № 743.

Милостивый г[осударь] Сергей Николаевич!

В 1836 или 1837 г. находился в Харькове отставной прапорщик Хмельницкий, с другою прибавочною фамилиею, среднего роста с смуглым лицом и темно-русыми усами, лет около 25; он служил в Отдельном Кавказском корпусе и участвовал в азиатской компании против турок; намеревался вступить в службу по Коммисариатскому ведомству и потом, кажется, отправился в С.-Петербург.

По воле г-на генерал-адъютанта гр. Орлова, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство, не изволите ли приказать сделать секретным образом, в самоскорейшем времени, справку и уведомить меня, для доклада его сиятельству, об имени и отечестве означенного Хмельницкого, куда и когда он выехал из Харькова, и не известно ли там о нынешнем его местопребывании.

Примите увер[ение] и проч[ее] [3].

Под[писал] Л. Дубельт
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XIII, арк. 2, 3. Відпуск.

№ 183

1847 р. червня 5.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. П. ГАЛАХОВА Л. В. ДУБЕЛЬТОВІ ПРО ТЕ, ЩО В ПЕТЕРБУРЗІ ПРАПОРЩИКА ХМЕЛЬНИЦЬКОГО НЕ ЗНАЙДЕНО

Секретно

Его пре[восходительст]ву Л. В. Дубельту

5 июня 1847 года.

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

По отношению Вашего превосходительства, от 8 минувшего мая, за № 744 [4] я поручал полицмейстерам трех отделений сделать секретным образом справку о всех Хмельницких, проживающих в С.-Петербурге, и донести, не находится ли здесь на жительстве и где именно на службе отставной прапорщик Хмельницкий с другою прибавочною фамилиею, который служил в отдельном Кавказском корпусе и участвовал в азиатской компании против турок [5].

Из полученных ныне донесений видно, что в С.-Петербурге проживают: Московской части, 1 квартала в доме Струбинского писец 2 разряда Петр Иванов Хмельницкий и Петербургской части, 4 квартала, в доме Яблонского вдова титулярного советника Надежда Парфентьевна Хмельницкая, которая отозвалась, что муж ее Степав Иванов в 1846 г. помер, сыновей у них не было и ие имелось родственников покойного, кои бы служили в военной службе.

О чем я имею честь уведомить Ваше превосходительство и при этом присовокупить, что отставного прапорщика Хмельницкого с другою прибавочною фамилиею по удостоверению полицмейстеров на жительстве в С.-Петербурге не оказалось.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Галахов

Помітка Л. В. Дубельта: «Костомаров у него списал «Закон божий». Писано еще к харьковскому губернатору.

Помітка про одержання: 9 июня 1847.

Ч. XIII, арк. 4. Оригінал.

№ 184

1847 р. травня 17.— СУПРОВІДНА ЗАПИСКА Д. Г. БІБІКОВА НА ІМ'Я О. Ф. ОРЛОВА ДО ЛИСТА П. Я. СЕРДЮКОВА П. О. КУЛІШУ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь, гр. Алексей Федорович!

В бывшей квартире адъюнкта Костомарова, между книгами отыскано письмо к Кулишу [6], на малороссийском языке, присланное из С.-Петербурга на имя Костомарова.

Письмо это с переводом на русский язык долгом поставляю представить при сем к Вашему сиятельству и покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

17 мая 1847 г. № 29.

Помітка О. Ф. Орлова: Узнать.

Помітка про одержання: 26 мая 1847.

Ч. XIII, арк. 5. Оригінал.

№ 185

1847 р. лютого 22.— ЛИСТ П. Я. СЕРДЮКОВА ДО П. О. КУЛІША ПРО ЛІТЕРАТУРНІ СПРАВИ[7]

Пантелеймон Александрович!

Либоиь бога не боїтесь Ви, либо що: да сього, П[етра] А[лександровича][8] кай йому!.. Присилались до мене таким москалем, що боже!.. Галас такий ідняли, що я з переляку ледве дух переводив: того й дивись — ось-ось иолодий князь заціде в ухо!.. Та вже — мерщій навтікача!.. Ухопив каламаря, згарбав аркуш — кланяюсь і лепортую: отже ж, коли П[етра] А[лександровича] навсправжки чоловік цнотливий — як там кажуть чоловік рузика, дак нехай же мені абищо, коли в мене самого не одлягне на серці!.. Що ж робитимеш?.. Панове миряне, чим дужче допікали і допікають тебе иов той шершень бджолу, попавши в лапи.

Кожний так і нататуриться, щоб тобі шляба дати!.. Дак тут прямеє діло: як тільки хто белькне про кого яку-небудь каверзу — уже чи по волі, чи по неволі і прудко ймеш опріч, але похвальна рація — зараз тебе в губу вколе!.. Така вже, бачите, людська натура божевільна!.. Се, признаться, завздогад буряків, щоб капусти дали! Про П[етра] А[лександровича] (?) — батечки! — скільки то мині наговорено й нагуторено... й дітись нігде було осудами!.. Плавузкано[9] таке, що гай-гай!.. Сам же я його не знав та й не знаю. Чим же я тут винен? Хіба тим, що про се не держав язик за зубами, як балакав з Вами? (Вибачайте за рифму!) Уже на що, иа що, а на теє у мене достало глузду, щоб ув очевидьки чоловіку не ганити того, кого він поважає, якби тільки я не приймав себе за Вашого приятеля, да не міркував собі з лихом, що і з моїх речей Вам дещо здається, що Вам треба роззирати обоє, де може Ви були не вельми осторожливі...[10]

Я помиливсь: і слава тобі, господи!.. Правда, мені таки й самому — нічого гріха таїти! — не горнулась до серця поведенція П[етра] А[лександровича], то поки ж тепер, як я поміркую, дак воно на те виходе, що як би він себе іише показував — ие добрався б туди де й по сей день вештається, розумні люде кажуть, що риба шукає глибше, а чоловік, де лучче... Годі з ним, иехай панує!.. Шевченко, його милость, у Вас вінця держав!.. там то, мабуть, винця дмухнув!.. Може й у самого Бахуса на тім світі волосся дибом стало! Уже запевияє:

«Із Кулішового пуздерка
Утер не раз він з піввідерка!

На те ж бо він мочиморда!.. На вдивовижу мені сей чоловік, дай годі... як читаєш його компоновання чуєш якусь вищу силу поезії; да тільки в його якось їй не до шмиги!.. Подивиться лиш: стих у його — завжде не шкандований, завжде невмивака, якийсь жилавий, луб'яний, дублений, таке рило, такий клапоухий, такий нечумазний!.. А треба б, щоб він був жвавий, моторський, сторожкий, залетний, хлесткий (тільки не гнучкий!..) Правда —

бог, інколи трапляється в його й стішок щуплий, завзятий — але в рідку стежку, да й то якось ненароком, спотиньга! Мабудь поет пише — знічев'я, як Основ'яненків маляр-шахрай [11], причитуючи: «Ничаго... Для хохлов и такой стих бряде! Або вже він почитає себе за прездоровенного поету, да може ще утовк собі у кабак, що як тільки поет — і даровитий поет, дак йому й байдуже на все й про все — ухопе перо, да-дризь-дризь! — от тобі й поема!..[12]

Хіба тільки рифми прибирає, а там, що до мислей, до чуствія, до художества — хоч вовк траву їж!.. Поезія Шевченкова — се дівчина лепоти такої, що не здумать, ні згадать, да і в казці не збрехать: але як вона вихожає? Наждухтившись чиколдихи, затепана, задрипана — волосьє їй розпатлане, одежі їй розхристані, розкуйовджені — шльондра шльондрою по коліна в твані з сулією під мишкою навижена, скаче халяндри або гедза[єть-ся] по багну, а інколи пану читателеві з реготом пускає в нос тимори!.. Се не богиня — де ж там! Се й не яка-небудь цюхля дзадліована; се — осоружна, нікчемна, гадкая, бридкая, хвиндюрка, да й годі!..

Нихай не прохатиме, щоб поезія чепурилась чепурухою, але кожний бажає, щоб вона була розсудлива, уродлива, охайлива, улеслива, гречна. Щоб вона галилась до читателя, а не брикалась, як скажена кобила; щоб вона не скакала по калюжах та шеритвивах з дьогтем і не бризкала на людей усяким нечистим калом... Лейськая, сумна, притаманная поезія — се — спелоє, дужоє, путеводиме моцними мислями, чаривами, погожими чувствиями, уподобаньем до всего снотливого, до всього істого, до всего леповидного і тією дотепою, тією хистію, що не швиргає куди-здря жодної краплі слова, жодної крихти мислей, жодної гирили чуствія, що в три вирви пхає од себе усякий розгардияш, що не пускає поетичного тревья збиватись із толку, а притьмом доглядає, щоб воно виглядувало скусно, а не аби як компановано, нешпетно, натурально, вірно, щоб воно гармонічно додавано часть до часті, кінець до початку, і мудро виходило одно цілеє. Вображення не здобудеш, коли його не маєш з пупку, та й мислей, або чуствий не позичиш, як буває кабак та серце не туди дивляться: з однією художою кистію чогото чоловік не зробе!.. И от [оцей] то хист і добувається через розсудливе чтеніє Міцкевічів, Пушкінів [про чужих мовчу, а Шиллер, Гете, Шекспір, Байрон, або й Гюго, Гейне — тут би в великій пригоді стали!], через бесіди з людьми розумними, через мислительні розмови з самим собою: от його ж то й бог дасть у пана Шевченка!.. А Костомаров тим-то й гору бере над ними, що він в його є, хоча й його талан поетичний не досягне до Шевченкового! У Костомарова знайдеться десяток або й більш стихозложеній безз'яну, а у Шевченка ні йодного, дарма, що у одного там іскра, мріє, де у другого жевріє полим'я!.. Для поета мало самого заятрення: тут ще — глузд треба!.. Це не живопис або музика, де й без сего дива можно геть-геть майнуть, а тут — ні! У в одних куплетиках кохатимемося!.. А де в поета моцний глузд — там художество поезії — се вже безпремінно! Буває й так, що глузду й не вельми — то вже худож[ній] хист до (...) [13]: вона тоді за все про все надолужає, хоч тут уже нічого великого зроду не вийде. Так і глузд — сам у поезії не втне нічого путящого; теж і воображення, й чуствія — самі нічого не вродять! Бо ще за царя горошка люде дошли, що сили, поки вкупі, тяжке лихо кують, а скоро пішли в розтич— пуття не буде!.. В кожного великого поета сили поезії були вкупі, хоч не у кожного одна другу переважували: може — бог у во всіх, оприч одного Шиллера. У Гете перемагали усе мислі, у Байрона — вображення, у Гюго — художній лист. Тим-то примірно сказать, Гете або Байрон не кожного проймуть до серця, як пройме Шиллер: дарма, що той мислями, а сей воображенієм возьме гору над Шиллером.

Шевченко-художник у живописі, да ще й, як іде чутка, мастак художник: чим же він не хоче зробитись художником у поезії? Кажу: не хоче, бо

в його тільки за охотою й діло стало!.. Чи вже ж такий йому не втямку, що який би здоровенний геній у мозку не розгніздивсь, а того зроду не було й не буде, щоб сей геній зхопив пензель і — с усімі — так зразу й вчистив «Последний день Помпеї» [14], ніколи й не нюхавши, що таке за скуство — живопис! А поезія — теє скуство, та ще й розумне скуство: коли ж там треба наука довга, щира, працьовита, дак тутечки й поготів!.. В Петербурзі йде прочутка, що Шевченко нізащо не вважає, що йому не кажи, і, заткнувши вуха, верзе свої теревені, да й годі... Скажіть, будь ласка, чи сему ж правда? Чи вже ж Шевченко такий сирдар бушний та бундюшний, що ти йому кажи — смалене, а він же стриже стрижене!?.. Чи вже ж чоловік такий здатний, такий тямущий, такий неквапний та гольний, несеться так високо, що носом аж хмари оре — веде себе таким дундуком запеклим, що з кобезистою ганьбою та пихою гне на всіх і на все! Щось не йметься віри!.. А коли се неправда, дак Ви, як зичливий його приятель, роздовбайте йому, що поезія — нехай вона буде й чулая, й мисливая! — нізащо на світі ве буде художеством, не розколише як слід ничийого серця й незабаром згине без сліду, без прослідку, поки не розцвітатимуть, як квітки на весняному сонечку, поки вона не вишколе себе так, щоб як заговорить, як у дзвони дзвоне; а як засміється — душею розоллється!.. А не зробите сього — великий гріх на душу приймете!.. Буде Вам каяннє, да вороття не буде!..

Може Ви й губки на мене ододмите за Шевченка (...) [15]

Що буде, то буде!.. У мене ж, кажу Вам, як перед богом — серце щимить, мліє та ниє, що він топе свій талан і запропастить, зведе його на нізщо!.. Тут ходе поголоска, що Шевченко тлумаче псалми. Школа! Уже коли тлумачить, дак тлумачить пророків, або Соломона лібо Ісуса Сироховича — се тож гарні книжки. Соломон — се жидовський Байрон: не ймете віри? — прочитайте його Экклезіаст [16], его песню песней! Ну да бог з ними!.. А вот жона Ваша, дак нехай на чужу поезію очей не пориває, бо своя під боком, та ще й не кирпата... Правда божа... поцілуйте її від мене, жону, а не поезію,— не жахайтесь, не жахайтесь! — Не в губки і не в твар зовсім, а в ручку: хоч мода вже на се й минулась, да моя парсуна, як і самі знаєте, держиться не за остатню моду, а за першу, дак чому ж би мені не покуштувать гарненької ручки? Хоч тепер й піст, тільки у сему скорому нема ніякого... Колись.— Когди я юн і молод бил! А було се в Петрівку, у Тарутине, мені прип'яли до посту приказану таки трішки смальцьолизу, а може ви тепер говієте? Да воно про смалець... теє... Да запевне ви її знаєте на практиці; у мене вона була в натурі...

А на що Ви унизили дом Дьяконової? Ет же вот не в один ярус, а в три? Знизу — погреб, а зверху — горище, а на горищі — детская. Якби він був у один ярус, дак я б сюю зиму не одморозивсь!.. А то ж скандальна москальва так умудрилась, що в хаті завсігди на дві степені було холоднійш чим на дворі. Знаєте, на дворі вогкий вітер подме з моря, або припече сонечко, дак там потеплішає, а тут з погреба такії вітри скверниї дують, що й сам Василь Кирилович [17] не сказав би — гулять не пойду, (...[18]) би може у во всі лопатки. Хай йому халепа, як же то холодно: перо замерзає в атраменте...

Од Бодянського книжок не бачив ні й-ока... А як се має як живе високоблагородний пан Юскович-Красковський, його милость, Іван Данилович? Як навідаєтесь до його милості, дак будьте ласкаві, привітайте його од мене низеньким поклоном, да ублагайте його жону, щоб вона дозволила йому хоч (...[19]) нанюхаться кабаки досить. На тім тижні почав я злагати «Похождення батуринського Одиссея»: там і Івану Даниловичу місточко буде... Змаганє було невелике, що се за змаганє! але вельможний пан імрек журиться та позирає сторч та зашморгом... Що було, те бачили, а що буде — те побачим...

Срезневський викинув штуку: узяв та й заломив Прейса! Я слухав його лекцій зо-три: видно, що чоловік читав чортову пропасть. Усі студенти

у в один голос гудуть, що він заткнув би Прейса за пояс, і що Прейс против його і в хлопці не годиться: от такая ловись!.. Правда таки в'ялий був на лекціях: (тільки ж куди було удку закине, дак уже вицупе рибки!!.. Та се не всякому було у прикмету). А сей — такий дзиндзивер-зух, що хоч в оренду на танець.

На акті (8 февраля) читали рацію Сенковського — здається («О значении слова «Русь»). Панове професори аж за животи брались да реготали: нехай би вже хто, хто — нехай би реготали Соколови [20], Рождественські [21] і прочії, і прочії, і прочії, які тільки сунься до історичної критики, дак тут зараз вони впершу голову лізуть, а той й Топчибашев туди ж, що й досі вірує у сім кліматів Птоломея [22], і Грефе туди ж, що по-московськи й тяме одно тільки слівце: «пошол», да й теє заповзло до його якось зненацька, як писав о зродстве русского язика з санскристським. От це чтець скаже: «Георги», Грефе зараз у хохот. «Гилеі» — він аж репається од реготу. Мабуть він причвалав на акт по военному звичаю, з горілкою, напившись чаю... «бо хоч він і не був у «статних воїнах», але пунш жмуле [23] (завзи води). Якийсь петербурзький мартопляс злапав половину Демидівської премії [24] за те тільки, що гарно, до смаку пунш робе, а приклепом були якісь мізерні пісеньки.

Сеньковський говоре, що слова «Русь», «Гот» і «Скиф» — однозначні. Про «Русь» і «гот» ми з Вами колись самі балакали і в нас теж виходило, що «Русь» — теє, що й «гот» про се хоч до ста бабок іди питаться, дак воно так і є. Правда, Сенковський щось тут дуже корнесловив: за чужим реготом не можна було дослухаться, але що правда, то правда. Коли де він уже загострився вельми, дак се коло вудинов їх поселили на Волині (Волинь у його йде од волов, — хіба од волі? — так як жаринь, теплинь — од жар, тепло), тоді як у Геродота вони гень пробираються на схід сонця. Ну да се дарма: а то суданський г. Гелон, він уже перескоче на Волгу! Уже ж коли перед береш із Геродота, дак бери й зад: коли береш ім'я і корнесловиш над ним, дак уже не цурайсь і того, що він додає отут, бо се ж вже буде справедливіш чим коверкане та перековеркане ім'я: не знаю тільки, чи добре я вслухавсь.

Ох, прощайте! Утомивсь — утомивсь так, що крий мати божа! Очі злипаються і спать хочуть. А тут же то ще книжку... треба зашить. Февр[аля] 21. С.-П[етербург], Трехярусный дом Дьяконовой.

Лист Ваш дошел до мене на 13 день, а перший — уже на 10 був у мене в руках: от чого б се? — Основ'яненко, коли не в Вас, дак у Борзні.

Зроду мені не було такой привиденції, як з Вашими книжками — із Основ'яненком та з Шевченком: нехай їм осина гірка! Тепер мовчу, бо на дворі світ, і вже 40 часів як спав, а в 8 часу треба з двору чухрать. От побачите! Ну їй-богу все, як на сміх, або в наругу... Приходжу сьогодні до почтамту питаю: чи можна лист не запакований уложить в посилку? Можно кажуть, чому не можно? Тільки хто прийматиме, той штрафу 90 коп сріблом заплате!.. А нехай же Вам триста погибелей з вашими штрафами... чкурнув додому — ближній світ од поштамта до Дьяконової!.. Підбігаю до Неви, дивлюсь — стежка, о, слава тобі, господи, тут навпростець буде ближче! І пішов, й чимчикую гарненько, зир! — аж се до ополонки!.. бо негідна москольва мабуть невод тягнула, либо що!.. Вертатись назад далеко! Я й попхався по снігу: плиг-плиг-плиг! (Чи легко ж се мені було?) Що плигнеш, так по пояс у сніг і ввійдеш! Напослідок таки доплигав до берегу: батечки! В голенищах снігу повнехонько! Тут уже підібравши поли й задубівшу кирею, драпака такого дав, що аж москальва жахається, де ж бо, як по приску біг!.. Прибігаю запихавшись додому, хочу розпечатати книжку — сургуч пристав! Я ножиком його — ковир, а ножик — хрусь! Й остались наші не в тих, не в сих. Зараз перепечатую і знов потяну до почтамту—тільки

вже не по гіпотезі — нехай їй цур!.. Ох, сії гіпотези в мене в шлунках сидять: ще з Москви вони мені дались знаться

(февраля 22, 12 часов вранці)

На конверті листа адреса: Его высокоблагородию Николаю Ивановичу Костомарову, г-ну профессору Императорского университета св. Владимира, для передачи Пант[елеймону] Ал[ександровичу] Кулишу. В Киев Квартира на старом Киеве в Рейтерской улице в доме Клименовой.

Ч. XIII, арк. 6—6—г. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 2.— С. 70—75.
Переклад III відділення [26].
Ч. XIII, арк. 7—15.

№ 186

1847 р. травня, не раніше 17.— ЗАПИС ПОЯСНЕННЯ П. О. КУЛІША ПРО П. Я. СЕРДЮКОВА, ЗРОБЛЕНИЙ КАНЦЕЛЯРІЄЮ III ВІДДІЛЕННЯ

Письмо, полученное на имя г-на Кулиша, прислано от бывшего сотоварища его по Новгород-Северской гимназии Петра Яковлевича Сердюкова, он проживал на Вас[ильевском] острове по малому проспекту между 9 и 10 линиями в д[оме] Дьяконовой, где же служит и чем занимается, Кулишу не известно.

Ч. XIII, арк. 16. Оригінал.

№ 187

1847 р. травня 28.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО П. Я. СЕРДЮКОВА

Сердюков студент университета св. Владимира, уроженец Черниговской губернии Глуховского уезда, имеет свидетельство Московского университета от 20 марта 1841 г.

Чем Сердюков занимается и себя содержит, никому не известно, как в прежней его квартире в доме Дьяконовой, так и в настоящей в доме Алексеева, где он квартирует только другой месяц, о поведении его как в [том], так и в другом доме отзываются с хорошей стороны, знакомство у него только со студентами университета.

28 мая, 1847 г.

Резолюція Л. В. Дубельта: Прежде присмотр[еть], а потом пригласить.

Ч. XIII, арк. 17. Оригінал.

№ 188

1847 р. червня 3.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО П. Я. СЕРДЮКОВА

Студент Сердюков был в университетах св. Владимира три года, Московском — один год и в здешнем четвертый год; [в] настоящее время он вольнослушающий; таковыми переходами из университета в университет он наводит подозрение на его нравственность.

3 июня 1847 г.

Резолюція Л. В. Дубельта: Гр. Уварову наблюдать без ареста.

Ч. XIII, арк. 8. Оригінал.

№ 189

1847 р. червня 5.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО С. С. УВАРОВА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА П. Я. СЕРДЮКОВИМ

Секретно

Его сиятельству гр. С. С. Уварову

5 июня 1847, № 951.

М[илостивый] г[осударь] гр. Сергей Семенович!

Между вольными слушателями С.-Петербургского университета находится уроженец Черниговской губ. Петр Сердюков, который прежде три года обучался в университете св. Владимира и год в Московском университете. В бумагах же бывшего учителя Кулиша оказалось письмо к нему Сердюкова, на малороссийском наречии, в котором он в одном месте объяснил: «когда читаешь сочинение Шевченки, то чувствуешь какую-то высшую силу поэзии», а в другом, описывая переход свой через Неву (в феврале месяце) не по общей дороге, а по едва проложенной тропинке, на которой едва не попал в полынью, прибавляет: «полуумная москальва, верно, невод тянула или что-нибудь».

Усматривая из сего, что Сердюков принадлежит к приверженцам Украины и питает нерасположение к русским, а сверх того и самые переходы из университета в университет наводят сомнение на его благонадежность, имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство, не изволите ли приказать учредить за Сердюковым секретное, но строгое наблюдение.

Примите увере[ние] и проч[ее]

Подписал гр. Орлов

Верно: коллежский советник Константинов

Ч. XIII, арк. 19, 20. Відпуск.

№ 190

1847 р. червня 7.— ВІДНОШЕННЯ С. С. УВАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО СУВОРОГО НАГЛЯДУ ЗА П. Я. СЕРДЮКОВИМ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

7 июня 1847, № 782.

Милостивый государь, гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения Вашего сиятельства от 5 сего июня за № 95 [26], я предписал г-ну попечителю С.-Петербургского учебного округа учредить над вольным слушателем здешнего университета Петром Сердюковым секретное, но строгое наблюдение, потребовав между тем те сведения о нем, какие могут иметься в университете. По получении их я не премину сообщить Вашему сиятельству [27].

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Гр. Уваров.

Помітка про одержання: 9 июня 1847

Ч. XIII, арк. 21. Оригінал.

№ 191

1847 р. червня 19.— ВІДНОШЕННЯ С. С. УВАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО НАВЧАННЯ П. Я. СЕРДЮКОВА, А ТАКОЖ ПРОСЬБА ЗВІЛЬНИТИ УНІВЕРСИТЕТ ВІД ОБОВ'ЯЗКІВ НАГЛЯДУ ЗА НИМ

Секретно

Его сият[ельству] гр. А. Ф. Орлову

19 июня 1847, № 842.

Милостивый государь, гр. Алексей Федорович!

На отношение Вашего сиятельства от 5 сего июня № 951 [28], об учреждении за приватным слушателем С.-Петербургского университета Петром Сердюковым секретного надзора, я имел честь уведомить Ваше сиятельство о данном мною предписании г-ну попечителю С.-Петербургского учебного округа. Ныне тайный советник Мусин-Пушкин доносит мне, что Сердюков поступил в число студентов здешнего университета 15 октября 1841 г. во 2 курс математического разряда, в октябре 1843, после перевода его на 3 курс, принят на казенное содержание. В 1844, за неуспехи, оказанные при публичных испытаниях, перемещен в своекоштные студенты. В апреле 1845, по прошению его, перемещен из своекоштных студентов в приватные слушатели. В продолжение бытности Сердюкова в университете, он ни в чем предосудительном замечен не был. Что же касается до учреждения, за ним со стороны университетского начальства секретного надзора, то г-н попечитель объясняет, что приватным слушателям дается от ректора дозволение посещать лекции и они подлежат надзору, только находясь на лекциях; в прочее же время университетское начальство, не имея никакого сведения ни об образе их жизни, ни о поведении, ни о занятиях, ни о знакомствах, ни о связях не может ни подлежать за них ответственности, ни принять на себя оную. В таком положении к университету находится Сердюков, надзор за поведением которого принадлежит местной полиции, и потому г-н попечитель просит освободить университет от обязанности иметь за Сердюковым надзор. Соглашаясь вполне с таковым отзывом г-на тайного советника Мусина-Пушкина, я имею честь сообщить об оном Вашему сиятельству [29].

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Гр. Уваров

Помітка О. Ф. Орлова: Ген[ерал]-губ[ернатору] и полиц[ии].
Помітка про одержання: 20 июня 1847.

Ч. XIII, арк. 22. Оригінал.

№ 192

1847 р. червня 24.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ГУБЕРНАТОРА Д. І. ШУЛЬГІНА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ СУВОРОГО ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА П. Я. СЕРДЮКОВИМ

Секретно

Его высокопр[евосходительст]ву Д. И. Шульгину.

24 июня 1847, № 1077.

Милостивый государь, Дмитрий Иванович!

Состоящий в С.-Петербургском университете приватным слушателем, уроженец Черниговской губ. Петр Сердюков, как оказалось при производ-

стве одного дела, принадлежит к приверженцам Украины и питает чувство нерасположения к русским, сверх того, он прежде был студентом в университетах Московском и св. Владимира, и такие частые переходы из университета в университет также наводят сомнение на его благонадежность.

Сообщая о сем Вашему высокопр[евосходительст]ву, имею честь покорнейше просить Вас м[илостивый] г[осударь] не изволите ли приказать учредить за Сердюковым, [жительствующим на Васильевском острове, по Малому проспекту, в 6 линии в доме Алексеева] секретное, но строгое наблюдение.

Примите ув[ерение] и пр[очее] [30].

Ч. XIII, арк. 23. Відпуск.

№ 193

1847 р. серпня 11.— ПОВІДОМЛЕННЯ НАЧАЛЬНИКА I ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО РЕЗУЛЬТАТИ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА П. Я. СЕРДЮКОВИМ

Секретно

Шефу жандармов, командующему императорскою Главною квартирою господину генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову.

11 августа 1847 г., № 299.

Вследствие предписания Вашего сиятельства от 24 июня за № 1078 [31], я поручал корпуса жандармов подполковнику Ракееву, иметь секретное, но строгое наблюдение за состоящим в здешнем университете приватным слушателем, уроженцем Черниговской губ. Петром Сердюковым и получив от 11 сего августа донесение подполковника Ракеева, что Сердюков ведет себя скромно, постоянно занят дома науками, и что хотя посещается студентами, но весьма редко и преимущественно для ученых упражнений и особенного за ним ничего незаметно [32], имею честь о том почтительнейше донести Вашему сиятельству.

Генерал-лейтенант Полозов.

Резолюція Л. В. Дубельта: Снять.

Помітка про одержання: 12 августа 1847

Ч. XIII, арк. 24. Оригінал.

№ 194

1847 р. серпня 15.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. I. ШУЛЬГІНА ПРО ЗНЯТТЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА П. Я. СЕРДЮКОВИМ

Сек[ретно]

Его высокопр[евосходительству] Д. И. Шульгину

15 августа 1847, № 1362

М[илостивый] г[осударь], Дмитрий Иванович!

От 24 июня № 1077 [33] я имел честь сообщить Вашему высокопревосходительству об учреждении секретного, но строгого наблюдения за приватным студентом С.-Петербургского университета Петром Сердюковым.

Получив ныне одобрительное засвидетельствование о поведении Сердюкова, имею честь покорнейше просить Ваше высокопревосходительство, не изволите ли приказать прекратить за ним означенное наблюдение.

Пр[имите] ув[ерение] и прочее.

Ч. XIII, арк. 25. Відпуск.

№ 195

1847 р. серпня 15.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. П. ПОЛОЗОВА ПРО ПРИПИНЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА П. Я. СЕРДЮКОВИМ

Его превосход[ительст]ву Д. П. Полозову

5 августа 1847, № 1364.

М[илостивый] г[осударь] Данило Петрович!

Вследствие записки Вашего превосходительства от 11 августа № 299 [34] одобрительным засвидетельствованием о поведении приватного слушате- я С.-Петербургского университета Петра Сердюкова, покорнейше прошу ׀ас приказать прекратить за ним иаблюдение.

Примите уверен[ие] и проч[ее]

Под[писал] гр. Орлов

. XIII, арк. 26. Відпуск.

№ 196

1847 р. серпня 15.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО С. С. УВАРОВА ПРО ПРИПИНЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА П. Я. СЕРДЮКОВИМ

Секретно

Его сиятельству гр. С. С. Уварову

5 августа 1847, № 1363

М[илостивый] г[осударь] гр. Сергей Семенович!

После отношении Вашего сиятельства от 19 июни № 842 [35] мною сдела- о было распоряжение об учреждении секретного, но строгого наблюдении за риватным слушателем С.-Петербургского университета Петром Сердю- овым.

Получив донесение, что Сердюков, по означенному наблюдению, ни в эм подозрительном не замечен, ведет себя скромно и постоянно занят на- ками, и с сим вместе сообщил кому следует, дабы упоминутое наблюдение ı Сердюковым было прекращено.

Долгом считаю уведомить о сем Ваше сиятельство, имею честь удосто- ерить Вас, м[илостивый] г[осударь], в истинном моем почтении и предан- эсти.

Подписал гр. Орлов

XIII, арк. 27. Відпуск.

№ 197

1847 р. грудня 24.— ПОВІДОМЛЕННЯ С. М. МУХАНОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ТЕ, ЩО В М. ХАРКОВІ ПРАПОРЩИКА ХМЕЛЬНИЦЬКОГО НЕ ВИЯВЛЕНО

Секретно

Его превосх[одительст]ву Л. В. Дубельту

24 декабря 1847 г. № 743

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Харьковский полицмейстер донес мне, что настоящее место пребывания отставного прапорщика Хмельницкого полиции не известно, а также нет никаких сведений о том, был ли он когда-либо в Харькове.

О таковом донесении майора Серебрякова имею честь уведомить Ваше пр[евосходительст]во, на отношение за № 743 [36].

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорный слуга

С. Муханов

Помітка про одержання: 7 января 1847 г.

Ч. XIII, арк. 28. Оригінал.

ЧАСТИНА ЧОТИРНАДЦЯТА

СПРАВА

О. Д. ТУЛУБА,
П. Л. АШАНІНА,
М. Х. БУШЕНА,
В. О. ІСЛАВІНА,
К. В. ВАРАДІНОВА,
Е. Е. ВІЛЬЦИНА,
Г. П. ГАЛАГАНА,
П. О. ЧУЙКЕВИЧА

№ 198

1847 р. березня 30.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ О. Д. ТУЛУБА

Вопросные пункты, данные студенту университета св. Владимира Алек-:андру Тулубу

1. Знакомы ли Вы с чиновником Николаем Гулаком, учителем Пантелей-ионом Кулишом, помещиком Полтавской губ., Гадячского уезда, Николаем Савичем и бывшим студентом Навроцким и с какого времени с каждым из них?

1. Знаком с г-ном Гулаком два года назад; с Кулишом познакомился ıри поступлении в университет, т. е. за 4 года назад и продолжал знакомст-ю до его выезда; с Савичем не знаком и не видал; с Навроцким во время /нив[ерситета] б[ыл] знаком и бывал по крайней мере в месяц раз.

Студент Александр Тулуб

2. Где именно познакомились с каждым из них?

2. Гулака первый раз увидел на обеде у Кулиша, а познакомился в ιоме его отца, у которого жил Навроцкий. С Кулишом познакомился в '. Черкассах. С Навроцким свел знакомство в аудитории на лекциях.

Александр Тулуб

3. С кем из них Вы были в особенно близких сношениях?

3. Второй год моего знакомства с Кулишом (когда жил я на Подоле) я ıасто с ним гулял по разным живописным местам города и толковали о жи-юписи. Потом, когда он уехал в Ровно учителем гимназии, я бывал в квар-ире Гулака в месяц раза два и говорили по преимуществу о философии, ıитературе, которые более меня интересовали, но в то же время, т. е. за пол-ода пред этим, беседовали о религии по отношении к философии. С Навроц-:им виделся часто на лекциях и в доме Гулака, где он жил, но дружбы не ел с ним.

Александр Тулуб

4. В чьих посторонних домах бывали еще Вы с ними?

4. С Гулаком и Навроцким, кроме одного раза на именинах у Марковиа, нигде не встречался; а с Кулишом, когда квартировал у смотрителя Иваишева, раз или два виделись праздниками.

А. Тулуб

5. Кого еще Вы встречали в обществе с поименованными лицами?

5. У Гулака раза два видел профессора Костомарова, учителя Пильикова, который, кажется, несколько недель вместе с ним жил, студентов Ιарковича, Посяду, Загурского и вольного слушателя Иноземцева, Нароцкий жил в квартире Гулака. У Кулиша не встречал никого, кроме Коомарова, Гулака, Марковича и Навроцкого, по крайней мере, не помню олее.

А. Тулуб

6. Объясните подробно, о каких преимущественно предметах бывали у 'ас с ними или у них между собою разговоры и суждения? И в каком именно ухе и направлении?

6. С Кулишом наиболее говорил о Малороссии, о народности общерускої и о славянах; потом о религии, поэзии (собственно, о поэтах Шекспие, Пушкине и Гоголе и иногда о Шевченко, которого Кулиш тогда не хваил) и истории русской. С Гулаком беседовал сначала о юриспруденции :го главном предмете занятия), о Германии, о Дерптском университете, а отом о крестьянах, поземельной собственности и обо всем, что относится политической экономии — последнее время много толковали о религии,

философии и вообще о научных предметах. С Навроцким говорили более о поэзии, журналах русских, о «Кобзаре» и «Гайдамаках» Шевченка, когда оба эти произведения не были, как мне говорили, запрещены. Дух всех разговоров наших был христианский, человеколюбивый.

А. Тулуб

7. Поясните определительнее, что у Вас говорилось о Малороссии, о народности, о произведениях Шевченка, особенно о «Кобзаре» и «Гайдамаках», о германцах или немцах вообще, о Дерптском университете, о крестьянах, о философии, о религии и вообще о предметах нравственных и политических? Из стихотворений Шевченка не известны ли Вам еще другие, кроме упомянутых?

7. Из истории Малороссии особенно говорили о бедствиях ее народа под игом поляков, о введении крестьянства, о притеснениях помещиков и [...] [1] лучшей участи крестьян под управлением министерства государствен[ных] имуществ. О народности говорили следующее: что должно восстановить язык малороссийский, забытый всеми почти дворянами, об отличительных чертах характера малороссийского, делающих честь всякому человеку, — добродушии, откровенности и любви к родине. Отсюда о поэте Шевченке, выражающем в своих произведениях — «Кобзаре» и «Гайдамаках» — эти черты и возрождающем язык забываемый. Рассуждали о характере немцев, а особенно ученых, которые чужды практического взгляда на жизнь, об их трудолюбии — со всем этим знакомил Гулак более частными примерами из жизни дерптских немцев. Об австрийцах особенно говорили по отношению к последнему их поступку в Галиции [2]; причем с негодованием отзывались о варварской политике Меттерниха. О крестьянах говорили, что благо бы было, если б государь, если нельзя освободить их вдруг, не образовавши впредь, то по крайней мере позволить им самим образоваться и выкупиться из подданства, говорили о необходимости всеобщего их образования и что поэтому всякий бы старался по своим средствам помочь им в этом деле. О философии высказывали надежды на ее успехи у славян и особенно у русских, которые примирят религию с философиею. И много других частностей научных разбирали, как-то: говорили о неокатолицизме, об учении Штрауса [3], отвергающем, как слыхали, все мифы в религии христианской и о своих сомнениях на этот счет. Стихов Шевченки читал его «Тризну» и стихи, в доме Гулака писанные, какие именно — не помню.

А. Тулуб

8. Не были ли Вы с кем из них и не состоите ли теперь в переписке?

8. Нет, ни с кем.

А. Тулуб

9. Как давно виделись и где в последний раз с каждым из них? [4]

9. С Кулишом виделся последний один раз при проезде через Киев за границу; с Гулаком перед его выездом в столицу и с Навроцким тоже перед его выездом за Днепр.

Студент А. Д. Тулуб [5]

Допрашивали:

Гражданский губернатор Фундуклей

За попечителя Киевского учебного округа М. Юзефович

Полковник Белоусов

На арк. 1 помітка канцелярії III відділення: Отношение генерал-адьютанта Бибикова генерал-адьютанту гр. Орлову от 12 апреля 1847 г. под № 1233 [6], при котором доставлены вопросные пункты студента Тулуба, находится в деле студента Посяды.

Ч. XIV, арк. 1—3 Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яті Тараса Шевченка — С. 116—119.

№ 199

1847 р. квітня 13.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО СВІДЧЕННЯ О. Д. ТУЛУБА НА ДОПИТІ В м. КИЄВІ

О показании студента Тулуба

Генерал-адъютант Бибиков доставил показание [7], снятое в Киеве с студента университета св. Владимира Тулуба.

В этом показании Тулуб объясняет, что ему не известно ни о каких злонамеренных предприятиях, что если он был знаком с Костомаровым, Кулишом, Гулаком, Марковичем, Белозерским и другими, то имел с ними разговоры об одних науках, словесности и вообще о дозволенных предметах, что о Малороссии рассуждали только в отношении доброго характера ее жителей, восстановления языка их, забытого малороссийским дворянством, что о крестьянах говорили, что «благо было бы, если б государь, в случае невозможности освободить их вдруг, не образовавши вперед, по крайней мере позволил бы им самим образовываться и выкупаться из подданства, говорили о необходимости всеобщего их образования и что поэтому всякий бы старался по своим средствам помочь им в этом деле»; что также «говорили об учении Штрауса, отвергающего все мифы в религии христианской, и о своих сомнениях на этот счет».

Самого Тулуба и никаких бумаг его не доставлено. Важных бумаг у него не оказалось, а его самого предписано было отправить в С.-Петербург в таком только случае, если у него найдутся бумаги преступного содержания.

13 апреля 1847 г.

Ч. XIV. арк. 4—5. Оригінал.

№ 200

1847 р. квітня, не раніше 13.— ВИСНОВОК III ВІДДІЛЕННЯ ПРО О. Д. ТУЛУБА

Тулуб

Студент университета св. Владимира Александр Тулуб. На него падало подозрение только потому, что Посяда, описывая неудовольствие на него студентов за Тулуба, которого он будто испортил, присовокупил, что он, Посяда, для избежания подобных сцен, удаляется от их вполне христианского общества.

Но у Тулуба в Киеве не оказалось никаких сомнительных бумаг, а сам он объяснил, что с Гулаком, Костомаровым и другими знаком был случайным образом и имел с ними одни ученые или обыкновенные разговоры, вовсе не зная об Украино-славянском обществе.

То же самое показали Костомаров и Белозерский, а прочие прикосновенные лица даже не упоминали о Тулубе.

Поэтому Тулуб не был доставлен из Киева и переписка о нем более не производилась.

Ч. XIV, арк. 6. Оригінал.

№ 201

1847 р. березня 24.— ЗАПИТ III ВІДДІЛЕННЯ ДО ВІЙСЬКОВОГО МІНІСТРА О. І. ЧЕРНИШОВА ПРО ОФІЦЕРА П. Л. АШАНІНА

Весьма секретно и нужное
Его сият[ельст]ву кн. А. И. Чернышеву

24 марта 1847 года, № 460

Милостивый государь кн. Александр Иванович!

По производящемуся делу об открываемом тайном обществе под названием Общество славян св. Кирилла и Мефодия оказывается необходимым произвести строгий осмотр бумагам у служащего в одном из поселенных полков в Херсонской губ. офицера Павла Львовича Ашанина [8], а также узнать, кто такой офицер Образцового полка, сын генерала и учившийся в Пажеском корпусе, который в сентябре 1846 г. был в Полтаве.

Согласно высочайшему государя императора повелению, имею честь покорнейше просить ваше сиятельство, не изволите ли предписать произвести секретно внезапный обыск у г-на Ашанина, осмотреть все бумаги и вещи его и если между оными окажутся бумаги, относящиеся до Славянского общества, или вообще до каких-либо политических злоумышлений, также образ св. Кирилла и Мефодия или кольцо с именами сих святых, то все таковые бумаги и вещи, тщательно опечатав, немедленно доставить в III отделение С. е. и. в. канцелярию с тем, чтобы то обстоятельство, не следует ли за г-ном Ашаниным учредить наблюдение, или содержать его под арестом, или наконец его самого доставить в С.-Петербург в III отделение под строжайшим присмотром, смотря по важности бумаг, кои будут у него найдены, предоставить усмотрению ближайшего главного начальника. Об офицере же Образцового полка, учившемся в Пажеском корпусе и бывшем в сентябре 1846 г. в Полтаве, по собрании надлежащих сведений, удостоить меня уведомлением.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XIV, арк. 7—8. Відпуск.

№ 202

1847 р. березня 24.— ДОНЕСЕННЯ ОФІЦЕРА ЖАНДАРМСЬКОГО КОРПУСУ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО М. Х. БУШЕНА

Вследствие возложенного на меня поручения его превосходительством М. М. Поповым сим имею честь почтительнейше донести вашему превосходительству, что состоявший в переменном составе Образцового пехотного полка, Азовского пехотного полка подпоручик Николай Христианович Бушен был командирован Образцовым полком в г. Полтаву, в тамошний кадетский корпус в декабре 1845 г. и находился в Полтаве по октябрь месяц 1846 г. По возвращении в Образцовый полк был он отправлен в Азовский пехотный полк, где и в настоящее время должен находиться. Бушен происхождением дворянин, сын генерал-лейтенанта и был в Пажеском корпусе, месторасположение Азовского пехотного полка и, следовательно, местопребывание Бушена есть местечко Тульчино Подольской губ.

Прапорщик [9]

24 марта 1847 г.

Помітка О. Ф. Орлова: Которого года выпущен из пажей?

Ч. XIV, арк. 9. Оригінал.

№ 203

1847 р. березня 25.— ВІДНОШЕННЯ О. І. ЧЕРНИШОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТАЄМНИЙ ОБШУК В М. Х. БУШЕНА І ДОСТАВКУ ЙОГО В III ВІДДІЛЕННЯ

Весьма секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

5 марта 1847 г., № 129

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

На отношение Вашего сиятельства № 460 [10] имею честь сообщить следующие сведения об офицерах, Вами названных.

Поручик Павел Львов Ашанин (а не Ошанин) состоит на службе в Ново-ιрхангельском уланском полку и по последним сведениям находится в тпуску.

Из офицеров, воспитывавшихся в Пажеском корпусе, находился в Полаве, в сентябре 1846 г., поручик Азовского пехотного полка Николай Хресьянов Бушен, произведенный из пажей в прапорщики в 1839 г.

Офицер сей, сын начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта ιушена, командирован был в декабре 1845 г., по распоряжению его импеаторского высочества главнокомандующего гвардейским и гренадерским орпусами, из переменяющегося состава Образцового пехотного полка в [етровский полтавский кадетский корпус для показания воспитанникам ного правил фронтовой службы.

Ныне поручик Бушен состоит в Азовском пехотном полку, располо-:енном в Подольской губ. в мест[ечке] Тульчине, налицо и командует I греадерскою ротою.

Полагая неудобным предоставить ближайшему начальству принять каие-либо меры относительно поручика Ашанина, по важности обстоятельств, ιставляющих произвести строгий осмотр его бумагам и вещам и во избежаие всякой огласки делаемому разысканию, почел я обязанностью всеподаннейше испросить высочайшее государя императора повеление на отправение в место пребывания Ашанина старшего адъютанта при дежурном генеале Главного штаба е. и. в. гвардии штабс-капитана Огарева — офицера, ιслуживающего полное доверие. Предписав ему отправиться немедленно расположение Ново-Архангельского уланского полка, произвести секрето внезапный осмотр всем бумагам и вещам поручика Ашанина и если между ими окажутся бумаги, относящиеся до какого-либо тайного общества или ɔобще до каких-либо политических злоумышлений, также образ св. Кирила й Мефодия или кольцо с именами сих святых, то, опечатав все таковые бумаги и вещи, доставить их, равно как и самого Ашанина, в С.-Петербург, III отделение С. е. в. канцелярии.

Государь император, одобрив распоряжения сии, высочайше повелеть ιизволил командировать одновременно офицера фельдъегерского корпуса ιя доставления в С.-Петербург поручика Бушена.

Исполнив высочайшую волю сию, долгом поставляю довести об этом до едения вашего сиятельства, покорнейше прося принять уверение в моем ιвершенном почтении и преданности.

Кн. А. Чернышев

оміткa О. Ф. Орлова: Нужное.

оміткa про одержання: 26 марта 1847 г.

XIV, арк. 10, 11. Оригінал.

№ 204

1847 р. квітня 16.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВУ ПРО НАСЛІДКИ ТАЄМНОГО ОБШУКУ В П. Л. АШАНІНА

О бумагах и вещах поручика Ашанина

Бумаги поручика Ашанина состоят из немногих писем от его родственников, товарищей и знакомых, в числе коих есть два письма от помещика Ивана Гулака (отца Николая Гулака), также некоторые служебные виды и счеты. Во всех бумагах нет ничего противозаконного.

Писем от Николая Гулака и ни от кого, доселе известных по делу о Славянском обществе, нет ни одного. Равно нет и того письма, в котором Гулак писал, что полагает его, Ашанина, способным мечтать сделаться когда-нибудь великим завоевателем или монархом.

Равно и в вещах Ашанина не оказалось ни кольца, ни образа во имя св. Кирилла и Мефодия.

16 апреля 1847 г.

Резолюция О. Ф. Орлова: Переговорить завтра при докладе.

Ч. XIV, арк. 12. Оригінал.

№ 205

1847 р. квітня 16.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ П. Л. АШАНІНА В III ВІДДІЛЕННІ

Вопросы, предложенные поручику Новоархангельского уланского полка Ашанину и ответы его.

16 апреля 1847 г.

1. Какого содержания было то письмо Николая Гулака, в котором он писал Вам, что полагает вас «способным мечтать сделаться когда-нибудь великим, или завоевателем, или монархом», как Вы приняли это письмо и не подавали ли сами повода ему делать о Вас такие предположения?

Письмо Николая Гулака, о котором здесь упоминается, я получил, но мысли, где он излагает о способности соделаться когда-нибудь великим, или завоевателем, или монархом не его собственная, а Казановы [11] из его записок, так как Николай Гулак и сам объяснял. Эти изречения Казановы Николай Гулак привел потому, что в то время я писал к нему о желании моем переменить род службы, перейти в военную академию и излагал ему свои надежды на успехи в новой службе. Сколько я помню и, вероятно, даже Николай Гулак, приводя мнение Казановы о том, чего человек может достигнуть при твердой и сильной воле, хотел этим поощрить меня в моем намерении переменить службу, чтобы достигать того, что каждый из служащих русскому престолу может надеяться. Особенно важного из этого письма я ничего больше не помню, и его не было.

2. По какому случаю Вы имели переписку с Николаем Гулаком и о чем, кроме означенного предмета, переписывались с ним?

Николай Гулак мне двоюродный брат, с ним вместе я взрос и учился в малолетстве; подобные-то отношения и были поводом к нашей переписке. Я от него получил всего два или три письма, не более и, кажется, он от меня столько же; писали мы о своей жизни, о занятиях, о родных своих и более ни о чем.

3. Не передавал ли Вам Николай Гулак в письмах или разговорах каких-либо политических замыслов и если передавал, то подробно объясните, в чем

они состояли, кто были его сообщниками и не были ли Вы сами увлечены в эти замыслы?

Ни в разговорах, ни в письмах Николай Гулак не передавал мне никаких политических замыслов, и сколько я знал его прежде, то никогда не мог даже подозревать его в этом.

4. Почему в бумагах Ваших нет ни одного письма от Николая Гулака, тогда как известно, что вы были с ним в переписке?

В моих бумагах нет писем Николая Гулака потому, что они не были для меня важны, и я не берег их.

Поручик Павел Ашанин

Ч. XIV, арк. 13, 14. Оригінал.

№ 206

1847 р. квітня 17.— РОЗПИСКА П. Л. АШАНІНА ПРО ЗБЕРЕЖЕННЯ ТАЄМНИЦІ СВОГО АРЕШТУ

1847 г. апреля 17 дня, я, нижеподписавшийся, сим обязуюсь никому не объявлять о том, что я был потребован в III отделение с. е. п. в. канцелярии и что бумаги мои были рассматриваемы, в противном же случае подвергаю себя строгой ответственности по законам.

Поручик Павел Ашанин

Ч. XIV, арк. 15. Оригінал.

№ 207

1847 р. квітня 18.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО О. І. ЧЕРНИШОВА ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ П. Л. АШАНІНА З-ПІД АРЕШТУ

Весьма секретно

Его сиятельству А. И. Чернышеву

18 апреля 1847, № 610

М[илостивый] г[осударь] кн. Александр Иванович!

По распоряжению вашего сиятельства, в исполнение высочайшего повеления, послан был старший адъютант при дежурном генерале Главного штаба е. и. в-ва гвардии штабс-капитан Огарев для арестования и доставления в С.-Петербург поручика Новоархангельского уланского полка Ашанина.

Вследствие сего Ашанин со всеми бумагами 15 апреля доставлен в III отделение С. е. и. [в.] канцелярии, но по рассмотрении бумаг его и по сделанным ему допросам оказалось, что он нисколько не причастен к тому делу, по которому упадало на него сомнение, и государь император высочайше повелеть соизволил: освободить Ашанина из-под ареста и выдать ему в единовременное пособие годовой оклад получаемого им жалования.

В исполнение таковой монаршей воли, освободив поручика Ашанина из-под ареста, со взятием от него подписки, что он никому не будет объявлять о допросах и рассмотрении бумаг его в III отделении и приказав ему явиться в инспекторский департамент военного министерства, имею честь покорнейше просить ваше сиятельство, не изволите ли сделать распоряжение как об обратном его отправлении, так и о выдаче пожалованных ему денег, а с тем вместе не благоугодно ли будет Вам, м[илостивый] г[осударь], сообщить ближайшему его начальству, что он совершенно не виновен в деле, по-

которому был вытребован, и чтобы случай этот не имел для него ни малейших неприятных последствий по службе. Обязываюсь также представить на благоусмотрение вашего сиятельства желание Ашанина при возвращении к месту служения побывать у своей родительницы, полагая с своей стороны, что было бы справедливо удовлетворить таковому его желанию.

Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[пись] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XIV, арк. 16, 17. Відпуск.

№ 208

1847 р. квітня, не пізніше 18.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО П. Л. АШАНІНА

Ашанин

Поручик Новоархангельского уланского полка Павел Ашанин. Из бумаг Гулака усмотрено, что он считал Ашанина «способным мечтать сделаться когда-нибудь великим, или завоевателем, или монархом».

Ашанин был вытребован в С.-Петербург, но в бумагах его не было ничего подозрительного; сам же он объяснил, что с Гулаком имел переписку единственно по родству и потому, что в малолетстве они учились вместе, что Гулак в одном письме действительно поместил мысль французского писателя Казановы, что человек, при твердой и сильной воле, может всего достигнуть; но он, Ашанин, понял это только в том смысле, что Гулак поощрял его к усердной службе и к достижению всего, чего каждый из служащих российскому престолу может надеяться, что, впрочем, он не имел ни малейшего сведения о каких-либо замыслах Гулака.

Ашанин был освобожден из-под ареста со всемилостивейшим пожалованием ему годового оклада жалованья, а военному начальству сообщено, дабы случай истребования Ашанина в С.-Петербург не имел для него никаких неприятных последствий по службе.

Ч. XIV, арк. 18, 19. Оригінал.

№ 209

1847 р. квітня 7.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА III ВІДДІЛЕННЯМ ПРАПОРЩИКУ ФЕДОТОВУ НА ДОСТАВЛЕНОГО ДО ПЕТЕРБУРГА ПОРУЧИКА М. Х. БУШЕНА І ЙОГО РЕЧІ

Квитанция

Поручик Азовского пехотного полка Бушен, доставленный из м[естечка] Красного, Подольской губ., г-ном прапорщиком фельдъегерского корпуса Федотовым, принят в III отделение С. е. в. канцелярии, со всеми бумагами, вещами ему, Бушену, принадлежащими и деньгами 40 руб. 90 $^{3}/_{4}$ коп. сереб[ром] и 20 польских злотых.

Апреля 7 дня 1847 г.

Подписал надворный советник Нордстрем
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XIV, арк. 20. Відпуск.

№ 210

1847 р. квітня 7.— ДОПОВІДЬ III ВІДДІЛЕННЯ МИКОЛІ I ПРО АРЕШТ ПОРУЧИКА М. Х. БУШЕНА

О поручике Бушене

Фельдъегерского корпуса прапорщик Федотов привез из м[естечка] Красного, близ Тульчина, Азовского пехотного полка поручика Бушена, оказавшегося прикосновенным к делу о Славянском обществе.

Всеподданейше докладывая о сем Вашему императорскому величеству, имею счастье присовокупить, что в III отделении Собственной Вашего величества канцелярии приступлено к разбору бумаг и вещей его.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно с подлинным: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

' апреля 1847 г., № 48.

Помітка: На подлинном собственною его величества рукою написано карандашом: «Ежели что важное будет открыто, прислать мне сегодня же».

' апреля 1847 г.

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

I. XIV. арк. 21. Копія.

№ 211

1847 р. квітня 7.— ДОПОВІДЬ Л. В. ДУБЕЛЬТА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ДОСТАВКУ В III ВІДДІЛЕННЯ ПОРУЧИКА М. Х. БУШЕНА

В исполнение высочайшей резолюции на докладе Вашего сиятельства о доставленном в С.-П[етер]бург поручика Бушена: «Ежели что важное будет открыто, прислать мне сегодня же»,— были усилены все меры к поспешнейшему и с тем вместе самому внимательному рассмотрению бумаг и вещей Бушена.

Бумаги его состоят из множества писем, наиболее от родителей, братьев и сестер его и самая меньшая часть от офицеров-сослуживцев. Первые описывают одни домашние дела, последние — извещали его о перемещениях и наградах сослуживцев, о театрах, балах и подобных предметах. У Бушена все письма расположены по годам и обращено было особенное внимание на 1846 г., т. е. на тот год, когда он находился в Полтаве, но письма и этого года точно такого же содержания, как прочих, и не заключают в себе ничего особенного. В одном только письме, от брата его Алексея, просят его, Бушена, о присылке книги «Les mémoires d'un maître d'armes» [12], книга эта запрещенная.

В прочих бумагах Бушена находятся списанные им разные стихотворения Пушкина, Лермонтова, Козлова, Бенедиктова и других писателей, также история русской литературы, лекции к словесности, выписки из церковной истории и разных исторических сочинений.

Книги его состоят из стихотворений, романов, учебных руководств духовного содержания, напр.: молитвенники, «О подражании Христу» и проч[ее].

Между вещами его не оказалось ни кольца, ни образа св. Кирилла и Мефодия.

Вообще в бумагах Бушена и вещах его нет ничего ни запрещенного, ни сомнительного. Даже нигде не упоминается об именах Гулака, Кулиша,

Белозерского, Навроцкого и ни об одном из тех лиц, кои значатся в деле о Славянском обществе.

Генерал-лейтенант Дубельт

7 апреля 1847 г.

Помітка А. Ф. Орлова: После сего приготовляются Бушену вопросные пункты.

Ч. XIV, арк. 22, 23. Оригінал.

№ 212

1845 р. лютого 9.— ЛИСТ О. Х. БУШЕНА ДО БРАТА М. Х. БУШЕНА ПРО ОСОБИСТІ СПРАВИ

9 февраля 1845 г., Нежин

Я опять спокоен любезный друг и брат, все истории кончились, мировая с мужем заключена, и вот уже третий день, что он уехал по делам в Чернигов, ждали его вчера, ждут сегодня, но до сих пор его нету. Я провожу у нее каждый день по нескольку часов, или утром, или вечером, и, к нашему счастью, мы всегда бываем одни. Бедная, бедная женщина! Ты не поверишь, мой друг, как она стала для меня жалка,— на днях она со слезами говорила мне о своем ужасном положении в свете, что она не имеет защитника, который оправдал бы ее в глазах людей и злых языков; муж ее бросает на каждом шагу, удирает играть в карты, а потому невольно он ей становится противен, конечно, немудрено, что молодая женщина невольно привяжется к тому, кто принимает в ней живое участие, можно сказать, что она мне отдалась совершенно, все тайны свои она не скрыла от меня, все, что с нею случалось до сих пор, подробности своей свадьбы, одним словом, она обо всем мне говорила и надо ее видеть, с каким восторгом выражает она свои чувства. Нет, мой друг, эта женщина редкая; а как счастлива она, когда ей скажешь, что любишь ее, боже мой! она со слезами благодарит всегда за мою любовь и привязанность. Боже мой! Зачем я не знал ее три года тому назад. Но перестану об этом, тебе не очень весело слушать рассказы влюбленного, ты не испытал этого чувства, а потому не можешь понять моего восторга. Теперь будет до тебя просьба, мой друг: сделай одолжение — перешли по почте, только поскорее, мои книги французские, которые у тебя, в особенности «Les mémoires d'un maître d'armes» [13], le «Capitaine Paul» [14], «La famille Goga» [15], также и остальные, которые ты прочел, это все для нее, мой друг, сделай дружбу, перешли их. Также купи мне кокарду на каску, она стоит 1 руб. 50 коп. сер[ебром] и перешли ее также, только напиши, как она прицепляется и с какой стороны. Еще у меня будет просьба: если у тебя есть лишние деньги, то запишись на мое имя на новый журнал «Иллюстрация» [16], издаваемая под редакцией Кукольника [17], на целый год подписка стоит с пересылкой 10 руб. сереб[ром], если подпишутся до первого марта, если позже, то 40 руб. сер[ебром]; можно подписаться у Ольхина в магазине на Невском проспекте, против Аничкина дворца. Если Шрейдерс тебе будет писать, чтобы деньги, оставшиеся от воротника, переслать сюда, то ты их удержи и употреби для меня, а я ему отдам; и когда будешь записываться, то скажи, чтобы они мне сами отсылали на мое имя, прямо в Нежин, это скорее и вернее. Я же тебе возвращу деньги перед отъездом моим в Одессу непременно, только не поцеремонься, а напиши, можешь ли ты это сделать. Прощай, мой друг, все тебя целуют, у нас все здоровы; папенька с Митею уехали в Го[...]ень на экзамен, для которого Митю потребовали; целую тебя много раз и остаюсь тебе милым

брат и друг Алексей Бушен

Помітка М. Х. Бушена про одержання: Получ[ено] 18 февраля.

Ч. XIV, арк. 24, 25. Оригінал.

№ 213

1847 р. квітня 8.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ М. Х. БУШЕНА В III ВІДДІЛЕННІ

Вопросы, предложенные поручаку Бушену, и ответы его

8 апреля 1847 г.

Каким образом в 1846 г., находясь в Полтаве, Вы познакомились с бывшим студентом Киевского университета Василием Белозерским?

По прибытии его в г. Полтаву действительно познакомился с ним, как был вообще знаком с большею частью преподавателей кадетского корпуса.

Не открывал ли он Вам каких-либо мыслей и намерений о соединении всех славянских племен, о восстановлении самобытности Малороссии, о составленном по этому случаю тайном обществе и вообще о политических замыслах и если открывал, то подробно объясните все его разговоры по означенным предметам и не были ли Вы сами увлечены в его замыслы?

Мыслей и намерений о соединении славянских племен он мне никогда не открывал. Сколько могу припомнить, говорил, что будто бы существует за границею общество, имеющее целью распространение образования и изучения славянских языков, и поэтому бедным молодым людям, не имеющим средств образовать себя, готово было помогать деньгами, и что будто бы одному помещику (фамилии его не назвал) общество по одному только письму его выслало для детей гувернера за самую дешевую цену; более же ничего от него не слыхал. Говорил также, что имеет намерение поехать за границу по прошествии двух лет или менее, не припомню, для изучения славявских языков, а будто бы и теперь ими занимается. О восстановлении самобытности Малороссии и тайном обществе никогда ни от него, ни от кого не слыхал. Говорил он с большим восторгом о распространении просвещения в Малороссии через учреждение многих учебных заведений; приписывая это одной только любви его к народному просвещению, никогда не подозревая, чтобы он принадлежал к какому-нибудь тайному обществу, и решительно не зная никаких его замыслов, не могу быть сам в них увлечен.

Почему Белозерский в одном письме объяснял, что «Вы в несколько свиданий довольно с ним сблизились; что он слышал от Вас дельные мысли, высказанные со скромностью человека, который только начинает учиться; что Вы были у него перед выездом и прощались так, как будто непременно когда-нибудь увидитесь и доскажете то, чего не высказали вполне; что Вы обещали серьезнее заниматься в Петербурге, чем в Полтаве, хотя у Вас и там даже была библиотека; что от Вас можно ожидать, что со временем Вы, несмотря на разного рода искушения, переведете слова в дело, тогда как большая часть ограничивается только словами.

Что я довольно сблизился с Белозерским, может быть, он заключил из того, что в продолжении весьма короткого времени, проведенного мною при нем в Полтаве, найдя в нем, как мне казалось по малому еще знакомству, человека умного, образованного, был у него два или три раза, не припомню наверное. Что касается до мыслей, слышанных им как будто от меня, желал бы вспомнить их и с совершенною откровенностью высказать теперь, они никогда не могли заключать в себе чего-либо противного законам или каких-нибудь тайных замыслов, но решительно не могу их припомнить. Перед выездом из Полтавы действительно был у него и говорил, что, может быть, в скором времени опять увидимся, имея надежду остаться на службе в Образцовом пехотном полку и года через два или три приехать опять в Петровский полтавский кадетский корпус и тогда познакомиться с ним короче, но он еще отвечал мне на это: «Вряд ли застанете меня здесь, я сюда приехал не

надолго, намерение мое в скором времени ехать за границу». Обещания серьезнее заниматься в Петербурге я ему никогда не давал, а говорил, что чувствуя себя не вполне образованным, намерен в случае, ежели останусь на службе в Образцовом пехотном полку, и, имея там более к тому средств, в свободное время заниматься более чтением книг, а преимущественно военных, так как посвятил себя этому поприщу, и исторических, почему он советовал мне читать сочинения: Устрялова, Лоренца и Беккера. Ежели можно назвать самое малое число книг библиотекою, то действительно они были у меня в Полтаве, не более десяти, как припоминаю.

Может быть, видя твердое мое намерение больше образовать себя, с тем чтобы быть истинно полезным на службе государю моему и отечеству, или по крайней мере удержать те познания, которые я имел счастье по милостям монарха получить в одном из первых военно-учебных заведений, он выразился, что я переведу слова в дело не так, как другие, т. е. выполню намерение свое образовать себя более, иначе никак не могу объяснить, по какому поводу он написал их, но про какие разного рода искушения упоминает он, решительно не постигаю, ручаюсь за себя, что никогда не слыхал о существовании какого-либо тайного общества, не знал никаких замыслов Белозерского и что только мог припомнить, все высказал с истинною откровенностью.

Поручик Бушен

Резолюція О. Ф. Орлова: Спросить у Ростовцова [18], не значится ли Белозерский в преподавателях в Полтавском кадетском корпусе.

Ч. XIV, арк. 26—28. Оригінал.

№ 214

1847 р. квітня 10.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА Х. М. БУШЕНУ ПРО АРЕШТ ЙОГО СИНА М. Х. БУШЕНА, ЗАПІДОЗРЕНОГО В УЧАСТІ У КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОМУ ТОВАРИСТВІ

Его превосход[ительству] Х. Н. Бушену

10 апреля 1847 г.

М[илостивый] г[осударь] Христиан Николаевич!

Сын вашего превосходительства поручик Азовского пехотного полка Николай Бушен по высочайшему повелению доставлен в С.-Петербург в III отделение С. е. и. в. канцелярии.

Спешу успокоить ваше превосходительство, что, судя по его собственным объяснениям и соображению оных с прочими обстоятельствами, я несомненно надеюсь, что подозрение, упадавшее на него, совершенно уничтожится и долгом считаю удостоверить Вас, м[илостивый] г[осударь], что я употреблю все мое старание, чтобы дело о нем кончено было в поспешнейшем времени и чтобы при возвращении его к месту служения настоящий случай не имел для него ни малейших неприятных последствий.

Пользуясь случаем удостоверить ваше превосходительство в чувствах моего истин[ного] к Вам почте[ния] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XIV, арк. 29. Відпуск.

№ 215

1847 р. квітня 18.— СВІДЧЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО У III ВІДДІЛЕННІ ПРО ЙОГО ЗНАЙОМСТВО З ПОРУЧИКОМ М. Х. БУШЕНОМ

Вопрос, предложенный бывшему учителю Белозерскому

18 апреля 1847 г.

В письме Вашем к Николаю Гулаку Вы писали: «К счастью в Полтаве я не заслуживаю упрека, веду жизнь уединенную, посещаю не многих и стараюсь, чтобы моя беседа имела содержание. Я здесь нашел несколько благородно мыслящих людей, которые весьма были бы полезны, если бы их не одолевал страх. Самое положение их поддерживает в них весьма естественно это чувство. Но я до сих пор жалею, что должен был расстаться с одним из молодых умных и благородно действующих людей. Он был прислан из Образцового полка, но когда я с ним познакомился, то уже оканчивался срок пребывания его в Полтаве. Он сын генерала и воспитывался в Пажеском корпусе, его ожидает хорошая карьера. Я слышал от него дельные мысли, высказанные со скромностью человека, который только начинает учиться. Он был у меня перед отъездом, и мы прощались так, как будто непременно когда-нибудь увидимся и доскажем то, что не высказали вполне. Он обещал серьезней заниматься в Петербурге, чем здесь, хотя и здесь даже у него была библиотека. Но я должен с горестию признаться, что это единственный человек, от которого можно ожидать, что со временем он, несмотря на разного рода искушения, переведет слова в дело. Большая же часть ограничивается только словами».

Объясните смысл этого письма и в чем состояли ожидания Ваши от поручика Бушена?

Жизнь моя в Полтаве была сообразна с тою обязанностью, которую я на себя принял. Я должен был преподавать кадетам Петровского корпуса науку, одушевленную нравственными истинами, которые могли бы им быть полезны. Посему я старался, во-первых: чтобы мое знание преподаваемого предмета было твердо, во-вторых: чтобы между моими мыслями, произносимыми среди учеников в классе, и жизнью, которую я веду за классом, не было противоречия. Для этого я должен был посещать редко светские общества и не заводить многих знакомств, наконец, заботиться о том, чтобы разговоры мои не были наполнены мелочами, а, напротив, заключали бы какую-либо добрую мысль или чувство. В Полтаве я нашел общество, какое обыкновенно бывает на провинции, отдаленной от центра гражданской и умственной деятельности. Но в корпусе были учителя, занимавшиеся с любовью своим предметом, и офицеры, из коих некоторые были тоже преподавателями и по своей обязанности были сближены ко мне. Так как я жил более уединенно и не принимал прилежного участия во многих светских занятиях, то, естественно, это приводило к вопросам: почему я не был там-то, зачем так много занимаюсь? Далее, преподавание кадетам было для меня ново, и потому я просил более опытных наставить меня в том, каким образом мне следует вести себя. Это составляло предмет разговоров и вело к тому, что иное принимал, а с другим был не согласен; с одним из моих суждений соглашались, а другое отвергали. Многие видели, что обязанность учителя и всякого члена общества в отношении к другим гораздо важнее, чем кажется и чем обыкновенно принято; что на многое следует смотреть внимательнее и серьезнее, и необходимо изменить несколько свой образ жизни; но это казалось трудным потому, что ко многому слишком привыкли, и если бы захотели изменить свой образ жизни, то на них будут недовольны и т. д., так что мысли и дела их двоились, и они, несмотря на правильность своих понятий

и суждений, не могли привести их в исполнение из боязни сделаться смешными и произвести в некоторых неудовольствие. Многие из них не имели независимого состояния и для сбережения тех выгод, которыми пользовались в обществе, должны были покоряться всем его требованиям.

Но мне было отрадно встретиться с молодым офицером г-ном Бушеном, который казался человеком характера основательного и более самостоятельного и старался как можно меньше терять времени попусту. Он высказывал мысли, касающиеся воспитания и обращения с кадетами и тех занятий, в которых светское общество проводит время. Он говорил с сожалением о том, что отдален от Петербурга и не имеет возможности заниматься науками серьезнее. В его словах видна была душа с благородными, нравственными понятиями, а в его скромном, но постоянном характере видно было ручательство, что он приведет свои добрые мысли и намерения в исполнение. Такой смысл заключается в словах: «это единственный человек, от которого можно ожидать, что он, несмотря на разного рода искушения (представляющиеся в жизни молодому человеку), переведет слова в дело».

Бывший преподаватель Петровского кадетского корпуса Вас. Белозерский

Ч. XIV, арк. 30—32. Оригінал.

№ 216

1847 р. квітня 18.— ЗАПИС ОЧНОЇ СТАВКИ М. Х. БУШЕНА З В. М. БІЛОЗЕРСЬКИМ

На очной ставке, данной 18 апреля 1847 г. дворянину Белозерскому и поручику Бушену, они показали:

Белозерский

В письме моем к Гулаку я отзывался с похвалою о поручике Бушене единственно в том смысле, что действительно считал его человеком умным, занимающимся полезною деятельностью, и под словами моими решительно ничего преступного не подразумевал тем более, что ни я Бушену, ни он мне не передавали никаких мыслей и суждений, кроме самых обыкновенных, относящихся до Полтавы или до наук.

Бывший преподаватель Петровского кадетского корпуса Вас. Белозерский

Бушен

Между нами не происходило никаких разговоров, кроме самых обыкновенных, я не подал никакой причины Белозерскому надеяться на меня в каком бы то ни было дурном деле, и мне совершенно неизвестно, почему он писал обо мне в выражениях, навлекших на меня сомнение.

Поручик Бушен

Резолюция: Выпустить. Граф Орлов.

Ч. XIV, арк. 33. Оригінал.

№ 217

1847 р. квітня 19.— РОЗПИСКА М. Х. БУШЕНА ПРО ЗБЕРЕЖЕННЯ ТАЄМНИЦІ СВОГО АРЕШТУ

1847 г. апреля 19 дня я, нижеподписавшийся, сим обязуюсь никому не объявлять о том, что я был потребован в III отделение С. е. и. в. канцелярии и что бумаги мои были рассматриваемы; в противном же случае подвергаю себя строгой ответственности по законам.

Азовского пехотного полка поручик Бушен

Ч. XIV, арк. 34. Оригінал.

№ 218

1847 р. квітня 19.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО О. І. ЧЕРНИШОВА ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ М. Х. БУШЕНА З-ПІД АРЕШТУ

Весьма секретно

Его сият[ельст]ву кн. А. И. Чернышеву

19 апреля 1847, № 626

М[илостивый] г[осударь] кн. Александр Иванович!

По распоряжению вашего сиятельства, в исполнение высочайшего повеления, в С.-Петербург доставлен поручик Азовского пехотного полка Бушен со всеми его бумагами.

По рассмотрению в III отделении С. е. в. канцелярии означенных бумаг, равно по сделанным допросам и очной ставке оказалось, что г-н Бушен нисколько не причастен к тому делу, по которому падало на него сомнение, и государь император высочайше повелеть соизволил: освободить упомянутого офицера из-под ареста и выдать ему в единовременное пособие годовой оклад получаемого им жалованья.

В исполнение таковой монаршей воли, освободив поручика Бушена из-под ареста со взятием от него подписки, что он никому не будет объявлять о допросах и рассмотрении бумаг его в III отделении, и приказав ему явиться в инспекторский департамент военного министерства, имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство, не изволите ли сделать распоряжение как об обратном его отправлении, так и о выдаче пожалованных ему денег, а с тем вместе не благоугодно ли будет Вам, м[илостивый] г[осударь], сообщить ближайшему его начальству, что он совершенно не виновен в деле, по которому был вытребован и чтобы случай этот не имел для него ни малейших неприятных последствий по службе.

Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XIV, арк. 35, 36. Оригінал.

№ 219

1847 р. квітня, не пізніше 19.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО М. Х. БУШЕНА

Бушен

Поручик Азовского пехотного полка Николай Бушен. Белозерский в письме к Гулаку после суждений о том, что в Полтаве он нашел несколько благородно мыслящих людей, которые были бы весьма полезны, если бы их не одолевал страх, присовокупил, что только от Бушена «образованного, единственного человека, он слышал дельные мысли, и можно ожидать, что Бушен, со временем, несмотря на разного рода искушения, переведет слова в дело».

Бушен был вытребован в С.-Петербург, но из допросов [19] и очной ставки с Белозерским [20] оказалось, что последний под обыкновенными малороссиянам пышными и преувеличенными выражениями ничего не разумел, кроме искренних похвал Бушену, как достойному молодому человеку, и что Бушен не имел никакого сведения об идеях славянистов.

Бушен был освобожден из-под ареста со всемилостивейшим пожалованием ему годового оклада жалованья, а военному начальству сообщено, дабы случай доставления Бушена в С.-Петербург не имел для него ни малейших неприятных последствий по службе.

Ч. XIV, арк. 37, 38. Оригінал.

№ 220

1847 р. квітня 18.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО НАМІСНИКА ЦАРСТВА ПОЛЬСЬКОГО І. Ф. ПАСКЕВИЧА-ЄРИВАНСЬКОГО[21] ПРО НЕПРИЧЕТНІСТЬ ОФІЦЕРІВ П. Л. АШАНІНА І М. Х. БУШЕНА ДО КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Весьма секретно

Его светлости кн. И. Ф. Варшавскому

18 апреля 1847 г., № 615

М[илостивый] г[осударь] кн. Иван Федорович!

В дополнение отношения моего за № 609 имею честь уведомить вашу светлость, что по делу о Славянском обществе, к счастью, падало сомнение и то весьма слабое только на двух военных: поручика Новоархангельского Уланского полка Павла Ашанина и поручика Азовского пехотного полка Николая Бушена, которые по высочайшему повелению были истребованы в С.-Петербург, но и они, по произведении им допросов и рассмотрении бумаг их, оказались совершенно не причастными к упомянутому делу; по сему о возвращении Ашанина к месту его служения мною уже сообщено г-ну военному министру с тем, чтобы означенный случай не имел для него ни малейших неприятных последствий по службе; а равно в скором времени будет возвращен и Бушен, который приостановлен здесь только в ожидании одного лица для очной ставки, но мною уже послано успокоительное письмо к родителю его — начальнику 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Бушену; более же из военных ни один не был прикосновен к делу о Славянском обществе.

С отличным уважением и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XIV, арк. 39, 40. Відпуск.

№ 221

1847 р. квітня 2.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА ДЕРЖАВНОГО МАЙНА П. Д. КИСЕЛЬОВА ПРО АРЕШТ ЧИНОВНИКА МІНІСТЕРСТВА В. О. ІСЛАВІНА

Весьма секретно и нужное

Его сият[ельст]ву гр. П. Д. Киселеву

2 апреля 1847 г., № 519

М[илостивый] г[осударь] гр. Павел Дмитриевич!

В одном из департаментов министерства государственных имуществ служит чиновник Иславин.

По встретившейся чрезвычайной надобности имею честь покорнейше просить ваше сиятельство, не изволите ли приказать немедленно и внезапно

рестовать г-на Иславина со всеми его бумагами и вещами и вместе с оными оставить под строжайшим присмотром в III отделение С. е. в. канцелярии. Ιримите уверение в истинном моем уважении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

:. XIV, арк. 41. Відпуск.

№ 222

1847 р. квітня 3.— ДОНЕСЕННЯ ПІДПОЛКОВНИКА РАКЕЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ДОСТАВКУ ЗААРЕШТОВАНОГО В. О. ІСЛАВІНА В III ВІДДІЛЕННЯ

Приемлю честь доложить вашему превосходительству, что взятый мною присутствии г-на действительного статского советника Холодовского г-н итулярный советник Иславин, со всеми принадлежащими ему бумагами, нигами и некоторыми мелкими вещами сдан в III отделение С. е. в. канелярии дежурному чиновнику г-ну Тихомирову.

Подполковник Ракеев

апреля 1847 г., Канцелярия.

. XIV, арк. 42. Відпуск.

№ 223

1847 р. квітня 3.— ОПИС РЕЧЕЙ, ВІДІБРАНИХ У В. О. ІСЛАВІНА ПІД ЧАС АРЕШТУ

Число вещей, принадлежащих г-ну титулярному советнику Владимиру Іславину, чиновнику Министерства государственных имуществ, запечатаных его печатью и действительного статского советника Холодовского,

Портфель желтой кожи с бумагами, бумажный картон с бумагами, три ожаных чемодана с вещами, книгами и бумагами под № 1, 2, и 3.

Две связки книг, сочиневие о самоедах.

Погребец с тюленьей кожи, в салфетке корзинка с вещами.

Особый старый чемодан с бумагами и книгами без номера.

Действительный статский советник К. Холодовский

Подполковник Ракеев

Титулярный советник В. Иславин

апреля 1847 г.

. XIV, арк. 43. Оригінал.

№ 224

1847 р. квітня 3.— ПОВІДОМЛЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО АРЕШТ В. О. ІСЛАВІНА І РОЗГЛЯД ЙОГО ПАПЕРІВ

Г-н Иславин арестован. Более часа мы рассматриваем его бумаги, их ного, но подозрительной нет ни одной; большая часть его бумаг заключает себе отчеты по ревизии Управления самоедов в Архангельской губ., сочиение о роде их жизни и обычаев и несколько писем от отца, брата и зятя родгвенного содержания. Вещей его еще не пересматривали, но ежели в ве-

щах и в бумагах ничего подозрительного на найдем, то позволите ли, ваше сиятельство, отпустить его?

Дубельт

3 апреля 1847 г.

Резолюція О. Ф. Орлова: Не только можно, но должно отпустить и вместе с сим написать г-ну Киселеву.

Ч. XIV, арк. 44. Автограф.

№ 225

1847 р. квітня 3.— РОЗПИСКА В. О. ІСЛАВІНА ПРО ЗБЕРЕЖЕННЯ ТАЄМНИЦІ СВОГО АРЕШТУ

1847 г. апреля 3 дня я, нижеподписавшийся, сим обязуюсь никому не объявлять о том, что я был потребован в III отделение С. е. и. в. канцелярии и что бумаги мои были рассматриваемые, в противном же случае подвергаю себя строгой ответственности по законам

Титулярный советник Иславин

Ч. XIV, арк. 45. Оригінал.

№ 226

1847 р. квітня 4.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО НЕПРИЧЕТНІСТЬ В. О. ІСЛАВІНА ДО КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Иславин

3 апреля в 5 часов вечера доставлен в III отделение столоначальник I департамента государственных имуществ титулярный советник Владимир Иславин со всеми его бумагами и вещами.

В вещах и бумагах его, по самом внимательном рассмотрении оных, не оказалось ничего подозрительного. Переписку он вел преимущественно с родителем своим, отставным гвардии капитаном Александром Михайловичем Иславиным, который жительствует попеременно то в Москве, то в поместье своем в Тульской губ. Находится у него еще несколько писем от братьев, сестер, зятя (управляющего Пермскою палатою государственных имуществ Кузьминского) и самое меньшее число писем от разных знакомых. Содержание этих писем или родственное, или относится до обыкновенных случаев жизни переписывающихся лиц и не наводит ни малейшего подозрения ни в каком политическом отношении. Не только имен Кулиша, Савича, Белозерского и других, видимых из дела о Славянском обществе, но вовсе нет писем ни из западных губерний, ни из Малороссии.

Большая же часть бумаг г-на Иславина относится до его службы и ученых занятий. Он был послан своим начальством в Архангельскую губ. для устройства быта самоедов. Пробыв там 7 месяцев, он представил начальству огромный отчет, из которого потом составил и напечатал книгу о самоедах, описав их образ жизни, поверья, нравы, ремесла и разные занятия. Множество бумаг по этому предмету доказывает, что все внимание его употреблено было на службу и литературный труд, проистекший из тех же служебных занятий. Еще находятся у него начатки словаря по лесоводству и другие бумаги, показывающие его не мечтательную, но полезную деятельность.

Между вещами его нет ни кольца, ни образа во имя св. Кирилла и Мефодия и вообще ничего, относящегося к делу о Славянском обществе.

Из разговоров Иславина видно, что он, как великороссиянин, нимало не занят мыслями о Малороссии, а равно в труды его не входят никакие предметы, относящиеся до славянских племен.

Гулак был знаком с ним только потому, что они в одно время учились в Дерптском университете и бывал у него и в С.-Петербурге несколько раз, но не вел никаких разговоров, кроме самых обыкновенных, и ему, Иславину, вовсе не известно, занимается ли Гулак какими-либо особенными идеями.

Иславин знает и столоначальника департамента железных дорог Егора Егоровича Вильцина, который также учился с ним в Дерптском университете. По отзыву Иславина, Вильцин предан своей должности, любит еще музыку, всегда был человеком отличной нравственности и далеким от всяких подозрительных действий.

Иславил просил еще возвратить ему отданные им для прочтения Гулаку переплетенную тетрадь и несколько листов, содержащие в себе путевые заметки его, Иславина, и самоедские сказки. Эти тетрадь и листы действительно находятся между отобранными у Гулака бумагами.

Иславин в половине 10 часа того же вечера, апреля 3, отпущен из III отделения, и от него взята подписка, что он никому не будет объявлять ни о бытности его в III отделении, ни об осмотре бумаг его.

Помітка: Граф читал 4 апреля.

Ч. XIV, арк. 46—49. Оригінал.

№ 227

1847 р. квітня 4.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО П. Д. КИСЕЛЬОВА ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ З-ПІД АРЕШТУ В. О. ІСЛАВІНА ЗА ВІДСУТНІСТЮ ДОКАЗІВ ЙОГО ПРИЧЕТНОСТІ ДО КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Его сиятельству гр. П. Д. Киселеву

4 апреля 1847 г., № 527

М[илостивый] г[осударь] гр. Павел Дмитриевич!

Столоначальник I департамента государственных имуществ титулярный советник Иславин, об арестовании которого я относился к вашему сиятельству [22], был доставлен в III отделение С. е. и. в. канцелярии со всеми его бумагами и вещами.

По самом строгом и внимательном рассмотрении бумаг и вещей г-на Иславина оказалось, что в оных не заключается ничего подозрительного. Кроме писем от ближних родственников и немногих знакомых, содержания самого обыкновенного, огромное количество бумаг его состоит из отчета по исполнению поручения, которое было возлагаемо на него министерством государственных имуществ, об устройстве самоедов, сочинения уже напечатанного, в котором он описывает образ жизни, поверья, нравы, ремесла и разные за[нятия] самоедов. Кроме того, им приготовлялись материалы для словаря по лесоводству. Словом, бумаги г-на Иславина не только не заключают в себе ничего сомнительного, но доказывают, что все внимание его устремлено на службу и на литературные труды, проистекающие из тех же служебных занятий.

Равным образом и все объяснения г-на Иславина совершенно уничтожили то сомнение, вследствие которого сделано было распоряжение на счет его арестования, а потому он со всеми бумагами и вещами немедленно отпущен из III отделения, со взятием, впрочем, от него подписки, чтобы он никому не объявлял ни о бытности его в III отделении, ни об осмотре бумаг его.

Поспешая уведомить о сем ваше сиятельство и покорнейше прося Вас, м[илостивый] г[осударь], не лишать г-на Иславина благосклонного внимания и удостоить, чтобы случай этот не имел для него никаких неприятных последствий, долгом считаю присовокупить, что обо всем вышеизложенном, будет доведено мною и до высочайшего сведения гос[ударя] императ[ора].

Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XIV. арк. 50: 51. Відпуск.

№ 228

1847 р. березня 28.— ПОВІДОМЛЕННЯ ОБЕР-АУДИТОРА ЄЛІСЕЄВА III ВІДДІЛЕННЮ ПРО ВІДВІДУВАННЯ КВАРТИРИ М. І. ГУЛАКА К. В. ВАРАДІНОВИМ

В квартиру вдовы Плаксиной, у коей квартировали Гулак, приходил в первый день пасхи 23 марта какой-то Варадинов и спрашивал Гулака, он лет 40, низкого роста с очками, судя по одеянию, человек небогатый. На вопрос Плаксиной: на что ему Гулак? — Варадинов отвечал, что пришел поздравить его с праздником; получив же ответ, что она не знает, где Гулак, Варадинов ушел от нее, не говоря более ничего о Гулаке. Что за лицо Варадинов, Плаксина не знает; однако же он приходил к Гулаку и прежде сего три раза до взятия сего последнего под арест и всегда упрекал Гулака, что нанял дурную квартиру, а о прочем разговора их не слыхала. Сей Варадинов (по сказанию его) квартирует по Мойке в доме Эгермана.

Обер-аудитор Елисеев

28 марта 1847 г.

Резолюція Л. В. Дубельта: Узнать об нем.

Ч. XIV, арк. 5?. Оригінал.

№ 229

1847 р. квітня, не пізніше 1.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПОВІТОВОГО ВЧИТЕЛЯ К. В. ВАРАДІНОВА

Варадинов

31 марта [В] III отделение С. е. и. в. канцелярии был истребован со всеми бумагами посещавший коллежского секретаря Гулака бывший студент Дерптского университета Козьма Васильевич Варадинов.

Варадинов, сын купца Полтавской губ., 27 лет от роду, показал, что приехал в С.-Петербург в декабре 1845 г. для приискания должности учителя в одном из уездных училищ, но на все просьбы получал отказы в министерстве народного просвещения потому, что на означенные места весьма много имеется в виду других кандидатов. Поэтому он предполагает отправиться из С.-Петербурга в Киевский или Харьковский учебные округи для приискания себе там должности. Он жил на счет матери, которая присылает ему на содержание деньги. С Гулаком он был знаком еще в Дерпте, а потому и здесь несколько раз посещал его, по старому знакомству, но не имел с ним никаких разговоров, кроме самых обыкновенных.

В книгах и бумагах его не заключается ничего подозрительного: книги и тетради учебные, по части математики, географии и проч[ие], письма толь-

ко от брата и зятя родственного содержания, более же нет ни от кого писем и вообще никаких замечательных бумаг.

Посему Варадинов со всеми его бумагами отпущен из III отделения.

I. XIV, арк. 53, 54. Оригінал.

№ 230

1847 р. квітня 1.— РОЗПИСКА К. В. ВАРАДІНОВА ПРО ЗБЕРЕЖЕННЯ ТАЄМНИЦІ СВОГО АРЕШТУ

1847 г. апреля 1 дня я, нижеподписавшийся, сим обязуюсь никому не объявлять о том, что я был потребован в III отделение С. е. в. канцелярии и что бумаги мои были рассматриваемы, в противном же случае подвергаю себя строгой ответственности по законам.

Уездный учитель Козьма Варадинов

I. XIV, арк. 55. Оригінал.

№ 231

1847 р. квітня 2.— ЗАПИТ О. Ф. ОРЛОВА ДО ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ОБЕР-ПОЛІЦМЕЙСТЕРА С. О. КОКОШКІНА ПРО МІСЦЕ ПРОЖИВАННЯ КОЛИШНЬОГО СТУДЕНТА ДЕРПТСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ Є. Є. ВІЛЬЦИНА

Весьма секретно и нужное

Его превосход[ительст]ву С. А. Кокошкину

апреля 1847 г., № 520

М[илостивый] г[осударь] Сергей Александрович!

По встретившейся надобности имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите ли приказать сделать немедленно справку и почтить меня уведомлением: где именно жительствует находящийся в С.-Петербурге бывший студент Дерптского университета Вильцин.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

XIV, арк. 56. Відпуск.

№ 232

1847 р. квітня 3.— РАПОРТ С. О. КОКОШКІНА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО МІСЦЕ ПРОЖИВАННЯ І СІМ'Ю ГУБЕРНСЬКОГО СЕКРЕТАРЯ Є. Є. ВІЛЬЦИНА

Весьма секретно

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, господину генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

С.-Петербургского обер-полицмейстера

апреля 1847 г., № 341

Рапорт

Вследствие предписания вашего сиятельства от 2 сего апреля за № 520 [23] имею честь почтительнейше донести, что бывшего студента Дерптского университета Вильцина на жительстве в С.-Петербурге не оказалось, прожива-

ет же в своем доме 1-й части 2-го квартала губернский секретарь Егор Вильцин, у коего, хотя и есть сыновья: инженер-капитан Александр, столоначальник департамента железных дорог Егор, студент Дерптского университета Карл и малолетний Николай, но из них: первый находится при строении железной дороги, второй в здании Департамента железных дорог, третий проживает в Дерпте, а последний при родителях.

Генерал-адъютант Кокошкин

Резолюція: Граф приказал не тревожить Вильцина. Дубельт.
Помітка про одержання: 3 апреля 1847 г.

Ч. XIV, арк. 57. Оригінал.

№ 233

1847 р. травня 13.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ПІДОЗРІННЯ НА Г. П. ГАЛАГАНА В НЕБЛАГОНАДІЙНОСТІ ТА ЗВ'ЯЗКАХ З Ф. В. ЧИЖОВИМ

Весьма секретно

Его сия[тельству] гр. А. Ф. Орлову

13 мая 1847 г., № 21

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вчера я получил донесение начальника Радзивилловского таможенного округа [24] о задержании и отправлении в III отделение С. е. в. канцелярии надворного советника Чижова.

В сем донесении начальник округа присовокупил, что в нижнем платье Чижова найдены две иностранные книги, которые посланы также в III отделение, и что Чижов просил начальника округа уведомить о его возвращении из-за границы родственницу его Катерину Васильевну Галаган, чрез Прилуку, Полтавской губ., в селение Секеринцы.

По доходящим до меня слухам, Катерина Галаган, урожденная гр. Гудович, есть богатая помещица Прилукского уезда; она не родственница Чижову, но Чижов, во время пребывания своего в Малороссии, почти всегда жил у нея в доме, находясь в близких отношениях к сыну ее Григорию Галагану [25]. Знакомство их и дружба, во время бытности их обоих за границею и здесь, основана на одинаковости мыслей и понятий. Галаган обнаруживал всегда образ мыслей совершенно демократический, он имеет значительные связи и знакомства в Москве. В настоящее время, как мне известно, он собирается жениться на дочери умершего черниговского помещика Василия Васильевича Кочубея и уже с нею помолвлен.

Получив от начальника округа помянутое уведомление, подтверждающее слухи о связях Чижова с фамилией Галаган, я не остановился бы обыскать и, если бы что оказалось подозрительным, арестовать Галагана, когда бы он находился в управляемых мною губерниях, но как он проживает в губ. Полтавской, то я, не смея делать никаких распоряжений по сему делу вне управляемых мной губерний, поспешаю о всем этом почтеннейше довести до сведения вашего сиятельства и покорнейше прошу принять уверения в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Резолюція Л. В. Дубельта: Не трогать.
Помітка про одержання: 20 мая 1847 г.

Ч. XIV, арк. 58, 59. Оригінал

№ 234

1847 р. травня 22.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА Д. Г. БІБІКОВУ ПРО НЕПРИЧЕТНІСТЬ Г. П. ГАЛАГАНА ДО КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Весьма секретно

Его высокопрев[осходительству] Д. Г. Бибикову

22 мая 1847, № 821

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Вследствие отношения вашего высокопревосходительства от 13 мая № 21 [26] о сомнении на счет благонамеренности дворянина Полтавской губ. Григория Галагана, возникающем преимущественно из того, что он был в близких связях с надворным советником Чижовым, долгом считаю уведомить, что дело о Славянском обществе не подает ни малейшего повода к подозрению против Галагана и сам Чижов по рассмотрению бумаг и показаний его оказывается только пылким человеком, но вполне русским патриотом, а потому знакомство с ним не могло повести Галагана к идеям демократическим, если же Галаган, как показывает и Чижов, страстно любит свою родину Малороссию, не питая однако же никаких политических намерений, то я уже имел честь сообщить Вам, м[илостивый] г[осударь], что в отношении украинофилов будут приняты особые меры, самого осторожного и незаметного наблюдения.

Что же касается до другого отношения вашего высокопревосходительства за № 23 [27] с приложением сочинений Костомарова «Украинские баллады» и «Ветка», то обстоятельство это присоединено к описанию меры виновности Костомарова.

Примите уверен[ие] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. XIV, арк. 60, 61. Відпуск.

№ 235

1847 р. квітня 18.— ВИПИСКА З ЛИСТА УЧИТЕЛЯ КАМ'ЯНЕЦЬКОЇ ГІМНАЗІЇ П. О. ЧУЙКЕВИЧА ДО М. І. КОСТОМАРОВА З ПРОХАННЯМ ВЛАШТУВАТИ ЙОГО НА СЛУЖБУ В КИЄВІ

Секретно

Выписка из письма (подпись не разобрана) из Новоселицы от 13 апреля к Николаю Костомарову, адъюнкт-профессору университета св. Владимира в Киеве.

Поздравляю Вас, Николай Иванович, тысячу раз поздравляю с счастием, которого вы, наконец, достигли! Цените его как благо, один раз даруемое человеку, и благоденствуйте! Только не изменитесь в своих благородных стремлениях.

Не угодно ли будет Вам прочитать повесть моей жизни, вот она.

Но все это не чудо, что в мужицкой хате все мужики да грязь, а то чудо, что здесь же часть хаты отгорожена параваном, состоящим из двух сшитых

простынь, показывающим, что за ним живет нечто такое, чему не совсем по сердцу картины цыганской жизни, столь восхитительные в поэмах Пушкина.

За этим параваном глазам Вашим прежде всего представится чемодан, ничего Вам не напоминающий, и шинель, напоминающая многое. Если же глаз Ваш так любопытен, что попробует заглянуть дальше, тогда Вы убедитесь, что не обманулись и что шинель действительно принадлежит тому, за чью Вы ее приняли: пред Вами с повязанною головой, с лицом, изможденным тоской и диетою, лежит во всю длину свою козак Чуйкевич.

Не нужно говорить, чего он сюда забрался, уж, конечно, не добро занесло молодца в чужедальнюю сторонушку, что во землю бусурманскую, и заставило решиться на пятинедельное заточение. Да, Николай Иванович, я действительно третий день живу здесь, скучаю и страдаю невыносимо.

Пожалейте обо мне, нареченный брат, и эта жалость пусть пробудит в душе Вашей энергию к перемещению меня в Киев. В этом вся моя надежда. Мысль, что Вы не забыли меня и что помните слово, данное мне при прощании, несколько услаждает мое одиночество. Теперь время напомнить обо мне Юзефовичу. Что он скажет, об этом прошу меня уведомить.

Письма адресуйте прямо в Каменец, вовсе не поминая Новоселицы (обстоятельства и место моего жительства есть и должно быть для всех тайною), адресуйте их так: его благородию Антону Даниловичу Карвасовскому, надзирателю за учащимися Каменец-Подольской губернской гимназии, с передачею такому-то в Каменец-Подольский.

Как величайшего доказательства Вашей ко мне расположенности прошу Вас только о том, чтобы меня в июле месяце, не дальше, перевели в Киев.

Ваш душою и телом.

Подпись фамилии нельзя разобрать.

М. Новоселицы, Бессарабской области, Хотинского уезда.
18 апреля 1847 г.

Резолюція О. Ф. Орлова: Сделано распоряжение о перлюстрации писем, кои будут посылаемы под этим адресом.

Ч. XIV, арк. 62, 63. Копія.

№ 236

1847 р. травня 7.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ЗАТРИМКУ ЛИСТІВ НА ІМ'Я О. В. МАРКОВИЧА І М. І. КОСТОМАРОВА ТА ПРО АРЕШТ ВЧИТЕЛЯ П. О. ЧУЙКЕВИЧА

Весьма секретно

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

7 мая 1847 г., № 19

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

В Киеве получены с почтою три письма: одно к Марковичу из Варшавы от Кулиша или Белозерского и два к Костомарову от Чуйкевича из Новоселицы и от Сементовского [28] из Харькова.

В окончании письма из Варшавы, писанного по-малороссийски, находится следующее: «той, хто вже може повінчався з своєю вірною дружиною, получить лист; ти постарайся переписать його і давай переписувать усякому, хто захоче сию литературиую статтю, щоб було кільки екземплярів, щоб часом не загубилось». Как из сего видно, что злоумышленнику Костомарову было прислано от Кулиша или Белозерского такое писание (лист),

которое рекомендовалось другим списывать и распространять и которое с намерением, чтобы отвлечь подозрение, названо в последующих словах письма литературною статьей; то я долгом поставляю письмо это в подлиннике представить к вашему сиятельству для объяснений допросами арестованных лиц, какое именно писание (лист) получил Костомаров, от кого и кому именно давал еще списывать.

Кроме сего, имею честь представить к вашему сиятельству в подлиннике же письмо из Харькова, указывающее на некоторые дружеские там связи Костомарова, который кончил курс в Харьковском университете и вышел оттуда не студентом, но магистром, т. е. тогда, когда возмужал уже и мыслями и летами.

С третьего письма от Чуйкевича к Костомарову же долгом поставляю представить копию, так как подлинное нужно здесь для допроса Чуйкевича, которого я распорядился арестовать и доставить в Киевскую крепость.

В письме этом Чуйкевич называет Костомарова нареченным братом, советуя ему не изменяться в своих благородных стремлениях, и прибавляет, что место жительства Чуйкевича есть и должно быть для всех тайною.

Чуйкевич этот, как видно и из других сведений, состоял в близких сношениях с Костомаровым, Кулишом и Шевченком, он находится учителем в Каменецкой гимназии; несколько раз обращался с просьбами к помощнику попечителя Киевского округа Юзефовичу о том, чтобы дать ему место по учебной части в Киеве, но получал от него отказ по неспособности.

О допросах, кои Чуйкевичу будут сделаны, я не премину донести немедленно вашему сиятельству. В настоящее же время было бы полезно, чтобы Костомаров объяснил содержание письма Чуйкевича, дабы поверить оным показание, какое даст сей последний.

Доводя о всем этом до сведения вашего сиятельства, покорнейше прошу принять уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Дмитрий Бибиков

Резолюція Л. В. Дубельта: Исполнить.

Помітка про одержання: 18 мая 1847 г.

Ч. XIV, арк. 64, 65. Оригінал.

№ 237

1847 р. квітня 8.— ЛИСТ К. СЕМЕНТОВСЬКОГО ДО М. І. КОСТОМАРОВА З ВІДОМОСТЯМИ ПРО ВИХІД У СВІТ НОВИХ КНИГ І ЖИТТЯ В ХАРКОВІ

Говорить ли Вам, неоцененный Николай Иванович, о том, с какою искреннею, задушевиою радостию узнал я из письма Вашего от 18 прошедшего марта о предстоящей женитьбе Вашей? Думаю, что до сих пор Вы уже владелец своего счастья. Уверен, что особа, избранная Вашим сердцем, достойна такого выбора и принесет Вам примирение с прошедшим, так враждовавшим с Вами, и прочное счастье в будущем. Затем мне остается от всей души поздравить Вас с этой отрадной переменой в Вашей жизни и пожелать Вам обоим всего найлучшего. Не сомневаюсь, что каждый из Вас найдет его в другом, а это и будет залогом того постоянного семейного благополучия, которое так редко встречается в наш расчетливый век. Да будет милость господняя на Вас обоих! Смотря на Вас, радостных и счастливых, мы будем еще более уверяться в глубокой истине слов: не добре быти человеку едину!

Хотя в том положении, в каком Вы теперь, не в пору все постороннее (всем бы хотелось только наслаждаться своим счастьем, забывая о всем про-

чем), но по дружеским отношениям нашим я надеюсь, Вы охотно извините мою болтливость, по которой я не могу отказать себе в удовольствии поговорить с Вами еще бы кое о чем, тем более, что давно уже я не имел этого удовольствия.

Вы постоянно поражаете нас новостями. Как с неба свалилась ваша «Славянская мифология»! Прежде ни слова о ней: и вдруг она родилась, выросла, возмужала (в этом последнем мне особенно приятно будет убедиться) и уже успела понесть [волнение] вавилонское! А вы обо всем этом ни слова! Самой книги я до сих пор не получил и жду ее с нетерпением. (A propos [30], пришлите, бога ради, [Войцицкого] [29] по давнишнему обещанию). Взамен этой новости я не могу передать Вам ни одной, столько ж приятной. Но вот что покажется и Вам, без сомнения, интересным.

Брат Николай [31], столь борзо и неукротимо марающий бумагу, напечатал недавно «Путешествие по южному берегу Крыма», где он никогда не бывал. Не правда ли это очень мило? Книжка издана опрятно и даже красиво (за исключением опечаток, которые — необходимая принадлежность издания Николая); слог довольно плавный, иные места читаются даже с удовольствием, но по врожденной привычке автора пере- и привирать у него по местам вышли горы там, где в натуре, как уверили меня бывавшие в Крыму, легли долины, и найдете долины, где в натуре, наоборот, высятся горы. Оттого в некоторых местах он ездил в коляске, тогда как на самом деле и на татарской лошадке с трудом пробираются там по крутизнам и стремнинам? C'est un per trop [32], как говорят французы, неправда ли? Но смелым бог владеет!

Собственно, в Харькове ничего особенно нового. Правда, есть одна новость, но печальная, тревожащая весь город. Это отчаянная болезнь нашего князя, которого мы считаем уже не от мира сего. Весь медицинский факультет безгласен пред его болезнью, которая страшно его изменила и, без сомнения, скоро лишит нас доброго начальника. Князь Цертелев [33], проживший несколько месяцев в Петербурге, недавно возвратился и в последние дни, по словам Рейпольского [24], принял жезл правления, выпавший из охладевших рук нашего князя. Преосвященный Иннокентий напечатал и выпустил в свет новое собрание проповедей, большею частью говоренных в Харькове, под заглавием «Великий пост». Тихонович кланяется Вам челом. Вы писали к Амросию Лукьяновичу, что кто-то из профессоров Вашего университета издал объяснение «Сатир» Ювенала [35], то Поликарп Васильевич просит Вас прислать ему экземпляр этого издания, а он, по получении, напишет мне выслать Вам следующие деньги.

Жду Вашего ответа, хоть не скоро, потому что, без сомнения, семейная жизнь прибавит Вам несколько забот, а и без них Вы были так деятельны в корреспонденции! Заочно поручаю себя знакомству и вниманию Вашей супруги.

Душевно любящий и уважающий Вас

К. Сементовский

8 апреля 1847, Харьков

На конверті адреса: Его высокоблагородию Николаю Ивановичу Костомарову г-ну адъюнкт-профессору университета св. Владимира в Киеве, на старом городе, в доме Монькина, близ церкви св. Андрея Первозванного.

Ч. XIV, арк. 66—68. Автограф.

№ 238

1847 р. квітня 18.— ЛИСТ П. О. ЧУЙКЕВИЧА ДО М. І. КОСТОМАРОВА З ПРОХАННЯМ ПЕРЕСЛАТИ КНИЖКИ І ДОПОМОГТИ ПЕРЕЇХАТИ ДО КИЄВА

Брат Николай Иванович!

Давно я собирался писать к Вам и все откладывал до получения книг, которые, по словам Вашим, должны быть высланы в великую пятницу. Не получа их в надлежащее время, я не затруднился истолковать причину такой неаккуратности, а истолковав, не осмеливался до времени писать к Вам, свято уважая первые дни гименея, сладости которого не должны быть нарушены даже намеком на то, что мы не принадлежим небу и что земное хоть сколько-нибудь нас касается.

Поздравляю Вас, Николай Иванович, тысячу раз поздравляю с счастием, которого Вы, наконец, достигли! Цените его, как благо, один раз даруемое человеку, и благоденствуйте, только не изменитесь в своих благородных стремлениях.

Не угодно ли будет Вам прочитать повесть моей жизни. Вот она.

Новоселицы, местечко Бессарабской области, лежит против Молдавии и Буковины. От первой отдаляет его Прут, а от другой — река Сухая. Положение Новоселиц довольно красиво, и сами они не так бедны, как вообще бессарабские деревни. Не знаю, чему приписать это, тому ли, что владетель их Стурза богатый помещик, или что в них находится таможня. Бог их знает! Только в Новосельцах есть не только церковь, хотя еще строющаяся, красовой наружности, но даже кое-где порядочные сады, что вообще в Бессарабии, бедной деревьями, а богатой молдавскою ленью и неповоротливостью, большая редкость. В этих-то Новоселицах, в стороне от главной улицы, разбросано несколько хижин опрятной, но бедной наружности. Возле них нет ни заборов, ни других пристроек вроде хлевов, сараев, станей и проч[ее], как это бывает в Малороссии и других благословенных странах северских: особняком стоят они, как поссорившиеся, ни плетень, ни забор не соединяет их.

В одной из таких хат живет старуха хозяйка, прославившаяся чудным искусством лечить разные недуги. Больные у нее не переводятся: и лето и зиму обе половинки ее жилья полны чающими движения воды. Впрочем, и тут не без различия: в правой половине дома обыкновенно помещается какое-нибудь благородие, а левая — занимается черныо. Тут вы встретите дитя с ног до головы, покрытое ранами, запачканного мужика, грязную молдаванку. Вдобавок ко всему этому и семья хозяйки, состоящая из нее самой, сына, невестки, невесткиной сестры и внука, помещается в левой половине; варистая печь, кот и собака дополняют хатний сор.

Но все это не чудо, что в мужицкой хате все мужики да грязь, а то чудо, что здесь же часть хаты отгорожена параваном, состоящим из двух сшитых простынь, показывающим, что за ним живет нечто такое, что ему не совсем по сердцу картины цыганской жизни, столь восхитительные в поэмах Пушкина. За этим параваном глазам Вашим прежде всего представится чемодан, ничего вам не напоминающий, и шинель, напоминающая многое. Если же глаз Ваш так любопытен, что потребует заглянуть дальше, тогда вы убедитесь, что не обманулись и что шинель действительно принадлежит тому, за чью вы ее приняли: пред Вами с повязанной головою, с лицом, изможденным тоской и диетою, лежит во всю длину свою козак Чуйкевич.

Не нужно говорить, чего он сюда забрался, уж, конечно, не добро занесло молодца в чужедальнюю сторонушку, что в землю ль басурманскую и заставило решиться на пятинедельное заточение! Да, Николай Ива-

нович. я действительно третий день живу здесь, скучаю и страдаю невыносимо.

Пожалейте обо мне, нареченный брат, и эта жалость пусть пробудит в душе Вашей энергию к перемещению меня в Киев. В этом вся моя надежда. Мысль, что Вы не забыли меня и что помните слово, данное мне при прощаньи, несколько услаждает мое одиночество. Теперь время напомнит обо мне Юзефовичу Что он скажет, об этом прошу меня уведомить.

Письма адресуйте прямо в Каменец, вовсе не поминая Новоселиц (обстоятельства и место моего жительства есть и должно быть для всех тайною), адресуйте же их так: его благородию Антону Даниловичу Карвасовскому, надзирателю за учащимися К[амянец]-Подольской губернской гимназии, с передачею такому-то в Каменец-Подольский.

Между тем постарайтесь выслать просимые мною книги, а паче всего Грондского [36]. Адрес Бодянского также да не будет забыт Вами. Грондский мне необходим потому, что я здесь с помощью одного большого знатока латыни могут хорошо исправить мой перевод. В Киеве это не так-то легко будет сделать.

Возвратился ли Шевченко и будет ли на лето в Каменце? Поклон ему от меня. Опишите мне хоть кратко Вашу нынешнюю женатую жизнь.

Если я со временем буду давать уроки в Киевском образцовом пансионе, то непременно постараюсь образовать для себя жену. Как величайшего доказательства Вашего ко мне расположения прошу Вас только о том, чтобы меня в июле месяце, не дальше, перевели в Киев.

Будет ли к нам этот год визитатор, кто и когда именно?

Ваш душою и телом.

(Подписал) П. Чуйкевич

М[естечко] Новоселицы, Бессарабской области, Хотинского уезда.

18 апреля 1847 г.

Верно: действительный статский советник Писарев

Ч. XIV, арк. 69, 70. Копія.

№ 239

1847 р. березня 22 (квітня 2).— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО О. В. МАРКОВИЧА ПРО ВРАЖЕННЯ ВІД ПОЇЗДКИ ДО ВАРШАВИ

Року божого 1847, квітня 2. Н[ового] с[тилю], Варшава

Щирий й вірний мій приятелю Опанасе!

Будь здоров, мій коханий, з великоденними святами і нехай божа благодать помагає тобі уво всякім добрим ділі, думі і на всякім добрим ділі, думі і на всякім місті, де тебе господь поставить. Скажи моє вірне слово і всім твоїм і моїм родичам; перехрести мого хрещеника, щоб його господь благословив.

Який би дорогий був для мене празниковий подарунок, коли б і к великодню прийшла до мене од тебе звістка. Да де ж таки! Ви скажете: не знаєм адресу, а в Варшаву, коли хочете, можна писати одно іменне [37]. Ще й тепер мені чудно, що я у Варшаві, у тій гордій столиці, що колись грозилась на нашу бідну сироту Україну. А тепер? Чи натякне тобі хоть що-небудь тую давнюю годину? «Все йде, все минає, і краю немає!..» Багато думок навіяло мені путеванне, в перший бо раз виглянув я на ширший світ, ніж який кругом нас ворочався. Трудно передать бумазі те, що зібралось у душі і в серці, і я пишу тепер до тебе тільки для того, щоб тобі було відомо, як мені або нам живеться. Дорога наша була, хвалити бога, благополучна,

ніякої біди ми не зустріли. Їдучи, ми не переставали посувать уперед діла: на всякій станції писали листи до близьких нашому серцю людей, а сидячи у колясці, П[антелеймон] А[лександрович] читав чудеснії речі нашого славного поета [38].

На дорозі не раз нам стояли міста і будинки, котрії займали сильно наш ум і будили воображню [39]. Чудесно описав їх наш правдивий дієписець, і я не зумію і мало прибавить свого до його опису.

Поки ще ми їхали [40] між своїм народом, то все здавалось, що ми не на чужині, а як же в'їхали в Гродненську губернію і в уші вдарилось чуже слово, то стало нам жалко тієї сторони, що покинули, жалко тих людей, з якими жили душею, і тії мови, котра нас привітала, як ми народились на світ божий. Не чутно тут ні нашого живого слова, ні тієї пісні, що промовляє до самого серця. Боже! Коли б хто так заспівав, щоб нам свою Україну хоч ще раз побачить. Але надармо бажаєш: усюди глухо і сумно! На той час ми й забули, що і поїхали ж за тим, щоб побачить чужії землі і інших людей і набрать для свого розуму допита і науки: та й заголосило в нас серце! Тепер я познав, як зв'язані ми із своєю родиною і як тяжко тому, хто її не бачить: не дивно, що од журби за нею люди умирають.

Під'їздзячи під Житомир, показались нам із землі каміння або скелі, яких у нас не побачиш. Далі — пошли города й замки з таким видом, що очі мусять на них задивиться, а серце — задуматься над стародавнею годиною і порядком. Одначе все теє здалося нам бідним перед тими старосвіцькими пам'ятниками, що стоять собі, сумуючи, у Корці і в Острозі. Ти об їх прочитаєш таке слово, якого ще ми не чули до сієї пори. Замок Корецький стоїть тепер у руїнах, а колись їм владіли княжата Чорторийські, що були роду українського, а потім перевернулись на унію і стали ненавидними для свого народу. І їх постигла тяжкая кара: бо козаки Хмельницького добули замок, хоч як він міцно був збудован[ий], добули його і спалили: заяснів страшно пожаром той замок, де колись веселились ясновельможнії, зневажаючи свій народ і віру: і вже з того часу не показувались сюди ні жизнь, ні радість, наче згоріли вони у пожарі! Ходили ми довго кругом і всередині того замку і дивились на річку, що тече у його підошви, на Корець, на села і ліса, що маячать [41] у далі, та й думали: так колись гляділи давні жильці із своїх багатих покоїв у високі вікна замкових башт: і веселились, і мучились сердешними муками, і любились і ненавиділи; а тепер тільки руїни по собі зоставили: і на місці їх радостей поріс буз та трава пустиння, і де вони ходили і говорили, там тепер ходить шумний вітер! Ми й самі засмутились: а нас самих не постигне ж тая доля, коли не будем старатись для общого блага, коли будем любити більш себе, ніж братів своїх? О, конешне, постигне ще й гірша, бо ми по собі і руїн би не зоставили, котрі б доняли і порадували подорожнього!

Не те б сказав я тобі об замку кн. Костянтина Острозького [42], да вже ти послухай луччих річей. О Варшаві можна багато розказать, да нехай удруге, бо не маю часу.

Ми з коханою сестрою одговілись і година за годиною проходить у нас в добрім ділі. Ми читаємо, пишемо, учимось; вона рисує і показує велику дотепність до малярства, також учиться по-польськи. Їй скоро прийде паспорт, і вони мене не ждатимуть, а поїдуть найперш у Познань, а мені прийдеться доганять їх десь за границею. Що ж будеш робить?

Ми забрали знакомость з Мацієвським [43], Дубровським [44], Лінде [45], панію Земенцькою [46] і другими літераторами. Лінде нам сказав, що він за старістю передав свої труди учителю Пельве, і як тілько я з ним познакомлюсь, зараз напишу Миколаю Трох[имовичу], которому передай мій усердний поклон, поклонись усім, хто об мині пам'ятає. Я написав до Марії у Вільшану. Той, хто вже, може, повінчався з своєю вірною дружиною, полу-

чить лист; ти постарайся переписать його і давай переписувать усякому, хто захоче сюю літературную статтю, щоб було кілька екземп[лярів], щоб часом не загубилась.

Цілую тебе усердно і люблю тебе щиро. Бувай у Нік[олая] И[вановича] і будь благоразумен тілько... Пиши до мене якнайбільше і якнайскоріше: В[асилию] М[ихайловичу] Б[елозерскому] в Варш[аві] на Краковському предмісті, № 429.

Поклонись о[тцу] Феофану, которому буду вовіки дяковать. Ізвини мене перед Страшк[евичем] [47] и Линнич[енком] [48], що буть не був, хоч і бажав сього. Кланяйсь усім.

На конверті адреса. Его благородию Афанасию Васильевичу Марковичу. В Киев. В старом городе, на Крещатике, в доме Марцинковского близ Университетского бульвара.

Если нет в городе, отдать кому-нибудь в доме Марцинковских.

Ч. XIV. арк. 71—73. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— Кн. 2.— С. 76, 77.

№ 240

1847 р. травня 20.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА З ВИКЛАДОМ ЗМІСТУ ЛИСТІВ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО І П. О. ЧУЙКЕВИЧА, А ТАКОЖ ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО СТАН СЛІДСТВА НАД КИРИЛО-МЕФОДІЇВЦЯМИ

Весьма секретно

Его высокопр[евосходительству] Д. Г. Бибикову

20 мая 1847 г., № 815

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Вследствие отношения вашего высокопревосходительства от 7 мая № 19 [49] с приложением писем на имена Марковича и Костомарова сделаны были справки и должные распоряжения, по коим оказалось: 1. Письмо к Марковичу писано Белозерским, который при допросе отвечал, что он под словами своими о листе, обвенчавшемся и литературной статье разумел только свое письмо, свадьбу Костомарова и начало описания путешествия Кулиша, посланное им к Марковичу, называя последнее литературною статьею, он просил давать переписывать ее только потому, чтоб эта статья, по мнению его, достойная быть в печати, не затерялась. Должно присовокупить, что молодые ученые люди из малороссиян, как показывает Славянское дело, вообще выражались напыщенно и как бы двусмысленно, так что предметы, кажущиеся с первого взгляда подозрительными, всегда почти при точнейшем рассмотрении являются обыкновенными и не заключающими в себе ничего преступного.

2. Копия с письма Чуйкевича к Костомарову уже имелась в III отделении С. е. и. в. канцелярии, и письмо это оказалось не заключающим в себе ничего важного. Чуйкевич находился в дружеской переписке с Костомаровым и просил о содействии к переводу его на службу в Киев. Вообще Чуйкевич, по имеющимся в III отделении сведениям, не причастен к делу Славянского общества, ибо найденные у разных лиц письма его относятся до обыкновенной переписки друзей, и никто из славянистов не показал ничего, почему бы можно было считать Чуйкевича прикосновенным к упомянутому делу.

Сообщая о сем вашему высокопревосходительству и прилагая копию с показания Белозерского, долгом считаю присовокупить, что дело о Сла-

вянском обществе приближается к окончанию, ожидается только доставление Марковича из Киева, даже Гулак принес сознание, в том смысле, как показал Белозерский, виновные и степень их вины открыты, и нет причин предполагать, чтобы круг их был обширнее, если же между уроженцами Малороссии остаются славянофилы или украйнофилы, чрезмеру преданные родине, преимущественно любящие свои нравы, язык и литуратуру, то в отношении к ним будут приняты особые меры, самые незаметные и осторожные, дабы преследованиями многих не раздрожить целый край. Впрочем, если ваше высокопревосходительство имеет важные причины к подозрениям против Чуйкевича, то дальнейшие распоряжения о нем зависят от Вашего усмотрения.

Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XIV, арк. 74, 75. Відпуск.

№ 241

1847 р. травня 31.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ З-ПІД АРЕШТУ П. О. ЧУЙКЕВИЧА

Весьма секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

31 мая 1847 г., № 50, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Получив почтеннейшее отношение вашего сиятельства от 20 мая № 815 [50], долгом поставляю уведомить, что, не видя из показаний учителя Каменецкой гимназии Чуйкевича ничего особенного, я немедленно распорядился оставить его совершенно свободным и возвратить к своей должности [51].

В бумагах Чуйкевича предосудительного ничего не оказалось; он, как покаaывает, познакомился с Костомаровым по бытности их обеих в Ровенской гимназии преподавателями, с Кулишом знаком с детства и вместе с ним воспитывался, но по выходе с университета в 1843 г., получив должность учителя сперва в Ровно, а потом в Каменце, он не мог иметь с ним близких личных сношений.

Прошедшею зимою, приезжая в Киев на короткое время, бывал здесь у Костомарова, который в разговорах, рассказывая о предположении его издавать в Киеве журнал, который бы выражал собою жизнь и историю славянского народа, в особенности малороссийского, приглашал и его участвовать в издании этого журнала, т. е. доставлять статьи оригинальные или переводные, на что он и изъявил согласие. Других сношений не имел. Шевченка знал весьма мало [52], видевши его раза три у Костомарова и раз в Каменце, а сокрытие настоящего места жительства в Новоселице, отколь писал письмо к Костомарову, объяснил тем, что, будучи одержим сифилическою болезнью, он отправился туда тайно для излечения, выпросив между тем отпуск к родным в Волынскую губ., что желал скрыть от начальства и от знакомых.

Показание Марковича я представил вашему сиятельству 20 мая, а затем 24 мая, отправил с нарочным и самого Марковича.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 9 июня 1847 г.

Ч. XIV, арк. 76, 77. Оригінал.

№ 242

1849 р. лютого 24.— ЛИСТ П. Л. АШАНІНА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ СПЛАТИТИ ЗЕРНОМ ПОДАТКОВУ ЗАБОРГОВАНІСТЬ

Ваше сиятельство!

Простите за смелость мою утруждать Вас просьбою. Я знаю милостивое вашего сиятельства ко всем снисхождение и потому решился прибегнуть к Вам с просьбою о деле, здесь излагаемом. Внезапный и неожиданный отъезд мой в С.-Петербург в апреле прошлого 1847 г. до того поразил мою матушку, что с тех пор она находится в болезненном и отчаянном положении.

В 1848 г. я должен был противу желания оставить службу его величества единственно для того, чтобы успокоить последние ее дни и поправить ее состояние, приведенное в расстройство. Милости монаршие, которым я имел счастье удостоиться, отеческое ко мне благоволение монарха останутся навсегда в моей памяти, как счастливейший и незабвенный период моей жизни. И я, доколе стало моих сил, никогда не преступил бы данного себе слова посвятить ему на службе всю мою жизизь, если бы несчастное положение моей матушки не заставило оставить службу. Ее болезнь повлекла расходы и расстройства ее небольшого имения, так что в настоящее время накопилась на имении значительная податная недоимка, и местное начальство угрожает взятием имения в опеку и продажею движимости.

Всемилостивейший государь император, по неизменной своей милости, дозволил дворянам Полтавской губ. уплачивать хлебом накопившуюся на их крестьянах недоимку по 1845 г. Такая милость была бы для моей матушки и для меня — истинным благодеянием, если бы дозволено было уплатить весь казенный долг по 1849 г. хлебом по цене, поставленной для поставки хлеба.

Это единственное для меня средство избавиться от долга и притязаний начальства. Если ваше сиятельство удостоите вниманием мою просьбу, то прошу Вас убедительнейше не оставьте быть за меня заступником у монарха, испросите у его щедрот — милость для меня: дозволение выплатить хлебом в настоящем году всю недоимку по 1849 г. на имении моей матери. Я останусь вечно благодарен вашему сиятельству за эту милость.

Имею счастье именоваться вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Павел Ашанин — штабс-ротмистр в отставке

24 февраля 1849 г.

Полтавск[ой] губерн[ии],
Золотоношского уезда,
д[еревня] Ашаниновка

Резолюція О. Ф. Орлова: М[инистерству] в[нутренних] д[ел]. Ежели можно заменить [?], по сему известить [?].

Помітки О. Ф. Орлова: 1. Доложить. Справку. 2.Про одержання: 11 марта 1849 г.

Ч. XIV, арк. 78, 79. Автограф.

№ 243 —247

1849 р. лютого 24.— ЛИСТИ П. Л. АШАНІНА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ СПЛАТИТИ ХЛІБОМ ПОДАТКОВУ ЗАБОРГОВАНІСТЬ

Ч. XIV, арк. 80, 81. Автограф.

ЧАСТИНА П'ЯТНАДЦЯТА

СПРАВА
Ф. В. ЧИЖОВА

№ 248

1846 р. грудня 10.— ПОВІДОМЛЕННЯ НАМІСНИКА ЦАРСТВА ПОЛЬСЬКОГО І. Ф. ПАСКЕВИЧА III ВІДДІЛЕННЮ ПРО СТАНОВИЩЕ В СІЛЕЗІЇ І ГАЛИЧИНІ

Сведения, полученные из Бреславля и Кракова

Бреславль

Со времени присоединения Кракова к Австрийской империи торговые отношения г. Бреславля и вообще всей Силезии приняли весьма печальный вид. Тамошние купцы и фабриканты чрезвычайно ропщут на прусского короля за то, что согласился на уступку Кракова [1]; говорят, что король продал их, взявши от Австрии за свое согласие несколько миллионов талеров и теперь, по словам их, они ясно видят, что король совершенно зависит от русского императора и делает все, что только он захочет. С этого повода силезцы явно обнаруживают мятежное расположение умов и публично окрывают правительство, а особенно короля, самыми непристойными ругательствами, уверяя, что так не может оставаться далее.

Хотя нет более месяца, как Краков принадлежит Австрии, но в Силезии произошло уже много банкротств; значительнейшие из них: торгового дома. Шиллер на 5. 400. 000 злотых (900. 000 талеров) и купца Зайлер 2. 400. 000 злотых (400. 000 талеров).

Главною причиною неудовольствия силезцев на короля считают:

1. Король, зная, что они имеют с Краковом большие связи в торговом отношении, не дал знать купцам о присоединении Кракова заблаговременно, дабы они могли (сколько возможно) устроить дела свои, но делал все это втихомолку и подвергнул этим Силезию огромнейшим убыткам.

2. Тотчас по распубликовании известия об уступке Кракова бреславльские обыватели выслали в Берлин депутацию, составленную из:

а) обер-бургомистра Пиндера, кенигсбергского уроженца, известного либерала, коего за несколько лет пред сим бреславские обыватели призвали из Кенигсберга для занятия настоящей должности и которого король лично не терпит за то, что он был предводителем мятежнической партии в Кенигсберге;

b) коммерции советника Людовика Диренфурта;

c) купца Молинари;

д) » Мильде и

е) юридического комиссара Греффе, члена разных комитетов, презеса обществ: «Lichtverein» [2] и коммунизма. Депутации этой поручено просить короля, дабы он принял какие-либо меры к исправлению торговых отношений Бреславля с Краковом. По прибытии в Берлин депутация отправилась первоначально к министру Ротеру, пред сим долго находившемуся в Вене, прося его, чтобы представил их королю и объяснил им, что сделалось с Краковом, но тот отвечал: «Господа, я сам знаю об этом столько же, сколько вы, ибо узнал о сем только по газетам; подите к министру Каницу, занимающемуся иностранными делами, может быть, он знает что-нибудь больше». У Каницa депутация получила такой же ответ, но когда стала просить его, чтобы исходатайствовал у короля для них аудиенцию, министр сказал: «Не знаю, согласится ли на это король». Однако ж чрез два дня Каниц выхлопотал просимую аудиенцию. Король принял депутацию очень холодно и когда она стала представлять ему несчастия Силезии от упразднения вольного г. Кракова, король отвечал: «Правда, я сам вижу, что это несчастие, но вы должны просить бога, чтобы сохранил вас от большего еще несчастия; я же пошлю в Вену и постараюсь сделать для вас, что будет можно». Этим и кончилась аудиенция.

В Бреславле депутация узнала, что король точио взял от австрийского императора за уступку Кракова несколько миллионов талеров, имея нужду в деньгах по случаю совершенного истощения своей казны; и что российский император, давая приказание по краковскому делу, сказал будто-бы канцлеру Нессельроде: «Напиши Меттерниху, чтобы взяли Краков, иначе я возьму его себе»; и потому-то, говорят, сделано это так тихо, что только король и прусский посланник в Вене окончили все дело.

Город Бреславль сделался теперь чрезвычайно вольным в политическом отношении: собираются туда весьма много иностранцев, особенно поляки из разных сторон приезжают в Бреславль на постоянное жительство. Все приезжие собираются по большей части в гостиницах: «Золотого Гуся», «Голубого Оленя» — у Бураковского и у какого-то гр. Ольшевского, жительствующего на улице Taschengasse [3], под № 13.

Помещики и обыватели составили в Бреславле новое общество под названием «Общества граждан» (Bürgerverein).

Оно состоит из самых богатых и самых бедных обывателей Бреславля, принимает людей всякого рода без различия звания, религии и считает теперь уже до 2000 членов. Предводители этого общества суть:

обер-президент Ведель, обер-бургомистр Пиндер, презес общества просвещения Греффе; банкиры: Лебеке, Руффер; купцы: Шиллер, Эйхборн, Молинари, Липперт, Франк;

президент полиции Гейнке и другие значительнейшие администрационные и полицейские чиновники, помещики, банкиры и купцы.

Общество это до того проникнуто духом вольнодумства и коммунизма, что король, узнавши о сем, выдал секретное повеление, дабы никто из военных не принимал в оном ни малейшего участия, под опасением исключения из службы и даже посажения в крепость.

Всех иностранцев общество старается вводить в виде гостей. Собирается оно два раза в неделю: во вторник — на улице Кароля, под № 37, у Гольдшмидта, и в пятницу в зимнем саду Кролля. В собрании все почитаются равными гражданами, и обер-президент Ведель подает руку даже беднейшему сапожнику. Целью общества есть намерения совершенно уничтожить аристократию и ввести демократию, т. е. свободу и равенство. Во время собраний делаются различные складки для раздачи пособий беднейшему классу жителей, чтобы более привязать оный к себе. Говорят, что таким образом, в случае надобности, не будет никаких противных партий, но все станут стремиться к одной цели.

Подобные же общества составляются также в Берлине, Лигнице, Швейднице, Гершберге и других значительнейших городах Пруссии.

В Бреславле рассказывают, что теперешний папа совершенно благоприятствует секте коммунистов, доказывая это тем, что доходы свои раздает бедным, а сам живет весьма скромно.

Там уверяют также, что на севере в скором времени непременно вспыхнет мятеж.

В Бреславле агент наш познакомился с русским подданным Федором Чижовым, жительствующим будто-бы недалеко от Москвы. Он говорил, что поедет в Рим, а оттуда в Сербию, Албанию, Далмацию и Кроацию. О цели путешествия его ничего определенного узнать было невозможно; он говорил, что ездит только для поправления здоровья. Когда агент спрашивал: «Не купец ли он?»,— Чижов отвечал, что дворянин, а на вопрос: «Для чего носит бороду?»,— сказал, что около Москвы много помещиков запущают бороды, дабы сблизиться с русскими купцами и крестьянами, и что это для них очень нужно, дабы скорее уничтожить разницу между дворянством и нижним классом жителей. Сказавши это, он задумался и более ничего не говорил. 7 числа сего месяца он выехал по железной дороге в Вену [4].

Находящиеся за границей поляки радуются, что гр. Гуровский[5] (муж испанской инфантессы) сделан князем и грандом Испании, надеясь что он, как свояк принца Монпансье, может быть, скорее будет иметь случай сделать что-либо для поляков.

Краков

Жители г. Кракова и его округа недовольны своим присоединением к Австрии; вообще все очень жалеют, что не могли поступить под покровительство российского правительства. В торговом отношении никакой перемены там еще не последовало; по-прежнему ввозят туда огромные массы товаров; но с 1 генваря 1847 г. граница со стороны Австрии будет затворена, и купцам только в продолжении 9 месяцев позволят продавать оставшиеся товары, с тем, однако же, что во все это время граница со стороны Подгуржа будет также заперта; товары же, которые останутся не проданными по прошествии 9 месяцев, будут описаны для взимания от них установленной пошлины. Каким образом будет устроен Краков в торговом отношении, наверное еще не известно: ждут распоряжения венского правительства.

Полиция в Кракове действует очень деятельно и надобно вести себя слишком осторожно, чтобы не быть узнанным. Арестования продолжаются беспрерывно; недавно арестованы:

гр-ня Понинская, приехавшая из Галиции, при коей найдено очень много бумаг, она содержится в доме сумасшедших; Боровский, зять Бышевского; Скорупка; Гилярий Мещишевский; доктор Савичевский; Гельцель, Вальтер, Ган — купеческие дети. И много других. Все краковские тюрьмы наполнены арестантами.

В Кракове и окрестностях оного расположено теперь много австрийских войск, именно: 36-й пехотный полк Поломбини, стоявший прежде в Праге; 54-й пехотный полк принца Эмилия, стоявший в Ольмуце; 44-й пехотный полк Шмилинса, бывший в Италии; 2-й полк Швализеров Гаицаллера, бывший в Тропо, и одна артиллерийская батарея. В Подгурже расположен 4-й пехотный полк Дейчмейстера, стоявший в Вене.

Краковцы очень не любят эти войска и надеются, что вскоре сменят их русские, ибо единственным желанием их есть находиться под покровительством России.

Помощник австрийского комиссара в Кракове, гр. Дейма, некто Зеленка говорил, что крестьяне в Галиции еще не усмирились и что между ними находится много эмиссаров из Франции, которые, равно как и галицейские дамы, возбуждают их противу австрийского правительства. По случаю делаемых крестьянами своевольств правительство ввело в Галицию 90 т[ыс]. войска, что повлекло за собою огромные расходы.

Крестьяне беспрестанно собираются в Карпатские горы и кричат, что так не останется, пусть только придет весна. Голод, существующий в Галиции, раздражает их еще больше.

Галицейская шляхта в прошлом октябре месяце имела в Лемберге совещание и постановила послать в С.-Петербург с просьбою к императору о принятии их в свое покровительство. Избранный для сего гр. Зелинский ездил в С.-Петербург и представлял государю императору означенную просьбу, но его величество изволил будто-бы отозваться, что знает поляков хорошо и когда придет время, то узнает, что делать. Австрийское правительство, известившись о поездке гр. Зелинского, арестовало его на месяц [6].

Австрийские офицеры очень боятся русских войск, говорят, что наш император нарочно отдал Краков Австрии, дабы австрийский император первый нарушил Венский конгресс, с тем, чтобы после того его величество имел также право занять Галицию, ибо галицияне непременно желают быть в подданстве России.

С нового года австрийцы намерены назначить в Кракове и его округе рекрутский набор по три [человека] со ста, не исключая шляхты. Тамошние жители этим очень огорчены.

В Кракове теперь все тихо и печально, ибо полиция арестует за каждую безделицу.

10 (22) декабря 1846 г., Варшава.

Помітки: 1. От наместника Царства Польского.

2. Его величество изволили читать 27 дек[абря] 1846.

Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

3. Відносно Ф. В. Чижова помітка Л. В. Дубельта: Снестись с кем следует: кто он и что он.

4. Помітка О. Ф. Орлова: Высочайше одобрил сии предположения.

5. Відносно делегата гр. Зелинского помітка Миколи I: Чепуха.

6. Помітка Л. В. Дубельта: Собственною его величества рукою написано карандашом «Чипуха».

Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Ч. XV. арк. 1—10. Копія.

№ 249

1846 р. грудня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МОСКОВСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА О. Г. ЩЕРБАТОВА З ЗАПИТОМ ПРО ЖИТТЯ І ДІЯЛЬНІСТЬ Ф. В. ЧИЖОВА

Секретно

Его сия[тельст]ву князю А. Г. Щербатову

30 декабря 1846 г., № 1828

М[илостивый] г[осударь] кн[язь] Алексей Григорьевич!

В недавнее время в Бреславле был дворянин Федор Чижов, который так объяснял о себе, что он отправится в Рим, а оттуда в Сербию, Албанию, Далмацию и Кроацию, путешествуя для своего удовольствия; что он постоянно жительствовал недалеко от Москвы; что около сей столицы многие помещики, подобно ему, Чижову, отпускают бороды; и что это для них очень нужно, дабы скорее уничтожить разницу между дворянством и нижним классом народа.

По высочайшему повелению имею честь покор[нейше] просить ваше сия[тельст]во, не изволите ли приказать собрать подробные сведения о дворянине Чижове, на счет прежней жизни его, нравственности, образе мыслей и увольнении его за границу; о последующем же удостоить меня уведомлением для всепод[даннейшего] доклада его и. в.

Примите уверение и пр[очее].

Подписал гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XV. арк. 11. Відпуск.

№ 250

1847 р. січня 21.— ВІДНОШЕННЯ О. Г. ЩЕРБАТОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ПАСПОРТ Ф. В. ЧИЖОВА

Секретно

Его сият[ельству] А. Ф. Орлову

Января 21 дня 1847, № 57, Москва

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения Вашего сиятельства от 30 декабря за № 1828 имею честь Вам, милостивый государь, сообщить, что кроме надворного советника Федора Васильевича Чижова никто той же фамилии в Москве о получении заграничного паспорта не хлопотал, да и сам он представлял ко мне только свидетельство о болезни, а паспорт намеревался получить в С.-Петербурге, куда выехал 13 октября минувшего года. Во время пребывания в Москве, как донес мне г-н московский обер-полицмейстер, Чижов вел жизнь приличную его званию, содержал себя своим капиталом, образ мыслей и нравственность имел хорошие; знакомство его состояло с отставным гвардии штабс-ротмистром гр. Евграфом Петровичем Комаровским и ротмистром Михаилом Соломоновым Мартыновым [7].

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Князь А. Щербатов

Помітка про одержання: 25 января 1847 г.

Ч. XV, арк. 12. Оригінал.

№ 251

1847 р. березня 22.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО АРЕШТ Ф. В. ЧИЖОВА ПРИ ПОВЕРНЕННІ ЙОГО З-ЗА КОРДОНУ

Весьма секретно и нужное

Его высокопрев[осходительст]ву Л. А. Перовскому

22 марта 1847, № 447

Милостивый государь Лев Алексеевич!

Дворянин Федор Чижов, отправившийся за границу в исходе 1846 г., находился в Бреславле и рассказывал там, что он намерен отправиться в Рим, а оттуда в Сербию, Албанию, Далмацию и Кроацию.

Ныне, по встретившейся чрезвычайной надобности, государь император высочайше повелеть соизволил: при возвращении Чижова в Россию задержать его на самой границе, опечатать, не рассматривая на месте, все его бумаги и вещи и тотчас, вместе с оными, отправить в С.-П[етер]бург в III отделение С. е. и. в. канцелярии, в сопровождении самого благонадежного и верного чиновника и под строжайшим надзором.

О таковой монаршей воле уведомляя ваше высокопревосходительство и покорнейше прося Вас, милостивый государь, не изволите ли немедленно сделать распоряжение к исполнению оной по всей западной и южной границам России, долгом считаю присовокупить, что о сделании подобного распоряжения по таможенному ведомству, я с сим вместе отнесся к г-ну министру финансов.

Примите увер[ение] и прочее [8].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. XV, арк. 13, 14. Відпуск.

№ 252

1847 р. квітня 24.— ПОВІДОМЛЕННЯ НАЧАЛЬНИКА АРХІВУ III ВІДДІЛЕННЯ О. О. ГАЛЛЕРА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ЛІБЕРАЛЬНІ ПОГЛЯДИ Ф. В. ЧИЖОВА ЗА ЧАСІВ ПЕРЕБУВАННЯ ЙОГО В С.-ПЕТЕРБУРЗЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТІ НА ПОСАДІ АД'ЮНКТ-ПРОФЕСОРА

О находящемся за границею надворном советнике Федоре Чижове

По I экспедиции сделано секретное распоряжение о задержании Чижова на возвратном пути в Россию и о доставлении его со всеми бумагами в III отделение.

Зная несколько Чижова, я долгом считаю доложить Вашему превосходительству следующее.

Чижов, бывший адъюнкт-профессор при С.-Петербургском университете, имеет отличные способности, но, к несчастию, способности эти, как у большей части молодых ученых, не имеют надлежащего направления: он всегда был в высшей степени либерал как в политическом, так и в нравственном отношениях.

В 1834 и 1835 гг., в бытность мою студентом, я посещал одного из моих товарищей, жившего в квартире Чижова. Тут я иногда слышал вольные суждения Чижова и видел, что он занимался постоянно каким-то сочинением, предмет которого был для всех тайною; известно было только, что рукопись его была огромная.

Если рукопись эта им не уничтожена, то не может быть, чтобы он взял ее за границу; а потому я и полагаю, что не излишне было бы осмотреть бумаги его, оставленные им в России.

В 1837 г. Чижов жил в доме богатой малороссийской помещицы, если не ошибаюсь, Галаган [9] при сыне ее студенте, которому он был вроде наставника-наблюдателя и с которым впоследствии намерен был поехать за границу путешествовать; состоялось ли это предположение, мне неизвестно.

С 1848 г. Чижов намерен был издавать журнал «Русский вестник» [10] на что и получил разрешение из министерства народного просвещения.

Титулярный советник А. Галлер

Ч. XV, арк. 15. Автограф.

№ 253

1847 р. квітня 29.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ЧЕРНІГІВСЬКОГО ЦИВІЛЬНОГО ГУБЕРНАТОРА П. І. ГЕССЕ З ПРИВОДУ ЗНАЙОМСТВА Ф. В. ЧИЖОВА В НОВГОРОД-СІВЕРСЬКУ

Весьма секретно и нужное

Его превосходительству П. И. Гессе

29 апреля 1847 г., № 683

М[илостивый] г[осударь] Павел Иванович!

По высочайшему повелению имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите ли приказать, если возможно, удостовериться, но самым секретным и незаметным образом, с какою дамою или девицею в Новгород-Северске был в близких, дружеских отношениях находящийся ныне в Венеции отставной адъюнкт-профессор Федор Чижов. Не излиш-

ним считаю присовокупить, что г-н Чижов знаком был в Новгороде-Северске с семейством г-на Ханенко, но это, впрочем, не должно служить основанием при удостоверении, а сообщается только на тот случай, что, быть может, сведение это может повести к узнанию упомянутой особы.

Ожидая о последующем уведомлении вашего превосходительства, имею честь удостоверить Вас в истинном и пред[анном] [11]...

Под[писал] гр. Орлов

Ч. XV, арк. 16, 17. Відпуск.

№ 254

1847 р. травня 14.— ВІДНОШЕННЯ П. І. ГЕССЕ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ВІДОМОСТЯМИ ПРО ПЕРЕБУВАННЯ Ф. В. ЧИЖОВА В НОВГОРОД-СІВЕРСЬКОМУ ПОВІТІ

Секретно

Шефу жандармов господину генерал-адъютанту гр. Алексею Федоровичу Орлову

Мая 14 дня 1847 г., № 661, Чернигов

О связях профессора Чижова

В исполнение высочайшего повеления объявленного мне в отзыве вашего сиятельства от 29 апреля № 683 [12] командирован был мною в Новгород-Северский уезд чиновник особых поручений Малохов для секретного удостоверения о том, с какою именно дамою или девицею был в близких, дружеских отношениях отставной адъюнкт-профессор Федор Чижов.

Чиновник Малохов, возвратясь ныне в Чернигов, донес мне, что по весьма секретному разведыванию его оказалось, что Чижов в начале прошедшего года несколько месяцев проживал Новгород-Северского уезда в селении Пеньках в доме отставного штаб-ротмистра Михаила Андреевича Маркевича и вместе с Маркевичем и женою его Екатериною Васильевною, урожденною Лобисевич, бывали у помещика Михаила Ивановича Ханенка, ездили в Новгород-Северск и в Полтавскую губ., вероятно, к родным Маркевича, и случалось, что жена Маркевича приезжала в Новгород-Северск с Чижовым без мужа своего. Причем чиновник Малохов присовокупляет, что причину близких дружественных отношений Чижова с домом Маркевича раскрыть и определить с достоверностью не можно, но по местным соображениям относятся оные к жене Маркевича; что основывается на том, что Чижов довольно долгое время жил в доме Маркевича и выезжал без мужа с его женою. Притом не открыто, чтобы Чижов, кроме Маркевичевой, с кем другим из дам или девиц Новгород-Северского уезда был в близких, дружественных отношениях.

После отъезда г-на Чижова за границу Маркевич некоторым знакомым его сказывал о полученном от Чижова из Италии письме.

О чем ваше сиятельство имею честь почтительнейше уведомить, докладывая притом, что с настоящим донесением командирован мною тот самый чиновник, которому поручал я сделать разведывание о Чижове и который вместе с сим представит при особом донесении моем бумаги учителя Кулиша, им же взятые в доме помещика Белозерского [13] согласно распоряжению вашего сиятельства.

Гражданский губернатор Гессе

Помітка про одержання: 21 мая 1847 г.

Ч. XV, арк. 18, 19. Оригінал.

№ 255

1847 р. травня 14.— РАПОРТ ПОЛКОВНИКА КОРПУСА ЖАНДАРМІВ ЛІВЕНЦОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО Ф. В. ЧИЖОВА

Весьма секретно

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, господину генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
Корпуса жандармов полковника Ливенцова

Во исполнение секретного предписания вашего сиятельства, основанного на высочайшей воле государя императора от 29 апреля № 684 [14], имею честь почтительнейше донести, что по секретным и самым незаметным удостоверениям моим о близких дружеских отношениях в Новгород-Северске с дамою или девицею находящегося ныне в Венеции отставного адъюнкт-профессора Федора Чижова оказалось следующее.

Проф. Чижов в прошедшем году, проживая несколько месяпев Новгород-Северского уезда в деревне Ленькаx, в доме помещика отставного штабротмистра Михаила Андреева Маркевича, вместе с ним и женою его Екатериною Васильевною, урожденною Лобисевич, часто гостил у новгородсеверского дворянского предводителя Михаила Ханенко, бывали в Новгород-Северске и ездили в Полтавскую губ.: а также жена Маркевича одна с Чижовым приезжала в Новгород-Северский. На этом и на долгом проживании Чижова в доме Маркевича основывают в уезде свои заключения и дружескую связь Чижова с домом Маркевича относят, собственно, к жене его, любительнице литературы. Кроме сей связи, Чижов ни с кем из дам или девиц Новгород-Северского уезда в дружеских отношениях замечен не был. Из-за границы Чижов писал к Маркевичу письмо, но о настоящем содержании его узнать трудно.

Полковник Ливенцов

14 мая 1847 г., № 18, Чернигов.

Ч. XV, арк. 21, 22. Оригінал.

№ 256

1847 р. травня 27.— ДОПОВІДЬ III ВІДДІЛЕННЯ МИКОЛІ І ПРО ОСОБИСТІ ВІДНОСИНИ МІЖ Ф. В. ЧИЖОВИМ І К. В. МАРКЕВИЧ — ДРУЖИНОЮ М. А. МАРКЕВИЧА

О переписке Чижова с женою Маркевича

Получено было частным образом сведение, что находившийся за границею надворный советник Федор Чижов имел переписку с какою-то дамою в Новгород-Северске.

Для объяснения этого случая сделано было секретное сношение с черниговским гражданским губернатором, который ныне сообщил, что Чижов, до отъезда его за границу, проживал довольно долгое время в Новгород-Северском уезде в доме отставного штабс-ротмистра Маркевича, что Чижов, как оказывается по местным соображениям, был дружен не столько с Маркевичем, сколько с женою его, урожденною Лобисевич, ездил с ними в разные места к родственникам их, а иногда случалось, что Маркевич приезжала в Новгород-Северск с одним Чижовым, без мужа.

Всеподданнейше докладывая о сем вашему императорскому величеству, долгом считаю присовокупить, что Чижов, при словесном допросе его об

означенной переписке, объяснил то же самое, но просил не предлагать ему об этом письменных вопросов как потому, что он с г-жой Маркевич не имел никаких других сношений, кроме любовных, так и потому, чтобы через исследование этого случая не поселить несогласие в семействе Маркевича.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно с подлинным: генерал-лейтенант Дубельт

21 мая 1847 г.

Помітка: На подлинном написано: его величество изволил читать 21 мая 1847 г.

Верно: генерал-лейтенант Дубельт

Ч. XV. арк. 22, 23. Копія

№ 257

1847 р. травня 14.— ЗАПИСКА Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО АРЕШТ Ф. В. ЧИЖОВА

В 10 часов утра доставлен из Радзивиллова надворный советник Чижов со всеми его бумагами и вещами.

К рассмотрению его бумаг приступлено.

Дубельт

14 мая

Резолюція О. Ф. Орлова: [Если] какое-нибудь будет важное по бумагам открытие, дай мне знать для доклада государю императору. Самое открытие сие должно остановить очные ставки, то дай мне также знать, может, повременить.

Ч. XV. арк. 24. Автограф.

№ 258

1847 р. травня 6.— ПОВІДОМЛЕННЯ НАЧАЛЬНИКА РАДЗИВІЛЛІВСЬКОЇ МИТНОЇ ОКРУГИ П. Ф. ГАККЕЛЯ III ВІДДІЛЕННЮ ПРО АРЕШТ Ф. В. ЧИЖОВА Й ВІДПРАВЛЕННЯ ЙОГО ДО ПЕТЕРБУРГА

Весьма секретно

В III отделение С. е. и. в канцелярии

6 мая 1847, №93

В исполнение высочайшего государя императора повеления, объявленного г-ном министром финансов в предписании от 23 прошлого марта № 274, последовавшем по отношениям г-на генерал-адъютанта гр. Орлова от 22 того же марта за № 447 [15], 448 [16] и 451, Радзивилловская таможня сего 6 мая задержала возвращавшегося из-за границы по паспорту, выданному в С.-Петербурге 2 ноября 1846 г. № $\frac{911}{2327}$, надворного советника Федора Чижова со всеми его вещами и бумагами, которые, без рассмотрения, опечатала в пяти местах казенною и его, Чижова, печатью, а сам Чижов лично был осматриваем самым строжайшим образом и при таковом осмотре найдены при нем, под нижним платьем, одна на иностранном языке книга и брошюрка, которые вложены между опечатанными вещами Чижова. Сверх того отобраны от Чижова: выше означенный паспорт, одна шляпа в футляре, зонтик, две

палки и в двух кошельках наличных денег 22 руб. 15 коп. серебром, а также и экипаж.

Имея честь препроводить при сем означенного надворного советника Чижова, со всем при нем задержанным, в сопровождении командированного мною чиновника особых поручений при мне титулярного советника Остен-Сакена и одного объездчика Волынской бригады пограничной стражи, покорнейше прошу оное отделение, по принятии от чиновника Сакена всего вышепрописанного, почтить меня уведомлением, а г-на Сакена и объездчика, по миновении в них надобности, возвратить обратно в Радзивиллов.

К сему долгом считаю присовокупить, что хотя из выданного надворному советнику Чижову паспорта и не видно, чтобы он был в Бреславле, но он при объяснении со мною сказывал мне, что во время теперешнего путешествия был в Бреславле.

Начальник округа П. Гаккель

Помітка про одержання: 14 мая 1847 г.

Ч. XV, арк. 25, 26. Оригінал.

№ 259

1846 р. листопада 5.— ЗАКОРДОННИЙ ПАСПОРТ Ф. В. ЧИЖОВА В III ВІДДІЛЕННЯ

Ч. XV, арк. 27, 28.

№ 260

1847 р. травня 14.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА ЧИНОВНИКУ ОСОБЛИВИХ ДОРУЧЕНЬ РАДЗИВІЛЛІВСЬКОЇ МИТНОЇ ОКРУГИ ОСТЕН-САКЕНУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ ЗААРЕШТОВАНОГО Ф. В. ЧИЖОВА В III ВІДДІЛЕННЯ

Ч. XV, арк. 29. Відпуск.

№ 261

1847 р. травня 17.— ВІДНОШЕННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ДО О. Л. ШТІГЛІЦА ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ ДО ВІДЕНСЬКОГО ТРАКТИРУ 40 ГУЛЬДЕНІВ, ЗАБОРГОВАНИХ Ф. В. ЧИЖОВИМ ПІД ЧАС ЗАКОРДОННОЇ ПОДОРОЖІ

Ч. XV, арк. 30. Відпуск.

№ 262

1847 р. травня 19.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Л. ШТІГЛІЦА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО СПЛАТУ ГРОШЕЙ, ЗАБОРГОВАНИХ Ф. В. ЧИЖОВИМ ПІД ЧАС ЗАКОРДОННОЇ ПОДОРОЖІ

Ч. XV, арк. 31. Оригінал.

№ 263

1847 р. травня, не раніше 14 [17].— ОПИС ЗМІСТУ РУКОПИСІВ, КНИГ, ЛИСТІВ ТА ІНШИХ ПАПЕРІВ, ВІДІБРАНИХ У Ф. В. ЧИЖОВА ПІД ЧАС АРЕШТУ

Описание бумаг надворного советника Чижова

Замечательнейшие из бумаг Чижова оказались следующие:

1. Записка о народности. «Трудность нести на своих плечах самостоятельность народности, особенно на том поприще, где образованность выска-

зывается гласнее и где она является открытее, т. е. в науке и искусстве. Идти путем, проложенным Европою,— дело самое легкое: три-четыре года университетских или академических занятий, прилежание и если еще к этому дарование, и все окончено. Мы усваиваем лучшую современную систему, принимаем нравящуюся времени школу, пожалуй, возвышенную веками уважения, и мы считаем себя вполне благородными деятелями в области науки или искусства. До тех пор, пока мысль о самостоятельности нашей народности была тайною немногих, это было честно и благородно; но теперь, когда она сделалась общим достоянием, я не могу считать этого истинно благородною деятельностью. Дан ли мне талант или нет, это дело не мое; но если я русский душою, телом, мыслью и чувством, я обязан на каждом поприще открывать в себе русскую самостоятельность, т. е. не останавливаться на системе и на школе, а обращаться к первым, самым чистым источникам и из них-то, если я только пройду полное развитие науки или искусства, в последнем выводе, я непременно извлеку то, что будет принадлежать русской системе и русской школе. Не говоря о науке, в области которой, кроме частных исследований, носящих более отпечаток личности, нежели народности, мы почти ничего не видим собственно русского, недостаток такого пути ясно виден у нас в искусстве. У нас много было талантов, но до сих пор, судя по всему оконченному, они не только что не составили ничего, в чем видно было бы хотя начало русской школы, а даже не навели на мысль об ее существовании. Одно избрание русских предметов в живописи и попытки подделаться под архитектуру древних русских храмов в зодчестве не составляет русской школы; это только показывает требование ее и даже, может быть, то, что близка минута ее явления.

Многие из благородных защитников нашей народности, увлекшись негодованием против безусловных поклонников Запада, перешли за пределы и вместо того, чтобы нападать на безумное старание усваивать внешность европейской образованности, они восстали против ее самой.

Это увлечение было причиною односторонности взгляда на образованность и гражданственность Европы, произвело странные на них нападки и, что всего хуже, возбудило противодействие во многих людях весьма благородных и всею душою любящих отчизну, но которым страшно видеть, что как будто-бы с именем русской народности непременно должна соединяться вражда ко всему, в чем выказались последние успехи многовековой жизни человека. Впрочем, это нельзя назвать взглядом русского, это увлечение минуты и всего более, я думаю, война не с Западом, а восстание против прежнего собственного ему поклонения. Ни в нашей истории, ни в настоящей жизни русский нигде не нападал и не нападает на образованность; он чтит все, что внесла она в мир понятий, чувств и в деятельную жизнь человеческую; но такая почесть еще не скажет того, что он должен пасть пред нею и принять ее иго. «Natura non habet saltus» [18] — давнишнее сказание. В природе нет скачков, и европейская образованность составляет шаг к той, какая должна развиться из нашей истории. Запад Европы во всех явлениях жизни дал миру свои образы и, давши их, исполнил свое назначение; наша восточная Европа пойдет далее. В настоящую минуту мы, истые русские, стоим на распутье и потому наше положение довольно затруднительно: малейшая нестойкость — и Западная Европа привлечет к себе своими обольщениями. Идущему вперед один руководитель — твердость убеждений в высоком значении нашей народности. Ум найдет ей верную опору в глубоком исследовании исторического хода человечества, сердце, в безотчетном сознании своей силы и в крепости нашей веры, с своею чистотою и святостью, соединившей новое достоинство, сделавшейся теперь средоточием не только нашего, но и всеславянского соединения.

Подобное убеждение не уничтожает понятий о человечестве, но оно невольно повторяется в словах, похожих на слова древних венецианцев. Когда папа, уговаривая венецианского посла, говорил ему: «Вспомните, что вы христиане»,— благородный сын Венеции отвечал ему: «Святейший отец, прежде, нежели мы были христианами, мы были венецианами». Таков теперь наш ответ космополитам. «Прежде всемирного гражданства, я — сын России».

2. Письмо Чижова к помощнику попечителя Киевского университета Юзефовичу, которого он извещал о намерении своем путешествовать по славянским землям и о плане этого путешествия.

3. Журнал путешествия Чижова в 1845 и 1846 гг. по славянским землям. Здесь описаны свидания его с Шафарнком, Гайем и другими учеными; видно, что Чижов занят славянскими идеями, в некоторых местах говорит довольно двусмысленно о возвышении народа, о достоинстве человека и проч[ее]. По местам проявляется идея о соединении славянских племен, под российскую, однако же, державу. Между прочим, он говорит: «Славянский период жизни разовьется у нас и нами двинется». Хотя тут не видно ни политических злоумышлений, ни сообщества с кем-либо, хотя Чижов везде является славянофилом [19], вроде московских, которые даже печатают подобные напыщенные и двусмысленные фразы; но несколько сомнительны следующие стихи его, написанные им в альбом Кукулевича [20] под названием «Истинному славянину хорвату от брата его славянина русского»:

Хвала тебе, мой добрый брат,
Свободы отчей защититель,
Хвала тебе, душой Хорват,
Славянска дружества ревнитель,
Хвала тебе.
Воюй за право, за народ,
За отчи нравы, достоянье;
Воюй, но не забудь, что ждет
Тебя вдали еще призванье.

Язык вам снова богом дан,
Права у извергов отбиты...
Кукулевич! язык — дар стран,
Народ — не только лишь племиты [21]

Отбивши силою язык,
Отбейте право для народа
И сделайте, чтоб кмет [22] привык
С племитом быть едина рода.

Кукулевич! Вот, что вас ждет,
Вот в чем славянское призванье:
Когда никто друг друга не гнетет,
Свобода лишь тогда народно достоянье.

Доколе нет ее в простом народе,
Не сыщите ее меж избранных людей.
Терпеть не должен друг свободы
Ни вражеских, ни дружеских цепей.

Вот, мой, Кукулевич, завет,
Вот, братское мое воззванье,
Вот, в благодарность за привет
Моей души открытое признанье.

Да будет счастие народа
Заботой истого и верна славянина,
И да идет из рода в род
Под знамем тем славянская дружина.

Составим общий хоровод,
Составим словом, делом, битвой
И возгласим: народ, народ!
Да будет то — славянскою молитвой!

4. Журнал Чижова в переплетенной книге; здесь он замечал разные встречавшиеся с ним случаи, свои расходы и проч[ее]. Между прочим, здесь описаны свидания его с польским выходцем Мицкевичем. Чижов слушал лекцию последнего о славянах и был недоволен тем, что Мицкевич между славянскими племенами почти не упоминал о русских. Поэтому он ходил несколько раз к Мицкевичу, чтобы объяснить ему ошибочный взгляд его и доказать, что, рассуждая о славянах, несправедливо и невозможно забывать о столь могущественном племени, как русские. Но Мицкевич холодно принял Чижова и почти не хотел рассуждать с ним об этом предмете.

5. Записка Мицкевича к Чижову. Из этой записки видно, что Чижов желал быть у Мицкевича и боялся его обеспокоить; Мицкевич же извещает его, что он никогда не обременится посещением столь достойного человека, как Чижов.

6. Письмо гр. Адама Гуровского (бежавшего из России в 1845 г.) к Чижову. Гуровский жалеет, что он изгнанник, называет Чижова братом по образу мыслей и направлению, и, кажется, сам (Гуровский) принадлежит к пылким славянофилам.

7. Письмо Луи Бонапарта, сына Люциана, к Чижову. Луи собирается издавать словарь всех языков и наречий и относился к Чижову о содействии к собранию славянских слов.

8. Письмо бывшего откупщика Голубкова, из которого видно, что последний, по просьбе Чижова, купил на свой счет и отправил за границу церковные книги, сосуды, ризы и другие принадлежности для православной церкви в Персе, что в Истрии: ибо церковь эта, по бедности, не имела необходимых принадлежностей и в продолжение нескольких лет в ней не было богослужения.

9. Записка московского проф. Погодина [23] к раскольнику купцу Большакову с просьбой допустить Чижова к рассмотрению образов в раскольничьих церквях. Погодин, между прочим, говорит, что Чижов может быть к этому допущен: ибо вполне русский и носит бороду. Чижов, между прочим, выставляет это причиной, почему он отпустил себе бороду.

10. Письмо г-жи Свербеевой, урожденной княжны Горчаковой, в котором она уведомляет его о московских писателях, приготовляющих статьи для его журнала. Копия с этого письма уже имелась в III отделении.

11. Книжка на итальянском языке: «О царствовании Екатерины II и Павла I».

12. Брошюра на итальянском же языке: «О событиях в Тариове во время беспорядков, происходивших в Галиции в 1846 г.».

Между вещами и бумагами Чижова не оказалось ни кольца во имя св. Кирилла и Мефодия, и вообще ничего, чтобы наводило сомнение на связь Чижова с киевскими славянистами и составлявшимся у них Славянским обществом.

Ч. XV, арк. 32—40. Оригінал.

№ 264

1847 р. травня 23.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ Ф. В. ЧИЖОВА В III ВІДДІЛЕННІ

Вопросы, предложенные надворному советнику Чижову и ответы его.
23 мая 1847 г.

1. В каких местах за границею вы были и особенно по каким славянским землям путешествовали и с какой целью?

Начиная с 1840 г. я был два раза за границею. Первый раз мое путешествие было предпринято с целью прежде всего поправить здоровье и потом заняться изучением истории искусств, как одним из самых (по моему понятию) прямых путей к изучению истории человечества. План мой был обширен, и потому в самом начале я предложил себе пробыть за границею как можно дольше; пробыл я около пяти лет. Сначала был на водах в Мариенбаде, потом объехал часть Германии и к зиме приехал в Италию. С этого первого приезда Италия сделалась постоянным моим местопребыванием в зимнее время; летом же обыкновенно я ездил — первый год в Бельгию и Германию и прожил месяца полтора в Дюссельдорфе, другой год — в югославянские страны, о чем скажу сейчас подробнее, третье лето я пробыл в Париже и исключительно занимался по истории Италии и искусств, что видно и из моего дневника, последнее лето я снова был в югославянских странах.

Из славянских стран я был в первый раз в Богемии, именно в Праге, тотчас по выезде заграницу, потом в 1843 г. в Истрии, Далмации и Черногории; в 1844 г. ездил в Истрию, чтоб отвести церковную утварь — ризы, книги и, вообще, все посланное, по моей просьбе, господином Голубковским для Перойской церкви, что на южном берегу полуострова Истрии, близ г. Пола. Наконец, самое большое путешествие по славянским землям сделал я в 1845 г., именно, начиная с Триеста, я был в Фиуме, оттуда проехал через Аграм (Загреб), где пользовался холодною водою, по методе Присница, был во многих местах Кроации, доезжал до военных границ Австрии, потом через Срем и Славонию приехал в Сербию. Тут я прожил недели две в Белграде, с неделю (помнится мне) путешествовал по внутренности Сербии и на обратном пути из Сербии в Вену по Дунаю останавливался во многих славянских городах, в Славонии, в средине Венгрии и у словаков; у последних я несколько дней пробыл в Пресбурге.

Что касается до цели, то первый заезд в Прагу был без цели, просто проездом в Дрезден. В Праге я познакомился с г-ном Ганкою; его славянские идеи, т. е. понятия о близости всех славянских племен между собою и их будущем сближении, увлекли меня, но не оставили почти никакого следа. В 1843 г. я отправился в Истрию совершенно случайно с одним русским архитектором Эпингером. Мы пошли в г. Пола, чтоб видеть тамошние древности. Там услышал я, что в двух часах езды от города находится греческое селение с греческою церковью, и в первое воскресенье отправились туда к обедне. Вместо греческой церкви я нашел там славянскую, где служение происходило на славянском языке, по нашим, киевской печати, книгам. Священник и народ, видевши мою набожность и услышавши, что я русский, были в восторге до такой степени, что в следующее воскресенье не только без моего намека, но даже без моего ведома священник при великом выходе произнес за здравие государя Николая Павловича. После, чтобы не было старику священнику какой-либо неприятности, я дал ему записку, что прошу его вынуть [24] заздравную часть за моих родных и что как мы, русские, не иначе начинаем нашу молитву, как молением о здравии нашего царя, то прошу его при вынимании части упомянуть за царя и потом за боярина та-

кого-то и такого-то. Бедность церковной утвари и всего находящегося поразила меня и я, надеясь на множество моих знакомств, сказал тут же, что я постараюсь помочь церкви. Тотчас же после я написал об этом в Москву к бывшему откупщику Голубкову, и он выслал мне почти на тысячу руб. серебром всего, что нужно было для церкви (письмо № 8). Это было первым моим сближением с южными славянами. Из Истрии отправился я вместе с г-ном Эпингером (весьма далеким от идей) в Фиуме, что в углу́ залива между полуостровом Истриею и Далмациею, а потом в Далмацию. Начало этого путешествия было тоже совершенно без всякой определенной идеи: мне хотелось видеть весь берег Адриатического моря, побывать в Салоне (подле нынешнего Спалатро), древнем городе императора Диоклитиана, и проехать в Черногорье. Все это было у нас с Эпингером сегодня задумано, завтра сделано, до того, что я не знал о том, что он ехал на мои деньги, и поэтому в Рагузе остался без гроша. В продолжение всего этого путешествия я видел самое пламенное сочувствие ко мне, как к русскому, до того, что в одном месте, именно в г. Зара, мне тайно показывали булавочки с портретом государя императора; особенно такое сочувствие выказывалось со стороны православных славян. Здесь, в этих ответах, мне было бы невозможно передавать всего, потому что на всяком шагу я встречал знаки любви и глубокого уважения к имени русского. Идей во всей Далмации очень мало; там не терпят австрийцев за притеснения, народ любит русских за веру и за то, что у нас есть очень много общего в простоте нравов.

Черногорье было последним местом, которое совершенно привязало меня к славянам и заставило невольно всем моим понятием сосредоточиться на этом вопросе, о котором до того мне не приходило и в голову. Все, кого я ни встречал из народа, первым словом приветствовали меня: «Ты, брате, русс...», второе — страстною преданностию к белому царю Николе. Владыка был очень любезен, но в его привязанности не было уже и тени той чистоты, с какою предан народ. Тут замешивались и деньги, даваемые ему государем и надежда на политическое покровительство.

Вот начало моих славянских понятий. В уединении римской моей жизни они развились, я их не останавливал, потому что хотел сам себе решить вопрос со всею отчетливостию: минутная ли это вспышка или что-нибудь более существенное? Это одно. Второе, что за быт славянский, как он выскажется в жизни внешней, особенно политической? Передавать ход идей также невозможно, разумеется, тут входили и понятия о конституции, о республике и я, давши себе полную волю, на несколько времени сделался больше славянином без роду, без племени, чем русским. Только что это попереварилось немножко в моей голове, я в 1844 г. отправился в Париж. Здесь, намериваясь отдаться моим главным занятиям по истории искусств, я непременно хотел тоже познакомиться со всеми главными представителями польских партий и мнений, при этом мне везде препятствовало одно: по понятиям я был идеальным славянином, едва только доходило до дела, я был заклятым русским; само собою разумеется, что это было первым препятствием в соединении со мною не только поляков, но и самых французов различных, так сказать, сект, то есть фурьеристов [25], сен-симонистов [26], коммунистов [27] и мютюалистов [28]. Стараясь исследовать их, я ими не удовлетворялся и хотя еще не совсем ясно, а все находил полное удовлетворение в русской жизни, меня все тянуло в Россию, даже вне моих собственных привязанностей. Здесь я должен упомянуть о поездке моей в Бельгию и о том, как при встрече в монастыре с Печериным меня уговаривали всеми средствами быть католиком и иезуитом, предлагая мне, под рукою, удовлетворение всем прихотям моей природы, особенно намекая на то, что женщины в моем распоряжении и что нет такой высокопоставленной особы, которая не была бы под моим влиянием, при моей силе убеждений. После долгих полушуточ-

ных, полудельных споров я, наконец, сказал, что все это под условием, чтобы я переменил веру, тогда, говорю, я буду в раю, а все русские будут в аду, и мне так будет скучно, что я убегу из рая, и потому во избежание я лучше останусь русским; Россия есть земной рай мой.

В 1846 г. я поехал уже в славянские земли полный идеей о славянском братстве, о славянском мире, в котором, искренне говоря, я не мог дать себе порядочного и точного отчета. Я видел и вижу, что настоящий порядок европейской нравственной, умственной, политической и гражданской жизни нисколько никого не удовлетворяет, видел, что все системы Сен-Симона, Фурье и всех социалистов не прихоть, а необходимость как-нибудь выйти из того, что теснит и жмет не от лица и не от злоупотреблений, а от хода и устройства самой жизни. В мистических понятиях Мицкевича проскальзывало более простого христианского чувства, но все сливалось с какою-то враждою и к Европе, и к русскому правительству. Потом еще одно: все они, не исключая и Мицкевича, предписывали миру то, другое, и я не находил, чтоб исполнение предписаний начиналось с них самих. Первым моим словом было: «Господа, да не лучше ли нам войти в самих себя и себя преобразовать, из себя сделать христиан и людей, приближающихся к нашим понятиям, тогда внешняя форма, в какой мы явимся, будет гораздо ближе к лучшей, нежели та, которую теперь вы назначаете людям». Коммунистам и фурьеристам это казалось, как они говорили, гнилостью загрубелой вещественности, которая ищет одного покоя. Мицкевич отвечал мне на это следующее: «Любезный друг, вы говорите мне тоже, что говорили поляки во время революции; они толковали о том, чтоб чеканить монету и быть народными, а я говорил — надобно драться с русскими; Вашим путем вы проживете хорошо, но проживете одни, а надобно идти и двигать все вперед». Но, возвращаясь к вопросу, дело все в том, что я уцепился за славянскую жизнь, чтоб найти в ней решение современных вопросов и прибавлю — уцепился невольно. С такими понятиями я приезжаю в Кроацию и она, с первого шагу, начала меня, с одной стороны, втягивать еще более в сочувствие к славянам; с другой — просветлять, что я должен быть чисто-начисто русским, что, оставаясь истинно русским, я всего ближе буду к улучшенному состоянию человека, что быть истинно современным человеком — значит быть истинно русским; что ухватиться за какую-нибудь другую форму — значит отставать от века и усиливать в себе внутренние борения собственных требований с внешними явлениями жизни. Все это разовьется ясно в решении других вопросов; теперь я заключу тем, что в прошлом 1846 г. я поехал с намерением побывать во всех югославянских странах, но только, чтоб иметь везде людей, могущих мне сообщать ход литературы и современных событий.

2. С кем из иностранных славянофилов видались вы за границею, какие имели с ними суждения на счет славянства и соединения славянских племен?

С Ганкою, Иосифом Шафариком (что в Белграде), Мицкевичем (в Париже), Гаем, Кукулевичем, Вразом [29], Шулеком, бароном Русландом, Бабукичем [30], гр. Нужаном, митрополитом Раичичем и многими из его свиты (это в Кроации); со всеми в Сербии, из которых нет особенно замечательных имен в отношении к современно-распространенным идеям о славянстве; с Колларом и молодым человеком Кадави в Песте; со Штуром, Янко Кралем и многими, которых не знал или забыл имена,— в Пресбурге; в Варшаве с Мациевским и русским Дубровским. Еще в тот день, как я был в Варшаве, происходило собрание членов Варшавской библиотеки, я зашел, был отрекомендован нескольким, но из множества не встретил ни одной знакомой фамилии; к тому же началось сейчас чтение, которого я не понимал, и потому тотчас же незаметно вышел. Встретился еще с одним французом, кажется, с Marmier или Mérime [31], не помню, за table d'hôte [32] в Париже, но весь наш разговор состоял в том, что он говорил, будто-бы был в России, что хорошо

знает русский язык и производил князь от кнута, великий князь от grand кнут; он обратился ко мне, я отвечал очень спокойно, что такое словопроизводство не всегда верно, потому что все его основание на одинаковости первых двух букв и больше ни на чем и что поэтому можно вывести слово Français [33] от слова fripon [34], что касается до наших разговоров и суждений с славянами за границею, то обо всем этом, для избежания повторений, я буду говорить в ответе на 6-й вопрос.

3. Для чего виделись вы с польскими изгнанниками Мицкевичем и Гуровским, в каких отношениях были с ними и объясните смысл писем, полученных Вами от этих выходцев?

С Мицкевичем, равно как и со всеми представителями партий, мне хотелось познакомиться, как я уже писал выше, для узнания всех оттенков славянского вопроса, но с другими, кроме его, не удалось, потому что, несмотря на желание с ними встретиться, я усердно занимался главным моим делом и к тому же много времени употребил на объезд Северной Франции и на осмотр там готических соборов. Я прямо обратился к Мицкевичу после того, как слышал его лекцию, и, не застав его дома, оставил визитный билетик. После, кажется, на третий день, пошел снова, он меня принял; я говорю ему: «Честь имею представиться, я русский путешественник Чижов». Он наклоняется ко мне, как-будто с ожиданием чего-то. Я думал, что он не понял, сказал то же по-французски. Он снова выслушал меня с тем же ожиданием. Я очень усилил голос и говорю ему: «Peutêtre que vous attendez des titres, je n'ai qu'un titre des titres — je suis Russe» [34]. Тут он переменился и принял меня чрезвычайно ласково. «Donc nous sommes compatriotes,— отвечал он,— c'est á dire d'une grande patrie des pays slaves» [35]. Я сказал ему с намерением, чтоб показать, что уважение мое, как к поэту и современному мыслителю, никак не заставит меня, в угодность ему, изменить что-нибудь в моем убеждении русского. Это потом дало общий тон всем нашим беседам. Мицкевич часто ругал русское правительство вообще, без лиц, но всегда в разговорах со мною с большим уважением говорил о государе и потом русском народе. При суждении о людях чрезвычайно много говорил хорошего о покойном гр. Бенкендорфе и гр. Алексее Федоровиче Орлове, как истинном русском [36]. Мне помнится, что я видел его раз семь или шесть, не могу сказать утвердительно. Однажды заговорили о науке, я говорю, что в Европе il y a des connaissances mais il n'y a pas de la science,— [37] он этим был восхищен и просил позволения ввести другого господина, который очень порядочно говорил по-русски. Я думал было, что это Товянский [38], но после, по описанию, узнал, что не он; кто же то был? Мицкевич мне не сказал и вообще всегда говорил мне: «Нам нет надобности до имен», то есть отстранял меня о вопросе об имении двух-трех лиц, которых у него видел. Кроме этого, он всегда избегал всех споров. Однажды, например, когда он оправдывал свою пропагандическую деятельность в Париже и говорил, что Франция должна подать руку помощи славянским племенам сделаться свободными, я ответил ему, что это никак не укладывается в голове моей: квким образом юное племя, следовательно сильное, вводит новые начала жизни и должно опираться на том, что отжило свое время и, следовательно, в чем всякое движение есть защита своих закоснелых понятий и убеждений. Он отвечал мне: «Любезный друг, не будемте входить в споры, человек не изменит убеждения, оно влагается богом». Я хотел было снова возразить, но мне стало жаль его болезненной природы и к тому же лично, вне своих убеждений и бездны заблуждений, он заставил меня полюбить себя. Не скрывал я от него и того, что не считал его не только русским, по моему высокому понятию о русских, но даже и истинным славянином. «Vous êtes parvenu,— говорил я ему,— vous n'êtes pas noble dans la noblesse de la race» [39]. «У Вас,— продолжал я,— Ваши понятия и то, что в них чистого, приобретены Вашими

традааниями и волнениями жизни, у меня они — чистая принадлежность юего племени. Тогда как Вы высоки, Вы высоки как Мицкевич, я высок не имени, только потому, что я истинный русский».

О политических формах жизни и о славянском внешнем, именно политиеском, соединении Мицкевич со мною никогда не говорил; сознавался тольо в одном, что Польша должна принадлежать России, что это послано ей ак наказание за ее беззаконную жизнь. Как мне кажется, не говорил он не отому, чтоб увертывался от этого, а потому, что наши свидания всегда ывали очень коротки и он всегда облекал все свои понятия в таинственноелигиозные формы, и потому, что я больше слушал его или сам говорил, не спрашивал. Мне очень хотелось узнать все, как они понимают дело, и колько мне показалось, у них не может быть ничего определительного. В онце письма Мицкевич говорит: «Mes rapports avec vous sont basés sur un entiment nouveau parce qu' il s'éleve au — dessus des convenances, des pasions et des intérêts du jour» [40].

Это имеет прямое отношение к его мистическим верованиям, по котороу у славян есть особое чувство — понимать бога, как он выражался и как раздо позже уже моего знакомства с ним, передал он в своей книге «Mesanisme» [41].

С гр. Гуровским я познакомился совершенно случайно в Риме. Наш геральный консул белградский полковник Данилевский (чрезвычайно обласкавший меня в бытность мою в Белграде) жил в Риме в Hôtel de la Minerve [42]. Там за общим столом обедал и Губе, находящийся при Блудове. Однажды туда пришел Гуровский и тут или у Губе, не помню хорошо, они и ознакомились. Данилевскому понравились русские чувства Гуровского, осле он читал его книжку «Impressions de voyage en Suisse» [43], дал ее мне, тим заставил и меня желать познакомиться с ним с условием, если это знаомство не будет у меня отнимать времени и не повлечет за собою пустых приичий. Это условие и то, что Данилевский сам всего раза три виделся с Гуовским, сделали то, что я с ним не сходился. Когда Данилевский уезжал з Рима, я пришел его проводить, тут же зашел и Губе, а с ним и Гуровкий; здесь мы познакомились и сошлись очень хорошо. Особенно нас сблило то, что, не восставая ни против Фурье, ни против коммунистов и не ибегая ни к каким ссылкам (цитатам), мне случалось довольно удачно ничтожать все притязания этих систем на то, чтоб быть законодательными авилами жизни. Точно также было и в разговорах о философии и истории. ровский прибегал иногда к Гегелю, я всегда смеялся над ним, что все и, защищая, не могут не ссылаться на подтверждение того, кого я не примаю никак законодателем, хотя и глубоко уважаю как мыслителя. Сам ровский мне сильно нравился своею открытостью, своими самыми благомеренными суждениями и особенно тем, что почти во всех, о ком он не ворил из наших сановников, да и вообще в суждениях о большей части дей, кроме поляков, он умел показать прекрасную сторону. О государе отзывался более нежели с уважением, а с благоговением [44]. Я говорил им искренно и называл поступок его — уехать из России — в величайй степени легкомысленным. Кроме того, что гр. Гуровский нравился е по многим добрым качествам, еще я имел в сближении с ним и цель личо: он постоянно следит за ходом всех европейских происшествий; я, при х занятиях, не могу следить так неослабно, потому и надеялся в его письк иметь вкратце отчет о всем, что делается в Европе. Письмо его (№ 6) азывает, что точно я не обманулся; в нем он пишет мне о всех римских исшествиях. Слова, где он говорит о поляках как о народе озападившем— суть следствия моих с ним разговоров, в которых я ему доказывал, на всех путях жизни поляки всегда жили подражательно.

4. По какому случаю Вы были в переписке с Louis-Lucien Bonaparte? [45]

Louis-Lucien Bonaparte, сын Люциана Бонапарта, меньшой брат Карла Луциана, Prince de Canina [46], занимается много славянскими языками, т. е. вообще индоевропейскими языками. Меня с ним познакомил один триестинец, доктор Биазолетти, который приглашал меня участвовать на съезде итальянских ученых еще в 1844 г. Бонапарт первый написал ко мне весьма вежливое письмо, прося напутствовать его в изучении славянских языков, я ответил ему и даже подарил славянскую библию, которой он сильно добивался. Он подарил мне итальянскую. После, в бытность мою во Флоренции, я был у него, и мы сошлись очень хорошо. Ему хотелось читать правильно по-русски, хотя и без того он читал очень порядочно: я ему предложил руководствовать его, а он взамен ознакомил меня с основами бискайского языка (la lange Bosque). К тому же мне понравилась и цель или, лучше, то искание, которое заставляло его трудиться над изучением языков. Он хочет издать словарь первообразных слов на 60 языках и в формах языка найти одно из важных доказательств того, до чего он дошел изучением естественной истории, именно, что различные племена народов не суть разности одного и того же вида, но виды одного рода. Чтоб яснее передать, я скажу по-французски, где этим словам дано весьма определенное значение: que les différentes races sont des différentes espêces du même genre, mais pas des différences de la même espêce [47].

Мне понравилось это потому, что я пришел к тому же заключению изучением истории человечества, а особенно руководствуясь в нем историею искусства и историею нравственного развития общества. Все мои сношения с Бонапартом ограничивались извещениями и указаниями на лексиконы, грамматики и библии на разных славянских языках, что видно из письма его ко мне (№ 7). Я дал ему слово писать из России тоже по подобным поручениям и исполню это в первое свободное время.

5. Находясь в Бреславле в 1846 г., Вы говорили, что носите бороду потому, что около Москвы многие помещики отпускают себе бороды, дабы сблизиться с русскими купцами и крестьянами и тем скорее уничтожить разницу между дворянством и низшим классом народа. Почему сами Вы отпустили бороду; поименуйте всех околомосковских дворян, которые носят бороды будто-бы с целью уничтожить разницу между высшим и низшим сословиями и не питают ли эти дворяне каких-либо политических намерений?

В Бреславль я заехал совершенно случайно. Вот как это было: в Ченстохове, на почте, я встретил какого-то господина лет 50, хорошо одетого, который, подобно мне, дожидался отправления почтовой кибитки в Люблинец. Чиновник сказал, что мы поедем вместе, мы начали говорить о дороге, о Ченстоховском монастыре и с первых слов я увидел, что это должен быть варшавский еврей, человек без всякого образования. Поэтому разговоры наши ограничивались самыми обыкновенными вещами. Когда мы приехали в Люблинец и остановились в трактире у еврея, я спросил, идут ли тут австрийские ассигнации, на которые я разменял все мои деньги, потому что при приезде в Варшаву не знал еще о Ченстоховской железной дороге и думал, что всего короче и ближе ехать на Краков; поэтому мне предстояло все ехать через Австрию. Для Италии же я думал разменять ассигнацию на французское золото в Венеции, где они ходят высоко. Мне мой спутник сказал, что здесь не идет австрийская монета, и прежде нежели я спросил счет в трактире, он уже расплатился за меня, предложив мне разменять, сколько мне будет нужно, в Оппельне, до которого он тоже заплатил за меня и в дилижансе. Я видел, что он хочет чем-нибудь при этом попользоваться, и так как это не могло сильно превышать предположенных мною расходов, а вместе с тем доставляло мне возможность быть совершенно беззаботным в дороге, то я и согласился охотно. В Оппельн выехал дилижанс ночью, погода была прескверная, грязь ужасная, от этого мы опоздали, и когда приехали

на станцию железной дороги, едва успели выбрать вещи, как прозвонил первый звонок. Я суетился, чтобы отдать моему еврею деньги, он же со всею наглостью взял просто два билета до Бреславля и говорит мне: это Вам сделает разницы несколько часов, иначе же мы не можем расчесться. Фамилия его, кажется, Розенталь, хорошенько я не припомню. Он старался не показываться евреем, даже бранил жидов и говорил, что они только обманывают. В Бреславле я проговорился, что хочу купить пальто, он сей час призвал ко мне трех купцов с готовым платьем, но так надоел мне примериванием, что я бросил их и ушел гулять, ничего не купивши.

Кроме этого жида, я решительно ни с кем не встречался в Бреславле, пробыл там только тот день до вечера и все ходил по городу, потому что был в нем в первый раз. К вечеру вспомнил, что там живет Челяковский, издавший народные славянские песни. Я вошел в первую большую книжную лавку и тотчас же узнал о месте его жительства. Взял фиакр, отыскал его квартиру, но не застал его дома, а оставил записку, что я такой-то, русский литератор, что мне очень хотелось с ним познакомиться, что я остановился в таком-то трактире; если ему угодно зайти ко мне, я прошу зайти в тот же день, потому что на другой день я должен ехать. Он у меня не был, и я на другое утро, в 6 часов, отправился назад в Оппельн, потом в Ратибор, Ольмюц и Вену.

Говорить о сближении сословий с тем жидом, во-первых, потому я не мог, что тут нет ни тени истины; лучшим доказательством этого может быть то, что я один только из дворян околомосковных ношу бороду; говорили мне еще о каком-то, кажется, Голицыне, не припомню точно его имени, и только. Не мог еще говорить и потому, что это вовсе не был человек сколько-нибудь образованный. Очень может быть, что я говорил, что путешествовать всего лучше с тою наружностью, при которой можно везде сближаться со всеми сословиями, потому что в путешествии я всегда держался этого правила для того, чтоб как можно больше входить во все и видеть; но и то трудно мне допустить, чтоб я и об этом говорил с ним; помню я, что он что-то говорил о газете в Варшаве на двух языках — польском и русском, о том, что если бы понадобились печатные машины, то он взялся бы выписать в очень рассрочил бы плату. Я все это принимал довольно сухо и холодно, да и до того мало обратил внимания на все его предложения, что даже не взял его адреса; знаю только, что он живет в Варшаве. Лучшим же доказательством все-таки остается то, что я решительно не знаю ни одного дворянина, который носил бы бороду, и, следовательно, с какой бы мне стати говорить, да и кому еще, первому встречному жиду.

Сам я начал носить бороду, выехавши в 1841 г. за границу, сперва просто потому, что там все носят и что это доставляло мне большое удобство при моей очень малой заботливости о внешности. После, приехавши из-за границы, я оставил ее больше по сделанной мною привычке, пока еще без всякой цели и намерения. Когда я проехал от Радзивилова до Киева, потом до Прилук, Новгород-Северска, съездил в Москву и в деревню моей матушки в Костромскую губ., я нашел, что борода моя дала мне много способов прямее и лучше смотреть на ход вещей потому, что все были со мною запросто, мужики рассказывали все подробности их быта и их промышленности, что меня очень занимало. Тут тоже меня приятно поразила вежливость на станциях, чего прежде не было и чего я никак не мог приписать моему чину, потому что об нем всегда узнавали уже после из подорожной. Потом вежливость высших чиновников и крайнее пренебрежение, оказываемое низшими, пока они принимали меня за купца. Но всего более заставил меня, после с некоторым упрямством, носить бороду предмет моих прошлогодних и нынешнего года занятий. В последнее время я очень много занимался историею искусств, еще в Риме в Венеции и в Сиене увидел я ясно, что византийская

школа имеет свою особенность, что она была прямым источником, а не только поводом (как говорят во Франции, Германии и Италии) итальянской живописи, наконец, что в ней сохраняется именно тот характер, который существенно отличает образ от картины. Бывши в Сербии, я нашел церковную стенопись XIII и XIV ст., которая утвердила меня еще более в той мысли, что византийская школа не только имела свою самостоятельность в иконах, но и в стенных изображениях евангельских и библейских происшествий. Тут же, тотчас после моего приезда в Россию, попалась мне в руки вновь тогда вышедшая русская книга об иконописании. Выводом моим из всего было то, что наша иконопись требует изучения, что автор книги об иконописании, какой-то епископ, занимался очень много изучением иконописи, но за то сильно слаб в изучении живописи и что потому он вовсе неясно и неопределенно понимает их различие. Приезжаю я осенью 1845 г. в Петербург, вижу, что и наши художники, поняв, что государь император любит все русское, начали тоже писать в византийском стиле (по их выражению). Таковы образа Брюлова [48] в церкви св. Екатерины на Аптекарском острову и таковы некоторые попытки Бруни [49] в его картине «Покров божией матери». Но эти произведения византийского стиля — решительно ворона в павлиньих перьях; в них есть подделка под византийские образа, искажение итальянской живописи и ничего самостоятельного. Тут я принялся за изучение нашей иконописи дельнее, и тут моя борода доставила мне возможность видеть такие драгоценности у раскольников, каких никакими иными средствами видеть невозможно. Человеку, не упражнявшемуся в присматривании к образам, покажется это исследование пустым, но я с этим никак не могу согласиться.

Вот полный ход причины, почему я начал носить, ношу бороду и прошу позволения еще несколько времени носить ее, если это нисколько не навлечет на меня неблагорасположения правительства. Что борода моя не соединяется с французскими идеями, в том легко убедиться, взглянувши на простоту моей одежды и войдя в то, что я никак и никогда не искал и не ищу какого бы то ни было значения в светском обществе, что я точно смотрю дельно на вопросы о русской иконописи, так же, как церковной стенописи и нашей церковной архитектуры, в том могут уверить две мои критические статьи, помещенные во втором томе Московского ученого и литературного сборника, одна на римские письма Муравьева [50], другая — на памятники московской древности Снегирева.

Об околомосковных дворянах я не могу ничего сказать потому, что немногих знаю. Знаю, что никто из них не носит бороды и знаю еще одно, что все из моих знакомых и приятелей, весьма много занимаясь вопросом о нравственном и умственном развитии России, никаких политических намерений не имеют, по крайней мере мне никогда ничего не поверяли, хотя мои московские знакомые со мною весьма искренни. Сколько я могу проникнуть в ход современной жизни, думаю и, кажется, могу утверждать, что в России политических намерений теперь родиться не может, не из боязни, потому что всегда находятся отчаянные, и не от того, чтоб теперь стали тише, чем были прежде, а именно потому, что все истинно русские образованные люди убеждены, что Россия и царь слиты в одно нераздельное, что любить одну, не любя другого, нет возможности и что в том и состоит быть русским, чтоб это убеждение перешло за пределы личных небольших неприятностей и личного незначительного утеснения [51].

Все это я говорю так, как я сказал бы, идя принимать причастие. Ручательством в истине слов моих для самого меня мое глубокое душевное убеждение; для правительства то, что при самых либеральных моих понятиях в 1830 г., прибавлю при этом: при моем открытом характере и при моей удобоувлекаемости я никогда не сделал ничего, в чем бы выказались враждеб-

ность к правительству, говорил, писал много для себя, особенно говорил, но об этом будет особенный вопрос.

В заключение ответа на пятый вопрос я, как благородный человек, считаю непременною обязанностью моею прибавить следующее.

До сего времени никто из русских не передавал мне никаких политических намерений и ни у кого я не мог их проникнуть. И то и другое я говорю утвердительно. Но случись, что я проник бы их, пусть меня правительство судит, я скажу искренно, что я избег бы встречи, дабы не слышать ничего. Если бы услышал изложенными на словах подобные намерения, я заставил бы говорящего объявить их, но не в состоянии был бы доносить [52]. Может быть, это назовут во мне мелочными и ложными понятиями о чести, я не буду оспаривать, а только покорнейше прошу позволить мне со всею искренностью передать их, чтоб правительство видело меня таким, каким я есмь, а не таким, каким, может быть, я бы должен быть по его понятиям. Говоря это, я не разумею правительственных лиц, о которых все и каждый говорят и судят везде, но общий порядок управления.

Что касается до особ царского дома, то тот, кто бы решился объявить мне о каком бы то ни было резком против них поступке, был бы непременно и всенепременно заставлен мною объявить это самое самому правительству. Слова эти не вызваны моим настоящим арестом, но они давно уже составляют основу моих нравственно-политических правил [53].

6. В журнале путешествия Вашего, находящемся в Ваших бумагах, видно, что Вы особенное внимание обращаете на предмет славянства. Подробно опишите, в чем состоят Ваши мнения о славянстве, не входило ли в предмет размышлений ваших соединение славянских племен и под какой формой правления, каким образом вы понимали политический быт древних славян и какие выводы делали для настоящего и будущего положения всех славянских племен?

Ход моих славянских понятий и сближения моего с славянами я изложил подробно в ответе на первый вопрос. Вместе с постепенным сближением, разумеется, изменялись у меня и понятия о славянском мире. Я прошу позволения изложить ответ очень обширно потому, что он же будет ответом и на 2-й вопрос и на вопрос 12-й. Здесь я поневоле должен буду прежде всего обратиться, во-первых, к отвлеченным понятиям об истории, во-вторых, к ходу собственного моего исторического изучения, потому что без того и другого многое покажется или неясным, илв странным.

Изучая историю, я не мог понять, зачем передают нам сотни тысяч событий, которые ни к чему не йдут и нисколько ни около чего не сосредоточиваются в голове; после, когда очень пошли в ход так называемые идеи народов и их призвания и когда немецкие системы и французские профессора и социалисты очень умно подвели под них все события, я часто, совершенно разноглася с ними в самом себе, опять спрашивал себя, откуда же эти идеи и брошены ли они в мир на удачу или являются и, так сказать навязываются на каждый народ по какому-нибудь общему закону развития человечества?

7. Объясните смысл и цель стихов, находящихся в том же журнале Вашем, к Хорвату? Не означают ли стихи эти, что Вы желали неограниченной свободы и того, чтобы народ был главным орудием в государстве?

В этих изысканиях прошло у меня более десяти лет, разумеется, на каждой ступени, старался я себе определить формы жизни во всяком народе и, не могши сбросить с себя западных понятий, по моей свежей природе русской, бросался в крайности понятий либеральных. Мои предварительные занятия физиологиею в университете после, когда я уже был магистром физико-математических наук, посещение лекций в Медицинской академии, особенно же чтение физиологии, навели меня прямо на естественный ход всеобщего развития. Следуя за ним, если я и не решил подробностей исторических, то по крайней мере ясно понял ход и историческую необходимость

всех событий от индусов до последних европейских переворотов. Не заходя дальше, скажу самые близкие выводы.

Каждый период истории являлся в мире непременно с поступлением на историческую деятельность нового племени; ни разу не было из этого исключения.

Вновь вступавшее племя было не умнее предшествовавших, но в своей природе носило начало чего-то, самому ему неведомое, что потом двигало его шагом вперед и что делало образованность каждого последующего периода, при полном его составе и оконченности, гораздо более развитою, нежели периода до него бывшего.

Каждое племя (race) разделялось на ветви (branches); из них одни истощали свои силы преждевременно ранним слиянием с бывшим до них племенем и пропадали без всякой особой исторической самостоятельной деятельности, другие долгим отчуждением и своею отдельностью жизни сохраняли в себе всю силу своей природы и потому, вступя в деятельность всемирную, совершенно преобразовывали мир. Индусы, египтяне, греки, римляне, народы италианские или романские, народы германские, народы германо-британские — вот все отдельные периоды истории. Сущность их природ: «всебожіе, всѣбожие» (разница в том, что первые принимали нераздельно всю природу за бога, вторые называли божеством все в внешней природе отдельно), человекобожие, переход его к христианству, христианство, в первом периоде италианском — под условием господства чувства, а германском — господства ума или анализа, в германо-британском — под условием деятельности.

Формы, в каких каждое племя вступало на историческую деятельность, были одинаковы в том, что в них всегда являлся непреложный закон развития, и совершенно различны по подробностям, потому что всегда заключали в себе различную сущность.

Этих двух чисто отвлеченных, по-видимому, понятий уже довольно, чтоб объяснить почему при общем недовольстве всей Европы, при общем ожидании и стремлении к лучшему и к тому же на всех путях жизни, т. е. в быту нравственном, гражданском и политическом, почему тотчас многие увидели, что приходит время вступить в историю новому племени.

Эти многие произнесли, что грядущее племя будет славянское, которого мы, русские, прямые и едва ли не единственные представители потому, что из остальных племен, все более сохранившие в себе нетленность природы, близки к русским и любят русских не по идеям, а просто называют «брате» и белого царя только что не называют своим царем [54].

Что славянское племя и мы, его главные представители, выбраны не случайно, а на исторических основах, то показали явления той же истории.

Первым явлением нашей всемирной исторической деятельности было соединение нас с Европою Петром Великим. Не вините нас, если мы, русаки, глубоко уважая личное его величие, никак не можем с благоговением принимать все подробности самого преобразования. Это не враждебность, а просто дань тому благодетельному переходному состоянию, которое вывело нас из прошедшего поколения, стыдившегося говорить по-русски, никогда не думавшего по-русски и желавшего России самого нерусского счастья, т. е. просто гибели, несмотря на то, что многие из желавших были весьма благородны и чисты в пределах своего убеждения.

Второе явление, хотя еще тоже, если и не страдательное, то по крайней мере не больше, как такое, при котором только отстаивали и защищали свое, была встреча у нас Наполеона. Не только народ, но и все те, которые получали воспитание самое нерусское, все восстало и не нашлось нисколько ни изменников, ни даже таких, которые увлеклись бы величием всеевропейского завоевателя. Вот где начинается решительное явление нового племени

и где на деле высказалось, какие из его ветвей будут средоточием и какие погибнут без всякого исторического самостоятельного значения. Кто был под знаменем Наполеона, тот втянулся в западноевропейскую жизнь, следовательно, тому не суждена уже жизнь самостоятельная.

Третье явление, именно начало нашего деятельного вступления на поприще истории, есть царствование Николая Павловича. Мы стали русскими, гордимся тем, что мы русские, смело говорим, что мы русские, на всех путях жизни, даже отвлеченной, как-то: в искусстве и науке стремимся быть русскими, как вам угодно, а если не называть это переворотом и самым благодетельным переворотом, тогда протестантство и подавно нельзя назвать им. Что у нас все делается тихо и спокойно, за это нам остается только благодарить бога; к тому же, вникая в ход истории и в сущность прежних и настоящего ее периодов, нельзя было иначе и предполагать[55]. При ответах моих в настоящем случае, где между мною и первыми правительственными лицами нет никого постороннего, я считаю долгом не останавливаться на первых ступенях искренности и прибавить, что по моему историческому и практическому убеждению все представимые уму перевороты должны происходить у нас тихо и непременно бескровно и тем тише, чем будет естественнее и народнее наше развитие и ход нашего образования [56].

Между тем, как мы русские приходим в истинно русских, но развитых, знакомых с умственною и нравственною жизнью во всей ее современной полноте, между тем, как мы, говорю, приходим на деле, западные славяне видят новое явление в истории, и начинают разбирать нововступившее на деятельность племя славянское по немецкой системе. Шафарик, Ганка, потом Палацкий [57] и другие начали разрабатывать славянские древности на всех путях: в памятниках, в преданиях и в литературе. Вообще все эти люди кажутся мне усидчивыми немецкими учеными. Движение всей Богемии я знаю по рассказам, потому что после 1841 г. больше не бывал в ней; в нем видно одно крайнее недовольство порядком вещей, для которого нашли название в всеславянстве (панславизме) [58]. Весь будущий политический быт богемцы представляют, кажется мне, в славянских штатах, строя их устройство по немецким системам и подтягивая под них исторические изыскания и известия о древнем быте богемском, которого я знаю очень мало.

Движение поляков, как известно, было чисто политическое, сначала противорусское, потом, видя, что везде им едва ли не хуже, чем в России, и не будучи по самолюбию и народной гордости в состоянии с этим согласиться, они бы рады, что могут найти себе место в понятии о всеславянстве (панславизме) и пристали к панславистам, но без всякого смысла. Одни с фурьерическими, другие с коммунистическими идеями пошли по разным дорогам, «кто в лес, кто по дрова».

Гораздо определеннее и важнее движение иллирийское [59], там славянство и особенно резкая отрасль его — иллиризм — распущенное знамя, под которым идут к непременному перевороту, какому? Определительно указать я бы остановился, но вот его содержание: Кроация, Каринтия, Карниолия, Срем, Славония, Бачка, Банат и все военные границы поселены решительно почти одними славянами.

Когда Кроация досталась Венгрии по замужеству, тогда венгерцы, т. е. маджары, ввели в нее свои постановления и особенно свою аристократию, о которой, в ее европейском значении, там не было и понятия. Богатые семейства, увлеченные выгодами, помаджарились до того, что многие переменили свои фамилии, другие, хотя и оставались при своих именах, но, разумеется, сделались магнатами, со всеми правами магнатства, а с тем вместе приняли сторону маджаров; их там зовут маджароманами. Народ сделался рабами неключимыми. Наше крепостное сословие на деле — высокое счастье в сравнении с кметами (крестьянами). Эти никогда и ни под каким видом,

ни при каких достоинствах не могут выйти из своего звания. Они не имеют никто ни малейшей своей собственности. До 1841 г. или около того было так, что если кмет убъет племита, тогда он предается казни, а племит кмета — ничего. По законам он тоже судится, но он может убежать, а схватить его, необвиненного, ни полиция, ни само правительство не имеет права.

Теперь славянство с языком ввело так называемое у них среднее сословие, так называемых литерарных людей, и по существу и по основам сословие преглупое, одно только то хорошо, что как никак, а образовались люди, которых нельзя убивать безнаказанно. Вместе с тем и права магнатов уменьшились, т. е. не сделано посягание на их обширность, а только отнята возможность производить явные преступления почти безнаказанно. Здесь первым движителем политическим был гр. Драшкович: он первый, кажется мне, в 1832 г., отправляя депутатов на Пресбургский сейм, дал им письменное наставление требовать права говорить на своем языке. Характера его я не знаю потому, что знаю его не больше, как по двум брошюрам, а лично не успел познакомиться.

За ним гораздо уже важнее явился Гай. Соотчичи его до сих пор не признают важности его дела, потому что оно, по-видимому, очень ничтожно. Гай только и всего, что ввел новое правописание, именно для всякой славянской буквы уставил знак в латинской азбуке, потом еще начал издавать славянскую газету под названием: «Иллирийские новины» [60], но дело в том, что с этого времени все выше поименованные области начали разуметь друг друга и передавать друг другу письменно свое недовольство. С той поры и пошло одно за другим и, разумеется, что шаг, то далее. Австрийское правительство, при всей своей прозорливости, не поняло ясно нового движения, и я иначе не могу этого объяснить, как только тем, что Метерних судил по рутине прошедшего. Он больше всего боялся собственно маджарского народного движения: их весьма свободной конституции и революционных идей, а потому стал держать сторону хорватов, т. е. народов Кроации и других областей до Славонии. Вследствие этого славяне настояли на том, чтоб им позволили в своих частных собраниях говорить речи по-славянски.

Тут самыми ревностными были гр. Драшкович, гр. Оршич, гр. Нужан, Кукулевич и другие второстепенные лица. В Славонии самым ревностным защитником языка и православной религии был митрополит из Карловца, что на Дунае, Раичич.

К этому самому Кукулевичу и писал я стихи, о которых говорится в 7-м вопросе. Признаюсь, первый раз во всю жизнь мою писал так, чтоб кто-нибудь видел их, да и видно по стихам, что не мастер. Значение их теперь, когда я изложил движение иллирийское, очень понятно: в них нет никакого отношения к России, как видно и из стихов, а все к Кроации. У них же дать облегчение участи народа есть уже не дело политическое, а я не понимаю, как можно видеть подобные ужасные притеснения, нося имя христианина. У них бить, убить, взять жену, дочь, не по злоупотреблению, а по порядку вещей потому, что нет суда, ничего не значило. Растление нравов и разврат невыносимый. Далекий от того, чтоб быть святошею, я не мог смотреть на все мерзости и хладнокровно слушать об них. Новое среднее сословие, то есть ученые, писатели и адвокаты, последних там неисчислимое множество, ведут себя строже; как потому, что поддерживаются деятельностью, так и для того, чтоб быть безукоризненнее в глазах племитов.

Из лиц замечательных: Кукулевич человек пламенный, живой, совершенно открытый и истинно благородный. Хитро действовать он не в состоянии и потому теперь ограничивается тем, что сильно говорит в пользу языка и народности на сейме.

Гр. Нужан очень богатый магнат, сильнее и с более обширным взглядом, чем Кукулевич. Оба они смелы и с убеждением и потому пользуются

общим уважением вместе с прочими, не составляя, впрочем, никакого средоточия.

Здесь, кроме Гая, кажется, нет никого особенно замечательного. Гай необширного ума и еще меньшего образования, но очень смышленный плут, хитр, к тому же самолюбив, честолюбив, корыстолюбив и завистлив. Он прикидывался и поклонником государя Николая Павловича, и обожателем всего царского семейства, но едва я немного выказал, что понимаю такую его любовь, он сейчас же начал пробовать меня с либеральных и даже очень противумонархических понятий. Теперь, пока он еще ищет какого-нибудь значения, может быть, мечты его залетают и далеко, но скоро, разочаровавшись, он будет искать одних денег.

Все другие решительно незначительны, они или полупоэты, или полученые. Во всех моих с ними столкновениях всегда, хотя и не прямо, у них высказывалась нелюбовь к России. Личное стеснение, недостаток гражданской свободы, образ правления — вот на что они указывают беспрестанно, но слегка и не прямо, а отрывками, при частых случаях. Все это им не нравится, они непременно хотят соединения свободных штатов. Я почти все время был нездоров, лечился водою, потому не мог никогда говорить со всем сосредоточением, оттого до последнего дня мы жили мирно. В последний день я был сильно встревожен двумя лично мне неприятными письмами, к тому же мне уже и надоело все слышать, хоть издали, что всего должно ждать от Иллирии, и я просто сплеча отрезал им, что нам, русским, не до славянства и не до штатов, что мы будем славянами, когда будем истинными русскими, а что подделываться из какого-то мечтательного понятия о чем-то, тоже мечтательном, было бы просто мельче, чем глупо, для человека, принадлежащего к тому государству, которое, не подделываясь само, сделалось властелином чуть не полмира. Дальше, что существование штатов как-то еще для всех, даже при разговоре один на один, загадочно, а существование единодержавия у нас не только вросло в понятие, но слилось с молоком матерей и вошло в плоть и кровь отцов каких-нибудь почти пятидесяти миллионов, особенно нас, настоящих русских. Это сильно поразило их; они сначала замолчали, а потом стали в сто раз уважительнее со мною обходиться.

В Славонии, Среме, Бачке и Банате ко всем другим причинам неудовольства присоединяется утеснение славян православного исповедания. Оно состоит в том, что эти последние, кроме всех государственных повинностей и налогов, несут еще тягость содержать свое духовенство, т. е. , собственно говоря, они содержат и католическое, и православное. Католическое потому, что оно содержится из сумм государственных, православное — потому, что они сами ему платят; так же точно и потому же и содержание школ ложится на них вдвойне. Здесь самое важное лицо — митрополит нашего исповедания Илия Раичич. Подробностей его характера я не мог изучить, но знаю одно, что он пользуется чрезвычайною любовью всего края; меня он принял со всем радушием единоверца, говорил в самом умеренном духе о горьком состоянии православной его паствы и особенно о том, что трудно иметь такое духовенство, каким бы хотелось его видеть. Он до такой степени любим всеми, что ему в день его именин поднесли стихи католическое и протестантское духовенство, в которых, восхваляя его достоинства, особенно превозносят его за то, что он охраняет церковь, ту церковь, какую и мы любим, прибавляют подносители стихов; это, вместе с другими указаниями, уверяет митрополита, что там очень бы охотно славяне приняли православие, если бы только не было воспрещено такое принятие. В последнее время, едва только разрешили, тотчас же множество сделалось православными.

Вся военная граница, хотя едва-ли не больше православного исповедания, но мало разделяет общее стремление к иллирийской народности. Я ее знаю мимоходом.

Далмация сильно недовольна австрийским правительством, в ней еще внутреннему соединению всех много препятствует различие религий. Здесь на 500 тыс. католиков не более как 75 тыс. православных. Все православные привязаны к нам чрезвычайно, католики говорят о славянском братстве, но политических мнений вообще ни от кого во всей Далмации я не слыхал. Есть одно со стороны православных — любовь к государю Николаю Павловичу.

Черногорцы себя считают почти что русскими: владыка — человек очень добрый, с доброю душою, но его успели уверить, что необходимо надобно быть образованным человеком по понятию австрийцев, т. е. говорить по-французски и немецки, не иметь никакой религии или считать ее только достоянием черни и способом держать ее в предрассудках. Он говорит о славянском братстве, народ же его считает себя почти русским, и все с восторгом говорят о государе, и более всего об нем говорят с нами.

Сербия по направлению умов вся разделена на две части. Весь народ предан России и любит русских; почти как черногорцы любят и царя. Все правительство, когда я был там, боялося ее и, разумеется, не доверяло ничему.

Передавая искренно политические свои понятия, сербы никак и никогда не изъявляют желания быть под правлением России; но все вообще, как они, так босняки, булгары и албанские славяне, питают сильную надежду на то, что, при первом перевороте, Россия поможет всем освободиться от турецкого ига. В Боснии и Булгарии православные христиане в самом ужасном утеснении, во-первых, от произвола турок, во-вторых, от грабежа греческих митрополитов, вследствие которого величайшая необразованность духовенства, простирающаяся до того, что большая часть священников не умеют ни читать, ни писать.

В последнее время я слышал, что на Сербию сделала очень большое влияние милость государя, именно орден, данный князю, и я уверен, зная весь состав тамошнего правительства, что, если бы угодно было наградить попечителей, т. е. тамошних министров и председателя совета, то одним бы этим Сербия столько получила бы доверия, что европейская дипломатия не могла бы иметь там ни малейшего влияния [61].

Впрочем, там нашим генеральным консулом полковник Данилевский, лично преданный государю до того, что в искреннем разговоре не может говорить об императоре без душевного восторга. В бытность мою в Белграде его там не очень любили за недостаток простоты и за то, что он считает их не слишком образованными, между тем как у них много природного чутья. Все они, например, единогласно и единодушно любят гр. Алексея Федоровича Орлова и зовут его настоящим русским барином [62].

Самым талантливым из всех западнославянских племен я нашел словаков, из них, собственно, вышли Шафарик и Коллар, хотя и писали по-чешски. О первом я уже говорил, второй — чисто поэт и в своих «Взаимностях славянских народов» [63], и в «Дщери славы», и в своих проповедях, но везде поэт-протестант. Учение его не дает приюта его душевной теплоте, и он всю ее излил на славянство.

Теперь словаки разделились на две ветви: одни — прежние писатели, все продолжают писать по-чешски, а называют язык словаков языком свинопасов; другие, молодые, под предводительством Штура и Гурбана [64] пишут на том языке, на котором говорит народ и который гораздо ближе к нашему, нежели чешский и польский. В Штуре я нашел самого даровитого и самого умного из всех современных славянских писателей. Все и везде, говоря о братстве славянском, понимают его под необходимым условием считать себя старшим в семье славянской, после себя русских, Штур первый на вопрос мой об этом отвечал: «Тот славянский народ будет средоточием,

который сохранил и отстоял свою политическую независимость, имеет свою собственную, никем, кроме бога, не данную ему форму политического быта, который сохранил свой собственный язык во всех отраслях жизни — и в суде, и в семье, и в обществе, и в церкви; наконец, тот, на которого все смотрят как на колосса славянского; это вы — русские». Чтоб испробовать, были ли это слова от души или просто из какой-либо цели, я говорю ему, но все это хорошо в возгласах, а не забудьте, что вы имеете гражданскую свободу. Не нашу ли конституцию, отвечал он, вы называете гражданскою свободою, найдите мне оковы, которыми бы сковало всякое благородное развитие, у вас же я вижу одно то, что десятки миллионов привязаны к одному лицу и не только думают, а веруют, что в нем источник их всеобщего благоденствия. Как вам угодно, но для меня это свобода привязанности, которую невозможно приобрести ни страхом, ни подкупом и которая продолжается целые века, это для меня что-то такое, чего я не встречал в прошедших периодах истории человечества. Потом, когда мы пошли на Татранскую гору, с которой они мне показывали монастыри Кирилла и Мефодия и где они пели древнюю славянскую песню, то тот Штур показал мне на течение Дуная и говорит: «Здесь один из царей русских, как бы по внушению св. духа, понял политическое назначение Дуная. Ваш царь Петр Великий, указав на Дунай, сказал: «Это естественная граница России».

Кроме всего этого, мне еще был случай удостовериться в искренности убеждений Штура. Еще в Песте я слышал, что польская пропаганда партии Черторижского предлагала ему плату лишь бы только в своей новой газете «Narodny slovatsky noviny» [65] и литературном к ней прибавлении под названием «Tatranski orel» [66] он говорил все противу России и за Польшу, что было бы совершенно согласно с духом маджаров, которые терпеть не могут русских и потому безпрестанно возглашают о страданиях Польши. Штур решительно отверг всякое предложение и скорее решился подвергнуться недоброжелательству и даже гонению маджаров, сильнейшей стороны венгерского сейма и правительства, нежели изменить своему убеждению.

Вот все мои сношения с славянскими народами и обрисовка всех главнейших их представителей. Я не поименовал сербов: Вучича, Петроневича,[67] но их мнения являлись ясно в их действиях и всех их можно соедиинить в одно лицо — сербское правительство, потому что верховная их особа, князь, решительно ничего не значит.

Все это я должен заключить ответом на конце 6-го вопроса: каким образом я понимаю быт древних славян и какие выводы делаю для настоящего или будущего положения всех славянских племен?

Быт древних славян известен нам очень и очень мало, что известно, то является везде под весьма различными внешними образами, и потому мне, не занимавшемуся изысканиями, а пользовавшему готовыми исследованиями, трудно было соединить их воедино. Однажды я напал на след сходства наших прежних великокняжеств с древним княжеством Поличка, находившемся на берегу Адриатического моря и оставшемуся при своем прежнем устройстве почти до последних времен Французской революции. Там главный правитель назывался великим князем; это я нашел в одной книге, изданной в Венеции в прошедшем столетии, помнится «Il iiaggio dell' Abbate fortis» [68] или что-то тому подобное. Я сообщил это Мациевскому в Варшаву, потому ему, а не другому, что он занимался древним правом славянских народов.

О будущем положении славянских народов я пока ничего себе не решил, потому что, по моему мнению, как бы оно не выразилось, оно выразится так или иначе только вследствие нашей русской жизни, а русскую жизнь, как она ни переходила у меня через все формы, не могу понять без русского царства.

Далее, чтоб окончательно ответить на последние слова 7-го вопроса: не означают ли стихи мои к Кукулевичу, что я желал неограниченной свободы и того, чтобы народ был главным орудием в государстве?

По моему понятию, выражение «неограниченная свобода» не имеет смысла ни при какой форме общественного устройства, потому что всякая, хотя бы демагогически-республиканская непременно должна будет иметь законы и, следовательно, ограничения. В стихах к Кукулевичу писать о свободе было совершенно сообразно с их положением и требованиями: они требуют свободы, а сами сильно, как я изложил, утесняют народ. Чтобы народ был главным орудием в государстве? Никак не орудием, но чтоб благоденствие большинства было главною основою государства, это я думаю и даже уверен, что есть непременное желание всякого христианина, а в деятельности государственной самым лучшим моим историческим свидетелем представлю постоянное стремление нашего правительства.

У нас бездна злоупотреблений, бездна неисправности и искажений в исполнении, но все мы, разумеется, благонамеренные, не ищущие прицепиться ко всему, убеждены, что каждое новое постановление имеет целью улучшение быта большинства, т. е. народа.

8. Вы намерены издавать с 1848 г. «Русский вестник». Не предполагаете ли вы распространять посредством этого журнала свои славянские идеи?

Я предполагал, между прочим, напечатать все мои статьи, вошедшие теперь в состав второй части Литературного и ученого московского сборника [69]; потом отрывки путешествия моего по славянским странам из моего дневника; далее постоянно следить за литературою всех славянских народов, получая известия из всех мест, но это не ежемесячно, а изредка, месяца в три раз. Вот все, что я предлагал в отношении к славянам; не для распространения славянских идей, а просто как сведения и как вопросы чисто литературные и ученые. Что касается до идей моих, то какую статью мою ни прочтите — они русские и чисто русские. В журнале моем мне хочется помещать все оригинальные статьи, совершенно, если можно, избавиться от переводов, а только подробно разбирать все замечательные современные сочинения европейские, так чтобы такие разборы давали полное понятие и о содержании, и об исполнении и были бы составлены умом русским. Хотел я просить позволения также разбирать все сочинения, выходящие за границею о России, разумеется, если они в пределах умеренности; если позволят, тогда будет другая просьба, чтоб такие разборы не шли в обыкновенную цензуру, а в канцелярию его величества. Их должно быть очень немного — два или три в год. Все остальное желал бы я иметь чисто русское, но от меня зависит одно желание, а успею ли или нет — это уже покажется на деле, во всяком случае скорее откажусь по истечению года от издания журнала, нежели решусь наполнять противурусскими по направлению, статьями.

9. Кто в Москве и других городах России преданы славянским идеям? Опишите подробно образ мыслей в этом отношении: Шевырева, Хомякова [71], Киреевского [72], Соловьева [73], Александра Попова [74], А. Языкова (в Симбирске), Панова [75], Галагана и прочих, из которых одни будут участвовать в вашем журнале, а другие находились в сношениях с вами?

Кроме всех поименованных, знаю я еще Николая Ригельмана в Киеве, проф. Бодянского в Москве, проф. Погодина, Элагина [70], вот, кажется, и все, по крайней мере я других не припомню в эту минуту. Профессора Бодянский и Погодин известны мне своими сочинениями, не больше; с обоими я знаком, но чисто ученым образом. С Бодянским потому, что дал я в их «Чтения исторического общества» перепись бумаг, найденных мною в Венецианском архиве, относящихся к сношениям Венецианской республики с Россиею. С Погодиным сходился больше и сколько узнал его, он русский совершенно; повидимому, политических идей никогда не касался; я сужу потому, что никог-

а в разговорах с ним не случалось ничем касаться не только политических, ю и нравственных вопросов, о славянах и о России. Всегда он оставался в области довольно сухой истории и одних исследований, часто даже без выводов.

Шевырев сочувствует славянам по одному языку, православным и по религии; но всегдашнее его слово бывало: нам надобно, чтоб все лучше были русские, нежели нам, русским, искать какого-нибудь другого начала. Он исключительно предан русской литературе и древнеславянской, но славянской в значении языка, т. е. церковнославянским письменам, бывшим единственными нашими письменами до Петра Великого, а не литературе других славянских народов.

Всех выше по уму, по таланту, по обширности взглядов и по начитанности — Хомяков. Он один понимает вполне историческое значение слова — славянский мир, разумея тут, как я это выше изложил, название всего племени и ничего политического. В весьма частых с ним свиданиях и самых дружеских сношениях наши разговоры и споры имели предметом всегда нравственное и умственное развитие России. В политическом отношении его убеждения о слиянии, ничем не разъединимом, царя с Россиею стойче, я думаю, чем у всякого другого. В деятельной жизни он до того русский и православный, что сохраняет все посты, и не изменил этому с детства.

После Хомякова, по уму, я поставил бы Попова, хотя далеко не по таланту. Попов занимался изучением славянских языков, был в славянских странах, но неизменно оставался русским, и я должен сказать, в сознание собственной слабости моих понятий, гораздо неизменнее меня. Я, как Петр Апостол, бывало и отрекался, когда нападут на меня идеи, Попов моложе гораздо и всегда неизменно видел все, только как частные движения, следствия разных причин, но все средоточие жизни находил в страстно любимой им России. Он положительнее других, поэтому увлекается менее и судит прямее и осмотрительнее.

Из Киреевских я знаю одного Ивана Васильевича, и то был с ним вместе раза три и никак уже не больше четырех. С ним мы все говорили о моем будущем журнале и при таких коротких свиданиях не имели времени говорить более. Однажды я долго просидел у него, и он просил меня, чтоб я сказал ему мои исторические убеждения, без которых, он говорит, в науке будешь ходить ощупью. Из его возражений я видел, что он во всем смотрит глазом человека, совершенно погрузившегося в учение православной церкви, до того, что, нападая на меня за поездку за границу и за то, что я оставляю издание журнала до 1848 г., он непременно требовал, чтоб я запасся книгами духовного содержания.

К Петру Васильевичу Киреевскому я писал, но только потому, что нас обоих соединяла братская дружба с покойным Языковым, лично же мы друг друга не знаем. Ответа я еще не получал и не имел времени получить.

Соловьева я знал только по его историческим статьям, где нет ничего о славянстве, кажется, что я его однажды видел, но не помню.

Александра Языкова (что в Симбирске) совсем не знаю, не видел и не писывал к нему.

Панов путешествовал по славянским странам, чистый русский, без самостоятельных идей, весьма неглупый, но всегда остающийся в фактической истории, лучшим удостоверением может быть его брошюра, кажется, под заглавием «Путешествие по Герцоговине». Доброта его души и преданность церкви видна и тут, он все издание выдал в свет только для помощи бедным герцоговинским церквям.

Галаган (Григорий) малороссийский багатый помещик, в воспитании которого я очень много участвовал по дружбе к его семье и потому, что я был им очень обязан. Ему еще, кажется, и теперь 28 лет, он страстно, до безумия

любит свою Малороссию, только ею и бредит, до того, что часто мы с ним бранивались или, точнее, я его бранивал. Зная его чуть не с детства, я убежден, что он ни по своей тихой, предобрейшей, к тому же и неповоротливой природе, но по наклонностям, не может иметь никаких политических намерений. Это могу сказать, кажется, утвердительно.

Есть еще в Москве Аксаков (Константин) — весьма пламенный русский. Его называют почему-то славянофилом, говорили мне, что он прежде носил бороду, но я нашел его без бороды. Он сильно увлекается спорами и тогда случается, что говорит резко, что и выставило его на вид в обществе. Он до того русский, что бранит всех за славянство, говорит, что нам не до славян, каждый найдет на свой пай довольно занятий и у себя дома. Пламенный его характер и резкость выражений делают то, что, завлекшись, он себя выставляет в тысячу раз хуже, чем он есть, потому что такой чистой, незлобивой и набожной души, какова его, трудно найти. Николай Ригельман (мать его урожденная Галаган) много изучал чешский язык в бытность его в Вене, потом ездил по Дунаю в Сербию и был со мною в одно время в Кроации. Он более всех поимянованных любит славянские языки и вообще славян, много участвовало тут и то, что он музыкант, на чем он совершенно сошелся с чехами. Зная его неповоротливую, медленную природу, его очень негибкий ум, я уверен, что он часто будет защищать много по упрямству и никак ни по политическим идеям. Но и его последние убеждения были совершенно согласны с моими, что мы средоточие жизни, а чтоб решить то, как уставятся другие, надобно быть или пророком, или вникать далеко больше и глубже, нежели сколько могли мы вникнуть, занимаясь все более или менее, мимоходом. Впрочем, убеждения и мнения Ригельмана все высказаны в его статьях, что находятся в первой и второй части московского сборника. Мне, между прочим, кажется, что он привязался к славянам еще и потому, что это первый предмет, которым он занялся дельнее, и первый, о котором он написал.

Представляя всех этих моих знакомых и приятелей таким образом, примутся или нет за истину слова мои, все-таки я считаю долгом сказать, что я не навязываю ни на кого из них достоинств и не уменьшаю недостатков, но я знаю их такими и вполне уверен, что если какой-либо случай выказал их характеры, то они никак не могут противоречить моему их изображению. Почти все они весьма способны увлекаться, это я прощаю поневоле, потому что сам увлекаюсь беспрестанно.

10. Почему г-жа Свербеева, как видно из находящихся между Вашими бумагами писем, и еще какая-то другая дама в Москве стараются склонить писателей к участию в Вашем журнале? Не принадлежат ли и эти дамы к славянофилам?

11. Каким образом г-жа Свербеева покровительствует Вам в Вашей деятельности; какого св. угодника Вы и она называете своим, и почему она полюбила Вас у этого угодника?

Прошу позволения соединить эти вопросы. Г-жа Свербеева, не могу сказать, покровительствует, а споспешествует моей деятельности по двум причинам. Первая, она, как женщина восторженная и вместе женщина высокой и безукоризненной нравственности, чисто нравственно увлеклась моею восторженностью. Мы встретились у покойного нашего поэта Языкова, с которым я жил братски и которого за его жизнь, нравственную чистоту и ангельское незлобие души все мы истинно считали праведником. Если г-жа Свербеева называет его угодником, то согласитесь, что и вообще в привязанности женской трудно взвешивать выражения, а особенно в привязанности женщины восторженной и в привязанности чисто духовной. Другой дамы я, сколько ни привожу себе на память, не знаю; быть может, г-жа Хомякова, родственница Свербеевой и родная сестра покойного Языкова. Что касается до славянофильства, то, как я уже не раз писал, принимая

понятия о славянском мире, чисто учено и чисто исторически, никто и не думал из нас, разделяют ли дамы нашего круга это убеждение или нет.

Катерина Александровна Свербеева склоняет других к участию в моем журнале по двум причинам, потому что она сама много читает, любит литературу и знакома со всем московским литературным кругом, а более всего потому, что она верит от всей души чистоте моего направления. Видя это, я, с своей стороны, везде, там, где мне было бы затруднительно начинать хлопотать самому (потому, что я лично знаком не со всеми), просил ее, даже не имел надобности просить, а просто намекал, что мне нужно было бы достать статьи от того или от другого, она предупреждала мои просьбы и хлопотала.

12. Объясните вообще, в чем состоят идеи московских и других славянофилов, что означают возгласы их о необыкновенном будто-бы значении славян в древности; о чем-то чрезвычайном, ожидаемом славянами, о будущем времени, о *стремлении их к развитию,* о *всемирном вопросе на счет славян, будто-бы обратившем на себя внимание всей Европы и проч[ее] и пр[очее]. Не составляют ли славянофилы тайного между собою общества и не питают ли каких-либо политических замыслов?*

После того, что я уже писал в ответ на 6-й вопрос, понятно, что историческое значение важно и если бы я сказал, что я соглашаюсь в том, что это пустяки, я поступил бы и смешно и неблагородно. Это чисто убеждение историческое, чисто ученое, и ни у меня, ни у московских писателей оно никогда не переходило за пределы ученого исторического убеждения, в чем теперь соглашаются и что принимают весьма многие европейские писатели: Toequeville [76] в конце своей книги «Dèmocratie en Amèrique» [77], Cyprien Robert [78] в своем «Le monde Greco-Slave» [79], Lefeore [80] в своих статьях, помещенных в «Revue des deux mondes» [81], Ernest Charnière [82] в своей книге «La Politique de l'histoire» [83], Ami-Boue [84] в книге своей «La Turquie de Europe» [85]. Немецких авторов было много, начиная с того, не помню теперь имени, который первый начал утверждать, что теперешние греки суть огречившиеся славяне. Есть несколько статей английских в «Foreign Quarter-ly Review» [86]. Вскользь брошенные мысли теперешним итальянским писателем Vincenzo Gioberti [87] в книге его «Se primatu d'Italia» [88], есть многое в книге миланца, не помню имени, которой вышла одна первая часть под заглавием «Istria, Dalmazia e le isole cent» [89]. Всех я теперь не припомню. Дело в том, что многие занимающиеся изучением славянской истории и славянских языков перенесли это значение на прошедшее и ищут уже всего в славянах. Послушайте Колляра, у него нет и не было ничего неславянского, и Гомер, и греческая мифология, и древнее сказание о народах, населявших Южную Италию,— все это относится к славянам. Если допустить мою теорию истории, то вопрос о славянах, разумеется, всемирный. Теперь мне было бы довольно трудно входить в подробности, скажу только то, что по моему понятию об истории я представляю себе всю сущность наступающего периода так же ясно, как ясно понимаю сущность, но там и самые формы периодов прошедших. У меня готовится статья, она будет привезена мне с моими книгами из Италии под названием «История». Если будет угодно, когда я получу ее, да позволено будет мне ее обделать, потому что она только набросана и, обделавши, привезти в канцелярию его величества, прежде нежели я покажу кому-нибудь. Здесь я буду просить доверия и даю слово, что статья моя не будет читана, хотя, впрочем, она чисто историческая и может статься, она недопущена была бы в печать, но в рукописи совершенно безвредная.

При вникании в сущность и в состав настоящего и наступающего периода жизни решались для меня многие вопросы нравственного и умственного развития. Между прочим, один вопрос об образовании и вместе с ним о ходе министерства просвещения. Будучи обязан лично г-ну министру Уварову за внимание ко мне, еще только выходившему из ребячества, уважая

его собственную образованность, я никак не думаю этим сказать что-нибудь против него. Я не виню его, но вижу, что вообще ход просвещения пронят очень слабо, и потому не только что у нас, но везде, без исключения, встречаются на каждом шагу противоречия, и на поверку выходит то, что просвещение потемняет умы, а не просветляет. У нас больше, нежели где-либо, именно потому, что, говоря о народности и понимая, что нам пора и должно быть народными, мы решительно состав и ход просвещения, как мне то видется, делаем противонародным, т. е. вместо того, чтобы споспешествовать благоденствию всех слоев народа, мы вредим ему.

Обращаюсь к ответу и к слову славянофил. Сюда я приехал из-за границы в 1845 г. осенью, я считал слово славянофил просто обозначением человека, занимающегося славянскими языками, историею и т. п. Мне приятно было, что мои понятия и занятия, которых я никогда не скрывал, были встречены в Киеве тамошними местными начальниками очень радушно. Ни я, ни они не видели в них никакой враждебности к правительству и ни к кому. Приезжаю в Москву; из всех я нашел только четырех знакомых с языком и с историею славян: Хомякова, Погодина, Бодянского и Панова, тех же, которых (почему, господь знает), зовут славянофилами, нашел множество, так что я даже не принимал на себя труда спрашивать, за что их зовут таким образом.

О политических замыслах всего круга моих знакомых я говорю утвердительно, что их нет и быть не может, вследствие нашего общего самого пламенного политического верования; выше не раз мною высказано, что Россия и царь ничем не разъединимые ни в нашей голове, ни в нашем сердце.

13. По какому случаю познакомились вы с бывшим учителем Кулишем, в чем состояли ваши сношения с ним, не были ли вы еще знакомы с коллежским секретарем Гулаком, адъюнктом Киевского университета Костомаровым, бывшим учителем Полтавской гимназии Белозерским, художником Шевченко, помещиком Полтавской губ. Савичем, и другими их друзьями; не известно ли вам об их славянских делах?

С Кулишем познакомился я в последний проезд мой чрез Петербург в ноябре 1846 г.; я слышал, что он пишет роман «Черная рада», кажется, читал из него отрывки в «Современнике», но не ручаюсь, потому что эти вещи я пробе́гаю слегка; во всяком случае мне хотелось, чтоб, если выйдет что-либо порядочное, приобрести для своего будущего журнала. С этим я пошел к нему, нашел его собирающимся идти, и потому все наше свидание продолжалось не более получаса. Говорили мы о двух предметах: первое: я его просил об участии в журнале, он сказал, что если роман его «Черная рада» не напечатается до того, то он отдаст его мне охотно; второе: о предстоявшем ему путешествии по славянским странам. Я ему предложил мои услуги познакомить его со всеми знакомыми мне за границею учеными и литераторами, и мы условились так, что он узнает о моем местопребывании в Вене и напишет ко мне, но этого не вышло, писем от него я не получал.

Гулака знаю, одного певца — баса, что был в Риме, кажется, Гулак-Артемовский [90], и то знаю потому, что он певал бывало в наших русских сходках в Риме в 1841 г. Белозерского имя слышу в первый раз. Шевченко встречал раза два, помнится мне, у гр. Толстого [91], вице президента академии, кажется там, но и за то не отвечаю, потому что это было еще в 1839 и в 1840 гг. Одного Савича я встретил за границею, до крайности глупого, дерзкого и труса. Он при первой встрече со мною, во Флоренции в кофейне Доне, начал говорить о том, что он видел какого-то господина в Галлерее и прибавил тотчас: «Видно, что русская рожа». Я встретил эти слова его довольно резко, хотя и не был знаком с ним, а он спустя месяца два или три подошел ко мне в Риме и припомнил мне, что он имел удовольствие встретиться со мною во Флоренции. Так началось и кончилось наше знакомство. Есть за

границею другой Савич, я знаю его по письму к одному моему приятелю, этот, кажется, человек умный и дельный. О славянских идеях всех этих господ я ничего не знаю, но, судя по отрывкам, мною читанным, думаю, что у большей части идеи не славянские, а молодые и, по моему мнению, очень западные, каковы бывали в молодости каждого. Знаю еще одно, что в Малороссии многие страстно любят свою родину. Я всегда говорил им, вот между нами разница, вы любите родину, а мы, русские,— отечество. Поэтому-то мы и незыблемо сильны, что мы можем на родине, в той [или] другой губернии, быть недовольны тем и другим, но это недовольство ничего не значит, потому что наша общая родина — Россия. Царь для нас не есть средством к личным выгодам, ни источник доходов, а часть нас самих. Его честь — наша честь, его жизнь — наша жизнь; может случиться и случается, что на него и поропщешь, но, несмотря на то, с ним мы связаны всем существом нашим.

14. Имеется сведение, что еще с 1834 и 1835 гг., находясь в С.-Петербурге, Вы обнаруживали либерализм в политическом и нравственном отношении и постоянно занимались каким-то сочинением, предмет которого был для всех тайною. Справедливо ли это, какое сочинение писали Вы тайно и где оно находится?

От либерализма не отказываюсь, хотя в действиях моих самый нравственный не только политический либерализм ограничивался понятиями и словами, никак не переходя в действия. Сочинений я писал много, но никогда не писал тайно и не имел надобности. Думаю, что здесь намекается на мою арифметику для простого народа, начатую и оставленную на двух-трех листах. С тех же пор я задумал большое сочинение: историю человечества, которая теперь сузилась в своих пределах и перешла в историю искусств, именно с 1834 г. я занимаюсь изучением различных сторон жизни, все вертясь около этого одного плана. Теперь он у меня беспрестанно очерчивается яснее и яснее, но во всяком случае мне придется проработать, если бог даст силы, еще лет 15, надобно будет еще пожить года полтора в Испании, с год в Англии, еще с год поездить по Северной Европе, побывать в Греции и на Востоке. Все это, как и два мои путешествия, думаю я делать понемножку, смотря потому, как позволит досуг и как сколотится копейка моими трудами.

Не ручаюсь, чтоб не было тогда, в 1834 г., задумано написать и еще чего-нибудь; у меня всегда было много начинаний, но никак теперь не припомню и уверен, что решительно не было ничего ни тайного, ни политического, ни тем уже менее враждебного правительству. К тому же я после издал следующие сочинения:

1. «Общая теория равновесия с приложением к определению вида земли».

2. «Историю паровых машин».

3. «Историю европейской литературы XV и XVI столетий», которую перевел с английского языка, пополнив примечаниями и словарем.

4. «Призвание женщины», книжка тоже переделана с английского. Кроме этого, писал много статей для «Журнала министерства народного просвещения», прежде 1840 г. для «Библиотеки для чтения» [92], «Сына отечества» [93] «Отечественных записок» [94], также для «Москвитянина» [95]. До последнего времени — для «С.-Петербургских ведомостей» [96] и «Московского ученого и литературного сборника». Поэтому одному мне некогда было писать какое-нибудь отдельное сочинение.

15. Не имеете ли сверх вышепредложенного еще что-либо добавить к объяснению славянских идей Ваших и других славянофилов?

Мне остается добавить только общий вывод, что все понятия о славянстве, как мои, так и других московских писателей, суть чисто дело науки, принадлежат чисто историческому взгляду, без всякого политического направления. В моем путешествии по славянским землям я стараюсь доказать

на каждом отдельном явлении жизни, что в нашей русской природе бог дал нам прямой путь к спокойной христианско-человеческой жизни. Еще одно, что в Западной Европе нет возможности достигнуть этой цели земной жизни человека при том беспорядке вещей, какой там господствует и который вошел в основу и корень не только частной жизни, но всех государственных, общественных, нравственных, экономических и религиозных установлений.

Больше мне сказать нечего. В заключение моих ответов прошу позволения прибавить, что настоящее положение мое очень неприятно и горько; оно тем еще горестнее, что не вызвано никаким с моей стороны преступлением и ни малейшим противуправительственным поступком. Все главнейшее обвинение состоит в словах, которые будто-бы я говорил в Бреславле, но и те, оставя уже мое удостоверение, что они не были мною говорены, на которое я, как обвиняемый, не имею права ссылаться, и те сами совершенно уничтожаются собственною своею несправедливостию, именно тем, что никто бороды не носит. При этом я смею указать и на то, что мне уже тридцать шесть лет и во всю мою жизнь я не только ничего не сделал противуправительственного, но и не писал, и все идеи, во всем мною писанном, суть идеи истинного русского, принадлежащего России телом, душою, мыслью, чувством и всем существом своим.

Надворный советник Федор Чижов

Ч. XV. арк. 41—124. Оригінал.
Частково опубл.: Исторический вестник.— 1883.— Лютий.— С. 242—252.

№ 265

1847 р. травня, не раніше 23[97].— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО СЛОВ'ЯНОФІЛЬСЬКІ ПОГЛЯДИ Ф. В. ЧИЖОВА І ЙОГО НАМІР ВИДАВАТИ ЖУРНАЛ «РУССКИЙ ВЕСТНИК»

О надворном советнике Чижове

При производстве дела о Славянском обществе возникло сомнение, не принадлежит ли к этому обществу находящийся за границей надворный советник Чижов, который, как уведомлял наместник Царства Польского, проезжая через Бреславль, на вопрос нашего агента: для чего он, Чижов, носит бороду, отвечал, что около г. Москвы многие помещики отращают себе бороды, дабы сблизиться с купцами и крестьянами, и тем скорее уничтожить разницу между дворянством и низшим классом народа.

По сему сделано было распоряжение о задержании Чижова на границе нашей, при возвращении в Россию, и вследствие этого 14 мая он доставлен, со всеми бумагами, в III отделение С. е. и. в. канцелярии.

Из производства дела о нем оказалось следующее.

Чижов не принадлежит к открытому Славянскому обществу, не был даже знаком с киевскими славянистами и только раз виделся с Кулишом по тому случаю, что просил его участвовать в журнале, который им, Чижовым, предположено издавать в 1848 г.

Но бумаги и объяснения Чижова обнаруживают в нем пламенного славянофила. Быв адъюнкт-профессором С.-Петербургского университета и углубляясь в изучении истории, он увлекся теориями западных славянистов и убедил самого себя, что славянские племена выше всех народов, что в скором времени эти племена должны слиться с Россией и после того начнется славянское господство на земле.

Убеждение это усилилось в Чижове от заграничных путешествий. Сначала он пробыл в иностранных землях около пяти лет, а в половине 1846 г. снова отправился за границу. В оба путешествия он несколько раз объезжал

славянские народы, подвластные Турции и Австрии. Видя, что в Сербии, Черногории и в прочих славянских землях все с радушием встречают каждого русского, как брата, с жадностью расспрашивают о России и с восторгом слушают рассказы о белом царе, как бы сами они принадлежали России и белому царю, Чижов все это принимал за несомненные доказательства своей мысли, то есть, что иноземные славянские племена стремятся к России и непременно должны слиться с нею.

Это сделало Чижова патриотом русским и вместе славянофилом до исступления. Он ездил в Париж, Прагу и другие города, где находятся знаменитые славянофилы, чтобы узнать мнение их о славянстве, видался с изгнанником Мицкевичем, с богемскими учеными, с коммунистами, сен-симонистами и со всеми представителями партий, спорил с ними, всегда и везде доказывая, что идея славянства должна состоять в соединении славян с Россиею, едва не ссорился с теми, которые не соглашались с ним, не дозволял никому говорить ничего дурного ни об России, ни о вашем императорском величестве. С какой пылкостию выражался Чижов, довольно привести один пример: в Бельгии иезуиты уговаривали его принять католическую веру; но он сказал им, что «если примет их веру и будет в раю, а все русские пойдут в ад, то ему в раю будет так скучно, что он убежит к русским, потому что Россия для него есть земной рай».

Идеи о будущем величии славянских племен в составе России, о важности всего русского и ничтожестве того, что не русское, столь сильно овладели Чижовым, что он с негодованием смотрел на все несогласное с его мыслями, настойчиво выпросил увольнение от службы при С.-Петербургском университете и не одобряет вообще распоряжений министерства народного просвещения потому только, что учение в университете и распоряжения министерства не имеют народного, исключительно русского направления и допускают науки, составленные иностранными умами. Чижов в этой мысли доходил до той степени, что намерен был даже арифметику и геометрию написать собственно русскую, в понятиях и выражениях нашего народа, без всяких общих математических терминов.

Журнал «Русский вестник» он предполагает издавать с 1848 г. так, чтобы он был в полном смысле русский, из статей только русского сочинения и думает опровергать, если дозволит правительство, все иностранные книги с клеветами на Россию. Объяснение его показывает, что журнал его будет таким же защитником России, каким сам он был за границей, и нет сомнения, что этот журнал будет отличаться всеми возгласами и мечтаниями славянофилов.

Чижов доселе носит бороду, объясняя, что отпустил ее за границею, по общей моде там, а потом привык к ней, и что борода открывала ему вход в раскольничьи часовни для рассмотрения живописи на образах: ибо он, между прочим, занимается составлением истории художеств. Что же касается до того, будто бы Чижов говорил в Бреславле, что многие околомосковские помещики носят бороды, то Чижов совершенно отвергает это сведение, доказывая, что он и не мог этого говорить, ибо никто из московских помещиков не носит бороды.

Всеподданейше докладывая о сем вашему и. в., я нахожу, что хотя Чижов не принадлежит к Славянскому обществу; по всей видимости не питает политических злоумышлений; это особенно доказывается тем, что у него не найдено никаких преступных бумаг, тогда как он возвращался из-за границы без всякого предуведомления, был арестован внезапно и, следовательно, не мог скрыть ничего, что при нем было; без сомнения, он есть только славянофил, вроде других московских славянофилов, даже патриот русский, но патриот, не знающий никаких пределов, и мечтатель бесполезный; самыми занятиями и направлением своим он не только не обещает ничего сущест-

венно и истинно важного, но, напротив того, может сбивать с толку молодое поколение и сделаться источником вреда, а по пылкости своей принадлежит к тем людям, которые при случае легко вдаются во всякие преступления.

Посему я полагал бы освободить Чижова из-под ареста, но не дозволять ему издания журнала, воспретить выезды за границу и учредить над ним секретное наблюдение.

Представляя таковое мнение на высочайшее воззрение вашего и. в., обязанностью считаю присовокупить, что сведения вообще на счет московских и других славянофилов будут изложены мною в докладе о Славянском обществе.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов

Скрепил управляющий отделением генерал-лейтенант Дубельт

Верно: генерал-лейтенант Дубельт

Помітка: На подлинном рукой генерал-адъютанта гр. Орлова написано карандашом: «Государь император изволил согласиться на мое представление». *Верно:* генерал-лейтенант Дубельт.

Ч. XV, арк. 125—130. Відпуск.

№ 266

1847 р. травня, не раніше 21[98].— ДОПОВІДЬ III ВІДДІЛЕННЯ МИКОЛІ І ПРО СВІДЧЕННЯ Ф. В. ЧИЖОВА

Показание надворного советника Чижова

С 1840 г. я предпринимал два путешествия за границу; в первый раз пробыл там около пяти лет, во второй отправился туда в половине 1846 г.

Первоначальной целью моею было поправление здоровья и изучение истории искусств, а потому я большею частию жил в Италии.

Но проезжая славянскими землями, в Праге я познакомился с Ганкою[99], его славянские идеи, о сродстве славянских племен и будущем сближении их, увлекли меня, а случаи впоследствии встретившиеся со мною в других славянских местах еще более меня поразили.

Близ г. Пола (в Истрии) находится селение с славянской церковью, в которой служба отправляется на славянском языке и по нашим книгам, киевской печати. Когда я слушал богослужение в этой церкви, священник и народ, узнав во мне русского, были в восторге, а в следующее воскресенье, без моей просьбы, даже без всякого намека с моей стороны, священник, при великом выходе, произнес о здравии государя императора Николая Павловича. Это тронуло меня до глубины души; но чтобы священник не подвергся преследованию своего начальства, я дал ему записку о молении за здравие царя и мое, прибавив, что мы, русские, иначе не молимся о себе, как прежде молясь о государе.

В г. Зара (в Далмации) мне тайно показывали булавочки с портретом государя императора, и во всех местах Далмации, на каждом шагу я встречал знаки любви и глубокого уважения к имени русского. Далматы любят русских за общую веру и за то, что у нас много сходного с ними в простоте нравов.

Черногорцы считают себя почти русскими. Они при первом слове приветствовали меня: «Ты, брате, русс». Все необыкновенно преданы белому царю Николе, с восторгом расспрашивают и говорят о нем.

В Сербии тоже народ предан России и любит царя почти столько же, как черногорцы.

Все это произвело на меня столь сильное впечатление, что я совершенно предался славянским идеям, посвятил мысли мои и занятия на исследование

и решение вопросов: минутная ли это вспышка, что иноземные славяне влекутся к России, в чем состоит быт славянский и как он выскажется в жизни внешней, особенно политической? Вот начало моих славянских понятий.

Сверх уединенных размышлений об этом я хотел все узнать на деле, переговорить со всеми славянистами и со всеми главными представителями польских партий и мнений. Для этого я несколько раз ездил по славянским землям, совершив самое большое путешествие в 1845 г., и был в Париже.

Сначала в мои понятия входили и конституция, и республика; я дал себе на несколько времени полную волю и старался быть более славянистом, без роду и племени, нежели русским; но никак не мог пересилить моей природы: едва только доходило до дела, я был заклятым русским. Меня не удовлетворяли системы ни фурьеристов, ни сен-симонистов, ни коммунистов, ни мютюалистов; я находил полное удовлетворение в одной русской жизни; меня все тянуло в Россию, хотя бы в ней не было никаких собственных моих привязанностей.

Такой характер мой не мог сблизить меня ни с поляками, ни даже с французами.

Из всех польских представителей я имел случай познакомиться только с Мицкевичем, но и с ним у меня не могло быть дружбы. При первом свидании нашем, когда я сказал мою фамилию, Мицкевич не хотел начать со мной разговора, как бы выжидая, чтобы я объявил ему мои титулы; это заставило меня с негодованием сказать: «Титул мой, который выше всех титулов, есть тот, что я русский», и Мицкевич после того сделался ко мне благосклоннее. У нас бывали с ним частые споры. В нем мистические чувства сливаются с какой-то враждою и к Европе, и к русскому правительству. Однажды он доказывал, что Франция должна бы помочь славянским племенам сделаться свободными; я отвечал ему, что это никак не укладывается в голове моей. Я полюбил Мицкевича за его личные качества, но прямо говорил ему, что не одобряю его направления и даже не считаю его истинным славянином.

«У вас,— продолжал я,— ваши понятия приобретены страданиями и волнениями жизни, у меня они — чистая принадлежность моего племени, вы высоки как Мицкевич, я высок вне моего имени, только потому, что я истинно русский». Мицкевич сознавался в одном, что Польша должна принадлежать России, присовокупляя, однако же, что это послано ей как наказание за ее беззаконную жизнь. Он нередко бранил русское правительство, не именуя лиц, но всегда с большим уважением упоминал о государе и потом о русском народе; чрезвычайно много хорошего говорил он также о покойном гр. Бенкендорфе и о гр. Орлове — как истинно русском.

С другими представителями польских партий я также желал познакомиться, чтобы узнать все оттенки славянского вопроса, но не успел. Из прочих выходцев я встретился только с гр. Адамом Гуровским (бежавшим из России в 1845 г.). Он понравился мне потому, что, говоря о русских сановниках, и вообще в суждениях о большой части людей, кроме поляков, умел показать прекрасную сторону. О государе императоре он отзывался более нежели с уважением, а с благоговением. Я удивлялся, почему он оставил Россию.

Неприятную встречу имел я в Париже с французом Marmier [100] или Mérime [101], который будто бы был в России и хвалился знанием нашего языка. Он, между прочим, производит слово князь от слова кнут, а великий князь от grand [102] кнут. Я ему возразил, что если основываться на первых двух буквах, то и слово Français [103] можно вывести от слова fripon [104].

Другой неприятный случай был в Бельгии, где я встретился с отступником нашим Печериным (бывшим адъюнкт-профессором Московского университета). Иезуиты уговаривали меня принять католическую веру.

Я сказал им: «Если я с переменой веры буду в раю, а все русские пойдут в ад, то мне будет так скучно, что я убегу из рая, и в избежание этого лучше останусь русским. Россия есть земной рай мой».

Не удовлетворившись таким образом поляками и французами, я снова отправился в славянские земли. Здесь я познакомился и входил в суждение со всеми знаменитыми славянофилами: Шафариком, Ганкой, Гайем, митрополитом Раичичем, Кукулевичем, Штуром и многими другими.

Я узнал, что все славянские племена недовольны правительствами Турции и Австрии, ожидают помощи России для освобождения их; а ученые славянофилы, указывая на личное стеснение, недостаток гражданской свободы и на образ правления, устремляют свои желания к тому, чтобы соединить славянские племена в виде свободных штатов, и вот основание их идеи всеславянства (панславизма): богемцы, иллирийцы, кроаты, далматы, сербы и другие славянские народы, с одной стороны, действительно утесняемые правительствами, а с другой, питая мысль об освобождении, находятся в напряженном состоянии, все ожидают какой-то перемены и лучшего положения. Слушая эти возгласы ученых славянистов, я, наконец, сплеча отрезал им, что нам, русским, не до славянства и не до штатов, что мы будем славянами, когда будем истинно русскими; а подделываться из какого-то мечтательного понятия, под что-то мечтательное было бы просто мельче, чем глупо для человека, принадлежащего к тому государству, которое, не подделываясь, само сделалось властелином чуть не полмира, существование штатов еще загадочно, а существование единодержавия у нас не только врослось в понятия, но слилось с молоком матерей и вошло в плоть и кровь отцов почти 50 миллионов, особенно нас, настоящих русских». Это сильно поразило славянофилов, они замолчали и после того стали обращаться со мною несравненно с большим, против прежнего, уважением.

Еще замечательно, что каждый славянист, рассуждая о славянском братстве, требует, чтобы считали старшим его племя, а потом уже русских. Один только Штур (словак) отвечал мне, что право быть средоточием между славянскими племенами принадлежит только русскому народу: ибо он один отстоял свою политическую независимость, имеет свою собственную, никем, кроме бога, не данную форму политического быта, сохранил свой язык во всех отраслях жизни: и в суде, и в семье, и в обществе, и в церкви; наконец, на него все смотрят, как на колосс «славянский». Испытывая Штура, я сказал: «Не забудьте, что вы имеете гражданскую свободу». «Не нашу ли конституцию,— отвечал он,— вы называете гражданской свободой? Найдите мне оковы, которыми бы можно было более сковать всякое благоразумное развитие. У Вас же я вижу то, что десятки миллионов привязаны к одному лицу и не только думают, а веруют, что в нем источник их всеобщего благоденствия. Для меня это свобода привязанности, которую невозможно приобрести ни страхом, ни подкупом и которая продолжается целые веки, для меня это что-то такое, чего я не встречал в прошедших периодах истории человечества». Потом, указывая на течение Дуная, Штур продолжал: «Здесь один из царей русских, как бы по внушению св. духа, понял политическое назначение Дуная. Ваш царь Петр Великий, указав на Дунай, сказал: «Это естественная граница России!»

Вообще Штур есть один из благоразумнейших славянофилов. Чарторижский уже предлагал ему плату за то, чтобы он писал в пользу Польши и против России, но он решительно отверг это и скорее решится подвергнуться гонению сильнейшей партии венгерского сейма, нежели изменить своему убеждению.

Таким образом, и славянские земли не удовлетворили моим идеям. «Я убедился еще более, что я должен быть чисто русским, что, оставаясь русским, я всего ближе буду к улучшенному состоянию человека, что быть ис-

тинно современным человеком — значит быть истинно русским, что принять какую-нибудь другую форму правления, вместо существующей в России, значит отставать от века и усиливать в себе внутренние борения собственных требований с внешними явлениями жизни».

Идеи же славянофильства состоят в следующем.

Некоторые из иностранных славянофилов, в любви своей к славянству, дошли до того, что считают почти всех, даже греков, славянами. У Колляра нет и не было ничего не славянского, у него и Гомер, и греческая мифология, и народы, населявшие в древности Южную Италию, все относится к славянам. Если допустить эту теорию истории, то вопрос о славянах, разумеется, всемирный.

Что касается до меня, то я, изучая историю, ясно понял ход всех событий от индусов до последних европейских переворотов. В каждом периоде являлся новый господствующий народ, на место прежнего, устаревшего. Индусы, египтяне, греки, римляне, народы романские, германские, германо-британские — вот все отдельные периоды истории. Ныне в Европе замечается общее недовольство настоящим положением, ожидание чего-то и стремление к лучшему. Многие предусматривают, что приходит время вступить в историю новому племени, и произнесли, что грядущее племя есть славянское, которого мы, русские, прямые и едва ли не единственные представители, потому что из остальных племен большая часть любят русских, не по идеям, а просто называют «брате», а белого царя только что не называют своим царем.

Россия двинута к всемирной исторической деятельности императором Петром I, но его преобразование почти превратило нравы наши в иноземные, так что прошедшее поколение стыдилось говорить по-русски, желало России самого нерусского счастья.

Встреча с Наполеоном произвела второй переворот. Даже те, которые получили воспитание самое нерусское, все восстали, и не нашлось ни изменника, ни даже таких, которые увлеклись бы величием европейского завоевателя. Отсюда начался решительный шаг нового племени.

Третье явление нашего деятельного вступления на поприще истории есть царствование императора Николая Павловича. Мы стали русскими, гордимся тем, что русские, смело говорим, что мы русские, на всех путях жизни, в искусствах и науках стремимся быть русскими.

Если не называть это переворотом, то и переворотов нет. Что у нас все делается тихо и спокойно, за это нам остается только благодарить бога. К тому же, вникая в ход истории, в сущность прежних и настоящего ее периодов, нельзя было иначе и предполагать.

По моему историческому и практическому убеждению я полагаю, что все перевороты у нас должны происходить тихо и непременно бескровно, и тем тише, чем естественнее и народнее будет наше развитие и ход нашего образования

Я еще не решил себе вопроса о будущем положении славянских народов, но думаю, что как бы это положение не выразилось, оно выразится согласно с нашей русской жизнью, а русскую жизнь не могу понять без русского царства. По моему мнению, выражение «неограниченная свобода» не имеет смысла ни при какой форме общественного устройства, потому что всякая, хотя бы демагогически республиканская форма, непременно должна будет иметь законы и, следовательно, ограничение.

Из русских славянофилов мне известны: в Киеве Николай Ригельман, в Москве: Бодянский, Панов, Шевырев, Хомяков, Александр Попов, Аксаков и другие. С некоторыми я не имел коротких сношений. Из них Хомяков один понимает историческое значение слова славянский мир, не разделяя, подобно мне, идеи соединения славян от идеи России и царя; он вполне

русский и православный человек. Попов уступает Хомякову в таланте, но столько же любит Россию. Аксаков же до того предан всему русскому, что бранит других за славянство; он выставляется из ряда товарищей только пылким характером своим и резкостию выражений. Утвердительно говорю, что во всем нашем круге политических замыслов нет и быть не может вследствие нашего общего, самого пламенного политического мнения, что Россия и царь ничем не разъединяются ни в нашей голове, ни в нашем сердце.

Равным образом московские дворяне, мне известные, из которых многие занимаются вопросом о нравственном и умственном развитии России, не питают никаких политических намерений. Думаю и, кажется, могу утверждать, что в России политических намерений ныне родиться не может, не от боязни, потому что всегда находятся отчаянные, и не оттого, чтобы стали тише, чем были прежде, а именно потому, что все истинно русские, образованные люди убеждены, что Россия и царь слиты в едино нераздельное, что любить одну, не любя другого, нет возможности, и что в том и состоит быть русским, чтобы это убеждение перешло за пределы личных небольших неприятностей и личного незначительного утеснения.

До сего времени никто из русских не передавал мне никаких политических намерений, и ни у кого я не мог их проникнуть. И то и другое я говорю утвердительно. Случись, чтобы я проник их, пусть меня правительство судит, скажу искренно, я старался бы избегать встречи с людьми, от которых могу услышать подобные разговоры. Если же услышал бы такие разговоры, я заставил бы говорящего объявить их. Но доносить я был бы не в состоянии. Может быть, это назовут мелочными и ложными понятиями о чести, я не буду спорить, только желаю, чтобы правительство видело меня таким, каков я есть, а не таким, каким, быть может, я бы должен быть по понятиям правительства.

Что касается до особ царского дома, то тот, кто бы решился объявить мне о каком бы то ни было резком против них поступке, был бы непременно и всенепременно заставлен мной объявить это самому правительству. Слова эти не вызваны моим настоящим положением, они давно составляют основу моих нравственно-политических правил.

Знаю еще, что в Малороссии многие страстно любят свою родину. Я всегда говорил им: — вот между нами разница: вы любите родину, а мы, русские, отечество. Потому-то мы и незыблемо сильны, что можем в той [или] другой губернии быть чем-нибудь недовольны, но это недовольство ничего не значит, ибо наша общая родина — Россия. Царь для нас не есть средство к личным выгодам, не источник доходов, а часть нас самих. Его честь — наша честь, его жизнь — наша жизнь; может случиться и случается, что на него и поропщешь, но, несмотря на то, с ним мы связаны всем существом нашим». Из малороссиян коротко мне известен Григорий Галаган — богатый помещик, в воспитании которого я много участвовал. Он страстно, до безумия любит Украйну, только ею и бредит, до того, что часто я его бранивал. Но я убежден, что он ни по своей тихой природе, ни по наклонностям не может иметь никаких политических намерений.

Киевских славянофилов я вовсе не знал, кроме Ригельмана, неповоротливого и незамечательного человека; с Кулишом познакомился только потому, что, намереваясь с 1848 г. издавать журнал, просил его сообщать мне литературные статьи.

В предполагаемом журнале моем, который назову «Русским вестником», я буду постоянно следить за литературою всех славянских народов, не для распространения славянских идей, а просто как сведения, как вопросы чисто литературные и ученые. Статьи мои, какую ни прочтите, все русские и чисто русские. В журнале моем желается мне помещать одни оригинальные русские статьи и, сколько можно, избегать переводных. Еще я намерен

спросить дозволеиия разбирать все сочинения, выходящие за границею России, если они написаны в пределах умеренности, и чтобы эти разборы ли не через обыкновенную цензуру, а через Собственную канцелярию . и. в. Все остальное будет чисто русское.

Еще я начинал писать арифметику для простого народа и составляю сторию художеств. Последний труд идет у меня успешно, но со временем не надобно будет предпринять новые путешествия: пожить года полтора Испании, с год в Англии, с год поездить по северной Европе, побывать Греции и на Востоке.

Бороду отпустил я в бытность мою за границею, только по общей там юде, и потом привык к ней; при том же, по страсти моей к художествам и анимаясь составлением истории их, я встречал надобность входить в расольничьи часовни, чтобы рассматривать живопись образов, а с бородой ход в эти часовни доступнее.

Наконец, обвинение, представленное против меня, будто-бы я говорил Бреславле, что многие околомосковные помещики носят бороды для сбликения высших сословий с низшими есть совершенно несправедливое. Бреславле я имел дело с одним только евреем, кажется Розенталем, который хаживал за мной вроде фактора, но я не вступал с ним ни в какие короткие уждения; о бородах же околомосковных дворян и рассказывать не мог: бо я не знаю чтобы кто-либо из них, кроме меня, носил бороду. Мне очень рискорбно, что один этот несправедливый донос подверг меня настоящему еприятному и горькому положению, тем более, что я во всю жизнь мою не олько не делал, но и не писал ничего противозаконного, все идеи мои, во сем мною написанном, суть идеи истинного русского, принадлежащего 'оссии телом, душой, мыслью, чувством и всем существом своим.

Подписал генерал-лейтенант Дубельт

Верно с подлинным: генерал-лейтенант Дубельт

Ромітка: На подлинном собственной его величества рукой написано каандашом: «Поступить с ним, как условлено».

1 мая 1847 г.

Верно: генерал-лейтенант Дубельт

. XV, арк. 131—147. Відпуск.

№ 267

1847 р. травня, не пізніше 21.— ЗАПИСКА О. Ф. ОРЛОВА ДО КАНЦЕЛЯРІЇ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО НАКАЗ МИКОЛИ I ОСОБИСТО ЙОМУ ЗУСТРІТИСЬ З Ф. В. ЧИЖОВИМ

Государь император изволил мне приказать лично видеться с г-ном ижовым, благодарить его за откровенность, доказывающую, что он честый человек, посоветовать ему не увлекаться слишком выспренными мнеиями, происходящими, однако же, от хорошего начала, и сказать ему, что вышеизложенным предметам и темам он может продолжать свои литерарные занятия и позволяется ему на место цензуры присылать их ко мне.

Развей эти краткие слова и привези завтра, я представлю государю мператора на утверждение.

Государь поставил мне в пример Полевого [105], который с тех пор, как кое же было ему дано позволение, совсем переменил направление своих чинений.

римітка Дубельта: Могу вполне сказать, что Полевого и Надеждина [106] переродил [107].

XV, арк. 148. Автограф.

№ 268

1847 р. травня, не пізніше 23.— НАКАЗ III ВІДДІЛЕННЯ Ф. В. ЧИЖОВУ ПРО ЗАБОРОНУ РОЗПОВСЮДЖУВАТИ СЛОВ'ЯНОФІЛЬСЬКІ ІДЕЇ З ВИМОГОЮ ВСІ ТВОРИ НАДСИЛАТИ НА РОЗГЛЯД О. Ф. ОРЛОВУ ЗАМІСТЬ ЗАГАЛЬНОЇ ЦЕНЗУРИ

Государю императору благоугодно было повелеть благодарить Вас за эту откровенность, с которою Вы изложили Ваше показание, объяснив весь ход Ваших мыслей и поступков, не скрыв ни излишней пылкости Вашей, ни того неправильного направления, в которое Вы увлекались. Эта откровенность доказала его величеству Ваши добрые и честные чувства, как равно и то, что вы воспользуетесь теми советами, которые правительство Вам предлагает. Нисколько не относя Ваших действий к злоумышлению и вполне доверяя, что поступки Ваши проистекали от добрых начал, правительство тем не менее желает, чтобы Вы умерили Вашу пылкость и впредь излагали мысли Ваши с тою осторожностию и точностию, которые приличны возмужалому возрасту и не допускали: ни рассуждений о всемирном вопросе, ни об ожиданиях Ваших вступления на поприще истории нового племени, ни других полутемных выражений, могущих сбивать и вводить в заблуждение юношей.

Под этим условием е. и. в. соблаговолил дозволить Вам продолжать литературные труды, высочайше разрешая присылать сочинения Ваши, вместо обыкновенной цензуры, на мое рассмотрение.

При таком всемилостивейшем внимании к Вашей образованности е. в. надеется приобрести в Вас своего поборника, но поборника, не выступающего из пределов, правительством предначертанных, и труды которого, устранив мечты о славянах, будут поселять в грядущем поколении безусловную преданность к России и ее венценосцам.

Помітка О. Ф. Орлова: Читано г[осударю] императору и оставить при деле.

Ч. XV, арк. 149, 150. Відпуск.

№ 269

1847 р. травня 23.— РОЗПИСКА Ф. В. ЧИЖОВА III ВІДДІЛЕННЮ ПРО ЗБЕРЕЖЕННЯ В СУВОРІЙ ТАЄМНИЦІ ЙОГО ПЕРЕБУВАННЯ ПІД АРЕШТОМ

1847 г. мая 23 дня я, нижеподписавшийся, сим обязуюсь никому не объявлять о том, что я был потребован в III отделение С. е. и. в. канцелярии и что бумаги мои были рассматриваемы; в противном же случае подвергаю себя строгой ответственности по законам.

Надворный советник Федор Чижов

Ч. XV, арк. 151. Оригінал.

№ 270—391

1847 р. травня 24 — 1862 р. червня 14. ДОКУМЕНТИ ТА ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ З МІНІСТРОМ ОСВІТИ С. С. УВАРОВИМ, А. Г. БІБІКОВИМ, НАЧАЛЬНИКОМ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ С. В. ПЕРФІЛЬЄВИМ, П. Ф. БУКСГЕВДЕНОМ ТА ІНШИМИ ОФІЦІЙНИМИ ОСОБАМИ ПРО ТАЄМНИЙ НАГЛЯД ЗА Ф. В. ЧИЖОВИМ, ЗАБОРОНУ ВИДАВАТИ ЖУРНАЛ «РУССКИЙ ВЕСТНИК» ПРО ВІДПРАВКУ НА ЦЕНЗУРУ В III ВІДДІЛЕННЯ РУКОПИСУ «ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ШЕЛКОВОДСТВА В КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ», ДОЗВІЛ НА ВИДАННЯ ГАЗЕТИ «ДЕНЬ» ТОЩО

Ч. XV, арк. 152—262 [108].

ЧАСТИНА ШІСТНАДЦЯТА

СПРАВА О. М. ПЕТРОВА

№ 359

1847 р. квітня 7.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ О. М. ПЕТРОВА В ПЕТЕРБУРГ У III ВІДДІЛЕННЯ

Весьма секретное и нужное

Его высокопр[евосходительст]ву Д. Г. Бибикову

7 апреля 1847 г., № 539

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

По высочайшему повелению имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли сделать распоряжение, дабы студент университета св. Владимира Алексей Петров, известный Вам, м[илостивый] г[осударь], по делу о Славянском обществе, был немедленно прислан в С.-Петербург в III отделение С. е. и. в. канцелярии не в виде арестанта.

Примите уверение в истинном почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов

Помітка: Рукою гр. А. Ф. Орлова написано: «С назначением ему прогонных денег до С.-Петербурга».

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XVI, арк. 1. Відпуск.

№ 360

1847 р квітня 8.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЗРОБЛЕНУ НИМ ВКАЗІВКУ ВІДПРАВИТИ О. М. ПЕТРОВА ДО ПЕТЕРБУРГА В РОЗПОРЯДЖЕННЯ III ВІДДІЛЕННЯ

Весьма секретно

8 апреля 1847 г., № 1188, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие объявленного в почтеннейшем отношении вашего сиятельства от 7 апреля № 539 [1] высочайшего повеления я сделал распоряжение о немедленной присылке в С.-Петербург в III отделение С. е. в. канцелярии не в виде арестанта, с выдачею прогонов, студента Алексея Петрова.

Уведомляя о сем ваше сиятельство, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и неограниченной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 9 апреля 1847 г.

Ч. XVI, арк. 2. Оригінал.

№ 361

1847 р. квітня 17.— ВІДНОШЕННЯ І. І. ФУНДУКЛЕЯ ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ О. М. ПЕТРОВА ДО ПЕТЕРБУРГА У СУПРОВОДІ КВАРТАЛЬНОГО НАГЛЯДАЧА КИЇВСЬКОЇ ПОЛІЦІЇ ЦЕПІКОВА

Весьма секретно

В III отделение С. е. и. в. канцелярии

17 апреля 1847 г., № 837, г. Киев

Вследствие предложения киевского военного подольского и волынского генерал-губернатора от 8 апреля № 1184, основанного на высочайшем повелении, имею честь препроводить студента университета св. Владимира Алексея Петрова со всеми бумагами, которые у него открылись, в сопровождении квартального надзирателя киевской полиции Цепикова.

Гражданский губернатор Ф у н д у к л е й

Ч. XVI, арк. 3. Автограф.

№ 362

1847 р. березня 29.— ДРУГИЙ ПИСЬМОВИЙ ДОНОС[2] О. М. ПЕТРОВА ПОПЕЧИТЕЛЮ КИЇВСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ О. С. ТРАСКІНУ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ ЧЛЕНІВ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

По представлении вашему превосходительству всех мне известных сведений касательно предосудительных собраний некоторых лиц я, следуя приказанию вашего превосходительства, продолжал действовать совершенно в духе этого общества, что тем более уяснит представленное мне дело собранием гораздо большего числа сведений; но из лиц, чрез которых я всего более мог бы приобретать таковые сведения, по близости моих с ними отношений, прибыл в г. Киев после непродолжительного отсутствия один только бывший студент Маркович, с которым я и возобновил тотчас свои сношения и несколько раз заводил с ним разговор об их намерениях и действиях; в продолжении таких разговоров я только мог узнать, что Маркович также читал «Закон божий», находящийся у Гулака, и отзывался об нем с удивительною похвалою, причем также с сожалением говорил, что никак не может ревностно заняться осуществлением предположенных намерений, потому что он теперь занимается сочинением диссертации; но что по окончании таковых занятий он непременно возобновит свои действия, после этого я хотя и посещал Марковича, но бывал редко по той причине, чтобы не подать подозрение и из числа этих редких посещений я два раза не застал его дома, а посетивши его перед праздником светлого Христова воскресенья, я узнал, что он вторично отправился к своему брату и до сих пор ещё не возвращался; не будучи, кроме Марковича, ни с кем в слишком коротких отношениях, я и не мог приобрести никаких более замечательных сведений до сего времени.

29 марта 1847 г.

Студент А л е к с е й П е т р о в

Ч. XVI, арк. 4. Автограф.

№ 363

1847 р. квітня 26.— КВИТАНЦІЯ III ВІДДІЛЕННЯ, ВИДАНА КВАРТАЛЬНОМУ НАГЛЯДАЧЕВІ КИЇВСЬКОЇ ПОЛІЦІЇ ЦЕПІКОВУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ У ВІДДІЛЕННЯ О. М. ПЕТРОВА

Квитанция № 669

Дана сия квитанция квартальному надзирателю киевской полиции Цепикову в том, что доставленный им из Киева студент Петров с его бумагами и вещами принят в исправности в III отделение С. е. и. в. канцелярии апреля 26 дня 1847 г.

Под[писал] старший чинов[ник] Попов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XVI, арк. 5. Відпуск.

№ 364

1847 р. квітня 27.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ О. М. ПЕТРОВА У III ВІДДІЛЕННІ

Вопросы, предложенные студенту Петрову и ответы его.

27 апреля 1847 г.

1. Во время знакомства Вашего с Гулаком не имели ли Вы случая узнать: когда и кем было учреждено Славянское общество св. Кирилла и Мефодия, а если предположение об учреждении его еще не было приведено в исполнение, то кем и когда были делаемы эти предположения?

Во время моего знакомства с Гулаком, хотя я и заводил несколько раз разговор, желая разведать, кто был первый основатель этого общества, но Гулак всегда уклонялся от утвердительных ответов.

2. Гулак давал Вам списать копию с устава и правил Славянского общества. Не распространял ли еще кто экземпляров этого устава и не находятся ли еще у кого экземпляры оного?

Гулак действительно давал мне списать копию с устава и правил Славянского общества, но были ли распространены экземпляры этого устава между другими лицами и не находятся ли еще у кого-нибудь, этого мне не известно.

3. Равным образом не распространял ли кто и ту рукопись, называемую «Закон божий», с возмутительными воззваниями в конце, которую Вам читал Гулак?

Также не известно, была ли эта рукопись распространена между другими лицами.

4. Не известно ли Вам, у кого находились или доселе находятся кольца и образа св. Кирилла и Мефодия?

Я только знаю, что кольца находились у Костомарова и Гулака, но были ли у кого-либо другого подобные кольца или образа, этого не известно.

5. Не знаете ли Вы, в чем состояли подробности предположений славянистов, каким образом надеялись они соединить славянские племена, восстановить самобытность каждого племени и особенно Малороссии?

Гулак мне сообщил, что общество означенных славянистов предполагало установить в каждом отдельном славянском племени правление народное, свойственное с духом народа, и чтобы для решения дел, относящихся ко всем славянам вообще, был общий союз из представителей от каждого славянского племени; соединить же и восстановить славян они надеялись не иначе, как вооруживши их против верховных властей; такой же точно

план восстановления был и в отношении Малороссии. При этом надобно заметить следующее, что Гулак именно сказал мне, что общество будет действовать миролюбиво в отношении царской фамилии; когда же переворот будет произведен и государь не пожелает сложить с себя верховной власти, то тогда необходимость заставит пожертвовать царскою фамилиею — собственные слова Гулака.

6. Какие замыслы были против настоящего образа правления в России и какое правление предполагалось ввести в Малороссии и вообще в славянских землях?

Представивши народу с самой невыгодной стороны все распоряжения правительства и возбудивши тем самым его ненависть, побудить к перевороту; во всех же вообще славянских племенах, а равно и в Малороссии, предназначалось установить правление народное. Все слышано от Гулака и Навроцкого.

7. Каким образом славянисты предполагали распространять образование между крестьянами и с какою именно целью?

Славянисты предполагали распространить письменность и грамоту между крестьянами, предпринимая путешествия по деревням — таким образом осваиваясь с крестьянами и входя в их быт, распространять постепенно идею необходимости создать народное правлеиие, причем Гулак сообщил мне, что многие из таковых лиц и путешествуют с этою целью.

8. Кто из славянистов и в каком виде хотели учреждать школы для простого народа, сочинять книги и какого содержания, кто собирал деньги для этих целей и не предназначались ли деньги для каких-либо других преступных намерений?

Я не знаю, кто из славянистов и в каком виде хотел учредить школы для простого народа. Гулак мне говорил, что для прочнейшего распространения идей свободы между славянскими племенами необходимо учредить школы для простого народа, а также писать и издавать сочинения, и именно говорил, что только таким путем можно ожидать желаемого успеха, если не в настоящее время, то, наверно, в будущем поколении; но мне не известно, какие собирались деньги как для этих, так и для других каких-либо преступных целей.

9. Кто из приверженцев славянства наиболее действовал, склонял и возбуждал к преступным замыслам; не было ли одного, который всем руководил, или не было ли представителей в отдельных партиях общества, напр., славянской, малороссийской и тому подобное.

Все известные мне приверженцы славянства, а именно: Костомаров, Гулак, Навроцкий и Маркович,— действовали весьма ревностно к достижению своей цели, а в особенности действовал Гулак; но был ли один общий руководитель в сем деле или каждая партия имела своих особенных представителей, это мне не известно.

10. Опишите подробно все действия или слышанные вами разговоры: Гулака, Костомарова, Белозерского, Шевченко, Кулиша, Навроцкого, Андрузского, Марковича, Посяденко, помещика Савича, бывшего профессора Чижова и других вам известных лиц, каждого особенно, о каждом все, что знаете в отношении к замыслам славянистов.

Из участников в этом заговоре я только знаю Гулака, Костомарова, Навроцкого и Марковича; все же остальные лица были открыты правительством в последствии времени. У Гулака в особенности всегда собиралось общество, в котором постоянными присутствующими лицами были Костомаров и Навроцкий, и как только вышеупомянутые лица собирались, то тотчас начинали разговор касательно приведения в исполнение их общего намерения. В этих разговорах рассматривались те начала, по которым должно было устроить новое правление, как должно разделить Россию на части

и какое в каждой части устроить правление, кто должен быть избираем для занятия должностей в новоустроенном правлении, каким способом эти места могут быть достигаемы. Особенно же разговор Костомарова с Савичем заключал в себе именно все вышеозначенные предметы; других же действий, кроме вышеизложенного содержания разговоров, я не заметил за Гулаком. Костомаров в своих университетских лекциях всегда старался ярко и резко представить те места в первобытной русской истории, в которых выражалось самовольство и непослушание народа воле великих князей русских; также весьма ярко были очерчиваемы те места, где народ в порыве неистовства посягал на жизнь великих князей. Маркович весьма ревностно старался перекладывать различные предметы науки на малороссийский язык, излагая это популярно, и при последнем моем свидании с ним говорил, что в скором времени желает написать географию на малороссийском языке. Также я видел у Марковича переложение истории греческой республики на малороссийском языке. По редкости же моих сношений с бывшим студентом Навроцким я ничего не мог заметить особенного в его действиях.

11. Костомаров отрекается от того, что Савич и Гулак при нем рассуждали в самом революционном духе о преобразовании правления в России. Не можете ли вы представить улик против Костомарова?

Так как разговор между Костомаровым и Савичем происходил в присутствии лиц одного с ними мнения, поэтому я и не могу сослаться ни на кого, кто бы мог подтвердить истину моего показания; разве описание времени и сопровождаемых обстоятельств, между которыми происходил вышеизложенный разговор, может напомнить Костомарову его действительность. К Гулаку в тот вечер часов в восемь пришел помещик Савич, а через полчаса Навроцкий и Костомаров; вскоре по их приезде и начался вышеупомянутый разговор; по окончании же, часа в 2 ночи (помню в декабре 1846 г.) Костомаров и Савич отправились домой, а Навроцкий остался у Гулака ночевать.

12. Навроцкий доказывает, что он не слышал у Гулака ни возмутительных разговоров Савича, ни чтения самим Гулаком рукописи «Закон божий»; что он не жаловался вам на недостаток материальных средств к распространению этой рукописи, не читал возмутительных стихотворений Шевченко и, передавая вам рукопись о «Гайдамаках», никогда не говорил, что эту рукопись он считает весьма полезною для возбуждения в малороссиянах прежнего воинственного и свободного духа. Объясните ваши доказательства к улике Навроцкого?

В опровержение доказательств Навроцкого касательно возмутительного разговора Савича, чтения рукописи «Закон божий» и жалобы на недостаточность материальных средств к распространению таковой рукописи, утверждая их действительность, я не могу представить никаких улик, потому что все это происходило между мною и Навроцким в присутствии одного Гулака, что же касается до чтения стихотворений Шевченки, то я могу сказать только то, что все сведения о Шевченке и его сочинениях я получил от бывшего студента Навроцкого, а прежде сего я и не знал как о существовании Шевченки, так и его сочинении.

13. Не известно ли вам, сверх предложенного в предыдущих вопросах, еще что-либо о славянистах, их обществе и замыслах?

Более того, что изъяснено в предыдущих ответах, мне ничего не известно касательно намерений и замыслов и Общества славянистов.

Студент Алексей Петров

Ч. XVI, арк. 6—14. Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 211—215.

№ 365

1847 р. травня 2.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА О. П. ГАЛАХОВУ ПРО ВИДАЧУ О. М. ПЕТРОВУ БІЛЕТА НА ПРОЖИВАННЯ В ПЕТЕРБУРЗІ

Его пре[восходительст]ву А. П. Галахову

2 мая 1847 г., № 704

Милостивый государь Александр Павлович!

Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите ли доставить ко мне билет на свободное жительство в С.-Петербурге прибывшему сюда из Киева студенту университета св. Владимира Алексею Михайловичу Петрову, квартируемому в Сергиевской улице, в гостинице, против Сергиевского собора.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XVI, арк. 15. Відпуск.

№ 366

1847 р. травня 8.— ПОВІДОМЛЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА О. П. ГАЛАХОВУ ПРО НАДСИЛКУ В III ВІДДІЛЕННЯ БІЛЕТА НА ПРОЖИВАННЯ В ПЕТЕРБУРЗІ ДЛЯ О. М. ПЕТРОВА

Его превосход[ительст]ву А. П. Галахову

8 мая 1847, № 739

М[илостивый] г[осударь] Александр Павлович!

От 2 мая № 704 [3] г-н генерал-адъютант гр. Орлов относился к вашему превосходительству о доставлении билета на свободное жительство в С.-Петербурге прибывшему сюда из Киева студенту университета св. Владимира Алексею Михайловичу Петрову.

По воле гр. Алексея Федоровича Орлова имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите ли приказать доставить означенный билет для г-на Петрова нимало не медля, в самоскорейшем времени.

Примите увер[ение] и пр[очее].

Под[писал] Л. Дубельт

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XVI, арк. 16. Відпуск.

№ 367

1847 р. травня 10.— РАПОРТ О. П. ГАЛАХОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ БІЛЕТА НА ПРОЖИВАННЯ В ПЕТЕРБУРЗІ О. М. ПЕТРОВУ СТРОКОМ НА ДВА МІСЯЦІ

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, господину генерал-адъютанту гр. Орлову

Исправляющего должность петербургского обер-полицмейстера

10 мая 1847 г.

Рапорт

Вследствие предписания вашего сиятельства от 2 сего мая за № 704 [4] имею честь представить билет на жительство в С.-Петербурге в течение двух

месяцев прибывшему из Киева студенту университета св. Владимира Алексею Михайлову Петрову.

Свиты его величества генерал-майор Галахов

Помітка про одержання: 18 мая 1847 г.

Ч. XVI, арк. 17. Оригінал.

№ 368

1847 р. травня 5[5].— ЗАПИСКА О. М. ПЕТРОВА З БІОГРАФІЧНИМИ ВІДОМОСТЯМИ

Подвергаясь экзамену по юридическому факультету, я буду стараться приобресть степень кандидата, но, впрочем, это будет зависеть совершенно от воли начальства.

Покойный отец мой служил первоначально в артиллерии и находился в продолжении всей турецкой кампании 1828—1829 гг.; по болезни выходил в отставку, но через 4 года вновь поступил на службу в корпус жандармов, служил за адъютанта в Киеве, Чернигове и Курске до самой своей смерти, именно с 1833 по 1844 г. Умер в чине капитана.

Мать моя имеет жительство Черниговской губ. в г. Стародубе; имеет в городе дом и в 15 верстах 150 десятин пахотной земли с четырьмя душами мужского пола; пенсии она получает одну треть жалованья [6]. Детей имеет четверых: дочь и трех сыновей; дочь находится в киевском институте, из сыновей старший — я, второй — в 1-й киевской гимназии, а третий 9 $^1/_2$ лет отроду, дома.

Студент Алексей Петров

Ч. XVI, арк. 18. Оригінал.

№ 369

1847 р. травня 5.— ЗАПИСКА О. М. ПЕТРОВА З БІОГРАФІЧНИМИ ВІДОМОСТЯМИ ПРО БАТЬКА

Отец мой был родом Смоленской губ., Еленского уезда. Еще в ранней молодости он лишился своего родителя и оставлен был на попечение тетки своей генеральши Пассек, которая поместила его в артиллерийскую школу; по окончании курса наук он выпущен был в артиллерию и отправился в турецкую кампанию 1828 и 1829 гг.; возвратившись из похода, слабое здоровье и расстроенные домашние обстоятельства побудили его выйти в отставку, в которой он и пробыл 4 года с намерением устроить свои дела; но в это время они не только не исправились, но пришли еще в худшее положение — так что жизнь без жалованья сделалась совершенно невозможной; все это побудило его поступить в корпус жандармов, где он и служил безотлучно с 1833 по 1844 г. при штаб-офицерах: киевском, черниговском и курском, где и скончался в чине капитана.

Отец мой состояния никакого не имел, а у матери моей осталось родового состояния 150 десятин пахотной земли и четыре души мужского пола, да по смерти мужа получает полтрети годового жалованья; детей имеет четырех, старший — я, дочь — в киевском институте; второй брат — в гимназии, а третий живет с матерью.

Студент Алексей Петров

Помітка: 5 мая

Ч. XVI, арк. 19. Автограф.

№ 370

1847 р. травень [7]. — ЗАПИСКА О. М. ПЕТРОВА III ВІДДІЛЕННЮ ПРО ПОЗБАВЛЕННЯ МОЖЛИВОСТІ ДАВАТИ ПРИВАТНІ УРОКИ У ЗВ'ЯЗКУ З ВІД'ЇЗДОМ ІЗ КИЄВА ДО ПЕТЕРБУРГА

Занимаясь в г. Киеве частными уроками, я получил из двух мест 20 руб. сереб[ром] в месяц.

Отъезд мой из г. Киева лишил меня этого дохода с 16 апреля.

Студент Алексей Петров

Помітка: При конце.

Ч. XVI, арк. 20. Оригінал.

№ 371

1847 р. квітня 29. — ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВТРАТУ О. М. ПЕТРОВИМ ПРИВАТНИХ УРОКІВ І НЕМОЖЛИВІСТЬ СКЛАДАТИ ПЕРЕХІДНІ ІСПИТИ В КИЇВСЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТІ В ЗВ'ЯЗКУ З ВІД'ЇЗДОМ ДО ПЕТЕРБУРГА

Весьма секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

29 апреля 1847 г., № 6, г. Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Отправленный в III отделение С. е. и. в. канцелярии студент университета св. Владимира Петров вызван в С.-Петербург в то самое время, когда он готовился держать экзамены при переходе в высший курс и притом он должен был лишиться места в доме, в котором обучал детей и тем содержал престарелую мать [8].

Долгом поставляю представить о сем на благоуважение вашего сиятельства и покорнейше прошу принять уверения в истинном почтении и совершенной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка Л. В. Дубельта: Граф имеет в виду.

Помітка про одержання: 7 мая 1847 г.

Ч. XVI, арк. 21. Оригінал.

№ 372

1847 р. травня 30. — ПЕРЕЛІК ДОКУМЕНТІВ ПРО О. М. ПЕТРОВА, ЯКІ БУЛИ ПЕРЕДАНІ В 2-У ЕКСПЕДИЦІЮ III ВІДДІЛЕННЯ

Переданы во 2-ю экспедицию III отделения следующие бумаги о студенте Петрове:

Журнал 30 мая 1847 г. об определении Петрова на службу в III отделение.

Отпуски с отношений от 30 мая 1847 г.:

за № 888 к г-ну министру юстиции [9]
за № 889 к г-ну статс-секретарю Танееву
за № 890 к г-ну министру нар[одного] просвещ[ения] [10]

об определении Петрова на службу в III отделение с чином губ[ернского] секр[етаря]

за № 891 к г-ну министру финансов [11]

о производстве Петрову жалованья 355 р[уб] сер[ебром] и столовых 160 р[уб] — всего 515 р[уб] сер[ебром] в год

Ч. XVI, арк. 22. Оригінал.

№ 373

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА ФІНАНСІВ Ф. П. ВРОНЧЕНКА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЦАРСЬКИЙ НАКАЗ ПІДВИЩИТИ ПЕНСІЮ Є. І. ПЕТРОВІЙ, МАТЕРІ О. М. ПЕТРОВА

Его высокопре[восходительст]ву Ф. П. Вронченко

30 мая 1847, № 892

М[илостивый] г[осударь] Федор Павлович!

Государь император, по всеподданнейшему докладу моему, высочайше повелеть соизволил: вдове служившего в корпусе жандармов капитана Ефросинии Петровой, получающей по высочайшему повелению, объявленному г-ном военным министром [12] в августе 1843 г., пенсию из Стародубского уездного казначейства, Черниговской губ., увеличить эту пенсию вместе с детьми до 200 руб. серебром в год. [13]

Уведомляя о сем ваше высокопре[восходительст]во и покорнейше прося, не изволите ли сделать распоряжение к исполнению упомянутой монаршей воли, приказав производить г-же Петровой пенсию по-прежнему из Стародубского уездного казначейства, имею честь удостоверить и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: коллежский советник Константинов

Ч. XVI, арк. 23. Відпуск.

№ 374

1847 р. травня 30.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА Є. І. ПЕТРОВІЙ ПРО ПІДВИЩЕННЯ ЇЙ ПЕНСІЇ НА ПІДСТАВІ РОЗПОРЯДЖЕННЯ МИКОЛИ І

Ее благород[ию] Е. И. Петровой

30 мая 1847, № 898

Милостивая государыня Ефросиния Исидоровна!

Государь император, по всеподданнейшему ходатайству моему, высочайше повелеть соизволил: увеличить получаемую Вами пенсию вместе с детьми Вашими до 200 руб. серебром в год.

С особенным удовольствием поспешая уведомить Вас о таковой монаршей милости и присовокупляя, что об этом уже сообщено мною г-ну министру финансов для надлежащего распоряжения, дабы пенсия производилась Вам по-прежнему из Стародубского уездного казначейства, имею честь удостоверить Вас в ист[инном] пр[очее].

Подписал гр. Орлов

Верно: коллежский советник Константинов

Ч. XVI, арк. 24. Відпуск.

№ 375

1847 р. червня 12.— ВІДНОШЕННЯ ДЕПАРТАМЕНТУ ДЕРЖАВНОГО КАЗНАЧЕЙСТВА ДО III ВІДДІЛЕННЯ З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВИПЛАТУ ПІДВИЩЕНОЇ ПЕНСІЇ Є. І. ПЕТРОВІЙ

В III отделение С. е. в. канцелярии

12 июня 1847 г., № 17348

О пенсии вдовы с детьми капитана Петрова

Вследствие отношения г-на шефа жандармов к г-ну министру финансов от 30 мая сего года № 892 [14], департамент государственного казначейства имеет честь уведомить, что сделано надлежащее распоряжение о производстве пенсии вдове с детьми капитана Петрова в добавление к прежней пенсии по 95 руб. сер[ебром] в год в Стародуб Черниговской губ.

Вице-директор А. Ростовцев
Начальник отделения [15]

Помітка: 52 р[уб]. 50 к[оп] сер[ебром]
Помітка про одержання: 13 июня 1847 г.

Ч. XVI, арк. 25. Оригінал.

№ 376

1847 р. червня 14.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТУ ДЕРЖАВНОГО КАЗНАЧЕЙСТВА О. М. КНЯЖЕВИЧА ЩОДО НАДСИЛКИ ДОВІДКИ ПРО ВИПЛАТУ ПЕНСІЇ Є. І. ПЕТРОВІЙ

Его превосход[ительст]ву А. М. Княжевичу [17]

14 июня 1847, № 1011

М[илостивый] г[осударь] Александр Максимович!

Департамент государственного казначейства от 12 июня № 17348 [18] вследствие объявленного г-ном генерал-адъютантом гр. Орловым высочайшего повеления об увеличении вдове капитана Петрова с детьми ея пенсии до 200 руб. серебром уведомил, что департаментом сделано распоряжение о производстве г-же Петровой в добавление к прежней пенсии по 95 руб. серебром в год.

Между тем сын г-жи Петровой, служащий в III отделении С. е. и. в. канцелярии, губернский секретарь Алексей Петров объясняет, что хотя родительница его с детьми первоначально получала пенсию по 105 руб. серебром, но по достижении им, Алексеем Петровым, совершеннолетия половина пенсии, производившаяся на честь его с братьями и сестрами, более не выдавалась, а потому родительница его получает пенсию только по 52 р[уб]. 50 к[оп]. сер[ебром] в год.

Сообщая о сем вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли приказать сделать справку и соображение по вышеизложенному объяснению губ. секретаря Петрова и о последующем удостоить меня уведомлением.

Примите уверен[ие] и пр[очее].

Под[писал] Л. Дубельт
Верно: надворн[ый] советник Нордстрем

Ч. XVI, арк. 26, 27. Відпуск.

№ 377

1847 р. червня 24.— ВІДНОШЕННЯ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТУ ДЕРЖАВНОГО КАЗНАЧЕЙСТВА О. М. КНЯЖЕВИЧА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НАДІСЛАННЯ ЗАПИТУ ЧЕРНІГІВСЬКІЙ КАЗЕННІЙ ПАЛАТІ ВІДНОСНО НАРАХУВАННЯ ПЕНСІЇ Є. І. ПЕТРОВІЙ

Его пре[восходительст]ву Л. В. Дубельту

24 июня 1847 года, № 18648

О пенсии семейства капитана Петрова

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

На отношение вашего превосходительства от 14 сего месяца № 1011 [18] имею честь уведомить, что департаменту государственного казначейства не известно, почему Черниговская казенная палата не производила семейству капитана Петрова пенсиона по 105 р[уб]. серебром в год, и что вместе с ним потребовано от нее о том объяснение, по получении коего не премину известить ваше превосходительство о дальнейшем распоряжении по означенному предмету.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Александр Княжевич

Помітка про одержання: 25 июня 1847 г.

Ч. XVI, арк. 28. Оригінал.

№ 378

1847 р. липня 23.— ВІДНОШЕННЯ О. М. КНЯЖЕВИЧА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВИПЛАТУ ПЕНСІЇ Є. І. ПЕТРОВІЙ

Его пре[восходительству] Л. В. Дубельту

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

От 24 минувшего июня № 18648 [19] я имел честь уведомить ваше превосходительство, что от Черниговской казенной палаты потребовано объяснение, почему назначенная семейству капитана Петрова пенсия по 105 р[уб]. сер[ебром] в год не производится вполне.

Ныне Черниговская казенная палата донесла департаменту государственного казначейства, что помянутый пенсион производится вдове капитана Петрова, Ефросинье и детям ее из Стародубского уездного казначейства вполне без всякого исключения, то есть по 105 р[уб]. сер[ебром] в год [20].

Извещая о сем ваше превосходительство, покорнейше прошу принять уверения в совершенном моем почтении и преданности.

А. Княжевич

23 июня 1847 г., № 21713

Помітка про одержання: 24 июня 1847 г.

Ч. XVI, арк. 29. Оригінал.

№ 379

1847 р. червень [21].— ПОЯСНЕННЯ О. М. ПЕТРОВА ВІДНОСНО ВИПЛАТИ ПЕНСІЇ ЙОГО МАТЕРІ Є. І. ПЕТРОВІЙ

При спросе меня: «Сколько мать моя получает пенсиона?» — я осмелился почтительнейше докладывать вашему превосходительству, что она получает в настоящее время только половину прежнего пенсиона, я сказал это, основываясь на неоднократных письмах моей матери, в которых она именно говорила, что у нее отбирают половину пенсиона, и даже в одном письме к моему дяде, служащему в С.-Петербурге, просила его ходатайства, дабы ей, в уважение бедного состояния и расстроенного здоровья, оставили все высочайше назначенное пособие за службу покойного мужа.

Ч. XVI, арк. 30. Оригінал.

№ 380

1847 р. липня 3.— ЛИСТ Є. І. ПЕТРОВОЇ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ВИСЛОВЛЕННЯМ ПОДЯКИ ЗА ПОВІДОМЛЕННЯ ПРО ПІДВИЩЕННЯ ЇЇ ПЕНСІЇ

Сиятельнейший граф, всемилостивейший государь!

Удостоенная письмом, в котором ваше сиятельство милостиво извещает меня о исходатайствованном Вами у государя императора пенсиона мне и детям моим, я болезнию была удержана до этого времени изъявить Вам мою глубочайшую благодарность за оказанное Вами благодеяние.

Ваше сиятельство! Только мать сирот, испытанная продолжительным горем и так долго боровшаяся с тяжким несчастьем, может вполне чувствовать великость Вашего благодеяния и только искренние слезы душевной молитвы могут быть выражением этой глубокой чувствуемой благодарности, которая будет постоянным чувством всей моей жизни.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего сиятельства милостивейшего государя покорнейшая слуга

Евфрозина Петрова

1847 г. июля 3 дня, г. Стародуб.

Ч. XVI, арк. 31. Оригінал.

№ 381

1847 р. жовтень [22].— ЛИСТ О. М. ПЕТРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО СВІЙ МАТЕРІАЛЬНИЙ СТАН

Чиновник III отделения С. е. и. в. канцелярии Петров осмеливается в немногих словах изложить пред Вашим превосходительством настоящее свое положение.

Определенный в III отделение с окладом жалованья в 42 руб. сер[ебром] и получив при поступлении годовое содержание на экипировку, я еще мог, в продолжении некоторого времени, поддерживать свое существование, пополняя недостаток жалованья оставшейся суммою от моей экипировки: но когда эта сумма истощилась, я увидел, что жалованья моего недостаточно для удовлетворения самых необходимых потребностей, и при всем моем желании сколько можно более себя ограничить я по совершенной необходимости вошел в долг, который хотя и незначителен (80 руб. сереб[ром]),

однако при настоящем моем положении не может быть уплочен; тем более, что в настоящую треть производится вычет за высочайше пожалованный мне чин, что уменьшивает получаемую мною сумму ежемесячно еще почти на 10 руб. сер[ебром]; между тем приближающееся зимнее время требует теплой одежды, которой я не имею и которой из прежде пожалованной мне суммы я не в состоянии был сделать.

Одна только крайняя необходимость могла побудить меня обратиться к щедротам вашего превосходительства и испрашивать о пособии. Таковую же, со стороны моей откровенность я считаю долгом в отношении к моему начальнику.

А дабы ваше превосходительство не могли усомниться в справедливости слов моих я осмеливаюсь представить на усмотрение Ваше счет суммы, мною издержанной, и счет ежемесячных моих расходов.

Из высочайше пожалованной мне суммы за вычетом узаконенных процентов я получил 450 руб. сереб[ром]. Экипировка стоила — 280 руб. Белье и необходимая мебель — 120 руб. Остаток суммы был прилагаем к недостающему жалованью.

Месячно

За квартиру	10	руб.	сер[ебром]
Стол	15	»	»
Дрова (при настоящей дороговизне)	8	»	»
Чай и сахар	8	»	»
Человеку	5	»	»
Хлеб	5	»	»
Прачка	4	»	»
Свечи	2	»	»
Итого	57		»

Жалованья получаю 42 руб., а по вычете за чин — 38 руб.

Помітки Л. В. Дубельта: 1. Переговорить. 2. Над словами «за вычетом»: «получил без вычета», над цифрою 450—500.

Ч. XVI, арк. 32—34. Оригінал.

№ 382

1847 р. жовтень[23].— ВІДОМІСТЬ ОКЛАДІВ ЖАЛУВАННЯ ЧИНОВНИКАМ МІНІСТЕРСТВ

Оклады жалованья по министерствам вообще:

	Ассигнац[иями — серебром]
Столоначальнику	2500 р[уб].
Помощ[ник] столонач[альника]	
старшему	1700 р[уб].— 485 р[уб] 71 к[оп].
младшему	1200 р[уб].— 342 р[уб] 85 [коп.].
Канцеляр[скому] чиновнику	420 [руб.] — 120 р[уб].
	520 [руб.] — 143 [руб] 60 [коп.].
	750 [руб.] — 214 [руб] 30 [коп].
до	1000 р[уб].— 296 [руб.]

Соображаясь с остатками сумм.

Ч. XVI, арк. 35. Оригінал.

№ 383

1847 р. жовтень.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО МАТЕРІАЛЬНЕ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ О. М. ПЕТРОВА

Справка

Студент Петров определен в III отделение с чином губернского секретаря с жалованьем по 515 руб. сереб[ром] в год и с выдачею на обмундирование 500 р[уб]. с[еребром] (сполна без вычета процентов). Кроме того, матери Петрова, получавшей пенсию по 100 р[уб]. сереб[ром], увеличена до 200 руб. серебром.

В высочайше утвержденном докладе еще сказано было, чтобы Петрову впоследствии сделано было приличное денежное вспомоществование, смотря по степени его усердия к службе.

Соображение

Поступающие в первый раз на службу из университетов, даже из Александровского лицея и училища правоведения, определяются большею частью канцелярскими служителями или много, что помощниками столоначальников. Жалованье в министерствах получают: канцелярские служители от 120 до 286, столоначальники младшие по 342 и старшие по 485 р[уб]. сер[ебром].

Следовательно, Петров, прямо с ученической скамейки, занял должность с жалованием высшим того, какое получают самые отличные молодые люди. Из 500 р[уб]. сер[ебром] пособия на обмундирование Петрова употреблено было только 400 руб., а остальные 100 р[уб]. сер[ебром] он также прожил сверх жалованья, не более, как в 5 месяцев службы в Петербурге.

Самый расчет Петрова: 10 руб. сер[ебром] за квартиру, 15 р[уб] се[ребром] за стол, 5 р[уб]. сер[ебром] за хлеб, 5 р[уб]. сер[ебром] человеку, 8 р[уб]. сер[ебром] за дрова, 4 р[уб]. сер[ебром] прачке не довольно умерен. Недостаточные молодые люди в столице нанимают квартиры от жильцов с дровами, столом, прислугой, мытьем белья и за все платят рублей по 15 сер[ебром] в месяц или еще менее.

Коллежский секретарь Колчин, состоящий в службе 14 лет и в III отделении уже 8 лет, получает то же, что Петров, 515 р[уб]. сер[ебром] в год, тогда как о Петрове еще нельзя сказать ничего особенного хорошего, а Колчин известен за способного и самого усердного чиновника. Если Колчин с терпением ожидает улучшения своего положения, то Петрову слишком рано требования возвышения окладов.

Впрочем, как во всеподданнейшем докладе сказано было, чтобы Петрову впоследствии сделать приличное вспомоществование, то просьба его об увеличении ему содержания представляется на благоусмотрение вашего сиятельства.

Резолюція О. Ф. Орлова: Рано.

Помітка Л. В. Дубельта: Объявлено 31 октября 1847 г.

Ч. XVI, арк. 36, 37. Оригінал.

№ 384

1847 р. листопада 10.— ЛИСТ ПЕТЕРБУРЗЬКОГО КУПЦЯ М. ЗАХАРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО НЕВИПЛАТУ О. М. ПЕТРОВИМ БОРГУ ЗА ПРОДОВОЛЬЧІ ТОВАРИ ТА ВИНО

Его превосход[ительст]ву Л. В. Дубельту

Ваше превосходительство, милостивый государь,
Леонтий Васильевич!

Чиновник III отделения С. е. и. в. канцелярии Алексей Михайлович Петров, забирая из лавки и погреба моего из первой овощные товары, а из последнего вина, состоит мне должным 73 руб. 81 коп. серебр[ом], о чем ему хотя и подан счет, из погреба подписанный, но он денег не платит, отзываясь неимением оных в наличности и откладывая время от времени продолжает свои обеспечения платить на неопределенное время.

По сему осмеливаюсь, ваше превосходительство, как непосредственного его начальника всепокорнейше просить приказать ему заплатить мне означенные деньги, или вычесть таковые из получаемого им жалованья; а что г-н Петров мне должен, на это имею письменное его удостоверение, которое в случае надобности могу представить.

С глубочайшим высокопочитанием и беспредельною преданностью имею честь быть вашего превосходительства с.-петербургский купец

Мирон Захаров

Жительство имею Литейной части 1-го квартала в собственном доме под № 91.

7 ноября 1847 г.

Помітка Л. В. Дубельта: Сделано замечание г-ну Петрову и приказано вычесть из его жалованья в уплату долга Захарову.

Розписки: Марта 4 дня 1848 г. получил 30 руб. сереб[ром]

Мирон Захаров

И с остальных 43 руб. [серебром] 73 коп. получил; претензий никаких не имею.

Мирон Захаров

Помітка про одержання: 10 ноября 1847 г.

Ч. XVI, арк. 38. Оригінал.

№ 385

1848 р.— ЗАПИСКА О. М. ПЕТРОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПРИПИНЕННЯ ВИПЛАТИ ПЕНСІЇ ЙОГО МАТЕРІ І ПРОХАННЯ ПРО ЗАСТУПНИЦТВО

Мать моя по смерти мужа своего, служившего в корпусе жандармов, по закону получила третью часть его содержания в пенсион. При определении моем в III отделение щедротами августейшего монарха повелено было увеличить содержание ее до 200 руб. серебром в год, которое она не получала беспрепятственно уже в продолжении полутора года; ныне уездный казначей г. Стародуба от 20 июня за № 370 донес Черниговской казенной палате, что так как дети капитанши Петровой достигли совершеннолетия, то следует прекратить выдачу пенсиона и сверх того сделать вычет из оставшейся части (28 руб. 59 коп. сер[ебром]). Со времени поступления моего на

службу и достижения совершеннолетия меньшим братом и сестрою, что простирается до 500 руб. серебром, и на основании сего за майскую треть не произвел ей выдачи.

Таким образом, мать моя лишилась всех средств к жизни, тем более, что при ней находится теперь и дочь, кончившая курс в киевском институте.

Получив вчерашнего числа письмо матери моей от 31 августа, в котором она прилагает копию указа Черниговской казениой палаты и, объясняя свое горестное положение от преследований лиц ее окружающих, умоляет повергнуть таковое положение ея и дочери чрез ходатайство вашего превосходительства милостивому заступничеству его сиятельства.

Губернский секретарь Алексей Петров

Ч. XVI, арк. 39. Оригінал.

№ 386

1848 р. серпня 23.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ КАЗЕННОЇ ПАЛАТИ СТАРОДУБСЬКОМУ ПОВІТОВОМУ КАЗНАЧЕЮ ПРО ЗМЕНШЕННЯ ПЕНСІЇ Є. І. ПЕТРОВІЙ

Указ е. и. в. С. в. из Черниговской казенной палаты г-ну с[тародубско]му уездному казначею

По указу е. и. в. казенная палата слушала записку отделения казначейств по рапорту с[тародубского] уездного казначея от 20 июня за № 970 о пенсии детей капитана Петрова; приказала, как по справке оказалось, что вдове и пяти детям служившего в корпусе жандармов капитана Петрова пенсия назначена к производству из Стародубского уездного казначейства в количестве 200 [руб]. сереб[ром] в год, а из донесения Стародубского уездного казначейства видно, что из числа означенных детей Петрова — сын Алексей находится на службе в III отделении С. е. и. в. канцелярии, имеет от роду 19 лет. Николай принят в Киев в пансион благородных детей на казенное содержание, ныне 11 лет, Димитрий 9 лет при матери в г. Стародубе, Лев умер и дочь Июллия 17 лет также воспитывается в Киеве в Институте благородных девиц на казенном содержании; для того стародубскому уездному казначею в разрешении рапорта его указом предписать следующую детям Петрова пенсию: сыну Алексею со времени поступления на службу или совершеннолетия, Николая и дочери Июллии со дня поступления их на казенное содержание, а Льву со дня смерти из расхода исключить, а производить пенсию одному только сыну Димитрию на основании Свода законов, т. 3, уст[ава] о пенсии, стр. 118, изд. 1842 г., по 28 руб. 59 к[оп]. серебром.

Августа 23 дня 1848 г.

Помітка про одержання: Получено 27 августа 1848 г.

Ч. XVI, арк. 40. Копія.

№ 387

1848 р. серпня 31.— ЛИСТ Є. І. ПЕТРОВОЇ ДО О. М. ПЕТРОВА ПРО ТЯЖКИЙ МАТЕРІАЛЬНИЙ СТАН СІМ'Ї У ЗВ'ЯЗКУ ІЗ ЗМЕНШЕННЯМ ПЕНСІЇ

31 августа

Да, мой сын, несчастие восторжествовало над нами, злоба и ненависть достигли своей цели: меня казенная палата лишила пенсиону и лишила невозвратимо по доносу Ткаченки, который в порыве своего усердия поме-

стил и того сына, который умер еще при отце, т. е. в первых числах генв[аря 18] 43 г., а отец 6 мая того же года. Что теперь делать, не знаю, злодей в восторге, а я убита совершенно, три дня не сплю, не ем; горе, как свинец, легло на грудь, не знаю, как держусь на ногах и, кажется, не переживу. Вся надежда на будущее убита. Я хотела писать к царю, но просила Степ[ана] Каз[имировича] узнать мнения [?] Искр [24], он сказал: «Пусть молчит, дело сделано, поправить невозможно, а напортить можно». Алек[сей] Мих[айлович] тут что-нибудь значит, а там ничего, и только можно вооружить против него начальство, надоедая просьбами, я хотела представить графу донесение Драгневича начальству о горестной участи нашего семейства, хотела представить письмо, где он пересылает мне деньги, пожертвованные для пособия нам. Но теперь ничего уже не буду делать, боясь навлечь еще новую беду, а между тем сегодня пишу к Ливен[цову], прошу его выслать мне копии из рапорта Ткаченки и из указов о пенсионе, потому что в первом указе сказано $52^1/_2$ ассигновано мне и $52^1/_2$ детям. Так за что же мои отняли? Представь себе, 11 июня 1847 г. я получила от графа письмо, где извещает он меня о исходатайствованном мне пенсионе, а 20 того же мес[яца] Ткач[енко] донес каз[енной] пал[ате]. Так злоба не дремлет, вдобавок ко всему этому я сегодня получила от Юлии письмо. Она отказал[ась] от пансиона, и за нею нужно ехать. Не правда ли, что судьба жестоко смеется над нами? К чему я теперь возьму это несчастное дитя? Что я с ней буду делать, лишенная всех средств к существованию? И с чем поеду, имея у себя только 4 [руб]. сер[ебром] денег? Прибегнуть к нашему благодетелю? Но расплата не будет ли стоить нам дороже жизни? Боже! Чего мне просить у тебя? Силы перенесть все эти удары или могилы, куда вернее могу спрятаться от них; теперь стоит только от тебя еще по[...] [25]

Ч. XVI, арк. 40—41. Автограф.

№ 388

1848 р. вересня, не пізніше 10.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ЗАКОННІ ПРИЧИНИ ЗМЕНШЕННЯ ПЕНСІЇ Є. І. ПЕТРОВІЙ

Чиновник III отделения губернский секретарь Алексей Петров, согласно письму, полученному им от матери, объясняет, что Черниговская казенная палата определила производить пенсию только одному из братьев его Дмитрию, и сверх того взыскать с матери его 500 руб. сер[ебром], неправильно полученные ею прежде, так что мать его с находящимся при ней несовершеннолетним сыном Дмитрием и дочерью Юлией, кончившею курс в киевском институте, лишена всех средств к существованию.

Справки

1. Вдове Петровой за службу ее мужа определено было пенсии по 105 р[уб]. сер[ебром] ($52^1/_2$ руб. ей и $52^1/_2$ руб. детям ее), а в мае 1847 г., за услуги означенного сына ее, эта пенсия увеличилась до 200 руб. сер[ебром] (следовательно, назначено ей 100 р[уб]. и детям 100 р[уб]).

2. Из письма вдовы Петровой и приложенного к оному в копии указа Черниговской казенной палаты видно, что она, Петрова, доселе получала части пенсии: за сына Льва, умершего еще при жизни отца, в 1843 г., на сына Николая, который воспитывался в киевском пансионе на казенном счету, на дочь Юлию, воспитывавшуюся в киевском институте, и даже на сына Алексея за то время, когда он поступил на службу в III отделение и сам получает жалованье. Ныне это открылось по донесению казначея Ткаченки.

3. Как по законам, пенсия детям производится только до их совершеннолетия или до поступления их в службу и в учебные заведения на казенный счет, то Черниговская казенная палата определила: производить из детской половины (сто руб. сер[ебром]) пенсии, только по 28 р[уб]. 59 к[оп]. сер[ебром] несовершеннолетнему сыну Дмитрию, а выдачу прочих детских частей прекратить, взыскав неправильно полученные Петровою деньги на умершего, служащего, и воспитывающихся на казенный счет детей. Таким образом, из 200 р[уб]. пенсии будет производиться Петровой только 128 р[уб]. 59 к[оп]. сер[ебром] (100 р[уб]. на ее часть и 28 р[уб]. 59 к[оп]. сер[ебром] на часть сына Дмитрия).

Соображение

Это решение не только ничем не может быть отвергнуто, но еще милостиво, ибо казенная палата имела основание даже предать суду Петрову за ложный поступок.

Для Петрова можно сделать только следующее: как он объясняет, что сестре его Юлии, возвратившейся из киевского института, только 19 лет от роду, то можно просить министерство финансов, чтобы ей, на основании 101 и 236 ст. 3-го тома Свода законов, устава о пенсиях, производилась узаконенная часть пенсии до совершеннолетия (21 года), если она ранее не вступит в замужество.

Резолюція Л. В. Дубельта: Оставить.

Помітка: Объяснено Петрову.

Сент[ября] 10 1848 г.

Ч. XVI, арк. 42, 43. Оригінал.

№ 389

1847 р. вересня 4.— ЛИСТ Є. І. ПЕТРОВОЇ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ВІДНОВИТИ ВИПЛАТУ ЇЙ ПЕНСІЇ

Ваше сиятельство, милостивый государь!

Покойный муж мой прослужил почти 20 лет и умер, не оставя детям своим ничего, кроме имени благородного и бескорыстного человека; положение мое с детьми было самое бедственное; о чем доносил полковник Драгневич своему окружному; дворянство Курской губ. приняло на свой счет погребение покойного.

Имея свой собственный дом в Черниговской губ. в г. Стародубе, я поселилась в нем с детьми, ожидая всего от милостивого правительства, и не обманулась в своем ожидании; благодетельное начальство исходатайствовало для меня пенсион, состоящий из $52^1/_2$ руб. серебром мне и столько же четырем моим детям. Этим пенсионом я жила до 1845 г., потому что когда муж мой служил за адъютанта при военном губернаторе Подольской губ., то великодушное дворянство той губернии, тронутое крайнею бедностью моего мужа, приняло воспитание двух детей наших на свое иждивение, и дочь помещена в институт еще при жизни отца в 1842 г., а сын в пансион в 1845 г.; с того времени следуемым для детей моих пенсионом я воспитывала старшего сына своего в университете и уплачивала долги, оставленные мужем моим до 3000 руб ассигнациями; но и до этого времени не могла еще всех уплатить, хотя нередко отказывала себе в самом необходимом; и при такой крайней бедности, будучи совершенно беззащитною, я была угнетаема, теснима до невероятности; дом мой был беспрестанно занимаем значи-

тельным военным постоем так, что я иногда при своем расстроенном здоровье не имела и одной комнаты покойной; несколько раз я жаловалась предводителю дворянства и губернатору, но это был голос вопиющего в пустыне; несколько раз я думала прибегнуть к вашему сиятельству, но на это не доставало у меня решимости; и, наконец, я свыклась с своею горестною жизнью. Так продолжалось до 1847 г., когда старший сын мой внезапно вызван был из Киева в Петербург; не знаю ни причин, ни следствия этого вызова, я трепетала при одной мысли, чтобы сын мой предосудительным поступком не оскорбил памяти благородного своего отца. Но когда он известил меня, что ваше сиятельство милостиво обратили на него свое внимание и приняли под Ваше благодетельное начальство, известие это, успокоив меня на счет его поступка, нисколько не порадовало меня на счет его отпуска, нисколько не порадовало быстрой перемене его судьбы; зная его неопытность, пылкую юность, может быть, излишнее увлечение ко всему возвышенному, не охлажденное горечью опыта, которое резко выдвигало за черту обыкновенных действий — все это заставляло меня бояться за его будущее. Чувство матери угадало: поступок сына моего, по крайней мере здесь, возбудил всеобщее негодование, действия которого были прямо обращены на меня, виновную только тем, что считала своею священною обязанностью внушать детям моим чувство долга, преданности царю и отечеству. Везде, где я ни являлась, меня преследовали сарказмами и убийственными двусмысленностями; так что для избежания неприятностей я заключилась дома, но мое отчуждение сочли гордостью и не переставали преследовать; правда, для этого были избраны существа самые ограниченные, но это только было орудие, а причина была выше; и вот один из числа этого орудия, уездный казначей Ткаченко, рапортом своим от 20 июня 1847 г. донес казенной палате, что я несправедливо получаю пенсион, следуемый детям моим, из числа которых один умер, хотя тот умер еще при жизни отца, и я никогда на него не получала, двое воспитываются, а один на службе. Вследствие этого донесения казенная палата, не истребовав от меня объяснений, не только лишила меня следуемого детям моим пенсиона, а исходатайствованного вашим сиятельством, который я получила только еще за две трети, но приказала вычесть за все время воспитания детей моих; так что сумма вычета равняется сумме всего полученного мною пенсиона и издержанного как на воспитание старшего сына моего, так и на удовлетворение долгов покойного мужа моего. Такое пристрастное действие уездного казначея и казенной палаты жестоко поразили меня. Без всякой причины отнять последнее средство к существованию, лишить милости столько для нас священной и когда же? Когда дочь моя, окончив институтское воспитание и за успехи и поведение удостоенная от всемилостивейшей государыни императрицы шифрем, должна начать жизнь, лишенная средств к поддержанию этой жизни. Все эти действия заставили меня прибегнуть к милосердию вашего сиятельства и не за себя умолять Вас, но за бедных сирот, особенно бедной дочери моей, участь которой повергаю великодушному участию Вашему. Ваше сиятельство! Не откажите горестной матери в последнем утешении иметь в Вас второе благое провидение для несчастных сирот моих; прикажите исследовать действие казенной палаты и, если можно, то не лишить нас исходатайствованного вашим сиятельством пенсиона, состоящего из 200 руб. серебром и тем более теперь для нас необходимых, что старший сын мой взял с собою меньшего своего брата, принял на себя его воспитание, что и лишает его возможности уделять для нас из своего жалованья. Эта величайшая милость спасет от гибели целое семейство, сирот так невинно угнетаемых, семейство, которому, если природа не дала огромных средств к жизни, то не лишила чувств чувствовать великость благодеяния и быть глубоко благодарными.

С глубочайшим почтением и всегдашнею преданностию имею честь быть вашего сиятельства милостивый государь покорная слуга

Евфрозина Петрова

1848 года октября 4 дня, г. Стародуб.

Резолюція О. Ф. Орлова: Доложить.

Помітка про одержання: 15 октября 1848 г.

Ч. XVI, арк. 44, 45. Автограф.

№ 390

1848 р. жовтня 4.— ЛИСТ Є. І. ПЕТРОВОЇ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ПРО ВІДНОВЛЕННЯ ВИПЛАТИ ЇЇ ПЕНСІЇ

Ваше превосходительство, милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Когда муж мой, умирая, оставлял свое горестное семейство в самом бедственном положении, последняя утешающая его мысль была надежда, что Ваше превосходительство не оставит его несчастных сирот без благодетельного участия, и он требовал, чтобы я непременно прибегла бы к Вам, как к благодетельному его начальнику; но заброшенная в неизвестность, забытая всеми, я боялась напомнить о своем существовании, но само провидение, как бы желая оправдать предсмертные надежды умирающего, совершенно непредвиденными путями не только подчинило сына моего Вашему милостивому начальству, но и целому семейству указало на Вас как на единственного благодетеля несчастных сирот; такое непостижимое действие промысла дает мне смелость прибегнуть к Вашему превосходительству. Не стану описывать подробностей моей горестной жизни и жестокие преследования того человека, который еще при колыбели моей рассчел свои злые действия на спокойствие моей жизни и поступки которого сын мой может объяснить подробно, но скажу только, что последнее действие наших недоброжелателей превосходит меру всякого терпения. По донесениям уездного казначея Ткаченки меня не только лишают следуемого детям моим пенсиона, но еще приказали вычесть за все время их воспитания — это значит отнять последние средства к существованию; обо всем этом я осмеливаюсь беспокоить его сиятельство гр. Алексея Федоровича.

Ваше превосходительство, позвольте мне умолять Вас быть нашим ходатаем у его сиятельства, позвольте несчастной матери верить, что благое провидение не даром подчинило Вашему милостивому начальству отца и сына; позвольте надеяться на великодушное участие Ваше, которое спасет от гибели целое семейство, умеющее вполне чувствовать великость благодеяния и быть беспредельно за оное благодарными.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорною слугою.

Евфрозина Петрова

4 октября 1848 года, г. Стародуб

Ч. XVI, арк. 46, 47. Оригінал.

№ 391

1848 р. жовтня 16.— ЗАПИСКА і ПРОПОЗИЦІЇ Л. В. ДУБЕЛЬТА О. Ф. ОРЛОВУ З ПРИВОДУ ВИПЛАТИ ПЕНСІЇ Є. І. ПЕТРОВІЙ

Жительствующая в Черниговской губ. вдова капитана Петрова, описывая стесненное свое положение от претерпеваемых ею преследований со стороны разных лиц, объясняет, что первым орудием этих врагов ее явился уездный казначей Ткаченко, по доносу которого Черниговская казенная палата, лишив детей ее пенсиона, определила взыскать с нее, Петровой, за все время их воспитания полученный ею на их долю пенсион. Петрова просит о произведении по сему предмету следствия и о продолжении выдачи ей с детьми исходатайствованного вашим сиятельством пенсиона, по 200 руб. сер[ебром] в год.

Сын Петровой, губернский секретарь Петров, уже обращался с подобною просьбою, но ему, по приказанию вашего сиятельства, внушено, что родительница его не только не имеет никакого права жаловаться на распоряжение Казенной палаты, но должна быть благодарною, что ее не предали суду за ложный поступок: ибо она получала доли пенсии на одного умершего сына, на другого сына служащего (в III отделении) и двух дочерей [26], воспитывавшихся на казенном счету в учебных заведениях.

Прежняя справка о г-же Петровой находится в прилагаемом деле.

Соображение

Не приказано ли будет уведомить г-жу Петрову, что определение Черниговской казенной палаты столько справедливо и законно, что опровергать оное невозможно, а потому со стороны вашего сиятельства ничего не может быть сделано в пользу ее, Петровой?

16 октября 1848 г.

Ч. XVI, арк. 48, 49. Оригінал.

ЧАСТИНА СІМНАДЦЯТА

СПРАВА

про поширення відозви у Києві та про підпорядкування учбових закладів Київському військовому губернатору

№ 392

1847 р. квітня 13.— СУПРОВІДНА ЗАПИСКА Д. Г. БІБІКОВА ДО ЗАПИСКИ «К ВЕРНЫМ СЫНАМ УКРАИНЫ», ВИЯВЛЕНОЇ ПОЛІЦІЄЮ В М. КИЄВІ І НАДІСЛАНОЇ О. Ф. ОРЛОВУ

Секретно

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

13 апреля 1847, № 1234

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Честь имею препроводить к вашему сиятельству копию с записки, которая оказалась приклееною к забору дома одной непотребной женщины в Киеве, присовокупляя притом, что записка эта была снята немедленно и о ней производится секретное разыскание и что кацапами (как написано в записке) простой народ в Малороссии называет обыкновенно русских.

Примите уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Резолюція Миколи I: Явная работа той же общей пропаганды из Парижа; долго этой работе на Украине мы не верили, теперь ей сомневаться нельзя, и слава богу, что так раскрылось; Бибикову дай знать, что ему пора на место и надо везде строго смотреть.

Помітка III відділення: Собственною его и. в. рукою написано карандашом [...] [1] 14 апреля 1847 г.

Помітка про одержання: 14 апреля 1847 г.

Ч. XVII, арк. 1. Автограф.

№ 393

1847 р. квітня, не пізніше 13 [2].— ПРОКЛАМАЦІЯ «К ВЕРНЫМ СЫНАМ УКРАИНЫ» [3]

Ч. XVII, арк. 2, 3, оригінал.

№ 394

1847 р. квітня 14.— ЗАПИСКА О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I ПРО НАМІР Д. Г. БІБІКОВА ВИЇХАТИ ДО КИЄВА І ПРОПОЗИЦІЄЮ ПІДПОРЯДКУВАТИ КИЇВСЬКИЙ УЧБОВИЙ ОКРУГ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ

Ген[ерал]-ад[ъютант] Бибиков был у меня и объявил мне от себя, что при нынешних обстоятельствах в Киеве он находит необходимым для службы вашего величества немедленно отправиться к своему месту [4]. Я ему ответил, что сие совершенно сходно с волею Вашею и очень рад, что он меня предупредил. Прилагаемую при сем записку он просил представить на благоусмотрение вашего величества; признаюсь Вам, что я совершенно с ним согласен и даже, по моему мнению, меры сии необходимы.

Когда изволите приказать ему явиться для получения дальнейших приказаний?

14 апреля.

Гр. Орлов

Резолюція Миколи I: Прекрасно; вели ему быть ко мне завтра в 12 часов. Предлагаемое им необходимо, и напиши секретно Уварову.

Помітка: Собственною его и. в. рукою написано карандашом: [...] [5]

14 апреля 1847 г.

Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Ч. XVII, арк. 4. Автограф

№ 395

1847 р. квітня 14.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ, ЩОБ ВІН НЕ НАДСИЛАВ ПОВІДОМЛЕННЯ Д. Г. БІБІКОВУ ПРО НЕОБХІДНІСТЬ НЕГАЙНОГО ЙОГО ВІД'ЇЗДУ ДО КИЄВА

Г[енерал]-а[дъютанту] Бибикову бумаги не посылать и уничтожить оную, он сам приезжал ко мне и просил доложить, что он находит нужным отправиться как можно скорее к своему месту.

Гр. О[рлов]

Помітка: Бумагу с резолюциею государя я ему и не показывал и возвращаю назад.

Ч. XVII, арк. 5. Автограф.

№ 396

1847 р. квітня, не пізніше 14.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА Д. Г. БІБІКОВА МИКОЛІ I З ПРОЕКТОМ ПІДПОРЯДКУВАННЯ КИЇВСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ

О Киевском учебном округе

Вашему императорскому величеству я имел счастие всеподданнейше доложить, что отношения попечителя Киевского учебного округа к генерал-губернатору неопределительны и неудобны, особенно по системе воспитания.

Как в Малороссии и между некоторыми лицами из малороссиян, учащих и учащихся в Киеве, открылось в настоящее время вредное направление, то по сему случаю казалось бы полезным на некоторое время управление Киевского учебного округа в трех губерниях подчинить во всех отношениях генерал-губернатору под главным наблюдением министра народного просвещения, на что и осмеливаюсь испрашивать высочайшего повеления вашего императорского величества.

Генерал-адъютант Бибиков

Резолюція Миколи I: Совершенно необходимо уведомить м[инистра] н[ародного] п[росвещения], что я сие приказал исполнить, сказав, что я признал нужным, не оговаривая причины.

Помітка: Собственноручно его величества рукою написано карандашом. [...] [6]

14 апреля 1847 г.

Генерал-лейтенант Дубельт

Ч. XVII, арк. 6. Оригінал.

№ 397

1847 р. квітня 15.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЦАРСЬКИЙ НАКАЗ ПІДПОРЯДКУВАТИ КИЇВСЬКИЙ УЧБОВИЙ ОКРУГ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ

Секретно

Его высокопре[восходительст]ву Д. Г. Бибикову

15 апреля 1847, № 587

Милостивый государь Дмитрий Гаврилович!

Государь император, имея в виду, что в Малороссии и между некоторыми лицами из малороссиян, учащих и учащихся в Киеве, открылось в настоящее время вредное направление, высочайше повелеть соизволил: подчинить на некоторое время вашему высокопревосходительству во всех отношениях управление Киевским учебным округом в трех вверенных Вам губерниях под главным наблюдением министра народного просвещения.

О таковой монаршей воле уведомляя ваше высокопревосходительство и присовокупляя, что об оной мною сообщено и г-ну министру народного просвещения для зависящего распоряжения, имею честь удостоверить Вас, милостивый государь, в истинном моем к Вам почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XVII, арк. 7. Відпуск.

№ 398

1847 р. квітня 15.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО С. С. УВАРОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПІДПОРЯДКУВАННЯ КИЇВСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ МІСЦЕВОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ

Секретно

Его сиятельству гр. С. С. Уварову

15 апреля 1847 г. № 558

Милостивый государь гр. Сергей Семенович!

Государь император, приз[на]вая нужным подчинить на некоторое время генерал-адъютанту Бибикову во всех отношениях управление Киевским учебным округом в трех вверенных ему губерниях под главным наблюдением вашего сиятельства, высочайше повелеть соизволил сообщить о сем вашему сиятельству.

О таковой монаршей воле уведомляя Ваше сиятельство для зависящего от Вас распоряжения и присовокупляя, что об этом извещен мною и г-н генерал-адъютант Бибиков, имею честь удостоверить Вас, м[илостивый] г[осударь], в истинном почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XVII, арк. 8. Відпуск.

№ 399

1847 р. квітня 16.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ОДЕРЖАННЯ РОЗПОРЯДЖЕННЯ ЩОДО ПІДПОРЯДКУВАННЯ КИЇВСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ

Секретно

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

16 апреля 1847, № 1314, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Объявленное в почтеннейшем отношении вашего сиятельства от 15 апреля № 587 [7] высочайшее повеление о подчинении мне управления Киевского учебного округа в трех вверенных управлению моему губерниях я принял к должному исполнению.

Доводя о сем до сведения вашего сиятельства, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и неограниченной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 17 апреля 1847 г.

Ч. XVII, арк. 9. Оригінал.

№ 400

1847 р. червня 7.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА З ПРОХАННЯМ ПОВІДОМИТИ ПРО НАСЛІДКИ ТАЄМНОГО РОЗСЛІДУВАННЯ ВІДНОСНО РОЗПОВСЮДЖЕННЯ В КИЄВІ ПРОКЛАМАЦІЇ «К ВЕРНЫМ СЫНАМ УКРАИНЫ»

Весьма секретно

Его высокопрев[осходительст]ву Д. Г. Бибикову

7 июня 1847 года, № 965

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Ваше высокопре[восходительст]во от 13 апреля № 1234 [8], доставив ко мне копию с записки вроде возмутительного воззвания, которая приклеена была к забору одного дома в Киеве, изволили присовокупить, что об этом производится секретное розыскание.

Покорнейше прося ваше высокопре[восходительст]во удостоить меня уведомлением, что́ открыто упомянутым разысканием, имею честь удостоверить и проч[ее].

Подп[исал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XVII, арк. 10. Відпуск.

№ 401

1847 р. червня 17.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ТЕ, ЩО НЕ ВИЯВЛЕНО ОСОБУ, ЯКА ПИСАЛА І РОЗПОВСЮДЖУВАЛА В м. КИЄВІ ВІДОЗВУ «К ВЕРНЫМ СЫНАМ УКРАИНЫ»

Секретно

17 июня 1847 г., № 73, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

На почтеннейшее отношение вашего сиятельства от 7 июня № 965 [9] имею честь уведомить, что по сделанному разысканию писавшего и приклеившего возмутительную записку к забору одного дома в Киеве по сие время еще не открыто.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 25 июня 1847 г.

Ч. XVII, арк. 11. Оригінал.

№ 402

1847 р. червень.— ПРОЕКТ ЗАПИТУ III ВІДДІЛЕННЯ Д. Г. БІБІКОВУ ПРО НАПРЯМОК НАВЧАННЯ ТА ПОЛІТИЧНІ ІДЕЇ СЕРЕД ВИКЛАДАЧІВ І СТУДЕНТІВ КИЇВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ И ІНШИХ УЧБОВИХ ЗАКЛАДІВ

Весьма секретно

Его высокопре[восходительст]ву Д. І. Бибикову

Июня 1847 г.

Милостивый государь Дмитрий Гаврилович!

На основании высочайшего повеления, объявленного 15 апреля, вашему высокопревосходительству подчинено на некоторое время управление Киевским учебным округом в губерниях Киевской, Подольской и Волынской.

Полагая, что ваше высокопревосходительство уже изволите иметь положительные сведения о духе воспитания по упомянутому округу, долгом считаю покорнейше просить Вас, милостивый государь, удостоить меня уведомлением: в каком виде относительно направления учения и особенно политических идей оказываются наставники и воспитанники как университета св. Владимира, так и других учебных заведений вверенного Вам края.

Примите уверение в совершенном к Вам почтении и преданности.

Резолюція Л. В. Дубельта: Повременить.

Ч. XVII, арк. 12. Оригінал.

10 0—1188

ЧАСТИНА ВІСІМНАДЦЯТА

СПРАВА
про
СЛОВ'ЯНОФІЛЬСТВО
та
УКРАІНОФІЛЬСТВО

№ 403

1847 р. березня, не пізніше 29 [1].— ВИСНОВОК III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПОШИРЕННЯ СЛОВ'ЯНОФІЛЬСТВА І ЗВ'ЯЗОК З НИМ НАЦІОНАЛЬНО-ВИЗВОЛЬНОГО РУХУ НА УКРАЇНІ

В последние годы появилось много книг и статей в разных периодических изданиях о Малороссии и других славянских странах, в коих толкуется о древностях, достоинстве языка и народности их. Особенно статьи подобного рода печатались в «Записках Московского исторического общества», в «Москвитянине», в «Московском сборнике» и в книгах, изданных в Москве.

Между тем по делу о Славянском обществе усматривается, что умножение означенных книг и статей происходило частью от членов этого общества, которые, рассуждая об истории, древностях и языке Малороссии, с тем вместе включали намеки и даже прямые мысли о прежней свободе и вольности Малороссии, о том, что чувство свободы там доселе не потухло и рано или поздно вспыхнет, о правах Украины на самобытность и проч[ее]. Доказательством этому служат книги Кулиша: «Повесть об украинском народе», «Украйна» и «Михайло Чарнышенко» [2] — столько исполненные возмутительных мыслей, что надобно удивляться, как цензор Куторга пропустил первую из них к напечатанию.

Из того же дела видно, что члены Славянского общества считают профессора Московского университета Бодяиского отраднейшим явлением в деятельности славянизма и говорят, что он горячо принялся за это дело. В Москве известны еще по изысканиям славянских древностей профессоры Погодин, Шевырев и другие, а за ними многие молодые люди занимаются подобными предметами и составляют как бы особую партию, называемую славянофилами[3].

Нет сомнения, что профессоры Бодянский, Шевырев, Погодин, цензор Куторга и другие почтенные люди не питают вредных замыслов и трудятся для пользы науки, но некоторые из них извлекают из старины все, что ни есть в ней без всякой предусмотрительности, не догадываясь, что многие сведения старины применяются неблагонамеренными людьми к своим злоумышленным целям. В изданиях своих они помещают выписки и мысли о прежней самостоятельности или вольнице подвластных ныне России племен славянских, а злоумышленные люди основывают на этом свои теории и даже тайные общества, домагаясь восстановить прежнюю вольницу не только в тех племенах, но даже в целой империи.

Поэтому, не делая виновными людей ученых и отдавая полную справедливость их трудам на поприще наук, было бы, однако же, не лишним предупредить через министра народного просвещения всех занимающихся славянством, древностями и народностью, также профессоров, учителей и цензоров, чтобы они в книгах своих и на лекциях непременно избегали тех напоминаний на счет Малороссии, Польши и других подвластных России земель, кои могут быть применяемы в смысле, опасном для целости и спокойствия империи, и чтобы, напротив того, сколь возможно старались все выводы науки и истории наклонять к верному подданству этих племен России.

Резолюція О. Ф. Орлова: В конце дела.

Ч. XVIII, арк. 1—4. Оригінал.

№ 404

1847 р. березня 29.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА С. В. ПЕРФІЛЬЄВУ ПОВІДОМИТИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СЛОВ'ЯНОФІЛІВ У МОСКВІ

Весьма секретное и нужное

Его превосход[ительст]ву С. В. Перфильеву

29 марта 1847, № 488

Милостивый государь Степан Васильевич!

По встретившейся необходимости предлагаю вашему превосходительству немедленно и под величайшим секретом донести мне о том, что Вам известно в Москве на счет Славянского общества, об именах тех, которые слывут славянофилами, об образе их мыслей, занятиях и обо всем, до них относящемся, а также не питают ли они каких-либо политических умыслов.

Примите увер[ение] и прочее.

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XVIII. арк. 5. Відпуск.

№ 405

1847 р. квітня 5.— ДОНЕСЕННЯ С. В. ПЕРФІЛЬЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СЛОВ'ЯНОФІЛІВ У МОСКВІ

Весьма секретное и нужное

Шефу жандармов г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

Апреля 5 дня 1847, Москва

Вследствие предписания Вашего сиятельства от 29 минувшего марта за № 488 [4] я считаю долгом донести, что источник[ом] славянофильства, полагают[есть], известное мнение Карамзина, что Иоанн III был выше Петра Великого и допетровская Русь лучше России новой. С развитием этой мысли родилось убеждение, что в русской жизни нет нравственного единства и национального характера и что мы умеем хорошо мыслить по-французски, по-английски и по-немецки, а не по-русски. Причиною этого — реформа Петра Великого.

Но так как с этим мнением согласны не все, то литература, а с нею вместе и часть публики разделилась на две партии — на славянофилов и неславянофилов, если только можно назвать партию людей, не имеющих одной ясной и положительной цели, а сходящихся только в каких-то туманных и мистических предчувствиях умственной победы Востока над Западом, в привязанности к старине, в любви к Москве и вследствие этого в каком-то недоброжелательстве к Петербургу.

Славянофилов в Москве можно разделить на три категории:

1. К первой принадлежат люди, занимающиеся литературой и имеющие вес и значение по самобытности своих убеждений. Их можно считать за представителей славянофильства как по известности их в Москве в этом отношении, так и по тому, что они, занимаясь литературой, знакомят читателей с образом своих мыслей. К этой категории принадлежат: Киреевский, Погодин, Шевырев, Аксаков, Глинка и Хомяков. Все поименованные лица, занимаясь литературой, посещают общество, и все люди нравственности неукоризненной.

Аксаков моложе других и потому выдвигается вперед как по степени убеждения, так и по оригинальности костюма, которую он, впрочем, по совету близких и по оскорбительному равнодушию публики, не последовавшей его примеру, почти оставил. Он молодой человек очень хороший, с добрым сердцем, но как энтузиаст вдается в крайности.

Кроме этих лиц, есть еще другие, в обществе малоизвестные, занимающиеся преимущественно учеными разысканиями и участвующие в московских журналах («Москвитянине» и «Сборнике»).

2. Ко второй категории можно отнести славянофилов, литературой не занимающихся. Немногие из них славянофилы по убеждению, большая же часть из них не хорошо сознает, какова была Россия до Петра Великого, и об реформе его имеет темное понятие, славянофилами же делаются для того, чтобы придать себе некоторого рода оригинальность. От несамобытности их убеждений бывает часто, что в одном случае они с ревностью передают чужие мысли, а в другом позволяют себе насмешки над настойчивостью, с какою представители усилинаются поддерживать свои мнения.

3. Третья категория заслуживает еще меньшую степень внимания. Сюда принадлежат люди, ограничивающиеся наружным подражанием и не входящие ни в какие умствования. Они славянофилы потому, что носят шапки, называемые мурмолками, рубашки с косым воротом и т. п. Их, впрочем, теперь почти не видно.

Некоторые из дам следуют славянофилам: занимаются русским языком, историею, говорят по-русски и только в крайних случаях пишут французские записочки.

По общим отзывам, цели политической никто не подозревает, хотя и высказывается желание и ожидание, чтобы Россия, отбросив чужестранные элементы развития, обратилась на путь развития исключительно национального, но эти желания так неопределенны, что у них нет никакой прямой цели, кроме нападения на русский европеизм и вследствие этого на недостаток национальности.

Некоторые признают явление славянофилов явлением полезным в том отношении, что в случае неблагонамеренного направления одной из партий на поприще литературном она не только не найдет в другой отголоска своим мыслям, но даже скорее найдет в ней противников.

Генерал-лейтенант Перфильев

Помітка про одержання: 7 апреля 1847.

Ч. XVIII, арк. 6—9. Оригінал.

№ 406

1847 р. квітня 10.— ЛИСТ НЕВІДОМОЇ ЖІНКИ З МОСКВИ ДО Ф. В. ЧИЖОВА У ВІДЕНЬ ПРО ПІДГОТОВКУ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛУ, ЯКИЙ ВІН МАВ НАМІР ВИДАВАТИ В 1848 р.

Ч. XVIII, арк. 10—13. Копія.

№ 407

1847 р. квітня, не пізніше 22.— ВИСНОВОК III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ЛИСТ НЕВІДОМОЇ ЖІНКИ ДО Ф. В. ЧИЖОВА

Ч. XVIII, арк. 14. Оригінал.

№ 408

1847 р. квітня 22.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА С. В. ПЕРФІЛЬЄВУ ВИЯВИТИ ОСІБ, ЯКІ БЕРУТЬ АКТИВНУ УЧАСТЬ В ДІЯЛЬНОСТІ СЛОВ'ЯНОФІЛІВ І ПІДГОТОВЦІ МАТЕРІАЛІВ ДЛЯ ЖУРНАЛУ Ф. В. ЧИЖОВА

Ч. XVIII, арк. 15, 16. Відпуск.

№ 409

1847 р. квітня 23.— ПРИПИС Л. В. ДУБЕЛЬТА ЧИНОВНИКОВІ ОСОБЛИВИХ ДОРУЧЕНЬ М. А. КАШИНЦОВУ ЗВЕРНУТИ ОСОБЛИВУ УВАГУ НА СЛОВ'ЯНОФІЛІВ (ВЧЕНИХ І ПИСЬМЕННИКІВ) І ДОПОВІСТИ, ЧИ НЕ ЗВ'ЯЗАНА ЇХ ДІЯЛЬНІСТЬ З ПОЛІТИЧНИМИ ІДЕЯМИ

Весьма секретное и нужное

Его высокородию М. А. Кашинцову [5]

23 апреля 1847, № 641

М[илостивый] г[осударь] Николай Андреевич!

В Киеве и частью в Малороссии молодые люди, занимавшиеся древностями и историею славянских племен, вовлеклись в преступные замыслы составить общество для восстановления самобытности этих племен и соединения их под представительное правление.

Как и в Москве, некоторые писатели, называясь славянофилами, занимаются преимущественно изысканиями по части славянских древностей и наречий, то, по воле г-на генерал-адъютанта гр. Орлова, имею честь покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], обратить на сих людей особенное внимание и подробно донести для доклада его сиятельству, как о каждом из московских ученых н писателей, преданных славянству, так и о том, не соединяют ли они свои занятия с какими-либо политическими идеями.

Примите увер[ение] и пр[очее].

Под[писал] Л. Дубельт

Помітка: Рукою генерала написано: Отношение сие должно содержать в непроницаемой тайне.

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XVIII, арк. 17. Відпуск.

Весьма секретно

Чиновнику особых поручений III отделения С. е. и. в. канцелярии г-ну камер-юнкеру Кашинцову

7 мая 1847, № 735

В «Московском литературном и ученом сборнике» за 1847 г. помещены статьи Ригельмана, Чижова, Хомякова и других и еще отдельно напечатано «Путешествие в Черногорию», соч[инения] Александра Попова. Как статьи сборника, так и «Путешествие в Черногорию» показывают, что сочинители их суть пламенные славянофилы, которые в преувеличенных выражениях говорят о необыкновенном значении славян в древности, о стремлении их к какому-то особенному развитию, о вопросе на счет славян, обратившем на себя будто бы всемирное внимание и проч[ее]. Подобные мысли

нередко встречаются и в других московских изданиях, особенно в «Записках Московского исторического общества».

Поручаю вашему высокоблагородию обратить бдительнейшее внимание на все выходящие в Москве журналы, сборники и книги славянофилов, особенно на записки «Исторического общества», перечитывать их тотчас по напечатании и о всех возгласах полуполитических и двусмысленных, равно обо всем, что может скрывать в себе вредную цель или порождать сомнительные толки, доносить мне немедленно с подробным описанием образа мыслей и духа самих сочинителей

Подписал ген[ерал]-адъют[ант] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. XVIII, арк. 19, 20. Відпуск.

№ 410

1847 р. квітня 28.— ДОНЕСЕННЯ М. А. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ГОТОВНІСТЬ ЙОГО ЗАЙНЯТИСЬ ТАЄМНИМ НАГЛЯДОМ ЗА СЛОВ'ЯНОФІЛАМИ

Весьма секретно

Имею честь вашему превосходительству тотчас почтительнейше донести о получении мною секретного предписания Вашего за № 641 [6].

Я уповаю, ваше превосходительство, что Вы изволите быть твердо уверены в неизменном и пламенном усердии моем выполнять приказания моего благодетельного начальства, при невыразимой благоверности к доверию, которым меня изволите удостаивать. Не премину, сколько возможно незамедлительно, докладывать Вам о том, что оказываться будет в моих совершенно секретных наблюдениях, заслуживающего внимания Вашего, касательно предмета, изложенного в означенном предписании Вашем.

С чувствами глубокого почтения и непоколебимой преверженности имею честь быть, милостивый государь, Вашего превосходительства всепокорнейшим слугою

Николай Кашинцов

28 апреля 1847, № 13, Москва.

Помітка про одержання: 3 мая 1847 г.

Ч. XVIII, арк. 18. Оригінал.

№ 411

1847 р. травня 7.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА М. А. КАШИНЦОВУ ПОСИЛИТИ КОНТРОЛЬ ЗА МОСКОВСЬКИМИ СЛОВ'ЯНОФІЛЬСЬКИМИ ЖУРНАЛАМИ ТА ЗБІРНИКАМИ

Ч. XVIII, арк. 19—20. Оригінал.

№ 412

1847 р. травня 7.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА С. В. ПЕРФІЛЬЄВУ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА ПОЕТОМ І ПУБЛІЦИСТОМ О. С. ХОМЯКОВИМ

Ч. XVIII, арк. 21. Відпуск.

№ 413

1847 р. травня 7.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКУ 7 ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ П. Ф. ЛЬВОВУ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА О. М. ЯЗИКОВИМ

Ч. XVIII, арк. 22. Відпуск.

№ 414

1847 р. травень.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПОЯВУ В ПРЕСІ СТАТЕЙ З СЛОВ'ЯНОФІЛЬСЬКИМИ ІДЕЯМИ І ЗАХОДИ ПРОТИ ЇХ ПОШИРЕННЯ

Из «Отечественных записок» за май видно, что в «Московском сборнике» помещены статьи Ригельмана, Чижова и Хомякова, а в С.-Петербурге напечатана отдельная книга о Черногории, соч[инения] Александра Попова. Из них Чижов и Ригельман уже замечены по делу о Славянском обществе.

Упомянутые статьи доказывают, что сочинители их суть пламенные славянофилы, говорят в преувеличенных выражениях о великом значении славян в древности, о стремлении их приобресть еще большее значение, о вопросе на счет славян, обратившем на себя будто бы всемирное внимание и проч[ее] и проч[ее].

Вероятно, что все это не злонамеренные, а просто ученые возгласы, но точно такие же и почти в тех выражениях, как возгласы в письмах и бумагах, найденных у участников Славянского общества.

Это приводит к двум мыслям: первое, что и киевские славянисты не так виновны, как с первого раза представлялось, ибо делали то, что все делают печатно в глазах ученого начальства, с разрешения цензуры; и второе, что надобно положить, наконец, предел опасным возгласам московских славянофилов, тем более, что здесь одних преследуют, а другие продолжают делать то же самое.

Было бы не лишним:

1. Сообщить министру народного просвещения о предостережении цензоров, профессоров и учителей, чтобы они не допускали рассуждений и возгласов полуполитических и двусмысленных.

2. Предписать Кашинцову, чтобы обратил особенное внимание на все московские журналы, особенно на «Записки Московского исторического общества», сборники и проч[ее], равно как и отдельно выходящие книги славянофилов.

3. Статья «Отечественных записок» опровергает бредни славянофилов столь сильно и умно, что можно бы поощрить Краевского продолжать печатать подобные статьи.

Резолюції О. Ф. Орлова:

1. До першого пункту: Ожидать сообщение м[инистра] пр[освещения], прислать доклад мне.

2. До другого пункту: Исполнить.

3. До третього пункту: Исполнить по обсуждению со мной.

Резолюція Л. В. Дубельта до третього пункту: Пригласить.

Ч. XVIII, арк. 23, 24. Оригінал.

№ 415

1847 р. травня 10.— ЛИСТ М. А. КАШИНЦОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО СВОЮ АГЕНТУРНУ ДІЯЛЬНІСТЬ

Родной мой благодетельный Леонтий Васильевич!

С неограниченною к Вам всегдашнею искренностью представляю к Вам докладную записку за № 14.

Много меня обязать изволите, ежели хоть на этом же листочке в уведомление мне надпишите одно словечко, что Вы получили; ибо я столько дорожу всем тем, о чем удостаиваете меня доверием, что нетерпеливо желаю узнать: дойдут ли до Вас верно в ответе мои усерднейшие доклады, в этом же секрет, как Ваше повеление. Вы верно уверены, что с моей стороны это свято соблюдается и что о получаемом мною секретном пакете разве только на почте видно и то только то, за каким номером ко мне секретный пакет, а содержание его я прочитав, запечатываю в моем сердце для ревностного выполнения Ваших приказаний.

Я сам бы к Вам даже и переписывал, но для глаз моих в очках обильное переписывание не было гораздо труднее положения доклада, который пишется, как выражаются, начерно, но к Вам всегда от чисто-белого сердца, и мое переписывание будет даваться с затруднением для Вас, читать мой не всегда разборчивый почерк, а Ваши глаза на дела и не для меня одного должны быть дороги, чтобы беречь их. Служебного писаря я не имею, и потому мне заменяет его мой собственный конторщик Иван Кустов, который не читает Ваших ко мне приказаний и дал мне усердно-верное слово даже не читать и того, что переписывает, почерк же этого Ивана Кустова лишь бы достоен был Вашего воззрения, а рука его, как кажется, могу быть уверенным, не будет рукою предателя. Дай боже, чтобы Вы, мой родной благодетель, были совершенно здоровы.

Вас от всей души глубокочтущий и приверженный

Н. Кашинцов

10 мая 1847. Москва.

Ч. XVIII. арк. 25. Автограф.

№ 416

1847 р. травня 10.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА М. А. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ПОВЕДІНКУ ВЧЕНИХ-СЛОВ'ЯНОФІЛІВ М. П. ПОГОДІНА, НАДЄЖДІНА, ДАВИДОВА ТА ІНШИХ

Ч. XVIII, арк. 26—38. Оригінал.

№ 417

1847 р. травня 15.— ДОНЕСЕННЯ М. А. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ДЕЯКІ ПОСЛАБЛЕННЯ ЗБОКУ МОСКОВСЬКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМІТЕТУ ПІД ВПЛИВОМ ГР. СТРОГАНОВА

Ч. XVIII, арк. 39, 40. Оригінал.

№ 418

1847 р. травня 15.— ДОНЕСЕННЯ М. А. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ І ЗУСТРІЧІ СЛОВ'ЯНОФІЛІВ У МОСКВІ

Ч. XVIII. арк. 41—44. Оригінал

№ 419

1847 р. травня 17.— ЛИСТ М. А. КАШИНЦОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО СВОЮ ТАЄМНУ АГЕНТУРНУ ДІЯЛЬНІСТЬ У МОСКВІ

Родной мой благодетельный Леонтий Васильевич!

При сем представляется к Вам докладная записка за № 17 [7]. Сделайте милость молвить мне одно словечко: не должен ли я был написать к графу донесение о получении мною повеления за подписанием его сиятельства за № 735. Я уже издавна привык докладывать через Вас, моего благодетеля и начальника, о выполнении всеми зависящими от меня возможностями приказаний, коими меня удостаивают. Дай боже, чтобы Вы были совершенно здоровы. У нас погода весь этот месяц так холодна, что комнаты топят и нередко должно, выезжая, надевать меховое пальто. Я даже и теперь от простуды не очень здорово себя чувствую, но и это приносит свою пользу, ибо делает более усидчивым у письменного столика для изложения к Вам докладов, для коих сколько бы ни было материалов писать, все не может сравниться с неистощимым усердием Вашего приверженного

Н. Кашинцова

17 мая 1847, Москва.

Помітка про одержання: 21 мая 1847 г.

Ч. XVIII. арк. 46[7]. Автограф.

№ 420

1847 р. травня 16.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА М. А. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ТАЄМНІ ВІДОМОСТІ, ЗІБРАНІ ПРО СЛОВ'ЯНОФІЛІВ, ТА ЗМІСТ НАДРУКОВАНИХ У ЖУРНАЛАХ СТАТЕЙ

Весьма секретно

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Извлечение из слухов и сведений для доклада на предписание за № 735 [8]

О Ригельмане. Посвящая всю мою усерднейшую деятельность при самых тихих, ни для кого не заметных изысканиях для выполнения повеления в предписании за № 735, поспешаю доложить следующие собранные сведения.

Инженер-генерал-майора Александра Ригельмана [9] сочинение «История о донских казаках», помещенная при предисловии профессора Бодянского (ревностнейшего славянофила) в № 3 1846 г. «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских» при Московском университете и продолжение оной того же года в № 4, а в № 5 «Летописное повествование о Малой России, ее народе и казаках вообще», в № 6 продолжение оного и в сем 1847 г. в № 7 и 8 доставлены, как видно из предисловия Бодянского,

сыном сочинителя коллеж[ским] асес[сором] Аркадием Ригельманом [10], помещиком Черниговской губ., где, вероятно, он и живет.

Сын Аркадия, Николай Ригельман, бывший кандидат Московского университета, находится за границей, и он присылает статьи к Бодянскому, из которых одна напечатана в «московском сборнике» под названием «Продолжение писем из Вены».

Я слышал, что эту статью благонамеренный цензор статский советник Снегирев не пропустил, что посылали ее к министру просвещения и будто тот разрешил все напечатать.

О Чижове. Чижов, коего помещены статьи в «Московском сборнике», как слышно, воспитанник педагогического института, а теперь адъюнкт-профессор С.-Петербургского университета. Поехав в Италию, как выражаются о негодяях, надул здесь богатого человека (бывшего в Москве откупщиком, а теперь в параличе, как мне сказывали, занимающегося изложением разных прожектов о торговле, из коих некоторые, говорят, дельные будто уже и представлены им правительству) надвор[ного] сов[етника] Плат[она] Василь[евича] Голубкова, которому Чижов, когда был здесь, приплелся в родню и, в высокопарных выражениях называя его патриотом, убедил поручить ему заказать какую-нибудь в Италии картину. Голубков, говорят, от природы умный человек, а Чижову для картины, чтоб сюжет ее был взят из отечественной истории, дал 15 000 ассигнациями, но долго никакого уведомления не имел, а, наконец, получил будто от Чижова письмо с предложением купить какой-то там продававшийся знаменитый саркофаг. Куда было его девать Голубкову? Из этого ясно было видно намерение Чижова воспользоваться этими деньгами, чем Голубков, как богатый человек, и пренебрег и знать не хочет.

Особенно важно то сведение, будто этот Чижов, возвратясь, хочет издавать в будущем 1848 г. в Москве журнал «Русский вестник» и будто уже здесь есть на это через министра просвещения исходатайствованное высочайшее дозволение. Чижов был в большой связи с сочинителем Языковым, который хотел на этот журнал дать 30 000, но умер.

Об Александре Попове. Попов, напечатавший книгу «Путешествие в Черногорию», из учеников Московского университета, полагают, что он служит в министерстве внутренних дел. Более еще о нем не слыхал, но довольно этой книги, чтобы видеть в нем ревностного сваянофила.

Какие далее буду иметь сведения, не премину с неограниченною искренностью доложить и даже о том, если б впоследствии оказалось какое-либо сведение из слухов ошибочных. Разведываю об справедливости слуха о подробностях обеда, о котором я докладывал вашему превосходительству за № 15, но как-то это затруднительно, и можно думать, что тем скрытнее пировали эти друзья. Многие говорят, что был там зимою пир, но это был танцевальный завтрак, где был и Щербатов и целая публика, а этот обед был, как услышалось секретно, в начале этого месяца. Что узнаю, то тотчас донесу Вам.

16 мая 1847, № 17.

Ч. XVIII, арк. 47—50. Оригінал.

№ 421

1847 р. травня 18.— ДОНЕСЕННЯ С. В. ПЕРФІЛЬЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ЛІТЕРАТУРНУ ДІЯЛЬНІСТЬ О. С. ХОМЯКОВА, МЕЛЬГУНОВА ТА ІН. ВЧЕНИХ СЛОВ'ЯНОФІЛІВ І ПРО НАМІР Ф. В. ЧИЖОВА ВИДАВАТИ В 1848 р. ЖУРНАЛ «РУССКИЙ ВЕСТНИК»

Ч. XVIII, арк. 45, 51. Оригінал.

№ 422

1847 р. травня 23.— ДОНЕСЕННЯ М. О. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ОБІД, ВЛАШТОВАНИЙ НА ЧЕСТЬ С. П. ШЕВИРЬОВА МОСКОВСЬКИМИ ВЧЕНИМИ І ЧИНОВНИКАМИ В ХУДОЖНЬОМУ УЧИЛИЩІ

Ч. XVIII, арк. 52, 53. Оригінал.

№ 423

1847 р. травня 27.— ДОНЕСЕННЯ М. О. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ЧУТКИ В МОСКВІ ЩОДО АРЕШТУ КИРИЛО-МЕФОДІЇВЦІВ

Весьма секретно

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Сведения московские

На сих днях здесь послышался слух, но еще между немногими из ученого сословия, что будто из Харьковского университета взяли в С.-Петербург ректора, не знаю так ли здесь его называют, Гулака-Артемовского [11] и других профессоров, в числе коих называют какого-то Кулиша, а также будто и из Киевского университета; что, дескать, это по каким-то замыслам об Украине, о которых будто известил наше правительство кн. Маттерних, а по Австрии, и судят, что это должно быть что-нибудь славянское. Что будто здешние славянофилы призадумываются; далее тихонько благонамеренные рассуждают: что-то скажет г-н Погодин, который будто большой приятель этого Гулака-Артемовского? Что этот Погодин видно почуял, что стал теперь толковать иначе о славянстве, тогда как он первый, можно сказать, здесь развил об нем идею и был ревностный бродяга по славянским землям. При толковании об этом здесь очень сетуют, что оказывается в С.-Петербурге большое доверие к Надеждину до того, что будто от министерства внутренних дел ему поручаются даже раскольничьи дела, тогда как раскольники будто теперь уже имеют в славянских (в Австрии) землях своего архиерея.

По дальнейшем разузнании здешних толков не премину Вам докладывать.

Не излишним считаю здесь присовокупить, что с этим еще, впрочем, мало распространившимся слухом о забрании из упомянутых университетов профессоров присоединяют тот, что туда едет гр. Уваров. Этого министра очень порицают за волю, которую он дал профессорам таскаться по чужим краям, особенно за покровительство к Погодину.

Вас очень хвалят, что будто Вы не пустили ехать в Киль на агрономические совещания от здешнего земледельческого общества действ[ительного] ст[атского] сов[етника] [12] Стефана Маслова[13], которого все разумеют единственным, не только шарлатаном, но плутом. Вы не можете себе представить, как это благонамеренных порадовало. Слава богу, говорят, что там начинают распознавать этих людей, морочащих здесь московских больших бар.

24 мая 1847, № 20.

Ч. XVIII, арк. 54, 55. Оригінал.

№ 424

1847 р. травня 31.— ДОНЕСЕННЯ М. А. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ ЦЕНЗОРА МОСКОВСЬКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМІТЕТУ І. М. СНЄГІРЬОВА

Ч. XVIII, арк. 56—61. Оригінал.

№ 425

1847 р. червня 4.— ДОНЕСЕННЯ М. А. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ З ТАЄМНИМИ ВІДОМОСТЯМИ ПРО ПРОФЕСОРА Й. М. БОДЯНСЬКОГО, КН. М. А. ОБОЛЕНСЬКОГО ТА ІН.

Весьма секретно

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Извлечения из слухов и секретных сведений о некоторых лицах

О Бодянском. Экстраординарный профессор Москов[ского] унив[ерситета] Иосиф Максимович Бодянский, преподающий церковнославянский язык и нижнелужицкое наречие, историю чешского народа и его словесности, секретарь Московского исторического общества, учился в Московском университете, поступя, как слышно, из малороссийских семинаристов; между университетских студентов казался смешным по манерам своим, но считался добрым малым; потом был за границей, а теперь, говорят, принадлежит к славянскому подворью, коим называют промеж себя дом Погодина. Каков он в душе, мудрено проникнуть, ибо может быть многие прилепились к этому направлению, видя большое покровительство начальства их к Погодину; теперь он слывет ревностным славянофилом, что видно в № 3 (заседание 26 октября 1846 г.) «Чтения Московского исторического общества» из предисловия его к «Истории о донских казаках» Ригельмана. Весьма удивительно, что в этом предисловии он дозволил себе назвать Черкасск стольным городом Донской земли, тогда как на плане, приложенном к № 4 (заседание 30 ноября 1846 г.), Черкасск назван «Донским войсковым городом».

В его же предисловии в этом же № 3 к историческим сочинениям Миллера [14] о Малороссии поставляю долгом представить на особенное внимание Ваше за словами: «не было никогда и нигде обнародовано» следующее напечатанное: «А потому, благодаря просвещенному и радушному содействию начальника Московского главного архива министерства иностранных дел (в коем хранятся все портфели Миллера) его сиятельства кн. М. А. Оболенского, мы решаемся, мало по малу, издать эти посмертные произведения нашего неутомимого и умного историка, полагая, что всем, даже и не занимающимся исключительно историей, любопытно будет познакомиться с ним в совершенно новой для него области. Тем более это важно для самих малороссиян и их историков. Видно по всему, что судьбы современной Миллеру Малороссии сильно занимали его, и его исключительный ум не мог не углубиться в прошедшее и настоящее положение оной». Тут следует описание портфелей, а предисловие Бодянский заключил следующими словами: «Читайте и судите». Прочтя это, нельзя и не посудить, но не мне, а высшему, Вашему суду, предлежит решить следующее суждение: следовало ли эти статьи, в архиве хранящиеся, печатать для всех? Особенно о казаках и Малороссии? Многие здесь касательно этих статей говорят, что лучше бы их не оглашать, ибо и общество называется: «Истории и древностей россий-

ских», а не малороссийских [15]. Если не должно, но хотя бы и можно было вверять эти факты, за что же благодарить хранителя архива? Не лучше ли воздать уважение самому архиву? Но благодарить начальника архива, не дает ли это мысли, что благодарят за особое снисхождение, без коего трудно было бы достать факты, и потому, перешагнув через г-на Бодянского, невольно остановишься взглянуть на лицо начальника Московского главного архива министерства иностранных дел кн. Михаила Андр[еевича] Оболенского [16]. Почтительнейше повторю, что Вам только предлежит решить, имеет ли он дозволение вверять другим хранимое в главном архиве [17]? Если этого дозволения и права ему не дано, то как же это делается? Неужели для того, чтобы об нем (т. е. кн. Оболенском) печатали? В Москве его знают как сына умершего игрока кн. Андрея Михайловича Оболенского, потом в пажеском мундире, как шалуна, потом в гвардейском мундире, кажется, Финляндского полка, как шалуна же и неутомимого болтуна, каков он и теперь, потом он женился на богатой купчихе Мазуриной, кажется, дочери умершего головы, и взял в приданое миллион. Потом точно всех в Москве поразил удивлением, вдруг явясь начальником этого важного архива и получил уже и чин статского советника и звание камергера, тогда как это место требует не трудов, но того, что трудно для кн. Оболенского: скромности. Натурально ему хотелось чем-нибудь себя выказать, и он выказывает через чужие труды, выказывая, может быть, судя по этому предисловию Бодянского, то, что должно быть не показываемым из архива, а еще менее быть напечатанным. Без сомнения, этот кн. Оболенский ищет этим похвал от ученых, не имея дурной цели, но по легкомыслию, которое в этой должности не от него, но от других, пользующихся им, вредно. Есть у ученых слух, но не знаю, справедливый ли, будто этот кн. Оболенский сообщал факты даже австрийскому славянину Шафарику и поляку Мацеевскому и будто об этом есть в их сочинениях за сие благодарные к нему отзывы [18].

Много также было продолжительных об нем толков, когда он женился на купчихе Мазуриной: будто приезжала из Польши прежняя его жена с четырьмя детьми, но что покойный кн. Дм[итрий] Влад[имирович] Голицын помирил их на сорока тысячах, однако же говорили и то, что была представлена в Московский цензурный комитет (где и теперь должна храниться как непропущенная) чья-то повесть: «Двоеженец», в коей на кн. Оболенского явный намек, ибо герой повести назван кн. Ленским (т. е. Оболенской), а другое лицо Лазуриным (т. е. купец Мазурин). Еще был слух, что будто свояк его по Мазуриной, Макаров, подавал какой-то на кн. Оболенского донос, что он непрямым путем получил это место и будто это даже встревожило гр. Нессельроде, который будто поручал Поленову тогда ехать в Москву и об этом разведать, но что все это замолкло. Наконец, слух доносит для уха, а еще более неприятное для благопристойности, следующее: кн. Оболенский в одной из статей, которые ему пишет кто-то, и некогда напечатанной у Погодина о местечке или воеводстве «Куяве» (в Польше) производит оттуда название «Киев»: поэтому его и прозвали (что доказывает презрительное к нему распоряжение) кн. Куявским, а некоторые уже и произношении и литеру гадко изменили. Этот архив, по суждению всех благонамеренных, возникшему, когда определился кн. Оболенский, должен быть вверен человеку заслуженному, степенному, известному учеными трудами, своими историческими сведениями, привязанному твердыми, старыми правилами к своей должности, требует не нового человека и не мальчика для Москвы, но человека, знающего Москву. Им заведывал прежде покойный тайный сов[етник] Бантыш Каменский, потом сенатор Малиновский [19], хотя он был сын протоиерея и плохо знал языки, а сохранял архив крепко. Как всякая мысль верноподданного душою или относится, или заимствуется

от мысли об отце отечества, то, принимая в соображение, что в прошедший приезд государя императора в Москву. высочайше повелено было сопровождать и объяснять их высочествам великим князьям Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу здешние достопамятности г-ну Снегиреву, о коем я на днях писал к Вам записку, и как Вы милостиво дозволяете всякую мысль Вам сообщать, то мне думается, что по его благонамеренным ученым историческим трудам он способен был бы занять это место [20]; а если хотя часть слухов об кн. Оболенском справедлива и если он от начальства не имел права или дозволения сообщать статьи к-ну Бодянскому, то без произведения особенного в публике говора он может быть отстранен от начальства этим архивом весьма деликатно, под видом предложения ему какого-либо поручения по дипломатической части, и он, вероятно, как не совсем способный, а как обеспеченный состоянием, может быть, перейдет в другое московское ведомство. Архив этот, как я уже усерднейше доложил, по общему суждению, должен быть вверен более степенному и не пустому человеку для сохранения его от пустоты в смысле тайного хранения.

Один из членов этого Исторического общества, мне по приязни, говорил, что оно давно отклонилось от цели учреждения своего, я с ним нарочно спорил, что этого не нидно, и он обещал мне показать сделанные им замечания. Нельзя бы не подивиться, когда тут президентом гр. Строганов, но здесь ему уже во всем перестали удивляться, видя в нем смесь всего; все убеждены, что характер — бесхарактерность. Что вчера хвалил, сегодня порицает, что вчера порицал, сегодня хвалит; кого ласкал, того гонит, и наоборот. Потом надменен, хвастлив, любит показать себя умом выше всего. Здесь удивляются давнишнему слуху, будто он имеет особые важные секретные наблюдения, но он мало имеет приверженных к себе, а потому и благонамеренных верных сообщений. Без сомнения, выдумали, но это довольно замысловато, чтобы не доложить Вам, будто один из цензоров чьи-то стихи, в коих сказано, что нынешние московские бары не хлебосольны и не делают добра, как старинные, не пропустил, выражаясь: «Это невозможно пропустить, это личность на нашего попечителя». Нельзя не согласиться, что Голохвастов, помощник его, несравненно более приносит пользы, этот душою русской, твердый в православии и несравненно основательнее и в речах, и в поступках. Не может не послужить ему в похвалу от опыта то, что он был некогда в губернском правлении советником вместе с Данзасом [21], Зубковым (о которых все удивляются, что они после возвысились до звания обер-прокуроров) и с Колошиным [22], но не был даже спрашиван (кажется, в 1825 или 26 гг.) ни в чем, тогда как те были вытребованы (о чем тогда здесь так гласно говорили) в С.-Петербург; а также и то, что Голохвастов много путешествовал по чужим краям, но сохранил в себе всю сущность чисто русскую.

Позвольте надеяться, что за присоединение к докладам иногда и моих мнений я не навлеку на себя Вашего гнева и что Вы не сочтете это какою-либо дерзновенностью, но примите всегда их, как усердную искренность неограниченного усердия, хотя бы они оказались несообразными с теми обстоятельствами, которые не могут для меня так быть ясны, как Вашему высшему взгляду.

4 июня 1847, № 22, Москва.

Резолюція Л. В. Дубельта: Переговорить.

Ч. XVIII, арк. 62—69. Оригінал.

№ 426

1847 р. травень.— ПРОЕКТ ДОПОВІДІ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО СЛОВ'ЯНОФІЛІВ

О славянофилах

Производство дела о Славянском обществе св. Кирилла и Мефодия показало, что идеи о восстановлении в каждой земле народности, языка, собственной литературы, об улучшении положения людей и соединении всех славянских племен в одно целое не принадлежат одним лицам, прикосновенным к делу Славянского общества. Занятия ученых подобными идеями в наше время сделалось как бы необходимою потребностью.

Желая, с одной стороны, определить сколько возможно точнее степень вины киевских славянофилов, а с другой — удостовериться, не питают ли прочие славянофилы каких-либо политических намерений, я обращал внимание и вообще на славянофилов.

Имеющиеся в виду моем сведения о них заключаются в следующем.

Начало славянского направления кроется в страсти нашего века отыскивать и поддерживать древности, восстановлять народность в нравах и литературе и применять к нашему времени быт древних предков каждого народа. Ныне более, чем когда-либо, хотят быть французы французами, германцы — германцами, русские — русскими и т. д. Это направление, с одной стороны, весьма важное, могущее укрепить самостоятельность и силу народа, с другой — порождает источник внутренних колебаний, ибо как владычествующие племена заботятся о восстановлении своей народности, так равно заботятся об этом племена подвластные: поляки хотят быть поляками, малороссияне — малороссиянами.

Это направление не ускользнуло от внимания злоумышленников. Польские выходцы под руководством Чарторижского уже несколько лет тому назад составили Славянское владо [23]. Оно действует частью посредством ученых славян, подвластных Австрии и Турции, а частью через эмиссаров, руководитель которых, Чайковский[24], находится в Константинополе.

Имея единственною целью восстановить прежнюю Польшу и для этого одного поколебать спокойствие четырех обширных держав, которым подвластны славяне, выходцы мутят эти племена и подстрекают их к восстановлению в каждом народе древнего, патриархального быта. В Париже — Киприян Робер и Мицкевич, в земле западных славян — Шафарик, Ганка, Штур, Гай и др. знаменитые ученые провозглашают о славянской народности, описывают быт прародителей наших в самом счастливом положении и убеждают славян нашего поколения соединиться в одно патриархальное, народнопредставительное государство. Это стремление тем более дошло до крайности, что немецкие ученые, справедливо замечая излишество похвал в славянофилах, унижают племена славянские, а поборники панславизма начали доказывать, что славянские племена впереди покажут что-то новое, чудесное, невиданное и пророчат им великую будущность.

Славянские идеи проникли и в Россию. Особенно в Москве многие молодые люди называются и сами себя именуют славянофилами, сочиняют книги и статьи с напыщенными возглашениями о славянстве и древнем быте русских. В Москве известны по славянофильству Бодянский, Киреевский, Хомяков, Шевырев, Аксаков и другие писатели. Славянские идеи не могли не проявиться и в Киеве, как в городе, в котором находится университет и который близок к западным славянам. Ими заразились Костомаров, Гулак и Белозерский. Доселе великороссийские славянофилы рассуждают в духе прямо русском и только являются странными в преувеличенных возгласах о всемирном вопросе на счет славян, будто бы обратившем на себя

внимание всей Европы, о необыкновенно великом значении славян, которые рано или поздно должны сделаться первенствующим народом в образованном свете, и пр[очее]. Но, выражаясь напыщено и двусмысленно, они нередко заставляют сомневаться: не кроется ли под их патриотическими возгласами и противных нашему правительству целей. Напр[имер]: Аксаков в «Московских ведомостях» 1846 г., по случаю 700-летнего существования Москвы, в статье своей назвал Москву народною столицею, говорил о земской думе, собранной при Иоанне IV из всей земли русской, о том, что в 1812 г., по примеру 1612 г., поднялся русский народ и спас русскую землю. Так что признаио было нужным обратить внимание ученого начальства, дабы подобные статьи не были пропускаемы цензурою. Киевские ученые пошли еще далее и составляли было Общество св. Кирилла и Мефодия, присоединяя к ученым рассуждениям политические, по примеру западных славян. К счастью, вредные мечты их открылись и зло приостановлено, но если правительство не примет мер и в отношеиии великороссийских славян, то легко случиться может, что они и сами впадут в преступление и правительство поставят в затруднительное положение.

Как университет св. Владимира наполнен студентами из малороссиян, то естественно характер славянофильства превратился там в украйнофильство [25]. Даже бывшее Славянское общество Гулака, Белозерского и Костомарова принимало этот характер, ибо из них только последний великороссиянин, а первые два действовали в духе более украйнофилов, нежели славяиофилов. Шевченко, Кулиш, Андрузский, Навроцкий, Посяда и др., не принадлежавшие к Славянскому обществу, тем не менее суть украйнофилы, пламенно занятые мыслью о восстановлении языка и литературы Малороссии, об улучшении ее быта. Нет сомнения, что многие из ученых малороссиян питают те же мысли; некоторые из них, напр., учитель подольской гимиазии Чуйкевич, помещик Полтавской губ. Галаган и др., замечались и при производстве Славянского дела. Но все они не заговорщики, не злоумышленники, а люди увлеченные панславизмом, как модным направлением наук или чрезмерною любовью к своей родине. Цензура пропускала книги Кулиша и Костомарова, следовательно, само правительство как бы признало законность их сочиыений. Должно заметить еще, что ученое начальство иаше, поощряя изысканием о славянских древностях и языках, посылая путешественников в земли западных славян и предписывая собирать в Малороссии и других областях России местные слова, пословицы и пр., как бы покровительствует славянофилам. Об этом упоминают в своих показаниях и Белозерский, и Костомаров. Последний именно пишет, что он потому и предался со всем жаром изучению науки славянской, что не предполагал это противным видам правительства, которое всегда благосклонным вниманием ободряли ученых наших славянофилов и путешественников в славянские земли.

Дело, произведенное о Славянском обществе св. Кирилла и Мефодия, ие касалось и не должно было касаться до славянофилов, ибо в этом случае надлежит поступать с чрезвычайною осторожностью, чтобы, искореняя зло, не подавить добрые начала. Славяиофилы, занимающиеся утверждением в отечестве нашем языка, нравов и образа мыслей собственно русских, очищением нашей народности от излишних примесей иноземного в высшей степени полезны: они суть двигатели в государстве, орудия самостоятельности и могущества его, так что правительство должно пользоваться ими и поощрять тех, которые действуют в истинно русском духе. Правительство не может допустить только рассуждений о присоединении к России иноземных славянских племен, чтобы не навлечь неудовольствия соседственных держав, владеющих славянскими землями, и мыслей украйнофилов о восстановлении народности их родины, ибо это поведет малороссиян, а за ними и другие подвластные народы к желанию существовать самобытно.

Для предупреждения вреда в этом случае надлежит действовать общими мерами, не отыскивая, кого бы обвинить или наказать, и не прибегая ни к каким строгостям лично против славянофилов, ибо нет причин предполагать, что они действуют злоумышленно, и притом доселе они действовали открыто, как бы с разрешения начальства. Еще более надлежит быть осторожными в отношении к Малороссии. Хотя там от молодых украйнофилов, подобных Шевченке и Кулишу, быть может, обращаются идеи об отдельном существовании даже между людьми более степенными, нежели сами украйнофилы, но строгие меры сделают для них еще дороже запрещенные мысли и могут малороссиян, доселе покорных, поставить в то раздраженное против нашего правительства положение, в каком находится, особенно после мятежа, Царство Польское. Полезнее и справедливее будет не показывать и вида малороссиянам, что правительство имело причину сомневаться, не посеяны ли между ними вредные идеи, и принять меры в отношении к ним совершенно противные тем, которые принимались в Царстве Польском.

Мною уже сделано распоряжение о секретном наблюдении в Москве как за славянофилами, так и за издаваемыми ими книгами и журналами, равно поощрен издатель «Отечественных записок» Краевский, который в журнале своем поместил статью, весьма сильно и основательно написанную в опровержение мечтаний московских славянофилов; но главное распоряжение по этому предмету надлежит предоставить министерству народного просвещения.

Хотя министр народного просвещения, сколько известно, уже приинимает меры для направления трудов ученых к рассуждениям о народности, языке и литературе собственно русских, не менее того, я полагал бы объявить ему положительное высочайшее повеление, чтобы иаставники и писатели действовали в духе в видах правительства, отнюдь не допуская ни на лекциях, ии в книгах и журналах никаких предположений о присоединении к России иноземных славянских племен и вообще ни о чем, что принадлежит правительству, а не ученым; чтобы они рассуждали, сколь возможно, осторожнее там, где дело идет о народности или языке Малороссии и других подвластных племен, не давая любви к родине перевеса над любовью к отечеству и изгоняя все, что может вредить этой последней любви, особенно о мнимых настоящих бедствиях и о прежнем будто бы необыкновенно счастливом положении их, чтобы все выводы ученых и писателей клонились к возвышению не Малороссии, Польши и прочих стран отдельно, а Российской империи, в совокупном составе народов, ее составляющих; чтобы цензоры обращали строжайшее внимание особенно на московские, киевские и харьковские периодические издания и на все книги, печатаемые славянофилами, не допуская в них тех полутемных и двусмысленных выражений, которыми они изобилуют и которые, хотя не заключают в себе злоумышленной цели, могут, однако же, людей злонамеренных приводить к предположениям о самостоятельности и прежней вольнице народов, подвластных России.

Таковое мнение мое всеподданнейше повергаю иа высочайшее воззрение вашего императорского величества.

Резолюція О. Ф. Орлова: Составить сокращенный доклад.

Ч. XVIII, арк. *70—78*. Чернетка.

№ 427

1847 р. травня 26.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СЛОВ'ЯНОФІЛІВ

О славянофилах

Производство дела об Украйно-славянском обществе показало, что идеи о восстановлении в каждой земле народности, языка, собственной литературы и о соединении всех славянских племен в одно целое не принадлежит одним лицам, прикосновенным к упомянутому делу, но составляют предмет рассуждений многих ученых нашего времени.

Собственно славянофилы, большей частью московские писатели, доселе действуют в видах нашего отечества. Заботясь об утверждении языка и образа мыслей собственно русских, об очищении нашей народности от излишних примесей иноземного, они могут быть благодетельными двигателями в государстве, орудиями самостоятельности и могущества его, так что правительство должно поощрять их.

В Киеве же и Малороссии славянофильство превращается в украйнофильство. Там молодые люди с идеею соединения славян соединяют мысли о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии, доходя даже до мечтаний о возвращении времен прежней вольницы и гетманщины.

Хотя из этих двух направлений опаснее украйнофильство, но и славянофилы, выражаясь напыщенно и двусмысленно о всемирном вопросе на счет славян, об ожидании выступления нового племени на поприще истории и пр., нередко заставляют сомневаться: не кроется ли под их патриотическими возгласами и противных нашему правительству целей.

Все они не заговорщики, не злоумышленники и увлекаются только: славянофилы модным направлением наук, а украйнофилы пылкою любовью к своей родине, но правительство должно принять некоторые меры осторожности как относительно славянофилов, чтобы возгласы их о присоединении к России иноземных славян не навлекли неудовольствия соседственных держав, владеющих славянами, так и особенно против украйнофилов, ибо мысли последних о восстановлении народности их родины могут повести малороссиян, а за ними и других подвластных России народов к желанию существовать самобытно.

Меры осторожности в этом случае принять тем более необходимо, что и Украйно-славянское общество вначале занималось рассуждениями чисто учеными, а потом уже обратило их в политические предположения. Как таким образом, даже от чувств хороших могут впоследствии возникать важные государственные преступления, одно же наблюдение со стороны III отделения в деле столь важном не может быть достаточно, то для предупреждения зла и удержания славянофилов в пределах законных я полагал бы:

министру народного просвещения, который, сколько известно, уже принимает меры для направления трудов ученых к рассуждениям о народности, языке и литературе собственно русских, объявить еще положительное высочайшее повеление, чтобы наставники и писатели действовали в духе и видах правительства, отнюдь не допуская ни на лекциях, ни в книгах и журналах никаких предположений о присоединении к России иноземных славян и вообще ни о чем, что принадлежит правительству, а не ученым; чтобы они рассуждали сколь возможно осторожнее там, где дело идет о народности или языке Малороссии и других подвластных России земель, не давая любви к родине перевеса над любовью к отечеству, империи, изгоняя все, что может вредить последней любви, особенно о мнимых настоящих бедствиях и о прежнем, будто бы необыкновенно счастливом положении подвластных племен, чтобы все выводы ученых и писателей клонились

к возвышению не Малороссии, Польши и прочих стран отдельно, а Российской империи в совокупности народов, ее составляющих; чтобы цензоры обращали строжайшее внимание, особенно на московские, киевские и харьковские периодические издания, и на все книги, печатаемые в славянофильском духе, не допуская в них тех полутемных и двусмысленных выражений, которыми они изобилуют, и которые, хотя не заключают в себе злоумышленной цели, могут, однако же, людей злонамеренных приводить к предположениям о самостоятельности и прежней вольнице народов, подвластных России.

Таковое мнение мое всеподданнейше повергаю на высочайшее воззрение вашего императорского величества

Подлинный подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил управляющий отделением генерал-лейтенант Дубельт
Верно: генерал-лейтенант Дубельт

26 мая 1847 г.

Помітка: На подлинном собственною его величества рукою написано карандашом «Справедливо», 28 мая 1847 г.

Верно: генерал-лейтенант Дубельт

Ч. XVIII, арк. 79—82. Копія.

№ 428

1847 р. травня 29.— СУПРОВІДНА ЗАПИСКА С. С. УВАРОВА О. Ф. ОРЛОВУ ДО КОПІЇ ЦИРКУЛЯРА МІНІСТЕРСТВА НАРОДНОЇ ОСВІТИ ПОПЕЧИТЕЛЮ МОСКОВСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ, А ТАКОЖ ПЕТЕРБУРЗЬКОМУ, МОСКОВСЬКОМУ І КИЇВСЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТАМ

Его сият[ельст]ву А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

В исполнение изъявленного вашим сиятельством желания имею честь препроводить к Вам копию с циркулярного предписания попечителю Московского учебного округа о славянстве и изменения, сделанные в предписаниях университетам: С.-Петербургскому, Харьковскому и св. Владимира.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном почтении и преданности

Гр. Уваров

29 мая 1847 г. № 695.

Помітка про одержання: 30 мая 1847 г.

Ч. XVIII, арк. 83. Оригінал.

№ 429

1847 р. травня 27.— ЦИРКУЛЯР МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ ПОПЕЧИТЕЛЮ МОСКОВСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ ПРО ЗАХОДИ ЩОДО СПРЯМУВАННЯ ДІЯЛЬНОСТІ СЛОВ'ЯНОФІЛІВ В ДУСІ «ОФІЦІАЛЬНОЇ НАРОДНОСТІ»

Господину попечителю Московского учебного округа

27 мая 1847 г., № 688

По высочайшему повелению

В конце прошлого столетия родилась между соплеменными нам народами на Западе, именно в Богемии, мысль, что все народы славянского про-

исхождения, рассеянные по Европе и подвластные разным скипетрам, должны когда-либо слиться в одно целое и составить государство славянское. Эта мысль мало-помалу овладела всеми ветвями славянского племени в Европе, сперва в литературном, потом и в политическом смысле. От этого движения повсюду между народами славянского происхождения усилилось стремление к изучению языков, древностей и всех памятников славянских племен, но, к сожалению, это развитие отдельных ветвей славянских недолго оставалось в мирных пределах науки: скоро подпало оно искажению, частью от влияния общих тревожных идей политических, частью от возбужденных предрассудков религиозных, частью и от собственных недоразумений каждого племени. Европейское понятие о славянстве раздробилось уже на столько ветвей, сколько находится отдельных земель. Название славянства, драгоценное для 80 миллионов, разделенных на многие народы, занимающих безмерное пространство земли, по языку своему помнящих единое происхождение и древнее родство, как оказывается ныне, употребляется во зло под личиною чистого братства.

Эти идеи Запада о славянстве, естественно, тяготеют к России, как средоточию племен славянских, потому что и в языке русских и в вере, и в законах дышит и бодрствует древнее начало народной жизни, от различных судеб исторических давно умершее в других славянских народах. Но и у нас западные понятия могут увлечь людей пылких и не прозревающих опасности своих мечтаний.

Для охранения преподавателей, принадлежащих к ведомству министерства народного просвещения, долженствующих проливать в юные умы учащихся благотворный свет истинных, полезных знаний и чувство любви к престолу и вере от вредного влияния разрушительных начал, почитаю священным долгом, с высочайшего соизволения государя императора, изложить значение народного начала в видах правительства, и мысли о сем важном, современном вопросе передать вашему сиятельству для конфиденциального сообщения их преподавателям, цензорам и некоторым из членов ученых общества, в ведомстве Московского университета состоящих.

Вопрос о славянстве в отношении к нам представляет две стороны: одну, которую злонамеренные могут употребить на возбуждение умов и распространение опасной пропаганды, преступной и возмутительной; другая же сторона содержит в себе святыню наших верований, нашей самобытности, нашего народного духа, в пределах законного развития имеющую неоспоримое право на попечение правительства: русское славянство в чистоте своей должно выражать безусловную приверженность к православию и самодержавию; но все, что выходит из этих пределов,— есть примесь чуждых понятий, игра фантазии или личина, под которою злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей. Раскрытию этого начала мы обязаны ближайшим знакомствам с церковнославянским языком, на котором чтение священного писания, недавно чуждое высшим слоям общества, ныне понятно юному поколению, одолжены знакомством и с другими славянскими наречиями, полезными и необходимым для ученых исследований языка отечественного. Этим же направлением главнейшие памятники нашей древней славяно-русской словесности вышли из забвения множество актов и документов, служащих к разысканиям историческим, обнародованы на иждивении правительства.

Но этому славянству русскому, нами во всей чистоте принимаемому, должна быть чужда всякая примесь политических идей; тогда остальным началом в нем сокровенным будет наше государственное начало, на котором непоколебимо стоит трон и алтарь, собственно русское начало, русский дух, наша святыня.

В этом славянстве мы, русские, должны искать своего родного начала, источника и народного просвещения. Каждый народ в периоде самобыт-

ности своей вмещает в себе два элемента: общий, наследственный от народа-родоначальника, исчезающего в поколениях, и частный, составляющий личность народа. Общий элемент в нас есть родовой, славянский; частный — наш собственный, русский. Посредством личности своей каждый народ развивает в жизни человечества особую мысль провидения и содействует исполнению благих его предначертаний. Так все славянские государства были в свое время славны и могущественны, и все, как бы по очереди, пали: Моравия, Болгария, Сербия, Померания, Чехия, Кроация, Славония, Далмация, Босния, Польша. Многие славяне даже потеряли язык свой вместе с воспоминаниями о прежней самобытности: в Померании, Макленбурге, Саксонии и других странах Германии славянское наречие вытеснено немецким, в Морее — греческим, в Венгрии — мажиарским. Этим славянам, утратившим значение свое, свойственно с сожалением вспоминать славное прошедшее. Но Россия, по воле провидения, выдержала удары судеб и приобрела самобытность; претерпев многоразличные долговременные бедствия, внутренние и внешние, она одна возносится над могилами единородных государств и своею собственною личностью представляет беспримерную империю, по необъятности владений, многочисленности обитателей и могуществу народного духа, благоговейно преданная своей вере, своему государю, сохранившая свой язык, знамение народного ума, народных доблестей, народного чувства. Тогда как прочие славянские народы в изнеможении своем от чуждого владычества еще гордятся общим славянским происхождениям, Россия, не помрачившая славы предков, славна своими народными доблестями, славна и прошедшим, и настоящим.

Итак, независимо от общего славянства, в действительности не существующего, а изменившегося в нескольких славянских племенах, мы должны следовать за своими судьбами, свыше нам указанными, и в своем родном начале, в своей личности народной, в своей вере, преданности к престолу, в языке, словесности, в истории, в своих законах, нравах и обычаях мы обязаны утвердить живительное начало русского ума, русских доблестей, русского чувства. Вот искомое начало народное и не славяно-русское, а чисто русское, непоколебимое в своем основании — собственно наша народность. Великий преобразователь России не все вновь в ней создал: стихии для его творения уже были приготовлены венценосными его предшественниками. Могучею волею Петр I совершил в свое царствование то, для чего потребны столетия, но он совершил то, до чего народы достигают и в постепенном своем развитии. Какие следствия его преобразований? Мы, оставаясь русскими по духу и сердцу, сравнились с европейцами в образованности. Ломоносов для пересоздания слова русского там же искал сокровищ науки, где Петр Великий находил их для пересоздания государства. Чего ж нам ожидать от соплеменных народов? Ответ мы находим в истории и прошедшей, и современной. Святая Русь бедствовала и страдала одна, одна проливала кровь свою за престол и веру, одна подвигалась твердым и быстрым шагом на поприще гражданского своего развития, одна ополчалась против двадцати народов, вторгнувшихся в ее пределы с огнем и мечем в руках. Все, что имеем мы на Руси, принадлежит нам одним, без участия других славянских народов, ныне простирающих к нам руки и молящих о покровительстве, не столько по внушению братской любви, как по расчетам мелкого и не всегда бескорыстного эгоизма.

С таким воззрением на нашу народность я обращаю слово преимущественно к тем преподавателям, которым досталось обрабатывать на ученом поприще участок славный, но и трудный — русский язык и русскую словесность с прочими соплеменными наречиями, как вспомогательными средствами для родного языка, русскую историю, историю русского законодательства; им предпочтительно пред другими принадлежит возбуждение духа

отечественного не из славянства, игрою фантазии созданного, а из начала русского, в пределах науки, без всякой примеси современных идей политических. Преподаватели, следуя видам и направлению правительства и научая вверенное им юношество тому или другому предмету, да поучают его и впредь по-русски мыслить и чувствовать: только этим способом будущие члены общества составят одну великую семью с одинаковыми мыслями с одинаковою волею, с одинаковым чувством.

Таково воззрение правительства на славянство вообще и на славянство в отношении к России; таковы мысли о начале народном и народности, источнике народного просвещения, коими следует руководствоваться при направлении умов учащегося юношества.

Московский университет, старый блюститель отечественного языка в сердце России, пред стенами священного Кремля, свидетеля и бедствий, и радостей народных, в особенности должен показать пламенное усердие в развитии русского просвещения из русского начала нашей народности. Разливая на учащихся свет истинных, полезных знаний об отечественной истории и словесности, об отечественных законах и преданиях, университет, без сомнения, истребит влиянием своим необдуманные порывы некоторых из прежних его питомцев, отделивших себя от общих исторических мнений не столько по какому-либо убеждению, сколько по легкомыслию и добродушной мечтательности. Не славнее ли для нас имя русского, то знаменитое наше имя, которое с основания государства нашего повторялось и повторяется миллионами народа в жизни общественной. Да слышится в университетах имя русского, как слышится то в русском народе, который, не мудрствуя лукаво, без воображаемого славянства, сохранил веру отцов наших, язык, нравы, обычаи — всю народность.

Я скрываю пред собою, что вышеупомянутые уклонения от прямого пути науки возможны; но в то же время я уверен и имел счастье всеподданнейше выразить всемилостивейшему государю императору уверение, что учащие и учащиеся, принадлежащие к ведомству министерства народного просвещения, оправдают ожидание и надежды монаршие; и это уверение с полным убеждением в точности его исполнения передаю в настоящем случае самим деятелям на ученом поприще.

Бог нам да поможет в великом деле народного просвещения, от которого зависит настоящее и будущее России.

В заключение я должен присовокупить, что это открытое и положительное изложение видов правительства в деле о началах русского просвещения, бессомненно, возбудит во всех благонамеренных стремление, по мере сил, оправдать доверенность правительства и употребить все старания к охранению духа учащегося юношества от соблазна понятий, нам неприязненных и вредных. Между тем правительство, следя неослабно развитие сего важного по обстоятельствам дела, тогда только было бы вынуждено обратиться к мерам другого рода, когда ожидание его могло бы оказаться тщетным и меры кротости и доверия не достигли бы благой его цели.

Ваше сиятельство, не оставите обращать особое внимание на содержание сего предписания и повременно доносить мне о наблюдениях Ваших по вышеизложенным предметам, равно как и распоряжениях, кои, по местным соображениям, могли бы впоследствии оказаться полезными.

Подлинное подписал министр народного просвещения гр. Уваров
Скрепил директор В. Комовский
Верно: директор канцелярии В. Комовский

Ч. XVIII, арк. 84—90. Копія.
Опубл.: Русский архив.— 1898.—№ 7.— С. 347—351.

№ 430

1847 р. травня, не пізніше 29.— ЦИРКУЛЯР МІНІСТЕРСТВА НАРОДНОЇ ОСВІТИ С.-ПЕТЕРБУРЗЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТУ ПРО ВИХОВАННЯ МОЛОДІ В ДУСІ «ОФІЦІАЛЬНОЇ НАРОДНОСТІ»

С.-Петербургскому университету

С.-Петербургский университет, действующий в центре правительства и в виду министерства, должен являть особенное усердие в развитии просвещения из русского начала нашей народности. По своему положению, имея возможность скорее и ближе других знакомиться с движением умов в Европе и между западными славянами, он должен быть тем внимательнее к предлежащей ему обязанности предостерегать и охранять от ложных и опасных уклонений посещающее университетские курсы юношество и разливать на него свет полезных знаний об отечественной истории и словесности, об отечественных законах и преданиях. Проникнутые чувством истинно русским и чуждые ложных понятий мнимого славянства, преподаватели С.-Петербургского университета внушат и слушателям своим, что для нас ничего не может быть славнее имени русского, того знаменитого нашего имени, которое с основания государства нашего повторялось и повторяется миллионами народа в жизни общественной. Да слышится в университетах имя русского, как слышится оно в русском народе, который не мудрствуя лукаво, без воображаемого славянства, сохранил веру отцов наших, язык, нравы, обычаи — всю народность.

Верно: директор В. Комовский

Ч. XVIII, арк. 91. Копія.

№ 431

1847 р. травня, не пізніше 29.— ЦИРКУЛЯР МІНІСТЕРСТВА НАРОДНОЇ ОСВІТИ ХАРКІВСЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТУ ПРО ЗАПРОВАДЖЕННЯ «РОСІЙСЬКИХ ЗАСАД» В ОСВІТІ ТА УСУНЕННЯ БУДЬ-ЯКИХ ПРОЯВІВ НАЦІОНАЛЬНОГО РУХУ НА УКРАЇНІ

Харьковскому университету

Харьковский университет, без сомнения, будет соревновать другим в пламенном усердии содействовать развитию русского просвещения из русского начала нашей народности. Разливая на учащихся свет истинных, полезных знаний об отечественной истории и словесности, об отечественных законах и преданиях, университет благоразумным влиянием своим устранит всякие необдуманные порывы провинциального духа, который мог бы быть иногда увлечен далее черты истинного и позволенного, несмотря на общее похвальное направление умов между туземцами. Не славнее ли для нас всякого частного и дробного наименования имя русского, то знаменитое имя, которое с основания государства нашего повторялось и повторяется миллионами народа в жизни общественной. Да слышится в университетах имя русского, как слышится оно в русском народе, который не мудрствуя лукаво, сохранил веру отцов наших, язык, нравы, обычаи — всю народность.

Верно: директор В. Комовский

Ч. XVIII, арк. 92. Копія.

№ 432

1847 р. травня, не пізніше 29.— ЦИРКУЛЯР МІНІСТЕРСТВА НАРОДНОЇ ОСВІТИ КИЇВСЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТУ ПРО ЗАПРОВАДЖЕННЯ «РОСІЙСЬКИХ ЗАСАД» У НАВЧАННІ ТА УСУНЕННЯ ВПЛИВУ ПОЛЬСЬКОГО ВИЗВОЛЬНОГО РУХУ

Университету св. Владимира

Университет св. Владимира, младший между русскими университетами, созданный щедротами государя императора и всегда составляющий предмет его особенных попечений, имеет прекрасное, но вместе и трудное назначение сливать и примирять между собою на поприще нравственного образования два доселе враждебных начала, оба исходящие из одного корня славянского, соприкосновенные во многих отношениях, но издавна разлученные гибельным влиянием противоборства векового. На преподавателях университета св. Владимира лежит обязанность самого бдительного внимания, обязанность тем настоятельнейшая, что под личиною славянства легко может укрыться мятежный дух польский, готовый уловить умы неопытного юношества и коварно увлечь его за собою. Проникнутые чувством истинно русским и чуждые ложных понятий мнимого славянства, преподаватели университета св. Владимира внушат и питомцам своим, что для нас ничего не может быть славнее имени русского, того знамени, того нашего имени, которое с основания государства нашего повторялось и повторяется миллионами народа в жизни общественной. Да слышится в университетах имя русского, как слышится оно в русском народе, который, не мудрствуя лукаво, без воображаемого славянства, сохранил веру отцов наших, язык, нравы, обычаи — всю народность.

Верно: директор В. Комовский

Ч. XVIII, арк. 93. Копія.

№ 433

1847 р. травень.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ТЕ, ЩО СУВОРУ ДОГАНУ ЦЕНЗОРУ І. М. СНЕГІРЬОВУ ЗА ДОЗВІЛ ДРУКУВАТИ ТВОРИ М. І. КОСТОМАРОВА «УКРАИНСКИЕ БАЛЛАДЫ» ЦАР ДАВ ЗГОДУ НЕ ОГОЛОШУВАТИ

Строгий выговор, назначенный цензору Снегиреву за пропуск сочинения Костомарова «Украинские баллады», впоследствии высочайше разрешено не объявлять.

См. об этом в деле о неприятностях между гр. Уваровым и гр. Строгановым, которое находится под № ...[26] в секретных делах г-на управляющего III отделением С. е. и. в. канцелярии.

Ч XVIII, арк. 94. Оригінал.

№ 434

1847 р. травня 31.— СУПРОВІДНА ЗАПИСКА О. Ф. ОРЛОВА ДО ДОПОВІДІ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СЛОВ'ЯНОФІЛІВ, НАДІСЛАНОЇ С. С. УВАРОВУ

Секретно

Его сия[тельст]ву С. С. Уварову

31 мая 1847 г., № 915

М[илостивый] г[осударь] Сергей Семенович!

Вместе с решением дела об Украйно-славянском обществе я представлял государю императору всеподдаинейший доклад вообще о славянофилах с мнением моим о тех мерах, кои полезно было бы принять для направления их к деятельности в видах нашего правительства и предупреждения вреда, могущего происходить от их неуместных рассуждений.

Его императорскому величеству благоугодно было высочайше утвердить мое заключение.

Хотя по словесному нашему объяснению мне известно, что высочайше одобренное всеподданнейшее представление вашего сиятельств[а], не менее того, поставя себе за правило сопровождать все мои действия откровенностью, считаю копию с моего всеподданнейшего доклада о славянофилах представить на благоусмотрение Вашего сиятельства.

Примите уверение и прочее. Подписал гр. *Орлов*

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. XVIII, арк. 95. Відпуск.

№ 435

1847 р. червня 2.— ВІДНОШЕННЯ С. С. УВАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ЗАХОДИ ЩОДО СПРЯМУВАННЯ ДІЯЛЬНОСТІ СЛОВ'ЯНОФІЛІВ НА КОРИСТЬ САМОДЕРЖАВСТВА

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

2 июня 1847, № 750
Ответ на № 915[27]

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Имев честь получить при отношении вашего сиятельства от 31 мая за № 915 копию с высочайше утвержденного доклада Вашего о славянофилах и мерах, которые полезно было бы принять для направления их к деятельности в видах правительства, я вменяю себе в приятнейшую обязанность принести вашему сиятельству мою искреннейшую благодарность за сообщение этой бумаги. Мысли Ваши, милостивый государь, по этому предмету я вполне разделяю и как теперь, так и впредь буду руководствоваться высочайше утвержденными мерами. С моей стороны, о дальнейших наблюдениях моих по этому предмету доводя до высочайшего сведения его и. в., я не премину с равною откровенностью сообщить вашему сиятельству.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Гр. Уваров

Помітка про одержання: 3 июня 1847 г.

Ч. XVIII, арк. 96. Оригінал.

№ 436

1847 р. травня 29.— ЛИСТ ДИРЕКТОРА С.-ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ПЕДАГОГІЧНОГО ІНСТИТУТУ І. І. ДАВИДОВА ДО ПРОФЕСОРА МОСКОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ Ф. Л. МОРОШКІНА З ПОЗИТИВНОЮ ОЦІНКОЮ ЦИРКУЛЯРА МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ

Копия с письма Ив. Давыдова из С.-Петербурга от 29 мая 1847 г. к Федору Лукичу Морошкину [28] в Москву

У Вас в университетском совете получится секретный циркуляр, важнее которого по содержанию не было в летописях просвещения, потому что он относится прямо к русскому уму, русской душе и русскому сердцу. В здешнем университете и в педагогическом институте он произвел чудное, восхитительное для русских действие: любопытно знать, как он подействует в Москве, в сердце России. Сделайте милость, по выслушании этой бумаги сообщите мне об эффекте и о подробностях.

Помітка: Подлинное возвращено.

Ч. XVIII, арк. 97. Копія.

№ 437

1847 р. травня, не раніше 29 [29].— НОТАТКА III ВІДДІЛЕННЯ З ПРІЗВИЩАМИ АВТОРА ЛИСТА І ЙОГО АДРЕСАТА

Директор С.-Петербургского педагогического института действительный статский советник Давыдов.

Ординарный профессор Московского университета статский советник Морошкин.

Резолюція Л. В. Дубельта: Когда будет отсылать, тогда передать г-ну [...] [30].

Ч. XVIII, арк. 98. Оригінал.

№ 438

1847 р. червня 19.— ДОНЕСЕННЯ М. А. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ПРОФЕСОРІВ МОСКОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ, ЯКИХ ВІН ВВАЖАЄ ЗА СЛОВ'ЯНОФІЛІВ (С. М. СОЛОВЙОВА, Ф. Л. МОРОШКІНА, К. Д. КАВЕЛІНА ТА ІНШИХ)

Ч. XVIII, арк. 99—101. Оригінал.

№ 439

1847 р. червня 19.— ДОНЕСЕННЯ М. А. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ТЕ, ЩО С. Г. СТРОГАНОВ ВІДМОВИВСЯ ВИКОНУВАТИ ЦИРКУЛЯР МІНІСТЕРСТВА НАРОДНОЇ ОСВІТИ ВІДНОСНО СЛОВ'ЯНОФІЛІВ

Весьма секретно

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

19 июня 1847, № 27

О графе Строганове

Есть здесь между учеными шепот, будто попечитель университета гр. Строганов получил от министерства просвещения какую-то бумагу о

славянофилах, но что не пустил ее в ход, высокомерно выразясь, что у него таковых, о коих пишут, нет.

Впрочем, никто его самонадеянности не верит и высокомерности его не уважает.

Замечают, что с этим шепотом те, кои слывут из славянофилов, сконфузились.

19 июня 1847, № 27.

Ч. XVIII, арк. 102. Оригінал.

№ 440

1847 р. червня 19.— ДОНЕСЕННЯ М. А. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ З МОСКВИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ ПОЕТА М. О. НЕКРАСОВА, КН. В. Ф. ОДОЄВСЬКОГО, ПРОФЕСОРА М. І. НАДЄЖДІНА ТА ІН.

Весьма секретно

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

С.-Петербургские сведения из Москвы

От каких-то приезжих [у]слыш[а]н тихой рассказ, что будто издатель журнала министерства внутренних дел статский советник Надеждин занимается там делами о сектах и сам шутит этим делом, и будто приятелям своим рассказывает, что он всех морочит... и что в его же квартире, вероятно, для забавы, по его требованию совершали скопцы свой обряд, называемый радение, в коем кружились при песнопении.

Что будто Даль [31] заметил, что Надеждин садится ему на плечи и что Даль едет в даль, в Одессу на 4 месяца.

Что Надеждин соединился с директором Педагогического института Давыдовым и с ним в такой же связи, как он здесь с Погодиным, и что в этой связи много гадкого, ибо по славянофильству и как любителя древностей, говорят, Погодина посещают раскольники, что и вероятно, ибо есть давно уже здесь слух об здешних славянофилах, что следуют древнему обычаю, сходятся на площади для прения о вере с начетниками книг — раскольниками и толковали с ними в разных местах Федор Глинка, Хомяков и Аксаков и будто даже в костюме славянском; но как бывший оберполицмейстер Цынский это только послышал, то толкователи и расточились и более в этих костюмах их не видали, а то бы Цынский их засадил под тем видом, что их будто счел за простолюдинов, ибо и в голову не может прийти, чтоб дворяне так были одеты. А эту зиму будто опять они сходились толковать с раскольниками, но уже в обычном костюме близ соборов, ибо некоторые раскольники ходят на поклонение к древней святыне. А Погодин морочит и их, и наше высшее духовенство.

Здесь нельзя не упомянуть, что все были удивлены, что известный харьковский архиепископ Иннокентий в приезд свой в С.-Петербург водился здесь с Погодиным так, что когда был у него на вечере, то и его харьковские певчие у Погодина в доме пели, и вместе с Погодиным он ездил к митрополиту Филарету, находящемуся в Троицко-Сергиевской лавре.

Тоже слух из С.-Петербурга, что будто Надеждин подбился к министру гр. Киселеву [32].

Очень желал бы, чтоб о Надеждине, как о бывшем профессоре московском, под каким-нибудь предлогом Вы изволили спросить конфиденциально помощника попечителя университета действ[ительного] ст[атского] сов[етника] Дм[итрия] Павл[овича] Голохвастова, что не будет щекотливо для гр. Строганова, ибо Надеждин уже не профессор, да и Голохвастов

гр. Строганову письма, должно думать, не покажет. Как Голохвастов ни скромен до того, что даже никакой новости никогда не скажет (как и я также никому не скажу), но и тот уже без сомнения отзовется, что Надеждин ужаснейший мерзавец, лишь бы только дать Голохвастову почувствовать, что Вы желаете знать искренно его мнение [33].

Далее доложу о слухах из С.-П[етер]бурга, что гр. Киселев будто в большой связи с здешним Филаретом, а посредник их сношений известный негодяй, агрономический шарлатан, из причетнических детей действ[ительный] ст[атский] сов[етник] Стефан Маслов; об лицемерной его любви к ближнему, которую он везде любит выставлять, есть такой слух, что у него пропала шуба, за что он сек будто пять раз мальчика, который зачах и умер. Если это не выдумано, то вот какой он филантроп. Это люди скорее: «des filons et troupe» [34]. Что будто Филарет для школ, подведомственных министерству гр. Киселева, написал было катехизис и будто этот катехизис был представлен на высочайшее воззрение и что высокий взгляд отбросил это зло.

Что в С.-Петербурге какой-то Некрасов, участвующий в журнале «Современник», есть бездельник бывший в числе бродяг, даже будто воров, писал фальшивые паспорты, одним словом, будто отъявленный мошенник. Что отец его ярославский богатый дворянин и отдалил его.

Что в С.-Петербурге же есть кн. Одоевский по имени, говорят, Владимир и, кажется, действ[ительный] ст[атский] советник; он воспитанник бывшего Московского университетского пансиона, что ныне Дворянский институт и преимущественно бывшего там инспектором, а теперь директора Педагогического института Ив[ана] Ив[ановича] Давыдова. Кн. Одоевский был вместе с Кюхельбекером [35] и братиею издателем журнала «Мнемозина», но, как хитрый человек, избегнул всякой последовавшей ответственности. Этот кн. Одоевский, говорят, выдавая себя за приверженного правительству, будто духа республиканского, имеет большие связи и что даже посещают его сановники, между коих у него видали и гр. Блудова; будто в гостиной он принимает по личине, а что у него есть особые сходбищи.

Будто и в С.-Петербурге многие разумеют пустоту суетливости слывущего у мелких людей важным чиновником действ[ительного] ст[атского] сов[етника] Липранди, разъезжающего от министерства внутренних дел, а в Москве умные люди, смеясь, что у него пропасть шпионов, выражаются по розыскам его то о сектах, то по торговле винами, что он занят исследованиями о фальсификации веры и вин.

19 июня 1847, № 28.

Ч. XVIII, арк. 103—106. Оригінал.

№ 441

1847 р. червня 21.— ДОНЕСЕННЯ М. А. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ВИДАННЯ «МОСКОВСКИМ ОБЩЕСТВОМ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ» КНИГИ Г. Д. ЗУБРИЦЬКОГО [36] «КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ ЧЕРВОННОЙ ИЛИ ГАЛИЦКОЙ РУСИ»

Весьма секретно

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

С представлением книги

Обращая бдительнейшее внимание на особенно повеленный мне благодетельным начальством предмет и прочитывая, сколь только возможно, сочинения до оного относящиеся, вместе с тем мне случилось слышать

суждение о книге, переведенной с польского профессором Москов[ского] универс[итета] Бодянским еще в 1845 г. «Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси». Суждение это было таково, что книга сама по себе ничего не стоит, но что замечательно предисловие переводчика и так замечательно, что удивляются, как оно напечатано, ибо особенно может показаться резким для Австрии, по дружественным отношениям России с нею [37].

Я тотчас взял эту книгу, поспешил прочесть предисловие и, дабы не утомить Вашего внимания выписками, почтительнейше при сем препровождаю самую книгу [38], сделав заметки карандашом на многих местах предисловия. Благоволите взглянуть в ней на дозволение печатать, как удивительно, что тот же, кто ее переводил, тот же и дозволил печатать, только что сказано «по определению «общества».

Приемлю смелось доложить усерднейшее мнение, что, кажется, довольно этого случая, чтоб постановить подвергать все сочинения ученых обществ установленной цензуре, это в гражданской пензуре должно полагать необходимым сравнительно с печатаемыми проповедями архиереев, кои хотя их говорят без цензуры, но, однако ж, для напечатания их подвергают рассмотрению обыкновенных духовных цензоров, хотя и меньших званием относительно их сана.

На стр. XXI предисловия переводчика видно объяснительио, как Историческое общество и перевод, и напечатание ему поручило.

Очень удивительно, что это делается в том обществе, где президентом гр. Строганов — попечитель университета и у которого под ведомством цензурный комитет.

Приемлю смелость присовокупить, что, кажется, нужно было бы подтвердить цензурным комитетом касательно воспрещения пропускать статьи, не соответствующие дружественным отношениям империи Российской с другими государствами [39].

Означенная в сей докладной записке книга представляется в особом пакете за № 29.

21 июня 1847, № 30.

Ч. XVIII, арк. 107, 108. Оригінал.

№ 442

1847 р. червня, не раніше 21.— ВИСНОВОК III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПЕРЕДМОВУ ДО КНИГИ Д. ЗУБРИЦЬКОГО «КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ ЧЕРВОННОЙ ИЛИ ГАЛИЦКОЙ РУСИ»

Камер-юнкер Кашинцов доставил книгу «Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси», соч[инения] Зубрицкого, перевод с польского Осипа Бодянского.

Кашинцов обращает внимание на предисловие этой книги, в которой он отметил черным карандашом многие места, могущая, по его мнению, показаться резкими для Австрии, по дружественным отношениям с нею России.

Соображения

Собственно книга, переведенная Бодянским, есть история Галиции и не заключает в себе ничего противного нашему правительству. В самом предисловии можно заметить разве то, что он называет народ галицийский русским, братьями нашими, а Галицию сестрою России; но мысли эти (отмечено красною чертою) поставлены не на первый план и нигде нет рассуждений о присоединении Галиции к России.

Бодянский выражает только желание, чтобы ученые более трудились для обрабатывания истории Галиции, России и других земель.

Напротив того, в предисловии находится много мест (отмечено двумя красными чертами), доказывающих, что Бодянский мыслит в духе нашего правительства. Он осуждает тех иностранных писателей, которые выводят, что Русь Западная и Южная (Литва, Польша и Малороссия) не походят на Россию, но везде доказывает, что Русь Западная, Южная, Северная и Восточная — все это одна и та же Россия, все подвластные России земли — суть одна и та же Россия, что подвластные народы более и более делаются русскими, что поэтому даже не может быть отдельных историй Литвы, Польши, Малороссии и проч[ее], но может быть только история России.

Кашинцов отметил еще (на странице XX) стихи из чешского стихотворения, приведенные в предисловии. Если взять эти стихи отдельно, то может показаться, что в них говорится о тягости рабства, но Бодянский приводит их в той мысли, что люди и народы не должны целый век только что приготовляться к полезным действиям, быть как бы учениками, но должны действовать, и эту-то бездеятельную жизнь он называет игом, которое накладывают сами на себя ленивые люди.

Вообще книга Бодянского, кажется, не должна быть преследуема, тем более, что вообще к наблюдению, дабы ученые не допускали в сочинениях своих мыслей о присоединении иноземных славян к России и вообще ни о чем, что относится не до ученых, а до правительств, уже сделано распоряжение.

Резолюція Л. В. Дубельта: Так.

Ч. XVIII, арк. 109, 110. Оригінал.

№ 443

1847 р. липня 26.— ДОНЕСЕННЯ М. А. КАШИНЦОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ЗМІСТ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛІ «МОСКВИТЯНИН», № 1, ЗА 1847 р.

Ч. XVIII, арк. 111. Оригінал.

№ 444

1854 р. січня 8.— ЗАПИСКА Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ПЕРЕДАЧУ ВСІХ ВІДОМОСТЕЙ ЩОДО СЛОВ'ЯНОФІЛІВ ДО ТОВАРИША МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ

Ч. XVIII, арк. 112. Автограф.

№ 445

1854 р. січня, не пізніше 18.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО СЛОВ'ЯНОФІЛЬСТВО В РОСІЇ І ДІЯЛЬНІСТЬ УЧАСНИКІВ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Славянофилы наши, подражая ученым Западной Европы, заботятся о сохранении памятников древности, о восстановлении собственной народности, языка и литературы и об изгнании из наших нравов всего иноземного. Это направление, с одной стороны, похвальное, с другой — выходя из своих пределов, иногда порождает события, не соответственные настоящему порядку дел.

У нас славянофильство сделалось заметным сначала в Москве. Из приверженцев этого учения до 1847 г. были там известны бывший профессор университета Бодянский [40], профессор Шевырев, писатели Киреевский, Хомяков, Константин Аксаков и др. Одни из них носили простонародную русскую одежду и отпускали себе бороду, негодуя на императора Петра I, который, по их мнению, унизил Россию в собственном ее народном начале, отделив высшее сословие от низшего одеждою и наружностью; иные в преувеличенных возгласах рассуждали о всемирном вопросе на счет славян, будто бы обративших на себя внимание всей Европы, о необыкновенно великом значении славян, которые рано или поздно сделаются первенствующим народом в образованном мире и тому подобном. Выражаясь напыщенно и двусмысленно, они нередко заставляли сомневаться, не кроется ли под их патриотическими возгласами целей, противных нашему правительству. Константин Аксаков в 1846 г., по случаю 700-летия существования Москвы, написал в «Московских ведомостях» статью, в которой называл Москву народною столицею, говорил о земской думе, собранной при Иоанне IV из всей земли русской, о спасении русской земли в 1812 г. народом и проч[ее]. Тогда же на эту статью обращено было внимание бывшего попечителя Московского учебного округа гр. Строганова.

В 1847 г. обнаружено, что славянофильство может принять и преступное направление: в Киеве кандидат Гулак, адъюнкт-профессор Костомаров и кандидат Белозерский учреждали тайное общество под названием: «Общество св. Кирилла и Мефодия». С ними находились в сношениях или разделяли их мнения: бывший учитель С.-Петербургской гимназии Кулиш, художник Шевченко и другие молодые люди, большею частью воспитанники университета св. Владимира.

Цель этого общества сначала заключалась в том, чтобы, восстановляя народность, язык и литературу славянских племен, приготовлять эти племена к соединению под одну державу, но как все члены общества были уроженцы Малороссии, то вскоре славянофильство их обратилось в украйнофильство, и они перешли к предположениям о восстановлении Малороссии в том виде, в каком она находилась до присоединения к России. Не только в бумагах, хранившихся у соучастников Украйно-славянского общества, но даже в напечатанных сочинениях Кулиша и частию Костомарова описывались распоряжения императора Петра I и его преемников в виде угнетений и подавления прав народных, напротив того, дух прежнего казачества они изображали с восторженными похвалами, наезды гайдамаков представляли в виде подвигов рыцарства, славу времен гетманщины называли всемирною, приводили песни украинские, в которых выражается любовь к вольности, намекая, что этот дух не простыл и доселе таится в малороссиянах. Шевченко же в стихотворениях своих, сверх похвал прежнему времени и брани против нынешнего порядка, с невероятною дерзостию изливал клеветы и желчь на все священное для России. Наконец, у некоторых из соучастников найдены были устав общества и рукописи под заглавием «Закон божий» [41] самого революционного содержания. Хотя бумаги эти еще не сделались основанием или правилами Украйно-славянского общества, но оно могло принять направление, опасное для государственного спокойствия.

Виновные в то же время были подвергнуты строгим наказаниям, напечатанные сочинения Шевченки («Кобзарь»), Кулиша («Повесть об украинском народе», «Украйна» и «Михайло Чернышенко») и Костомарова («Украинские баллады» и «Ветка») изъяты из продажи, самим Шевченко и Кулишу запрещено писать, а первому и рисовать, бывшему адъюнкту — профессору Чижову, который оказался хотя поборником русской народности, но выходящим из границ благоразумия, предписано представлять свои

сочинения на предварительное рассмотрение III отделения С. е. и. в. канцелярии, цензорам же, пропустившим вышеупомянутые сочинения, объявлен был строгий выговор.

Тогда обращено было внимание и вообще на славянофилов, тем более, что многие из них находились при воспитании юношества. Сверх того, лица, прикосновенные к Украйно-славянскому делу, оправдывали себя именно тем, что они считали деятельность свою согласно с видами правительства, ибо само учебное начальство, поощряя изыскания о славянских древностях и наречиях, отправляя путешественников (как отправляло и Кулиша) в земли западных славян и предписывая собирать в Малороссии и других областях России местные слова, пословицы и про[чее], как бы поощряло их к изучению науки славянской.

Вследствие этого по высочайшему повелению шефом жандармов сообщено было (от 30 и 31 мая 1847 г. № 897 и 915) [42] бывшему министру народного просвещения гр. Уварову, дабы наставники и писатели отнюдь не допускали ни на лекциях, ни в книгах и журналах никаких предположений о присоединении иноземных славян к России и вообще ни о чем, что принадлежит правительству, а не ученым, чтобы они рассуждали сколь возможно осторожнее там, где дело идет о народности или языке Малороссии и прочих земель, вошедших в состав России, не давая любви к родине перевеса над любовью к отечеству и устраняя все, что может вредить последней любви, особенно о мнимых настоящих бедствиях и о прежнем будто бы необыкновенно счастливом положении подвластных племен, чтобы все выводы ученых и писателей клонились к возвышению не Малороссии, Польши и других стран отдельно, а Российской империи, чтобы цензоры обращали строжайшее внимание особенно на московские, киевские и харьковские периодические издания и на все книги, сочиненные в славянофильском духе, не допуская даже тех полутемных и двусмысленных выражений, которые хотя не заключают в себе злоумышленной цели, но могут приводить читателей к предположениям неблагонамеренным. Перед тем временем и бывший министр народного просвещения циркулярными предписаниями сделал должные наставления по этому предмету попечителям учебных округов.

В 1852 г. получено было сведение, что в Москве вновь делаются заметными славянофилы, что хотя цель их состоит только в том, чтобы произвести переворот в русской литературе, не подражать иностранным писателям, искать для сочинений своих предметов самобытных и народных, но это стремление под руководством людей неблагонамеренных легко может обратиться в противозаконное и вредное. Поэтому из московских славянофилов над Константином и Иваном Аксаковыми, Хомяковым, Киреевским, профессором Соловьевым и другими учреждено секретное наблюдение и, сверх того, покойному министру народного просвещения князю Ширинскому-Шихматову [43] (от 14 июля 1852 г. № 1226) сообщено было, дабы на сочинения в духе славянофилов цензура обращала особенное и строжайшее внимание.

Между тем Иван Аксаков представил на рассмотрение цензуры рукопись II тома «Московского сборника». Сочинители статей, помещенных в этой рукописи, доказывали, что учреждения государств не согласны с духом христианства, что в древней России существовал общинный быт, что тогда в отношениях между государем и его приближенными было братство, а в народе воля и приволье, что и ныне в некоторых местах России замечается стремление к общинному управлению. Вообще в статьях этих замечалось какое-то недовольство настоящим нашим образованием, образом жизни и даже учреждениями правительства, а древний русский быт выставлен был в преувеличенно лучшем виде, как заслуживающий, безусловно, одобрения и подражания в наше время. По высочайшему повелению,

объявленному министром народного просвещения от 10 марта 1853 г. № 497, издание «Московского сборника» запрещено. Иван Аксаков лишен права быть редактором какого бы то ни было издания, сверх того, Ивану Аксакову, Константину Аксакову, Хомякову, Киреевскому и кн. Черкасскому приказано представлять рукописи на рассмотрение прямо в Главное управление цензуры и об этом сообщено циркулярно по цензурному ведомству.

Ч. XVIII, арк. 113—117. Відпуск.

№ 446

1854 р. січня 18.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ЗАПИСКИ ПРО СЛОВ'ЯНОФІЛІВ, НАДІСЛАНИЙ УПРАВИТЕЛЮ МІНІСТЕРСТВА НАРОДНОЇ ОСВІТИ

Секретно

Господину управляющему министерством народного просвещения

18 января 1854 года, № 135

По изъявленному вашим превосходительством желанию иметь сведения, находящиеся в III отделении С. е. и. в. канцелярии о славянофильстве и о лицах преимущественно замеченных в приверженности к оному, г-н генерал-адъютант гр. Орлов приказал составить записку по сему предмету, которую имею честь препроводить при сем вашему превосходительству.

Подписал управляющий отделением, г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Верно: коллежский секретарь Васильев

Ч. XVIII, арк. 118. Відпуск.

ЧАСТИНА ДЕВ'ЯТНАДЦЯТА

ЖУРНАЛ СЛІДСТВА

№ 447

1847 р. березня 17 — червня 14.— ЖУРНАЛ СЛІДСТВА III ВІДДІЛЕННЯ В СПРАВІ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

I. (березня 17 — квітня 24)

Тетрадь первая

Журнал действий III отделения С. е. и. в. канцелярии по делу колежского секретаря Николая Ивановича Гулака и Славянского общества [1].

1847 г. марта 17.

Было получено отношение г-на генерал-адъютанта Бибикова о доносе студента Киевского университета Петрова, что существует Славянское общество [2], стремящееся как к соединению всех славян, так и к учреждению в России республиканского правления.

Того же числа это отношение было доложено государю наследнику цесаревичу и получено повеление арестовать Гулака и осмотреть все его бумаги.

Марта 18

Обер-полицмейстер Кокошкин и генерал-лейтенант Дубельт арестовали Гулака и все его бумаги доставили в III отделение.

Того же 18 марта был Гулак допрошен генерал-лейтенантом Дубельтом, действительным статским советником Сагтынским и камергером Писаревым, который допущен к допросу по желанию генерал-адъютанта Бибикова потому, что по знанию местных соотношений он, Писарев, в этом деле может быть употреблен с пользою.

Гулак ни в чем не сознался, но уличен найденным у него в шкатулке кольцом с буквами: «св. Кирилл и Мефодий!» и другими бумагами.

Во время арестования Гулака он пошел в отхожее место, из предосторожности сопровождал его туда полицейский служитель, а частный пристав Юнкер приказал осмотреть нечистоты, в которых и найдена брошенная Гулаком рукопись, писанная его рукою.

Рукопись заключает в себе 109 параграфов разных демократических идей, направленных к уничтожению всякого рода властей, и воззвания к украинцам, великороссиянам и полякам.

Из доноса студента Петрова видно, что эту рукопись Гулак и товарищ его Навроцкий называли «Законом божиим».

Марта 19

Рассматривали все бумаги и письма Гулака, в коих найдено, что переписка в духе славянском была у него с бывшим учителем С.-Петербургской гимназии Кулишем, ныне находящимся за границей для изучения славянских наречий по поручению министерства народного просвещения, с бывшими студентами Киевского университета Белозерским и Марковичем, из коих первый служил в Полтаве и намерен был ехать за границу, а второй находится в Киеве, с Павлом Ашаниным, двоюродным братом Гулака, служащим в уланах Херсонского военного поселения.

В письме Белозерского упоминается, что он нашел в Полтаве несколько благородномыслящих [3], по его мнению, людей и встретился там с одним офицером из Образцового полка, сыном генерала, воспитывавшимся в Пажеском корпусе, который высказал, по его заключению, дельные мысли, и это единственный человек, от которого можно ожидать, что со временем переведет слова на дело. В том же письме Белозерского говорится о Кули-

ше, что он составил христианские правила. Называет Шевченку гениальным человеком, способным угадывать потребности народа и целого века.

В письме Марковича выхваляется горячая любовь Гулака к родине и излагается обещание, что может вполне на него надеяться.

Ашанин пишет, что неужели он, Гулак, считает его способным сделаться когда-нибудь великим завоевателем или монархом?

Кроме сего, в письмах упоминаются имена: Навроцкого, о котором показывает и Петров, как на участника Гулака, Посяденко, Андрузского и Тулуба, по случаю ссоры Посяденки с Андрузским. Посяденко пишет, что на время удаляется от их христианского общества, но что дух его никогда от оного не удалится, ибо в самой глубине души положена мысль, никому еще не ведомая, и что прежде, нежели он увидел Костомарова, душа его уже принадлежала обществу, которого никто из них не знает.

После рассмотрения этих бумаг делались Гулаку снова допросы, но он остался при прежнем своем запирательстве.

Составлен доклад государю наследнику цесаревичу о дозволении послать за Навроцким и требовать сюда других лиц, кои окажутся к делу Гулака прикосновенными, но доклад сей не был представлен его императорскому высочеству.

Марта 20

Дубельт, Сахтынский и Писарев возобновили увещания и допросы, но безуспешно. Предписано по высочайшему повелению по эстафете генерал-адъютанту кн. Долгорукову арестовать Навроцкого и со всеми его бумагами доставить в С.-Петербург под присмотром самого благонадежного и верного чиновника. Переписана набело рукопись: «Закон божий». Получено отношение генерал-адъютанта Бибикова с подлинным показанием студента Петрова.

Марта 21

Деланы допросы Гулаку о тех лицах, которые упомянуты в его письмах, и разрешено генерал-адъютанту Бибикову осмотреть в Киеве бумаги Костомарова, Посяденко, Андрузского, Мар[к]овича, Тулуба и Шевченко, ежели сей последний возвратился в Киев, и ежели окажется в их бумагах что-либо подозрительное, то арестовать и доставить в С.-Петербург.

Министрам финансов и внутренних дел предложено сделать распоряжение о задержании помещика Савича на границе при возвращении его в Россию и доставлении его со всеми бумагами в С.-Петербург.

Послано к хозяйке, у которой жил Гулак, дворянке Плаксиной, узнать, не посещал ли Гулака и не спрашивал ли об нем кто-нибудь после его арестования. Дознано, что в квартире его никто не был, но доставлено в III отделение письмо на имя Гулака от управляющего имением его родителя (300 душ в Полтавской губ.) Антонова, в котором доносит о предметах хозяйственных.

Сделано распоряжение об отыскании Шевченко (художник С.-П[етербургской] академии), который, как из показаний Петрова видно, поехал в С-П[етер]бург с Гулаком, по показанию Гулака, остался в Черниговской губернии в Борзенском уезде.

Писано в министерство внутренних дел, когда и куда выдан заграничный паспорт помещику Савичу, и получен ответ, что паспорт ему выдан в октябре 1846 года в Германию, Италию, Швейцарию и Бельгию для излечения болезни, а также для хозяйственных и коммерческих надобностей.

Гулак, чувствующий потребность занятий, просил книг. Ему объявлено, что ежели он решится сделать искренние и откровенные показания, то всякое его желание будет исполняемо. Но несмотря на новые при этом случае

убеждения, он по-прежнему объявил, что говорить запрещает ему совесть, поэтому в просьбе Гулака отказано.

Переписано набело первоначальное показание студента Петрова, доставленное генералом Траскиным к генерал-адъютанту Бибикову.

Марта 22

При развитии дела Гулака по справке оказалось, что в III отделении находится предупреждение г-на генерал-фельдмаршала кн. Варшавского о пребывании в Бреславле дворянина Московской губ. Чижова, который говорил нашему агенту, что поедет в Рим, а оттуда в Сербию, Албанию, Далмацию и Кроацию, но о причине своей туда поездки говорить не хотел. На вопрос нашего агента: «Для чего он носит бороду?» — Чижов отвечал, «что около Москвы много помещиков запущают бороды, дабы сблизиться с русскими купцами и крестьянами и тем скорее уничтожить разницу между дворянством и нижним классом народа».

Хотя от московского генерал-губернатора получены о Чижове сведения одобрительные, но как теперь нет сомнения, что он принадлежит к Славянскому обществу, то в отношении его и сделано такое же распоряжение, какое сделано насчет помещика Савича, то есть сообщено министрам финансов и внутренних дел о задержании его на границе при обратном следовании в Россию.

Из бумаг Гулака видно, что он имел переписку в духе славянских идей с бывшим учителем С.-П[етер]бургской гимназии Кулишем, отправившимся за границу по распоряжению министерства народного просвещения, а потому насчет Кулиша [4] сделано распоряжение, какое сделано насчет Савича и Чижова, то есть предложено министрам финансов и внутренних дел задержать его на границе при возвращении в Россию.

Сообщено генерал-адъютанту Адлербергу высочайшее повеление удерживать и доставлять в III отделение все письма, какие будут адресованы на имя Гулака.

Марта 23

Генерал-адъютанту кн. Долгорукову сообщено высочайшее повеление о сделании распоряжения, чтобы находящийся в Полтавской губернии дворянин Василий Белозерский и остановившийся при проезде из Киева в Борзенском уезде Черниговской губернии художник Шевченко, если он доселе остается в Черниговской или других вверенных кн. Долгорукову губерниях, были немедленно задержаны и со всеми бумагами доставлены в С.-Петербург в III отделение. Ему же писано, чтобы уведомил, кто был в Полтаве в сентябре 1846 г. офицер Образцового полка, сын генерала, учившийся в Пажеском корпусе, которого Кулиш описывал как человека, подающего для них большие надежды.

Гулаку предложены были подробные вопросы о всех намеках на тайное общество и других сомнительных местах в письмах к нему Кулиша, Белозерского, Посяденки, Марковича и Ошанина, также в его, Гулака, бумагах; но в ответах своих он каждое место объясняет в благовидном смысле, например: предпринимаемые труды относит к литературе и проч[ее] или отзывается неведением того, что писали к нему друзья его. Словом, он ничего не открыл существенного и продолжает упорствовать в сознании.

Сообщено военному министру высочайшее повеление о предписании кому следует, чтобы у служащего в одном из поселенных полков в Херсонской губернии офицера Ошанина, к которому Гулак писал, что он может сделаться великим, завоевателем или монархом, произведен был строжайший обыск, чтобы все бумаги, в коих окажутся мысли возмутительные или относящиеся до тайного общества, были тотчас представлены в III отделе

ние, с тем чтобы то обстоятельство, не следует ли над Ошаниным учредить надзор, или подвергнуть аресту, или же доставить самого в С.-Петербург, судя по важности бумаг, кои будут у него найдены, предоставлено было усмотрению ближайшего главного начальства. Ему же писано о собрании сведений и насчет того офицера Образцового полка, который в сентябре 1846 г. был в Полтаве и о котором уже писано к генерал-адъютанту кн. Долгорукову.

Наместнику Царства Польского сообщены подробности настоящего дела и о сделанных распоряжениях к задержанию на границе, при возвращении в Россию, Савича, Кулиша и Чижова на тот случай, чтобы о задержании их сделано было распоряжение и по границе Царства Польского, если они предпримут обратный путь в Россию через Царство.

Март, 24

Шеф жандармов г-н генерал-адъютант гр. Орлов лично делал Гулаку самый строгий допрос и самые краткие отцовские увещания, описал ему картину различия между данной им присягой перед господом быть верным подданным государю и честным словом, данным нескольким молодым людям, не показывать правды, объяснил ему все пагубные последствия его упорного запирательства и того несчастья, в которое он ввергнет и себя, и отца, и мать свою. Видно было, что Гулак был троиут до глубины души, он плакал и, казалось, готов был последовать благим советам графа, но упорство превозмогло, и он остался при прежних ответах: «Не знаю!» Тогда гр. Орлов дал ему три дня на размышление и предупредил его, что по истечеиии этого срока вся тягость закона падет на него и что тогда уже не будет никакой возможности облегчить его участь.

За снм послаио к отцу Гулака письмо, в котором выражено все упорство сына и предложено, чтобы отец написал от себя к сыиу с убеждением открыть истину или даже сам приехал бы для его увещания.

В конце этого письма приказано Гулаку написать и он написал, что слышал лично все увещания гр. Орлова. Наконец, сообщено гр. Протасову о командировании в III отделение способного и просвещенного священника для религиозного увещания весьма важного, но упорного преступника.

Марта 25

При отношении генерал-адъютанта Бибикова от 18 марта за № 909 было доставлено в III отделеиие сочинение в рукописи «Гайдамаки». Эта рукопись рассмотрена и заключает в себе два рассказа самовидца — казака, бывшего в отряде кн. Любомирского, который начальствовал польскими войсками в Полонном, по всей вероятности, в конце XVII столетия.

Первый рассказ о том, как войско кн. Любомирского окружило однажды шайку гайдамаков, или наездников, составленную под начальством казака Чуприны из запорожцев и других бродяг, и каким образом часть гайдамаков при сем случае спаслась, прорвавшись сквозь ряды поляков, а прочие, и в том числе Чуприна, погибли.

Второй рассказ о том, каким образом самовидец этот послан был кн. Любомирским разведать, где скрывается другая разбойничья шайка гайдамаков, грабивших окрестные места, под начальством казака Чертоуса, как он отыскал эту шайку, к ней присоединился, потом ушел с ночлега для донесения кн. Любомирскому; наконец, каким образом кн. Любомирский окружил гайдамаков в указанном месте и как они погибли вместе с Чертоусом от ядер и картечи польского отряда.

В юго-западных губерниях и Малороссии есть следующее обыкновение: во время ярмарок, когда собирается много народа, является непременно какой-нибудь старик, который рассказывает или поет песню о каком-либо

происшествии из истории борьбы казаков с поляками и татарами — другие слушают. Помянутые два рассказа принадлежат к этому роду.

Сделан был вопрос Гулаку: не переменил ли он намерения упорствовать и, в таком случае, не желает ли, чтобы ему были даны письменные припасы для написания истины? Гулак отверг это предложение.

Распоряжение 24 марта о том, чтобы отец Гулака написал к сыну увещание и даже чтобы сам для того приехал, отменено, а писано только к отцу о непреоборимом упорстве сына и о том, что этим упорством он увеличивает свою вину, а следовательно, и наказание.

Марта 26

Военный министр, вследствие запроса 23 марта, уведомил, что офицер Ашанин, к которому Гулак писал, что он может сделаться великим, завоевателем или монархом, есть поручик Новоархангельского уланского полка; а тот офицер Образцового полка, который в сентябре 1846 г. был в Полтаве и которого Белозерский [5] описывал как человека, подающего для них большие надежды, есть сын начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Бушена, учившийся в Пажеском корпусе и ныне служащий поручиком в Азовском пехотном полку Николай Бушен; он потому находился в 1846 г. в Полтаве, что был послан туда из переменяющегося состава Образцового полка для показания правил фронтовой службы воспитанникам Петровского кадетского корпуса.

Генерал-адъютант кн. Чернышев присовокупил, что для осмотра бумаг поручика Ашанина и, если бумаги окажутся возмутительного содержания, для доставления его в С.-Петербург, по важности настоящего дела, отправлен, с высочайшего разрешения, старший адъютант при дежурном генерале главного штаба е. и. в. штаб-капитан Огарев и что государь император с тем вместе высочайше повелеть соизволил командировать офицера фельдъегерского корпуса для доставления в С.-Петербург и поручика Бушена. Таковая монаршая воля уже исполнена.

Сего 26 марта Гулаку опять был сделан вопрос: готов ли он показать истину и начертать оную письменно? «Я остаюсь при прежних показаниях!» — отвечал Гулак.

Марта 27

По высочайшему повелению был истребован от гр. Протасова образованный и опытный священник для увещания Гулака. Для сего избран был протоиерей Малов.

27 марта Малов был допущен к Гулаку, и вот в чем состоит письменный отчет Малова:

«Вид его, Гулака, был печален, но не дик, взоры томны, но кротки и смиренны.

Когда я начал говорить ему, чтобы он открыл правительству полную и чистую истину всего того, о чем его спрашивают, он с тихостию отвечал мне: «Нет, отец мой, сего сделать я не могу».

Когда я начал спрашивать о причине таковой невозможности, он отвечал мне: «На сохранение сей тайны я дал клятвенное слово, которого никогда и ни за что не нарушу».

Когда я начал доказывать ему всем, что есть святого и досточтимого, что всякое честное, клятвенное слово, а особливо если оно дано в каком-либо преступном начинании есть явный грех и нарушение священнейшей клятвы, которая изрекается нами в верноподданнической присяге, он заплакал, заплакал горько и отвечал мне: «все это справедливо, но я не могу».

Когда я спрашивал у него, что же это за тайна и в каком деле правительство хочеть дознать от него истину? Он отвечал: «Правительство это

уже знает; впрочем, это некоторые несбыточные мечты, которыми увлекается иногда молодость; мечты сии сами бы собой разрушились, но, вероятно, кто-нибудь нас подслушал, и дело сие получило гласность».

Я сказал ему: «Вы произнесли слово «нас подслушал!», следовательно, в вашем деле были и некоторые другие участники». Он отвечал: «Были, но по силе взаимной нашей клятвы я их не наименую никогда. Знаю, что я сильно оскорбляю господа бога, жестоко огорчаю моих родителей, но мое честное слово я сохраню, какая бы участь меня ни постигла; я вполне предаюсь промыслу божию».

В заключение всей беседы, которая сопровождалась непрестанным плачем, он сказал мне: «Отец! Прошу вас об одной милости, удостойте меня святого причащения». На сие я сказал ему: «Если Вы сознаетесь всесовершенно в том, чего требует у вас правительство, Ваше желание я исполню с радостию, но если продолжите Ваше упорство, сего сделать я не могу». При сих словах моих он зарыдал ещё более и сказал мне: «Если не для причащения, то хотя из христианской жалости навещайте меня».

Вообще в разговорах его я не заметил ничего сильно злостного и враждебного; все оные сопровождались мягкостью и сокрушением».

Марта 28

Писано генерал-адъютанту кн. Долгорукову о доставлении сведений насчет поведения, образа мыслей и степени благонамеренности родителя Гулака.

Составлен всеподданнейший доклад, в коем подробно изложены все сведения, имеющиеся доселе о Славянском обществе, допросы Гулака, имена соучастников его и степень прикосновенности их к обществу, распоряжения, сделанные к обыску и доставлению их в Петербург, и все меры, принятые к полному объяснению дела.

Предложено протоиерею Малову посещать Гулака в течение 28, 29 и 30 марта и дано наставление, чтобы он, Малов, продолжая кроткие убеждения, употреблял иногда и выражения строгие; доказывал бы Гулаку, что кроме преступления перед правительством и государем он согрешает и перед господом и описал бы ему всю важность, заключающуюся в его преступном упорстве.

На вопрос Малова, должен ли он о его посещении Гулака донести митрополиту, дано ему по этому предмету разрешение, но с тем, чтобы в донесении своем не входил ни в какие подробности, а донес бы только, что был приглашен для увещаний арестанта, упорствующего в открытии истины.

Предписано генерал-лейтенанту Перфильеву подробно донести о том, что ему известно в Москве насчет Славянского общества, об именах тех, которые слывут славянофилами, об образе их мыслей, занятий и обо всем, до них относящемся, а также, не питают ли они каких-либо политических замыслов.

Справлялись в бывшей квартире Гулака, не был ли кто в оной и не спрашивал ли о Гулаке. Хозяйка квартиры объявила, что в первый день пасхи приходил некто Вородинов, что Вородинов, получив ответ о неизвестности, где находится Гулак, тотчас ушел, более ни о чем не расспрашивая, и что этот Вородинов раза три и прежде приходил к Гулаку [6].

Протоиерей Малов во второй раз посетил Гулака, объяснял ему обязанности христианина и верноподданного, толковал важность всеподданнейшей присяги и ничтожность перед оною данного им кому-то обета, говорил о его родителях и сестрах. Гулак, по-видимому, был вполне растроган; плакал и показал совершенную преданность богу и всем постановлениям религии; но на все вопросы о тайном обществе и соучастниках отвечал: «Я дал обет богу молчать, и прав ли оный или не прав, я оного не нарушу.

Я Вам сказал уже, что никакого открытия сделать не могу, и, связанный обетом, теперь повторяю Вам также. Обет мой перед богом, за мною его исполнение. Что господь со мной ни сделает, моему обещанию я не изменю». Никакие убеждения Малова не могли победить его упорства.

Марта 29

Гулаку предложены были вопросы как о тех лицах, которых он посещал в С.-Петербурге, так и о тех, которые у него бывали.

На это Гулак ответствовал, что ов посещал: тайного советника Скребицкого, ректора университета Плетнева, директора 2-го кадетского корпуса Бибикова, писательницу Ишимову и служащего в министерстве государственных имуществ чиновника Иславина; а у него на квартире несколько раз были находившийся в Дерпте, когда он, Гулак, там учился, Кузьма Вородинов и бывший студент Дерптского университета Вильцын, что они посещали его только по старому знакомству и он с ними не имел никаких разговоров, кроме самых общих; более же никто не бывал.

Сделано распоряжение, чтобы генерал-адъютант Кокошкин и генерал-лейтенант Дубельт отобрали бумаги у Вородинова, чтобы оные были рассмотрены в III отделении и чтобы Вородинов был оставлен под арестом, ежели в его бумагах найдено будет что-нибудь подозрительного.

От почтдиректора Прянишникова доставлены пакет, полученный из Новой Праги Херсонской губ. на имя ректора университета Плетнева для передачи Гулаку и копии с писем, заключающихся в том пакете. Оба сии письма писаны к Гулаку от отца его, который выражает удовольствие свое, что сын его познакомился с Плетневым и другими почтенными людьми и делает ему наставление в следующих, между прочим, выражениях: «Перед тобой раскрылся теперь иовый свет, новые люди и новая жизнь. Будь деятелен и решителен; не бойся неудач, иеудачи с каждым случаются; не смущайся, если тебе что и не удастся, а старайся достигать своей цели с твердою волею».

К обер-полицеймейстеру послано 15 руб. серебром для раздачи в награду тем нижним полицейским чинам, которые после арестования Гулака нашли брошенную им рукопись под заглавием: «Закон божий».

Протоиерей Малов в третий раз был допущен к Гулаку, и в третий раз убеждения остались бесполезны.

Малов сделал ему вопрос: любит ли он государя? Гулак с какою-то торжественной радостью отвечал: «Люблю, отец мой, любил всегда и буду любить до конца моей жизии, как отца отечества и помазанника господия, люблю весь державный дом его, но я раб моего обета; быть может, оный и безрассуден, однако же я умру и слово, произнесенное во имя божие, унесу в гроб мой; пусть буду я жертва мечтательности жалкой и иеобдуманной».

Когда Малов уходил от Гулака, то сей последний сказал ему: «Если Вы хотите еще меня порадовать, то приходите для утешения меня в моем узничестве, а не для преклонения меня к открытию истины; я сказал Вам решительно, говорил это и прежде Вас другим, что буду молчать и с сим молчанием останусь навсегда».

Марта 30

Протоиерей Малов в четвертый раз увещевал Гулака, но все безуспешно: «Не могу, не могу,— сказал Гулак,— не по упрямству, а по силе моего обета».

Марта 31

Генерал-адъютант Кокошкин и генерал-лейтенант Дубельт арестовали посещавшего коллежского секретаря Гулака бывшего студента Дерптского университета Кузьму Васильевича Вородинова и со всеми его бумагами доставили в III отделение.

Вородинов, сын купца Полтавской губ., 27 лет от роду, показал, что приехал в С.-Петербург в декабре 1845 г. для приискания должности учителя в одном из уездных училищ, но на все просьбы получал отказы в министерстве народного просвещения, потому что на означенные места весьма много имеется в виду других кандидатов. Поэтому он предполагает отправиться в Киевский или Харьковский учебные округа для приискания себе там должности. Он жил на счет матери, которая присылает ему на содержание деньги.

С Гулаком он был знаком еще в Дерпте, а потому и здесь несколько раз посещал его по старому знакомству, но не имел с ним никаких разговоров, кроме самых обыкновенных.

В книгах и бумагах его не заключается ничего подозрительного: книги учебные, по части математики, географии и проч[ие]; бумаги — только письма от брата и зятя, родственного содержания. Посему Вородинов со всеми его бумагами и отпущен из III отделения.

С Вородинова взята подписка, что он никому не будет объявлять о том, что был истребован в III отделение и что бумаги его были рассматриваемы, подвергаясь в противном случае ответственности по закону. Подобные подписки приказано брать и со всех тех, которые по настоящему делу будут допрашиваемы и окажутся иевинными.

Апреля 1

Генерал-адъютант гр. Орлов, прибыв в III отделение, вновь лично предложил Гулаку словесные и письменные вопросы по всем предметам дела о Славянском обществе, но Гулак и словесио и письменно на все вопросы отвечал: «Не знаю!». Таким образом, он и при новом допросе показал прежнее, ничем не преоборимое упорство.

За сим, в ожидании доставления в С.-Петербург других арестантов, Гулак отправлен в Алексеевский равелин; а коменданту крепости сообщено, чтобы Гулака, как закоренелого и доказанного политического преступника, увеличивающего вину свою иеобыкновенным упорством, содержали в равелине самым строгим образом, в совершенном уединении, не допуская никого к нему и не давая ему ни книг, ни других предметов развлечения.

Апреля 2

Генерал-адъютанту гр. Кисилеву сообщено о немедленном арестовании и доставлении со всеми бумагами в III отделение служащего в министерстве государствениых имуществ чиновника Иславина, которого посещал Гулак.

Генерал-адъютанту Адлербергу объявлено высочайшее повелеиие о сделании распоряжения, дабы все письма, кои будут пересылаться по почте к находящимся за границей Савичу, Кулишу и Чижову, были подвергаемы перлюстрации.

Представлена г-ну шефу жандармов записка, извлеченная из дел III отделения, о том, что находящиеся за границею польские выходцы под руководством Адама Чарторижского еще с 1845 г. замышляют также о соединении всех славянских племен в одно царство, полагая разделить оные на четыре штата:

1) Русско-славянский,

2) Польско-славянский,

3) Чехо-славянский и

4) Иллиро-славянский, с тем, чтобы каждый штат управлялся сообразно своим правам и обычаям, на либеральном основании, но под одним федеративным господством. В Париже учреждено с этой мыслью общество, иазываемое «Славяно-народное владо», которое рассылает своих агентов и старается разными другими средствами распространять свои замыслы. Хотя из

дела о Славянском обществе св. Кирилла и Мефодия доселе не видно, чтобы члены оного были в сношениях с польскими выходцами, но весьма вероятно, что действия Парижского славянского общества подали мысль и нашим молодым людям, уроженцам Малороссии, мечтать о восстановлении прежней вольницы на их родине.

Апреля 3

У Гулака найдены еще устав Славянского общества и другой экземпляр тетради, называемый «Закон божий», на русском и малороссийском наречиях. При сличении почерков, коими писаны сии бумаги, оказалось несомненным, что устав писан Белозерским, а почерк тетради «Закон божий» весьма близок к почерку Гулака.

По этому случаю составлены Гулаку два вопроса: 1) кем писаны упомянутые бумаги; 2) если уличаемый новыми доказательствами он окажет полное сознание, то объявил бы имена соучастников и все, что ими предпринято и предположено предпринять для достижения цели их общества.

Гулак отвечал: «Не знаю!»

В 5 часов вечера доставлен в III отделение столоначальник I департамента государственных имуществ титулярный советник Владимир Иславин со всеми его бумагами и вещами.

В вещах и бумагах его, по самом внимательном рассмотрении оных, не оказалось ничего подозрительного. Переписку он вел преимущественно со своими родными. Содержание писем или родственное, или относится до обыкновенных случаев жизни и не наводит ни малейшего подозрения ни в каком политическом отношении. Не только имен Гулака, Кулиша, Савича, Белозерского и других, видимых из дела о Славянском обществе, но вовсе нет писем ни из западных губерний, ни из Малороссии.

Большая же часть бумаг Иславина относится до его службы и ученых занятий. Он был послан своим начальством в Архангельскую губ. для устройства быта самоедов. Пробыв там 7 месяцев, он представил начальству огромный отчет, из которого потом составил и напечатал книгу о самоедах, описав их образ жизни, поверья, нравы, ремесла и разные занятия. Множество бумаг по этому предмету доказывает, что все внимание его обращено было на службу и литературный труд, проистекший из тех же служебных занятий.

Между вещами его нет ни кольца, ни образа св. Кирилла и Мефодия и вообще ничего относящегося к делу о Славянском обществе. Гулак был знаком с ним только потому, что они в одно время учились в Дерптском университете, и бывал у него и в С.-Петербурге несколько раз, но не вел никаких разговоров, кроме самых обыкновенных.

Иславин в 10 часов того же вечера, 3 апреля, отпущен из III отделения и от него взята подписка, что он никому не будет объявлять об осмотре бумаг его.

Апреля 4

Шеф жандармов, сообщив генерал-адъютанту гр. Киселеву как о том, что бумаги Иславина не только не заключают в себе ничего сомнительного, но, напротив, доказывают его полезную деятельность, обращенную преимущественно на службу, так и об освобождении его из III отделения, просил, чтобы означенный случай не имел для Иславина никаких неприятных последствий по службе.

Генерал-адъютанту Кокошкину послано 200 руб. серебром, всемилостивейше пожалованных частному приставу Юнкеру в награду деятельности и распорядительного поступка его при отыскании после арестования Гулака рукописи «Закон божий». В то же время упомянутая сумма, по высочайшему повелению, потребована от министра финансов на известное е. и. в. употребление.

Апреля 5

Всеподданнейший доклад о Гулаке, с относящимися к оному приложениями, был препровождаем к г-ну военному министру, который по прочтении возвратил сии бумаги.

Составлена для г-на шефа жандармов записка о степени прикосновенности к делу о Славянском обществе Кулиша.

Апреля 6

Генерал-адъютант Бибиков доставил донесение к нему киевского гражданского губернатора Фундуклея и попечителя Киевского университета генерал-майора Траскина насчет осмотра бумаг тех из лиц, прикосновенных к делу о Славянском обществе, которые находятся в Киеве.

Из сих лиц бывший студент Маркович выбыл из Киева и должен находиться в Переяславле; но осмотрена была квартира его, в которой оказались бумаги, несколько сомнительные, почему в Переяславль послан чиновник для арестования Марковича.

Адъюнкт Костомаров при обыске у него бумаг сам предъявил кольцо с надписью св. Кирилла и Мефодия и сделанный им перевод одного места из революционного польского сочинения. В двух письменных показаниях своих Костомаров объяснил, что кольцо им изобретено, но только из уважения к памяти первых просветителей славян; что подобные кольца носили еще Гулак и Навроцкий, что он, Костомаров, в обществе этих молодых людей, а также Посяденко и Марковича иногда рассуждал и о славянстве, что, не ручаясь за других, он не замечал в этих беседах и действиях никакого тайного общества и злоумышления, что упомянутый перевод из польского сочинения он давал списать Гулаку, и в этом признает себя виновным. Между бумагами его найдены некоторые, относящиеся до славянства. Посему Костомаров вместе с его бумагами и отправлен в С.-П[етер]бург.

Еще забрано несколько бумаг у студента Посяденко, а у студента Тулуба не оказалось никаких.

Студент Андрузский выехал из Киева к родителям своим в г. Пирятин, а художник Шевченко не возвращался в Киев.

От студента Петрова требовалось объяснение, не имеет ли он новых сведений о Славянском обществе. Он показал, что сверх прежнего донесения его ему известно только то, что Маркович и после того намерен был продолжать свои действия в духе означенного общества.

Генерал-майор Траскин при этом случае просит оправдать его перед министром народного просвещения в том, что он по причине тайны настоящего дела не донес об означенных распоряжениях.

Апреля 7

Государю императору благоугодно было повелеть, дабы шеф жандармов обо всем этом деле лично, без всякой переписки, объяснился с гр. Уваровым.

По высочайшему повелению сообщено генерал-адъютанту Бибикову, дабы он приказал студента Петрова, который первый донес о существовании Славянского общества, немедленно прислать в С.-П[етер]бург в III отделение, не в виде арестанта.

Прапорщик фельдъегерского корпуса Федотов доставил в С.-П[етер]бург в III отделение из м[естечка] Красного, что близ Тульчина, Азовского пехотного полка поручика Бушена.

Об этом всеподданнейше доложено государю императору как равно и о том, что к рассмотрению привезенных с ним бумаг и вещей тотчас приступлено.

Его величество повелел: «Ежели что важное будет открыто, прислать к его величеству сего же числа».

По осмотре бумаг Бушена оказалось, что оные состоят из множества писем, наиболее от родителей, братьев и сестер его, а самая меньшая часть от офицеров-сослуживцев. Первые описывают одни домашние дела, последние извещали его о перемещении и наградах сослуживцев, о театрах, балах и подобных предметах. У Бушена все письма расположены по годам, и обращено было особенное внимание на 1846 г., то есть на тот год, когда Бушен находился в Полтаве; но письма и этого года точно такого же содержания, как прочих лет, и не заключают в себе ничего особенного. В одном только письме, от брата его Алексея, просят его о присылке книги «Leo memoires dún maĉtra dármej» [7]. Книга сия запрещенная.

В прочих бумагах Бушена находятся списанные им разные стихотворения Пушкина, Лермонтова, Козлова, Бенедиктова и других писателей; также история русской литературы, лекции о словесности, выписки из церковной истории и разных исторических сочинений.

Книги его состоят из стихотворений, романов, учебных руководств и духовного содержания, как-то: молитвенники, «О подражании Христу» и проч[ее].

Между вещами его не оказалось ни кольца, ни образа св. Кирилла и Мефодия.

Вообще в бумагах и вещах Бушена нет ничего ни запрещенного, ни сомнительного. Даже нигде не упоминается об именах Гулака, Белозерского, Навроцкого и ни об одном из тех лиц, кои значатся в деле о Славянском обществе.

Об этом доложено государю императору.

Апреля 8

Генерал-адъютанту Бибикову объявлено высочайшее повеление, чтобы при допросах лиц, прикосновенных к делу о Славянском обществе, присутствовал действительный статский советник Писарев.

Генерал-адъютанту кн. Долгорукову сообщено высочайшее повеление об отправлении благонадежного чиновника в Пирятин для осмотра бумаг и вещей студента Андрузского, и если в оных окажется что-либо наводящее сомнение, то отправить его с означенными бумагами и вещами в С.-Петербург, в III отделение С. е. и. в. канцелярии в сопровождении благонадежнейшего и верного чиновника под самым строгим надзором.

Составлена опись бумагам и книгам поручика Бушена, содержание коих объявлено в докладной записке 7 апреля. Опись сия приобщена к делу.

Предложены были Бушену следующие вопросы:

1. Каким образом в 1846 г., находясь в Полтаве, Вы познакомились с бывшим студентом Киевского университета Белозерским?

2. Не открывал ли он Вам каких-либо мыслей и намерений о соединении всех славянских племен, о восстановлении самостоятельности Малороссии; о составленном по этому случаю тайном обществе и вообще о политических замыслах, и ежели открывал, то подробно объясните все его разговоры по означенным предметам, и не были ли Вы сами увлечены в его замыслы?

3. Почему Белозерский в одном из своих писем объяснял, что Вы в несколько свиданий довольно с ним сблизились; что он слышал от Вас дельные мысли, высказанные со скромностью человека, который только начинает учиться, что Вы были у него перед выездом и прощались так, как будто непременно когда-нибудь увидитесь и доскажете то, чего не высказали вполне, что Вы обещали серьезнее заниматься в Петербурге, чем в Полтаве, хотя у Вас и там даже была библиотека, что от Вас можно ожидать, что со временем Вы, несмотря на разного рода искушения, переведете слова в дело, тогда как большая часть ограничивается только словами.

Апреля 9

Поручик Бушен составил ответы, в которых уверяет, что решительно не постигает, что могло дать повод Белозерскому представить об нем такое неправильное понятие! Что ни к какому обществу он не принадлежит и ни о каком обществе не знает.

Писано успокоительное письмо к отцу Бушена генерал-лейтенанту Бушену.

9 апреля в 10 часов вечера доставлен из Варшавы в III отделение Кулиш.

Сейчас приступлено к обзору его бумаг. По рассмотрению части оным оказалось:

1. Рукопись, писанная рукой Белозерского, «Закон божий» на малороссийском наречии — это вполне та самая рукопись, которой два экземпляра найдены у Гулака.

2. Записка руки Кулиша, в которой исчислено, сколько экземпляров и к кому послано книг под названием «Летопись Самовидца о войнах Хмельницкого» и «Украинские предания».

Здесь же находится счет «деньгам для добрых дел», что возрождает мысль, не было ли у них кассы общества.

3. Рисунок, изображающий голову малороссиянина, отрубленную саблей и терзаемую орлом, а вверху рождающаяся луна.

На этом кончился разбор в ночь с 9 на 10 апреля. Между бумагами и письмами Кулиша есть много таких, которые с первого взгляда заключают в себе намеки и выражения весьма подозрительные, требующие внимательного и продолжительного рассмотрения.

Апреля 10

Фельдмаршалу кн. Варшавскому сообщено высочайшее повеление о доставлении в С.-Петербург Белозерского.

К нему же препровождено письмо, которое Кулиш писал к своей жене.

Окончено рассмотрение бумаг Кулиша и Белозерского[8] и составлена из них подробная выписка.

Сверх объясненных в журнале 9 апреля рукописи под названием «Закон божий», записки о рассылке к разным лицам книг, содержание которых относится до Малороссии и о каких-то «деньгах для добрых дел», наводящих сомнение, не имеет ли Славянское общество кассы и рисунка, изображающего голову малороссиянина с сидящим на ней орлом и саблею под нею,— в бумагах Кулиша и Белозерского найдено еще много других, доказывающих несомненно, что лица сии принадлежат к одним из ревностнейших последователей идей славянизма.

Особенное внимание обращает на себя рукопись Белозерского в виде рассуждения, в котором доказывается, что народы, по завету спасителя, должны быть свободными и если некоторые находятся под властью государей, то это неестественное состояние.

Применяя мысли сии к славянским племенам, сочинитель продолжает, что они должны стараться освободить себя из этого положения и соединиться в общество. Здесь изложены и правила для действий того же смысла, как правила Славянского общества, только распространенные и усиленные ложными рассуждениями. Главным средством, по мнению сочинителя, должно быть распространение образованности в народе, и еще предлагает он склонять к соучастию женщин, которые, как матери, могут иметь самое сильное влияние на детей своих. Вообще эта рукопись или послужила основанием устава Славянского общества, или есть истолкование этого устава. Еще замечательно, что эта рукопись черновая, следовательно, не перебелена с другой, а сочинение того, кто писал ее,— Белозерского.

Принимая же во внимание, что в письме Марковича, найденном у Гулака, Белозерский назван «путеводной звездой к Вифлеему», рождается вопрос: не он ли есть зачинщик или один из главнейших действователей общества?

Далее найден проект просьбы к правительству о дозволении учредить в Малороссии на счет пожертвований училища, преимущественно для казачьих сыновей, дабы преподавать им начальные науки и разливать между ними образование, сообразное низшему классу народа. Хотя эта просьба изложена в благовидных выражениях, но в ней проявляется та же скрытая мысль, что распространение просвещения есть средство возбудить народ к мыслям о свободе.

Между бумагами Кулиша и Белозерского оказалась и та статья о гайдамаках, которою, по донесению студента Петрова, члены Славянского общества надеялись возбудить в малороссиянах прежний воинственный свободный дух, а также несколько стихотворений на малороссийском наречии, сочиненных, как должно полагать, художником Шевченкою; в них говорится о страданиях, о пролитой крови, цепях, кнуте, о Сибири и проч[ее], они исполнены ненавистью к правительству и, вероятно, сочинены с тою же целью — посеевать неудовольствие к властям в народе.

Несколько записок Кулиша о панславизме и возрождении народности, большей частью выписанных из сочинений бывшего профессора славянских наречий в Париже Сургіеn [9] Робера; в них развивается идея о сродстве славянских племен о соединении их в одно целое и средствах к этому соединению. Из одного же листка, писанного Кулишом, виден путь, по которому молодые люди дошли до идеи о славянстве. Сначала они, предаваясь ученым и историческим изысканиям, остановились на мысли возобновлять и поддерживать все народное и древнее, а потом, более и более углубляясь в эту мысль, уже начали считать священными и достойными подражания одни старые обычаи и, наконец, присоединили к этому предположения политические, видя из истории древнюю вольницу некоторых славянских племен и не имея столько практических сведений в управлении народами, чтобы судить, до каких бедствий вольница может довести народы. Вероятно, этим-то путем Гулак, Кулиш, Белозерский и другие молодые люди от ученых трудов перешли к политическим злоумышлениям.

Еще отдельно от прочих письмо Вернадского с эфиопскими буквами. Хотя он сообщал эти буквы для сравнения с глаголитскою азбукою и хотя доселе не замечено, чтобы члены Славянского общества употребляли иероглифические письмена, но означенное письмо принято во внимание на тот случай, если впоследствии откроются бумаги, писанные символическими знаками.

Из бумаг Кулиша и Белозерского еще делаются известными несколько новых имен по Славянскому обществу: чиновник канцелярии киевского военного губернатора Ригельман, ревностно следящий за успехами славянства, учитель Подольской гимназии Чуйкевич, Максимович, Бодянский и другие. Хотя в письмах их везде проявляется главная идея — любовь к славянству, и особенно к Малороссии, но трудно решить, все ли означенные лица участвуют в политических злоумышлениях или некоторые из них только разделяют ученые труды славянофилов. В этих письмах несколько раз упоминается как подающий надежды тот дворянин Чижов, который находится за границею [10] и о задержании которого при возвращении его в Россию уже сделано распоряжение.

Что же касается до Кулиша, то не одни большие бумаги и письма, но даже краткие заметки, где он обозначал адреса или предметы для памяти, показывают, что он предан идее славянизма и находился в связях с людьми неблагонамеренными. Замечая, с кем надобно ему повидаться за границею, он отметил между другими Федора Чижова и в Париже известного польско-

го выходца Мицкевича. Даже свою жену он любит особенно за то, что она по рождению и образу мыслей вполне малороссиянка и знает наизусть стихи Шевченки.

Наконец, в напечатанной книге Кулиша под заглавием «Повесть об Украине» [11], пропущенной цензором Куторгою, находится много мест, показывающих, что он желал бы видеть другой порядок вещей в государстве.

Описывая с восторгом дух древнего казачества, песни малороссийские, в которых выражается любовь к вольности, он старается показать, что этот дух не простыл и доселе таится в малороссиянах; изображает распоряжения Петра Великого и преемников его, вводивших благоустройство в Украине, в виде страшных угнетений и подавления прав свободы. Замечательно еще, что на заглавном листе этой книги напечатано, что она составлена «для детей старшего возраста». Словом, книга эта сочинена Кулишом, видимо, вследствие правил устава славянского общества — приготовлять восстание славянских племен распространением просвещения и воспитанием детей.

Для окончательных улик не оказалось у Кулиша только кольца и образа во имя св. Кирилла и Мефодия.

Выписка из бумаг Кулиша и Белозерского представлена его и. в.

В 11 часов вечера того же 10 апреля доставлен в III отделение из Полтавы бывший студент Киевского университета Навроцкий.

При нем оказалось весьма мало бумаг, и те, кроме одной, состоят из писем, рассказов любовного содержания, ни в каком отношении не важным; одна же замечательная бумага — это стихи на смерть Пушкина соч[инения] Лермонтова, за которые он в 1837 г. был переведен из гвардии в Отдельный кавказский корпус.

Кольца и иконы во имя св. Кирилла и Мефодия не нашлось и у Навроцкого.

Апреля 11

В $^1/_2$ 2 часа пополудни привезен в III отделение из Киева адъюнкт университета св. Владимира Костомаров.

Г[осподин] шеф жандармов лично предложил Костомарову вопросы. Он ответствовал, что ему неизвестно было о существовании общества, но он слышал многие разговоры о славянстве, о соединении славянских племен и подобных предметах. Он обещал написать все ему известное по этому предмету, что ему и дозволено, а между тем приступлено к разбору его бумаг.

В $^1/_2$ 6 часа пополудни того же 11 апреля доставлен в III отделение из Киева студент Андрузский, имеющий 19 лет.

В бумагах его, при поверхностном обзоре оных, найден проект, им самим писаный: «О достижении равенства и свободы, преимущественно в славянских землях». Также разные стихи, большею частью на малороссийском наречии.

Апреля 12

Окончен разбор бумаг Костомарова. В них оказалось:

1. Рукопись, называемая «Закон божий», переведенная им на малороссийское наречие, из Мицкевичевой «Pielgrzymka» [12], но в ней нет ни воззваний к славянам, ни устава Славянского общества.

2. Три легенды о св. Кирилле и Мефодии, записка о панславизме и записка же о славянских народах. В этих бумагах выражены все мысли славянистов о важности и вольности славянских племен в древние времена, о необходимом стремлении их слиться в одно целое и о надеждах, что это слияние рано или поздно непременно совершится.

3. Пять писем Кулиша к Костомарову. Из них видно, что Кулиш выше всего считает свою Малороссию и только о ней одной думает, а Костомаров заботится о всех славянских племенах. От этого происходили между ними ссоры, и Кулиш, опровергая мнение Костомарова о незначительности языка и характера малороссиян, в запальчивых выражениях доказывает чрезмерно великое значение Малороссии, пророчествуя, что перед силой этой страны падут все преграды и она достигнет своей вольности.

4. На нескольких листках малороссийские стихотворения возмутительного содержания и две книги стихов Шевченки, одна рукописная, хорошо иллюстрированная, а другая печатная. В стихах Шевченки также во многих местах проявляются вольные мысли.

5. Рукописная драма на польском языке без означения имени сочинителя; в предисловии этой драмы описаны необыкновенные стеснения, кои будто бы терпели Польша и Литва от сенатора Новосильцева и государя цесаревича Константина Павловича. Драма посвящена памяти трех политических преступников: Соболевского, Дашкевича и Кулаковского, высланных в 1822 г. из Литвы в разные губернии, и самая драма составлена из разговоров между собой тех же преступников, выражающих во всех словах и действиях своих ненависть к нашему правительству.

6. Кольцо с надписью имен св. Кирилла и Мефодия и печать с вырезкой слов: «Иоанна гл. VIII, ст. 32». В этом стихе сказано: «И уразумеете истину и истина освободит вы».

Того же 12 апреля окончено рассмотрение бумаг и студента Андрузского. Между ними оказались:

1. Два проекта, составленные самим Андрузским: «О достижении возможной степени равенства и свободы, преимущественно в славянских землях». В этих проектах Андрузский сначала полагает оставить в России самодержавное правление, ограничив государя только законами, им же изданными; потом ограничить государя представительными властями (депутатами), допущением оппозиционных журналов и проч[ее]; и, наконец, признавал, что лучше ввести республиканское правление. Относительно народных сословий он полагал сначала уничтожить дворянство и оставить одни производительные классы, купечество, цехи и земледельцев, присоединив к ним еще духовенство; потом, не уничтожая дворянство, определить точнее права дворян и принять меры к постепенному выкупу крестьян из крепостного состояния. Нижним воинским чинам он назначает 10-летний срок службы, а потом они должны быть по 5 лет дома и по одному лету в лагере, до конца 20 лет всей службы. В таком роде написаны проекты Андрузского — без системы, без твердых убеждений: сначала говорить одно, а там другое и везде сам себе противоречит. На вопрос: «Отчего это произошло?» — он отвечал, что старался составить лучшее, по его понятиям, государственное постановление, и записывал в тетрадь свою все, что ему приходило в голову.

2. Стихотворения самого же Андрузского, в которых он описывает мнимые бедствия малороссиян и угнетения, будто бы претерпеваемые ими от русских.

Андрузский показал себя самым откровенным молодым человеком. Нимало не скрывая собственных своих заблуждений и сам указывая в своих бумагах все преступное, он с величайшим простодушием изъясняет готовность объявить все, известное ему, о славянистах. При первом, поверхностном допросе он объяснил, что в Киевском университете существует как бы эпидемия политическая: почти все студенты заняты мыслями о государственном преобразовании и у многих находятся проекты разных конституций, что в Киеве Славянское общество имеет две главы: Костомарова и Шевченку, из которых первый принадлежит к умеренной партии, а второй к

неумеренным, что главное правило Шевченки: «Кто предан государю — тот подлец, а кто либерал — тот благородный человек», что славянисты разделяются еще по племенам — на малороссиян, поляков и русских, но из них многочисленны только первые две партии, а из русских занимаются идеями славянизма не более четырех или пяти студентов, что киевские профессора не подают студентам повода к либерализму и читают лекции весьма осторожно, идеи же либерализма привозят к ним молодые люди из столиц, что в Москве считается главный корень славянизма, хотя там с этим не соединяют политических идей, а занимаются только исследованием древностей, наречий и историей славянских племен; Шевченко же распространил в Киеве то мнение, что и в Петербурге, и в Москве все следуют его правилу, то есть всех преданных государю называют подлецами, а либералов благородными людьми.

Писано его императорскому в[ысочеству] герцогу Лейхтенбергскому о доставлении сведений насчет художника Шевченки.

Предложены вопросы бывшему студенту Навроцкому и студенту Андрузскому. Вопросы сии составлены так, чтобы Навроцкий и Андрузский объяснили все, относящееся до Славянского общества и до тех предметов, в коих сами они оказываются прикосновенными к делу.

Генерал-адъютантом Бибиковым доставлены показания, снятые в Киеве с студентов Посяденка и Тулуба, а также замечательные бумаги, найденные у первого из них. К рассмотрению бумаг сих немедленно приступлено.

Апреля 13

Окончено рассмотрение показаний и бумаг Тулуба и Посяденки. Первый отозвался на все главные вопросы о славянстве незнанием, а прочие объяснения его не заключают в себе ничего важного. Напротив того, бумаги Посяденки обращают на себя особенное внимание.

В одной записке Посяденки малороссияне размышляют, не лучше ли им пристать к полякам и, изъявляя опасение, чтобы от этого не было хуже, продолжают, что они будут помышлять о своей родине и готовы пролить за нее казацкую кровь.

В двух черновых просьбах, которые Посяденко полагал представить государю императору и одному из министров, он описывает бедствия малороссиян, выражает плач их об этих бедствиях и о потере свободы; по его словам, Малороссия есть самая несчастная страна в мире, и, между прочим, он намекает, что найдутся люди, которые готовы за нее положить жизнь свою.

В черновом письме к учителю Полтавской гимназии Боровиковскому Посяденко извещает его о составляющемся обществе. Из письма его видно, что общество предположено учредить в Киеве, что на первый раз уже имеются в виду 15 человек, что общество соберет и будет иметь свои деньги, печатать на эти деньги сочинения, сначала историю Малороссии на малороссийском языке, при составлении которой принята будет в основание уже напечатанная на русском языке повесть об Украине, соч[инения] Кулиша [13], потом священную историю и другие книги,что общество будет стараться распространить круг читателей означенных книг и образование в том же духе. Славянисты ожидают, что общество их распространится быстро, что на Полтаву можно надеяться еще более, нежели на Киев, а Чернигов пойдет в этом деле еще выше, что самая Москва не откажет им во внимании и там Бодянский (профессор Московского университета) уже горячо принялся за дело, что и всякой малороссиянин не откажется помогать в деле общем.

Хотя Посяденко в показании своем объясняет все упомянутые бумаги в благовидном смысле, утверждая, будто бы сбор денег и общество составля-

ются только для литературных предприятий, но начальство киевское напрасно основалось на его показании и не доставило его самого в С.-Петербург [14], ибо Посяденко представляется лицом значительным и бумаги его могут повести к важным открытиям по настоящему делу.

Составлены 79 вопросов для учителя Кулиша по содержанию бумаг его и собственных его писем, найденных [у] Гулака и Костомарова, также и вообще о Славянском обществе.

По этим вопросам он был допрашиваем и на первые 13 уже дал ответы.

Апреля 14

Сообщено генерал-адъютанту Бибикову высочайшее повеление о немедленном доставлении из Киева в С.-Петербург студента Посяденко, а генерал-адъютанту кн. Долгорукову — о взятии в Борзне, Черниговской губ., у Николая Белозерского всех бумаг, оставленных у него учителем Кулишом, и о доставлении оных с нарочным в III отделение.

Учителю Кулишу сделаны были еще 36 вопросов, на которые он и дал ответы.

Бывший студент Навроцкий и студент Андрузский написали все ответы на предложенные им вопросы.

Навроцкий в своем показании ни в чем не сознался. Он утверждает, что если иногда слыхал от многих лиц рассуждения о славянстве, то единственно ученые, о тайном же обществе соединения славянских племен и государственном преобразовании будто бы решительно ничего не знает. Отрицая имеющиеся по делу против него показания, что он в Киеве в собраниях у Гулака разделял преступные разговоры собеседников, слушал чтение рукописи «Закон божий» и жаловался на недостаток средств к распространению идей ее, Навроцкий и явную против него улику, собственное письмо его, в коем он говорит, что в Малороссии легко можно найти людей с таким горячим сердцем, что от одной искры вспыхнет любовь к родине и может сжечь целый свет, объясняет, будто бы он здесь говорил только о возможности найти в Малороссии достойных людей и об украинской поэзии.

Напротив того, Андрузский в показании своем, можно сказать, вылил всю свою душу. Нисколько не скрывая собственных слабостей и даже преступных намерений, этот молодой человек с откровенностью объявил о Славянском обществе, соучастниках и действиях их все, что ему известно.

Вот сущность его показаний:

Славянское общество, начавшееся, кажется, в 1839 г., имело главной целью соединение всех славянских племен воедино по образцу Соединенных Штатов или нынешней конституционной Франции.

Русские не занимаются идеею славянизма. Польские уроженцы имеют своею целью восстановить королевство по Днепр и Южную Двину; впрочем, и они ограничиваются одними словами и надеждами. Более же действовали малороссияне, которые желают восстановить гетманщину, если возможно, в независимости от прочих славянских племен.

Перевес в деятельности малороссиян был так велик, что Славянское общество почти потеряло из виду главную цель — соединение всех славянских племен — и заботилось только о Малороссии, восстановлении ее народности, языка и даже независимости.

Первым средством к достижению своей цели общество признавало распространение образования в простом народе, образования в духе древней, украинской свободы. Для этого оно намерено было заводить училища в волостях, перепечатывать старые и сочинять новые книги на малороссийском языке и издавать журнал. Для этого же они собирали деньги, приглашая каждого к пожертвованию, взнос был значительный и не прекращался. Несмотря на это, средства общества были слышком малы: оно не могло издать

не только журнала, даже альманаха, притом же усердие некоторых членов, сначала пылкое, иногда охладевало.

Вторым средством общество полагало примирять племена, исторически враждебные. С этой целью оно разыскивало акты, допускало всевозможные оправдания проступков одного народа против другого, извиняя их временем и обстоятельствами.

Последствием всего этого, по словам Андрузского, должен был повториться 1825 г. «Долго ли ходить на ходулях, —говорит он,— лучше хотя хромать, да на своих ногах». Впрочем, Андрузский прибавляет, что о намерении относительно государя он не знает и не подозревает.

Главные представители Славянского общества были умеренной партии — Костомаров и его последователь Гулак,— неумеренной — Шевченко и Кулиш.

Костомаров, сын малороссиянки и воспитанный в Украйне, пристрастился сначала к малороссийскому языку, потом к истории Украйны. Начитавшись о древней вольнице этой страны и о новых революциях в европейских государствах, он, естественно, перешел к либерализму и неодобрению монархического правления. Впрочем, он был не тверд в своем направлении: то хотел издавать журнал в видах общества — и не издавал, то печатать старые песни или книги — и не печатал, то углублялся в историю или преисполнялся религиозности, забывая о Славянском обществе. «Может быть,— прибавляет Андрузский,— все и уничтожилось бы, но судьбы определили иначе!»

Гулак, друг Костомарова, в Дерптском университете напитался вольных мыслей, но слыл добрейшим человеком. Подробностей о нем Андрузский не знает.

Шевченко, из помещичьих крестьян Киевской губернии, кажется, выкупленный на волю государем великим кн. Михаилом Павловичем, воспитывался в Академии художеств, но сделался известен в Малороссии своими стихотворениями. «Его поэтическая слава,— говорит Андрузский,— гремела по всей Малороссии, его ставили выше Жуковского, надеялись иметь в нем своего Шиллера. Об нем все приверженцы Славянского общества имеют чрезвычайно высокое мнение, между прочим и потому, что он часто читал им стихи в вольном духе и пасквили. Он имел большое влияние на общество: с приездом его в Киев все замыслы приходили в движение, с отъездом его из Киева все приостанавливалось. Даже в то время, когда «кутил напропалую во всех концах Малороссии», он письмами понуждал общество к деятельности. Всех монархистов он называл подлецами.

Кулиш, судя по выражению, сказанному им на вечере у Костомарова: «Эти мне кацапы» — и по беспрерывным занятиям его историей Малороссии, ничего знать не хочет, кроме Малороссии. Характера он горячего, любит скорую деятельность и Шевченку признает величайшим поэтом.

Из последователей этих четырех представителей Андрузским поименованы:

Белозерский, в полном смысле ученик Кулиша. Он был обязан в Полтаве распространять идеи общества.

Навроцкий, человек горячий, но без характера, придерживался того, кто громче кричит, и потому держался мнений Костомарова.

Маркович боготворил гетманщину и славянизм, собирал сказки, притчи, у него можно было заслушаться малороссийских песен.

Посяденко (он же Посяда), происходя из крестьян, задумал во что бы то ни стало облегчить положение этого сословия; ненавидит дворян, считая их притеснителями, и монархизм, как потворствующий оному. Впрочем, будучи души мягкой, он нередко уступал в спорах и соглашался действовать открыто, с помощью правительства. Вследствие этого он приготовил прось-

бы на имя государя императора и к министру финансов, намереваясь гласно высказать все злоупотребления местных начальств. Он более желал облагородить жизнь простого народа, нежели восстановить Малороссию, хотя это была его задушевная дума и молитва. Негодуя на грубое духовенство, он однако же дорожит всем православным и предполагал шляхту-католиков обратить в православие, с предварительного разрешения правительства.

Пильчиков до отъезда в Полтаву бредил одной республикой, но в последние полгода только и слышно было, что завел в Полтаве маслобойню.

Судовщиков, всегдашний гость Костомарова, действовал только на словах; о нем можно сказать, что он был, едва ли не для каждого, ни более, ни менее, как N.

Студент Загурский был знаком с славянистами, но он столько робкий человек, что показание против него скорее можно почесть за клевету, нежели за истину.

Говоря об увеличении одного из этих молодых людей (Навроцкого) к преступной цели, Андрузский сказал весьма замечательное выражение, которое можно отнести ко всем им: «Молодость прошла бы, лета охладили бы, и он обратился бы в доброго, смиренного малороссийского помещика».

О себе Андрузский говорит; что он, начав с молодых лет писать стихи, вовлекся в возмутительные мысли от чтения стихотворений Шевченки; сначала он гнушался подобными мыслями, потом спорил против них, а наконец, мало по малу привыкая к ним, усвоил их себе, так что после того не мог писать иначе, как в возмутительном духе. Это довело его до того, что он из всякого чтения извлекал одни дурные заключения и считая, что «все худо», вздумал составлять проекты конституции. «И я,— говорит Андрузский,— дитя, решился дать совет высокому царственному мужу, составить предположение и поднести ему, углубляясь более и более (в проекты), я незаметно отдалялся от своего доброго намерения, посягнул на титло законодателя и передо мной все стало в ничто: царя ограничил, царя уничтожил... Неисповедимый промысл остановил меня над самой пропастью, время дало одуматься, и я рад бы слезами смыть строки, прежде написанные мной. Но да будет воля царская. Благословлю милующего и карающего благословлю; я заслужил кару».

Андрузский говорит еще, что Славянское общество особенной организации не имело, держалось доброю волею каждого, а не положениями и уставами. Как из бумаг, найденных у других лиц, известно, что общество имело свои правила и устав, на основании которых о существовании и составе общества объяснялось только тем, которые подают надежды, то вероятно, что Андрузский еще не был введен во все таинства, а потому показания его могут быть в некоторых случаях не точны и нельзя считать их окончательным объяснением дела.

Всеподданнейше доложено государю императору относительно киевского военного губернатора, с приложением копии возмутительного содержания «К верным украинцам» [15], которое было прибито в Киеве к забору одного дома. При этом случае его величество соизволил отозваться, что генерал-адъютанту Бибикову было бы нужно отправиться к месту его служения. Между тем Бибиков предупредил высочайшее желание и сам объявил, что предполагает немедленно ехать в Киев.

Апреля 15

Вследствие представления генерал-адъютанта Бибикова, что отношения к нему Киевского университета не довольно определены и что в настоящее время между некоторыми лицами из малороссиян, учащими и учащимися в Киеве, открылось вредное направление, государю императору благоугодно было высочайше повелеть, дабы уп авление Киевским учебным окру-

гом на некоторое время было во всех отношениях подчинено генерал-адъютанту Бибикову под гласным наблюдением министра народного просвещения. Монаршая воля сия объявлена к надлежащему исполнению гр. Уварову и Бибикову.

В 11 часов утра доставлен в III отделение из Полтавской губернии Новоархангельского уланского полка поручик Ашанин.

При нем найдено весьма мало бумаг, и они немедленно рассмотрены в III отделении. Бумаги его состоят из писем к нему родственников, товарищей и знакомых, из служебных бумаг и домашних счетов. Все они не заключают в себе ничего противузаконного. Равным образом нет в его бумагах писем ни одного из тех лиц, которые доселе известны по делу о Славянском обществе, и даже того письма, в котором Гулак выразился, что он полагает его, Ашанина, «способным соделаться когда-нибудь великим, или завоевателем, или монархом».

В вещах Ашанина не оказалось ни кольца, ни образа во имя св. Кирилла и Мефодия.

Ему были предложены вопросы, на которые он отвечал словесно и письменно, и совершенно рассеял возникавшее против него сомнение.

По его объяснению он имел переписку с Гулаком потому, что последний ему двоюродный брат и в малолетстве учился с ним вместе. Назад тому года два, описывая желание поступить в военную академию, Ашанин выражал надежды свои на успехи по новой службе, а Гулак в ответ поместил мысль из записок Казановы, что человек при твердой и сильной воле может достигнуть всего, даже сделаться великим, или завоевателем, или монархом; Ашанин же понял это письмо не более, как в том смысле, что родственник его желал поощрить его к усердной службе и к достижению того, на что каждый из служащих русскому престолу может надеяться.

Впрочем, вся переписка Гулака с Ашаниным ограничилась двумя или тремя письмами, а в последнее время между ними не было никаких сношений, и Ашанин не только не знал, но даже не подозревал ни о каких политических замыслах Гулака.

Кулиш написал ответы на последние 30 из предложенных ему вопросов.

Его императорское высочество герцог Лейхтенбергский уведомил, что Шевченко учился в Академии художеств с 1838 по 1845 г., признан художником и с того времени, занимаясь свободно искусствами, не зависит от академии; что он имеет дар к поэзии и на малороссийском языке написал стихотворения, уважаемые людьми, знакомыми с малороссийским языком и прежним бытом Украйны; что он почитался всегда человеком нравственным, быть может несколько мечтателем и чтителем малороссийской старины, но предосудительного насчет его не доходило до сведения академии.

Генерал-адъютант Бибиков известен, что он послал в Киев эстафету с предписанием о немедленном доставлении в С.-Петербург студента Посяденка.

Апреля 16

Рассмотрены и переведены с малороссийского на русский язык из числа стихотворений Шевченка: 1. «Кобзарь»; 2. Перебендя [16]; 3. «Катерина»; 4. «Тополь».

Кобзарь, бедный мужик-музыкант, сетует, что песни его ложатся на бумагу, что никто не поймет их. Ему не хотелось петь вне родины, в снегах, и он оставляет свои песни на Украйне, где была свобода и где теперь, над выросшею могилою сторожит черный орел. Там песни его найдут привет и славу и он, скрытно от врагов, поливать будет слезами чужое поле, пока не засыплют его чужим песком.

Перебендя, слепой бандурист, грустит и поет в степи о былом и об уничтожении Запорожской Сечи.

Катерина. Наибольшая поэма, посвященная В. А. Жуковскому. Героиня этой поэмы полюбила русского и прижила с ним сына, но русский ушел в поход и не возвратился. Она ждет, плачет, соседки над ней смеются, родители выгоняют из дому. Катерина с младенцем на руках идет в Россию отыскивать своего Ивана. Прохожие стращают ее Россиею, русские насмехаются. Наконец, она встречает Ивана, но он не хочет ее слушать и уезжает. Она оставляет дитя среди дороги, а сама бросается в воду и утопает.

... Мальчик водит нищего-бандуриста по Киевской дороге; мимо их проезжает Иван с женою и семейством и узнает в малютке своего сына, но отворачивается от него.

Поэт советует девицам не любить русских: они чужие, введут в беду, насмеются и уйдут.

На свете нет счастья, нет свободы — того и другого не знают и те, которые царствуют...

Хотелось бы любить людей, но они одного связывают, другого режут — некуда деваться; он зальет несчастье серебряными слезами, а неволю ногами затопчет.

Эта пьеса возбуждает ненависть к русским. Мысль поэта, кажется, была та, что казаки-запорожцы, как брошенные обольщенною и презренною матерью сироты, остались в степи, без отечества, с горем и нищетою.

Тополь. В степи, на краю дороги, гнется от ветра стройная тополь; она выросла одинокая и погибает, как сирота на чужбине.

Автор рассказывает девицам, как эта тополь выросла.

Девица любила казака, он оставил ее и скрылся. Проходит два года, она все ждет его и вянет. Мать хочет выдать ее за богатого старика, но дочь не соглашается и идет к ворожее. Старуха дает ей напиток от болезни и для возвращения казака; девица не дождала его, и зелье превратило ее в тополь. Певец запрещает девам узнавать будущее: сердце знает, кого любит, пускай вянет — жизнь недолга.

Апреля 17

Составлен свод показаний Кулиша на предложенные ему 79 вопросов.

Он не дал никаких фактов для объяснения Славянского общества, потому что на главные вопросы о тайном обществе, замыслах и действиях оного отозвался совершенным незнанием. В бумагах, привезенных с ним из Варшавы, оказались и рукопись «Закон божий» с революционными в конце воззваниями и тетрадь преступнейшего содержания, в которой объяснены с доводами и убеждениями все правила Славянского общества, и проект учреждения школ для простого народа в Малороссии, и стихотворения возмутительного содержания, но он доказывает, что не знает и никогда не видывал этих бумаг и что они, быть может, принадлежат Белозерскому. Действительно, между бумагами Кулиша находятся многие и шурина его Белозерского, ибо последний в Варшаве жил с первым на одной квартире, и все бумаги их вместе доставлены в III отделение.

Сколь ни невероятно, чтобы Кулиш, дружный с Белозерским еще до женитьбы на сестре его, потом ехавший с ним из Малороссии в Варшаву и живший там на одной с ним квартире, не зиал ни о бумагах, ни о преступных мыслях своего товарища, но Кулиш утверждает, что доселе не имел ни малейшего понятия о Славянском обществе и политических замыслах.

Такие решительные оправдания Кулиша тем более сомнительны, что в его собственных письмах, бумагах и даже напечатанных сочинениях находится много мест или весьма сомнительных, или почти прямо указывающих на какие-то замыслы. Несмотря на то, Кулиш всему дает истолкование

в таком смысле, что означенные места вовсе не относятся ни до общества, ни до политических замыслов; все, по его словам, касается только литературы, исторических изысканий и других ученых предметов. Например, слова в письме к Гулаку, которого он приглашал приехать в Петербург («здесь между Москвой и Петербургом решаются два великие современные вопросы»), Кулиш объясняет так, что в Москве ученые преимущественно занимаются славянской народностью, а в Петербурге общим европейским образованием, и это-то он называет великими современными вопросами! Под выражением: «Будет время, когда от одного звука трубы ее (Малороссии) падут стены и твердыни, для разрушения которых вы считаете необходимым оружие»,— он будто бы разумел малороссийскую литературу, от влияния которой помещики малороссийские сами даруют крестьянам своим свободу; слова: «явятся новые из народа, явятся сердца святые, которым сама природа внушит без науки любовь к родному»,— он говорил будто о поэтах, кои могут родиться в простом звании; под «развитием племенных начал», под «зерном, брошенным в землю и пустившим уже глубоко корень», под «развитием, которое должно начаться в действователях и потом перейти к народу» — он разумеет язык, нравы и обычаи малороссийские, которые улучшатся от сочинений литераторов сначала в высшем, а потом в низшем сословии;— письма, где упоминается о заведении школ и о сборе денег,— он объясняет так, что школы предполагалось заводить только для образования простого народа, без всякой другой цели, а деньги собирались для издания сочинений в пользу того же народа и проч[ее]. Дабы показать, сколь натянуты объяснения Кулиша, довольно привести ответ его на вопрос, для чего он записал в памятной книжке своей имя мятежника Мицкевича? Кулиш пишет: «О Мицкевиче я записал не с тем, чтобы видеться с ним, а единственно из свойственного путешественникам любопытства видеть все за границей, от кого же я узнал о месте жительства его в Париже, того не помню».

Как по некоторым предметам невозможно было показать себя совершенно невинным, ибо в бумагах и книгах Кулиша находятся выражения, исполненные вольных мыслей, то здесь, сознавая вред, который может происходить от этих мыслей, он изъявляет полное раскаяние, объясняя, что все это произошло от любви его к родине, что эта любовь, как он ныне сам видит, действительно превосходила должную меру, увлекла его за пределы благоразумия и до чрезмерных надежд насчет значения языка и народа Малороссии; что ныне, когда указаны ему упомянутые места, он сам с ужасом видит, что в них многое кажется злонамеренным, что, впрочем, высокие мысли о родине, доведшие его до неправильных суждений, никогда не вовлекали его ни в какие преступные замыслы, не ослабляли в нем любви к общему отечеству, России, и благоговейной преданности к государю императору. В заключение он клянется, что не причастен преступному направлению и что ему вовсе не известно было о существовании Славянского общества.

Неискренность Кулиша обязывает не упускать из вида при дальнейшем развитии дела отыскание новых улик против него, тем более, что он, по показанию Андрузского, не только участвовал в Славянском обществе, но был, вместе с Шевченкою, представителем неумеренной партии.

Г[осподи]н шеф жандармов приказал уведомить г[осподи]на наместника Царства Польского о ходе дела насчет Славянского общества, описав все подробности, открываемые следствием, и всех лиц, прикосновенных к делу. Приказание это исполнено.

В 3 часу пополудни доставлен в III отделение из Киева художник Шевченко со всеми его бумагами, и к разбору оных тотчас было приступлено.

Бумаг у него не оказалось таких, которые бы прямо относились к Славянскому обществу и поясняли бы дело, равно нет и писем особенно важных

но стихотворения его заключают в себе самые наглые дерзости, устремленные против государя императора и вообще русских, возгласы о мнимом угнетении малороссиян и возмутительные мысли о прежней свободе его родины.

При первоначальном словесном допросе Шевченко, соглашаясь в неблагопристойности своих сочинений, сам называл их «мерзкими». При этом виновный рассказал случай, по которому он получил свободу из крепостного состояния. Карл Брюллов написал портрет В. А. Жуковского, который представил его государю императору. Его величество и прочие члены августейшей фамилии сделали складку и деньги послали через Жуковского Брюллову, а Брюллов на эти деньги выкупил Шевченку на свободу. Убежденный в III отделении, Шевченко еще более почувствовал раскаяние в гнусной неблагодарности своей к особам, оказавшим ему столь важную милость.

Впрочем, раскаяние это ограничилось только в отношении стихотворений; во всем же прочем, о Славянском обществе и участии в оном, Шевченко показал упорное несознание, отзываясь, что ему не было известно ни о каких замыслах друзей его.

В описании показания Кулиша опущено одно важное обстоятельство, относящееся до рисунка, с изображением отрубленной головы малороссиянина и сидящего на ней орла. По объяснению Кулиша, рисунок этот сделал он, но означает будто бы мысль одной из многих малороссийских песен, в которых говорится о падшем на поле битвы казаке и орле, клюющем ему глаза.

Апреля 18

Препровождены к киевскому военному губернатору копии с двух писем служащего в его канцелярии чиновника Ригельмана, кои найдены в бумагах Кулиша и наводят сомнение, что и означенный чиновник должен принадлежать к Славянскому обществу, с тем чтобы уведомил, какое распоряжение будет сделано и что откроется относительно Ригельмана.

Г[осподи]н шеф жандармов, сообщив генерал-адъютанту Бибикову, что правитель его канцелярии Писарев может отправиться с ним в Киев, просил объявить Писареву благодарность за труды, понесенные им при производстве в III отделении исследования о Славянском обществе.

По высочайшему повелению поручик Новоархангельского уланского полка Ашанин, как совершенно оправдавшийся в том сомнении, которое на него упадало, освобожден из-под ареста, и военному министру сообщено как всемилостивейшее пожалование ему годового жалования, так и об обратном отправлении его, с тем чтобы означенный случай не имел для него ни малейших неприятных последствий по службе.

Адъюнкту Костомарову предложены 15 дополнительных вопросов, извлеченных из бумаг его и писем других лиц, кои представляют сильнейшие улики, что он был не только участвующим, но одним из главных действователей в Славянском обществе.

От генерал-адъютанта Бибикова получены показания, снятые в Киеве с студента Посяденка и бывшего студента Марковича, равно и бумаги последнего.

Посяденко, в дополнение прежнего показания своего, объясняет, что Костомаров еще после пасхи 1846 г. говорил ему о предположении составить общество в духе славянском и читал несколько проектов вроде устава; что через несколько дней после того у того же Костомарова Гулак и Навроцкий, рассуждая о предполагавшемся обществе, говорили, что должно назвать его обществом св. Кирилла и Мефодия и придумать какой-либо символ.

По этому предмету включен новый вопрос в предложенные Костомарову вопросы.

Маркович в показании своем ни в чем не сознался, объясняя только, что он был знаком с Гулаком, Кулишом, Навроцким и у них встречал Костомарова, Белозерского, Посяденку и других, но разговоры их относились до одних наук и обыкновенных предметов жизни, кроме того, что иногда рассуждали о положении крепостных людей, необходимости эмансипации их, образовании крестьян, издании для народа чтения и учебников и что для последнего был сделан небольшой денежный сбор.

В бумагах Марковича же находятся письмо Гулака и несколько писем Кулиша и Белозерского, наполненных теми намеками на замыслы, кои проявляются во всех их письмах, и тетрадка стихов возмутительного содержания.

Сверх сего обращают на себя внимание два новые лица: Тарновский (помещик Киевской губернии) и Затыркевич [17] (чиновник Полтавской уголовной палаты).

Гулак, между прочим, писал к Марковичу, что Тарновский «составил превосходную статью о крестьянстве в Малороссии, выразив постепенный переход из вольного состояния в безусловное рабство, прежние патриархальные отношения помещиков и подданных и унижающие картины современного изуверства».

Затыркевич в письме к Марковичу, говоря, что прежде всего надобно привести частные интересы Малороссии в соприкосновенность с общими интересами человечества, продолжает: «Различиям гражданских состояний приписывается столько важности, что равенство всех людей в идее человека, перед которым все политические различия исчезают, как величины бесконечно малые, равные нулю, не признается; звание дворянина или чин (хотя бы коллежского регистратора) ставится выше человеческого достоинства, отсюда весьма естественно происходят и самовластие людей высшего класса и рабство низшего. В этом отношении религия может дать все, чего не достает теперь; она не дает людям исключительного господства, не допускает ни тирании, ни рабства. Прежде всего следует пробудить в человеке сознание человеческого достоинства, тогда они соединятся между собой для стремления к общей цели».

В бумагах Марковича замечательны еще письма сестры его, по мужу фон Кирхштейн. Называя брата своего славянофилом и опровергая его мнение, она весьма умно доказывает грубость и непристойность стихов Шевченки, ничтожность языка малороссийского, говорит, что гораздо лучше писать на языке русском, как более образованном, и что патриотизм она разумеет в любви не к одной какой-либо губернии, а к целому государству. Письма г-жи фон Кирхштейн отличаются умом, правильностью суждений и истинным русским патриотизмом.

Маркович оставлен в Киеве под присмотром, в ожидании дальнейших приказаний. Сверх вышеобъясненных собственных его бумаг и в бумагах других лиц находится много обстоятельств, доказывающих значительную прикосновенность Марковича к делу о Славянском обществе.

Во 2 часу пополудни доставлен из Варшавы бывший учитель Полтавского кадетского корпуса Белозерский, и тотчас приступлено было к рассмотрению его бумаг.

В этих бумагах не оказалось ничего важного и сомнительного. Незначительность их объясняется тем, что все важные бумаги Белозерского уже захвачены были прежде в числе бумаг Кулиша, жившего с ним в Варшаве на одной квартире, и если бы у него оставались бумаги преступного содержания, то он мог уничтожить их тотчас после арестования Кулиша.

При первоначальном словесном допросе Белозерского, хотя он объяснялся не совершенно искренно и в общих выражениях, но не доказал и упорного запирательства, так что при дальнейших убеждениях, быть может, он доведен будет до сознания.

Для ускорения прекращения ареста поручика Бушена, прежде полного допроса Белозерскому, предложен был ему один только письменный вопрос насчет Бушена и потом обоим им дана очная ставка.

В показании и на очной ставке Белозерский объяснил, что он в письме своем к Гулаку называл Бушена умным и благородно действующим молодым человеком, упоминал, что слышал от него дельные мысли и что он единственный человек, от которого можно ожидать, что со временем переведет слова в дело, только потому, что Бушен действительно казался ему офицером умным, занимающимся дельными предметами и что между ними, кроме разговоров общих или относящихся до наук решительно никаких не было. То же самое подтвердил и Бушен. В этом случае Белозерский объяснялся столь искренно и показал столько сожаления о положении, в которое он своим письмом, необдуманно написанным, ввел Бушена, что в невинности сего последнего невозможно сомневаться.

Апреля 19

Из числа стихотворений Шевченки рассмотрены и переведены с малороссийского на русский язык: 5. «Элегия», 6. «Основьяненке», 7. «Иван Подкова», 8. «Тарасовская ночь».

Содержание и достоинство этих пьес следующее:

5. «Элегия» заключает в себе сетование обманутой девицы: «тяжко жить сироте, никто не принимает в ней участия, не смотрят на ее слезы. Несите, ветры, плач ее к изменнику».

Смысл этой элегии объясняется в послании к Основьяненке.

6. «Основьяненке». Сирота-Украйна, она плачет и никто этого не видит; лютый враг смеется над ней — все погибает. «Тяжело жить с русскими, бороться с ними нет силы».

Могилы спрашивают у ветров: «Где казацкие дети?» — и призывают их... «Не возвратятся! — отвечает море,— они погибли». Правда, продолжает автор, не возвратятся, ни свобода, ни гетманы; но слава разгласит, что произошло и чья правда!

Обращаясь к Основьяненке, поэт спрашивает, верны ли эти слова и приглашает его петь о былом, чтобы весь свет узнал о славе и погибели Украйны.

7. «Иван Подкова» — небольшое стихотворение в двух отделениях, по-видимому не конченное.

Под начальством гетмана, прозванного Подковою, запорожцы отправились на разбой в Царьград. «Умели запорожцы господствовать,— восклицает Шевченко,— умели приобретать свободу и славу! — Хорошо было в Украйне, но миновалось это время, остались одни могилы!»

8. «Тарасовская ночь». В кругу молодых людей поет музыкант, что Украйна была под игом поляков; гетманы погибли, вера продана жидам.

Тарас Трясило [18] вызвался спасти отечество и побежден, но потом, напав ночью на ляхов, истребил их.

Эта пьеса написана с явной целью сравнения тогдашнего быта Малороссии с настоящим. Автор говорит, что казаки под властью русских, и восклицает: «Украйна! Болит сердце о твоей участи! Где твоя свобода, гетманы, казачество? Разве море затопило твои горы, могилы. Они молчат,— плачьте казацкие дети!»

По высочайшему повелению сделано распоряжение о снятии копий со всех показаний и описей бумаг по делу о Славянском обществе для соображений генерал-адъютанта Бибикова, которому сообщено, что копии сии будут пересылаемы к нему по мере изготовления оных.

С высочайшего разрешения поручик Бушен, как оказавшийся совершенно не причастным к Славянскому обществу, освобожден из-под ареста, и военному министру сообщено как о всемилостивейшем пожаловании Бу-

щену годового жалованья, так и о том, чтобы случай этот не имел для него ни малейших неприятных последствий по службе.

Генерал-адъютант Бибиков доставил пакет, полученный в Киеве на имя Костомарова; в этом пакете находятся письма профессора Харьковского университета Метлинского и записка учителя Харьковской же гимназии Тихоновича.

В записке Тихоновича нет ничего важного, а Метлинский сообщает Костомарову сведения о собираемых деньгах для издания книг и мнение, что было бы лучше для распространения сочинений, относящихся до Южной России и славянства, составить общество с соблюдением законных форм, по примеру общества географического, испросив на это дозволение правительства. С тем вместе Метлинский прилагает стихи сочинения Александрова, возмутительного содержания, посвященные Шевченке, и просит Костомарова передать их ему.

Костомарову предложен вопрос по содержанию означенных писем.

Переписывались ответы Костомарова, уже оконченные, на все прочие данные ему вопросы; также составлены подробные вопросы Шевченке и Белозерскому, которые и предложены им для составления ответов.

Апреля 20

Адъюнкт Костомаров окончил ответы на предложенные ему вопросы. Показания его составляют соединение, видимо, ложных объяснений, противоречий, темных полусознаний и общего запирательства. Главное старание его устремлено на то, чтобы все объяснить в дозволенном виде и выставить себя человеком невинным; но он между тем невольным образом высказал против себя столько обвинений и, говоря ложное, столько спутался, что сам себя описал почти в том же виде, в каком является из всех сведений по делу о Славянском обществе, т. е. одним из важных лиц в злоумышлении славянистов.

Костомаров подтверждает, что им изобретены кольца с вырезкой имен св. Кирилла и Мефодия, и хотя присовокупил, что это сделано им единственно из уважения к памяти первых просветителей славян, но далее сам говорит, что он советовал Гулаку и Белозерскому сделать себе такие же кольца, изъявляя перед друзьями своими сожаление, что во имя Кирилла и Мефодия у нас ни образов не делают, ни церквей не строят; следовательно, мысль о кольцах и образах Кирилла и Мефодия возникла от него.

У самого Костомарова и Гулака найдены экземпляры рукописи, называемой «Закон божий», переписанные рукой Костомарова, который сознался, что он перевел эту рукопись частью с польского, а частью с малороссийского наречия. Эта рукопись, содержания преступнейшего, соединяя в себе все мысли коммунистов и правила революционеров с возмутительными воззваниями в конце к славянским племенам, содержит в себе все основы тайного общества, а в одном из воззваний помещены те самые правила, из которых состоит устав Славянского общества, найденный у Гулака.

Костомаров объясняет, будто-бы он эту рукопись перевел и переписывал как факт замечательный исторический; но появилась эта рукопись, пошла в обращение между другими и сделалась основой устава тайного общества от Костомарова.

В нескольких местах своего показания Костомаров говорит, что он решительно не знал ни о каком Славянском обществе и что беседы его с друзьями ограничивались одними учеными рассуждениями о славянах, без всякого общества; потом, что Гулак объявлял ему о намерении составить общество и называть круг друзей своих Славянским обществом, а Маркович, Посяденко и Навроцкий разглашали, что они уже составляют общество, хотя он, Костомаров, уговаривал их не употреблять слова «общество»,

как противное законам, и считал разглашения их не более, как бредом; в последнем же ответе своем объясняет, что он сам предлагал учредить будто бы законным порядком общество при университете св. Владимира для разысканий о древностях и славянских племенах, полагая назвать его обществом св. Кирилла и Мефодия, по примеру тому, как университет назван во имя просветителя России св. Владимира, и что это, быть может, заставило других делать и считать его учредителем тайного общества. Следовательно, Костомаров знал о злоумышленном обществе и, рассуждая об учреждении какого-то законного общества, подал молодым людям мысль учредить общество противузаконное под именем, им же изобретенным, св. Кирилла и Мефодия.

Сознаваясь, что соединение славянских племен было всегда предметом его размышлений, Костомаров сначала говорит, что мнение его было, дабы все эти племена соединились под скипетром российского императора, и что в душе своей он всегда желал славы и первенства законному отцу — государю и любезному отечеству своему — России; потом, что он имел в виду идею славянского соединения в одну федеративную монархию, то есть, чтобы все славянские народы были соединены с Российской империей на таком основании, на каком ныне состоит Царство Польское; иногда же увлекался вопросами об аристократии и демократии, не в смысле правительства, а в смысле сословий, и в своих суждениях всегда был на стороне демократического, то есть простого класса. Сколь ни смягчает Костомаров это сознание, но оно показывает, что предметы рассуждений его были не чисто ученые, а политические и обнаруживают в нем стремление к преобразованию существующего порядка вещей.

Стараясь все действия свои и других славянистов представить только в виде учебных занятий и рассуждений, Костомаров говорит, что он не замечал в них ничего злоумышленного, коварного и либерального, тогда как на предыдущей странице сам написал, что Гулак обнаруживал склонность к либерализму, занесенную им из Дерпта, и в особенности страсть к корпорациям и обществам.

Если письма разных лиц, прикосновенных к делу о Славянском обществе, и собственные объяснения Костомарова показывают, что он спорил с Кулишом, то в этих спорах он не удерживал Кулиша от преступного направления, а только осуждал в нем старания и заботы об одной Малороссии, доказывая, что должно заниматься идеей о всех славянских племенах. Кулиш хотел восстановить гетманщину в Украйне, а Костомаров — федеративное правление во всех славянских землях.

У Костомарова находились сочинения Шевченки, в том числе «Сон», самое наглое стихотворение, исполненное бесстыднейшею бранью против особ императорского дома, и Костомаров говорит, будто бы он держал у себя эти стихи только для языка малороссийского, не разделяя гнусных мыслей сочинителя. Сколько невероятны и противоречат сами себе объяснения Костомарова, довольно выписать показания его насчет другого найденного у него и столько же преступного сочинения — драмы, в предисловии к которой помещены клеветы на правительство, а в самом изложении выведены действующими лицами политические преступники. «Драма,— говорит Костомаров,— писанная на польском языке, Мицкевича; я ее не читал, бывши учителем, отнял ее у ученика, который инспектором был наказан. Я ее никому не давал и не показывал, а хранил у себя на основании дозволения профессорам иметь запрещенные сочинения, но что в ней я до сих пор не знаю; знаю только, что она Мицкевича по заглавию «Дзяды». Здесь что ни мысль, то неправда или противуречие!

Между прочим, Костомаров старается доказать и то, что Славянского общества, вполне сформированного и утвердившегося, еще не было; что

Гулак и другие только стремились к составлению общества и хотели применить к нему изобретенные им кольцо и имена св. Кирилла и Мефодия. По сравнении этого показания с показаниями других лиц делается вероятным, что окончательно устроенного тайного общества, быть может, еще и не было, но то несомненно, что молодые люди занимались политическими идеями, стремились к перевороту и если сами не произвели бы важного беспорядка, то могли посеять, а может быть уже и посеяли вредные семена в возрастающем поколении, тем более, что некоторые из них были наставниками юношества. Сколько ни оправдывается Костомаров, но дело и собственные его объяснения показывают, что едва ли не он был, в Киеве по крайней мере, началом испорченности молодых людей.

Апреля 21

Государь император на представленном его величеству описании бумаг студента Марковича против извлечения из писем сестры его Е. фон Кирхенштейн, весьма замечательных по уму ее, правильности суждений и истинному русскому патриотизму, собственноручно написать соизволил: «Узнать, кто она, где она, где воспитывалась и кто муж ее?»

Таковая монаршая воля будет исполнена по доставлении в С.-Петербург Марковича и по отобрании от него определенных сведений, где жительствует сестра его.

Государственному канцлеру сообщено об объявлении, чрез посольства наши, находящемуся за границей помещику Полтавской губернии Савичу, прикосновенному к делу о Славянском обществе, высочайшего повеления, дабы он немедленно возвратился в Россию.

Художник Шевченко окончил свои ответы, но его показания нисколько не объясняют дела. На все главные вопросы о Славянском обществе, членах оного и замыслах их он отвечал решительным незнанием. По его словам, он был знаком с Гулаком, Костомаровым, Кулишом и другими только случайным образом и будто бы вовсе не слышал от них никаких противузаконных разговоров, равно и сам будто бы не предавался никаким политическим идеям.

Относительно наглых стихотворений своих он, по-видимому, изъявляет раскаяние и то в самых грубых выражениях. На вопрос, почему он дозволил себе дерзости против высочайших особ, которые, сверх священной великости своего сана, были еще личными его благодетелями, ибо выкупили его из крепостного состояния, он отвечал: «Я начал ругать государя потому, что слышал, как ругают его и в Петербурге, и в Киеве».

Шевченко утверждает, что Костомаров, Кулиш, Белозерский уважали его потому только, что им нравились его стихотворения. Но из писем всех этих лиц видно, что уважение их превосходило меру достоинства стихов его. Без сомнения, не стихи Шевченки нравились молодым людям, замышлявшим народный переворот, но его наглость и буйные, возмутительные мысли, по которым они могли считать его важным для себя орудием при распространении идей своих.

Апреля 22

Получено частным образом сведение, что в Москве две дамы принимают ревностное участие в деятельности ученых и литераторов, называемых славянофилами, и особенно одна из них убеждает Шевырева, Киреевского, Соловьева, Хомякова и других писателей посвятить труды свои исключительно для журнала, который с 1848 г. будет издаваться находящимся ныне за границей дворянином Чижовым.

Как Чижов предполагает издавать журнал в духе славянистов, то и предписано генерал-лейтенанту Перфильеву удостовериться под рукой и

подробно донести о двух означенных дамах и прочих предметах, упоминаемых в вышеизложенном сведении.

Апреля 23

Находящемуся в Москве чиновнику III отделения камер-юнкеру Кашинцову предписано обратить особенное внимание на московских писателей, называемых славянофилами, и подробно донести как о каждом из них, так и о том, не соединяют ли они с своими учеными и литературными занятиями каких-либо политических идей.

Получено от помещика Херсонской губернии Ивана Гулака письмо к сыну его Николаю Гулаку. В этом письме не заключается ничего важного, оно оставлено при деле.

Кулиш подал два письма, написанные им к жене своей и к действительному статскому советнику Плетневу, извещая их о надежде своей оправдаться и утешая первую в ее положении. Письма сии переданы по назначению.

Апреля 24

Студенту Андрузскому, во уважение чистосердечного сознания его и открытия всех известных ему обстоятельств о Славянском обществе, разрешено, согласно его желанию, дать для чтения Библию.

Кулиш представил письмо, в котором, в дополнение показания своего, что его сочинение «Повесть об украинском народе» помещена была в журнале «Звездочка» и потом издательницей этого журнала Ишимовой напечатана была для него отдельно, в числе только 200 экземпляров, что такое незначительное число экземпляров уже доказывает, что он не желал распространять свою книгу для возмущения земляков своих, малороссиян, против законного правительства, что если он поместил в этой книге мысли, могущие вовлечь других в ложные понятия, то без всякого намерения, единственно по собственному ложному взгляду на вещи и что ныне, когда указаны ему эти мысли, он с ужасом видит, какие последствия могли бы произойти от его умствований. Представляя в уважении, что он не имел ни малейшего злого умысла, просит о помиловании. Объяснение это приказано не упускать из вида при составлении окончательного доклада.

II. (квітня 24 — червня 14)

Тетрадь вторая

Продолжение журнала действий III отделения С. е. и. в. канцелярии по делу коллежского секретаря Гулака и Славянского общества.

Апреля 24

В III отделение явилась прибывшая из Киева жена коллежского асессора Анеля Мазурова с дочерью от первого брака Алиной Крагельскою, из которых последняя есть обрученная невеста адъюнкта Костомарова. Мазурова желала узнать, в каком положении находится дело о Костомарове, чтобы видеть, каким образом она должна распорядиться судьбой своей дочери. Ей ответствовано, что дело о Костомарове не может быть ей объявлено, что это дело и судьба дочери ея суть два отдельные предметы, которые не должны зависеть один от другого. При этом внушено Мазуровой, чтобы она не искала никаких случаев принимать какое бы то ни было участие в деле Костомарова, жила бы в столице сколь возможно спокойнее, а еще лучше уехала бы обратно в Киев и не передавала бы никому сведений ни о Костомарове, ни о его деле.

Вслед за Мазуровою являлась прибывшая из Киева же мать Костомарова, вдова капитана, Татьяна Костомарова с подобными же вопросами о деле ее сына. Ей объявлено и внушено то же самое, что Мазуровой.

Точно такое же внушение сделано и жене Кулиша, сестре Белозерского, прибывшей из Варшавы.

Апреля 25

Генерал-лейтенанту Полозову предписано иметь секретное, но самое строгое наблюдение над женою Кулиша, матерью Костомарова, женою коллежского асессора Мазуровою и дочерью ее (невестой Костомарова) девицей Крагельскою во все время пребывания их в С.-Петербурге.

Бывший учитель Белозерский окончил свое показание. После Андрузского он первый объясняет дело с откровенностью, подробно и притом в описаниях более спокойных и потому более вероятных, нежели описание Андрузского.

Не только не скрывая собственных преступлений, но даже выставляя себя виновным в высшей степени перед другими, Белозерский [представил] историю своего падения, все последствия этого и действия других славянистов.

Еще обучаясь в Киевском университете, Белозерский занялся историей и литературой славянских племен, узнал об идее панславизма, читал иностранные и наши журналы и сделался пламенным поборником славянизма. В исходе 1844 г. и в 1845 он сблизился с Гулаком и Костомаровым, которые занимались тем же предметом и начали друг друга побуждать к любимому ими предмету и к деятельности. Невозможно определить, кто из них первый начал, кто продолжал, кто давал ход той или другой идее и кто был у них главным, потому что все они равно стремились к общей цели — славянизму.

В это время вздумали они составить общество, и Белозерский написал устав, тот самый, который найден у Гулака, по примеру уставов учено-литературных обществ, существующих у чехов, лужичан и сербов. К слову «общество» потом прибавлено было «св. Кирилла и Мефодия», а после придумали носить кольца или образа во имя сих святых.

Имея целью соединение славянских племен, они полагали для этого необходимым: воодушевлять славянские племена к уважению собственной их народности, изгоняя все чужеземное, уничтожать вражду и поселять согласие между этими племенами, склонять их к исповеданию одной православной веры. Средством для этого они считали просвещение, полагая, что славянские племена, коль скоро просветятся и узнают выгоды соединения и дружбы, сами сольются в одно целое. Потому они хотели заводить училища для простого народа, издавать книги для чтения того же народа и развитием общего просвещения доводить племена до соединения.

В мыслях их не было ни народного потрясения, ни возмущений, ни преобразования законных властей в России, а тем менее каких-либо вооруженных действий. Они, как ученые и молодые люди, не знающие практической жизни, думали, что по их теории совершится самое мирное улучшение в быте племен славянских.

Они думали, что правительство одобрит их старания. «Одна Россия,— говорили они,— способна совершить такой переворот и не убоится стать лицом к лицу с остальной Европой. Для этого необходима только твердая воля и ум сильный, который бы мог направить ее действия смело и прямо к цели, следовательно, один только ныне царствующий государь может совершить это великое дело». Иногда же казалось им, что государю не угодно будет подать руку для соединения славянских племен, потому что деятельность его устремлена на внутреннее устройство своей державы.

Но они сами видели несообразность своих предположений, притом же, получая опытность жизни, становились в мыслях своих правильнее, в желаниях умереннее и основательнее. В 1846 г. они уже бросили название

общества и в последующее время занимались изучением истории и языков славянских, без всяких идей об обществе, только как наукою. За 10 месяцев перед сим Белозерский отправился на службу в Полтаву учителем Петровского кадетского корпуса и не знает, что после него происходило в Киеве.

Во время существования общества действующими лицами были в оном Белозерский, Гулак и Костомаров, потом близко познакомились с ними студенты Маркович и Навроцкий, но они, равно как Посяденко и Андрузский, более приверженности оказывали к Украйне и малороссийскому языку, нежели к идеям бывшего общества. Шевченко писал наглые стихи в нетрезвом виде и, протрезвившись, нередко сам не помнил или жалел о том, что написал. Кулиш же нисколько не принадлежал к Славянскому обществу; он всегда держал себя в стороне и так углублен был в дельные занятия, что отвергал все мечтательное. Белозерский утверждает, что хотя в последнее время он породнился с Кулишом (последний женился на сестре первого), но он никогда не осмелился бы открыть Кулишу, что составилось Славянское общество — столько Кулиш был чужд всего недозволенного и строг в своих правилах.

Белозерский присовокупляет, что общество и во время существования своего было более ученым кругом людей, связанных между собой дружбой, без всяких политических и возмутительных предположений; что хотя они давали друг другу честное слово не разглашать ни действий своих, ни имен лиц, которые могли бы показаться злоумышленниками, но не для таинственности, а только потому, дабы не подвергнуться насмешкам благоразумных людей; что найденные у них бумаги не должны быть вечными их обвинителями, ибо эти бумаги относятся к прежнему времени, когда его, Белозерского, и друзей его волновали различные идеи и что он, Белозерский, давно уже и не помышляет об обществе.

С покорностью предавая судьбу свою милосердию государя и выражая раскаяние в прежнем своем заблуждении, Белозерский пишет: «Мы несчастливы тем, что сделались известны как преступники прежде, чем успели совершенно очиститься от признаков давней болезни. К тому же свойство молодости — увлекаться чем-либо на время; быть может, всякий молодой и потом в возмужалых летах достойнейший человек мечтал в юности и строил планы, которые сами собой уничтожились с наступлением зрелого возраста. Это самое и со мною случилось».

Вообще Белозерский показывает в себе чувства хорошие. Если в объяснениях его замечается не совершенная искренность, то разве там, где он говорит о других, ибо, кажется, для него легче высказать свое преступление, нежели преступление другого. Он опасается, чтобы еще кто, подобно Бушену, не пострадал невинно от его показаний. Впрочем, он по убеждению в III отделении пишет новое, дополнительное показание.

Апреля 26

Из Киева доставлен студент университета св. Владимира Петров, который первый донес о существовании Славянского общества. Ему предложены вопросы как для пояснения первого его донесения, так и в том смысле, чтобы он представил доказательства к улике Костомарова и Навроцкого, которые не сознались в том, что Петров писал об них в своем донесении.

Для Петрова нанята квартира в недальнем расстоянии от III отделения. При этом внушено ему, чтобы никому не разглашал о причине его приезда в С.-Петербург и о деле, производящемся по его донесению.

Апреля 27

Белозерский в дополнительном показании своем объяснил, что находящаяся у него рукопись «Закон божий» получена им от Навроцкого и что, впрочем, он не знает, чьею рукою писана эта рукопись.

Навроцкий же, которому показана была упомянутая рукопись, во всем заперся, подобно как при общем его допросе, утверждая, что он не передавал этой рукописи Белозерскому и не знает, кем она писана.

Студент Петров окончил ответы на предложенные ему вопросы. Он имел откровенные разговоры только с Гулаком, Навроцким и Марковичем да слышал суждения с ними адъюнкта Костомарова и помещика Савича; других же лиц, известных по делу о Славянском обществе, вовсе не знает.

Из разговоров упомянутых лиц, особенно Гулака, Петров узнал следующее.

Славянисты предполагали учредить отдельно в каждом славянском племени правление народное, сообразное с духом племени, но для решения общих дел установить общий союз из представителей всех племен. Достигнуть этого они надеялись не иначе, как возбуждением к восстанию славян против верховной власти их. Гулак именно говорил, что при этом общество будет действовать миролюбиво в отношении царской фамилии; но ежели переворот будет произведен, а государь не пожелает сложить с себя верховной власти, то необходимость заставит пожертвовать царской фамилиею.

Средствами для возбуждения к восстанию они полагали: внушение народу в самом невыгодном виде всех распоряжений правительства; путешествия по деревням для сближения с крестьянами и распространения между ними идеи о народном правлении (Гулак говорил, что некоторые уже путешествуют с этой целью); учреждение школ и издание книг для простого народа, полагая, что с образованием черни восстание непременно произойдет, если не в настоящее время, то в будущем поколении.

В разговорах об этом ревностно участвовали и Костомаров, и Навроцкий, и Маркович, а один раз и Савич, но более всех действовал Гулак. Они часто собирались, в особенности у Гулака, и как только сходились, тотчас начинали разговор о приведении в исполнение их общего намерения. Костомаров как историк старался выводить из истории примеры прежних самовольств и неповиновений в России, очеркивая весьма ярко те случаи, в которых народ, в порыве неистовства, посягал на жизнь русских великих князей.

Петров все это показывает с решительностью и уверенностью, свойственными человеку, говорящему истину. Он сын жандармского офицера. Отец его служил за адъютанта при штаб-офицерах в Киевской, Черниговской и Курской губерниях с 1833 по день кончины, последовавшей в 1844 г.

Апреля 28

В продолжении вопросов разных лиц, прикосновенных к Славянскому обществу, представилось весьма много улик против бывшего студента Навроцкого, доказывающих, что он участвовал во всех предположениях общества и даже разделял революционные мысли Гулака. Как Навроцкий при первом допросе во всем заперся, то из упомянутых улик составлены и предложены ему подробные дополнительные вопросы.

Апреля 29

Из числа стихотворений Шевченки рассмотрены и переведены остальные — «Гайдамаки», «Гамалея».

«Гайдамаки» представляет картину убийств и зажигательств, произведенных в 1768 г. толпой запорожцев, крестьян и разбойников, или гайдамаков, под начальством атамана Зализняка и уманского сотника Гонты, который под предлогом освобождения родины от польского ига опустошил часть Западной Украйны от Киева до Умани.

Автор начинает жалобою, что ему некуда деваться от грусти, и посылает детей своих, гайдамаков, в Украйну для того, чтобы на чужой стороне не насмехались над ними.

Поляки, обвиняя короля Понятовского в измене и угождении России, составили сто конфедераций. Руководимые Пулавским и Пацом, конфедераты разошлись по Польше и Украине и грабили жителей.

У жида-корчмаря в м[естечке] Ольшанах служит казак Ярема. Он любит и любим дочерью церковного старосты Оксаною. Конфедераты врываются ночью в корчму, похищают Оксану, а Ярема уходит к гайдамакам.

Близ Чигирина, в лесу, собрались гайдамаки, скрывают оружие в возах. На рассвете дня Маковеев духовенство благословило их на освобождение отчизны, и они прошли огнем и мечом до Умани. В м[естечке] Лысянке они взорвали замок, в котором укрылся Пац с конфедератами. Там была и Оксана, но ее спас есаул Галайда, бывший Ярема, и женился на ней. Гайдамаки идут в Умань, истребляют там всех жителей; Гонта убивает даже двух сыновей своих за то, что обращены своею матерью в католичество.

Автор в заключение говорит, что сам был сиротой и желал бы променять настоящее время на прошлое. «Хорошо погуляли гайдамаки,— говорит он,— посеяли они хлеб, но другие собрали жатву, уничтожили Сечь, и Украина уснула вечным сном!»

«Гамалея» — эпизод освобождения запорожцев из турецкого плена. В Скутари казаки томятся в тюрьме, ожидая близкой смерти. Ночью неожиданно нападает на турков Гамалея, истребляет гарнизон, зажигает Скутари и освобождает пленных.

Этой пьесою заключаются стихотворения, помещенные под общим заглавием «Кобзарь». Автор постоянно следует принятому направлению: беспрерывно жалуется на страдания Украйны в настоящем ее положении, желает возбудить ненависть к владычеству русских и, воспоминая о прежней свободе, подвигах и славе козаков, упрекает нынешнее поколение в равнодушии.

Во втором часу пополудни 29 апреля доставлен из Киева студент университета св. Владимира Посяда (он же Посяденко), прикосновенный к делу о Славянском обществе.

Приступлено к составлению и составлено 20 вопросных пунктов, которые ему же и предложены.

Апреля 30

Навроцкий окончил ответы на предложенные ему дополнительные вопросы. В этих вопросах были совокуплены все новые, весьма важные против него улики, ибо у Белозерского найдена рукопись «Закон божий», переданная ему Навроцким. Тот же Белозерский, равно Костомаров, Андрузский и Посяденко показали, что Навроцкий участвовал в составлении Славянского общества, а студент Петров доносит, что Навроцкий даже разделял революционные рассуждения Гулака; сверх того он жил у Гулака и, следовательно, не мог не иметь никакого понятия о Славянском обществе.

Но Навроцкий, отрекаясь от передачи Белозерскому рукописи «Закон божий», по-прежнему отозвался совершенным неведением всего, о чем его спрашивали, решительно утверждая, что будто бы он не имел ни малейшего сведения о замыслах своих товарищей. Между тем улик против Навроцкого столь много, что виновность его несомненна, и он по упорству своему в запирательстве следует первый за Гулаком.

Написал ответы студент Посяда (он же Посяденко). Подозрение на него было весьма сильное, ибо Белозерский, Костомаров и Андрузский показывают, что он принадлежал или по крайней мере усиливался принадлежать к Славянскому обществу; сам он в письмах к Гулаку и учителю Боровиковскому упоминал о каком-то обществе, наконец, в бумагах его найдено несколько черновых записок и просьб, в которых он описывал положение ма-

лороссийских крестьян в ужасном виде и выражал плач об Украйне, намекая, что найдутся люди, которые готовы положить за нее жизнь свою. Андрузский изображал его ненавистником помещиков и пламенным защитником крестьян, потому что он, Посяда, сам происходит из крестьян.

Напротив того Посяда отвергает все представленные против него обвинения, он утверждает, что только слышал от Гулака, Костомарова и Навроцкого о намерении их составить Славянское общество, но сам не участвовал в оном и более ничего не знает ни об обществе, ни о действиях славянистов, что проекты просьб об угнетении крестьян он составил только потому, что лично видел это в проезд через Малороссию и не мог не сочувствовать бедствиям, а цель имел ту, чтобы представить просьбы или государю императору, или одному из министров, что бумаг этих он никому не показывал и мысли его, хотя бы они были неверные, не распространялись, что написанное в уединении и вчерне не может быть поставляемо в вину, ибо люди многое набрасывают на бумагу для себя и потом уничтожают или забывают в своих бумагах, что он, происходя из мещан, а не из крестьянского звания, никогда не думал быть защитником крестьян и не имел никакой причины ненавидеть добрых помещиков, а если негодовал в душе своей на других, то это чувство весьма естественно всякому.

При личном допросе Посяда плакал, уверяя в своей невинности и изъявляя удивление, что столь неспособного к общежитию, как он, считают участником общества и опасным человеком.

Мая 1

Вечером, в назначенный час, у г-на шефа жандармов были г-да министр народного просвещения гр. Уваров и товарищ его кн. Ширинский-Шихматов. Им прочитаны всеподданнейший доклад, в котором подробно изложены обстоятельства дела о Славянском обществе, список лиц, прикосновенных к этому делу с изъяснением степени виновности каждого из них; устав Славянского общества; рассуждение Белозерского, служащее истолкованием оному; рукопись, называемая «Закон божий», и преступнейшие стихотворения Шевченки; также показаны были напечатанные сочинения Шевченки и Кулиша.

Мая 2

Состоящий при штабе корпуса жандармов лекарь Шпис, наблюдавший несколько дней состояние здоровья адъюнкта Костомарова, донес, что этот арестант оказывает признаки помешательства ума.

2 мая в 7 часов вечера по высочайшему повелению Костомарова посещал лейб-медик Арендт, который из донесения Шписа и разговоров больного удостоверился, что последний действительно подвергался душевному расстройству, доходившему до омрачения ума, но нашел, что он почти уже совсем освободился от этих припадков и достаточно поправился в своем здоровьи.

При докладе об этом г-ну шефу жандармов его сиятельство лично обязал лейб-медика Арендта, чтобы в «Больнице всех скорбящих» на всякий случай приготовлена была комната, в которой мог быть помещен Костомаров.

Мая 3

С разрешения г-на шефа жандармов всем арестантам, содержащимся в III отделении по делу о Славянском обществе, даны для чтения книги.

Костомаров, чувствуя себя в лучшем против прежнего положения и вспоминая, что в первых показаниях, которые он составлял то в смущенном духе, то под влиянием умственных припадков, находятся многие не-

сообразности и, изъявляя желание изложить все ему известное в рассказе самом откровенном, просил дозволить ему составить новое показание.

Костомарову это разрешено и даны для соображения прежние его показания.

Мая 5

Кулишу и Белозерскому разрешено переписываться с прибывшей в С.-Петербург женою первого и сестрою второго, с тем чтобы они в письмах своих не помещали ничего, кроме успокоительных и семейных известий. Письма их передаются не иначе, как через III отделение и по внимательному рассмотрению. От Кулиша к жене и обратно уже передано одно письмо, а сего числа Кулиш написал к жене, а Белозерский к сестре и брату, которые и отправлены по принадлежности.

Мая 7

Обращено внимание на статьи, помещенные в «Московском сборнике» за 1847 г., Ригельмана, Чижова, Хомякова и других и на отдельно напечатанную книгу «Путешествие в Черногорию» соч[инения] Александра Попова. Статьи сии показывают, что сочинители их суть пламенные славянофилы, которые о необыкновенном значении славян в древности, о стремлении их к дальнейшему развитию и о каком-то вопросе, обратившем на себя будто бы всемирное внимание, объясняются в тех же преувеличенных и двусмысленных выражениях, как объяснялись участники Славянского общества. Замечено еще, что в «Отечественных записках» помещено несколько весьма умных и сильных возражений против славянофилов.

Посему находящемуся в Москве чиновнику III отделения Кашинцову предписано обращать деятельнейшее внимание на выходящие там журналы, сборники и книги славянофилов и тотчас доносить о всех возгласах полуполитических и двусмысленных, а издатель «Отечественных записок» Краевский поощрен к продолжению помещения в его журнале статей в опровержение славянофильских бредней.

Получено частным образом сведение, что находящийся в Симбирске А. Языков сносится с московским писателем Хомяковым по предмету предположения Чижова издавать журнал с 1848 г. Как журнал этот замышлен славянофилами и будет издаваться в их духе, то начальникам 2-го и 7-го округов корпуса жандармов предписано иметь за Языковым и Хомяковым секретное, но самое бдительное наблюдение.

Адъюнкт Костомаров окончил новое показание. Он объяснил дело славянистов с той же откровенностью и почти в том же виде, как Белозерский.

По словам Костомарова, ученые в последние годы, занимаясь исследованиями о древностях и историею славянских племен, вовлеклись в рассуждения о том, чем были эти племена в древности и чем могут быть в будущем времени. Такие рассуждения тем более занимали их, что, с одной стороны, западные славяне изображают древних славян в самом блестящем положении, а немецкие ученые унижают племя славянское. От этого произошла борьба, доведшая славянофилов до другой крайности: они начали доказывать, что славянские племена впереди покажут что-то новое, чудесное, невиданное и пророчат им великую будущность.

Наши ученые, ревностно занимаясь историею славян, не могли не увлечься в заграничные бредни. Гулак, Костомаров и Белозерский, предаваясь тем же идеям, помогали друг другу в трудах, а в исходе 1845 и в 1846 г. Гулак и Белозерский начали называть круг своего дружества Славянским обществом. Около того же времени Костомаров придумал носить кольцо во имя св. Кирилла и Мефодия единственно из уважения к памяти первых просветителей славян, и по его предложению кольцо это носил Гулак,

но он, Костомаров, не считал кольца символом общества и убеждал Гулака и Белозерского не называть круг свой обществом, напоминая им, что такие названия не дозволены законом. Дабы уничтожить это неудобство, он намерен был предложить начальству Киевского университета мысль учредить на законном основании общество занимающихся славянскими исследованиями, назвав оное обществом св. Кирилла и Мефодия по примеру тому, как Киевский университет назван во имя св. Владимира.

Между тем рассуждения Костомарова, Гулака и Белозерского, или Славянского общества, кроме ученых, относились и до слияния славянских племен, но они полагали соединить их под скипетром российского императора, не касаясь до настоящего образа правления собственно в России и думая только, что вновь могущие присоединиться к нам иноземные славянские племена должны быть устроены по примеру Царства Польского. Средствами для этого они принимали: распространение православного исповедания и образованности между всеми славянскими племенами. Костомаров, подобно Белозерскому, уверяет, что в мыслях их решительно не было ни народных восстаний, ни преобразования законных властей в России, а тем менее каких-либо вооруженных действий, что он, Костомаров, был всегда неограниченно предан особе государя императора, всем повелениям его и распоряжениям правительства.

В половине 1846 г. трое друзей (Костомаров, Белозерский и Гулак) сами увидели несообразность своих рассуждений, перестали называть круг свой обществом, а потом даже занятия их не были общими, ибо Белозерский отправился в Полтаву, а Гулак предавался трудам более в уединении и, наконец, уехал в С.-Петербург. Тем и кончилось все общество, состоявшее только из упомянутых трех лиц, а если с ними сближались Навроцкий, Маркович, Посяда и другие, то единственно или по сходству ученых занятий (ибо идѐя панславизма многих занимала), или по знакомству, без всякого отношения к Славянскому обществу и что некоторые могли только слышать, не зная подробностей об этом обществе.

Таким образом, Славянское общество было ничтожно и по числу действователей и не могло быть опасно уже потому, что оно принимало меры ученые и мирные, распространение православия и образованности, а эти меры, как полагали и сами славянисты, если могли довести до цели, то разве через сотни или тысячи лет. Словом, рассуждения их были не более, как ученые бредни.

Далее Костомаров объясняет, что рукопись «Закон божий» он списал за несколько лет перед сим единственно по страсти иметь редкости у находившегося в Харькове Хмельницкого, который служил в Кавказском корпусе, а потом уехал кажется в С.-Петербург, что эта рукопись, должно быть произведение поляков, которые во время мятежа возглашали о восстании и Малороссии, что эту рукопись он никогда не думал распространять, а Гулак, бывая у него, сам захватил ее, без его, Костомарова, воли.

Впрочем Костомаров утверждает, что ни рукопись «Закон божий», ни переделанный Белозерским устав Славянского общества никогда не были основанием или правилами их общества равно и стихи Шевченки нисколько не применялись к их идеям, тем более, что сочинения Шевченки напечатаны еще в 1840 году, а начал он писать еще прежде, когда идеи славянизма вовсе не были в развитии. Словом, преступные и безнравственные рукописи и стихи, найденные у славянистов, нимало не относятся до общества, но суть совершенно отдельного от этого предмета грехи их молодости.

Что же касается до показания Петрова, будто бы помещик Савич, а потом Гулак в присутствии Костомарова предавались революционным предположениям и будто бы Костомаров подкреплял их примерами из древней

русской истории о волнениях народных и убийстве великих князей, то Костомаров с ужасом отвергает это показание. Он уверяет, что в нем никогда не погасало чувство благоговения к августейшему дому, что он не позволил бы себе находиться там, где происходят столь дерзкие рассуждения и что в самом упомянутом показании заключается несправедливость, ибо в древние времена русские были столь преданы своим государям, что ни один из великих князей не был погублен народом, и он, Костомаров, знающий историю как профессор, не имел даже возможности приводить подобных примеров.

В заключение Костомаров объясняет, что он прежде не понимал незаконности своих действий, думая даже, что рассуждая о будущем величии России, о присоединении к оной всех славянских племен, он действовал по долгу своему и по любви к государю императору, но ныне видит свое заблуждение и тот вред, который мог происходить от их неосторожности,— выражает искреннейшее раскаяние, предавая судьбу свою милосердию монарха и умоляя об отеческом помиловании.

Костомаров представил еще письмо, в котором, повторяя свое раскаяние, просит уничтожить прежние его показания, как написанные под влиянием болезни и душевного расстройства.

Наместнику Царства Польского сообщены сведения, какое производство было по делу о Славянском обществе после сообщенных ему известий 18 апреля.

Генерал-адъютанту Бибикову отправлены окончательные копии со всех описаний бумаг и допросов лиц, прикосновенных к Славянскому обществу.

Мая 8

Управляющий Новороссийским краем, которому сообщено было о собрании сведений насчет поведения и образа мыслей отца Гулака, отставного чиновника 7 класса, уведомил, что он ведет себя тихо и прилично.

Генерал-адъютант Бибиков сообщил, что доноситель по делу Славянского общества студент Петров отправлен из Киева в С.-Петербург в то самое время, когда он готовился держать экзамен и при том лишился места в доме, в котором обучал детей и тем содержал престарелую свою родительницу. Приказано иметь это сведение в виду.

Как в последнем показании Костомарова объяснено, что рукопись «Закон божий» он получил несколько лет перед сим в Харькове от Хмельницкого, служившего в Отдельном кавказском корпусе и потом, кажется, уехавшего в С.-Петербург, то для собрания сведений о нынешнем местопребывании Хмельницкого сделано сношение с Харьковским военным губернатором и исправляющим должность С.-Петербургского обер-полицмейстера.

Мая 9

По воле г-на шефа жандармов студент Петров был спрошен, сколько он лишился дохода от уроков, которые давал в Киеве. Петров отвечал, что доход его простирался до 20 руб. серебром в месяц. Отзыв этот приказано иметь в виду при окончании дела.

Мая 10

Составлены: подробное описание меры виновности всех лиц, прикосновенных к делу о Славянском обществе, и проекты очных ставок им в тех предметах, в которых одни не сознаются против показаний других.

Мая 12

Генерал-адъютант Бибиков доставил печатную книжку на польском языке под заглавием «Книга народа польского и пилигримства (изгнанни-

чества) польского» для сличения с рукописью «Закон божий», найденный у некоторых из лиц, прикосновенных к Славянскому обществу.

При сличении книги с рукописью оказалось, что вторая извлечена из первой, но есть более переделка, нежели перевод, ибо книга Мицкевича пространнее и в ней все направлено к польскому народу, а в рукописи «Закон божий» все приноровлено преимущественно к Малороссии.

Этим подтверждается показание адъюнкта Костомарова, который тоже объясняет, что он, получив от офицера Хмельницкого рукопись «Закон божий», называемую еще «Поднестрянкой», потому только впоследствии и перевел ее с малороссийского на русский язык, что заметил в ней сходство с Мицкевичевой «Пилигримкой» и желал сличить их; что при этом сличении он также уверился, что «Поднестрянка» переделана из «Пилигримки».

Генерал-адъютант Бибиков сообщил еще дошедшее до него сведение, что малороссияне, прикосновенные к делу Славянского общества, должны иметь у себя на теле знаки гетманской булавы.

Мая 13

Все содержащиеся под арестом при III отделении лица, прикосновенные к делу о Славянском обществе, были раздеваемы и внимательно осмотрены, но ни на одном из них не оказалось знаков гетманской булавы. Все они, даже Андрузский, Белозерский и Костомаров, откровенно сознавшиеся в других важнейших преступлениях, отозвались, что в первый раз слышат об этих знаках.

Мая 14

Коменданту С.-Петербургской крепости сообщено об осмотре содержащегося в Алексеевском равелине коллежского секретаря Гулака для удостоверения, нет ли на теле его знака гетманской булавы.

Генерал от инфантерии Скобелев ответствовал, что Гулак был весь осмотрен, но никаких знаков на теле его не оказалось.

В 10 часов утра доставлен из Радзивиллова арестованный при возвращении из-за границы в Россию надворный советник Федор Чижов со всеми его вещами и бумагами.

К рассмотрению бумаг его немедленно приступлено.

Рассмотрение бумаг Чижова окончено. Из них видно, что он два раза — в 1845—1846 гг.— путешествовал по славянским землям и что он преимущественно занят славянскими идеями. По примеру других славянофилов он рассуждает о возвышении народа, о достоинстве человека и проч[ее], а по местам проявляется у него мысль о соединении славянских племен под российскую, однако же, державу. Ничуть не заметно ни политических злоумышлений, ни сообщества с кем-либо; Чижов везде является славянофилом, вроде московских, которые даже печатают подобные напыщенные и двусмысленные фразы. Несколько сомнительны только стихи его к Хорвату, в которых он говорит о народе в таком смысле, как бы хотел, чтобы народ был главным сословием в государстве.

Из другого журнала Чижова видно, что он имел свидание и переписку с польскими выходцами Мицкевичем и гр. Гуровским, тем самым, который был осыпан милостями государя и в 1845 году бежал за границу. Гр. Гуровский должен быть также пламенный славянофил и полюбил Чижова за приверженность его к славянству. Напротив того с Мицкевичем Чижов имел не столько дружбы, сколько споров, ибо Мицкевич в своих лекциях о славянских племенах вовсе не упоминал о русских, а Чижов несколько раз ходил к Мицкевичу именно с тем, дабы доказать, что, рассуждая о славянах, несправедливо и невозможно забывать о столь могущественном племени, как русские.

В бумагах Чижова находится еще письмо Луи Бонапарта, сына Люциана, который собираясь издать словарь всех языков и наречий, просил Чижова о содействии к собранию славянских слов.

У Чижова не оказалось ни кольца во имя св. Кирилла и Мефодия, ни бумаг, кои показывали бы связь его с киевскими славянистами или с Славянским обществом.

Из всех обвинений против Чижова составлено 15 вопросов, которые и предложены ему для написания ответов.

Мая 15

В присутствии г-на шефа жандармов были даны очные ставки:

Гулаку (который для этого был вытребован из Алексеевского равелина) с Белозерским, Костомаровым, Посядой, Андрузским и Петровым;

Костомарову с Белозерским, Посядой, Андрузским и Петровым;

Белозерскому с Андрузским, Кулишу с Андрузским, Шевченке с Андрузским, Навроцкому с Белозерским, Посядой, Андрузским и Петровым;

Посяде с Андрузским.

Гулак явил прежнее, необыкновенное упорство. Не опровергая уличителей и нимало не сознаваясь, он говорил только, что остается при прежнем ответе, то е[сть]: не знаю.

Белозерский и уличая других, был столько же откровенен, как в письменном своем показании, равно и Костомаров говорил согласно с тем, что говорил Белозерский, отвергая только показания Петрова будто бы он, Костомаров, разделял или по крайней мере был слушателем революционных рассуждений.

Шевченко и Кулиш, виновные в особых преступлениях: первый в сочинении дерзских и возмутительных стихов, а второй в напечатании книг, могущих поколебать спокойствие и верность Малороссии, и при очных ставках сознавали свою виновность в этих предметах.

Посяда оказывается почти неприкосновенным к делу, кроме того, что он слышал о Славянском обществе Навроцкий был бы виновен не более Посяды, но он в сознании даже незначительных поступков, как например: в знании о рукописи «Закон божий», стихотворения Шевченки «Сон» и проч[ее] упорствует столько же, сколько родственник его Гулак.

Андрузский обнаружил, что он многое в письменном показании своем преувеличил или представил в ином виде или уверял, что он видел то, о чем только слышал, но с той же откровенностью, с которой писал показание, он и при очных ставках уличал других и обвинял самого себя в том, что прежде было им показано неправильно, и из всего видно, что он, по молодости, ошибался, но не хотел и не хочет быть клеветником.

Напротив того доноситель Петров уличал других в преступлении с твердостью, доказывающей его уверенность в том, что он показывает

Г-н шеф жандармов лично предлагал словесные вопросы и надворному совстнику Чижову, который изъявил совершенную готовность объяснить подробно в составляемом им показании все ему известное о славянских идеях и славянофилах.

Мая 17

Студенты Андрузский и Посяда после очных ставок, мучимые раскаянием, что в показаниях своих обвинили некоторых лиц неправильно, испросили дозволение написать дополнительное объяснение.

Андрузский большую часть прежних своих показаний прямо объявляет ложными и вымышленными, говоря, что он писал их частью по слухам, частью по догадке и из собственных соображений, например: о существовании малороссийской партии в Славянском обществе вывел заключение толь-

ко из того, что Кулиш, Шевченко и Посяда занимались малороссийской историей и словесностью, о Славянском обществе показал потому, что узнал из предлагавшихся ему вопросов о кольце св. Кирилла и Мефодия; точно таким же образом он вывел обвинения и о каждом обвиненном им лице, тогда как сам не знал ни о их преступлениях, ни даже о существовании Славянского общества. Андрузский изъявляет искреннейшее раскаяние и просит помилования.

Посяда также отверг из прежнего показания своего то, что будто бы он слышал от Гулака и Навроцкого о намерении их составить общество, присовокупляя, что и Костомаров говорил ему об обществе быть может том, которое он желал учредить при университете с разрешения начальства. Посяда ложность первого показания своего относит к тому, что он, составляя это показание, был болен и смущен.

Мая 18

Гулак, наконец, принес сознание. В присланном через коменданта С.-Петербургской крепости показании он объясняет прикосновенность свою к Славянскому обществу в том самом смысле, как показали Белозерский и Костомаров, то есть, что они трое в исходе 1845 г. и начале 1846 составляли Славянское общество св. Кирилла и Мефодия, рассуждали о соединении иноземных славян с Россией и надеялись достигнуть этого через одно распространение просвещения; показание же Петрова, будто бы он, Гулак, предавался революционным замыслам, отверг, как несправедливое.

Генерал-адъютант Бибиков доставил задержанные письма Белозерского к Марковичу и учителя Чуйкевича к Костомарову, находя эти письма подозрительными и присовокупляя, что он предписал Чуйкевича доставить в Киевскую крепость.

Письмо Чуйкевича, который просил Костомарова о содействии к переводу его на службу в Киев, было известно III отделению еще прежде и оставлено, как не заключающее в себе ничего важного, без внимания. Равным образом и письмо Белозерского, который просил Марковича давать списывать и сохранить какую-то статью, по объяснению Белозерского, не скрывает под собой никакого преступления, а относится до статьи Кулиша о начале его путешествия, которую Белозерский считал достойной быть в печати.

Мая 20

Генерал-адъютанту Бибикову сообщено о том, что оказалось по рассмотрении вышеупомянутых писем Белозерского и Чуйкевича с присовокуплением: иносказательных выражениях в письме Белозерского, что молодые ученые люди из Малороссии, как показывает славянское дело вообще, выражались напыщенно и как бы двусмысленно, так что предметы, кажущиеся с первого взгляда подозрительными, всегда почти при точнейшем рассмотрении, являются обыкновенными и не заключающими в себе ничего преступного; о письме Чуйкевича,— что найденные у разных лиц письма его относятся к обыкновенной переписке друзей и никто из славянистов не показал ничего, почему бы можно было считать Чуйкевича прикосновенным к делу Славянского общества; что нет причины предполагать, чтобы еще кто-либо принадлежал к этому обществу, кроме открытых III отделением; если же между уроженцами Малороссии остаются славянофилы или украинофилы, чрез меру преданные родине, преимущественно любящие свои нравы, язык и литературу, то в отношении к ним будут приняты особые меры, самые незаметные и осторожные, дабы преследованием многих не раздражить целый край. Впрочем прибавлено, что если в Киеве имеются важные причины к подозрениям против Чуйкевича, то дальнейшие распоряжения о нем зависят от его, генерал-адъютанта Бибикова, усмотрения.

Как Гулак в новом показании объяснил, что устав Славянского общества и рукопись «Закон божий» им сочинены, тогда как Белозерский и Костомаров показали: первый, что устав сочинен им, а второй, что рукопись «Закон божий» получена им от Хмельницкого (к открытию которого сделано распоряжение), то Белозерскому и Костомарову предложены были, для разрешения этих противоречий, вопросы.

И Костомаров, и Белозерский утвердили прежние свои показания, присовокупляя, что Гулак принимает вину их на себя, вероятно, из чувства великодушия.

Показания их, особенно Костомарова, вероятнее нового объяснения Гулака, ибо рукопись «Закон божий» есть только переделка Мицкевичевой «Пилигримки», напечатанной еще в 1833 г; Костомаров же утверждает, что эта переделка должна быть произведена вскоре после польского мятежа, когда Гулак был еще в детском возрасте и, следовательно, ни сочинить, ни переделать этой рукописи не мог.

Мая 21

Черниговский гражданский губернатор доставил бумаги бывшего учителя Кулиша, оставленные им в Борзне у родственника его Николая Белозерского.

Из этих бумаг только две тетради под заглавием: «Извлечение из реляции о допросе участников бунта в Польше в 1790 году» и «Книга о делах народа украинского» обращают на себя внимание. В первой весьма невыгодно упоминается о действиях России относительно Польши, во второй помещены преувеличенные мысли Кулиша о Малороссии и прежней ее славе, подобные тем, которые замечены в напечатанных его сочинениях.

Прочие бумаги, состоящие из переписки с разными лицами и тетрадей литературного и ученого содержания, не заключают в себе ничего важного.

От генерал-адъютанта Бибикова доставлены две печатные книги стихотворений адъюнкт-профессора Костомарова на малороссийском языке под названием «Украинские баллады» и «Ветка», в которых говорится о набегах казаков и гетманщине в духе сочинений Кулиша.

Обстоятельство это присоединено к описанию меры виновности Костомарова.

Мая 22

Киевский военный губернатор, получив сведения, что помещик Полтавской губернии Григорий Галаган находился в дружеских отношениях с надворным советником Чижовым и обнаруживает демократический образ мыслей, сообщил, что он, генерал-адъютант Бибиков, не оставил бы обыскать и даже, в случае надобности, арестовать Галагана, если бы он находился в управляемых им, Бибиковым, губерниях.

На это ответствовано Бибикову, что дело о Славянском обществе не подает ни малейшего повода к подозрению против Галагана, что сам Чижов, по рассмотрению бумаг и показанию его, оказывается только пылким человеком, но вполне русским патриотом, а потому знакомство с ним не могло повести Галагана к идеям демократическим; что если Галаган, как показывает и Чижов, страстно любит свою родину, Малороссию, не питая, однако же, никаких политических намерений, то в отношении украинофилов будут приняты особые меры самого осторожного и незаметного наблюдения.

Мая 23

Надворный советник Чижов изложил показание свое с полною откровенностью, объяснив весь ход своих мыслей и поступков по тем предметам, по которым навлекалось на него подозрение.

Он путешествовал за границей в первый раз с 1840 года около пяти лет, а во второй отправился туда в половине 1846 г. Сначала целью путешествия его было поправление здоровья и изучения истории искусств, но идеи профессора Ганка, с которым он имел суждения в Праге о сродстве славянских племен и будущем их сближении, увлекли его, а случаи, встретившиеся с ним в других славянских местах, еще более его поразили.

Близ города Пола (в Истрии) находится селение с славянской церковью, в которой служба отправляется на славянском языке по нашим книгам киевской печати. Когда Чижов слушал литургию, священник и народ, узнав в нем русского, были в восторге, а в следующее воскресенье, без просьбы Чижова, священник, при великом выходе, произнес молитву о здравии государя императора Николая Павловича.

В городе Зара (в Далмации) Чижову тайно показывали булавки с портретом государя, и во всех местах Далмации он встречал знаки любви и глубокого уважения к имени русского.

Черногорцы считают себя почти русскими. При первом слове они приветствовали Чижова: «ты брате русс!» Все необыкновенно преданы белому царю Николе, с восторгом расспрашивают и говорят об нем. В Сербии народ любит русских и нашего государя почти столько же, как черногорцы.

Все это произвело на Чижова столь сильное впечатление, что он совершенно предался славянским идеям, посвятил мысли и занятия свои на решение вопросов: минутная ли это вспышка, что иноземные славяне влекутся к русским, в чем состоит быт славянский и как выскажется он в жизни внешней, особенно политической?

Сверх уединенных размышлений об этих вопросах, Чижов хотел все узнать на деле, переговорить со знаменитыми славянистами и со всеми главными представителями польской партии. Для этого он несколько раз ездил по славянским землям, совершив самое большое путешествие в 1845 г., и был в Париже.

«Сначала,— говорит Чижов,— в мои понятия входили и конституция и республика; я дал себе на несколько времени полную волю и старался быть более славянистом без роду и племени, нежели русским, но никак не мог пересилить моей природы: едва только доходило до дела, я был заклятым русским. Меня не удовлетворяли системы ни фурьеристов, ни сен-симонистов, ни коммунистов, ни мютюалистов. А находил полное удовлетворение в одной русской жизни, меня все тянуло в Россию, хотя бы в ней не было никаких собственных моих привязанностей».

Такой характер Чижова не мог сблизить его ни с поляками, ни даже с французами.

При начале знакомства Чижова с Мицкевичем, когда первый объявил свою фамилию, второй не хотел вступить с ним в разговор, как бы выжидая, чтобы путешественник объявил ему и свои титулы. «Это,— пишет Чижов,— заставило меня с негодованием сказать: титул мой, который выше всех титулов, есть тот, что я русский и Мицкевич после того сделался ко мне благосклоннее. У нас бывали с ним,— продолжает Чижов,— частые споры. В нем мистические чувства сливаются с какой-то враждой к Европе и к русскому правительству. Однажды он доказывал, что Франция должна бы помочь славянским [племенам] сделаться свободными, я отвечал ему, что [это] никак не укладывается в голове моей. Я полюбил Мицкевича за его личные качества, но прямо говорил ему, что не одобряю его направления и даже не считаю его истинным славянином. У вас,— говорил я,— ваши понятия приобретены страданиями и волнениями жизни, у меня они — чистая принадлежность моего племени, вы высоки как Мицкевич, я высок вне моего имени, только потому, что я истинно русский. Мицкевич сознавался в одном, что Польша должна принадлежать России, присовокупляя однако же,

что это послано ей как наказание за ее беззаконную жизнь. Он нередко бранил русское правительство, не именуя лиц, но всегда с большим уважением упоминал о государе императоре и потом о русском народе; чрезвычайно много хорошего говорил о покойном гр. Бенкендорфе и о гр. Орлове, как истинно русском».

С другими представителями польских партий Чижов желал познакомиться, чтоб узнать все оттенки славянского вопроса, но не успел. Из прочих выходцев он встретился только с гр. Адамом Гуровским (бежавшим из России в 1845 г.) и удивлялся, почему этот человек, отзывающийся с благоговением о государе и с уважением о большей части русских, оставил Россию.

Характер Чижова выражается в двух встречах, которые он имел в Париже и в Бельгии.

В Париже Marmier, который был в России и хвалится знанием нашего языка, между прочим производил слово «князь» от слова «кнут», а «великий князь» от grand кнут. Чижов возразил ему, что если основываться на первых двух буквах, то и слово «Français» [19] можно вывести от слова «fripon» [20].

В Бельгии иезуиты убеждали Чижова принять католическую веру, обещая ему все блага, и небесные и даже земные. Чижов отвечал им: «Если я с переменою веры буду в раю, а все русские пойдут в ад, то мне будет так скучно, что я убегу из рая, и, в избежание этого, лучше останусь русским; Россия есть мой земной рай».

Не удовлетворившись, таким образом, поляками и французами, Чижов снова отправился в славянские земли. Здесь он входил в суждения и споры со всеми известными славянофилами: Шафариком, Ганкой, Гайем, митрополитом Раичичем, Кукулевичем, Штуром и многими другими.

Там узнал он, что все славянские племена, подвластные Австрии и Турции, недовольны своим правительством и ожидают помощи от России для их освобождения, а ученые славянофилы, указывая на личное стеснение, недостаток гражданской свободы и на образ правления, устремляют желания свои к тому, чтобы соединить славянские племена в виде свободных штатов — и вот основание их идеи всеславянства (панславизма).

Слушая эти возгласы западных славянофилов, Чижов, как сам он выражается, «наконец, сплеча отрезал им, что нам, русским, не до славянства и не до штатов, что мы будем славянами, когда будем истинно русскими, а подделываться из какого-то мечтательного понятия под что-то мечтательное было бы просто меньше, чем глупо для человека, принадлежащего к тому государству, которое, не подделываясь, само сделалось властелином чуть не полмира; существование штатов еще загадочно, а существование единодержания у нас не только врослось в понятия, но слилось с молоком матерей и вошло в кровь и плоть отцов почти 50 миллионов, особенно нас, настоящих русских!» Это сильно поразило славянофилов.

Еще замечательно, что каждый славянофил, рассуждая о славянском братстве, требует, чтобы в будущих штатах его племя считали старшим, а потом уже русское.

Только Штур (словак) полагает, что право быть средоточием между славянскими племенами принадлежит русскому народу, потому что этот народ один отстоял свою политическую независимость, имеет собственную, никем, кроме бога, не данную форму государственного быта, сохранил свой язык во всех отраслях жизни — и в суде, и в семье, и в обществе, и в церкви, наконец, на него все смотрят, как на колосс славянский.

Испытывая Штура, Чижов сказал: «Не забудьте, что вы имеете гражданскую свободу». «Не нашу ли конституцию (венгерскую),—отвечал он,— вы называете гражданскою свободой? Найдите мне оковы, которыми бы более можно было оковать всякое благоразумное развитие. У вас же я вижу то, что десятки миллионов привязаны к одному лицу и не только думают, а

веруют, что в нем источник их всеобщего благоденствия. Для меня — это свобода привязанности, которую невозможно приобрести ни страхом, ни подкупом, и которая продолжается целые века, для меня это что-то такое, чего я не встречал в прошедших периодах человеческой жизни и истории человечества».

Потом, указывая на течение Дуная, Штур продолжал: «Здесь один из царей русских, как бы по внушению св[ятого] духа, понял политическое назначение Дуная. Ваш царь Петр Великий, указав на Дунай, сказал: «Вот естественная граница России!» [21]

Таким образом и славянские земли не удовлетворили Чижова. «Во мне усилилось убеждение,— говорит он,— что я должен быть чисто русским, что оставаясь чисто русским, я всего ближе буду к улучшенному состоянию человека, что быть истинно современным, значит быть истинно русским, что принять какую-нибудь другую форму правления, вместо существующей в России, значит отставать от века и усиливать в себе внутренние борения собственных требований с внешними явлениями жизни».

Западные славянисты в любви своей к славянству дошли до того, что считают почти всех, даже греков, славянами. У Коллара [22] нет и не было ничего неславянского: у него и Гомер, и греческая мифология, и народы, населявшие в древности Южную Италию,— все относится к славянам. «Если допустить эту теорию,— пишет Чижов,— то вопрос о славянах, разумеется, всемирный».

Собственные же понятия Чижова о славянстве заключаются в следующем:

Изучая историю, невозможно не видеть, что в каждом периоде является новый господствующий народ на место прежнего, устаревшего. Индусы, египтяне, греки, римляне, народы романские, германские, германо-британские — вот все народы, первенствовавшие в отдельные периоды истории. Ныне в Европе замечается общее недовольство настоящим положением, ожидание чего-то и стремление к лучшему. Многие предусматривают, что приходит время вступить в историю новому племени, и произнести, что грядущее племя есть славянское. Прямые же и едва ли не единственные представители этого племени — мы, русские, потому, что из остальных племен большая часть любят русских, не по идеям, а просто как братьев, и белого царя только что не называют своим царем.

В первый раз Россия двигнута была ко всемирной исторической деятельности императором Петром Великим, хотя его преобразование почти превратило нравы наши в иноземные, так что прошедшее поколение стыдилось говорить по-русски, желало России самого нерусского счастья.

Второй переворот произошел от встречи с Наполеоном. Даже те, которые получили воспитание самое нерусское, все восстали, и не нашлись ни изменники, ни даже такие, которые увлеклись бы величием завоевателя.

Третье явление — начало нашего деятельного выступления на поприще истории — есть царствование императора Николая Павловича. Мы стали русскими на всех путях жизни, в искусствах и науках стремимся быть русскими.

«Если это не называть переворотом,— говорит Чижов,— то и переворотов нет. Что у нас все делается тихо и спокойно, за это нам остается благодарить бога. К тому же, вникая в ход истории, а сущность прежних и настоящих периодов, нельзя было иначе и предполагать. По моему историческому и практическому убеждению, я полагаю, что все перевороты у нас должны происходить непременно бескровно и тихо, тем тише, чем естественнее и народнее будет наше развитие и ход нашего образования.

Я еще не решил себе вопроса,— продолжает Чижов,— о будущем положении славянских народов, но думаю, что как бы это положение ни выразилось, оно выразится согласио с нашей русской жизнью, а русскую

жизнь не могу понять без русского царства. По моему мнению, выражение «неограниченная свобода» не имеет смысла ни при какой форме общественного устройства, потому что всякая хотя бы демагогическая республиканская форма непременно должна будет иметь законы, и, следовательно, ограничения».

Из московских славянофилов известны Чижову Бодянский, Хомяков, Панов, Шевырев, Александр Попов, Аксаков и другие. «Но утвердительно говорю,— пишет Чижов,— что в сем нашем круге нет и быть не может политических замыслов, вследствие нашего общего, самого пламенного политического мнения, что Россия и царь ничем не разъединяются ни в нашей голове, ни в нашем сердце».

Равным образом московские дворяне, из которых многие занимаются вопросом о нравственном и умственном развитии России, по уверению Чижова, не питают никаких политических намерений. «Думаю,— говорит он,— и, кажется, могу утверждать, что в России политических замыслов ныне родиться не может не от боязни, потому что всегда найдутся отчаянные головы, и не от того, чтобы стали тише, чем были прежде, а именно потому, что все истинно русские, образованные люди убеждены, что Россия и царь слиты в единое нераздельное, что любить одну не любя другого нет возможности и что в том и состоит быть русским, чтобы это убеждение перешло за пределы личных небольших неприятностей и личного незначительного утеснения».

О доносах Чижов имеет свои понятия. «Случись,— пишет он,— чтоб я проник политические намерения, пусть меня правительство судит, скажу искренно, я старался бы избегать встречи с людьми, от которых могу услышать разговоры об этом, если же услышал бы, я заставил бы говорящего объявить его предположения. Еще более, кто решился бы высказать передо мной о каком бы то ни было резком поступке против особ императорского дома, тот был бы непременно и всенепременно заставлен мною объявить это самому правительству. Но доносить я был бы не в состоянии. Слова эти не вызваны моим настоящим положением; они давно составляют основу моих нравственно-политических правил. Могут назвать их мелочными и ложными понятиями о чести, я не буду спорить, только желаю, чтобы меня видели таким, каким я есть, а не таким, каким быть может, я должен быть по понятиям правительства».

Малороссию Чижов изображает в другом виде. «Там,— пишет он,— многие страстно любят свою родину. Я всегда говорил им: вот между нами разница,— вы любите родину, а мы, русские, любим отечество. Потому-то мы и незыблемо сильны, что можем в той, другой губернии быть чем-нибудь недовольны, но это недовольство ничего не значит, ибо наша общая родина Россия. Царь для нас не есть средство к личным выгодам, не источник доходов, а часть нас самих. Его честь — наша честь, его жизнь — наша жизнь. Может случиться и случается, что на него и поропщешь, но, несмотря на то, с ним мы связаны всем существом нашим».

Из киевских украино-славянистов кроме Ригельмана, неповоротливого и незамечательного человека, Чижов никого не знал, равно не имел никакого сведения о составлявшемся там обществе св. Кирилла и Мефодия. С Кулишем он познакомился только потому, что намереваясь с 1848 года издавать журнал в Москве под названием «Русский вестник», просил Кулиша сообщать ему литературные статьи.

В будущем журнале своем Чижов предполагает постоянно следить за литературою всех славянских народов, помещая статьи об этом не для распространения славянских идей, а просто как сведения, как вопросы чисто литературные и ученые. Он будет стараться, чтобы журнал его состоял из одних оригинальных русских сочинений и, сколько возможно, избе-

гать переводных. Еще желает он испросить дозволение правительства разбирать все сочинения о России, выходящие за границею, если они написаны в пределах умеренности, и чтобы эти разборы шли не через обыкновенную цензуру, а через собственную канцелярию его и. в.

В прежнее время Чижов начинал писать арифметику для простого народа и доселе занимается составлением истории художеств. Для сего последнего труда он считает нужным со временем предпринять новые путешествия: пожить года полтора в Испании, с год в Англии, с год поездить по Северной Европе, побывать в Греции и на Востоке.

Чижов носил бороду. «Ее отпустил я,— говорит он,— за границею только по общей там моде, а потом привык к ней. При том же, по страсти моей к художествам и составляя историю их, я встречал надобность входить в раскольничьи часовни, чтобы рассматривать живопись образов, а с бородою вход в эти часовни доступнее».

Что же касается до обвинения, представлявшегося против Чижова, будто бы он, находясь в Бреславле, говорил, что многие околомосковные помещики носят бороды для сближения низших сословий с высшими, то Чижов совершенно отвергает это сведение, как несправедливое, тем более, что из околомосковных дворян он не знает никого, кто бы носил бороду.

Рассмотрение дела об Украйно-славянском обществе показало, что Чижов вовсе не принадлежит к нему; равно объяснения его не обнаруживают, чтобы он питал политические намерения ко вреду нашего правительства. Последнее особенно доказывается тем, что у него не найдено никаких преступных бумаг, тогда как он возвращался из-за границы без всякого предуведомления о подозрениях против него, был арестован внезапно и, следовательно, не мог скрыть ничего, что при нем было. Нет сомнения, что он патриот русский, преданность его к государю и отечеству неограничены и заслуживают полного уважения, но тем не менее, совершив несколько путешествий по славянским землям и входив [в] рассуждения со всеми известными славянофилами, он усвоил себе их способ выражений, напыщенных и полутемных, которые могут вводить молодых людей в заблуждение. Поэтому, равно по пылкости его характера, необходимы в отношении к нему некоторые меры осторожности.

Чижов уже сбрил себе бороду.

По высочайшему государя императора повелению, г[осподи]н шеф жандармов лично изъявил Чижову благодарность за ту откровенность, с которой он написал свое показание, не скрыв ни излишней пылкости, ни того неправильного направления, в которое он увлекся. При этом его сиятельство объяснил Чижову, что правительство, нисколько не относя действий его к злоумышлению и вполне доверяя, что поступки его проистекали от добрых начал, тем не менее желает, дабы он умерял свою пылкость, излагал свои мысли с той осторожностию и точностию, которые приличны возмужалому возрасту, не допускал бы рассуждений ни о всемирном вопросе, ни об ожиданиях вступления на поприще истории нового племени, ни других полутемных выражений, могущих сбивать и вводить в заблуждение юношей; что под этим условием государь император соблаговолил дозволить ему продолжать литературные труды, высочайше разрешая присылать свои сочинения вместо обыкновенной цензуры на рассмотрение к его сиятельству. Генерал-адъютант гр. Орлов присовокупил, что его и. в. при таком всемилостивейшем внимании к его, Чижова, образованности, надеется приобрести в нем полезного своего поборника не выступающего из пределов, правительством предначертанных, труды которого, не касаясь мечтаний славянофилов, будут поселять в новом поколении безусловную преданность к России и ее венценосцам.

После этого Чижов освобожден из-под ареста.

Мая 27

Сообщено: министру народного просвещения, чтобы он, под благовидным предлогом, отклонил от Чижова разрешение на издание журнала под названием «Русский вестник»; министру внутренних дел, чтобы в случае просьбы Чижова и дозволении вновь отправиться за границу не был выдаваем заграничный паспорт без предварительного сношения с шефом жандармов; начальнику 2-го округа корпуса жандармов об учреждении с его стороны за Чижовым самого секретного и незаметного наблюдения и генерал-адъютанту Адлербергу — о прекращении перлюстрации писем Чижова.

Между тем Чижов еще в первые дни доставления его в С.-Петербург объявил, что коляска, в которой он приехал, так же находившиеся в ней халат и 13 рубашек, принадлежат не ему, а бродскому еврею и суть контрабандные.

Случай этот Чижов объяснил следующим образом: в Бродах один еврей предложил ему ехать далее в коляске его, еврея, не сказав, что в ящике этой коляски находятся халат и рубашки; Чижов, не подозревая ничего, воспользовался сделанным ему предложением и переехал в означенной коляске через границу; но в Радзивилловской таможне объяснили ему, что коляска, халат и рубашки — контрабанда и что таким образом евреи часто вводят путешественников в обман, дабы провезти свои вещи без пошлины. В Радзивиллове коляска и вещи не были оставлены потому, что Чижова предписано было арестовать и доставить в С.-Петербург со всеми вещами.

Шефом жандармов тогда же разрешено было Чижову поступить в этом случае, как он признает удобнейшим, не представляя даже вещей в таможню, по их незначительности, но Чижов сам, желая поступить сколь возможно справедливее и законнее, являлся в департамент внешней торговли. Там объявили ему, что если он представит вещи, то дело начнется по установленным формам с допросами и продолжительною перепискою, а потому дело это нанесет ему многие беспокойства.

Чижов, озабоченный своими делами, по которым он должен немедленно отправиться из. С.-Петербурга, явившись в III отделение, просил о дозволении оставить вещи здесь, поручив одному из знакомых его продать их, и потом деньги отослать в Броды к тому еврею, которому принадлежат вещи. Эту меру находили возможною при частном разговоре с Чижовым и в департаменте внешней торговли, тем более, что коляска, халат и рубашки уже перевезены в Россию и не составляют значительной ценности.

Чижову разрешено поступить по означенному его предположению.

Мая 28

Генерал-адъютант Бибиков доставил подробное показание, отобранное от бывшего студента Афанасия Марковича, присовокупляя, что студент этот содержится под арестом в Киевской крепости, доселе не высылается за болезнью и будет, по выздоровлении, немедленно отправлен в С.-Петербург.

В показании своем Маркович объясняет, что он никогда не принадлежал к Славянскому обществу и не занимался никакими предположениями о соединении славян, что только Костомаров при одном разговоре об ученых предметах сказал ему, что было бы не худо принадлежать ему, Марковичу, к обществу, которое уже составилось, и при этом показал на руке своей кольцо, как знак общества, но он, Маркович, понимая, что для ученых обществ не нужно никаких знаков, отказался от этого; через несколько же времени Костомаров при возобновлении подобного же разговора сказал со смехом, что общество уже расстроилось и более не существует, что поэтому он, Маркович, не придавал означенным словам Костомарова особенной важности и впоследствии забыл о них.

На другие вопросы Маркович отвечал, что он совещался еще с Костомаровым, Гулаком и Посядой об издании чтения для простого народа и о сборе для этого денег, но при этом не имелось ввиду ничего, кроме образования крестьян, к мысли же улучшить быт простого народа он, Маркович, приведен был тем, что часто был очевидным свидетелем их пьянства и безнравственной жизни.

Относительно писем Гулака, Белозерского и Кулиша, найденных у Марковича, последний объясняет, что хотя в них встречаются выражения, кажущиеся сомнительными, например, в письме Кулиша: «совершаются ныне в тишине дела, чреватые важными следствиями»; в письме Белозерского: «я начертал себе план действий, который расширится сильно и принесет плоды, в Полтаве много найдется таких, в которых можно посеять святую любовь к родине» и проч[ее]; но все эти выражения относятся или до ученых трудов, или до дел обыкновенной жизни, не заключая в себе никакого преступного смысла.

О найденных у Марковича возмутительных стихах он показал, что стихи эти сочинения Шевченки, что получил их от Навроцкого, оставил у себя из одного любопытства, свойственного молодым людям, раскаивается в этом и просит великодушного прощения.

Таким образом, показание Марковича обнимает почти все предметы представлявшихся против него обвинений; осталось необъясненным только донесение студента Петрова, который находясь уже в С.-Петербурге, объявил, будто Маркович был приверженцем Украино-славянского общества и весьма ревностно действовал к достижению своей цели.

Донесение Петрова едва ли не преувеличено, тем более, что никто из прочих показателей не называет Марковича участником Украино-славянского общества, которое, как уже известно, состояло только из трех лиц — Гулака, Костомарова и Белозерского. Но нет также сомнения, что Маркович принадлежит к пламенным украйнофилам. Это доказывается и его бумагами: он, например, писал к Гулаку, что если б не имел ввиду купить землю в Малороссии, то не ручался бы за свои чувства и что в деле для родины на него можно положиться «як на передни волы»; и письмами сестры его Е. фон Кирхштейн, которая укоряла его в излишней привязанности к Малороссии, доказывая, что лучше заниматься изучением русского языка, нежели малороссийского, и что патриотизмом она считает любовь не к одной какой-либо губернии, а к отечеству.

В то же время от Киевского военного губернатора доставлено показание служащего в его канцелярии титулярного советника Николая Ригельмана, который прикосновен к делу об Украино-славянском обществе потому, что в бумагах Кулиша найдены были два письма его, Ригельмана, к заграничным славянофилам Ганке и Штуру с сомнительными выражениями о славянском развитии, о возвышении простого народа, о чувстве общего братства и равенства и о том, что пора приняться за уничтожение недостойных преград, поставляемых людьми недостойными.

Ригельман в показании своем объясняет, что он, быв за границей в 1843 г., познакомился с Ганкой и Штуром, как с учеными людьми, и потом, узнав от Кулиша, что он отправляется в заграничные славянские земли, просил его отвезти к ним письма, что в этих письмах он говорил о трудах ученых славянофилов, о братстве и равенстве, с которыми встречают нас, русских, иностранные славяне; под недостойными преградами разумел те, которые в Венгрии поставляются развитию просвещения, и вообще содержание писем его относит до предметов чисто ученых, что он только случайно встречался с Костомаровым, а с Гулаком и прочими их товарищами вовсе не был знаком и не имел ни малейшего сведения об Украино-славянском обществе.

Генерал-адъютант Бибиков присовокупил, что в бумагах Ригельмана не оказалось ничего сомнительного; что в переписке его, подвергнутой перлюстрации, также ничего не открывается, что чиновник этот обращается в высшем кругу, в котором участники Украйно-славянского общества не бывали, а потому он не мог быть в связях с ними и что Ригельман хорошо образован, характера скромного и ни в чем предосудительном на замечен.

Надворный советник Чижов в своем показании упоминал о Ригельмане, как о славянофиле киевском, называя его неповоротливым и незамечательным человеком.

Мая 29

Признано возможным, не ожидая доставления в С.-Петербург из Киева бывшего студента Марковича и из-за границы помещика Савича, окончить дело насчет содержащихся в С.-Петербурге под арестом украино-славянистов, ибо дело о них произведено с такой строгостью и подробностью, что может считаться вполне обследованным.

При обзоре всех обстоятельств дела оно представляется в следующем виде:

Украйно-славянское общество существовало в исходе 1845 и начале 1846 г. между тремя лицами — Гулаком, Белозерским и Костомаровым. По предложению последнего из них, общество это называлось Славянским обществом св. Кирилла и Мефодия, а знаком приняты были кольца или образа во имя сих святых.

Цель общества состояла в присоединении к России иноземных славянских племен с тем, чтобы они были устроены на том основании, на каком состоит Царство Польское. Средством для этого украино-славянисты полагали: воодушевление славянских племен к уважению собственной их народности, изгнание из нравов их всего иноземного, уничтожение вражды и водворение согласия между ними, склонение их к исповеданию одной православной веры, заведение училищ и издание книг для простого народа.

Вскоре учредители общества сами увидели, что теоретические предположения их несообразны с практическим ходом дел и в половине 1846 г. перестали называть круг свой обществом, положив заниматься изучением истории и языков славянских, как наукой, без всякой политической цели.

Хотя ввиду имеется донесение, что украино-славянисты, особенно Гулак, предавались и революционным идеям, но Белозерский, Костомаров, а после и Гулак решительно отвергли это обвинение, доказывая, что даже в мыслях их никогда не было ни народных потрясений, ни преобразования законных властей в России, а тем менее каких-либо вооруженных действий.

Кроме того, у некоторых из участников Украйно-славянского общества находились: устав общества, составленный Белозерским по примеру уставов учено-литературных обществ, существующих у лужичан, чехов и сербов, рукопись преступнейшего содержания, служащая истолкновением тому же уставу и сочиненная тем же Белозерским; другая рукопись «Закон божий» или «Поднестрянка», получившая ход от Костомарова, исполненная революционных и коммунистических правил с возмутительными воззваниями к славянским племенам; также стихотворения Шевченки, самого возмутительного и дерзкого содержания, но украино-славянисты утверждают, что эти рукописи никогда не были основанием или правилами бывшего их общества.

Костомаров издал еще под псевдонимом Иеремии Галки две книги: «Украинские баллады» и «Ветка», обращающие на себя внимание мыслями о прежних набегах казаков и гетманщине, а Гулак увеличил вину свою

необыкновенно упорным запирательством, продолжавшимся два месяца, и только после очных ставок, когда увидел, что дело обнаружено во всех обстоятельствах, принес сознание.

Еще к Украино-славянскому обществу приближались, хотя не участвовали в оном, действительный студент Навроцкий и студенты Киевского университета Андрузский и Посяда:

Навроцкий, родственник Гулаку и в продолжении года жил у него на квартире, и потому не мог не знать о предположениях украино-славянистов, но он не сознался не только в этом, даже в чтении рукописи «Закон божий» и возмутительных стихотворений Шевченки, тогда как в последнем был уличен на очной ставке. Вина Навроцкого важна не по сближениям его с украино-славянистами, а по упорству его в запирательстве, которое он как бы перенял от родственника своего Гулака.

Андрузский, имеющий от роду 19 лет, сочинял стихи возмутительного содержания и проекты о государственном преобразовании в России, доходя в последних до мысли об учреждении республики; при производстве же следствия делал неосновательные показания, увеличивая вину некоторых или называя членами общества лиц, вовсе не принадлежавших к оному, но после очных ставок признал неправильность первого показания и с искренним раскаянием испрашивал прощения; он еще обнаружил себя пламенным украинофилом и даже в последнем объяснении своем упомянул, что никогда не отступится ни от малороссийского языка, ни от любви к Украйне.

Посяда в составляемых им записках и проектах просьб, содержание которых впрочем он не распространял, выражал плач о бедственном будто бы положении Малороссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами.

Наконец, двое, художник Шевченко и [чиновник] 9 класса Кулиш, хотя вовсе не участвовали в Украйно-славянском обществе, но были в коротких связях с учредителями общества и виновны по отдельным своим собственным, действиям.

Шевченко сочинял стихи на малороссийском языке, самого возмутительного содержания. В них он то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольнице казачества, то с невероятною дерзостью изливал клеветы и желчь на особ, к которым обязан питать благоговейное уважение.

Кулиш в изданных им сочинениях «Повесть об украинском народе», «Украина» и «Михайло Чарнышенко» с восторгом описывал дух прежнего казачества, наезды гайдамаков изображал в виде рыцарства, представлял историю этого народа едва ли не знаменитее всех историй, славу его называл всемирною, приводил песни украинские, в которых выражается любовь к вольности, намекал, что этот дух не простыл и доселе таится в малороссиянах, описывал распоряжения императора Петра I и преемников его в виде угнетений и подавления прав народных.

Сочинения Кулиша могли столько же поселять в малороссиянах мысли о возможности существовать отдельно, сколько стихотворения Шевченки, и тем более производить вреда, что одно из них издано «для детей старшего возраста». Разница между этими двумя писателями та, что Кулиш, увлекаясь любовью к родине, не предполагал, чтобы мнения его могли быть приняты в дурном смысле и, когда указали ему на двусмысленные места в его книгах, он с ужасом увидел, что мысли его действительно могли сделаться причиной больших беспорядков.

Вообще вред от украйнофилов мог происходить хотя медленный, но тем более опасный, что они, быв при воспитании юношества, имели случай

посевать в возрастающем поколении испорченность и приготовлять будущие неустройства.

Обо всем этом было всеподданнейше доложено государю императору и его величество высочайше повелеть соизволил:

1) Гулака, как главного руководителя Украино-славянского общества, весьма долго запиравшегося, а еще более, как человека, способного на всякое вредное для правительства предприятие, заключить в Шлиссельбургскую крепость на три года и потом, буде исправится в образе мыслей, отправить в отдаленную губернию под строжайший надзор.

2) Костомарова, хотя впоследствии сознавшегося во всех преступлениях, но виновного особенно потому, что он был старее всех по летам, а по званию профессора обязан был отвращать молодых людей от дурного направления, заключить в Алексеевский равелин на один год и после того отправить в Вятку на службу, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора.

3) Белозерского за откровенность и во уважение того, что он, при искреннейшем раскаянии, дал точное и положительное сведение об Украино-славянском обществе, определить на службу в Олонецкой губернии, не лишая его преимуществ, прежде приобретенных, но не по ученой части, и с учреждением за ним надзора.

4) Шевченку определить рядовым в Отдельный оренбургский корпус с правом выслуги под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений.

5) Кулиша, воспретив ему писать, заключить в Алексеевский равелин на четыре месяца и потом отправить на службу в Вологду, никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора, и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу.

6) Андрузского в уважение того, что молод летами и искренно повинился в своих преступлениях, отправить для окончания курса наук в Казанский университет и потом определить на службу в одну из великороссийских губерний с учреждением за ним и во время учения и на службе строгого надзора, а также не увольнять его в Малороссию.

7) Навроцкого отправить в Вятку, выдержать его там шесть месяцев в тюремном заключении и после того определить на службу в один из уездных городов Вятской губернии по назначению губернатора, с учреждением за ним строгого надзора.

8) Посяде вменить в наказание содержание под арестом и отправить его в Казанский университет для окончания курса наук, потом определить на службу в одну из великороссийских губерний.

9) Белозерскому, Навроцкому, Андрузскому и Посяде [выдать] по 200 р[уб]. серебром на обмундирование и первоначальное обзаведение.

10) Матери Костомарова и жене Кулише, во все время содержания в крепости сына первой и мужа последней, выдавать жалование, какое получали Костомаров и Кулиш, дозволив им видеться в крепости с сыном и мужем, но не иначе, как при коменданте.

11) Жене коллежского асессора Мазуровой, которая прибыла в С.-Петербург с дочерью своей, невестой Костомарова, выдать 300 р[уб]. серебром на возвратный путь в Киев.

12) Напечатанные сочинения Шевченки «Кобзарь», Кулиша «Повесть об украинском народе», «Украина» и «Михайло Чарнышенко», Костомарова «Украинские баллады» и «Ветка» запретить и изъять из продажи.

13) Цензорам, дозволившим печатать упомянутые сочинения, сделать строгий выговор, с тем, чтобы это не лишало их никаких прав, службой приобретенных, как людей отлично аттестованных и сделавших ошибку бо-

лее по неосторожности, нежели по умышлению; и от министра просвещения предписать вообще цензорам обращать на труды литераторов более строгое внимание.

14) Генерал-адъютантам Бибикову и Кокошкину сообщить, чтобы они наблюдали во вверенных им губерниях, не остались ли в обращении стихотворения Шевченки, рукопись «Закон божий» и другие возмутительные сочинения, также не питаются ли мысли о прежней вольнице, гетманщине и о правах на отдельное существование; чтобы обращали внимание на тех, которые особенно занимаются малороссийскими древностями, историею и литературою и старались бы прекращать в этой области наук всякое злоупотребление, но самым незаметным и осторожным образом, без явных преследований и сколь возможно не раздражая уроженцев Малороссии.

15) Студента Киевского университета Петрова, который донес о существовании Украйно-славянского общества и тем доставил правительству возможность прекратить зло в самом начале, определить сверх штата в III отделение С. е. и. в. канцелярии, с чином и правами по производству в дальнейшие чины наравне с действительными студентами университетов, выдав ему на обмундирование 500 р[уб]. серебром, с тем, чтобы впоследствии сделано было ему приличное денежное вспомоществование, смотря по степени его усердия к службе. Сверх того матери Петрова, получающей с детьми пенсии 100 р[уб]. серебром, увеличить эту пенсию до 200 р[уб]. серебром в год.

Счастливое обнаружение Украйно-славянского общества и уничтожение оного в самом корне, конечно упрочит на десятки лет то спокойствие в Малороссии, которое там могло быть нарушено.

Между тем производство дела об Украйно-славянском обществе показало, что славянофильские идеи не принадлежат одним лицам, прикосновенным к упомянутому делу, но составляют предмет рассуждений многих ученых людей.

У нас славянофилы, большей частью московские писатели, доселе действуют в видах нашего правительства. Заботясь об утверждении языка и образа мыслей собственно русских, об очищении нашей народности от излишних примесей иноземного; они могут быть благодетельными двигателями в государстве, орудиями самостоятельности и могущества его, так что правительство должно поощрять их.

В Киеве же и Малороссии славянофильство превратилось было в украйнофильство. Там молодые люди с идеей соединения славян соединяют мысли о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии, доходя даже до мечтаний о возвращении времен прежней вольницы и гетьманщины.

Хотя из этих двух направлений украинофильство опаснее, но и славянофилы, выражаясь напыщенно и двусмысленно о всемирном вопросе насчет славян, об ожидании выступления нового племени на поприще истории и проч[ее] нередко заставляют сомневаться, не кроются ли под их патриотическими возгласами и противных нашему правительству целей.

И славянофилы и украинофилы, в особенности первые, не заговорщики, не злоумышленники и увлекаются только: первые — модным направлением наук, а вторые — пылкой любовью к своей родине, но правительство должно принять некоторые меры осторожности как относительно славянофилов, чтобы возгласы их о присоединении к России иноземных славян не навлекли неудовольствие соседственных держав, владеющих славянами, так и особенно против украинофилов; ибо мысли последних о восстановлении народности их родины могут повести малороссиян, а за ними и других подвластных России народов к желанию существовать самобытно.

Об этом также было всеподданнейше доложено государю императору и хотя министр народного просвещения уже принял меры для направления

трудов ученых к рассуждениям о народности, языке и литературе собственно русских, но е. и. в. указать соизволил, объявить еще положительное высочайшее повеление, чтобы наставники и писатели действовали в духе и видах правительства, отнюдь не допуская ни на лекциях, ни в книгах и журналах никаких предположений о присоединении к России иноземных славян, и вообще ни о чем, что принадлежит правительству, а не ученым, чтобы они рассуждали сколь возможно осторожнее там, где дело идет о народности или языке Малороссии и других подвластных России земель, не давая любви к родине перевеса над любовью к отечеству, чтобы все выводы ученых и писателей клонились к возвышению не Малороссии, Польши и прочих стран отдельно, а Российской империи в совокупности народов ее составляющих, чтобы цензоры обращали строжайшее внимание особенно на московские, киевские и харьковские периодические издания и на все книги, печатаемые в славянофильском духе, не допуская в них тех полутемных и двусмысленных выражений, которыми они изобилуют, и которые, хотя не заключают в себе злоумышленной цели, могут однако же людей злонамеренных приводить к предположениям о самостоятельности и прежней вольнице народов, подвластных России.

Мая 30

Высочайшее решение и о наказаниях и о милостях объявлено всем кому следовало. При этом обратили на себя внимание Шевченко, Костомаров, Белозерский и жена Кулиша.

Шевченко принял это объявление с величайшей покорностью, выражал за дарованное ему право выслуги глубочайшую благодарность к государю императору и с раскаянием, сквозь слезы, говорил, что он сам чувствует, сколь низки и преступны были его занятия. При этом Шевченко сказал, что не получил никакого воспитания и образования до самого того времени, когда был освобожден из крепостного состояния, а потом вдруг попал в круг студентов и других молодых людей, которые совратили его с прямой дороги. Он обещал употреблять все старания вполне исправиться и сделаться достойным оказанного ему снисхождения.

Костомаров особенно тронут был объявлением, что государь император всемилостивейше повелел матери его, Костомарова, во время содержания его в крепости, производить жалование, которое он получал, дозволив ей видеться с ним во время его заключения. При этом объявлении Костомаров залился слезами и, упав на колени, возсылал молитвы и е. и. в., выражая неограниченную благодарность. Между прочим он сказал, что в иностранных государствах за столь важное преступление поступили бы по точной букве закона, а ему милосердием государя дарована еще возможность загладить преступления будущей усердною службою.

Белозерский, тронутый до глубины души оказанным ему снисхождением, не находил слов для выражения глубочайшей благодарности к государю императору, столь милостиво соизволившему поступить с ним. Не довольствуясь этим, он испросил дозволения и написал письмо к г[осподину] шефу жандармов, изъявляя чувства благодарности к его сиятельству и прося довести о его верноподданнической, неограниченной преданности до высочайшего сведения.

Жена Кулиша (сестра Белозерского), при объявлении монаршего повеления о выдаче ей в продолжении четырех месяцев жалованья ее мужа, и о разрешении видеться с ним в крепости, изъявила столько же искреннейшую благодарность, как и брат ее.

После этого высочайший приговор исполнен следующим образом:

Костомаров и Кулиш переданы в распоряжение коменданта С.-Петербургской крепости, а Шевченко — военному министру.

Гулак, Белозерский, Навроцкий, Андрузский и Посяда отправлены в сопровождении жандармских офицеров: первый — в Шлиссельбург, к коменданту; второй в Петрозаводск и третий в Вятку, к гражданским губернаторам, а последние два в Казань к исправляющему должность попечителя Казанского учебного округа. Как Навроцкий, Андрузский и Посяда должны ехать по одному казанскому тракту, то они отправлены с такой рассрочкой во времени, чтобы в дороге не могли встретиться. Пожалованные же Белозерскому, Навроцкому, Андрузскому и Посяде деньги, по 200 р[уб]. серебром, посланы к губернаторам и попечителю казанского учебного округа, дабы Белозерскому и Навроцкому выданы были оные по определении их на службу, а Посяде и Андрузскому выдавались по мере их надобности.

300 р[уб]. серебром отосланы к Мазуровой (матери невесты Костомарова), а для распоряжения к производству матери Костомарова и жене Кулиша жалования сына первой и мужа последней, потребовано сведение из Министерства народного просвещения, сколько Костомаров и Кулиш получали жалованья.

Равно сделаны все должные распоряжения к производству увеличенной пенсии матери студента Петрова и к определению последнего в III отделение, с предоставленными ему преимуществами и с назначением содержания наравне с самым меньшим окладом чиновников III отделения — по 515 р[уб]. серебром в год; а пожалованные Петрову в пособие 500 р[уб]. серебром будут выдаваться ему по мере надобности.

Действительному тайному советнику гр. Уварову и генерал-адъютантам Бибикову и Кокошкину подробно сообщены все обстоятельства дела для исполнения по предметам, относящимся до их распоряжений.

Равным образом обо всем доведено до сведения наместника Царства Польского и министра внутренних дел.

Министр народного просвещения, которому сообщено было и о том, что надворному советнику Чижову объявлено высочайшее повеление, дабы он все сочинения свои представлял не в обыкновенную цензуру, а к шефу жандармов, уведомил, что Чижов являлся к нему, гр. Уварову, объясняя, между прочим, о желании своем издавать журнал; но ему решительно объявлено, что получит дозволение только тогда, когда правительство найдет, по обстоятельствам, удобным умножить число периодических изданий, ныне же он на это рассчитывать не может.

Генерал-адъютант Бибиков доставил письмо со вложением трех р[уб]. серебром, полученные в Киеве на имя студента Александра Андрузского, полагая, что это письмо следует студенту Андрузскому. Но по справке оказалось, что Андрузского зовут Егором и сам он объяснил, что в Киевском университете есть другой студент, даже не родственник ему, Александр Андрузский [23], и что письмо писано к сему последнему. Потому письмо, не заключавшее в себе ничего важного, и деньги возвращены в Киев для выдачи по принадлежности.

От него же, генерал-адъютанта Бибикова, доставлено письмо на малороссийском языке, найденное в Киеве в бывшей квартире Костомарова из С.-Петербурга без подписи фамилии на имя Кулиша.

Это письмо не заключает в себе обстоятельств особенно важных, но тем не менее обнаруживает в сочинителе приверженцев Украйны, с насмешкою и как бы с недоброжелательством взирающего на русских. В одном месте письма своего он говорит: «Когда читаешь сочинения Шевченки, то чувствуешь какую-то высшую силу поэзии!» В другом месте, описывая собственный свой безразсудный поступок о переходе своем (в феврале месяце) через Неву не по общей дороге, а по едва проложенной тропинке, на которой чуть было не попал в полынью, он прибавляет: «Полуумная москальва верно невод тянула или что-нибудь!»

Кулиш объяснил, что письмо это было писано к нему сотоварищем его по Новгород-Северской гимназии Петром Сердюковым. По справке же оказалось, что Сердюков, бывший студент Киевского университета, уроженец Черниговской губернии, жительствует в С.-Петербурге без всяких занятий и неизвестно, чем содержит себя. Впрочем в двух квартирах, в которых он жил, отзываются о нем одобрительно.

За Сердюковым учрежден секретный присмотр и предположено пригласить его в III отделение.

Соображение обстоятельств, относящихся до бывшего студента Киевского университета Марковича и служащего в канцелярии киевского военного губернатора титулярного советника Ригельмана, которых показания рассмотрены 28 мая, привело к следующим заключениям:

Маркович хотя не принадлежал к Украино-славянскому обществу, но был приглашаем вступить в оное, и не донес об этом, заботился с другими украино-славянами об издании книг для образования простого народа, хранил у себя возмутительные стихи и питает такую привязанность к родине своей, Малороссии, какую должен питать к отечеству, России.

Ригельман во время бытности, в 1843 г., за границей, свел связи с западными славянофилами, Ганкой и Штуром, и в двух письмах к ним употребил сомнительные выражения о славянском развитии, о возвышении простого народа, о чувстве общего братства и равенства и проч[ее]. Впрочем Ригельман истолковывает эти выражения в ученом смысле, доказывая, что с киевскими украино-славянистами он даже не был знаком и не имел о их обществе никакого понятия, а генерал-адъютант Бибиков засвидетельствовал, что Ригельман ни в чем предосудительном не замечен.

По всеподданейшему докладу об этом, государь император высочайше повелеть соизволил: Марковичу вменить в наказание содержание в Киевской крепости и выслать его на службу в Орловскую губернию, с воспрещением увольнять в Малороссию, доколе не докажет безвредность своего образа мыслей усердною службою и степенным поведением, а за Ригельманом учредить строгий надзор и оставить его в настоящем положении, если генерал-адъютант Бибиков примет на свою ответственность, что от него, Ригельмана, не произойдет никаких вредных последствий, в противном же случае перевести его на службу, не лишая приобретенных им преимуществ, в одну из великороссийских губерний под строгий надзор.

Мая 31

Об исполнении таковой монаршей воли сообщено министру внутренних дел и киевскому военному губернатору, с тем, чтобы последний уведомил, которая из упомянутых двух мер будет принята относительно Ригельмана, а также предписано, чтобы за Марковичем, по доставлении его в Орловскую губернию, имелось со стороны корпуса жандармов секретное наблюдение.

Июня 2

Определенный рядовым в Отдельный оренбургский корпус Тарас Шевченко перед отправлением его из III отделения, объявил, что у киевского гражданского губернатора остались рисунки его, киевские виды, и ящик с разными вещами. Действительному статскому советнику Фундуклею сообщено о доставлении этих рисунков и ящика в III отделение для отправления по принадлежности.

Из Киева доставлен бывший студент Маркович, о котором дело высочайше решено и о высылке которого на службу в Орловскую губернию уже объявлено 31 мая к исполнению кому следовало.

Июня 3

Министр народного просвещения уведомил, что Костомаров и Кулиш получали штатного жалования: первый по 600 р[уб]., а второй по 643 р[уб]. 31 коп. серебром в год. Вследствие сего сообщено министру финансов о доставлении в III отделение, на известное его и. в. употребление, жалования Костомарова за год и Кулиша за четыре месяца, то есть за то время, которое они будут содержаться в Алексеевском равелине,— всего 814 руб. 43 коп. серебром для выдачи матери Костомарова и жене Кулиша.

Еще в апреле месяце, при всеподданнейшем докладе описи бумаг Марковича, между которыми находятся письма сестры его Е. фон Кирхштейн, весьма замечательные по уму, правильности суждений насчет значения любви к родине и любви к отечеству и по истинному русскому патриотизму, государь император против выписки из этих писем собственноручно написать соизволил: «Узнать кто она, где она, где воспитывалась и кто муж ее?»

Как из писем фон Кирхштейн невозможно было безошибочно определить ее местопребывание, то исполнение монаршей воли приостановлено было до прибытия в С.-Петербург брата ее.

Маркович был спрошен по этому предмету и объявил следующее:

Сестра его, Екатерина, имеет фамилию Керстен, а Кирхштейн подписалась на нескольких из своих писем, вероятно, потому, что желала придать своей фамилии философический смысл Kirch и Stein [24]. Она Марковичу внучатная сестра, имеет около 20 лет от роду и находится еще в девицах. Жительствует она у своего родителя, майора Керстена, который служит судьею в Золотоношском суде Полтавской губернии. Девица Керстен получила воспитание домашнее. «Воспитанием ее,— говорит Маркович,— были благие нравы семьи и образованная мать». Детьми своими, в письмах к брату, она называет сирот, четырех малолетних братьев и сестер своих от второго брака ее родителя, уже лишившихся своей матери. Майор Керстен, недостаточного состояния, в недавнем времени потерпел от пожара и ныне с семейством своим, в том числе и с старшей дочерью Екатериной, живет в чужом доме, поддерживаясь христианским великодушием одного соседа.

Июня 4

Маркович отправлен из III отделения, в сопровождении жандармского офицера, в город Орел, к военному губернатору, которому сообщено для исполнения, последовавшее насчет Марковича высочайшее повеление; равно извещены об этом министр внутренних дел и киевский военный губернатор.

Июня 5

Из С.-Петербургского почтамта доставлено письмо, полученное из Николаева на имя заключенного в Шлиссельбургскую крепость Николая Гулака от родителя его, помещика Херсонской губернии.

В письме этом отец удивляется молчанию сына, выражает отчаяние матери, даже изъявляет опасение насчет жизни сына и просит с первой почтой уведомить о себе.

Письмо это отправлено к Шлиссельбургскому коменданту для передачи Николаю Гулаку с тем, чтобы последний написал к родителям своим письмо, поместив в оном одни родственные объяснения, и чтобы письмо его было доставлено в III отделение для отправления по назначению.

По дальнейшему наблюдению за студентом Сердюковым оказалось, что он три года обучался в университете св. Владимира, потом год в Московском, а ныне считается вольным слушателем в С.-Петербургском университете.

Как, с одной стороны, такие частые переходы из университета в университет наводят сомнение в благонадежности Сердюкова, а, с другой,

письмо его к Кулишу показывает, что он принадлежит к приверженцам Украйны и питает нерасположение к русским, то министру народного просвещения сообщено об учреждении за Сердюковым секретного, но строгого наблюдения.

Июня 9

Генерал-адъютант Бибиков уведомил, что учитель Каменецкой гимназии Чуйкевич, вытребованный в Киеве и заключенный в крепость, оказался неприкосновенным к Украино-славянскому обществу; ибо он был знаком с Костомаровым без всяких отношений к обществу св. Кирилла и Мефодия, а навлекавшее сомнение письмо его объяснилось в смысле домашнем, касающемся до собственных дел его, Чуйкевича. Поэтому Чуйкевич освобожден из крепости и возвращен к месту его служения.

Июня 14

По всеподданнейшему докладу о девице Керстен, которая в письмах своих излагала благие советы заблуждавшемуся родственнику ее, бывшему студенту Марковичу, государь император высочайше повелеть соизволил: выдать упомянутой девице 1000 руб. серебром в уважение высоких чувств ее и в пособие по случаю тех потерь, которые она могла понести от пожара, происшедшего в доме ее родителя; сверх того, спросить начальницу Полтавского института благородных девиц, не пожелает ли она иметь девицу Керстен, когда последняя достигнет более зрелого возраста, классной дамой в институте.

О пожалованных деньгах писано министру финансов и самой девице Керстен, а о сношении с начальницею Полтавского института сообщено статс-секретарю Лонгинову.

Ч. XIX, арк. 85—168. Автограф.

ДОДАТКИ

ПРИМІТКИ

Частина дев'ята

СПРАВА І. Я. ПАСЯДИ

[1] Бібіков Д. Г.— див. т. І., ч. І, прим. 1.— Док. № 1.
[2] Орлов О. Ф.— див. Т. І, ч. І, прим. 2.— Док. № 1.
[3] Див. док. № 198.— Док. № 1.
[4] Тулуб О. Д.— див. т. І, ч. І, прим. 41.— Док. № 1.
[5] Пасяда І. Я. Посяда, Посяденко, власноручний підпис Пасяда.— Див. т. І, ч. І, прим. 25.— Док. № 1.
[6] Гулак М. І.— див. т. І, ч. І, прим. 5.— Док. № 2.
[7] Куліш П. О.— див. т. І, ч. І, прим. 18.— Док. № 2.
[8] Савич М. І.— див. т. І, ч. І, прим. 6.— Док. № 2.
[9] Навроцький О. О.— див. т. І, ч. І, прим. 10.— Док. № 2.
[10] Можливо, Толленс Генріх Каролюсзоон (1780—1856) — нідерландський поет і драматург, автор творів «Gedichten» «Вірші» (1808—1815); «Romancen, balladen en legenden» («Романси, балади і легенди») (1818); «Liedjes van Glaudius» («Пісні Клавдія») (1832). Він користувався широкою популярністю серед читачів переважно середнього стану.— Док. № 2.
[11] Див. док. № 4.— Док. № 2.
[12] Див. док. № 3.— Док. № 2.
[13] Об'єднання Литви з Польщею в єдину державу відбулося за Кревською угодою 1385 р. шляхом династичного шлюбу польської королеви Ядвіги з великим литовським князем Ягайлом. Ягайло разом з підданими зобов'язувався прийняти католицьку віру і приєднати до Польщі литовські, українські і білоруські землі. Безпосереднє підкорення українських земель Польщею почалося в 30-х роках XV ст., коли (1430) польські феодали захопили Поділля. Після Люблінської унії 1569 р. під владою Польщі опинились майже всі українські землі (Підляшшя, Волинь, Брацлавщина і Київщина).— Док. № 2.
[14] Див. док № 5, 6.— Док. № 2.
[15] Див. док. № 7, 8.— Док. № 2.
[16] Шевченко Т. Г.— див. т. І, ч. І, прим. 11.— Док. № 2.
[17] Йдеться про поему Т. Г. Шевченка «І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм в Україні і не в Україні моє дружнєє посланіє» — див. Т. Шевченко. «Три літа». Автографи поезії 1843—1845 рр.— К., 1966.— Док. № 2.
[18] Поеми «Сон», «Кавказ» — див. Т. Шевченко. «Три літа». Автографи поезії 1843—1845 рр.— К., 1966.— Док. № 2.
[19] Слова «людей питати, прохати» написані замість закреслених «до сестри своєї приставати».— Док. № 3.
[20] Збоку листа приписка: «Хіба мало сего на світі буває, що жаба с биком в сраженьє вступає».— Док. № 3.
[21] Далі одно слово закреслено.— Док. № 3.
[22] Закреслено: «и милим».— Док. № 3.
[23] Кілька слів не прочитано.— Док. № 3.
[24] На арк. 4 напис: «Конверт. Бумаги Посяды. 1—4 экземпляра». Помощник начальника архива А н т о н о в. Вложение.— Док. № 3.
[25] Україна *(франц.)*.— Док. № 4.
[26] Закреслено.— Док. № 4.
[27] Закреслено: «основ]анин] но и же».— Док. № 4.
[28] Закреслено: «в [слово нерозбірливе] стране».— Док. № 4.
[29] Закреслено: «неравн[одушных]».— Док. № 4.
[30] Слово нерозбірливе.— Док. № 4.
[31] Закреслено: «наша».— Док. № 4.
[32] Закреслено: «эти же».— Док. № 4.
[33] Закреслено: «или».— Док. № 4.
[34] Закреслено: «в 10 р. перекр.»— Док. № 4.
[35] Закреслено: «земл[и]».— Док. № 4.
[36] Закреслено: «уж[асным]».— Док. № 4.

[37] Так у тексті.— Док. № 4.
[38] Закреслено: «ваше высокопревосходительство».— Док. № 5.
[39] Закреслено: «убогое».— Док. № 5.
[40] Закреслено: «моя, автора».— Док. № 5.
[41] Закреслено: «ко[то]рые»; дописано олівцем: «того».— Док. № 5.
[42] Закреслено: «руковод[ителями] миллионов [...]».— Док. № 5.
[43] Так у тексті.— Док. № 5.
[44] Закреслено: «тво[его]».— Док. № 5.
[45] Закреслено: «цель».— Док. № 5.
[46] Закреслено: «а только скажет».— Док. № 5.
[47] Закреслено: «он».— Док. № 5.
[48] Далі два слова закреслено.— Док. № 5.
[49] Закреслено: «воздушное».— Док. № 5.
[50] Закреслено: «гл[яднш], излив[ать]».— Док. № 5.
[51] Закреслено: «Если слова эти иногда может б[ыло] тяжело одному жить на світі, частный человек приложить к своей жизни, то всегда и вполне можно отнести их к общему быту наших соотечественников, я разумею здесь ближайших, то есть малороссов. Ибо куда не пойдешь, куда ни посмотришь...» — Док. № 5.
[52] Закреслено: «смертельн[ый]».— Док. № 5.
[53] Закреслено: «по необх[одимости] их скажешь невол[ьно] слова».— Док. № 5.
[54] Закреслено: «боже, боже милостивый».— Док. № 5.
[55] Закреслено: «в будущем».— Док. № 5.
[56] Закреслено: «но [нерозбірливо] великодушие и надежды. Малодушие есть у нас след[ствием] великодушня».— Док. № 5.
[57] Закреслено: «ему».— Док. № 5.
[58] Закреслено: «светила».— Док. № 5.
[59] Закреслено: «утешение, утешение».— Док. № 5.
[60] Текст від слова «впадал» до слів «в душе» в оригіналі закреслений.— Док. № 5.
[61] Останні чотири слова написано олівцем.— Док. № 5.
[62] Закреслено: «не [...] прямо».— Док. № 5.
[63] Закреслено: «выдержать».— Док. № 5.
[64] Закреслено написане олівцем: «когда [два слова нерозбірливі]».— Док. № 5.
[65] Закреслено: «і цього ніхто».— Док. № 5.
[66] Закреслено: «его».— Док. № 5.
[67] Закреслено: «казэла [три слова нерозбірливі]».— Док. № 5.
[68] Збоку тексту примітка: «Уж если так, то в т[аком] случае нужно уничт[ожать] нам самим, нужно взять[ся] за оружие. Но нашей веры не поняли и все дел[али] с нами, что ей противоречит, и заста[вили] нас из веры впасть в пагуб[ное] безверие.— Док. № 5.

При так[ом] насилов[ании] едва мож[ет] ли наша вера им[еть] прежнюю спасит[ельную] силу — м[ожет] ли продолж[аться] прежним обр[азом] сердечный ход мысли».— Док. № 5.

[69] Закреслено: «Может ли это сказать, кто скажет».— Док. № 5.
[70] Закреслено: «Боже праведный, всеведущий, не ты ли заве[щал]».— Док. № 5.
[71] Закреслено: «не ты ли послал к нам спасителя».— Док. № 5.
[72] Закреслено: «мир, спокойствие».— Док. № 5.
[73] Закреслено: «того».— Док. № 5.
[74] Закреслено: «любя[щих]».— Док. № 5.
[75] Закреслено: «уже».— Док. № 5.
[76] Закреслено: «у тебя одного нет будущего».— Док. № 5.
[77] Два слова не прочитано.— Док. № 5.
[78] Закреслено: «нашего и он то».— Док. № 5.
[79] Закреслено: «вот для сего то есть на земле, как спас[итель] назы[вал]».— Док. № 5.
[80] Два слова не прочитано.— Док. № 5.
[81] Закреслено: «свои бездны».— Док. № 5.
[82] Закреслено: «тех неск...кои».— Док. № 5.
[83] Закреслено: «расп[оряжение] под».— Док. № 5.
[84] Закреслено: «покровительства».— Док. № 5.
[85] Закреслено: «от ада выше».— Док. № 5.
[86] Закреслено: «оно, зло, д[олж]но здесь счиститься все это».— Док. № 5.
[87] Закреслено: «но что я этим хочу сказа[ть]».— Док. № 5.
[88] Слово написано олівцем.— Док. № 5.
[89] Закреслено: «хочешь, чего ты».— Док. № 5.
[90] Зліва дописано: «Настоящее Украины».— Док. № 5.
[91] Закреслено: «мало».— Док. № 5.
[92] Закреслено: «мыслью».— Док. № 5.
[93] Закреслено три слова.— Док. № 5.
[94] Закреслено: «предостав, приведи на пом[ощь] и приведи его [...], можешь теперь, и в самом знании его, не гнушатся и тем самим будешь обеспечать его и в нем наход[ить] для себя утешение.

Да, ваш[е] превосход[нтельство]... Но теперь время такое, все прикрыто в ничего, все тайна, все удал[ено], все пос[...]на себн личину ... от частного челов[ека] у сам[...] кабинетов».— Док. № 5.
[95] Закреслено олівцем: «за настоящее».— Док. № 5.
[96] Закреслено: «Что же это так[ое]».— Док. № 5.
[97] Закреслено: «публичн.»— Док. № 5.
[98] Закреслено: «его».— Док. № 5.
[99] Закреслено: «часто».— Док. № 5.
[100] Закреслено: «хочу ска...» — Док. № 5.
[101] Закреслено: «хот... напр...» — Док. № 5.
[102] Закреслено: «дал влад. как обр.»— Док. № 5.
[103] Закреслено: «пера одного в нее. Выров.»— Док. № 5.
[104] Закреслено: «услышите».— Док. № 5.
[105] Закреслено: «ничуть»; слово «праву» написано олівцем.— Док. № 5.
[106] Закреслено: «ничуть не».— Док. № 5.
[107] Закреслено: «на полнх».— Док. № 5.
[108] Закреслено: «что даже с братской веры никто не подум[ает], что все открыто. Стонт только обратить, откр[ыть] на это взо[ры]. О посмотри, непрохо[...] свои взоры».— Док. № 5.
[109] Закреслено: «вы увндите».— Док. № 5.
[110] Закреслено: «единств[енного]».— Док. № 5.
[111] Закреслено: «дожив[ает] свое время нскал дела своей жизни, провод».— Док. № 5.
[112] Закреслено: «нли же [слово не прочнтано].— Док. № 5.
[113] Закреслено: «бра[...] свое».— Док. № 5.
[114] Закреслено: «когда».— Док. № 5.
[115] Закреслено: «дал[...] идите далее [...]».— Док. № 5.
[116] Закреслено: «непомерную, [о]брок».— Док. № 5.
[117] Закреслено: «поедьте».— Док. № 5.
[118] Закреслено: «десятки».— Док. № 5.
[119] Закреслено: «всех наших населенное нищими».— Док. № 5.
[120] Одно слово не прочитано.— Док. № 5.
[121] Закреслено: «простир[ают]».— Док. № 5.
[122] Закреслено: «все».— Док. № 5.
[123] Одно слово не прочитано.— Док. № 5.
[124] Закреслено: «крестьннства».— Док. № 5.
[125] Закреслено: «и ты скаж...».— Док. № 5
[126] Текст від слів «Но у тебя» до слів «куска хлеба» написано збоку.— Док. № 5.
[127] Закреслено: «собрав вместе вероятно [...] своей [...]».— Док. № 5.
[128] Дописано олівцем: «жизнь».— Док. № 5.
[129] Закреслено: «мысль».— Док. № 5.
[130] Закреслено: «не нмел».— Док. № 5.
[131] Закреслено: «встрепенулись их».— Док. № 5.
[132] Закреслено: «сверкнули».— Док. № 5.
[133] Закреслено: «сверкают в посл[едний] день умир[ающего] ч[елове]ка лнца».— Док. № 5.
[134] Одно слово не прочитано.— Док. № 5.
[135] Закреслено: «человек».— Док. № 5.
[136] Закреслено: «душа».— Док. № 5.
[137] Закреслено: «указал мне свои жнлища [...]».— Док. № 5.
[138] Закреслено: «но правд, что».— Док. № 5.
[139] Закреслено: «но нн одной хаты».— Док. № 5.
[140] Закреслено два слова.— Док. № 5.
[141] Закреслено: «двор, где всем хлеб».— Док. № 5.
[142] Закреслено: «распр.» — Док. № 5.
[143] Закреслено: «затем он б[ольше] рассказыв[ал]».— Док. № 5.
[144] Закреслено: «Пусть бы поможет ему бедному народу».— Док. № 5.
[145] Закреслено: «игралище [...] нграли[ще]». Збоку олівцем дописано: «игр[алнще] людей низких, подлых».— Док. № 5.
[146] Закреслено: «все».— Док. № 5.
[147] Закреслено не прочнтане слово.— Док. № 5.
[148] Закреслено: «утешить тебя».— Док. № 5.
[149] Закреслено: «страдания».— Док. № 5.
[150] Збоку дописано олівцем: «напом[ним] Кавказ, Сибирь».— Док. № 5.
[151] Закреслено: «Кроются, уходят».— Док. № 5.
[152] Закреслено: «это те».— Док. № 5.
[153] Одно слово не прочитано.— Док. № 5.
[154] Закреслено: «те».— Док. № 5.
[155] Закреслено: «испол[ьзовать] полож[ение]».— Док. № 5.
[156] Закреслено: «они».— Док. № 5.

[157] Закреслено: «никогда».— Док. № 5.
[158] Закреслено: «22 [летнему] юноше». Збоку дописано: «тот исп[...] твое решен[не] сердце».— Док. № 5.
[159] Закреслено: «тогда».— Док. № 5.
[160] Закреслено: «консер[ватизму] нашему ч[елове]к м[ожет]».— Док № 5.
[161] Закреслено: «увлекает».— Док. № 5.
[162] Арандаренко Микола Іванович (1795—1867) — український історик, статистик і етнограф, у 40—50-х роках — управитель Полтавської палати державних маєтностей.— Автор трьохтомної праці «Записки о Полтавской губернии» (ч. 1. Полтава, 1848; ч. 2. Полтава, 1849 ч. III. Полтава, 1852).— Док. № 5.
[163] Одно слово не прочитано.— Док. № 5.
[164] Закреслено: «поговор[ить]».— Док. № 5.
[165] Далі текст написаний олівцем.— Док. № 5.
[166] Закреслено: «но».— Док. № 5.
[167] Закреслено: «Хмель».— Док. № 5.
[168] Закреслено: «де вони».— Док. № 5.
[169] Закреслено: «мати».— Док. № 5.
[170] Закреслено: «протяги руки».— Док. № 5.
[171] Закреслено: «тех».— Док. № 5.
[172] Закреслено: «они».— Док. № 5.
[173] Закреслено: «тебя, пер[...] твои».— Док. № 5.
[174] Закреслено: «но».— Док. № 5.
[175] Закреслено: «Ваш всепокорный слуга».— Док. № 5.
[176] Перед словом «довольно» закреслено: «Ваше высокопревосходительство».— Док. № 6.
[177] Закреслено: «простое».— Док. № 6.
[178] Закреслено: «Вы вовсе не знаете».— Док. № 6.
[179] Закреслено: «других».— Док. № 6.
[180] Закреслено: «от чистого сердца, тут, то автора, против чего автор ничего не скажет».— Док. № 6.
[181] Закреслено: «составл[яет]».— Док. № 6.
[182] Закреслено: «или жизнь».— Док. № 6.
[183] Закреслено: «Летів орел понад морем —
Тай став голосити —
Ой як тяжко —
Ой як важко
Тай на сім світі жити».— Док. № 6.
[184] Треба подивитись який [був] (*франц.*).— Док. № 6.
[185] Два слова не прочитано.— Док. № 6.
[186] Закреслено: «стон».— Док. № 6.
[187] Закреслено: «тоже нелегше».— Док. № 6.
[188] Закреслено: «на времена лучшие».— Док. № 6.
[189] Закреслено: «отчаяние».— Док. № 6.
[190] Закреслено: «этой».— Док. № 6.
[191] Закреслено: «горькое».— Док. № 6.
[192] Закреслено: «ибо никто из [людей]».— Док. № 6.
[193] Закреслено: «утешишься».— Док. № 6.
[194] Закреслено: «его».— Док. № 6.
[195] Речення не закінчено.— Док. № 6.
[196] Закреслено: «погибели своего творения».— Док. № 6.
[197] Закреслено: «творения».— Док. № 6.
[198] Закреслено: «они».— Док. № 6.
[199] Закреслено: «неужели тут надобно как-нибудь [два слова не прочитано] [у]дивительно такая вера и преданность м[ожет] [сойти], когда народ [слово нерозбірливе] узнает получше себя, что не все от... что много сам челов[ек] себя (делает) [два слова не прочитано] (какая-то чепуха)».— Док. № 6.
[200] Закреслено: «иначе будет».— Док. № 6.
[201] Закреслено: «будет то, где мысль ч[еловечес]ка. Подобно [слово не прочитано] как быв. бедствия в одном к сему и целая».— Док. № 6.
[202] Закреслено: «что не Пром. нек. гибель, бедств. наши [далі не прочитано]».— Док. № 6.
[203] Закреслено: «друг людей».— Док. № 6.
[204] Закреслено: «нашего ли».— Док. № 6.
[205] Закреслено: «Отчего же? Я думаю, что Вы были там мать».— Док. № 6.
[206] Чотири слова не прочитано.— Док. № 6.
[207] Закреслено: «к[ото]рый».— Док. № 6.
[208] Закреслено: «без к[акого]-л[ибо] права».— Док. № 6.
[209] Закреслено: «бедного». Три слова не прочитано.— Док. № 6.
[210] Закреслено чотири не прочитаних слова.— Док, № 6.

211 Закреслено: «к[ото]рые жаждут полу[чи]ть».— Док. № 6.
212 Закреслено: «не только прожить». Далі слова не прочитано.— Док. № 6.
213 Закреслено: «и облег[чить] твои горести одни».— Док. № 6.
214 Закреслено: «и сыновья або и самые».— Док. № 6.
215 Закреслено: «и сила ума».— Док. № 6.
216 Закреслено: «к братам».— Док. № 6.
217 Закреслено: «сами назн. что».— Док. № 6.
218 Закреслено не прочитане слово.— Док. № 6.
219 Закреслено: «но они еще не», три слова не прочитано.— Док. № 6.
220 Закреслено: «Спас[итель] Христос».— Док. № 6.
221 Закреслено: «Еван[гелие] посмотр[еть] обр[аз]».— Док. № 6.
222 Закреслено: «идите далее».— Док. № 6.
223 Закреслено: «тебя».— Док. № 6.
224 Закреслено: «г[осуда]р[ст]ва».— Док. № 6.
225 Закреслено: «причем граф[ит] пуб[лично]».— Док. № 6.
226 Закреслено: «достать».— Док. № 6.
227 Слово нерозбірливе.— Док. № 6.
228 Закреслено: «тех».— Док. № 6.
229 Закреслено: «не придут в».— Док. № 6.
230 Закреслено: «Нечто ужас[ное] о сос[тоянии] крестьянства».— Док. № 6.
231 Закреслено: «где кр.» — Док. № 6.
232 Закреслено: «живот[ных], не то одет[ых] в лохмотья».— Док. № 6.
233 Закреслено: «ночью».— Док. № 6.
234 Закреслено: «прев. особ. днем».— Док. № 6.
235 Закреслено: «встав[шие] с гробов им. [два слова нерозбірливо]».— Док. № 6.
236 Закреслено: «ничто».— Док. № 6.
237 Два слова не прочитано.— Док. № 6.
238 Приписка: «Расспросить Саханского о Вронченке».— Док. № 6.
239 Дата встановлена за док. № 2.— Док. № 7.
240 Текст пошкоджений.— Док. № 7.
241 Закреслено: «обвиняет [...]».— Док. № 7.
242 Закреслено: «ваших».— Док. № 7.
243 Закреслено: «чувствую».— Док. № 7.
244 Закреслено: «сказать, что подобные мысли, какие обыкновенно часто рождаются в этом случае, что только при моей возможно».— Док. № 7.
245 Закреслено: «ответил».— Док. № 7.
246 Закреслено: «Следов[ательно], молчание это не есть».— Док. № 7.
247 Закреслено: «не знаю что-то».— Док. № 7.
248 Закреслено: «было».— Док. № 7.
249 Закреслено: «Вы не думайте, чтобы это б[ыло] существ[енной] проблем[ой]».— Док. № 7.
250 Закреслено: «нам, мне».— Док. № 7.
251 Закреслено: «мы».— Док. № 7.
252 Зверху дописано: «Что касается».— Док. № 7.
253 Закреслено: «песни».— Док. № 7.
254 Костомаров М. І.— див. т. 1, ч. I, прим. 7.— Док. № 7.
255 Закреслено: «их».— Док. № 7.
256 Закреслено: «так как».— Док. № 7.
257 Бодянський О. М.— див. т. 1, ч. III, прим. 120.— Док. № 7.
258 Закреслено: «положено».— Док. № 7.
259 Закреслено: «соберет несколько тысяч денег».— Док. № 7.
260 Текст пошкоджений.— Док. № 7.
261 Закреслено: «вроде недавно вышедшей Кулиша».
262 «Повесть об украинском народе».— див. т. 1, прим. 40.— Док. № 7.
263 Іннокентій (Борисов Іван Олексійович) (1800—1857) — ректор Київської духовної академії (1830—1836), засновник тижневика «Воскресное чтение» у Києві, харківський архієпіскоп (1841—1848), автор ряду богословських книг. Іннокентій був ініціатором знищення у Харківському університеті дисертації М. І. Костомарова «О причинах и характере унии в Западной Украине».— Док. № 7.
264 Закреслено: «таком».— Док. № 7.
265 Закреслено: «вот на перв[ый раз]».— Док. № 7.
266 Закреслено: «в Киеве. Вот все в немногих словах о заботах наших в деле этом».— Док. № 7.
267 Закреслено: «примет на».— Док. № 7.
268 Закреслено: «сем».— Док. № 7.
269 Закреслено: «наших».— Док. № 7.
270 Текст пошкоджено.— Док. № 7.
271 Дата встановлена за док. 2.— Док. № 8.
272 Два слова не прочитано.— Док. № 9.

273 Очевидно, чернетки зізнання І. Я. Пасяди помилково потрапили до документів, взятих у нього під час арешту, які служили для звинувачення.— Док. № 10.
274 Закреслено: «отвечу».— Док. № 10.
275 Закреслено: «но не б[ыло], но это предлож[ение]».— Док. № 10.
276 Закреслено: «писать об общ[естве]».— Док. № 10.
277 Закреслено нерозбірливе слово.— Док. № 10.
278 Три слова не прочитано.— Док. № 10.
279 Андрузький Г. Л.— див. т. 1, ч. I, прим. 40.— Док. № 10.
280 Закреслено: «на эти во...» — Док. № 10.
281 Закреслено: «что это».— Док. № 10.
282 Закреслено: «проезжая».— Док. № 10.
283 Закреслено: «и еще».— Док. № 10.
284 Закреслено: «м[ожет] б[ыть] со вр[еменем] написал».— Док. № 10.
285 Закреслено: «написано».— Док. № 10.
286 Закреслено: «грамм[атику] и лек[сикон]».— Док. № 10.
287 Закреслено: «странно».— Док. № 10.
288 Закреслено: «и снова премир[ение]».— Док. № 10.
289 Закреслено: «одного пож[елаешь]».— Док. № 10.
290 Закреслено: «другом».— Док. № 10.
291 Закреслено: «каждый из предложенных мною вопросов».— Док. № 10.
292 Закреслено: «на перв[ые] 12».— Док. № 10.
293 Закреслено: «что».— Док. № 10.
294 Закреслено: «я и не прини[мал]».— Док. № 10.
295 Закреслено: «счит[ал]».— Док. № 10.
296 Закреслено: «считая это».— Док. № 10.
297 Закреслено: «что-то».— Док. № 10.
298 Закреслено: «потому как и не интер[есовался] этим, счит[ал] этих людей, [у] котор[ых] на уме одна болтовня, [то] и коль нигде невид[анных], нечитан[ных] уставов то...» Док. № 10.
299 Закреслено: «или же».— Док. № 10.
300 Закреслено: «ибо и что г[о]в[ори]л, то г[о]в[ори]л, что...».— Док. № 10.
301 Тяпкін, Чічіков, Ноздрьов, Собакевич — персонажі творів М. В. Гоголя.— Док. № 10.
302 Див. док. № 3.— Док. № 11.
303 Див. док. № 4.— Док. № 11.
304 Див. док. № 5, 6.— Док. № 11.
305 Див. док. № 7, 8.— Док. № 11.
306 Див. док. № 1.— Док. № 12.
307 Див. док. № 12.— Док. № 13.
308 «Отечественные записки» — див. т. 1, ч. III, прим. 183.— Док. № 14.
309 Текст від слів «после светлого праздника» до слів «одною шуткою» підкреслено вертикальною лінією».— Док. № 14.
310 Кирило і Мефодій — див. т. 1, ч. I, прим. 9.— Док. № 15.
311 Батько І. Я. Пасяди жив у Зіньківському повіті Полтавської губ.— Док. № 15.
312 В тексті «приготовлась».— Док. № 15.
313 Юзефович М. В.— див. т. 1, ч. I, прим. 22.— Док. № 15.
314 Див. док. № 15.— Док. № 16.
315 Див. док. № 13.— Док. № 17.
316 Див. т. 1, док. № 145, 332.
317 Білозерський В. М.— див. т. 1, ч. I, прим. 42.— Док. № 19.
318 Маркович О. В.— див. т. 1, ч. I, прим. 28.— Док. № 19.
319 Чижов Ф. В.— див. т. 1, ч. I, прим. 46.— Док. № 19.
320 Див. док. № 3.— Док. № 19.
321 Див. док. № 4.— Док. № 19.
322 Див. док. № 5, 6.— Док. № 19.
323 Див. док. № 7, 8.— Док. № 19.
324 Див. т. 1, ч. I док. № 108.— Док. № 19.
325 Див. т. II, док. № 517.— Док. № 19.
326 Див. т. 1, док. № 69.— Док. 22.
327 Лобачевський М. І.— див. т. II, ч. VIII, прим. 158.— Док. № 23.
328 Див. т. II, док. № 521.— Док. № 24.
329 Див. там же.— Док. № 25.
330 Див. т. II, док. № 342, 343.— Док. № 25.
331 Див. т. II, док. № 523.— Док. № 25.
332 Див. док. № 28.— Док. № 26.
333 Див. док. № 24.— Док. № 27.
334 Див. док. № 24.— Док. № 31.
335 Ступінь кандидата І. Я. Пасяда одержав у Казанському університеті за подану ним дисертацію «Значення перших творів Гоголя в російській літературі взагалі та їх

заслуга для народності» (1848). Рукопис зберігається в архіві Казанського університету.— Док. № 31.
[336] Див. т. 1, ч. I, док. № 74.— Док. № 32.
[337] Див. т. 1, ч. I, док. № 74.— Док. № 33.
[338] Так у тексті.— Док. № 33.
[339] Підпис нерозбірливий.— Док. № 33.
[340] Див. док. № 33.— Док. № 35.
[341] Датується за док. № 36.— Док. № 37.
[342] Див. док. № 74.— Док. № 37.
[343] Див. док. № 36.— Док. № 37.
[344] Див. док. № 33.— Док. № 37.
[345] Див. док. № 33.— Док. № 38.
[346] Див. док. № 35.— Док. № 38.
[347] Див. док. № 36.— Док. № 38.
[348] Див. док. № 33.— Док. № 38.
[349] Див. док. № 37.— Док. № 38.
[350] Див. док. № 35.— Док. № 39.
[351] Див. док. № 32.— Док. № 40.
[352] Див. док. № 38.— Док. № 40.
[353] Див. док. № 32.— Док. № 42.
[354] Новосильцев П. П.— Док. № 42.
[355] Див. док. № 39.— Док. № 43.
[356] Див. док. № 42.— Док. № 44.
[357] Див. док. № 36.— Док. № 45.
[358] Див. док. № 42.— Док. № 46.
[359] Див. док. № 51.— Док. № 52.
[360] Див. док. № 32.— Док. № 54.
[361] Див. док. № 32.— Док. № 54.
[362] Див. док. № 53.— Док. № 55.

Частина десята

СПРАВА М. І. САВИЧА

[1] Див. док. № 56.— Док. № 57.
[2] В тексті помилково 1845.— Док. № 58.
[3] Того самого числа був надісланий лист Ф. П. Вронченку про затримання М. І. Савича на кордоні.

21 мартв 1847 № 441.

Его высокопрев[осходительст]ву Ф. П. Вронченко,

с переменою во втором пункте ... немедленно предписать об исполнении оной по всем таможням по западной и... подобного распоряжения со стороны местных губернских начальств я с сим вместе отнесся к м[инист]ру вн[утренних] д[ел]

Примите увер[ение] и проч[ее]

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем.

Ч. X, арк. 4. Відпуск.— Док. № 58.

[4] Див. док. № 59.— Док. № 60.
[5] Петров О. М.— див. т. 1, ч. I, прим. 3.— Док. № 61.
[6] «Китаїзм» — див. т. 1, ч. I, прим. 26.— Док. № 61.
[7] Див. док. № 58.— Док. № 61.
[8] Див. док. № 59.— Док. № 61.
[9] Див. док. № 60.— Док. № 62.
[10] Див. док. № 63.— Док. № 62.
[11] Див. док. № 64.— Док. № 62.
[12] Див. док. № 60.— Док. № 63.
[13] Див. док. № 64.— Док. № 63.
[14] Підпис нерозбірливий.— Док. № 63.
[15] Див. док. № 62.— Док. № 65.
[16] Текст від слів «Сие обстоятельство» до слів «предмету предписание» підкреслено вертикальною лінією.
[17] Див. док. № 63.— Док. № 65.
[18] Див. док. № 64.— Док. № 66.
[19] Див. док. № 67.— Док. № 66.
[20] Див. док. № 69.— Док. № 66.
[21] Див. док. № 70.— Док. № 66.

[22] Текст від слів «поручик Савич прибыл» і до слів «свидетельстве городового доктора» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 66.

[23] Текст від слів «поручик Савич, страдал» до слів «опасается осуждения» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 66.

[24] Див. док. № 68.— Док. № 66.

[25] Підпис нерозбірливий.— Док. № 66.

[26] Див. док. № 69.— Док. № 67.

[27] Див. док. № 70.— Док. № 67.

[28] Див. док. № 69.— Док. № 71.

[29] Див. док. № 70.— Док. № 71.

[30] Див. док. № 65.— Док. № 72.

[31] Див. док. № 64.— Док. № 72.

[32] Див. док. № 67—70.— Док. № 72.

[33] Див. док. № 73.— Док. № 72.

[34] Датується за док. № 72.— Док. № 73.

[35] Див. док. № 65.— Док. № 74.

[36] Див. док. № 75.— Док. № 74.

[37] Див. док. № 76.— Док. № 74.

[38] Див. док. № 58.— Док. № 77.

[39] Текст від слів «паспорта не имеет» до слів «возвратиться за границу» підкреслено вертикальною лінією.

[40] Беллінсгаузен Фадей Фадейович (1778—1852) — російський мореплавець і дослідник, адмірал. Брав участь у першій російській кругосвітній подорожі 1803—1806 рр. Очолював антарктичну експедицію 1819—1821 рр., під час якої було відкрито Антарктиду. З 1839 р.— головний командир Кронштадського порту і військовий губернатор Кронштадта.— Док. № 79.

[41] Датується за док. № 80.— Док. № 81.

[42] Див. док. № 80.— Док. № 81.

[43] Док. на арк. 33 див. під № 76.— Док. № 81.

[44] Див. док. № 79.— Док. № 83.

[45] Намальовано квадрат, розділений на дев'ять квадратиків.— Док. № 84.

[46] Див. док. № 84.— Док. № 85.

[47] Напевне, йдеться про червнево-серпневі операції 1829 р. російсько-турецької війни 1828—1829 рр. Війна закінчилася Андріанопольським мирним договором (1829 р.), за яким до Росії відійшли гирло Дунаю і східне узбережжя Чорного моря.— Док. № 85.

Частина одинадцята

СПРАВА О. В. МАРКОВИЧА

[1] Док. № 661 у справах немає.— Док. № 87.

[2] Див. док. № 88.— Док. № 87.

[3] Див. док. № 325.— Док. № 88.

[4] Траскін О. С.— див. т. I, ч. I прим. 4.— Док. № 89.

[5] Запитання написані рукою І. І. Фундуклея, відповіді — О. В. Марковича.— Док. № 89.

[6] Юскевич-Красковський І. Д. див. т. II, ч. V, прим. 162.— Док. № 89.

[7] Закреслено: «Его приводил от знакомых спать на ночь Навроцкий».— Док. № 89.

[8] В тексті помилково двічі цифра чотири.— Док. № 89.

[9] Текст від слів «В неудовлетворительности» до слів «на издание чего-нибудь» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 89.

[10] Див. док. № 95—98.— Док. № 89.

[11] Див. док. № 99.— Док. № 89.

[12] Див. док. № 103.— Док. № 89.

[13] Тарновський Василь Петрович виходець з дворян Полтавщини, попечитель Прилуцького повітового училища і автор праць, де висвітлювався селянський побут. Виступав з критикою кріпацтва.— Док. № 90.

[14] Текст від слів «душа уносила» до слів «от этого очерка» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 90.

[15] Костомаров.— Прим. док.— Док. № 90.

[16] «Чорна рада» — роман П. О. Куліша — див. т. II, ч. V, прим. 291.— Док. № 91.

[17] Никитенко Олександр Васильович (1805—1877) — історик російської літератури і діяч цензурного відомства. Походив з кріпаків. Закінчив Петербурзький університет (1828), де був професором кафедри словесності (1834—1864). З 1855 р.— академік. У 1833—1859 рр.— цензор, директор діловодства Комітету в справах друку (1859), член Головного управління цензури (1860—1865). Автор творів «Речь о критике» (1842), «Опыт истории русской литературы» (1845) та ін. Відомий як автор «Щоденника», який вів 51 рік (1826—1877).— Док. № 91.

[18] Йдеться про роман «Чорна рада».— Док. № 91.

[19] Текст від слів «Совершаются мною» до слів «узнаете это со временем» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 91.

[20] Надія Михайлівна Білозерська, сестра Василя Михайловича, була одружена зі своїм двоюрідним братом підполковником Миколою Миколайовичем Забілою. Розлучившись з Забілою, вона стала дружиною Матвія Терентійовича Симонова (Номиса).— Док. № 92.

[21] Текст від слів «Вася был для меня» до слів «свои чувства» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 92.

[22] Літопис Нестора — «Повість временних літ», укладена на початку XII ст. ченцем Києво-Печерської лаври Нестором. «Повість временних літ» пройнята глибоким патріотизмом і є видатною історико-літературною пам'яткою часів Київської Русі.— Док. № 93.

[23] Бередніков Я. І.— див. т. II, ч. V, прим. 252.— Док. № 93.

[24] «Айвенго» — історичний роман, написаний Вальтером Скоттом 1820 р. Цей твір згодом був перекладений на російську мову.— Док. № 93.

[25] Текст від слів «Украина и украинский язык» до слів «истинною свитынею» підкреслено вертикальною лінією.

[26] Чуйкевич П. О.— див. т. I, ч. V, прим. 131.— Док. № 93.

[27] Текст від слів «Намерение мое» до слів «пустило корни» підкреслено вертикальною лінією.

[28] «Новороссийский календарь» — одеський щорічник, заснований у 40-х роках XIX ст. Крім довідкових, друкував матеріали з економіки, історії, освіти, статистики. Деякий час видавцем календаря був Рішельєвський ліцей.— Док. № 93.

[29] Текст від слів «Предложите Николаю Ивановичу» до слів «проститься хорошенько» підкреслено вертикальною лінією.

Закреслено: «Спросите у Н[иколая] И[вановича], неужели он не получил посланной на его имя I части „Черной Рады", написанной по-украински? Что она действительно отправлена, в том удостоверяет меня расписка из почтовой конторы. Именно записана под № 70, апреля 11 1846 г. Пусть справится в конторе, то есть пусть подаст объявление. Если она пропала, то я третьей части и переводить не стану. Да отчего ок ко мне не пишет?» — Док. № 94.

[30] В тексті «устроются».— Док. № 95.

[31] Афанасьєв-Чужбинський О. С.— див. т. II, ч. VI, прим. 140.— Док. № 95.

[32] «Орися» П. О. Куліша — див. т. I, ч. I, прим. 18.—Док. № 95.

[33] Корженьовський Йосип Вікентійович (1797—1863) — польський письменник, літературознавець, автор понад ста літературних творів. Корженьовський в 1823—1830 рр. викладав польську мову та літературу в Кременецькій гімназії, 1830 р. обраний членом-кореспондентом Варшавського товариства любителів наук. Як ад'юнкт Київського університету викладав польську і латинську словесність (1834—1838). Служив директором гімназії і шкіл Харківської губернії (1838—1846).— Док. № 95.

[34] Йдеться про поему М. Ю. Лермонтова «Песнь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».— Док. № 95.

[35] Міцкевич Адам — див. т. I, ч. I, прим. 63.— Док. № 95.

[36] Поема Я. Коллара «Slawy Dcera» «Дочка слави» — див. т. I, ч. II, прим. 38.— Док. № 95.

[37] Текст від слів «Я постараюсь» до слів «принесет плоды» підкреслено вертикальною лінією.— Док. 95.

[38] Костомаров, Гулак і Навроцький.

[39] Марцінковські — напевне йдеться про родину польського письменника та етнографа Антонія Марцінковського (1823—1860), який писав під псевдонімом Антоні Новосельський та ін. Народився на Київщині, навчався в Київському університеті. Свої твори друкував у польському журналі «Gwiazdy» «Зірки», що виходив у Києві 1848—1849 рр. Автор етнографічної праці «Lud ukraiński» («Український народ») (Вільно, 1857).—Док. № 95.

[40] Текст від слів «Я был» до слів «полтавской земли» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 95.

[41] Костир.— Док. № 95.

[42] Пильчиков Д. П.— див. т. I, ч. I, прим. 133.— Док. № 95.

[43] Історія слов'янського народу — «Славянская мифология» М. І. Костомарова.— Док. № 96.

[44] Дописано В. М. Білозерським. «Читай прежде сам сожги непременно».— Док. № 97.

[45] Текст від слів «Близкие мне» до слів «другие немцы» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 97.

[46] Див. док. № 96.

[47] «Воскресное чтение» — журнал релігійно-етичного характеру, який виходив щотижня з 1837 р. при Київській духовній академії. Одним із співробітників журналу був викладач-філософ Київського університету П. С. Авсеньєв.— Док. № 97.

[48] Костир.— Док. № 97.

[49] Авсеньєв Петро Семенович (отець Феофан).— Док. № 97.

[50] Від слів «Вы знаете» до слів «держиться і Дмитрій П[авлович]» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 98.

[51] Ханенки, два брати Олександр та Михайло Івановичі, власники архіву, яким кори-

стувався П. О. Куліш. Тут він знайшов документи хорунжого Миколи Даниловича Хаиенка, листи Орлика та інші матеріали. Переписуванням їх для Куліша займався Білозерський.— Док. № 98.

[52] «Северная пчела» — див. т. I, ч. II, прим. 43.— Док. № 98.

[53] «Русский инвалид» — див. т. I, ч. II, прим. 42.— Док. № 98.

[54] «Allgemeine Zejtung» («Загальна газета») дуже поширена німецька газета, що виходила в Гаузбурзі.— Док. № 98.

[55] «Allgemeine Zejtung» («Щоденник дебатів») — французький політичний часопис.— Док. № 98.

[56] «Allgemeine Zejtung» («Огляд двох світів») паризький журнал, що виходив за редакцією літератора М. Ва о.— Док. № 98.

[57] «Греко-слов'янський світ».— Док. № 98.

[58] В. М. Білозерський і О. В. Маркович переписували для П. О. Куліша перший том роману «Чорна рада».— Док. № 98.

[59] Маркович Іван Васильович (1806—1870) — брат О. В. Марковича, який перебував на військовій службі; в «Основі» надрукована його праця — «Краткое географическое обозрение края, населенного южно-русским (украинским или малороссийским народом)» («Основа», 1861, кн. 5, 7, 11—12).— Док. № 98.

[60] Текст від слів «Мені здається» до слів «їх найближчого» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 99.

[61] В Полтаві В. М. Білозерський писав наукову працю з історії слов'янських літератур, для якої друзі з Києва надсилали йому матеріали і книги.— Док. № 99.

[62] Пасяда.— Док. № 99.

[63] Текст від слів «Скажи, пожалуйста» до слів «самостоятельным народом» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 100.

[64] Народну мову (*франц.*).

[65] Коллар Ян — див. т. I, ч. II, прим. 38.— Док. № 102.

[66] Текст від слів «Во вторых» до слів «гениальность в глубокомыслие» підкреслено вертикальною лінією.

[67] Див. т. I, ч. 1, прим. 150.— Док. № 101.

[68] Стаття Я. Коллара «Про літературну взаємність між слов'янськими племенами і наріччями», пройнята ідеєю культурного і літературного єднання, опублікована в журн. «Отечественные записки» за 1840 р.— Док. № 102.

[69] Жорж Санд (псевдонім Аврори Дюдеван, 1804—1876) — видатна французька письменниця, автор соціальних романів «Мопра», «Орас», «Консуело», «Проклите болото», «Гріх попа Антуана» та ін. Розквіт творчості припадає на 1836—1848 рр.— Док. № 102.

[70] Прим. док.— Док. № 103.

[71] Текст від слів «Все недостатки» до слів «направить деятельность» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 103.

[72] На арк. 35—38 список з поеми Т. Г. Шевченка «І мертвим, і живим, і ненародженим...» (уривок).— Док. № 103.

[73] Див. док. № 89.— Док. № 104.

[74] Див. док. № 90.— Док. № 104.

[75] Див. док. № 91—94.— Док. № 104.

[76] Див. док. № 95—98.— Док. № 104.

[77] Див. док. № 100—102.— Док. № 104.

[78] Див. док. № 103.— Док. № 104.

[79] Вірш Т. Г. Шевченка «І мертвим і живим і ненародженим...».— Док. № 104.

[80] Див. док. № 88.— Док. № 104.

[81] Див. док. № 105.— Док. № 106.

[82] «Сельское чтение» В. Ф. Одоевського — див. т. II, ч. III, прим. 142.— Док. № 107.

[83] Нейкірх Іван Якович (1803—1870) — доктор філософії. Протягом 1842—1862 рр. був проректором університету, а також деканом історико-філологічного факультету в 1839, 1842—1845 і 1850—1862 рр. Нейкірх автор праць: «Dichterkanon. Ein Versuch die vollendeste Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen auszuziechen» «Поетичний канон. Вибіркове дослідження найзавершеніших творів поетичного мистецтва всіх часів і народів» (Київ, 1853); «Historiae litterarum Graecarum summarium» («Короткий виклад історії грецької літератури» Київ, 1863) та ін.— Док. № 107.

[84] Брамбеус (Сенковський О. І.) — див. т. II, ч. VIII, прим. 54.— Док. № 107.

[85] «Журнал министерства народного просвещения» — див. т. I, ч. III, прим. 146.— Док. № 107.

[86] Писарев М. Е.— див. т. I, ч. 1, прим. 15.— Док. № 107.

[87] Див. док. № 107.— Док. № 108.

[88] 31 травня 1847 р. був надісланий лист С. В. Перфильєву про встановлення суворого нагляду за О. В. Марковичем:

В той же силе

Его превосход[ительст]ву С. В. Перфильеву с переменою: в 1-м пункте: по производстве дела об открытом в Киеве Украйно-славянском общест-

ве оказалось, что бывший студент Киевского университета Афанасий Маркович, хотя не принадлежал к упомянутому обществу...

3-й пункт: сделав распоряжение к исполнению такой монаршей воли, предлагаю Вашему прево[сходительст]ву, предписать дабы по доставлении Марковича в Орловскую губ. имели за ним с Вашей стороны секретное и бдительное наблюдение.

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов.

— Ч. XI, арк. 69. Відпуск.— Док. № 109.

89 Див. док. № 106.— Док. № 110.
90 Див. док. № 106.— Док. № 113.
91 Девице Керстен около 20 лет от роду. Прим. док.— Док. № 114.
92 Дата встановлена за док. № 117.— Док. № 115.
93 Підпис нерозбірливий.— Док. № 115.
94 Дата встановлена за док. № 117.— Док. № 116.
95 Див. док. № 109.— Док. № 119.
96 Потрібно військовому. Див. док. № 118.— Док. № 119.
97 Див. док. № 120.— Док. № 119.
98 Див. док. № 113.— Док. № 120.
99 Див. док. № 110.— Док. № 120.
100 Див. док. № 109.— Док. № 121.
101 Див. док. № 110.— Док. № 122.
102 Див. док. № 111.— Док. № 123.
103 Потрібно: Гайворонщина.— Док. № 123.
104 Народну мову (франц.) — Док. № 124.
105 Кам'яна церква (франц.) — Док. № 124.
106 Див. док. № 126.— Док. № 124.
107 Див. док. № 118.— Док. № 129.
108 Текст від слів «Маркович изъявил» до слів «распоряжение безотлагательно» підкреслено вертикальною лінією.
109 Див. док. № 117.— Док. № 130.
110 Див. док № 129.— Док. № 130.
111 Див. док. № 118.— Док. № 130.
112 Див. док. № 128.— Док. № 135.
113 Молдавський Диван — державна рада, вищий дорадчий і виконавчий орган при господарях дунайських князівств Молдавії і Валахії. У нараді Дивана брали участь представники великих цивільних і духовних феодалів. Диван існував до утворення Румунської національної держави (1879 р.).— Док. № 137.
114 Див. док. № 138.— Док. № 140.
115 Текст від слів «Ныне его высочество» до слів «кадетских корпусов» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 140.
116 Текст від слів «приказать истребовать» до слів «достижении ими $9^1/_2$ лет» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 140.
117 Див. док. № 140.— Док. № 143.
118 Див. док. № 141.— Док. № 144.
119 Див. док. № 143.— Док. № 145.
120 Див. док. № 136.— Док. № 146.
121 Текст від слів «Желание брата» до слів «перевод в Одессу» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 147.
122 Див. док. № 118.— Док. № 150.
123 Див. док. № 150.— Док. № 152.
124 Текст від слів «с 1 ноября того же года» до слів «к нему начальства» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 152.
125 Текст від слів «г-н Маркович в прошлом» до слів «никаких препятствий» підкреслено вертикальними лініями.— Док. № 152.
126 Див. док. № 152.— Док. № 153.
127 Див. док. № 109.— Док. № 153.
128 Див. док № 154.— Док. № 153.
129 Текст від слів «в г. Одессе получил» до слів «продолжению оной» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 154.
130 Див. док. № 152.— Док. № 158.
131 Див. док. № 118.— Док. № 161.
132 Див. док. № 161.— Док. № 162.
133 Див. док. № 159.— Док. № 165.
134 Див. док. № 119.— Док. № 166.
135 Див. док. № 166.— Док. № 167.

Частина дванадцята
СПРАВА М. О. РІГЕЛЬМАНА

[1] Див. т. II, док. № 27.— Док. № 171.

[2] Ганка Вацлав — див. т. I, ч. I, прим. 38.— Док. № 171.

[3] Див. там же, док. № 14.— Док. № 171.

[4] Штур Людовіт — див. т. II, ч. V, прим. 139.— Док. № 171.

[5] Див. док. № 171.— Док. № 172.

[6] Императорское московское общество истории и древностей российских —див. т. II, ч. V, прим. 339.— Док. № 172.

[7] Дата встановлена за док. № 172.

[8] Відповіді писані рукою М. О. Рігельмана.

[9] «Чтение в императорском московском обществе истории и древностей российских»— див. т. I, ч. II, прим. 229.— Док. № 173.

[10] «Русский вестник» — див. т. II, ч. V, прим. 143.— Док. № 173.

[11] Прейс П. І. див. т. II, ч. V, прим. 269, прим. 117.—Док. № 173.

[12] Ліновський Я. А.— див. т. II, ч. V, прим. 270.— Док. № 173.

[13] Глінка Сергій Миколайович (1776—1847) — російський письменник і журналіст, брат декабриста Ф. М. Глінки. В 1808—1824 рр. видавав журнал «Русский вестник». Автор праць: «Записки о 1812 годе» (1836), «Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 г.» (1837), п'єс «Минин» (1809), «Осада Полтавы» (1810), поеми «Пожарский и Минин, или пожертвовании россиян» (1807) та інших творів.— Док. № 173.

[14] Так у тексті.— Док. № 173.

[15] Орлов Пимен Микитович (1811—1864) — академік портретного живопису Петербурзької академії мистецтв, талановитий учень художника К. П. Брюллова. У 1846—1849 рр. перебував в Італії.— Док. № 173.

[16] Серебряков Василь Олексійович (1810—1886) — російський живописець і портретист. Навчався в Академії мистецтв у Петербурзі (1821—1833). Одержав звання академіка (1848) за етюд «Голова італійки».— Док. № 173.

[17] Логановський Олександр Васильович (1812—1855) — російський скульптор, академік (1844). Відома його статуя «Парень, играющий в свайку» (1836). Появу статуї вітав О. С. Пушкін віршем «На статую, играющую в свайку». Барельєфами оздоблені Ісаакіївський собор у Петербурзі і Кремлівський палац у Москві.— Док. № 173.

[18] Шафарик Павло-Йосип — див. т. I, ч. I прим. 64.— Док. № 173.

[19] Кузьмані Карл — див. т. II, ч. V, прим. 140.— Док. № 173.

[20] Див. док. № 172.— Док. № 175.

[21] Текст від слів «советник Ригельман» до слів «под строгим надзором» підкреслено вертикальною лінією.

[22] Див. док. № 177.— Док. № 179.

Частина тринадцята
СПРАВА ХМЕЛЬНИЦЬКОГО ТА П. Я. СЕРДЮКОВА

[1] Див. т. I, док. № 357.— Док. № 181.

[2] Зі слів М. І. Костомарова.—Док. № 181.

[3] 8 травня 1847 р. був надісланий лист О. П. Галахову про розшуки прапорщика Хмельницького, на якого посилається М. І. Костомаров.

8 мая 1847, № 744 Его превосход[ительству] А. П. Галахову с переменою второго пункта:

По воле г-на генерал-адъютанта гр. Орлова, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство, не изволите ли приказать сделать секретным образом, в самоскорейшем времени, справку о всех Хмельницких, жительствующих в С.-Петербурге, и уведомить меня, для доклада его сиятельству, не находится ля здесь, а если находится, то где именно, вышеозначенный Хмельницкий на жительстве и службе в С.-Петербурге.

Примите увере[ние] и проч[ее].

Под[писал] Л. Дубельт

Верно: надворный советник Нордстрем.

Ч. XIII, арк. 3. Відпуск.— Док. № 182.

[4] Див. прим. 3.— Док. № 183.

[5] Текст від слів «который служил» до слів «против турок» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 183.

[6] Див. док. № 185.— Док. № 184.

[7] Лист П. Я. Сердюкова до П. О. Куліша від 22 лютого 1847 р. надіслано на адресу М. І. Костомарова у Київ. Але Куліш виїхав у закордонну подорож і цього листа не отримав. Під час обшуку в Костомарова серед інших паперів знайдено й цього листа. Генерал-

губериатор Д. Г. Бібіков 17 травня 1847 р. надіслав його разом з перекладом на російську мову до III відділення.

Сердюков висловив свої суб'єктивні міркування про достойність і вади Шевченкової поезії.— Док. № 185.

[8] Плетньов.— Док. № 185.

[9] Так у тексті, потрібно «наговорено».— Док. № 185.

[10] Над літерами ніяких кавичок не ставлю, бо пишу до чоловіка письменного, котрий сам добре тяме — де, що і як. Прим. док.— Док. № 185.

[11] «Основ'яненків маляр-шахрай» — персонаж твору Г. Ф. Квітки-Основ'яненка «Солдатський патрет».— Док. № 185.

[12] Кажу про «Гайдамаків», бо се послідня його праця. Але Горацій був поет не маленький, а тільки знав, що твердив: «Saepe stylum vertas» (часто вдосконалюй написане. Дослівно: часто повертай стилем — лат.). Я недавно бачив рукопис Міцкевича: крий мати божа, як вона ізчерпана, іздирена. Прим. док.— Док. № 185.

[13] Слово не прочитано.— Док. № 185; Горацій Флакк, Квінт — див. т. 1, ч. II, прим. 600.—Док. № 185.

[14] «Последний день Помпеи» — картина відомого російського художника-живописця К. П. Брюллова, написана в 1830—1833 р. О. С. Пушкін присвятив картині вірш, М. В. Гоголь — статтю, де назвав картину «світовим творінням». О. І. Герцен вважав цю картину визначним твором російського живопису.— Док. № 185.

[15] Слово не прочитано.— Док. № 185.

[15] «Екклезіаст» («Проповідник») — назва старозавітної біблійної книги царя Ізраїльсько-Іудейської держави (близько 960—935 рр. до н. е.) Соломона. Книга складається з 12 розділів і містить багато філософських роздумів про смисл життя, бідування й радості людей. Девізом книги є слова: «Суета сует, і все суета й томління духу!» — Док. № 185.

[17] Тредьяковський Василь Кирилович (1703—1769) — російський вчений і поет, навчався в Сорбонському університеті в Парижі (1727—1730), професор Академії наук, перекладач.— Док. № 185.

[18] Слово не прочитано.— Док. № 185.

[19] Слово не прочитано.— Док. № 185.

[20] Соколов Дмитро Іванович (1788—1852) — мінералог і геогност, професор Петербурзького університету (1822—1844).— Док. № 185.

[21] Рождественський Микола Федорович (1802—1872) — російський письменник, професор права Петербурзького університету.— Док. № 185.

[22] Птолемей Клавдій — давньогрецький вчений 2 ст. Жив і працював в Александрії (Єгипет); автор трактату з астрономії «Альмагест» і «Географії».— Док. № 185.

[23] Так в тексті.— Док. № 185.

[24] Демидівська премія присуджувалась Академією наук щорічно протягом 1831—1865 рр. (розміром кожна 1420 крб.) для авторів кращих творів російської літератури. Всього на премію відпускалось 20 тис. крб.— Док. № 185.

[25] Переклад російською мовою не публікується.— Док. № 185.

[26] Див. док. № 189.— Док. № 190.

[27] Текст від слів «потребовав между» до слів «Вашему сиятельству» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 190.

[28] Див. док. № 189.— Док. № 191.

[29] Текст від слів «В продолжении» до слів «Вашему сиятельству» підкреслено вертикальною лінією.

[30] 24 червня 1847 р. був надісланий лист Д. П. Полозову про встановлення суворого таємного нагляду за П. Я. Сердюковим — ч. XIII, арк. 23. Відпуск.— Док. № 192.

[31] Див. прим. № 30.— Док. № 193.

[32] Текст від слів «постоянно занят» до слів «ничего незаметно» підкреслено вертикальною лінією.

[33] Див. док. № 192.— Док. № 194.

[34] Див. док. № 193— Док. № 195.

[35] Див. док. № 191.— Док. № 195.

[36] Див. док. № 182.— Док. № 197.

Частина чотирнадцята

СПРАВА О. Д. ТУЛУБА, П. Л. АШАНІНА, М. Х. БУШЕНА, В. О. ІСЛАВІНА, К. В. ВАРАДІНОВА, Є. Є. ВІЛЬЦИНА, Г. П. ГАЛАГАНА, П. О. ЧУЙКЕВИЧА.

[1] Слово не прочитано.— Док. № 198.

[2] Йдеться про жорстокі репресії проти учасників Краківського повстання 1846 р.— Док. № 198.

[3] Штраус Давид-Фрідріх (1808—1874) — німецький богослов і філософ-ідеаліст, ідеолог німецького буржуазного радикалізму, один з лідерів младогегельянства, автор пра-

ці в двох томах «Життя Ісуса» (1835—1836), присвячений критиці християнських догматів і запереченню релігійних чудес. За своїми політичними поглядами Штраус — прихильник конституційної монархії.— Док. № 198.
[4] Запитання писані рукою М. В. Юзефовича.— Док. № 198.
[5] Відповіді писані рукою О. Д. Тулуба.— Док. № 198.
[6] Див. док. № 1.— Док. № 198.
[7] Див. док. № 198.— Док. № 199.
[8] В тексті «Ошанин».— Док. № 201.
[9] Підпис нерозбірливий.— Док. № 202.
[10] Див. док. № 201.— Док. № 203.
[11] Казанова Джовані-Джакопо — див. т. 1, ч. II, прим. 432.— Док. № 205.
[12] «Записки учителя фехтування» О. Дюма (*франц.*).— Док. № 211.
[13] Див. прим. 12.— Док. № 212.
[14] «Капітан Поль» (*франц.*).— Док. № 212.
[15] «Сім'я Гога» (*франц.*).— Док. № 212.
[16] «Иллюстрация» — щотижневий журнал — збірник, що виходив в Петербурзі (1845—1849) спочатку за редакцією Н. В. Кукольника, а з 1847 р.— О. П. Башуцького. Зміст журналу відповідав духові офіціальної ідеології. В журналі брали участь М. О. Полевой, В. І. Даль, Є. П. Гребінка та ін. «Иллюстрация», як вказано в редакційній передмові, давала «описание России в ее общественных и частных зданиях, в подвигах и трудах замечательных соотечественников, в правах и обычаях народа, в художествах, искусствах и науках».— Док. № 212.
[17] Кукольник Н. В.— див. т. II, ч. VI, прим. 143.— Док. № 212.
[18] Ростовцов Яків Іванович (1803—1860) — генерал-ад'ютант, з 1843 р. начальник штабу головного начальника військово-учбових закладів Росії. У 1825 р. подав донесення Миколі І про підготовку повстання декабристів, брав участь в придушенні їх виступу. В 1849 р. був членом слідчої комісії в справі гуртка М. В. Петрашевського.— Док. № 213.
[19] Див. док. № 213.— Док. № 219.
[20] Див. док. № 216.— Док. № 219.
[21] Паскевич (Єриванський) (кн. Варшавський) Іван Федорович — див. т. 1, ч. І, прим. 58.— Док. № 220.
[22] Див. док. № 221.— Док. № 227.
[23] Див. док. № 231.— Док. № 232.
[24] Див. док. № 258.— Док. 233.
[25] Галаган Г. П.— див. т. II, ч. V, прим. 220.— Док. 233.
[26] Див. док. № 233.— Док. № 234.
[27] Див. т. І, док. № 358.
[28] Сементовський К. М.— див. т. II, ч. V, прим. 225.— Док. № 236.
[29] Войцицький К. В. (1807—1879) — польський письменник, слов'янознавець. Автор творів: «Historia literatury polskiej» «Історія польської літератури» (1845) «Przysłowia Narodowe» («Народні прислів'я» 1830) та ін. Він був видавцем історичних пам'яток: «Pamiętniki Jana Kilinskiego» («Пам'ятки Яна Кілінського») (1830) «Biblioteka starożytnych pisarzy polskich» («Бібліотека стародавніх польських письменників» 6 томів (1843—1844) та ін.— Док. № 237.
[30] До речі (лат.).
[31] «Брат Николай» — Сементовський Микола Максимович, див. т. II, ч. V, прим. 225.—Док. № 237.
[32] Це вже занадто (*франц.*).
[33] Цертелев М. А.— див. т. II, ч. V, прим. 198.— Док. № 237.
[34] Рейпольський Іван Микитович — професор кафедри патології і терапії Харківського університету. Закінчив Медико-хірургічну академію (1810—1814). В 1816 р. був префектом Харківського колегіуму і членом «Товариства наук».
[35] Ювенал Децім Юній — див. т. І, ч. III, прим. 161.— Док. № 237.
[36] Грондський Самійло — див. т. II, ч. V, прим. 314.— Док. № 238.
[37] Вперше в українській літературі вжито сучасне «є» («кулішівка») — Док. № 239.
[38] Йдеться про вірші Т. Г. Шевченка.— Док. № 239.
[39] Зверху дописано «в образность».— Док. № 239.
[40] Тут вперше в українській літературі звук «і» передано буквою «і» («кулішівка») — Док. № 239.
[41] Закреслено «показуються».— Док. № 239.
[42] Замок в Острозі на Волині засновано в XIV ст. князями Острозькими.
Острозький Костянтин (Василь) Костянтинович (1526—1608) — князь, український магнат, київський воєвода, культурний діяч; заснував школу і друкарню в Острозі, школи в Турові і Володимирі-Волинському. На Брестському соборі (1596) підтримував православне духовенство.— Док. № 239.
[43] Мацейовський Вацлав-Олександр — див. т. І, ч. II, прим. 23.— Док. № 239.
[44] Дубровський П. П.— див. т. II, ч. V, прим. 222.— Док. № 239.
[45] Лінде Самуїл-Богуміл — див. т. II, ч. V, прим. 233.— Док. № 239.

[46] Земенцька Елеонора (1819—1869) — польський учений, філософ, заснувала у Варшаві часопис «Pelagrzym» («Пілігрим») (1841—1846).— Док. № 239.
[47] Страшкевич Кіндрат Федорович (1815—1868) — ад'юнкт кафедри грецької та римської словесності Київського університету з 1840 р. В 1845 р. здобув ступінь магістра класичної словесності. Протягом 1846/47 р. він викладав чеську мову.
Док. № 239.
[48] Линниченко Андрій Іванович (1822—1888) — магістр російської словесності (1845), пізніше доцент кафедри історії загальної літератури Київського університету. Линниченко закінчив університет разом із Д. П. Пильчиковим (1843). У 1846 р. його призначено на місце М. І. Костомарова старшим учителем Київської першої гімназії.— Док. № 239.
[49] Див. док. № 236.— Док. № 240.
[50] Див. док. № 240.— Док. № 241.
[51] Текст від слів «что, не видя» до слів «своей должности» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 241.
[52] Текст від слів «который в разговорах» до слів «весьма мало» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 242.

Частина п'ятнадцята

СПРАВА Ф. В. ЧИЖОВА

[1] Краків перебував під владою Австрії у 1795—1809 рр. і 1846—1867 рр., а в 1867—1918 рр. під владою Австро-Угорщини.— Док. № 248.
[2] «Спілка світла» (нім.).— Док. № 248.
[3] Ташенгассе (Кишенькова вуличка) (нім.) — Док. № 248.
[4] Текст від слів «В Бреславле агент» до слів «дорога в Вену» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 248.
[5] Гуровський Адам (1805—1866) — польський публіцист, учасник повстання 1830—1831 рр., емігрував у Париж. Панславістські ідеї розвивав у своїх творах «La civilisation et la Russie» «Цивілізація Росії» (1840), «O arystocracyi, liberalizmie i demokracyi w Polsce» «Про аристократію, лібералізм і демократію в Польщі» (1843 р.) та ін.— Док. № 248.
[6] Текст від слів «Галицейская шляхта» до слів «на месяц» підкреслено рукою Миколи I вертикальною лінією.
[7] Текст від слів «образ мыслей» до слів «Михаилом Соломоновым Мартыновым» підкреслено вертикальною лінією.
[8] 22 березня 1847 р. був надісланий аналогічний лист Ф. П. Вронченку відносно затримання на кордоні Ф. В. Чижова, а саме:

22 марта 1847, № 448

В такой же силе

Его высокопрев[осходительст]ву Ф. П. Вронченко,

с переменою во 2-м пункте:

...немедленно предписать об исполнении оной по всем таможням по западной и... подобного распоряжения со стороны местных губернских начальств, я с сим вместе отнесся к г-ну министру внутренних дел.

Примите ув[ерение] и проч[ее]

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем.

— Ч.XV, арк. 14. Відпуск.— Док. № 251.

[9] Йдеться про Катерину Василівну Галаган (Гудович), матір Г. П. Галагана (див. док. № 233).— Док. № 252.
[10] Видавати журнал Ф. В. Чижову не дозволено — див. док. № 271, 272, 274, 275.— Док. № 252.
[11] 29 квітня 1847 р. аналогічне відношення було надіслане Лівенцову з приводу знайомства Ф. В. Чижова в Новгород-Сіверську, а саме:

В такой же силе

29 апреля 1847, № 684

Полковнику к[орпуса] ж[андармов] Ливенцову

(предписанием) с переменами:

В 1-м пункте по высочайшему повелению предписываю Вашему высокоблагородию удостовериться, если возможно, но самым секретным и...

2-й пункт: о последующем же я буду ожидать Вашего донесения.

Подписал г[енерал]-а[дъютант] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем.

— Ч. XV, арк. 17. Відпуск.— Док. № 253.

[12] Див. док. № 253.— Док. № 254.
[13] Білозерський М. Д.— див. т. I, ч. III, прим. 125.— Док. № 254.

[14] Див. док. № 130.— Док. № 255.
[15] Див. док. № 251.— Док. № 258.
[16] Див. прим. № 8.— Док. № 258.
[17] Датується за док. № 260.— Док. № 263.
[18] Природа не робить стрибків (лат.).— Док. № 263.
[19] Див. т. I, ч. I, прим. 150.— Док. № 263.
[20] Кукулевич-Сакцинський Іван (1816—1884) — хорватський патріот, учений і письменник, учасник іллірійського руху. Кукулевич автор творів «An Kroatien» («В Кроації») «Juran i Sofia» («Журан і Софія») «Gusar» («Гусар») та ін. Головна ідея їх — визволення хорватського народу. В 1842 р. Кукулевич залишив військову службу і поселився в Загребі, де взяв участь у політичній діяльності: в сеймах і на з'їздах вимагав запровадження хорватської мови. У 1848 р. Кукулевич став членом тимчасового уряду Хорватії.

У 1850 р. заснував «Югослов'янське історичне товариство» і працював над виданням історичних документів. Найзначнішим його історичним твором є книга «Borba Hrvatah s Mangoli i Tatari» («Боротьба хорватів з монголами і татарами») (1863). Кукулевич брав участь у роботі Юго-слов'янської академії наук. До кінця життя він боровся за визволення слов'янських народів від турецького й австрійського панування.— Док. № 263.
[21] Племиты — магнаты.— Прим. док.— Док. № 263.
[22] Кмет — чернь.— Прим. док.— Док. № 263.
[23] Погодін М. П.— див. т. II, ч. V, прим. 122.— Док. № 263.
[24] Так у тексті.— Док. № 264.
[25] Фур'єристи — учні і послідовники Фурьє Франсуа-Марі-Шарля (1772—1837) — великого французького соціаліста-утопіста, який виступав з критикою буржуазного суспільства і обгрунтуванням появи майбутнього соціалістичного суспільства. Фурьє проповідував загальну єдність і мир, виступав проти насильственних революцій у творі «Теорія всесвітньої єдності» (1822) та інших працях.— Док. № 264.
[26] Сен-сімоністи — учні і послідовники Сен-Сімона де Ревруа Анрі-Клода (1760—1825) — французького соціаліста-утопіста.— Док. № 264.
[27] Комуністи — так в домарксівський період називали себе прихильники необхідності соціальної перебудови суспільства. «... Та частина робітничого класу,— писав Ф. Енгельс в передмові до англійського видання «Маніфесту Комуністичної партії» (1888 р.),— яка переконалася в недостатності чисто політичних переворотів і проголошувала необхідність докорінної перебудови суспільства, називала себе тоді комуністичною. Це був грубуватий, погано обтесаний, чисто інстинктивний вид комунізму; проте він нащупував найбільш осе новне і показав себе серед робітничого класу досить сильним для того, щоб створити утопічний комунізм: у Франції — комунізм Кабе, в Німеччині — комунізм Вейтлінга» (К. Маркс і Ф. Енгельс. Твори.— Т. 21.— С. 350).— Док. № 264.
[28] Мютюалісти — прихильники дрібнобуржуазних соціально-реформаторських течій у Франції, походить від назви організації взаємодопомоги ткачів м. Ліона (1828). В І Інтернаціоналі так називалася частина прудоністів.— Док. № 264.
[29] Враз Станко (1810—1851) — хорватський поет, прихильник визволення слов'ян, навчався в Грацькому університеті, редагував літературний журнал «Kolo» «Коло» (1842—1850), (1840) «Glasi iz dybrave żerowinske» («Голоси з журавлиної діброви», 1841), «Gusle i tambura» («Гуслі і тамбура» Прага, 1845).— Док. № 264.
[30] Бабукіч Векослав (1812—1875) — хорватський письменник, навчався в Загребській юридичній академії, де став доцентом міжнародного права (1837). Він видав «Основи граматики іллірійської мови» (1837), а також ряд творів з літератури й мовознавства.— Док. № 264.
[31] Меріме Проспер (1803—1870) — французький письменник-реаліст, автор багатьох новел. У збірці «Гусли, или избранные песни иллирийцев» (1827) відобразив національно-визвольний рух слов'янських народів.

Деякі теми збірки О. С. Пушкін використав для «Песен западных славян». «Гусли» позитивно оцінили В. Г. Белінський і А. Міцкевич. Меріме пропагував у Франції російську літературу, перекладав твори Пушкіна, Гоголя, Тургенева.— Док. № 264.
[32] Табльдот — загальний стіл (*франц.*).— Док. № 264.
[33] Француз (франц.).— Док. 264.
[34] Можливо, Ви чекаєте титулів, проте я маю єдиний титул з титулів — и росіянин (*франц.*).— Док. № 264.
[35] Адже ж ми співвітчизники,— відповів він, — так би мовити, однієї великої батьківщини слов'янських країн (*франц.*).— Док. № 264.
[36] Текст від слів «Міцкевич часто» до слів «как истинном русском» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 264.
[37] Є знання, та немає науки (*франц.*).— Док. № 264.
[38] Тов'янський Андрій (1799—1878) — польський філософ-містик, навчався у Віленському університеті (не закінчив), брав участь в товаристві філаретів. Опублікував повість «Zdarzenie» («Подія»), проповідував месіанство Польщі — ніби польський народ обраний богом, щоб він став прикладом християнського життя для всього світу. В Парижі Тов'янський зустрічався з А. Міцкевичем (1840—1841). Головне кредо містицизму Тов'янського викладене в книзі «Бесіда», а також у публікаціях листів і спогадів.— Док. № 264.

[39] «Ви вискочень,— казав я йому,— Ви не шляхетні шляхетністю племені» *(франц.)*.— Док. № 264.

[40] «Наші відносини з Вами засновані на почутті новому, бо воно піднімається над умовностями, пристрастями та буденними інтересами» *(франц.)*.— Док. № 264.

[41] «Мессіанізм» *(франц.)*.— Док. № 264.

[42] Готелі «Мінерва» *(франц.)* — Док. № 264.

[43] Враження від подорожі в Швейцарію (франц.).— Док. № 264.

[44] Текст від слів «О государе» до слів «с благоговением» підкреслено вертикальною лінією.

[45] Луї — Люсьеном Бонапартом *(франц.)*.— Док. № 264.

[46] Князь Канінський *(франц.)*.— Док. № 264.

[47] Що різні племена є різними видами одного роду, а не різновидами одного і того самого виду *(франц.)*.

[48] Брюллов К. П.— див. т. II, ч. VI, прим. 2.— Док. № 264.

[49] Бруні Федір Антонович (1800—1875) — російський художник, у 1818 р. закінчив Петербурзьку академію мистецтв, автор багатьох картин, серед них «Хрещення княгині Ольги», «Смерть Камілли, сестри Горація» та ін. Разом з К. П. Брюлловим розписував Ісаакіївський собор в Петербурзі.— Док. № 264.

[50] Муравйов Андрій Миколайович (1806—1874) — письменник, церковний історик. Перший збірник віршів вийшов під назвою «Таврида» (М., 1827). Його трагедія «Битва при Тивериаде или падение крестоносцев в Палестине» в 1832 р. йшла на сцені Олександрійського театру. Подорож в Палестину Муравйов описав в книзі «Путешествие по святым местам в 1830 г.» (СПб., 1832). В офіціальному дусі написані й твори «Письма о богослужении восточной католической церкви» (Спб., 1836), «История российской церкви» (СПб., 1838), «Путешествие по святым местам русским» (Спб., 1836), «Первые 4 века христианства» (СПб., 1840) та ін.— Док. № 264.

[51] Текст від слів «Сколько я могу» до слів «незначительного утеснения» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 264.

[52] Текст від слів «В заключение ответа» до слів «состоянии был бы доносить» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 264.

[53] Текст від слів «Что касается» до слів «нравственно-политических правил» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 264.

[54] Текст від слів «Вновь ступавшее племя» до слів «не называют своим царем» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 264.

[55] Текст від слів «Третье явление» до «иначе и предполагать» підкреслено вертикальною лінією.

[56] Текст від слів «представимые уму» до слів «нашего образования» підкреслено вертикальною лінією.

[57] Палацький Франтішек — див. т. 1, ч. II, прим. 62.— Док. № 264.

[58] Див. т. I. ч. I, прим. 140.— Док. № 264.

[59] Іллірійський рух (або іллірнзм) — суспільно-політичний і культурний рух в Хорватії 30—40-х років XIX ст., що відображав формування хорватської буржуазної нації. Учасники руху вели боротьбу за національну мову і культуру. Іллірійський рух висунув своїх діячів — І. Деркоша, Я. Драшковича, Л. Гая, С. Враза, І. Кукулевича-Сакцинського та ін. Було створено культурно-освітнє товариство «Матиця іллірська», яке стало центром видавничої діяльності. Л. Гай у 1835 р. заснував газету «Новіне хорватське» з літературним додатком «Данниця».— Док. № 264.

[60] «Ilirske narodne nowiny» («Іллірійські народні новини») журнал, який почав виходити з 1836 р. на «штоковському» діалекті, який був зрозумілий для всіх народів, що населяли південно-слов'янські землі. З 1848 р. журнал дістав назву «Narodne nowiny». («Народні новини»).— Док. № 264.

[61] Текст від слів «В последнее время я слышал» до слів «ни малейшего влияния» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 264.

[62] Текст від слів «Все они» до слів «русским барином» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 264.

[63] Тут згадана стаття Я. Коллара «Про літературну взаємність між слов'янськими племенами і наріччями» (1836).— Док. № 264.

[64] Гурбан Осип-Любовіт-Милослав (1817—1888) — словацький поет, публіцист, діяч національно-визвольного руху в Словаччині. У 1848 р. брав участь в празькому повстанні. Гурбан автор книги «Поїздка словака до слов'янських братів в Моравію і Чехію» (1839), видавав альманах «Нітра» (1842—1846), з 1846 р.— науково-літературний журнал «Словацький огляд», де опублікував працю «Словаччина та її літературне життя» (1847). Гурбан — автор історичних повістей і новел «Святонауківці» (1844), «Олейкар» (1846) та ін. Він один з творців словацької літературної мови.— Док. № 264.

[65] «Народні словецькі новини» (словацьк.).— Док. № 264.

[66] «Татрський орел» (словацьк.).

[67] Петроневич Аврам (1791—1852) — сербський політичний діяч. У 1820 р. як секретар сербської делегації їздив до Константинополя для підписання угоди про автономію Сербії, але турецький уряд кинув делегацію до в'язниці (1820—1826). Повернувшись до

Сербії, Петроніевич очолював рух за обмеження князівської влади Мілоша і Михайла Обреновичів. У 1835, 1839, 1842, 1844—1852 займав посади прем'єр-міністра й міністра закордонних справ Сербії.— Док. № 264.

[68] «Мандрівка хороброго абата» (італійськ.).

[69] «Московский сборник» — літературний і учений збірник, який випускали слов'янофіли в Москві. Вийшло у світ 3 книги (1846, 1847 і 1852 рр.).— Док. № 264.

[70] Єлагін Микола Васильович (1817—1891) — письменник, цензор, автор книг «Очерк жизни князя П. А. Ширинского-Шихматова» (СПб., 1855), «Жизнь княгини Орловой-Чесменской» (СПб., 1863), «Письма о христианской жизни» (СПб., 1858) та ін. Проповідував реакційні ідеї самодержавства і християнської смиренності.— Док. № 264.

[71] Хом'яков О. С.— див. т. II, ч. VIII, прим. 245.— Док. № 264.

[72] Киреєвський Іван Васильович (1806—1856) — російський публіцист і філософ-ідеаліст, один з ідеологів слов'янофільства, редактор газети «Москвитянин» (1845), виклав слов'янофільські погляди в статті «В ответ А. С. Хомякову» (1839).— Док. № 264.

[73] Соловйов С. М.— див. т. II, ч. VIII, прим. 249.— Док. № 264.

[74] Попов Олександр Миколайович (1821—1877) — історик, слов'янофіл, член-кореспондент Академії наук, навчався у Московському університеті, в «Московском сборнике» (1847) опублікував працю «Шлецер. Рассуждение о русской историографии».— Док. № 264.

[75] Панов Василь Олексійович — письменник, слов'янофіл, автор книги «Путешествие по землям западных и южных славян» (1844) та багатьох творів з історії слов'янських народів.— Док. № 264.

[76] Токсвіль *(франц.)*.

[77] «Демократія в Америці» *(франц.)*.

[78] Кіпріан Робер *(франц.)*.

[79] «Греко-слов'янському світі» *(франц.)*.

[80] Лефор фр.

[81] «Огляді двох світів» *(франц.)*.

[82] Ернест Шарньєр *(франц.)*.

[83] «Політика історії» *(франц.)*.

[84] Амі-Буе фр.

[85] «Європейська Туреччина» *(франц.)*.

[86] «Щоквартальний журнал закордонних новин» *(англ.)*.

[87] Вінченцо Джоберті *(італ.)*.

[88] «Якщо першість Італії» *(італ.)*.

[89] «Істрія, Далмація і острови» *(італ.)*.

[90] Гулак-Артемовський Семен Степанович (1813—1873) — видатний український композитор і оперний співак. Був щирим другом Т. Г. Шевченка, допомагав йому в роки заслання. Написав музику до опери «Запорожець за Дунаєм», водевіля «Ніч напередодні Іванового дня» та ін.— Док. № 264.

[91] Толстой Ф. П.— див. т. II, ч. VI, прим. 144.— Док. № 264.

[92] «Библиотека для чтения» — див. т. I, ч. III, прим. 257.— Док. № 264.

[93] «Сын отечества» — історичний і політичний журнал, який виходив у Москві в 1812—1844 і 1847—1857 рр., з 1834 р. під назвою «Сын отечества и Северный архив, журнал словесности, политики и истории». До 1825 р. в ньому друкувалися твори О. Грибоєдова, К. Рилєєва, В. Кюхельбекера та інших письменників. Після поразки декабристів журнал став виданням, позначеним впливом офіційної ідеології. — Док. № 264.

[94] «Отечественные записки» — див. т. I, ч. III, прим. 183.— Док. № 264.

[95] «Москвитянин» — див. т. I, ч. II, прим. 40.— Док. № 264.

[96] «С.-Петербургские ведомости» — газета, що виходила в Петербурзі у 1728—1917 рр. З 1800 р. щоденно. В № 58 від 20 липня 1826 р. в ній опубліковано слідчі матеріали про декабристів. Саме цей номер знайдено в Костомарова під час обшуку і арешту.— Док. № 264.

[97] Датується за док. № 264.— Док. № 265.

[98] Датується за док. № 264.— Док. № 266.

[99] В тексті «Ганком».— Док. № 266.

[100] Мармьє *(франц.)*.— Док. № 266.

[101] Меріме *(франц.)*.— Док. № 277.

[102] Великий *(франц.)*.— Док. № 266.

[103] Француз *(франц.)*.— Док. № 266.

[104] Шахрай *(франц.)*.— Док. № 266.

[105] Полевой Микола Олексійович (1796—1846) — російський журналіст, письменник та історик. У 1823 р. видавав журнал «Московский телеграф», високо оцінений В. Г. Бєлінським. Полевой був прихильником конституційної монархії і відмежовувався від реакційної офіціальної ідеології. Автор 6-томної «Истории русского народа» (1824—1833 рр.), художніх творів «Абадонна» (1834 р.), «Блаженство безумия», «Живописец» (1833 р.) та ін. Наприкінці 30-х і в 40-х роках перейшов на реакційні позиції, зблизився з Гречем і Булгаріним, писав псевдопатріотичні драми, редагував «Сын отечества», «Северную пчелу» і «Русский вестник».— Док. № 267.

[106] Надеждін Микола Іванович (1804—1856) — російський критик, історик і етнограф, професор Московського університету. Видавав журнал «Телескоп» (1831—1836), де надрукував «Філософічні листи» П. Я. Чаадаєва. За це був засланий. Проте його наукові праці з історичної географії (наприклад, «Опыт исторической географии Русского мира», 1837), філології, археології, історії мали позитивне значення. Деякий час Надеждін редагував «Журнал министерства внутренних дел» і «Географические известия».— Док. № 267.

[107] За змістом цей вислів повинен належати Миколі I.— Док. № 267.

[108] У зв'язку з відсутністю будь-яких доказів про належність до товариства, Ф. В. Чижов наприкінці травня був звільнений з-під арешту. Проте за ним був встановлений негласний нагляд, написані ним твори проходили цензуру в III відділенні. Нагляд було знято у 1857 р., але інтерес до діяльності Ф. В. Чижова відділення мало ще і в 1862 р. Зважаючи на непричетність Ф. В. Чижова до Кирило-Мефодіївського товариства і те, що наступні документи не стосуються діяльності товариства, вони не публікуються.

Частина шістнадцята
СПРАВА О. М. ПЕТРОВА

[1] Див. док. № 359.— Док. № 360.

[2] Перший письмовий донос від 3 березня 1847 р. див. т. I, док. № 6.— Док. № 362.

[3] Див. док. № 365.— Док. № 366.

[4] Див. док. № 365.— Док. № 367.

[5] Датується за док. № 369.— Док. № 368.

[6] 105 р[уб] сер[ебром] в год и единовременно получил 350 р[уб] серебром.— Прим. док.— Док. № 368.

[7] Датується за док. № 369.

[8] Текст від слів «вызван в С.-Петербург» до слів «престарелую мать» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 371.

[9] О. І. Чернишов.— Док. № 372.

[10] С. С. Уваров.— Док. № 372.

[11] Ф. П. Врончеико.— Док. № 372.

[12] О. І. Чернишовим.— Док. № 373.

[13] Див. т. I, док. № 69.— Док. № 373.

[14] Див. док. № 373.— Док. № 375.

[15] Підпис нерозбірливий.— Док. № 375.

[16] Див. док. № 375.— Док. № 376.

[17] Княжевич Олександр Максимович (1792—1870) — президент Одеського товариства історії і старожитностей (1839—1856), попечитель Одеського учбового округу (1837—1844), директор департаменту державного казначейства, міністр фінансів (1858—1862).— Док. № 376.

[18] Див. док. № 376.— Док. № 377.

[19] Див. док. № 377.— Док. № 378.

[20] Текст від слів «Ныне Черниговская» до слів «105 р[уб] сер[ебром] в год» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 378.

[21] Датується за док. № 378.— Док. № 379.

[22] Датується за док. № 383.— Док. № 381.

[23] Датується за док. № 383.— Док. № 382.

[24] Прізвище невідоме.— Док. № 387.

[25] Лист не закінчений.— Док. № 387.

[26] В тексті помилково «двух дочерей», у Є. І. Петрової була одна дочка Юлія.

Частина сімнадцята
СПРАВА ПРО ВИЯВЛЕННЯ В КИЄВІ

«ВОЗМУТИТЕЛЬНОЙ» ЗАПИСКИ ТА ПІДПОРЯДКУВАННЯ УЧБОВИХ ЗАКЛАДІВ КИЇВСЬКОМУ ВІЙСЬКОВОМУ ГУБЕРНАТОРУ.

[1] Далі повторюється повний текст резолюції.— Док. № 392.

[2] Датується за док. № 392.— Док. № 393.

[3] Ч. XVIII, арк. 2, 3. Копії в 2-х примірниках. Не друкується. Опубл.: П. А. Зайончковский Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847).— М., 1959.— С. 117.

[4] Див. док. № 395.— Док. № 394.

[5] Далі повторюється повний текст резолюції.— Док. № 394.

[6] Далі повторюється повний текст резолюції.— Док. № 396.

[7] Див. док. № 397.— Док. № 399.

[8] Див. док. № 392.— Док. № 400.

[9] Див. док. № 400.— Док. № 401.

Частина вісімнадцята

СПРАВА ПРО СЛОВ'ЯНОФІЛЬСТВО ТА УКРАЇНОФІЛЬСТВО

[1] Датується за док. № 404.— Док. № 403.

[2] Див. т. І, ч. І, прим. 72—74.—Док. № 403.

[3] Див. т. І, прим. 57.— Док. № 403.

[4] Див. док. № 404.— Док. № 405.

[5] Доноси чиновника особливих доручень канцелярії III відділення М. А. Кашинцова з Москви дуже суб'єктивні, подекуди викликають сумнів щодо достовірності вміщених там відомостей і вимагають особливо критичного ставлення читача. Серед цих відомостей заслуговують на увагу свідчення про резонанс, який мали арешти кирило-мефодіївців у Москві серед професорів Московського університету.— Док. № 409.

[6] Див. док. № 409.— Док. № 410:

[7] На арк. 45 продовження док. № 421. (Сплутано III відділенням.)—Док. № 419.

[8] Див. док. № 411.— Док. № 420.

[9] Рігельман О. І.— див. т. II, ч. V, прим. 217.— Док. № 217.

[10] В тексті помилково «Бодянским».— Док. № 420.

[11] По другой, вовсе не родня Гулаку. Прим. док. (Мається на увазі М. І. Гулак).

[12] Ни в Министерстве внутренних дел, ни у С.-Петербургского военного генерал-губернатора не выдавалось ему паспорта.— Прим. док.— Док. № 423.

[13] *Маслов С. О.* (1793—1879) — письменник, секретар Московського товариства сільського господарства, засновник «Земледельческого журнала».— Док. № 423.

[14] Міллер Федір Іванович (1705—1783) — історик і археограф, член Петербурзької академії наук, активний прихильник норманістів, написав чимало творів з історії Росії («Описание Сибирского царства», «О летописце Несторе» та інші), України («Известие о запорожских казаках»).— Док. № 425.

[15] Текст від слів «Теперь он слывет» до слів «не малороссийских» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 425.

[16] На полі підзаголовок «О кн. Оболенском».— Док. № 425.

[17] Текст від слів «Вам только» і до слів «главном архиве» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 425.

[18] Текст від слів «Есть у ученых» і до слів «к нему отзывы» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 425.

[19] Малиновський Олексій Федорович (1762—1840) — історик, сенатор, директор Московського архіву колегії закордонних справ, член-редактор по друкуванню державних грамот і договорів, член Академії наук, голова Товариства історії і старожитностей російських.— Док. № 425.

[20] Текст від слів «принимая в соображение» і до слів «это место» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 425.

[21] Данзас Костянтин Карлович (1800—1870) — приятель О. С. Пушкіна і його секундант на дуелі, московський обер-прокурор, брав участь в російсько-іранській (1826—1828) і російсько-турецькій (1828—1829) війнах, у війні на Кавказі.— Док. № 425.

[22] Колошин Сергій Павлович (1822—1869) — російський письменник, гуморист, друкував твори в журналі «Москвитянин» і «Пантеон», видавав журнал «Зритель» (1862—1863).— Док. № 425.

[23] «Слов'янське владо» — організація слов'яністів за кордоном (1845).— Док. № 426.

[24] Чайковський Міхал — див. т. І, ч. III, прим. 164.— Док. № 426.

[25] Див. т. І, ч. І, прим. 154.— Док. № 426.

[26] В тексті номер не указано.— Док. № 433.

[27] Див. док. № 434.— Док. № 435.

[28] Морошкін Федір Лукич (1804—1857) — учений, юрист, професор Московського університету по кафедрі цивільних законів, захистив докторську дисертацію «О владении по началам российского законодательства» (М., 1839).— Док. № 436.

[29] Датується за док. № 436.— Док. № 437.

[30] Прізвище не прочитано.— Док. № 437.

[31] Даль В. І.— див. т. І, ч. III, прим. 184.— Док. № 440.

[32] Текст від слів «тоже слух» до слів «гр. Киселеву» підкреслено вертикальною лінією.

[33] «Я же с Голохвастовым теперь о профессорах ничего не говорю, чтоб моим любопытством не навлечь какого подозрения».— Прим. док.

[34] Зграя шахраїв *(франц.)*.—Док. № 440.

[35] Кюхельбекер Вільгельм Карлович (1797—1846) — відомий письменник, товариш О. С. Пушкіна, учасник повстання декабристів; друкував твори в журналах «Вестник Европы», «Сын отечества», «Благонамеренный». Разом з кн. В. Ф. Одоєвським Кюхельбекер видав чотири книжки збірника «Мнемозина».— Док. № 440.

[36] Зубрицький Д. І.— див. т. II, ч. V, прим. 266.— Док. № 441.

[37] Текст від слів «что замечательно» до слів «России с ней», підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 441.

[38] Книги в справі немає.— Док. № 441.

[39] Текст від слів «кажется, нужно» до слів «другими государствами» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 441.
[40] О Бодянском см. еще в деле № 462, 1848 г.— Прим. док.— Док. № 445.
[41] Див. т. I, док. № 45.— Док. № 445.
[42] Див. док. № 434.— Док. № 445.
[43] Ширинський — Шихматов П. О.— *див.* т. II, ч. V, *прим.* 253.— Док. № 445.

Частина дев'ятнадцята

ЖУРНАЛ СЛІДСТВА

[1] Журнал вів Л. В. Дубельт.— Док. № 447.
[2] На *полі* протн слів «Киевского университета Петрова, что существует Славянское общество» помітка Л. В. Дубельта: «По мере составления сего журнала его велнчество нзволил читать оный».

Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт.

— Док. № 447.
[3] На *полі* проти слів «в Полтаве несколько благородномыслящнх» помітка О. Ф. Орлова: «Об сих двух офицерах я снесусь с военным министром».— Док. № 447.
[4] На полі протн слів: «насчет Кулиша сделано распоряжение» *помітка* О. Ф. Орлова: «О сем распоряженни я умалчиваю перед мин[истром] народного просвещения, дабы Кулнш с большею уверенностию своей независимости возвратился в Россню».— Док. № 447.
[5] В тексті помилково: «Кулиш».— Док. № 447.
[6] Далее о Вородннове будет распоряженне.— Прим. док.— Док. № 447.
[7] «Записки учителя фехтования» *(франц.)*.— Док. № 447.
[8] С бумагами Кулиша нз Варшавы доставлены н бумаги родственника его Белозерского, который жнл там *на одной* с Кулншом квартире.— Прнм. док.— Док. № 447.
[9] Кипріана *(франц.)*.— Док. № 447.
[10] На *полі* протн слів: «дворяннн Чижов, который находится за границею» помітка О. Ф. Орлова. «Говорят, наставннк молодого гр. Уварова».— Док. № 447.
[11] «Повесть об украинском народе».— Док. № 447.
[12] «Полігрімка» — польськ.— Док. № 447.
[13] Это та самая книга Кулиша, в которой он поместил мыслн о прежнем духе казачества н вольностн малороссиян, везде замечая, что этот дух доселе таится в Малороссин.— *Прим. док.*— Док. № 447.
[14] На полі проти слів: «не доставило его самого в С.-Петербург» помітка О. Ф. Орлова: «Прнслать в Петербург».— Док. № 447.
[15] «К верным сынам Украины».— Док. № 447.
[16] В тексті «Перебедня».— Док. № 447.
[17] В тексті помилково «Затырневич».— Док. № 447.
[18] В тексті помилково «Трысяло».— док. № 447.
[19] Француз. *(франц.)*.— Док. № 447.
[20] Шахрай *(франц.)*.— Док. № 447.
[21] В тексті помилково «Дуная».— Док. № 447.
[22] В тексті «Коляра».— Док. № 447.
[23] Потрібно Андрущенко.— Док. № 447.
[24] Кам'яна церква *(нім.)*.— Док. № 447.

ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК

ГЕОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК

ХРОНОЛОГІЧНИЙ ПЕРЕЛІК ДОКУМЕНТІВ

1845

1845 р. лютого 9.— Лист О. Х. Бушена до брата М. Х. Бушена про особисті справи.— Док. № 212.

1846

1846 р. січня 17.— Лист П. О. Куліша до О. В. Марковича про закінчення роману «Чорна рада» та листування з В. М. Білозерським і зустрічі з П. О. Плетньовим.— Док. № 91.

1846 р. січня 25.— Лист П. О. Куліша до О. В. Марковича з висловленням почуттів дружби до В. М. Білозерського, про знайомство з Красковськими та обіцянка І. І. Срезневського передати в його розпорядження зібрані ним народні пісні.— Док. № 92.

1846 р. лютого 5.— Лист М. І. Гулака до О. В. Марковича про зв'язки з М. І. Костомаровим, В. М. Білозерським, В. П. Тарновським та міркування про майбутнє української мови й літератури.— Док. № 90.

1846 р. березня 14.— Лист П. О. Куліша до О. В. Марковича з відомостями про заняття українською історією і літературою та висловлюванням необхідності вивчати творчість О. С. Пушкіна і В. А. Жуковського.— Док. № 93.

1846 р. травня 11.— Лист чиновника Полтавської кримінальної палати Є. О. Затиркевича до О. В. Марковича про своє ставлення до збирання українських пісень та про майбутнє України.— Док. № 103.

1846 р. травня 28.— Лист П. О. Куліша до О. В. Марковича з повідомленням про намір приїхати до Києва.— Док. № 94.

1846 р. серпня 30.— Лист В. М. Білозерського до О. В. Марковича про свою педагогічну роботу та дружні зв'язки з Д. П. Пильчиковим, О. О. Затиркевичем та іншими.— Док. № 98.

1846 р. жовтня 2.— Лист В. М. Білозерського до О. О. Навроцького з враженням про своє оточення в Полтаві.— Док. № 99.

1846 р. жовтня 4.— Лист В. М. Білозерського до О. В. Марковича з характеристикою свого оточення в Полтаві.— Док. № 97.

1846 р. жовтня 22, 31.— Лист К. І. Керстен до О. В. Марковича з висловленням свого ставлення до статті Я. Коллара «Про літературну взаємність між слов'янськими племенами і наріччями» та подякою за надіслання «Повести об украинском народе» П. О. Куліша.— Док. № 102.

1846 р. листопада 5.— Закордонний паспорт Ф. В. Чижова.— Док. № 259. Не публ.

1846 р. листопада 25.— Лист К. І. Керстен до П. В. Марковича з оцінкою діяльності і творчості Т. Г. Шевченка та висловленням негативного ставлення до української мови.— Док. № 101.

1846 р. листопада 25.— Закордонний паспорт Ф. В. Чижова.— Док. № 259. Не публ.

1846 р. листопад.— Лист І. Я. Пасяди до вчителя Полтавської гімназії Л. І. Боровиковського з повідомленням про створення в Києві товариства для видання українського словника, граматики та інших книг.— Док. № 7.

1846 р. листопад.— Варіант листа І. Я. Пасяди до Л. І. Боровиковського про заснування товариства з метою поширення освіти та друкування книг українською мовою.— Док. № 8. Не публ.

1847 р. грудня 7.— Лист В. М. Білозерського до О. В. Марковича з проханням приїхати в Полтаву і надіслати початок «Історії слов'янського народу».— Док. № 96.

1846 р. грудня 10.— Повідомлення намісника Царства Польського І. Ф. Паскевича III відділенню про становище в Сілезії і Галичині.— Док. № 248.

1846 р. грудня 15.— Лист К. І. Керстен до О. В. Марковича з опінкою «Історії українського народу» П. О. Куліша і думками про патріотизм.— Док. № 100.

1846 р. грудня 30.— Відношення О. Ф. Орлова до московського генерал-губернатора О. Г. Щербатова з запитом про життя і діяльність Ф. В. Чижова.— Док. № 249.

1846 р. грудень.— Лист В. М. Білозерського до О. В. Марковича про літературні вечори в Полтаві, на яких читались твори Т. Г. Шевченка, П. О. Куліша, М. Ю. Лермонтова, А. Міцкевича та про знайомство з І. І. Боровиковським.— Док. № 95.

1846 п. [?].— Записка І. Я. Пасяди про тяжке становище України.— Док. № 3.

1846 р. [?].— Лист І. Я. Пасяди, адресований цареві, з викриттям кріпацтва і визиску селян поміщиками.— Док. № 4.

1846 р. [?].— Перший варіант листа І. Я. Пасяди до невідомої особи (можливо міністра фінансів Ф. П. Вронченка) про тяжке життя українського народу.— Док. № 5.

1846 р. [?]. Другий варіант листа І. Я. Пасяди до невідомої особи (можливо міністра фінансів Ф. П. Вронченка) з висловленнями про тяжке становище українського народу.— Док. № 6.

1846 р. [?].— Замітки І. Я. Пасяди з висловленням його поглядів на науку.— Док. № 9.

1847

1847 р. січня 21.— Відношення О. Г. Щербатова до О. Ф. Орлова про паспорт Ф. В. Чижова.— Док. № 250.

1847 р. лютого 22.— Лист П. Я. Сердюкова до П. О. Куліша про літературні справи.— Док. № 185.

1847 р. березня 17.— червня 14.— Журнал слідства III відділення в справі Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 447.

1847 р. березня 20.— Відношення Л. В. Дубельта до директора Департаменту поліції виконавчої МВС В. В. Оржевського з проханням повідомити дату видачі закордонного паспорта М. І. Савичу та маршрут його подорожі.— Док. № 56.

1847 р. березня 20.— Відношення В. В. Оржевського до Л. В. Дубельта з повідомленням дати видачі закордонного паспорта М. І. Савича на проїзд у Німеччину, Італію, Швейцарію та Бельгію.— Док. № 57.

1847 р. березня 21.— Відношення О. Ф. Орлова до міністра внутрішніх справ Л. О. Перовського про наказ заарештувати М. І. Савича і доставити його в III відділення.— Док. № 58.

1847 р. березня 22.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про арешт Ф. В. Чижова при поверненні його з-за кордону.— Док. № 251.

1847 р. березня 22 (квітня 2).— Лист В. М. Білозерського до О. В. Марковича про враження від поїздки до Варшави.— Док. № 239.

1847 р. березня 24.— Запит III відділення до військового міністра О. І. Чернишова про офіцера П. Л. Ашаніна.— Док. № 201.

1847 р. березня 24.— Донесення офіцера жандармського корпусу III відділення про М. Х. Бушена.— Док. № 202.

1847 р. березня 25.— Відношення О. І. Чернишова до О. Ф. Орлова з повідомленням про таємний обшук в М. Х. Бушена і доставку його в III відділення.— Док. № 203.

1847 р. березня 28.— Повідомлення обер-аудитора Єлісеєва III відділенню про відвідування квартири М. І. Гулака К. В. Варадіновим.— Док. № 228.

1847 р. березня 29.— Другий письмовий донос О. М. Петрова попечителю Київського учбового округу О. С. Траскіну про діяльність членів Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 362.

1847 р. березня 29.— Припис О. Ф. Орлова С. В. Перфільєву повідомити про діяльність слов'янофілів у Москві.— Док. № 404.

1847 р. березня, не пізніше 29.— Висновок III відділення про поширення слов'янофільства і зв'язок з ним національно-визвольного руху на Україні.— Док. № 403.

1847 р. березня 30.— Протокол допиту О. Д. Тулуба.— Док. № 198.

1847 р. квітня 1.— Розписка К. В. Варадінова про збереження таємниці свого арешту.— Док. № 230.

1847 р. квітня, не пізніше 1. Довідка III відділення про повітового вчителя К. В. Варадінова.— Док. № 229.

1847 р. квітня 2.— Запис О. Ф. Орлова до Петербурзького обер-поліцмейстера С. О. Кокошкіна про місце проживання колишнього студента Дерптського університету Є. Є. Вільцина.— Док. № 231.

1847 р. квітня 2.— Відношення О. Ф. Орлова до міністра державного майна П. Д. Кисельова про арешт чиновника Міністерства В. О. Іславіна.— Док. № 221.

1847 р. квітня 3.— Рапорт С. О. Кокошкіна О. Ф. Орлову про місце проживання і сім'ю губернського секретаря Є. Є. Вільцина.— Док. № 232.

1847 р. квітня 3.— Розписка В. О. Іславіна про збереження таємниці свого арешту.— Док. № 225.

1847 р. квітня 3.— Донесення підполковника Ракеєва О. Ф. Орлову про доставку заарештованого В. О. Іславіна в III відділення.— Док. № 222.

1847 р. квітня 3.— Опис речей, відібраних у В. О. Іславіна під час арешту.— Док. № 223.

1847 р. квітня 3.— Повідомлення Л. В. Дубельта О. Ф. Орлову про арешт В. О. Іславіна і розгляд його паперів.— Док. № 224.

1847 р. квітня 3.— Протокол допиту О. В. Марковича в Києві, проведеного І. І. Фундуклеєм у присутності О. С. Траскіна і полковника Білоусова.— Док. № 89.

1847 р. квітня 4.— Довідка III відділення про непричетність В. О. Іславіна до Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 226.

1847 р. квітня 4.— Відношення О. Ф. Орлова до П. Д. Кисельова про звільнення з-під арешту В. О. Іславіна за відсутністю доказів його причетності до Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 227.

1847 р. квітня 4.— Донесення С. В. Перфільєва О. Ф. Орлову про діяльність слов'янофілів у Москві.— Док. № 405.

1847 р. квітня 5.— Додаткові зізнання І. Я. Посяди, дані ним у Києві.— Док. № 15.

1847 р. квітня 6.— Повідомлення І. І. Фундуклея Д. Г. Бібікову про арешт О. В. Марковича.— Док. № 88.

1847 р. квітня 6.— Повідомлення цивільного губернатора І. І. Фундуклея Д. Г. Бібікову про арешт Т. Г. Шевченка.— Док. № 14.

1847 р. квітня 7.— Квитанція, видана III відділенням прапорщику Федотову на доставленого до Петербурга поручика М. Х. Бушена і його речі.— Док. № 209.

1847 р. квітня 7.— Доповідь III відділення Миколі І про арешт поручика М. Х. Бушена.— Док. № 210.

1847 р. квітня 7.— Доповідь Л. В. Дубельта О. Ф. Орлову про доставку в III відділення поручика М. Х. Бушена.

1847 г. квітня 7.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про відправлення О. М. Петрова в Петербург у III відділення.— Док. № 359.

1847 р. квітня 8.— Протокол допиту М. Х. Бушена в III відділенні.— Док. № 213.

1847 р. квітня 8.— Лист К. Сементовського до М. І. Костомарова з відомостями про вихід у світ нових книг і життя в Харкові.— Док. № 237.

1847 р. квітня 8.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова з повідомленням про зроблену ним вказівку відправити О. М. Петрова до Петербурга в розпорядження III відділення.— Док. № 360.

1847 р. квітня 10.— Повідомлення О. Ф. Орлова Х. М. Бушену про арешт його сина М. Х. Бушена, запідозреного в участі у Кирило-Мефодіївському товаристві.— Док. № 214.

1847 р. квітня 10.— Лист невідомої жінки з Москви до Ф. В. Чижова у Відень про підготовку статей до журналу, який він мав намір видавати в 1848 р.— Док. № 406.— Не публ.

1847 р. квітня 12.— Супровідна записка Д. Г. Бібікова до протоколу допиту І. Я. Пасяди, надісланого О. Ф. Орлову.— Док. № 1.

1847 р. квітня 13.— Висновки III відділення про свідчення, дані в Києві І. Я. Пасядою і зміст паперів, відібраних під час його арешту.— Док. № 11.

1847 р. квітня 13.— Записка III відділення про свідчення О. Д. Тулуба на допиті в м. Києві.— Док. № 199.

1847 р. квітня 13.— Супровідна записка Д. Г. Бібікова до записки «К верным сынам Украины», виявленої поліцією в м. Києві.— Док. № 392.

1847 р. квітня, не раніше 13.— Висновок III відділення про О. Д. Тулуба.— Док. № 200.

1847 р. квітня, не пізніше 13.— Прокламація «К верным сынам Украины».— Док. № 393. Не публ.

1847 р. квітня 14.— Записка О. Ф. Орлова Миколі I про намір Д. Г. Бібікова виїхати до Києва і пропозицію підпорядкувати Київський учбовий округ генерал-губернатору.— Док. № 394.

1847 р. квітня 14.— Припис О. Ф. Орлова Л. В. Дубельту, щоб він не надсилав повідомлення Д. Г. Бібікову про необхідність негайного його від'їзду до Києва.— Док. № 395.

1847 р. квітня, не пізніше 14. Доповідна записка Д. Г. Бібікова Миколі I з проектом підпорядкування Київського учбового округу генерал-губернатору.— Док. № 396.

1847 р. квітня 14.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про відправлення І. Я. Пасяди до Петербурга.— Док. № 12.

1847 р. квітня 15.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова з повідомленням про відправлення І. Я. Пасяди до Петербурга.— Док. № 13.

1847 р. квітня 15.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова з повідомленням про царський наказ підпорядкувати Київський учбовий округ генерал-губернатору.— Док. № 397.

1847 р. квітня 15.— Відношення О. Ф. Орлова до С. С. Уварова з повідомленням про підпорядкування Київського учбового округу місцевому генерал-губернатору.— Док. № 398.

1847 р. квітня 16.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова з повідомленням про одержання розпорядження щодо підпорядкування Київського учбового округу генерал-губернатору.— Док. № 399.

1847 р. квітня 16.— Записка III відділення О. Ф. Орлову про наслідки таємного обшуку в П. Л. Ашаніна.— Док. № 204.

1847 р. квітня 16.— Протокол допиту П. Л. Ашаніна в III відділенні.— Док. № 205.

1847 р. квітня 17.— Відношення І. І. Фундуклея до III відділення про відправлення О. М. Петрова до Петербурга у супроводі квартального наглядача київської поліції Цепікона.— Док. № 361.

1847 р. квітня 17.— Розписка П. Л. Ашаніна про збереження таємниці свого арешту.— Док. № 206.

1847 р. квітня 17.— Супровідна записка Д. Г. Бібікова до донесень І. І. Фундуклея про свідчення І. Я. Пасяди і О. В. Марковича у Києві, надіслані О. Ф. Орлову.— Док. № 87.

1847 р. квітня 17.— Висновки III відділення про додаткове свідчення І. Я. Пасяди.— Док. № 16.

1847 р. квітня 18.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про виявлення відомостей щодо можливої участі М. А. Рігельмана в Кирило-Мефодіївському товаристві.— Док. № 171.

1847 р. квітня 18.— Відношення О. Ф. Орлова до О. І. Чернишова про звільнення П. Л. Ашаніна з-під арешту.— Док. № 207.

1847 р. квітня 18.— Лист П. О. Чуйкевича до М. І. Костомарова з проханням переслати книжки і допомогти переїхати до Києва.— Док. № 238.

1847 р. квітня 18.— Свідчення В. М. Білозерського у III відділенні про його знайомство з поручиком М. Х. Бушеном.— Док. № 215.

1847 р. квітня 18.— Відношення О. Ф. Орлова до О. І. Чернишова про звільнення П. Л. Ашаніна з-під арешту.— Док. № 207.

1847 р. квітня 18.— Запис очної ставки М. Х. Бушена з В. М. Білозерським. — Док. № 216.

1847 р. квітня 18.— Відношення О. Ф. Орлова до намісника Царства Польського І. Ф. Паскевича-Єриванського про непричетність офіцерів П. Л. Ашаніна і М. Х. Бушена до Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 220.

1847 р. квітня 18.— Виписка з листа учителя Кам'янецької гімназії П. О. Чуйкевича до М. І. Костомарова з проханням влаштувати його на службу у Києві.— Док. № 235.

1847 р. квітня, не пізніше 18.— Довідка III відділення про П. Л. Ашаніна.— Док. № 208.

1847 р. квітня 19.— Розписка М. Х. Бушена про збереження таємниці свого арешту.— Док. № 217.

1847 р. квітня 19.— Відношення О. Ф. Орлова до О. І. Чернишова про звільнення М. Х. Бушена з-під арешту.— Док. № 218.

1847 р. квітня, не пізніше 19.— Довідка III відділення про М. Х. Бушена.— Док. № 219.

1847 р. квітня, не пізніше 19.— Доповідь III відділення Миколі I про зміст свідчень і паперів О. В. Марковича.— Док. № 104.

1847 р. квітня 21.— Відношення І. І. Фундуклея до III відділення про відправлення І. Я. Посяди до Петербурга.— Док. № 17.

1847 р. квітня 21.— Відношення О. Ф. Орлова до міністра закордонних справ К. В. Нессельроде про необхідність негайного повернення М. І. Савича з-за кордону.— Док. № 59.

1847 р. квітня, не раніше 21.— Довідка III відділення про політичні погляди М. І. Савича та сумнівність причетності його до товариства.— Док. № 61.

1847 р. квітня, не пізніше 22.— Висновок III відділення про лист невідомої жінки до Ф. В. Чижова.— Док. № 407. Не публ.

1847 р. квітня 22.— Розпорядження О. Ф. Орлова С. В. Перфільєву виявити осіб, які беруть активну участь в діяльності слов'янофілів і підготовці матеріалів для журналу Ф. В. Чижова.— Док. № 408. Не публ.

1847 р. квітня 23.— Припис Л. В. Дубельта чиновникові особливих доручень М. А. Кашинцову звернути особливу увагу на слов'янофілів (вчених і письменників) і доповісти, чи не зв'язана їх діяльність з політичними ідеями.— Док. № 409.

1847 р. квітня 24.— Повідомлення начальника архіву III відділення О. О. Галлера О. Ф. Орлову про ліберальні погляди Ф. В. Чижова за часів перебування його в С.-Петербурзькому університеті на посаді ад'юнкт-професора.— Док. № 252.

1847 р. квітня 26.— Квитанція III відділення, видана квартальному наглядачеві київської поліції Ценікову про доставлення у III відділення О. М. Петрова.— Док. № 363.

1847 р. квітня 27.— Протокол допиту О. М. Петрова у III відділенні.— Док. № 364.

1847 р. квітня 28.— Донесення М. А. Кашинцова Л. В. Дубельту про готовність його зайнятись таємним наглядом за слов'янофілами.— Док. № 410.

1847 р. квітня 29.— Відношення О. Ф. Орлова до чернігівського цивільного губернатора П. І. Гессе з приводу знайомства Ф. В. Чижова в Новгород-Сіверську.— Док. № 253.

1847 р. квітня 29.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про втрату О. М. Петровим приватних уроків і неможливість складати перехідні іспити в Київському університеті в зв'язку з від'їздом до Петербурга.— Док. № 371.

1847 р. квітня 29.— Квитанція III відділення, видана колезькому реєстратору Севруку про доставлення І. Я. Посяди до Петербурга.— Док. № 19.

1847 р. квітня 30.— Зізнання І. Я. Посяди на допиті в III відділенні.— Док. № 10.

1847 р. квітня 30.— Протокол допиту І. Я. Посяди в III відділенні.— Док. № 19.

1847 р. травня 2.— Розпорядження О. Ф. Орлова О. П. Галахову про видачу О. М. Петрову білета на проживання в Петербурзі.— Док. № 365.

1847 р. травня 5.— Записка О. М. Петрова з біографічними відомостями. — Док. № 368.

1847 р. травня 5.— Записка О. М. Петрова з біографічними відомостями про батька.— Док. № 369.

1847 р. травня 6.— Повідомлення начальника Радзівіллівської миткої округи П. Ф. Гаккеля III відділенню про арешт Ф. В. Чижова й відправлення його до Петербурга. —Док. № 258.

1847 р. травня 6.— Відношення К. В. Нессельроде до О. Ф. Орлова з повідомленням про розпорядження російським місіям у Німеччині, Італії, Швейцарії та в м. Гаазі з приводу повернення М. І. Савича в Росію.— Док. № 60.

1847 р. травня 7.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про затримку листів на ім'я П. В. Марковича і М. І. Костомарова та про арешт вчителя П. О.Чуйкевича.— Док. № 236.

1847 р. травня 7.— Розпорядження О. Ф. Орлова М. Н. Кашинцову посилити контроль за московськими слов'янофільськими журналами та збірниками.— Док. № 411. Не публ.

1847 р. травня 7.— Припис О. Ф. Орлова С. В. Перфільєву про встановлення таємного нагляду за поетом і публіцистом О. С. Хомяковим.— Док. № 412. Не публ.

1847 р. травня 7.— Припис О. Ф. Орлова начальнику 7 округу корпусу жандармів П. Ф. Львову про встановлення таємного нагляду за О. М. Язиковим.— Док. № 413. Не публ.

1847 р. травня 8.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про відправку О. В. Марковича до Петербурга.— Док. № 105.

1847 р. травня 8.— Повідомлення Л. В. Дубельта О. П. Галахову про надсилку в III відділення білета на проживання в Петербурзі для О. М. Петрова.— Док. № 366.

1847 р. травня 8.— Відношення Л. В. Дубельта до С. М. Муханова про розшуки прапорщика Хмельницького, на якого посилається М. І. Костомаров.— Док. № 182.

1847 р. травня, не пізніше 8.— Довідка III відділення про Хмельницького, у якого М. І. Костомаров начебто списав текст «Закону божого».— Док. № 181.

1847 р. травня 10.— Доповідна записка М. А. Кашинцова Л. В. Дубельту про поведінку вчених — слов'янофілів М. П. Погодіна, Надєждіна Давидова та ін. — Док. № 418. Не публ.

1847 р. травня 10.— Рапорт О. П. Галахова О. Ф. Орлову про відправлення в III відділення білета на проживання в Петербурзі О. М. Петрову строком на два місяці.— Док. № 367.

1847 р. травня 13.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про підозріння на Г. П. Галагана в неблагонадійності та зв'язках з Ф. В. Чижовим.— Док. № 233.

1847 р. травня 14.— Відношення П. І. Гессе до О. Ф. Орлова з відомостями про перебування Ф. В. Чижова в Новгород-Сіверському повіті.— Док. № 254.

1847 р. травня 14.— Рапорт полковника корпусу жандармів Лівенцова О. Ф. Орлову про Ф. В. Чижова.— Док. № 255.

1847 р. травня 14.— Записка Л. В. Дубельта про арешт Ф. В. Чижова.— Док. № 257.

1847 р. травня 14.— Квитанція, видана чиновнику особливих доручень Радзивіллівської митної округи Остен — Сакену про доставлення заарештованого Ф. В. Чижова в III відділення.— Док. № 260. Не публ.

1847 р. травня, не раніше 14.— Опис змісту рукописів, книг, листів та інших паперів, відібраних у Ф. В. Чижова під час арешту.— Док. № 263.

1847 р. травня 15.— Запис очної ставки Г. Л. Андрузького і І. Я. Посяди в III відділенні.— Док. № 20.

1847 р. травня 15.— Донесення М. А. Кашинцова Л. В. Дубельту про деякі послаблення з боку московського цензурного комітету під впливом гр. Строганова.— Док. № 417.

1847 р. травня 15.— Донесення М. А. Кашинцова Л. В. Дубельту про діяльність і зустрічі слов'янофілів у Москві.— Док. № 418. Не публ.

1847 р. травня 16.— Доповідна записка М. А. Кашинцова Л. В. Дубельту про таємні відомості, зібрані про слов'янофілів, та зміст надрукованих у журналах статей.— Док. № 420.

1847 р. травня 17.— Додаткові зізнання І. Я. Пасяди в III відділенні.— Док. № 21.

1847 р. травня 17.— Супровідна записка Д. Г. Бібікова на ім'я О. Ф. Орлова до листа П. Я. Сердюкова П. О. Кулішу.— Док. № 184.

1847 р. травня 17.— Відношення III відділення до О. Л. Штігліца про відправлення до Віденського трактиру 40 гульденів, заборгованих Ф. В. Чижовим під час закордонної подорожі.— Док. № 261. Не публ.

1847 р. травня 17.— Лист М. А. Кашинцова до Л. В. Дубельта про свою таємну агентуру діяльність у Москві.— Док. № 419.

1847 р. травня, не раніше 17.— Запис пояснення П. О. Куліша про П. Я. Сердюкова, зроблений канцелярією III відділення.— Док. № 186.

1847 р. травня 18.— Донесення С. В. Перфільєва О. Ф. Орлову про літературну діяльність О. Хомякова, Мельгунова та інших учених слов'янофілів і про намір Ф. В. Чижова видавати в 1848 р. журнал «Русский Вестник».— Док. № 412. Не публ.

1847 р. травня 19.— Повідомлення О. Л. Штігліца Л. В. Дубельту про сплату грошей, заборгованих Ф. В. Чижовим під час закордонної подорожі.— Док. № 262.

1847 р. травня 20.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова з повідомленням наслідків поліцейського нагляду, обшуку та допиту М. А. Рігельмана.— Док. № 172.

1847 р. травня 20. Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про хворобу студента О. В. Марковича, ув'язненого в київській фортеці.— Док. № 106.

1847 р. травня 20.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова з викладом змісту листів В. М. Білозерського і П. О. Чуйкевича, а також повідомленням про стан слідства над кирило-мефодіївцями.— Док. № 240.

1847 р. травня, не пізніше 20.— Протокол допиту М. А. Рігельмана. Док. № 173.

1847 р. травня, не пізніше 21.— Записка О. Ф. Орлова до канцелярії III відділення про наказ Миколи I особисто йому зустрітись з Ф. В. Чижовим.— Док. № 267.

1847 р. травня, не раніше 21.— Доповідь III відділення Миколі I про свідчення Ф. В. Чижова.— Док. № 266.

1847 р. травня 22.— Повідомлення О. Ф. Орлова Д. Г. Бібікову про непричетність Г. П. Галагана до Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 234.

1847 р. травня 23.— Протокол допиту Ф. В. Чижова в III відділенні.— Док. № 264.

1847 р. травня 23.— Розписка Ф. В. Чижова III відділенню про збереження в суворій таємниці його перебування під арештом.— Док. 269.

1847 р. травня 23.— Донесення М. О. Кашинцева Л. В. Дубельту про обід, влаштований на честь С. П. Шевирева московськими вченими і чиновниками в Художньому училищі.— Док. № 422. Не публ.

1847 р. травня, не пізніше 23.— Наказ III відділення Ф. В. Чижову про заборону розповсюджувати слов'янофільські ідеї з вимогою всі твори надсилати на розгляд О. Ф. Орлову замість загальної цензури.— Док. № 268.

1847 р. травня 24.— 1862 р. червня 14.— Документи та листування III відділення з міністром освіти С. С. Уваровим, Д. Г. Бібіковим, начальником корпусу жандармів С. В. Перфільєвим, П. Ф. Буксгевденом та іншими офіційними особами про таємний нагляд за Ф. В. Чижовим, заборону видавати журнал «Русский вестник», про відправку на цензуру в III відділення рукопису «Историческое обозрение шелководства в Киевской губернии», дозвіл на видання газети «День» тощо.— Док. № 270 — 358. Не публ.

1847 р. травня 26.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі I про діяльність слов'янофілів.— Док. № 427.

1847 р. травня 27.— Доповідь III відділення Миколі I про особисті відносини між Ф. В. Чижовим і К. В. Маркевич — дружиною М. А. Маркевича.— Док. № 256.

1847 р. травня 27.— Донесення М. О. Кашинцова Л. В. Дубельту про чутки в Москві щодо арешту кирило-мефодіївців.— Док. № 423.

1847 р. травня 27.— Циркуляр міністра народної освіти попечителю Московського учбового округу про заходи щодо спрямування діяльності слов'янофілів в дусі «офіціальної народності».— Док. № 429.

1847 р. травня 29.— Супровідна записка С. С. Уварова О. Ф. Орлову до копії циркуляра Міністерства народної освіти попечителю Московского учбового округу, а також Петербурзькому, Московському і Київському університетам.— Док. № 428.

1847 р. травня 29.— Лист директора С.-Петербурзького педагогічного інституту І. І. Давидова до професора Московського університету Ф. Л. Морошкіна з позитивною оцінкою циркуляра міністра народної освіти.— Док. № 436.

1847 р. травня, не пізніше 29.— Циркуляр Міністерства народної освіти С.-Петербурському університету про виховання молоді в дусі «офіціальної народності».— Док. № 430.

1847 р. травня, не пізніше 29.— Циркуляр Міністерства народної освіти Харківському університету про запровадження «російських засад» в освіті та усунення будь-яких проявів національного руху на Україні.— Док. № 431.

1847 р. травня, не пізніше 29.— Циркуляр Міністерства народної освіти Київському університету про запровадження «російських засад» у навчанні та усунення впливу польського визвольного руху.— Док. № 432.

1847 р. травня, не раніше 29.— Нотатка III відділення з прізвищами автора листа і його адресата.— Док. 437.

1847 р. травня 30.— Припис О. Ф. Орлова поручику С.-Петербурзького жандармського дивізіону Седаку про відправлення І. Я. Посяди до Казані.— Док. № 23.

1847 р. травня 30.— Відношення О. Ф. Орлова до М. І. Лобачевського з повідомленням про відправлення І. Я. Посяди до Казані.— Док. № 24.

1847 р. травня 30.— Перелік документів про І. Я. Посяду та їх місцезнаходження в справах.— Док. № 25.

1847 р. травня 30.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про О. В. Марковича.— Док. № 108.

1847 р. травня 30.— Відношення О. Ф. Фролова до Д. Г. Бібікова щодо надіслання в III відділення довідки про сестру О. В. Марковича К. І. Керстен.— Док. № 111.

1847 р. травня 30.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про зв'язки М. А. Рігельмана з членами Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 174.

1847 р. травня 30.— Перелік документів про О. М. Петрова, які були передані в 2-гу експедицію III відділення.— Док. № 372.

1847 р. травня 30.— Відношення О Ф. Орлова до міністра фінансів Ф. П. Вронченка з повідомленням про царський наказ підвищити пенсію Є. І. Петровій, матері О. М. Петрова.— Док. № 373.

1847 р. травня 30.— Повідомлення О. Ф. Орлова Є. І. Петровій про підвищення їй пенсії на підставі розпорядження Миколи І.— Док. № 374.

1847 р. травня, не пізніше 30 — 8 червня.— Реєстр речей, складений III відділенням при засланні І. Я. Посяди, і розписка М. І. Лобачевського про прийняття його до Казанського університету.— Док. № 27.

1847 р. травня, не раніше 30.— Довідка III відділення про відсутність доказів щодо приналежності І. Я. Посади до Кирило-Мефодіївського товариства і вирок Миколи І про переведення його до Казанського університету.— Док. № 22.

1847 р. травня 31.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про заслання О. В. Марковича в Орловську губернію.— Док. № 109.

1847 р. травня 31.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про утримання О. В. Марковича в Київській в'язниці до заслання його в Орловську губернію.— Док. № 110.

1847 р. травня 31.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про встановлення суворого таємного нагляду за М. А. Рігельманом.— Док. № 175.

1847 р. травня 31.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про звільнення з-під арешту П. О. Чуйкевича.— Док. № 241.

1847 р. травня 31.— Донесення М. А. Кашинцова Л. В. Дубельту про діяльність цензора московського цензурного комітету І. М. Снєгірьова.— Док. № 424. Не публ.

1847 р. травня 31.— Супровідна записка О. Ф. Орлова до доповіді про діяльність слов'янофілів, надісланої С. С. Уварову.— Док. № 434.

1847 р. травень.— Записки О. М. Петрова III відділенню про позбавлення можливості давати приватні уроки у зв'язку з від'їздом із Києва до Петербурга.— Док. № 370.

1847 р. травень.— Довідка III відділення про появу в пресі статей з слов'янофільськими ідеями і заходи проти їх поширення.— Док. № 414.

1847 р. травень.— Проект доповіді О. Ф. Орлова Миколі І про слов'янофілів.— Док. № 426.

1847 р. травень.— Довідка III відділення про те, що сувору догану цензору І. М. Снегірьову за дозвіл друкувати твори М. І. Костомарова «Украинские баллады» цар дав згоду не оголошувати.— Док. № 433.

1847 р. червня 2.—Відношення С. С. Уварова до О. Ф. Орлова про заходи щодо спрямування діяльності слов'янофілів на користь самодержавства.— Док. № 435.

1847 р. червня 3.— Свідчення О. В. Марковича про його сестру К. І. Керстен.— Док. № 114.

1847 р. червня 3.— Довідка III відділення про П. Я. Сердюкова.— Док. № 188.

1847 р. червня 4.— Припис О. Ф. Орлову штабс-капітану С.-Петербурського жандармського дивізіону Рашкевичу про відправлення О. В. Марковича до м. Орла в розпорядження військового губернатора П. І. Трубецького.— Док. № 117.

1847 р. червня 4.— Відношення О. Ф. Орлова до П. І. Трубецького з повідомленням про заслання О. В. Марковича в Орловську губернію.— Док. № 118.

1847 р. червня 4.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про відправлення О. В. Марковича до м. Орла.— Док. № 119.

1847 р. червня 4.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про відправлення О. В. Марковича до м. Орла.— Док. № 120.

1847 р. червня 4. — Відношення Л. О. Перовського до О. Ф. Орлова з повідомленням про розпорядження, дане ним орловському губернатору щодо О. В. Марковича.— Док. № 121.

1847 р. червня 4.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про К. І. Керстен.— Док. № 124.

1847 р. червня 4.— Донесення М. А. Кашинцова Л. В. Дубельту з таємними відомостями про професора Й. М. Бодянського, князя М. А. Оболенського та ін.— Док. № 425.

1847 р. червня, не пізніше 4.— Довідка III відділення про ставлення О. В. Марковича до рішення відправити його на службу в Орловську губернію.— Док. № 115.

1847 р. червня, не пізніше 4.— Довідка III відділення про відмову надати грошову допомогу О. В. Марковичу.— Док. № 116.

1847 р. червня 5.— Повідомлення О. П. Галахова Л. В. Дубельтові про те, що в Петербурзі прапорщика Хмельницького не знайдено.— Док. № 183.

1847 р. червня 5.— Відношення О. Ф. Орлова до С. С. Уварова про встановлення нагляду за П. Я. Сердюковим.— Док. № 189.

1847 р. червня 6.— Лист К. І. Керстен до Л. В. Дубельта з проханням дозволити її брату О. В. Марковичу переїхати з м. Орла в м. Одесу в зв'язку з хворобою.— Док. № 147.

1847 р. червня 7.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова з проханням повідомити про наслідки таємного розслідування відносно розповсюдження в Києві прокламації «К верным сынам Украины».— Док. № 400.

1847 р. червня 7.— Відношення С. С. Уварова до О. Ф. Орлова про встановлення таємного суворого нагляду за П. Я. Сердюковим.— Док. № 190.

1847 р. червня 10 (22).— Розписка М. І. Савича російській місії в Німеччині про повернення в Росію.— Док. № 64.

1847 р. червня 12.— Відношення Департамента державного казначейства до III відділення з повідомленням про виплату підвищеної пенсії Є. І. Петровій.— Док. № 375.

1847 р. червня 14 (26).— Депеша П. Я. Убрі в Міністерство закордонних справ про повернення М. І. Савича в Росію.— Док. № 63.

1847 р. червня 14 (27).— Виписка з рапорту начальника Кессельської поліції в Міністерство внутрішніх справ Гессен — Кассельського кюрфюрства про поранення М. І. Савича під час спроби самогубства і свідчення лікаря.— Док. № 71.

1847 р. червня 14.— Відношення О. Ф. Орлова до Ф. П. Врончeнка про видачу грошей III відділенню для винагороди К. І. Керстен.— Док. № 126.

1847 р. червня 14.— Відношення Л. В. Дубельта до директора Департаменту державного казначейства О. М. Княжевича щодо надсилки довідки про виплату пенсії Є. І. Петровій.— Док. № 376

1847 р. червня 16.— Відношення О. Ф. Орлова до завідуючого благодійними устано-

вами імператриці Марії Федорівни М. М. Лонгинова про грошову винагороду царем К. І. Керстен.— Док. № 127.

1847 р. червня 17.— Повідомлення О. Ф. Орлова К. І. Керстен про грошову винагороду її Миколою І.— Док. № 128.

1847 р. червня 17.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про те, що не виявлено особу, яка писала і розповсюджувала в м. Києві відозву «К верным сынам Украины».— Док. № 401.

1847 р. червня 18.— Рапорт поручика Седака шефу жандармів про доставлення І. Я. Пасади до Казані.— Док. № 26.

1847 р. червня 18.— Лист Убрі до барона Дернберга з проханням встановити за М. І. Савичем пильний догляд до його видужування.— Док. № 68.

1847 р. червня 19 (1 липня).— Депеша П. Я. Убрі в міністерство закордонних справ Росії з викладом подробиць спроби М. І. Савича покінчити життя самогубством.— Док. № 66.

1847 р. червня 19.— Відношення С. С. Уварова до О. Ф. Орлова про навчання П. Я. Сердюкова, а також прохання звільнити університет від обов'язків нагляду за ним.— Док. № 191.

1847 р. червня 19.— Донесення М. А. Кашинцова Л. В. Дубельту про професорів Московського університету, яких він вважає за слов'янофілів (С. М. Соловйова, Ф. Л. Морошкіна, К. Д. Кавеліна та інших).— Док. № 438. Не публ.

1847 р. червня 19.— Донесення М. А. Кашенцова Л. В. Дубельту про те, що С. Г. Строганов відмовився виконувати циркуляр Міністерства народної освіти відносно слов'янофілів.— Док. № 439.

1847 р. червня 19.— Донесення М. А. Кашинцова Л. В. Дубельту з Москви про діяльність поета М. О. Некрасова, кн. В. Ф. Одоєвського, професора М. І. Надєждіна та ін.— Док. № 440.

1847 р. червня 20.— Відношення Ф. П. Врончєнка до О. Ф. Орлова про асигнування грошей на витрати III відділення.— Док. № 132. Не публ.

1847 р. червня 21.— Донесення М. А. Кашинцова Л. В. Дубельту про видання «Московским обществом истории и древностей российских» книги Г. Д. Зубрицького «Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси».— Док. № 441.

1847 р. червня, не раніше 21.— Висновок III відділення про передмову до книги Д. Зубрицького «Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси».— Док. № 442.

1847 р. червня 24.— Відношення О. Ф. Орлова до петербурського губернатора Д. І. Шульгіна про встановлення суворого таємного нагляду за П. Я. Сердюковим.— Док. № 192.

1847 р. червня 24.— Відношення директора департаменту державного казначейства О. М. Княжевича до Л. В. Дубельта з повідомленням про надіслання запиту Чернігівській казеній палаті відносно нарахування пенсії Є. І. Петровій.— Док. № 377.

1847 р. червня 26.— Відношення Головного казначейства до III відділення про видачу грошей.— Док. № 134. Не публ.

1847 р. червня 27.— Відношення К. В. Нессельрода до О. Ф. Орлова про надіслання копії депеші російського посланника в Німеччині П. Я. Убрі з приводу передачі М. І. Савичу розпорядження повернутися в Росію.— Док. № 62.

1847 р. червня 27.— Лист гессен-кассельського міністра закордонних справ барона Дернберга до П. Я. Убрі з повідомленням про спробу самогубства М. І. Савича і з запитанням, як з ним поводитись.— Док. № 67.

1847 р. червня 27.— Відношення Гессен-Кассельської резиденції поліції Курфюрстського міністерства до міністерства внутрішніх справ з проханням порозумітись з російським консульством у Франкфурті про М. І. Савича.— Док. № 69.

1847 р. червня 27.— Повідомлення лікаря Фідера до Курфюрстської резиденції дирекції поліції про стан здоров'я М. І. Савича.— Док. № 70.

1847 р. червня 28.— Відношення Л. В. Дубельта до Головного казначейства з повідомленням про одержання III відділенням грошей.— Док. № 133. Не публ.

1847 р. червня 28.— Повідомлення III відділення К. І. Керстан про відправку їй 1000 крб., подарованях Миколою І.— Док. № 135.

1847 р. червня 30.— Відношення К. В. Нессельроде до О. Ф. Орлова з повідомленням про неможлявість негайно доставити М. І. Савича з Німеччини в III відділення в зв'язку з пораненням його під час спроби самогубства.— Док. № 65.

1847 р. червень.— Рапорт штабс-капітана Рашкевича О. Ф. Орлову про доставку О. В. Марковича орловському військовому губернатору.— Док. № 130.

1847 р. червень.— Проект запиту III відділення Д. Г. Бібікову про напрямок навчання та політичні ідеї серед викладачів і студентів Київського університету й інших учбових закладів.— Док. № 402.

1847 р. червень.— Пояснення О. М. Петрова відносно виплати пенсії його матері Є. І. Петровій.— Док. № 379.

1847 р. липня 3.— Лист Є. І. Петрової до О. Ф. Орлова з висловленням подяки за повідомлення про підвищення їй пенсії.— Док. № 380.

1847 р. липня 4.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про спробу самогубства М. І. Савича.— Док. № 72.

1847 р. липня 4.— Записка про обвинувачення М. І. Савича, складена III відділенням.— Док. № 73.

1847 р. липня 10.— Записка К. І. Керстен про дворянський рід Керстенових.— Док. № 137.

1847 р. липня 12 (24).— Відношення генерального консула Росії у м. Любеку Шлецера до Кронштадської дирекції поліції про від'їзд в Росію М. І. Савича у супроводі поліцейського чиновника.— Док. № 80.

1847 р. липня 12.— Лист К. І. Керстен до О. Ф. Орлова з проханням прийняти її братів до військового учбового закладу у Петербурзі.— Док. № 136.

1847 р. липня, не раніше 12.— Короткий зміст відношення російського генерального консула в Любеку в кронштадську поліцію про супроводження М. І. Савича поліцейським чиновником Гутері під час його повернення з-за кордону в Росію.— Док. № 81.

1847 р. липня 16.— Рапорт кронштадського поліцмейстера Таубе Л. В. Дубельту про відправку М. І. Савича під вартою в III відділення.— Док. № 78.

1847 р. липня 16.— Квитанція, видана III відділенням приставу кронштадської поліції Шевирьову, про прийняття від нього М. І. Савича, а також його документів та речей.— Док. № 82.

1847 р. липня, не раніше 16.— Перелік книг і документів, вилучених у М. І. Савича під час його арешту.— Док. № 85.

1847 р. липня 18.— Супровідна записка К. В. Нессельроде О. Ф. Орлову до донесення російського генерального консула в м. Любеку про відправку М. І. Савича в Росію через Кронштадт.— Док. № 74.

1847 р. липня 18.— Відношення міністра фінансів Ф. П. Вронченка до О. Ф. Орлова про затримання М. І. Савича в Кронштадській таможні і відправку його до поліцмейстера.— Док. № 77.

1847 р. липня 18.— Донесення кронштадського військового губернатора Ф. Ф. Беллінсгаузена О. Ф. Орлову про затримання М. І. Савича в Кронштадті і відправку його в III відділення.— Док. № 79.

1847 р. липня 18.— Відношення О. Ф. Орлова до кронштадського військового губернатора Ф. Ф. Беллінсгаузена з повідомленням про доставку в III відділення М. І. Савича.— Док. № 83.

1847 р. липня 18.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про доставку М. І. Савича в III відділення та про його політичні погляди.— Док. № 86.

1847 р. липня, не раніше 18.— Опис речей М. І. Савича.— Док. № 76.

1847 р. липня 23.— Відношення О. М. Княжевича до Л. В. Дубельта з повідомленням про виплату пенсії Є. І. Петровій.— Док. № 378.

1847 р. липня 26.— Відношення О. Ф. Орлова до В. Ф. Адлерберга про зарахування за наказом царя до військово-учбових закладів двох братів К. І. Керстен.— Док. № 138.

1847 р. липня 26.— Донесення М. А. Кашницова Л. В. Дубельту про зміст статей в журналі «Москвитянин» № 1 за 1847 р.— Док. № 443. Не публ.

1847 р. серпня 11.— Повідомлення начальника I округу корпусу жандармів Д. П. Полозова О. Ф. Орлову про встановлення таємного нагляду за П. Я. Сердюковим.— Док. № 193.

1847 р. серпня 15.— Відношення О. Ф. Орлова до петербурзького губернатора Д. І. Шульгіна про зняття таємного нагляду за П. Я. Сердюковим.— Док. № 194.

1847 р. серпня 15.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. П. Полозова про припинення таємного нагляду за П. Я. Сердюковим.— Док. № 195.

1847 р. серпня 15.— Відношення О. Ф. Орлова до С. С. Уварова про припинення таємного нагляду за П. Я. Сердюковим.— Док. № 196.

1847 р. серпня 17.— Лист К. І. Керстен до Л. В. Дубельта з повідомленням про одержання грошей, подарованих їй царем.— Док. № 139.

1847 р. вересня 17.— Відношення інспектора військових учбових закладів П. К. Притвица до Л. В. Дубельта з повідомленням можливих умов зарахування братів К. І. Керстен до військово-учбових закладів.— Док. № 140.

1847 р. вересня 4.— Лист Є. І. Петрової до О. Ф. Орлова з проханням відновити виплату їй пенсії.— Док. № 389.

1847 р. вересня 19.— Повідомлення Л. В. Дубельта К. І. Керстен про згоду прийняти її братів до військово-учбових закладів.— Док. № 141.

1847 р. жовтня 12.— Лист К. І. Керстен Л. В. Дубельту про її згоду віддати братів до запасного відділення Олександрінського кадетського корпусу.— Док. № 142.

1847 р. жовтня 12.— Лист К. І. Керстен до О. Ф. Орлова з подякою за прийняття її братів до військово-учбового закладу Петербурга.— Док. № 144.

1847 р. жовтня 31.— Відношення Л. В. Дубельта до генерал-інспектора М. І. Корфа с повідомленням прохання К. І. Керстен прийняти її братів до Олександрівського кадетського корпусу.— Док. № 143.

1847 р. жовтень.— Лист О. М. Петрова до Л. В. Дубельта про свій матеріальний стан.— Док. № 381.

1847 р. жовтень.— Відомість окладів жалування чиновникам міністерств.— Док. № 382.

1847 р. жовтень.— Довідка III відділення про матеріальне забезпечення О. М. Петрова.— Док. № 383.

1847 р. листопада 10.— Лист петербурзького купця М. Захарова до Л. В. Дубельта про невиплату О. М. Петровим боргу за продовольчі товари та вино.— Док. № 384.

1847 р. грудня 24.— Відношення військового міністра О. І. Чернишова до О. Ф. Орлова з повідомленням про прийняття братів К. І. Керстен до запасного відділення Олександрівського кадетського корпусу.— Док. № 145.

1847 р. грудня 24.— Повідомлення С. М. Муханова Л. В. Дубельту про те, що в м. Харкові прапорщика Хмельницького не виявлено.— Док. № 197.

1847 р. грудня 29.— Повідомлення О. Ф. Орлова К. І. Керстен про зарахування її братів до запасного відділення Олександрівського кадетського корпусу.— Док. № 146.

(1847 р.).— Записка М. І. Савича про емансипацію жінок, а також злиття філософій та релігій.— Док. № 84.

1848

1848 р. лютого 27.— Повідомлення С. С. Уварова О. Ф. Орлову про закінчення І. Я. Посядою Казанського університету і його поведінку під час навчання.— Док. № 36.

1848 р. травня 17.— Відношення С. С. Уварова О. Ф. Орлову з повідомленням про поведінку І. Я. Посяди під час навчання в Казанському університеті.— Док. № 30.

1848 р. червня 1.— Свідоцтво про стан здоров'я О. В. Марковича, видано лікарем П. І. Молчановим.— Док. № 155.

1848 р. червня 6.— Лист К. І. Керстен до О. Ф. Орлова з проханням перевести її брата О. В. Марковича з м. Орла в м. Одесу за станом здоров'я.— Док. № 148.

1848 р. червня 21.— Довідка III відділення про О. В. Марковича.— Док. № 149.

1848 р. червня 21.— Донесення П. І. Трубецького Л. О. Перовському про бажання О. В. Марковича переїхати до м. Одеси.— Док. № 154.

1848 р. червня 23.— Відношення О. Ф. Орлова до П. І. Трубецького про надіслання відомостей про поведінку і службу О. В. Марковича.— Док. № 150.

1848 р. червня 23.— Лист О. В. Марковича до Л. В. Дубельта з проханням дозволити йому переїхати в м. Одесу за станом здоров'я.— Док. № 151.

1848 р. липня 8.— Відношення П. І. Трубецького до III відділення з повідомленням своєї згоди на переїзд О. В. Марковича в м. Одесу.— Док. № 152.

1848 р. серпня 23.— Указ Чернігівської казенної палати стародубському повітовому казначею про зменшення пенсії С. І. Петровій.— Док. № 386.

1848 р. серпня 31.— Лист Є. І. Петрової до О. М. Петрова про тяжкий матеріальний стан сім'ї у зв'язку із зменшенням пенсії.— Док. № 387.

1848 р. вересня 1.— Відношення Л. О. Перовського до О. Ф. Орлова про клопотання О. В. Марковича за переїзд в м. Одесу на службу та для лікування.— Док. № 153.

1848 р. вересня 8.— Повідомлення Л. В. Дубельта К. І. Керстен про передчасність клопотання перед Миколою І щодо переміщення О. В. Марковича на службу в одне з південних приморських міст.— Док. № 156.

1848 р. вересня, не пізніше 10.— Записка III відділення про законні причини зменшення пенсії Є. І. Петровій.— Док. № 388.

1848 р. жовтня 4.— Лист Є. І. Петрової до Л. В. Дубельта з проханням порушити клопотання перед О. Ф. Орловим про відновлення виплати їй пенсії.— Док. № 390.

1848 р. жовтня 16.— Записка і пропозиції Л. В. Дубельта О. Ф. Орлову з приводу виплати пенсії Є. І. Петровій.— Док. № 391.

1848 р. жовтня [?].— Лист К. І. Керстен до Л. В. Дубельта з вдячністю за повідомлення.— Док. № 157.

1848 р.— Записка О. М. Петрова Л. В. Дубельту з повідомленням про припинення виплати пенсії його матері і проханням про заступництво.— Док. № 385.

1849

1849 р. січня 7.— Доповідна записка П. І. Трубецького III відділенню про клопотання О. В. Марковича переїхати до м. Одеси.— Док. № 158.

1849 р. лютого 8.— Лист І. Я. Пасяди до П. Ф. Львова з проханням дозволити відвідати батька.— Док. № 34.

1849 р. лютого 10.— Відношення попечителя Казанського учбового округу В. Н. Молоствова О. Ф. Орлову з повідомленням про закінчення І. Я. Пасядою Казанського університету.— Док. № 31.

1849 р. лютого 12.— Повідомлення начальника 7-го округу корпусу жандармів П. Ф. Львова О. Ф. Орлову про те, що І. Я. Пасяда просить дозволу відвідати батька в Полтавській губернії.— Док. № 33.

1849 р. лютого 23.— Відношення О. Ф. Орлова до міністра внутрішніх справ Л. О. Перовського про призначення І. Я. Посади на службу під наглядом в одну з великоросійських губерній.— Док. № 32.

1849 р. лютого 24.— Лист П. Л. Ашаніна до О. Ф. Орлова з проханням дозволити виплати зерном податкову заборгованість.— Док. № 242.

1849 р. лютого 24.— Лист П. Л. Ашаніна до Л. В. Дубельта з проханням сплатити зерном податкову заборгованість та відмова III відділення.— Док. № 243—247. Не публ.

1849 р. лютого 25.— Повідомлення О. Ф. Орлова П. Ф. Львову про відмову І. Я. Пасяді у просьбі відвідати батька.— Док. № 35.

1849 р. лютого, не раніше 27.— Довідки III відділення про І. Я. Пасяду.— Док. № 37.

1849 р. березня 1.— Відношення Л. О. Перовського О. Ф. Орлову з повідомленням про призначення І. Я. Пасяди на службу в Рязанську губернію.— Док. № 42.

1849 р. березня 2.— Доповіді О. Ф. Орлова Миколі І про справу І. Я. Посяди і його прохання відвідати батька.— Док. № 38.

1849 р. березня 4.— Розпорядження О. Ф. Орлова П. Ф. Львову повідомити І. Я. Пасяді про дозвіл йому відвідати батька.— Док. № 39.

1849 р. березня 4.— Відношенни О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про встановленнн таємного нагляду за І. Я. Пасядою від час його перебування в Полтавській губернії.— Док. № 40.

1849 р. березня 4.— Розпорядженнн О. Ф. Орлова начальнику 5-го округу корпуса жандармів О. А. Шнелю про встановлення таємного нагляду за І. Я. Пасядою в Полтавській губернії.— Док. № 41.

1849 р. березня 7.— Розпорядження О. Ф. Орлова П. Ф. Львову повідомяти І. Я. Пасяді про призиачення його на службу в Рязанську губернію.— Док. № 43.

1849 р. березня 7.— Розпорядження О. Ф. Орлова начальнику 2-го округу корпусу жандармів С. В. Перфільєву про встановлення таємного нагляду за І. Я. Пасядою в Рязанській губернії.— Док. № 44.

1849 р. березня 12.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про можлнвість погашення П. Л. Ашаніним казенної заборгованості хлібом.— Док. № 244.

1849 р. травня 12.— Повідомлення С. С. Уварова О. Ф. Орлову про відправку І. Я. Пасяди на службу в Рязанську губернію.— Док. № 45.

1849 р. червня 28.— Відношення Л. О. Перовського О. Ф. Орлову про призначення І. Я. Пасяди чяновником Рязанської губернської канцелярії.— Док. № 46.

1850

1850 р. січня 22.— Лист К. І. Керстен до О. Ф. Орлова з проханням перевести О. В. Марковича до м. Одеси за станом здоров'я.— Док. № 159.

1880 р. лютого 19.— Довідка III відділення про О. В. Марковнча.— Док. № 160.

1850 р. лютого 22.— Відношення О. Ф. Орлова до орловського губернатора С. М. Муханова про надіслаиня в III відділення характеристики на О. В. Марковича.— Док. № 161.

1850 р. квітня, не пізніше 17.— Повідомлення жандармського офіцера І. Сльозкіна Л. В. Дубельту про нагляд за О. В. Марковнчем і стан його здоров'я.— Док. № 163.

1850 р. квітня 18.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про О. В. Марковнча.— Док. № 164.

1850 р. квітня 19.— Повідомлення О. Ф. Орлова К. І. Керстен про дозвіл О. В. Марковячу залишити місце заслання і вступити на службу за його бажанням.— Док. № 165.

1850 р. квітня 19.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про дозвіл О. В. Марковичу за порукою сестри К. І. Керстен залишити м. Орел і обрати собі місце проживання і службу.— Док. № 166.

1850 р. травня 31.— Розписка К. І. Керстен, видана полтавському губернатору в тому, що вона бере О. В. Марковича на поруки.— Док. № 168.

1850 р. липня 25.— Лист Л. О. Перовського до О. Ф. Орлова про звільнення в 4-місячну відпустку О. В. Марковича в Чернігівську і Полтавську губернії.— Док. № 167.

1850 р. серпня 10.— Лист К. І. Керстен до О. Ф. Орлова з подякою за дозвіл її брату О. В. Марковичу самому обрати місце служби.— Док. № 169.

1850 р. серпня 22.— Довідка III відділення про дозвіл на вільне проживання О. В. Марковича.— Док. № 170.

1850 р. серпня 31.— Відношення С. М. Муханова до III відділення про поведінку О. В. Марковича та поганий стан його здоров'я.— Док. № 162.

1850 р. листопад.— Довідка III відділення про дозвіл І. Я. Пасяді за власним бажанням обрати місце служби і продовження нагляду.— Док. № 47.

1850 р.— Довідка III відділення про звільнення М. А. Рігельмана від таємного нагляду.— Док. № 180.

1851

1851 р. травня 30.— Відношення міністра народної освіти П. О. Ширинського-Шихматова до О. Ф. Орлова з проханням дозволити М. А. Рігельману виїхати до Німеччини і Франції для лікування.— Док. № 177.

1851 р. червня 5.— Довідка III відділенни про М. А. Рігельмана.— Док. № 178.

1851 р. червня 7.— Відношення О. Ф. Орлова до П. О. Ширинського-Шихматова про заборону М. А. Рігельману виїхати за кордон.— Док. № 179.

1851 р. листопада 20.— Лист І. Я. Пасяди до О. Ф Орлова з проханням дозволити йому служити в Петербурзі.— Док. № 48.

1851 р. листопада 30.— Повідомлення Л. В. Дубельта І. Я. Пасяді про відмову прийняти його на службу в III відділення.— Док № 49.

1851 р. грудня 28.— Лист І. Я. Пасяди до Л. В. Дубельта з проханним допомогти йому влаштуватись на службу.— Док. № 50.

1852

1852 р. лютого 13.— Доповідна записка рязанського цивільного губернатора П. П. Новосильцева III відділенню з проханням звільнити І. Я. Пасяду під поліційного нагляду.— Док. № 51.

1852 р. лютого 16.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І з клопотанням про звільнеиня І. Я. Пасяди від поліційного нагляду.— Док. № 52.

1852 р. березня 18.— Відношення О. Ф. Орлова до П. П. Новоснльцева з повідомленням про звільнення І. Я. Пасяди від поліцейського нагляду.— Док. № 53.

1852 р. березня 18.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського з повідомленням про звільнення І. Я. Пасяди від поліцейського нагляду.— Док. № 54.

1852 р. березня 18.— Лист І. Я. Пасяди до Л. В. Дубельта з проханням допомогти йому влаштуватися на службу в Петербурзі.— Док. № 55.

1854

1885 р. січня 8.— Записка Л. В. Дубельта про передачу всіх відомостей щодо слов'янофілів до товариша міністра народної освіти.— Док. № 444. Не публ.

1854 р. січня 18.— Супровідний лист Л. В. Дубельта до записки про слов'янофілів, надісланий управителю міністерства народної освіти.— Док. № 446.

1854 р. січня, не пізніше 18.— Довідка III відділення про слов'янофільство в Росії і діяльність учасників Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 445.

УМОВНІ СКОРОЧЕННЯ

Українською мовою:

арк.— аркуш
вид.— видання
вид-во — видавництво
в. й. і. в. канцелярія — власна його імператорської величності канцелярія
в. о.— виконуючий обов'язки
гр.— граф
губ.— губернія
див.— дивясь
док.— документ
крб.— карбованець
кн.— князь
коп.— копійка
м.— місто
МВС — міністерство внутрішніх справ
опубл.— опубліковано
прим.— примітка
р., рр.— рік, роки
р.— ріка
с.— село
ч.— частина
ф.— фонд

Російською мовою:

в., вв.— век, века
вр. и. д.— временно исполняющий должность
вр. и. о.— временно исполняющий обязанности
г., гг.— год, года
г.— город
г-жа — госпожа
г-н — господин
гр.— граф, графиня
губ.— губерния
док.— документ
и. в.— императорское величество
е. и. в. канцелярия — его императорского величества канцелярия
и. д.— исполняющий должность
кн. (перед фамилией) — князь
коп.— копейка
л., лл.— лист, листы
проф.— профессор
пр., проч.— прочее
руб.— рубль
с.— село
св.— святой
с. г.— сего года
с. е. и. в. канцелярия — собственная его императорского величества канцелярия
С. е. в. канцелярия — собственная его величества канцелярия
ср.— сравни
стр.— страница
т. е.— то есть
тыс.— тысяча
ул.— улица
ч.— часть

Іноземними мовами

a. c.— anni currentis
ad. ann.— ad annum
ann.— anno, annum
ap.— appendix
arg.— argumentum
Art.— Artikel
att.— attique
ausg.— ausgegeben
Bd.— Band
broch.— brochure
c.— cum
cap., c.— caput
cav.— cavaliere
chr.— chronica
c[t] — comte
d.— der, die, das
d. 2 — deserlbe, dieselbe, dasselbe
d.— dies
d., d[c], dto — dito, detto
D., Dr.— Doctor, Doktor
de part. San.— de parte Sancta
Dec.— December
derz.— derzeitig
Dipart.— dipartimento
Dir. Gen.— direttore generale
dor.— dorique
ed.— editio, edidit
Em.— Eminenz, Euer
engl.— englisch
eod.— eoden
eol.— eolien
epist.— epistula
etc.— et cetera
Ex.— Exzellenz, Euer
f° — folium
franzos.— franzosisch
g.— genannt
germ.— german
gez.— gezeichnet
Gt.— gouvernement
H., He.— Herr
h. a.— hoc anno
h. v.— his verbis
hannov.— hannoverisch
Hochw.— Hochwurden, Euer
inf.— inferior
ion.— ionien
ital.— italienisch
jur.— juridisch

Kais.— Kaiserlich
K. K. Pol.— Kaiserlich — Konigliche Polizeikommisariat
Konigl.— Koniglich
L. S.— locus sigilli
lib., libr. l.— libri
litter.— litterature
m.— mensis
M—r, M^r, mr.— monsieur
n., Nro.— numero
Nar.— narratio
not.— nota
np.— na przyklad
Nr.— Nummer
p.— pagina
P.— Preis
p. ead.— pagina eadem
P. S.— post scriptum
p. v.— pagina voluminis
Pol.— polizia
preuss.— preussisch
Q. F. F. Q. S.— Quod felix faustumque siet
r.— rok
R. d. d. M.— Reichsregierung
rel.— relie
russ.— russisch
s.— seu
s. d.— sans date
S. Exc., S. Ex.— Son Excellence
S. M.— santa Maria
s. s. s.— stratum super stratum
S., St.— sanctus, saint, sankt
Sekret. — Sekretar
Souv. de l'Eur. Or.— «Souvenirs del pe Orientale»
sqn., sq.— sequentes
S^r — seigneur
Stud.— Student
tit.— titulus, tituli
v.— volumen
v.— von
V. E.— Votre Excellence
v. J.— von Jahre
v., vit.— vita
w. p.— w prowadzeniu

ЗМІСТ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Академия наук Украинской ССР
Археографическая комиссия
Институт истории
Центральный государственный
исторический архив в г. Киеве

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 3

Составители
ФРАНКО Оксана Емельяновна (главный составитель),
БУТЫЧ Мария Ивановна,
ГЛЫЗЬ Иван Иванович

Редакционная коллегия
П. С. СОХАНЬ (главный редактор) и др.

Киев, издательство «Наукова думка», 1990
На украинском языке

Оформлення художника *Е. І. Муштенка*
Художній редактор *С. П. Квітка*
Технічні редактори *Б. М. Кричевська,*
Г. М. Ковальова, В. А. Краснова
Коректори *Л.М. Регета, Л. П. Рябцева*

ІБ № 11121

Здано до набору 02.04.90 Підп. до друку 13.11.90.
Формат 70×100/16. Папір друк. № 1. Вис. друк. Літ. гарн.
Ум. друк. арк. 35.75. Ум. фарбо-відб. 51.35. Обл.-вид. арк. 35,1.
Тираж 3000 пр. Зам. 0—1188. Ціна 8 крб.

Видавництво «Наукова думка».
252601, Київ 4, вул. Репіна, 3.

Головне підприємство республіканського
виробничого об'єднання «Поліграфкнига»,
252057, Київ, вул. Довженка, 3.

Кирило-Мефодіївське товариство:
К 43 У 3 т./ АН УРСР. Археогр. комісія та ін.; упоряд. М. І. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко; редкол.: П. С. Сохань (голов. ред.) та ін. — К.: Наук. думка, 1990.— ISBN 5-12-001223-Х
Т. 3. — 1990. — 440 с. — Покажч. с. 407—417.
ISBN 5-12-001222-1 (в опр.): 8 крб. 3000 пр.
Кирилло-Мефодиевское общество. Т. 3.

До третього тому включені слідчі справи І. Я. Посяди, М. І. Савича, О. В. Марковича, М. О. Рігельмана, О. Д. Тулуба та інших, а також журнал слідства.

Для істориків, філософів, викладачів та студентів вузів, всіх, хто цікавиться історією українського та інших слов'янських народів.

К $\frac{0503020200\text{-}448}{М 221(04)\text{-}90}$ 48-90

ББК 63.3(2)47

Помічені помилки на сторінках наукового видання «Кирило-Мефодіївське товариство». т 1

Стор.	Рядок	Написано	Треба читати
7	4-й знизу	на рішучіше	найрішучіше
9	1-й зверху	М. В. Білозерський	В. М. Білозерський
13	26-й зверху	походження, дуже вартні	походження, вони дуже вартні
13	30-й зверху	Білозерський	Білозерський),
13	10-й знизу	радість і подив	радість і подив —
14	6-й зверху	подохочений ідеєю помогти	підохочений єзуїтськими порадами субінспектора Троцького, підхоплений ідеєю *помогти* (слово *помогти* — курсивом)
14	16-й зверху	традицій українських і новіших з ідеями слов'янського і	традицій українських, старших і новіших з ідеями слов'янського відродження, національних і народолюбних змагань з ідеями духовного і
21	2-й зверху	Д. Г. Бібікова	Д. Г. Бібікова [1]
22	21-й зверху	разрешить мне	разрешить меня
112	19-й знизу	*Χρεωφεπλετus*	*Χρεωφεcλετus*
112	20-й знизу	Ульфила	Ульфила (Вульфила, 311—383, готський єпископ)
151	15-й знизу	хурутанами	хорутанами
207	15-й знизу	Martin [550]	Martin [559]
218	1-й зверху	№ 277	277—279
474	прим. 82	Шевченківський словник... Т. 1	Шевченківський словник... Т. 2
480	прим. 89	Гаєк	Гаєк — див. прим. 111
482	прим. 170	Гельмольд	Гельмольд — див. С. 114 18-й рядок знизу
490	прим. 432		Див. С. 97, 15-й рядок знизу
493	прим. 561	Грімм	Грімм (Anton Joachim, 1792—1846) — професор латинської словесності Спб. педагогічного інституту

Помічені помилки на сторінках наукового видання «Кирило-Мефодіївське товариство», т. 2

Стор.	Рядок	Написано	Треба читати
4	1-й знизу	ЦІДІА УРСР	ЦДІА УРСР
4	7-й знизу	Затверждено	Затверджено
5	1-й зверху	Кирило-мефодіївське	Кирило-Мефодіївське
82	1-й знизу	1907	190
105	9-й знизу	3 августа	31 августа
356	16-й знизу	1859	1858
529	18-й знизу	1949	1849
533	1-й знизу	архіві літератури УРСР	архіві Державного музею літератури УРСР
650	коментар 150	«Союз польського народу»	«Співдружність польського народу»

Електронну версію книги створено

кафедрою історії України

Інституту історичної освіти

НПУ імені М.П.Драгоманова